Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 2 Юбилейный номер 2022 Февраль

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия);
Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР); А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2022
© Институт государства и права РАН, 2022
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2022

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 2 Anniversary issue 2022 February

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; I.V. Ershova, Doctor of Law; V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy;
S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Institute of State and Law of the RAS, 2022
© Editorial Board of "State and Law", 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2022

Нам – 95 лет
М.И. Клеандров, Н.В. Кроткова 7

* * *

Свобода научного творчества
В.Н. Кудрявцев 28

Роль государства в развитии науки и инновационной деятельности
А.Г. Светланов 37

О фундаментальной науке права и некоторых ее направлениях
М.И. Клеандров 44

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Нам нужна новая Конституция»
Интервью главного редактора журнала А.И. Ковлера с А.И. Лукьяновым, Председателем Комитета Государственной Думы по законодательству и судебной реформе 57

Беседа с действительным членом Российской академии наук, ректором Московской государственной юридической академии О.Е. Кутафиным 63

Российская Конституция и эволюция федеративных отношений
Т.Я. Хабриева 66

Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества
В.Д. Зорькин 77

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Интервью Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, проф., доктора юрид. наук В.А. Туманова журналу «Государство и право» 89

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук М.В. Баглай отвечает на вопросы журнала «Государство и право» 93

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Методологические функции философии права
Д.А. Керимов 96

Глобальный кризис современности как предмет философии права
А.Н. Савенков 103

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Институционализация социологии уголовного права в истории и теории юридической науки
В.И. Жуков, Д.А. Савенков 118

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА

Судебная этика, ее предмет и сущность
М.С. Строгович 140

Генеральный прокурор Российской Федерации отвечает на вопросы журнала «Государство и право» 149

Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В.Ф. Яковлев отвечает на вопросы журнала «Государство и право» 154

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Сравнительное правоведение в системе юриспруденции
В.С. Нерсесянц 162

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Несколько мыслей о нашей юридической науке
С.С. Алексеев 175

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Личность и государство: взаимная ответственность
В.М. Чхиквадзе 180

Совершенствование деятельности государства – необходимое условие обеспечения прав человека
Е.А. Лукашева 187

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Совершенствование гражданского законодательства
Ю.К. Толстой 194

Некоторые проблемы предпринимательского (хозяйственного) права
В.В. Лаптев 200

Притворные сделки в отечественном праве: история и современность
А.В. Габов 211

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Концепция экологической безопасности (юридический аспект)
О.С. Колбасов 227

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Защита банковской деятельности: уголовно-правовой аспект
Г.А. Тосунян 235

К НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Об учебной дисциплине «Прокурорский надзор в СССР»
С.А. Голунский 243

Правовая реформа и развитие высшего юридического образования в России
Б.Н. Топорнин 249

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Закон о защите мира
А.Н. Трайнин 265

Об общепризнанных нормах международного права
Е.А. Коровин 273

НЕНАУЧНАЯ СТРАНИЧКА

Из воспоминаний Г.Х. Шахназарова 279

CONTENTS

Number 2, 2022

We are 95 years old
M.I. Kleandrov, N.V. Krotkova 7

* * *

Freedom of scientific creativity
V.N. Kudryavtsev 28
The role of the state in the development of science and innovation
A.G. Svetlanov 37
On the fundamental science of law and some of its directions
M.I. Kleandrov 44

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

"We need a new Constitution"
Interview of the Editor-in-Chief of the journal A.I. Kovler with A.I. Lukyanov, Chairman of the State Duma Committee on Legislation and Judicial Reform 57
Interview with O.E. Kutafin, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Rector of the Moscow State Law Academy 63
The Russian Constitution and the evolution of federal relations
T. Ya. Khabrieva 66
The Constitution of the Russian Federation is the legal basis for the integration of Russian society
V.D. Zorkin 77

CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Interview of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor, Doctor of Law V.A. Tumanov to the journal "State and Law" 89
Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences M.V. Baglay answers the questions of the journal "State and Law" 93

PHILOSOPHY OF LAW

Methodological functions of the Philosophy of Law
D.A. Kerimov 96
The global crisis of modernity as a subject of the Philosophy of Law
A.N. Savenkov 103

SOCIOLOGY OF LAW

Institutionalization of Sociology of Criminal Law in the history and theory of legal science
V.I. Zhukov, D.A. Savenkov 118

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR

Judicial ethics, its subject and essence
M.S. Strogovich 140
The Prosecutor General of the Russian Federation answers the questions of the journal "State and Law" 149
Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor V.F. Yakovlev answers the questions of the journal "State and Law" 154

COMPARATIVE LAW

Comparative Law in the system of jurisprudence
V.S. Nersesyants 162

DISCUSSIONS AND DEBATES

A few thoughts about our legal science
S.S. Alekseev 175

RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

Personality and the State: mutual responsibility
V.M. Chkhikvadze 180
Improvement of the State's activities is a necessary condition for ensuring human rights
E.A. Lukasheva 187

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Improvement of civil legislation
Yu.K. Tolstoy 194
Some problems of Entrepreneurial (Economic) Law
V.V. Laptev 200
Fake transactions in Russian law: history and modernity
A.V. Gabov 211

ENVIRONMENTAL LAW

The concept of environmental safety (legal aspect)
O.S. Kolbasov 227

BUDGET, TAXES, BANKS

Protection of banking activity: the criminal-legal aspect
G.A. Tosunyan 235

TOWARDS A NEW CONCEPT OF LEGAL EDUCATION

About the academic discipline "Prosecutor's supervision in the USSR"
S.A. Golunsky 243
Legal reform and development of higher legal education in Russia
B.N. Topornin 249

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The Law on the Protection of Peace
A.N. Trainin 265
On generally recognized norms of International Law
E.A. Korovin 273

UNSCIENTIFIC PAGE

From the memoirs of G. Kh. Shakhnazarov 279

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 7–27
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 7–27

НАМ – 95 ЛЕТ

© 2022 г. М. И. Клеандров*, Н. В. Кроткова**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: mkleandrov@igpran.ru*
***E-mail: krotkova2012@yandex.ru*

Поступила в редакцию 24.01.2022 г.

Аннотация. Авторы в настоящей статье, посвященной 95-летию журнала «Государство и право» РАН, показали историю становления и развития Журнала – от «Революции права» до сегодняшнего издания «Государство и право». Даны портретные зарисовки ученых, возглавлявших Журнал в разные периоды истории нашей страны. Приведена также краткая справка об Институте государства и права РАН (соучредителе Журнала) за прошедший пятилетний период.

Ключевые слова: журнал «Государство и право», юбилей, Институт государства и права Российской академии наук, ученые.

Цитирование: *Клеандров М.И., Кроткова Н.В.* Нам – 95 лет // Государство и право. 2022. № 2. С. 7–27.

DOI: 10.31857/S102694520018751-7

WE ARE 95 YEARS OLD

© 2022 M. I. Kleandrov*, N. V. Krotkova**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: mkleandrov@igpran.ru*
***E-mail: krotkova2012@yandex.ru*

Received 24.01.2022

Abstract. In this article dedicated to the 95th anniversary of the journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences, the authors showed the history of the formation and development of the Journal – from the "Revolution of Law" to the current edition of "State and Law". Portrait sketches of scientists who headed the Journal in different periods of the history of our country are given. A brief summary of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (co-founders of the Journal) for the past five years is also provided.

Key words: journal “State and Law”, jubilee, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, scientists.

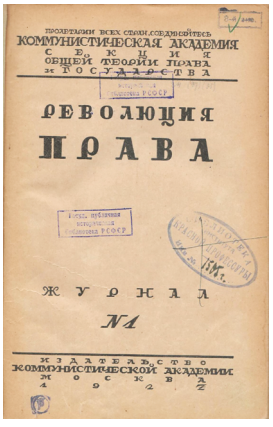
For citation: *Kleandrov, M.I., Krotkova, N.V. (2022).* We are 95 years old // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 7–27.

Почему «Нам...», а не «Журналу...»? Потому что Журнал – это в первую очередь люди, а не сброшюрованный набор отпечатанных листов. Это в настоящее время: его учредители (Российская академия наук и Институт государства и права РАН); его Редакционный совет (председатель коего – член-корр. РАН А.Н. Савенков), образно выражаясь юридическим языком – законодательная власть, призванная определять редакционную политику Журнала; его Редколлегия (главный редактор – член-корр. РАН М.И. Клеандров и заместитель главного редактора – канд. юрид. наук Н.В. Кроткова); его научные редакторы – профессионалы высокого уровня; его исполнитель по выигрываемому контракту – ООО «Интеграция: Образование и Наука»; его многочисленные авторы – специалисты в самых различных областях юридической науки; наконец, наши читатели – спасибо им, иначе зачем вообще нужен был бы наш Журнал?

Несмотря на почтенный (по сравнению со всеми иными российскими правовыми журналами) возраст, Журнал, ныне именуемый «Государство и право», находится на взлете – по всем доступным параметрам оценки его результативности и эффективности.

Ниже представлены страницы 95-летней истории журнала «Государство и право».

* * *



В 1926 г. на заседании Бюро Президиума Коммунистической академии (протокол № 10) среди многих вопросов, стоявших на повестке дня, обсуждался и вопрос «о разрешении Секции права на издание журнала “Революция права”»[1]. Такое разрешение было получено, и в ***феврале 1927 г.*** вышел первый номер журнала ***«Революция права»*** – периодического печатного органа Секции общей теории права и государства Коммунистической академии[2]. Появление нового журнала стало важным событием в научной жизни советской юридической науки.

За время своего существования Журнал не раз менял свое наименование. С ***1930 г.*** он стал носить название ***«Советское государство и революция права»***, с ***1932 г. – «Советское государство»***, с ***1939 г. – «Советское государство и право»***, а с середины ***1992 г. – «Государство и право»***.

Но, несмотря на неоднократные переименования Журнала, одно оставалось неизменным – он все время являлся печатным органом Института государства и права. Впрочем, такое наименование Институт также получил не сразу после своего создания, более того – он не сразу стал академическим. Первоначально, при его создании в 1925 г., в качестве специализированного Института советского строительства он входил в систему Коммунистической академии, при этом в 1930 г. в его состав влился Институт права Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. И лишь в 1936 г. Институт советского строительства и права Коммунистической академии был передан в ведение Академии наук СССР и реорганизован в Институт государственного права АН СССР, а в 1938 г. – переименован в Институт права АН СССР. В 1960 г. стал Институтом государства и права АН СССР, так и именовался до 1991 г., а с 1991 г. по настоящее время он – Институт государства и права РАН. Директорами же Института были выдающиеся ученые: в 1925–1928 гг. – С.Е. Косиор, в 1928–1931 гг. – Л.М. Каганович, в 1931–1937 гг. – Е.Б. Пашуканис, в 1937–1941 гг. – акад. А.Я. Вышинский (кстати, с 1954 по 1964 г. Институт носил его имя), в 1942–1947 гг. – акад. И.П. Трайнин, в 1948–1952 гг. – член-корр. Е.А. Коровин, в 1952–1958 гг. – член-корр. П.Е. Орловский, в 1958–1964 гг. – член-корр. П.С. Ромашин, в 1964–1973 гг. – член-корр. В.М. Чхиквадзе, в 1973–1989 гг. – акад. В.Н. Кудрявцев, в 1989–2004 гг. – акад. Б.Н. Топорнин, в 2004–2017 гг. – акад. А.Г. Лисицын-Светланов, с 2017 г. по настоящее время – член-корр. А.Н. Савенков.

Все директора Института, без исключения, уделяли и продолжают уделять серьезное внимание Журналу, оказывая ее редакции существенную и всестороннюю помощь, в т.ч. в организационном и кадровом вопросах. Благодаря чему возглавляли Журнал достойные ученые.

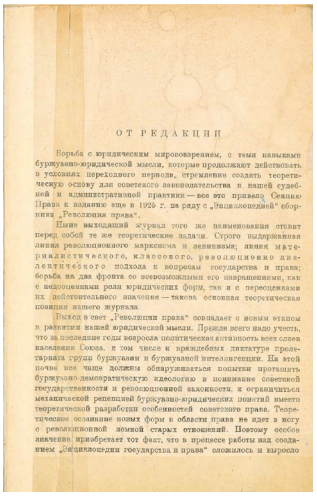
[1] См.: АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 50.

[2] Создана в январе 1923 г. Е.Б. Пашуканисом и П.И. Стучкой.

* * *

С ***1927*** по ***1930 г.*** ответственный редактор журнала – ***Петр Иванович Стучка*** (1865–1932)[3]. П.И. Стучка – автор значительного числа работ по вопросам теории государства и права и гражданского права. Хотя в его теоретических положениях содержался ряд неточностей, подвергавшихся критике в современной юридической литературе, он один из первых советских юристов, критиковавших с марксистских позиций буржуазную юридическую науку, утверждавших революционную роль советского права в борьбе за построение социализма. Под его руководством в 1925–1927 гг. была издана «Энциклопедия государства и права» (т. 1–3); 2-е изд. – в 1929–1930 гг.

В состав редколлегии журнала «Революция права» помимо П.И. Стучки вошли ***В.В. Адоратский***[4], ***Г.С. Гурвич***[5], ***Е.Б. Пашуканис***, ***И.П. Разумовский***[6], ***А.Я. Эстрин***[7].

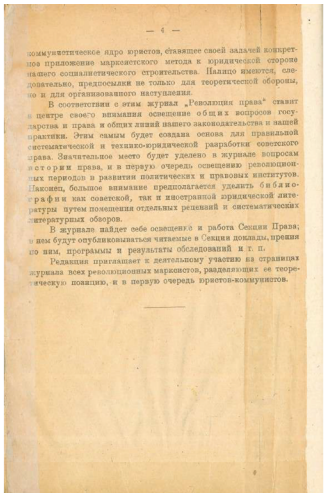


ОТ РЕДАКЦИИ

Борьба с юридическим мировоззрением, с теми навыками буржуазно-юридической мысли, которые продолжают действовать в условиях переходного периода, стремимся создать теоретическую основу для советского законодательства и нашей судебной и административной практики — все это привело Секцию Права к изданию еще в 1926 г. на ряду с „Энциклопедией" сборника „Революция права".

Ныне выходящий журнал того же наименования ставит перед собой те же теоретические задачи. Строго выдержанная линия революционного марксизма и ленинизма, линия материалистического, классового, революционно-ленинского подхода к вопросам государства и права; борьба на два фронта со всевозможными его извращениями, как с недооценкой роли юридических форм, так и с переоценкой их действительного значения — такова основная теоретическая позиция нашего журнала.

Выход в свет „Революции права" совпадает с новым этапом в развитии нашей юридической мысли. Прежде всего надо учесть, что за последние годы вопросы политической активности всех слоев населения Союза, в том числе и враждебных литературе пролетариата групп буржуазии и буржуазной интеллигенции. На этой почве все чаще должны обнаруживаться попытки протащить буржуазно-демократические идеологию в понимание советской государственности и революционной законности, и ограничиться механической рецепцией буржуазно-юридических понятий вместо теоретической разработки особенностей советского права. Теоретическое осознание новых форм в области права не идет в ногу с революционной новой старых отношений. Поэтому особое значение приобретает тот факт, что в процессе работы над созданием „Энциклопедии государства и права" сложилось и выросло



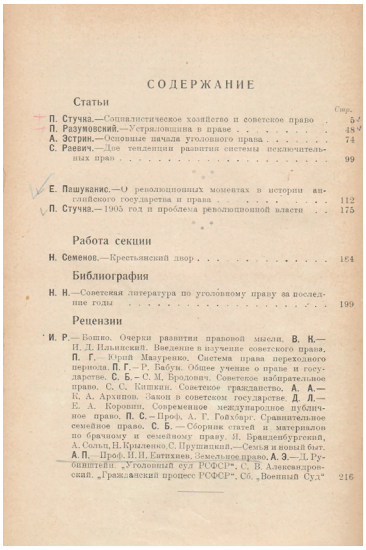
коммунистическое ядро юристов, ставящее своей задачей конкретное приложение марксистского метода к юридической стороне нашего социалистического строительства. Налицо имеются, следовательно, предпосылки не только для теоретической обороны, но и для организованного наступления.

В соответствии с этим журнал „Революция права" ставит в центре своего внимания освещение общих вопросов государства и права и общих линий нашего законодательства и нашей практики. Этим самым будет создана основа для правильной систематической и технико-юридической разработки советского права. Значительное место будет уделено в журнале вопросам истории права, и в первую очередь освещению революционных периодов и развития политических и правовых институтов. Наконец, большое внимание предполагается уделить библиографии как советской, так и иностранной юридической литературы путем помещения отдельных рецензий и систематических литературных обзоров.

В журнале найдет себе освещение и работа Секции Права; в нем будут опубликовываться читаемые в Секции доклады, прения по ним, программы и результаты обследований и т. п.

Редакция приглашает к деятельному участию на страницах журнала всех революционных марксистов, разделяющих ее теоретическую позицию, и в первую очередь юристов-коммунистов.

Первый номер журнала открывала статья П.И. Стучки «Социалистическое хозяйство и советское право» о состоянии советского законодательства. Здесь же была помещена его статья «1905 год и проблема революционной власти». Е.Б. Пашуканис на страницах журнала осветил революционные моменты в истории английского государства и права. И.П. Разумовский поместил статью «Устряловщина в праве», А.Я. Эстрин – «К вопросу о принципах построения системы уголовной репрессии в пролетарском государстве». Всего же в первом номере было размещено 19 материалов.



СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Стр.
П. Стучка.—Социалистическое хозяйство и советское право . 5
П. Разумовский.—Устряловщина в праве 48
А. Эстрин.—Основные начала уголовного права 74
С. Равич.—Две тенденции развития системы исключительных прав 99
Е. Пашуканис.—О революционных моментах в истории английского государства и права 112
П. Стучка.—1905 год и проблема революционной власти . . 175

Работа секции

Н. Семенов.—Крестьянский двор 184

Библиография

Н. Н.—Советская литература по уголовному праву за последние годы 199

Рецензии

И. Р.—Бошко. Очерки развития правовой мысли. В. К.—И. Д. Ильинский. Введение в изучение советского права. П. Г.—Юрий Мазуренко. Система права переходного периода. П. Г.—Р. Бабун. Общее учение о праве и государстве. С. Б.—С. И. Бродович. Советское избирательное право. С. С. Кишкин. Советское гражданство. А. А.—К. А. Арсаков. Закон в советском государстве. Д. Л.—Е. А. Коровин. Современное международное публичное право. П. С.—Проф. А. Г. Гойхбарг. Сравнительное семейное право. С. Б.—Сборник статей и материалов по брачному и семейному праву. Я. Брандербургский, А. Сольц, Н. Крыленко, С. Пругавин и др.—Семья и новый быт. А. П.—Проф. И. Н. Евтихиев. Земельное право. А. Э.—Д. Рубинштейн. „Уголовный суд РСФСР". С. В. Александровский. „Гражданский процесс РСФСР". Сб. „Военный Суд." 216

---

[3] В 1923–1932 гг. – председатель Верховного суда РСФСР. Один из создателей Института советского права; профессор Московского государственного университета (1925–1931), председатель кафедры гражданского права (1930–1931) факультета советского права / советского строительства и права, профессор правового отделения факультета общественных наук (1923–1925). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Похоронен на Красной площади у Кремлёвской стены. Именем Стучки были названы Латвийский государственный университет (1958–1990), город Стучка (1967–1990). В Риге в 1962 г. П.И. Стучке был открыт памятник, демонтирован в 1991 г. (см. подр.: *Кроткова Н.В.* Нашему журналу – 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 11).

[4] Один из руководителей Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б); академик АН СССР (1932). С 1936 по 1939 г. – директор Института философии АН СССР. Главная область теоретических интересов – история марксистской философии.

[5] Член комиссии по составлению проекта Конституции РСФСР 1918 г., автор книги «История советской Конституции» (1923). С 1925 г. – профессор кафедры государственного права СССР и государственного права буржуазных стран факультета советского права Московского университета, доктор юридических наук (1940).

[6] С 1925 г. – в Коммунистической академии. Автор одного из первых в стране курсов исторического материализма.

[7] Заместитель Московского губернского прокурора (1922–1926); директор Государственного института по изучению преступности (1932–1933). С 1933 по 19.04.1935 г. – старший научный сотрудник, заведующий Секцией уголовного права Института советского строительства и права Коммунистической академии. С 1935 по ноябрь 1937 г. – заместитель директора Института советского строительства при ЦИК Казахской АССР по учебной части. С июня 1936 г. – член Комиссии по выработке Конституции Казахской ССР. Редактировал отдел уголовного права в Энциклопедии государства и права. 11.11.1937 г. арестован НКВД Казахской ССР. 28.02.1938 г. приговорён СК Верховного Суда СССР по ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР к расстрелу. 04.07.1956 г. посмертно реабилитирован СК Верховного Суда СССР за отсутствием состава преступления (см.: URL: http://cyclowiki.org/wiki/Александр_Яковлевич_Эстрин).

Как отмечал проф. Е.А. Скрипилев, «с момента учреждения журнала сквозными идеями в его деятельности были: “классы и классовая борьба”, “классовый характер государства и права”, “диктатура пролетариата”, “социализм и коммунизм”. Однако сколько-нибудь научное освещение этих понятий все чаще отходило на задний план, уступая место тенденциозности, нетерпимости. Уже со второй половины 20-х годов в журнале стали появляться статьи, направленные против “устряловщины” и “философской ревизии в праве”, “рейснеризма” и “правых теорий”»[8].

В 1927 г. в журнале был опубликовал список отечественной литературы по уголовному праву за 1923–1926 гг. с краткой аннотацией каждой книги. Н.В. Крыленко в статье, напечатанной в номере 4, рассказал о задачах журнала «Революция права» в связи с 10-летием Советской власти.

Журнал «Революция права» выходил в издательстве Коммунистической академии (ул. Волхонка, 14). Редакция располагалась по адресу ул. Знаменка, д. 11. Был открыт прием подписки на трехмесячный журнал «Революция права»[9]. Тираж первого номера – 3 тыс. экз. В 1927 г. увидели свет четыре номера журнала, но уже с 1928 г. начался выпуск шести номеров в год общим объемом около 60 п.л.

В 1929 г. на страницах журнала была размещена информация о факультете советского права (№ 3), о факультете советского права Ленинградского государственного университета (№ 1), о правовом отделении Института красной профессуры (№ 2, 6), Институте советского права РАНИОН (№ 6). В третьем номере журнала появился комментарий П.И. Стучки к обзору литературы по гражданскому праву.

В конце 20-х годов журнальные статьи были посвящены трестам, синдикатам, товарообороту, акционерным обществам, промышленному праву и т.п. Однако в дальнейшем в связи с ликвидацией нэпа эта тематика сходит на нет. «К заслугам журнала, – по мнению Е.А. Скрипилева, – надо отнести и публикации статей против идеологии фашизма, вначале итальянского, затем – германского...», а также «выступления в 1930 г. против “правового нигилизма”, против “ликвидаторов правового образования в стране”»[10].

В связи с ликвидацией юридических журналов «Право и жизнь» и «Советское право» «Революция права» стал почти единственным теоретическим журналом в области правоведения.

* * *

В конце 1930 г. на заседании Президиума Коммунистической академии (протокол № 43) был определен состав редакции журнала «Советское государство и революция права»[11]. В ***1931 г.*** ответственным редактором журнала был назначен ***Евгений Брониславович Пашуканис*** (1891–1937)[12]. Е.Б. Пашуканис – автор научных работ по общей теории права, государственному и международному праву, истории права и политических учений. Хотя новый редактор взял курс на насаждение культа Сталина, но сам же в 1937 г. стал одной из жертв сталинских репрессий[13].

В 1931 г. журнал «Советское государство и революция права» по докладам Е.Б. Пашуканиса и Я.Л. Бермана опубликовал резолюцию I Всесоюзного съезда марксистов-государствоведов и правовиков, призывавшую к решительной борьбе с оппортунизмом (№ 3). На страницах журнала отражалась непростая обстановка, царившая в те годы в науке уголовного права. Утверждалось, что в советском уголовном праве «процветали» буржуазно-социологическая школа, подкрашенная под марксизм, откровенная буржуазно-юридическая догматика и сменовеховщина.

Не раз вышестоящие инстанции обрушивались на Е.Б. Пашуканиса и журнал с критикой на публикацию статей, в которых «допущены грубые политические ошибки» (только из-за того, что та или иная неугодная статья была опубликована), присутствуют «путаница, пошлость и ревизионизм». Однако «надо признать, что в те же 30-е годы и позднее в журнале публиковались содержательные статьи, на иные из которых ссылаются и в наше время»[14].

---

[8] *Скрипилев Е.А.* Нашему журналу – 70 лет // Государство и право. 1997. № 2. С. 17.

[9] Подписная цена журнала на один год (4 книги) 7 руб. 50 коп., на полугодие (2 книги) 4 руб.

[10] *Скрипилев Е.А.* Указ. соч. С. 20.

[11] См.: АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 313.

[12] В 1920–1923 гг. находился на работе в НКИД СССР. В 1922 г. вместе с П.И. Стучкой организовал Секцию права Коммунистической академии – один из центров научной марксистской юридической мысли в СССР. С 1927 г. – действительный член Коммунистической академии, затем член её президиума и вице-президент; с 1931 г. – директор Института советского строительства и права Коммунистической академии; с 1936 г. – заместитель наркома юстиции СССР (см. подр.: *Савенков А.Н.* Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 10, 11).

[13] Объявлен «врагом народа», арестован 20.01.1937 г., расстрелян 04.09.1937 г. Похоронен в Москве на Донском кладбище. Реабилитирован 31.03.1956 г.

[14] *Скрипилев Е.А.* Указ. соч. С. 19.

Несмотря ни на что журнал продолжил свое существование. На начало 1932 г. тираж журнала «Советское государство» составил 4 тыс. экз. Издавался на базе издательства ОГИЗ «Советское законодательство».

Журнал освещал уже не только общетеоретические проблемы, но и конкретные вопросы строительства государственного аппарата[15], в т.ч. органов юстиции. В 1932–1933 гг. был опубликован список литературы по советскому строительству и праву.

В редколлегию журнала кроме ответственного редактора входили ***А.И. Ангаров***[16] и ***И. Суворов***, которые после ареста Е.Б. Пашуканиса продолжали самостоятельно заниматься выпуском номеров. К тому времени журнал стал органом Института государственного права АН СССР и на начало 1937 г. выходил тиражом 7250 экз.

* * *

С ***1938***[17] по ***1941 г.*** и с ***1946*** по ***1950 г.*** возглавлял журнал ***Андрей Януарьевич Вышинский*** (1883–1954)[18]. А.Я. Вышинский – автор работ по вопросам теории государства и права.

Первый номер 1938 г. тиражом 9 тыс. экз. был выпущен Юридическим издательством НКЮ СССР,

которое находилось в здании ЦИК СССР на Красной площади (пом. 28).

В 1939 г. журнал становится органом Института права АН СССР и располагается на ул. Фрунзе (ныне – Знаменка), д. 10. В конце 1939 г. перестал выходить орган Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН) НКЮ СССР «Проблемы социалистического права». Поэтому с 1940 г. и до половины 1956 г. журнал «Советское государство и право» являлся органом двух институтов – Института права АН СССР и ВИЮН НКЮ СССР (с 1949 г. – МЮ СССР).

В 1941 г. Юридическое издательство НКЮ СССР переехало в Б. Черкасский пер., д. 9, расположившись в первом подъезде на 4 этаже. С 1939 по 1941 г. тираж журнала – 10 тыс. экз. В 1941 г. после выхода пятого номера издание журнала было прекращено и возобновилось только в 1946 г. Тираж остался прежним. Но издавался журнал уже на базе издательства АН СССР.

В редколлегию журнала, включая ответственного редактора А.Я. Вышинского, вошли ***М.А. Аржанов***[19]***, С.А. Голунский, И.Т. Голяков***[20]***, К.П. Горшенин***[21]***, М.Г. Грибанов***[22] (отв. секретарь)***, И.П. Трайнин***[23].

---

[15] См., напр.: *Алымов А., Студеникин С.* Проблемы реконструкции госаппарата на пороге второй пятилетки // Сов. государство. 1932. № 9–10. С. 58–78; см. также: *Кроткова Н.В.* Отражение становления советского права и государственного аппарата в юридических журналах первых десятилетий Советской власти // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 72–86.

[16] Доктор государственных и правовых наук (1935), профессор. В 1937 г. – член Квалификационной комиссии по советскому строительству и праву АН СССР, руководитель секции экономики и политики Института философии АН СССР. Арестован 04.07.1937 г. Осуждён 25.11.1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР. Расстрелян 26.11.1937 г. Похоронен в Москве на Донском кладбище. Реабилитирован 07.12.1955 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР (см.: *Корсаков С.Н.* Политические репрессии в Институте философии (1930–1940-е годы). С. 132 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_8/9.pdf (дата обращения: 21.05.2018)).

[17] См.: Выписка из протокола заседания Президиума АН СССР об утверждении А.Я. Вышинского ответственным редактором журнала «Советское государство» // АРАН. Ф. 1934. Оп. 1. Д. 33.

[18] Советский государственный деятель, юрист и дипломат, академик АН СССР (1939). В 1925–1928 гг. – ректор Московского государственного университета. В 1928–1931 гг. – член коллегии Наркомпроса РСФСР. С 1931 г. в органах юстиции, в 1935–1939 гг. – прокурор СССР. С 1937 по 1941 г. – директор Института права АН СССР. В 1939–1944 гг. – заместитель председателя СНК СССР, в 1940–1949 гг. – заместитель Министра иностранных дел СССР, с 1949 г. по март 1953 г. – Министр иностранных дел СССР, с марта 1953 г. – заместитель Министра иностранных дел СССР. В 1953–1954 гг. – Постоянный представитель СССР в ООН. Член ЦК СССР, депутат Верховного Совета СССР 1–4-го созывов. Награждён семью орденами, а также медалями. Урна с прахом помещена в Кремлёвской стене на Красной площади в Москве (см. подр.: *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 11, 12).

[19] Член-корреспондент Академии наук СССР (1939), доктор юридических наук (1938), профессор. Специалист по вопросам теории государства и права, государственного права, занимался исследованием философских и правовых доктрин германского фашизма. Работал в Институте государства и права АН СССР, в Институте философии АН СССР, в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

[20] Председатель Верховного Суда СССР (1938–1948). В 1938–1947 и 1949–1956 гг. – директор Всесоюзного института юридических наук. Награжден орденами и медалями. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

[21] Советский государственный деятель. Доктор юридических наук (1968), профессор. В 1937–1940 гг. – народный комиссар юстиции РСФСР. В 1943–1948 гг. – Прокурор (Генеральный прокурор) СССР, в 1948–1956 гг. – Министр юстиции СССР, в 1956–1963 гг. – директор Всесоюзного института юридических наук. Награжден орденами.

[22] В 1938 г. направлен на работу в Институт права АН СССР. Под научным руководством А.Я. Вышинского защитил кандидатскую диссертацию (1939). В 1945–1946 гг. работал при Международном Нюрнбергском трибунале. В 1956–1962 гг. – Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Норвегии. Награжден орденами и медалями.

[23] Академик АН СССР (1939), доктор государственных и правовых наук (1935), профессор. С 1942 по 1947 г. – директор Института права АН СССР. Награжден орденами и медалями. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве (см. подр.: *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 12).

«Задача журнала – помочь теоретическим кадрам научной молодежи и практическим работникам в изучении и усвоении ценного опыта в области советского государственного строительства и советского права, накопленного нами в специфических условиях военного времени.

Наше внимание должны в первую очередь привлечь основные вопросы нашей науки, связанные с разнообразной деятельностью советского государства и ролью советского права в выполнении их главных функций на нынешней фазе – хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы внутри страны и обеспечения военной защиты страны от нападений извне»[24].

Тираж журнала объемом 6 п.л. с 1949 по 1950 г. – более 15 тыс. экз.

Журнал продолжает оставаться в центре внимания не только научной общественности, но и вышестоящих инстанций. В 1946 г. комиссия Президиума АН СССР указала на «отставание журнала от практики государственного строительства, от деятельности правовых учреждений. Едва ли можно было согласиться с утверждением, будто бы журнал, сосредоточив основное внимание на проблемах развития отдельных отраслей права, на истории государства и права и истории политических учений, “стал слабее освещать коренные методологические вопросы марксистско-ленинской общей теории государства и права”»[25].

С 1948 г. должность ответственного редактора упраздняется и появляется новая – главного редактора. Заместителями главного редактора журнала А.Я. Вышинского назначаются ***Е.А. Коровин***[26] и ***И.П. Трайнин***. В состав редколлегии также вошли ***А.Н. Трайнин***[27] и ***В.М. Чхиквадзе***[28].

* * *

С ***1950*** по ***1952 г.*** главным редактором журнала «Советское государство и право» был ***Федор Иванович Кожевников*** (1903–1998)[29].

Ответственным секретарем назначается ***Е.П. Мелешко***.

С 1951 по 1953 г. журнал выходит объемом 8.22 п.л. и тиражом более 14 тыс. экз.

В 1953 г. журнал напечатал статью «О серьезных недостатках в работе Института права АН СССР»[30]. Помимо критики в адрес Института отмечалось, что «журнал “Советское государство и право” должен развернуть на своих страницах решительную борьбу с отставанием советской юридической науки, стать боевой трибуной передовой советской правовой науки...

Редколлегии журнала надо сделать серьезные выводы из критики, напечатанной в газете “Известия” от 16 декабря 1952 г. и 23 января 1953 г...

Журнал “Советское государство и право” призван быть боевым органом советской правовой науки, обязан возглавить борьбу за преодоление имеющихся в ней крупнейших недостатков и борьбу советских юристов за решительный подъем советской юриспруденции, должен стать связующим звеном для наших теоретиков и практиков»[31].

* * *

В ***1953–1955 гг.*** главный редактор журнала – ***Василий Васильевич Евгеньев***

[24] Сов. государство и право. 1946. № 1. С. 1, 2.

[25] *Скрипилев Е.А.* Указ. соч. С. 19.

[26] Член-корреспондент Академии наук СССР (1946), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1947) и Узбекской ССР (1950), специалист в области международного права. В 1948–1958 гг. – директор Института права АН СССР. Награжден орденами и медалями. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве (см. подр.: *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 12, 13).

[27] Член-корреспондент Академии наук СССР (1946), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1946). В 1938–1954 гг. работал в Институте права АН СССР (с 1942 по 1950 г. – заведующий сектором уголовного права). Награжден орденами и медалью. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве (могила охраняется ЮНЕСКО).

[28] Член-корреспондент АН СССР (1964) и РАН, доктор юридических наук, профессор. В 1964–1973 гг. – директор Института государства и права АН СССР. Автор более 300 научных работ по вопросам уголовного права, теории государства и права, криминологии и международного права. Награжден многочисленными государственными наградами (см. подр.: *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 15).

[29] Советский юрист, специалист по международному праву, доктор юридических наук (1945), заслуженный деятель науки РСФСР (1964). На научной и преподавательской работе с 1927 г. Работал в Московском юридическом институте, был директором Всесоюзного заочного юридического института (1943–1944), профессор Московского государственного университета (1930–1960), с 1960 г. – профессор Московского государственного института международных отношений (с 1969 г. – декан международно-правового факультета). В 1952–1953 гг. – член Комиссии международного права ООН, в 1953–1961 гг. – член Международного Суда ООН, с 1966 г. – член Постоянной палаты Третейского суда в Гааге. Награжден тремя орденами, а также медалями (см.: *Кроткова Н.В.* Нашему журналу – 85 лет. С. 14).

[30] Сов. государство и право. 1953. № 1. С. 1–11.

[31] Там же. С. 9.

(1913–?)[32], его заместителями стали ***С.Н. Братусь***[33] и ***М.П. Карева***[34], ответственным секретарем – ***Я.В. Гробовенко***. Изменился состав редколлегии. Помимо ***В.М. Чхиквадзе*** в нее вошли ***М.Г. Журавков***[35]***, Ю.А. Каленов***[36]***, Д.С. Карев***[37]***, Ф.И. Кожевников, П.Е. Орловский***[38]***, А.Н. Сидоров***.

С 1954 по 1956 г. журнал «Советское государство и право» объемом 15.1 п.л. (1954) и 14.3 п.л. (1956) и тиражом 14 300 экз. начинает выходить восемь раз в год.

* * *

С ***1955*** по ***1958 г.*** возглавлял журнал ***Иван Васильевич Павлов*** (1909–1972)[39]. В сферу его научных интересов входили общетеоретические вопросы науки колхозного права, проблемы государственного руководства колхозами и т.д. Наиболее весомый вклад им внесен в разработку проблем совершенствования демократических основ управления делами в колхозах. Большой заслугой И.В. Павлова является исследование правовой природы аграрно-промышленных комплексов и отношений, складывающихся между входящими в них хозяйствами.

В состав редколлегии вместе с вновь назначенным главным редактором вошли заместители главного редактора ***С.Н. Братусь*** и ***Н.Г. Сударикова, Г.И. Морозов***[40] (отв. секретарь), ***П.И. Бардин, И.Т. Голяков, Ю.А. Каленов, М.П. Карева, Ф.И. Кожевников, П.Е. Орловский, Г.И. Тункин***[41]***, В.М. Чхиквадзе,*** позже – ***С.С. Студеникин***[42].

С 1957 г. журнал становится ежемесячным и до 1961 г. выходит объемом 13.7 п.л. На начало 1957 г. тираж составлял 13 600, на начало 1958 г. – 12 200 экз.

* * *

С ***1959*** по ***1961 г.*** главный редактор журнала – ***Сергей Александрович Голунский*** (1895–1962)[43],

[32] Возглавлял Управление кадров Госкомитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. Награжден орденом «Знак Почета» и медалями (см.: Преподаватели кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Биографический и библиографический указатель (1958–2018). М., 2018. С. 26).

[33] Доктор юридических наук (1943), профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1960), специалист по гражданскому праву. В 1963–1969 гг. – директор Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства (ныне – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ). Награжден орденами. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

[34] Доктор юридических наук (1947), профессор. С 1929 г. – в Институте права АН СССР.

[35] Доктор философских наук (1956). С 1960 г. работал в Институте философии АН СССР. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды и медалями.

[36] С 1947 по июль 1957 г. – начальник отдела и заместитель начальника Управления кадров Прокуратуры СССР. С июля 1957 г. – заместитель Министра юстиции РСФСР; в 1963–1966 гг. – начальник отдела нотариата Верховного Суда РСФСР. Являлся также членом редколлегии журналов «Социалистическая законность» и «Советская юстиция». Кавалер ордена Красной Звезды.

[37] Доктор юридических наук (1951), профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. В 1956–1965 гг. – декан юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специалист по уголовному и международному праву. Награжден орденами. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

[38] Член-корреспондент АН СССР (1953), доктор юридических наук, профессор. С 1952 по 1958 г. – директор Института права им. А.Я. Вышинского АН СССР. Специалист в области гражданского права. В 1953–1965 гг. – член редколлегии журнала «Советское государство и право». Награжден медалями. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве (см. подр.: *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 13, 14).

[39] Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Во время Великой Отечественной войны был военным следователем. В 1946–1951 гг. – заведующий кафедрой гражданского права Саратовского юридического института. В Институте государства и права АН СССР с 1951 г. В течение 12 лет был заместителем директора Института. В Саратовской государственной академии права проводятся традиционные чтения, посвященные памяти проф. И.В. Павлова. В 1988 г. его имя было присвоено одной из лучших студенческих аудиторий этого учебного заведения. И.В. Павлов награжден орденом «Знак Почета» и медалями. Урна с прахом захоронена в колумбарии на Рогожском кладбище в Москве (см. подр.: *Бобылев А.И., Козырь М.И.* Корифей советской аграрно-правовой науки (К 100-летию И.В. Павлова) // Право и государство: теория и практика. 2009. № 10. С. 147–152).

[40] Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. В 60-х годах преподавал на кафедре международного права МГИМО. Награжден орденами. Похоронен на Востряковском кладбище в Москве.

[41] Член-корреспондент Академии наук СССР (1974) и РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1972), лауреат Государственной премии СССР (1987). В январе-сентябре 1939 г. работал в Институте права АН СССР, с октября 1939 г. по 1965 г. – в Министерстве иностранных дел СССР, с осени 1965 г. – заведующий кафедрой международного права МГУ им. М.В. Ломоносова. Награжден орденами и медалями. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве. В его память учреждена медаль им. Г.И. Тункина.

[42] Доктор юридических наук, профессор. Один из основоположников советского административного права. Работал в Институте права АН СССР. Похоронен на Введенском кладбище в Москве (см. подр.: *Бельский К.С.* Административное и финансовое право в портретных зарисовках. Пенза, 2021. С. 322–329).

[43] Советский учёный-юрист, дипломат. Член-корреспондент АН СССР (1939), доктор юридических наук, профессор.

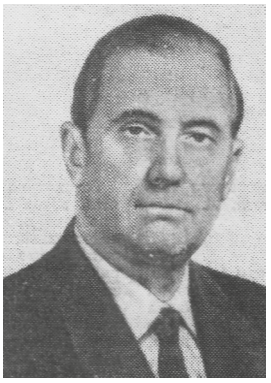
специалист в области общей теории государства и права, международного права, судоустройства и уголовного процесса.

Состав новой редколлегии журнала: ***Г.А. Аксенёнок***[44] (зам. главного редактора), ***П.И. Бардин, К.П. Горшенин, Ф.И. Калинычев, Д.С. Карев, В.Ф. Коток***[45]***, П.И. Кудрявцев, П.Е. Орловский, И.В. Павлов, Г.И. Петров***[46]***, П.С. Ромашкин***[47]***, М.С. Строгович***[48]***, В.С. Тадевосян***[49]***, Г.И. Тункин.*** В 1960 г. в состав редколлегии вошел заместитель главного редактора ***И.Ф. Панкратов***[50].

На начало 1959 г. тираж журнала составил 13 100 экз., а на начало 1960 и 1961 гг. – около 12 тыс. Объем журнала в 1961 г. увеличился до 15.7 п.л.

С 1960 г. журнал становится органом Института государства и права АН СССР.

* * *



На смену С.А. Голунскому пришел ***Алексей Ильич Лепешкин*** (1913–1977)[51], который возглавлял журнал в период с ***1962*** по ***1965 г.*** А.И. Лепешкин – один из крупнейших советских государствоведов.

Заместителем главного редактора был назначен ***Е.М. Ворожейкин***[52], проработавший в этой должности до 1964 г. В состав обновленной редколлегии вошли ***Г.А. Аксенёнок, Г.З. Анашкин***[53]***, К.П. Горшенин, В.Ф. Коток, С.Ф. Кечекьян, В.В. Куликов, П.Е. Орловский, А.С. Панкратов,***

В 1923–1939 гг. работал в органах прокуратуры, в 1939–1940 гг. – заведующий секцией в Институте права АН СССР, в 1943–1952 гг. – начальник Договорно-правового отдела МИД СССР, в 1954–1958 гг. – директор Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики. С 1958 г. на работе в Институте права АН СССР, руководил сектором. Вёл преподавательскую работу в Военно-юридической академии, в Академии общественных наук при ЦК КПСС и др. Был обвинителем от СССР на Токийском процессе главных японских военных преступников (1946–1948). В 1952–1953 гг. – член Международного Суда ООН. Награжден орденами и медалями. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

[44] Видный советский ученый в области земельного права. Член-корреспондент Академии наук СССР (1966), доктор юридических наук (1955), профессор. С 1951 г. работал в Институте права (Институте государства и права) АН СССР. Кавалер орденов Великой Отечественной войны I и II степени, ордена Красной Звезды, ордена Октябрьской Революции, двух орденов Трудового Красного Знамени, награжден медалями. Похоронен на Востряковском кладбище в Москве.

[45] Доктор юридических наук (1965), профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Специалист в области государственного (конституционного) права. Более 40 лет работал в Институте государства и права АН СССР (с 1954 г. возглавлял сектор конституционных проблем социалистических государств). В 1948–1950 гг. – заведующий сектором государственного права Академии общественных наук при ЦК КПСС. Награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

[46] Доктор юридических наук, профессор. Один из классиков советской науки административного права. В 1957–1961 гг. – декан юридического факультета Ленинградского университета. Награжден орденом «Знак Почета» и медалями (см. подр.: *Бельский К.С.* Указ. соч. С. 344–354).

[47] Член-корреспондент Академии наук СССР (1958), доктор юридических наук, профессор. Специалист в области уголовного права и криминологии. С 1958 по 1964 г. – директор Института государства и права им. А.Я. Вышинского (после 1964 г. заведовал сектором общих проблем уголовного права). Награжден орденами и медалями. Похоронен на Востряковском кладбище в Москве (см. подр.: *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 14, 15; *Сушкова Ю.Н.* Жизненный путь и научное наследие П.С. Ромашкина // Государство и право. 2018. № 5. С. 68–75).

[48] Выдающийся советский ученый, крупнейший процессуалист советского периода. Член-корреспондент Академии наук СССР (1939), доктор юридических наук, профессор. С 1952 г. и до конца своих дней работал в Институте государства и права АН СССР (см. подр.: *Савицкий В.М.* Михаил Соломонович Строгович (Краткий биографический очерк) // Строгович М.С. Избр. труды: в 3 т. Т. 1. Проблемы общей теории права / отв. ред. С.Н. Братусь. М., 1990. С. 7–13).

[49] Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. В 1946 г. – помощник главного обвинителя от СССР на Токийском процессе японских военных преступников. В 1958–1963 гг. – заместитель директора Института государства и права им. А.Я. Вышинского АН СССР. До 1972 г. возглавлял один из секторов ИГП АН СССР.

[50] Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. В 1968 г. возглавил отдел колхозного, земельного права и правовой охраны природы ВНИИСЗ. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом и медалями.

[51] Доктор юридических наук (1954), профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. В годы Великой Отечественной войны работал преподавателем в военно-политических училищах и на курсах политсостава, готовивших политработников для фронта, после окончания войны – старшим преподавателем, а затем заместителем начальника Военно-юридической академии по научной и учебной работе. С 1972 г. и до конца жизни являлся профессором кафедры государственного права МГИМО МИД СССР. А.И. Лепешкин был вице-президентом Советской ассоциации дружбы с народами Африки, не раз представлял советскую юридическую общественность за рубежом, на конгрессах Международной ассоциации юристов-демократов, Международной ассоциации политических наук. За заслуги в развитии советской юридической науки и подготовке специалистов награжден орденом Трудового Красного Знамени и 10 медалями.

[52] Доктор юридических наук (1973), профессор. Сферу научных интересов составляли проблемы гражданского и семейного права. В 1957–1963 гг. – главный редактор журнала «Советская юстиция»; возглавлял издательство «Юридическая литература». С 1967 г. преподавал на кафедре гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова.

[53] Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР. Внес существенный вклад в разработку основных проблем уголовного права и процесса. Награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

П. С. Ромашкин, В. А. Туманов[54]***, Г. И. Тункин, А. Ф. Шебанов.***

В 1962 г. первый номер журнала вышел объемом 15 п.л. и тиражом 13 635 экз. В дальнейшем объем варьировался в пределах 13.7 (1963, 1965) и 13.3 п.л. (1964), а тираж – 12 765 (1963), 10 750 (1964) и 15 100 экз. (1965).

* * *

С ***1965*** по ***1972 г.*** главным редактором журнала был назначен ***Семен Александрович Иванов*** (1924–2008)[55], специалист в области отечественного трудового права, зарубежного и международного трудового права, а также сравнительного права в области трудовых отношений.

Имя С.А. Иванова было широко известно как в нашей стране, так и за рубежом. Долгое время он был профессором юридического факультета МГУ, читал лекции по трудовому праву в университетах Парижа, Праги, Варшавы, Женевы, Турина, Триеста и др. Являлся членом Научно-консультативного совета Верховного Суда СССР (РФ), Почетным президентом Российской ассоциации трудового права и социального обеспечения, членом исполнительного комитета Международного общества трудового права и социального обеспечения (Женева), с 1982 по 1994 г. – вице-президентом этого Общества, членом французского Общества сравнительного законодательства, профессором международного факультета сравнительного права (Страсбург), членом правительственной делегации СССР на всех сессиях Генеральной конференции МОТ (1956–1976), членом Комитета экспертов МОТ (1981–1993) и др.

С.А. Иванов первым среди отечественных юристов – специалистов в области трудового права исследовал проблемы международно-правового регулирования труда (им было доказано, что сложилась новая отрасль права – международное трудовое право), а также одним из первых в стране начал исследование правового регулирования труда в развивающихся странах Азии и Африки.

Участвовал в подготовке Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, являлся главным редактором Энциклопедического словаря «Трудовое право» (1979).

К моменту прихода нового главного редактора журнал переживал не самые лучшие времена: тираж упал, журнал выходил с опозданием, аппарат редакции был сокращен на треть. Благодаря принятым мерам был сделан большой упор на заказ статей и повышение требовательности к их авторам. Интерес к журналу вновь был повышен, а также расширился круг его читателей.

Был обновлен состав редколлегии, в которую вошли ***И. А. Азовкин, В. В. Ефимочкин, В. П. Казимирчук, М. И. Козырь, А. П. Косицын, М. А. Крутоголов, А. И. Лепешкин, А. Е. Лунев, А. Н. Машутин, А. С. Панкратов, А. А. Пионтковский, О. Н. Садиков, Г. И. Тункин, Н. Ф. Чистяков, Г. Х. Шахназаров, А. Ф. Шебанов, А. М. Яковлев***. В 1969 г. членами редколлегии были утверждены ***А. И. Денисов, А. И. Иойрыш*** (зам. главного редактора), проработавший в этой должности до 1985 г., ***В. В. Куликов, Ю. А. Тихомиров, В. М. Чхиквадзе,*** а в 1971 г. – ***О. С. Колбасов, Н. С. Малеин, В. К. Собакин*** и ***А. Я. Сухарев***.

В 1966 г. журнал вышел объемом 14 п.л., его тираж увеличился до 18 800 экз. и к началу 1972 г. составил 30 865 экз., а объем – 14.7 п.л.

В 1967 г. в Институте государства и права АН СССР прошло специальное заседание, посвященное 40-летию Журнала. На данное событие откликнулась газета «Известия».

* * *

В ***1972–1977 гг.*** главным редактором журнала являлся ***Александр Филиппович Шебанов*** (1922–1977)[56].

[54] Председатель Конституционного Суда РФ (13.02.1995–20.12.1996). Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1987), заслуженный юрист РФ (2007). С 1959 г. по январь 1994 г. – в Институте государства и права РАН. Награжден орденами и медалями. Похоронен на Николо-Архангельском кладбище в Москве.

Далее мы не будем давать краткую справку о каждом члене редсовета и редколлегии из-за ограниченного объема статьи.

[55] Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Более 50 лет жизни (с 1954 г. вплоть до своей кончины) посвятил работе в Институте государства и права РАН, являясь вначале младшим научным сотрудником, заведующим сектором научной информации, старшим научным сотрудником, а затем заведующим сектором трудового права и социального обеспечения и главным научным сотрудником. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами и медалями.

[56] Доктор юридических наук (1965), профессор. С марта 1961 г. по август 1970 г. – декан юридического факультета и заведующий кафедрой теории государства и права Университета дружбы народов им. П. Лумумбы. С августа 1970 г. по июль 1972 г. – заместитель директора Института государства и права АН СССР. Участник Великой Отечественной войны. Заслуги ученого были отмечены высокими правительственными наградами: орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», семью медалями.

А.Ф. Шебанов занимался разработкой фундаментальных проблем теории государства и права. Принимал активное участие в законотворческих рабочих комиссиях при юридическом отделе Президиума Верховного Совета СССР по подготовке отдельных законопроектов. Участвовал в международных конференциях по проблемам правовой науки.

В редколлегию журнала вошли ***С.А. Иванов*** и ***В.Н. Кудрявцев***. Позже, в 1976 г., – ***Г.В. Барабашев, И.П. Ильинский, И.И. Карпец, Д.А. Керимов, Б.М. Лазарев, Н.А. Осетров, И.С. Самощенко***.

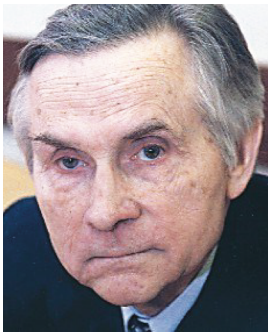
Первый номер журнала за 1973 г. вышел тиражом 32 400 экз. Объем остался прежним. Тираж журнала постоянно увеличивался и на начало 1978 г. составил 55 185 экз.!

В конце 1973 г. журнал стал являться органом Академии наук СССР и Института государства и права. В 1976 г. состоялось бюро Отделения философии и права АН СССР, которое обязало редколлегию журнала «Советское государство и право» обратить особое внимание на разработку фундаментальных проблем социалистического государства и права.

В 1977 г. Журнал отметил свое 50-летие, опубликовав редакционную статью, в которой подводились итоги его деятельности и были определены задачи на будущее[57].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1977 г. Журнал был награжден ***орденом «Знак Почета»*** «за заслуги в области юридической науки, пропаганде достижений в развитии социалистической государственности, демократии и законности». Указ был подписан Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневым и Секретарем Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе. Орден был вручен М.П. Георгадзе на заключительном заседании Всесоюзной конференции юристов, посвященной задачам дальнейшего развития юридической науки в свете новой Конституции СССР и конституций союзных и автономных республик[58]. Министр юстиции СССР В.И. Теребилов в адрес редакции направил приветственный адрес.

* * *



6 октября 1978 г. орден «Знак Почета» от имени редакции получал вновь назначенный главный редактор журнала ***Михаил Иванович Пискотин*** (1924–2003)[59], пребывавший в этой должности с ***1978*** по ***1987 г.*** В сферу научных интересов М.И. Пискотина входило исследование проблем бюджетного права, государственного управления и общей теории государства.

Главный редактор журнала старался несколько изменить его направление. В нем стало больше появляться критических статей, расширилась тематика публикаций. По мнению М.И. Пискотина, критическое направление в работе журнала стало усиливаться с начала 80-х годов. В 1987 г. вышла передовица «Повышать уровень научной критики», в которой отмечалось, что «в юридической науке сложилась обстановка, в целом характерная для нашей общественной жизни 70 – начала 80-х годов... Критика – неотъемлемая органическая часть государственной правовой науки; уровень развития юридической мысли в значительной степени характеризует уровень развития науки вообще»[60].

Коллектив редакции журнала «Советское государство и право» стал победителем конкурса 1983 г. за выпуск в 1982 г. номера 9 и был награжден ***Дипломом первой степени***.

В середине 80-х годов был объявлен конкурс на лучшие статьи. Среди первых таких публикаций – статья В.А. Кряжкова «Гласность работы Советов: социология и право» (1986. № 12), Г.М. Резника «Престиж профессии адвоката» (1987. № 3).

Немаловажное внимание уделялось читательским конференциям. Так, в 1979 г. были проведены такие конференция в Тбилиси, в 1985 г. – в Свердловске и Алма-Ате, в 1986 г. – в Иркутске. На них выдвигались предложения по совершенствованию работы журнала. Организовывал журнал и «круглые столы», которые затем освещались на его страницах.

Неоднократно обновлялся и состав редколлегии. Так, в 1979 г. в нее были включены ***С.И. Гусев,***

[57] См.: Сов. государство и право. 1977. № 12. С. 12–20.

[58] См.: Сов. государство и право. 1979. № 1.

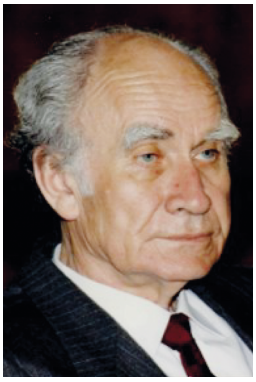
[59] Доктор юридических наук (1969), профессор, заслуженный деятель науки РФ. В 1973–1989 гг. работал в Институте государства и права АН СССР в качестве заведующего сектором. В 1989–1991 гг. – член Комитета конституционного надзора СССР. Длительное время был главным редактором журнала «Народный депутат» (с 1993 г. – «Российская Федерация»). Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами и медалями.

[60] Сов. государство и право. 1987. № 1. С. 4.

А.И. Лукьянов, В.С. Нерсесянц, О.Н. Хлестов, В.С. Шевцов, С.А. Шишков, в 1980 г. – ***А.М. Васильев***, в 1981 г. – ***В.А. Аболенцев***. С 1984 г. постоянным членом редколлегии являлся ***В.Е. Гулиев***. ***А.И. Ойгрыш***, покинув пост заместителя главного редактора, остается членом редколлегии журнала. В 1986 г. на его место назначается ***А.И. Гринберг,*** а редколлегия пополняется известными учеными: ***К.Ф. Гуценко, В.В. Лаптевым, Р.З. Лившицем, А.И. Масляевым, Л.Р. Сюкияйненом, И.В. Черменским, В.М. Чехариным***, позже – ***И.И. Карпецом***.

После 1978 г. тираж журнала начал убывать. Так, на начало 1979 г. он составлял чуть более 46 тыс. экз., а на начало 1985 г. – около 27 тыс. экз. В 1986 г. тираж увеличился почти на 500 экз., однако на начало 1987 г. опять снизился – 26 355 экз.

* * *



С ***1987*** по ***1996 г.*** главный редактор журнала – ***Константин Филиппович Шеремет*** (1923–2001)[61]. К.Ф. Шеремет занимался проблемами государственного права, советского строительства и муниципального права. Существенный вклад им был внесен в разработку теоретических и конституционно-правовых основ организации деятельности местной власти как в советский, так и в постсоветский периоды. В составе рабочих групп К.Ф. Шеремет участвовал в разработке проектов более чем 20 законов СССР, РСФСР и Российской Федерации.

С приходом нового главного редактора состав редколлегии остался прежним, в него вошел только ***М.И. Пискотин***. Исполняющими обязанности заместителя главного редактора были назначены редактор отдела хозяйственного права, канд. юрид. наук ***Л.И. Брычева***[62] (1990) и редактор отдела хозяйственного и трудового права ***В.М. Помазнев*** (1995).

В 1989 г. на ежегодном конкурсе книг и журналов, проводимом издательством «Наука», коллектив редакции журнала «Советское государство и право» за выпуск номера 9 в 1988 г. был награжден ***Дипломом третьей степени***.

На начало 1989 г. журнал вышел тиражом более 31 тыс. экз. и в 1990 г. – около 35 тыс. экз. С началом «перестройки» тираж резко упал: 1991 г. – чуть более 26 тыс. экз., объем 11.7 п.л., 1992 г. – около 21 тыс. экз., объем 13 п.л. (таким объемом журнал выходил до 1997 г.), 1993 г. – около 13 тыс. экз. Это были нелегкие времена для издательства «Наука», в т.ч. и для нашего Журнала. В 1994 г. из-за недостаточного финансирования пришлось выпускать даже сдвоенный номер (№ 8–9). В тот период финансовую поддержку редакции журнала оказали ***«Технобанк»*** и ***Межбанковский финансовый дом***, а также ***Московская государственная юридическая академия*** в лице ее ректора ***О.Е. Кутафина***. Всестороннюю помощь оказывал журналу ***директор Института государства и права РАН, акад. Б.Н. Топорнин***.

Несмотря на то что тираж сократился (на начало 1995 и 1996 гг. – около 8 тыс.), журнал продолжал сохранять свои ведущие позиции. В научные дискуссии вовлекался все более широкий круг участников. Журнал совместно с юридическими вузами активно проводил «круглые столы», конференции не только в Москве, но и в других городах (Саратов, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Харьков). Отчеты о дискуссиях, размещенные на страницах журнала, вызывали немалый читательский интерес.

По воспоминаниям К.Ф. Шеремета, «в новых условиях журналу предстояло, не втягиваясь в политические дискуссии, заполонившие средства массовой информации и даже специализированные журналы, оставаться в рамках правовых проблем, правового развития вообще. <...>. Отмечу, на мой взгляд, три главных момента.

Во-первых, мы стремились обеспечить своевременный отклик журнала на возникающие на практике острые правовые проблемы...

Во-вторых, журнал дал “зеленый свет” публикациям инициативных законопроектов, разработанных исключительно учеными...[63]

В-третьих, журнал занялся проблемами юридического образования[64], понимая, что здесь закладывается будущее и нашей юридической науки,

[61] Доктор юридических наук (1969), профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. С 1968 по 2001 г. в Институте государства и права АН СССР (РАН) занимал должности заведующего сектором, заместителя директора Института, главного научного сотрудника. Неоднократно избирался депутатом Моссовета. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами и медалями. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

[62] Ныне – помощник Президента РФ – начальник Государственно-правового управления Президента РФ, заслуженный юрист РФ.

[63] Это законопроект о свободе совести, проект Декларации прав и свобод личности, концепция новой Конституции СССР и концепция нового союзного договора, Основы уголовно-процессуального законодательства, о статусе военнослужащих, о пенсионном обеспечении, об основах градостроительства, о нормативно-правовых актах и др.

[64] Был проведен «круглый стол» с ректорами юридических вузов, опубликована новая концепция юридического образования, начата публикация проектов новых программ по юридическим дисциплинам в вузах и их обсуждение.

и юридической практики, будущее правовой культуры российского общества»[65].

9 февраля 1996 г. коллектив редакции журнала «Государство и право» Министром юстиции РФ В.А. Ковалевым за активное участие в правовом просвещении граждан Российской Федерации был награжден ***Дипломом*** и ***памятной медалью им. А.Ф. Кони***.

* * *

Осенью ***1996 г.*** на должность главного редактора был назначен ***Анатолий Иванович Ковлер*** (род. в 1948 г.)[66], руководивший журналом до конца ***1999 г.*** А.И. Ковлер – специалист в области сравнительного права. В сферу научных интересов входят также проблемы конституционного права, избирательного права, демократии, юридической антропологии. Владеет английским, французским, итальянским, турецким, немецким и испанским языками.

В состав новой редколлегии журнала «Государство и право» вошли ***Т.Е. Абова, В.К. Андреев, З.С. Беляева, М.М. Бринчук, В.Г. Графский, В.Е. Гулиев, В.И. Даниленко*** (зам. главного редактора)***, С.С. Занковский, Р.З. Лившиц, В.И. Лысенко, А.В. Наумов, В.М. Савицкий, Н.Г. Салищева, Е.А. Суханов, Ю.А. Тихомиров, В.А. Четвернин, В.Е. Чиркин, Б.С. Эбзеев, А.М. Яковлев.*** В конце 1997 г. членами редколлегии стали ***С.А. Иванов*** и ***В.С. Нерсесянц***.

Впервые в журнале появился редсовет: ***А.В. Иванченко, В.Н. Кудрявцев, М.И. Кукушкин, О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Е.А. Лукашева, М.Н. Марченко, Ю.И. Скуратов, В.А. Туманов, К.Ф. Шеремет, В.Ф. Яковлев***.

Председателем редакционного совета журнала был назначен ***академик РАН, заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Российской академии наук Борис Николаевич Топорнин*** (1929–2005).

Первый номер журнала 1997 г. вышел в новом формате объемом 16 п.л. и тиражом около 7 тыс. экз. Издавался на базе издательства «Наука» и Международной академической издательской компании (МАИК) «Наука».

В 1997 г. Журнал отметил свой 70-летний юбилей. В Институте государства и права РАН состоялось торжественное заседание, посвященное этой дате, которое открыл ***директор Института, акад. РАН Б.Н. Топорнин***. С приветственным словом в адрес редакции журнала обратился ***Председатель Конституционного Суда РФ М.В. Баглай*** и вручил ***памятную медаль***, приуроченную к пятилетию Конституционного Суда РФ.

В юбилейном номере журнала была опубликована часть приветствий и поздравлений, поступивших к моменту сдачи номера в набор[67].

* * *

С конца ***1999 г.*** и по ***апрель 2007 г.*** возглавляла журнал ***Ирина Александровна Иконицкая*** (1933–2017)[68], на тот момент заместитель директора Института государства и права РАН. И.А. Иконицкая – один из ведущих специалистов в области земельного, горного, лесного, водного и аграрного права. Успешно сочетала научную работу с практической и преподавательской деятельностью. Принимала активное участие в разработке основных земельных законов. Подготовленная под ее руководством и при ее участии Концепция развития земельного законодательства рыночной экономики легла в основу важных правовых актов в сфере земельных отношений.

---

[65] Интервью с бывшими главными редакторами журнала // Государство и право. 1997. № 2. С. 16.

[66] Доктор юридических наук (1991), профессор, заслуженный юрист РФ (1994). С 1979 г. – младший, затем старший научный сотрудник и заведующий сектором зарубежной информации Института государства и права АН СССР, с 1992 по 1999 г. – руководитель Центра сравнительного права ИГП РАН. В 1991–1993 гг. – эксперт Конституционного Суда РФ. С 1999 г. Парламентской ассамблеей Совета Европы избран первым российским судьей реформированного Европейского Суда по правам человека (Страсбург). В 2005 г. переизбран на новый шестилетний срок. Указом Президента РФ от 03.12.2018 г. № 691 назначен членом Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

[67] См.: Государство и право. 1997. № 2. С. 4–9.

[68] Доктор юридических наук (1980), профессор, заслуженный деятель науки РФ. В Институте государства и права работала с 1960 г. До назначения на должность заместителя директора Института была заведующей сектором.

В 2000 г. в прежний состав редколлегии журнала вошел заместитель главного редактора ***Ю.Л. Шульженко***. Ответственным секретарем была назначена ***Н.В. Кроткова***.

В 2001 г. был утвержден новый состав редколлегии: ***С.А. Авакьян, М.П. Бардина, Г.А. Гаджиев, Я.А. Гейвандов, Л.В. Головко, В.Б. Исаков, Н.В. Кроткова*** (отв. секретарь), ***И.И. Лукашук, В.В. Лунеев, М.Н. Марченко, О.М. Олейник, И.Л. Петрухин, Г.А. Тосунян, М.К. Треушников, Т.Я. Хабриева, Н.Ю. Хаманева, С.В. Черниченко, Ю.Л. Шульженко*** (зам. главного редактора).

В конце 2002 г. в редсовет журнала были введены ***А.А. Вешняков, М.В. Баглай*** и ***Е.А. Суханов***.

В 2003 г. за вклад и развитие отечественного академического книгоиздания сотрудники редакции журнала «Государство и право» были награждены Памятным знаком «Издательство “Наука” 80 лет».

С 2005 г. журнал издается под руководством Отделения общественных наук РАН.

На начало 2000 г. тираж журнала составлял немногим более 5 тыс. экз., а на начало 2007 г. – около 4 тыс. экз.

В 2007 г. Журнал отметил свое 80-летие. В его адрес поступили многочисленные поздравления[69]. «Редакция журнала, – как подчеркнула И.А. Иконицкая, – испытывает большое удовлетворение по поводу того, что его популярность среди научной общественности, несмотря, к сожалению, на сравнительно небольшой тираж, остается на достаточно высоком уровне, о чем свидетельствует довольно обширный портфель редакции журнала»[70]. В юбилейном номере был дан краткий анализ актуальных проблем, которые за последнее десятилетие освещались на страницах журнала «Государство и право»[71].

* * *

С ***апреля 2007 г.*** до ***марта 2018 г.*** главный редактор журнала – ***Алексей Станиславович Автономов*** (род. в 1959 г.)[72]. Сферу научных интересов А.С. Автономова составляют конституционное, международное, гражданское право, теоретические и исторические проблемы права и государства. Ученый внес весомый вклад в развитие методов исследования права, в изучение различных аспектов конституционного и муниципального права в России и за рубежом, международных и внутригосударственных механизмов защиты прав человека, взаимодействия институтов гражданского общества и властных органов, проблем истории государства и права, соотношения частноправовых и публично-правовых институтов. Владеет английским, французским, португальским, польским, испанским, итальянским, болгарским, немецким, сербским, финским и другими языками.

С 2007 г. заместитель главного редактора – канд. юрид. наук ***Н.В. Кроткова***.

В 2008 г. в состав обновленного редсовета вошли ***В.Д. Зорькин, А.А. Иванов, И.А. Иконицкая, О.Е. Кутафин, В.В. Лаптев, В.М. Лебедев***, ***Е.А. Лукашева, Ю.Я. Чайка, В.Ф. Яковлев***.

Председателем редакционного совета журнала был назначен ***член-корреспондент РАН*** (ныне – ***академик РАН***), ***директор Института государства и права Российской академии наук А.Г. Лисицын-Светланов*** (род. в 1951 г.).

Обновился и состав редколлегии журнала: ***Т.Е. Абова, С.А. Авакьян, М.П. Бардина, К.С. Бельский, М.М. Бринчук, Л.В. Головко, В.Г. Графский, В.Е. Гулиев, В.Н. Гуцуляк, И.С. Зыкин, Р.А. Каламкарян, Н.В. Кроткова*** (зам. главного редактора), ***В.В. Лунеев, В.И. Лысенко, С.В. Максимов, М.Н. Марченко, Н.И. Михайлов, И.Б. Михайловская, И.Л. Петрухин, С.В. Поленина, Н.Г. Салищева, Г.С. Скачкова, В.В. Устюкова, Т.Я. Хабриева, Н.Ю. Хаманева, В.Е. Чиркин, Ю.Л. Шульженко***.

С 2010 г. журнал издавался на базе Академиздатцентра «Наука» РАН. На начало 2010 г. тираж составил 1880 экз., на начало 2011 г. – 1308 экз., на начало 2012 г. – 1200 экз.

Журнал продолжил традицию опубликования обзоров «круглых столов», проводимых совместно журналами «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь». В мае 2011 г. состоялся «круглый стол» журнала, посвященный обсуждению

[69] См.: Государство и право. 2007. № 2. С. 5–9.

[70] 80 лет журналу «Государство и право» // Там же. С. 10.

[71] Там же. С. 10–29.

[72] Доктор юридических наук (2000), профессор. В Институте государства и права РАН занимал должности заведующего сектором сравнительного права, главного научного сотрудника сектора международно-правовых исследований. Председатель Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации (2012–2014). Ныне – проректор Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова. Награжден медалью «В память 850-летия Москвы».

книги «Философия права»[73] (введена и новая рубрика под названием «Философия права»[74]).

Откликнулся журнал на обсуждение проекта федерального закона «О полиции»[75], а также на судьбу аграрного права[76].

В 2012 г. в связи с 85-летним юбилеем Журнала сотрудники редакции были награждены Почетными грамотами Президиума РАН и Академиздатцентра «Наука» РАН.

В 2012 г. во вновь переизбранную редколлегию журнала вошли: ***Т.Е. Абова, С.А. Авакьян, М.П. Бардина, И.Л. Бачило, К.С. Бельский, М.М. Бринчук, Л.В. Брусницын, Л.В. Головко, В.Г. Графский, Е.П. Губин, В.Н. Гуцуляк, И.С. Зыкин, А.В. Ильин, Н.П. Кириллова, И.А. Клепицкий, Н.В. Кроткова*** (зам. главного редактора)***, В.А. Кряжков, В.В. Лунеев, В.И. Лысенко, О.В. Мартышин, М.Н. Марченко, А.М. Нечаева, С.В. Поленина, Т.Н. Радько, Г.С. Скачкова, В.В. Устюкова, В.Е. Чиркин, А.Е. Шерстобитов, В.М. Шерстюк, Г.Г. Шинкарецкая***.

В 2017 г. Журнал отметил 90-летний юбилей. В адрес редакции поступили многочисленные поздравления, которые были размещены в номере 2. Вот некоторые выдержки из них: «При изменениях названия журнала не менялось его предназначение как авторитетнейшего рупора отечественной юридической науки. <...> безупречная редакторская проработка материалов давно стали его фирменным стилем. Нынешнее поколение сотрудников журнала сохраняет и приумножает лучшие традиции научной юридической периодики. <...>. Определенный консерватизм, присущий журналу в стилистике и редакционной политике, лишь подчеркивает его академический статус» (В.Д. Зорькин); «Отличительные черты редакционной политики Журнала, неподвластные времени: академичность, строгий и сразу узнаваемый стиль изложения...» (А.Н. Кокотов); «“Государство и право” многие годы несет высокое звание академического издания» (Т.Я. Хабриева); «До сих пор журнал является трибуной, где почитают за честь выступать самые маститые отечественные и зарубежные ученые. Идут годы, но остается неизменным высокое качество научных статей, основательность подходов, нацеленность на обсуждение сложных проблем развития государства и права» (В.В. Блажеев); «Высокий профессионализм, ответственное отношение к делу, внимание к авторам и читателям всегда были и остаются Вашими отличительными качествами» (А.К. Голиченков); «По глубине теоретического анализа, обоснованности научных выводов и практических рекомендаций журнал был и остается эталоном. <...>. Высокое качество журнала – результат огромного труда яркого творческого коллектива и его замечательной редколлегии, в состав которой входят лидеры отечественной правовой науки и известные практики» (О.С. Капинус); «Те стандарты качества, которые выдерживаются журналом “Государство и право” в течение уже целого ряда эпох (!), надлежаще дисциплинируют как его читателей, так и авторов» (Ю.Н. Старилов).

Состав редсовета был расширен, его новыми членами стали ***М.И. Клеандров, В.А. Колокольцев, Н.И. Михайлов, Ю.К. Толстой, Г.А. Тосунян, Т.Я. Хабриева, Н.Ю. Хаманева, Ю.Л. Шульженко***.

На начало 2017 г. тираж составил 961 экз., на начало 2018 г. – 719 экз.

Несмотря на общую тенденцию сокращения тиражей журналов в бумажном виде, все годы своей плодотворной деятельности наш Журнал пользовался и продолжает пользоваться заслуженным авторитетом как среди ученых, так и практических работников.

* * *

Распоряжением Президента Российской академии наук от 5 апреля 2018 г. «О главных редакторах журналов Отделения общественных наук РАН» на должность главного редактора журнала «Государство и право» РАН назначен ***Михаил Иванович Клеандров*** (род. в 1946 г.)[77].

[73] *Кроткова Н.В.* «Круглый стол»: «Обсуждение книги “Философия права” (Курс лекций. Учеб. пос. В 2-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко» // Государство и право. 2011. № 11. С. 15–32.

[74] См., напр.: *Жуков В.Н.* Право как ценность // Государство и право. 2010. № 1. С. 21–34; *Его же.* Философское познание государства и права // Государство и право. 2010. № 6. С. 31–40; *Его же.* Государство как ценность // Государство и право. 2009. № 9. С. 14–26; *Мартышин О.В.* Нужна ли философия права как самостоятельная юридическая дисциплина? // Государство и право. 2009. № 11. С. 18–28.

[75] См.: Обсуждение федерального закона «О полиции» на расширенном заседании Ученого совета Института государства и права РАН // Государство и право. 2009. № 1. С. 5–10.

[76] См.: О судьбе аграрного права. Открытое письмо Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву // Государство и право. 2009. № 5. С. 36–38.

[77] Член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ. Главный научный сотрудник сектора предпринимательского и гражданского права Института государства и права РАН. С 1993 по 1995 г. – судья Экономического суда СНГ. В 1995–2003 гг. – Председатель Арбитражного суда Тюменской области. Назначен судьей Конституционного Суда РФ 12.08.2003 г. С 01.09.2016 г. – судья Конституционного Суда РФ в почетной отставке. Судья высшего квалификационного

Специалист в области хозяйственного (предпринимательского) права, арбитражного процесса и проблем судебной власти.

Главное направление научной деятельности М.И. Клеандрова – совершенствование механизма российского правосудия. Им сформулирован и обоснован его трехсегментный состав (судоустройственный, судопроизводственный и определяющий статус лиц, непосредственно осуществляющих правосудие), охватывающий каждую из трех ветвей судебной власти и дифференцируемый по видам правосудия. На основе проводимых им НИР вносились научно обоснованные рекомендации по совершенствованию и повышению эффективности механизма российского правосудия в разрезе его сегментов и в системном единстве – для законодателя и правоприменителя. В частности, им исследовалась проблематика предпринимательского права, статуса судьи, ответственности судьи, совершенствования формирования судейского корпуса, правовой организации механизма правосудия, судейского сообщества, правосудия и справедливости и др.

Утвержденный новый состав редакционного совета[78] журнала возглавил его ***председатель – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ А.Н. Савенков*** (род. в 1961 г.).

В состав обновленной редколлегии впервые вошли зарубежные ученые.

С назначением главным редактором М.И. Клеандрова начался новый этап развития Журнала, который все эти годы тесно связан с Институтом государства и права РАН.

Далее приведем краткую справку об Институте (соучредителе Журнала) за прошедший пятилетний период.

* * *

Институт государства и права, образованный в 1925 г., готовится к своему 100-летнему юбилею. Как ведущий научный юридический центр нашей страны, Институт осуществляет исследования по актуальным проблемам всех отраслей российского права. Ученые Института вносят существенный вклад в развитие отечественной правовой науки, международного права, создание советского и российского законодательства и совершенствование практики его применения.

В соответствии с Указом Президента РФ от 6 июля 1995 г. № 673 коллектив Института принимал непосредственное участие в разработке и реализации концепции правовой реформы в Российской Федерации.

Фундаментальные исследования, определяющие основы современного правоведения в Институте, осуществлялись такими видными представителями отечественной юридической науки, как Е.Б. Пашуканис, М.С. Строгович, А.А. Герцензон, В.П. Казимирчук, А.Н. Трайнин и др. Институт получил мировую известность благодаря трудам выдающихся представителей отечественной правовой школы, академиков АН СССР и РАН И.П. Трайнина, В.Н. Кудрявцева, Б.Н. Топорнина, В.В. Лаптева, В.С. Нерсесянца, членов-корреспондентов АН СССР и РАН В.М. Чхиквадзе, М.С. Строговича, А.А. Пионтковского, Е.А. Лукашевой и ряда других ученых.

Авторитет Института формировался на основе трудов его известных ученых – классиков российской правовой школы: Т.Е. Абовой, М.В. Баглая, М.М. Богуславского, В.А. Карташкина, В.В. Лунеева, И.А. Танчука, Б.А. Страшуна, В.Е. Чиркина, Л.М. Энтина, В.А. Туманова, Ц.А. Ямпольской и многих других.

В Институте сохраняются и развиваются российские академические традиции. Его научную основу формируют ведущие правоведы страны, прежде всего академики РАН А.Г. Лисицын-Светланов, В.И. Жуков, члены-корреспонденты РАН А.Н. Савенков, А.В. Габов, М.И. Клеандров.

В июне 2017 г. в рамках реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации в Институте начата реализация программы перспективного развития, которая заложила основы нового этапа в его истории. В соответствии с Программой фундаментальных научных исследований Российской академии наук и Планом научно-исследовательской работы Института на 2019–2021 гг. (государственное задание) осуществлялась научно-исследовательская работа по 19 новым темам.

класса (1994). Член Президиума Совета судей РФ. Лауреат международной премии Гуго Гроция (1998) – за обоснование предложения о создании Суда по правам человека в пространстве СНГ, автор более 600 опубликованных научных работ по различным правовым проблемам. Награждён орденом Дружбы, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Почетной грамотой Президента Российской Федерации, Почётной грамотой и наградным знаком «За служение правосудию» Совета судей Российской Федерации.

[78] Здесь не будем приводить фамилии членов редсовета и редколлегии – они указаны на первой полосе каждого номера Журнала.

В шести диссертационных советах Института, создающих возможность защиты диссертаций по 10 научным специальностям, подготовлены и защищены в 2020–2021 гг. 11 кандидатских и 8 докторских диссертаций. Эти исследования признаны научным сообществом[79].

Только за последние два года Институтом организованы свыше 50 значимых научных мероприятий, в т.ч. международного уровня, при неизменном участии ведущих отечественных и зарубежных ученых в области права и представителей государственных органов высшего уровня.

В их числе серии международных научных конференций, посвященных вопросам конституционного права (25-летие Конституции Российской Федерации[80]); философии, психологии и социологии права; основных проблем уголовного права, процесса и криминалистики; и др. По итогам названного цикла конференций впервые в истории современной академической науки был издал сборник докладов членов РАН «Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества» (2019). Мероприятия имели широкий позитивный резонанс среди профессионального научного сообщества. По результатам этой работы ряд сотрудников Института награждены Благодарственным письмом Президента РФ и знаками отличия Совета Федерации и Государственной Думы.

Институт является постоянным участником и организатором ежегодных ведущих международных и общероссийских научных форумов[81], постоянным участником ряда ежегодных зарубежных форумов[82].

Высокий организационный и научный уровень проводимых Институтом научных мероприятий отмечен благодарностью Министра науки и высшего образования РФ по итогам Международной научно-практической конференции «Реализация государственной политики в области противодействия коррупции в организациях, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации» (4–5 декабря 2019 г.).

Научный потенциал Института получил заслуженную оценку Российского фонда фундаментальных исследований. Только в 2018–2020 гг. научные коллективы сотрудников Института победили в конкурсах и получили 26 исследовательских грантов Фонда.

Учеными Института подготовлены 119 фундаментальных научных трудов (монографий, комментариев, учебников и т.п.), ряд из которых отмечены престижными профессиональными премиями[83].

Институт как ведущий правовой центр страны востребован на государственном уровне, активно участвует в реализации новых подходов к совершенствованию российского законодательства. По поручению профильных комитетов палат Федерального Собрания РФ Институтом выполнены фундаментальные правовые исследования, на основе которых подготовлены проекты ряда законов и иных нормативных правовых актов.

С 2018 г. в Институте внедрена практика комплексных междисциплинарных научных исследований в соответствии с приоритетами фундаментальных исследований Минобрнауки России и РАН.

Содержание новых исследовательских задач и направлений научной работы обусловило необходимость совершенствования организации научной деятельности Института. В 2018–2020 гг. оптимизирована структура научных секторов, в Институте сформированы научно-исследовательские центры.

Ученые Института входят в состав Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, являются членами научно-консультативных и экспертных советов при Администрации Президента РФ, Совете Безопасности РФ, Верховном Суде РФ, в палатах Федерального Собрания РФ и федеральных органов, участвуют в образовательной деятельности ведущих вузов страны.

---

[79] В частности, диссертационное исследование д-ра юрид. наук В.Б. Наумова на тему «Институт идентификации в информационном праве» в 2021 г. признано ВАК Минобрнауки России одним из лучших в стране.

[80] См.: *Шульженко Ю.Л., Виноградова Е.В., Кроткова Н.В., Данилевская И.Л.* Четверть века Конституции России: осмысление опыта (К итогам Всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Государство и право. 2019. № 3. С. 17–26. DOI: 10.31857/S013207690004421-5; *Шульженко Ю.Л., Виноградова Е.В., Кроткова Н.В., Патюлин Г.С.* Институционализация доктрины конституционализма (По итогам Всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Государство и право. 2019. № 4. С. 40–51. DOI: 10.31857/S013207690004653-0

[81] В частности, Петербургских международных юридического и экономического форумов, Международного Арктического форума, Инвестиционного форума ВТБ-Капитал «Россия зовет!», Международного конгресса по кибербезопасности (г. Москва), Сочинского международного инвестиционного форума, Столыпинского научного форума, научного форума «Примаковские чтения» и др.

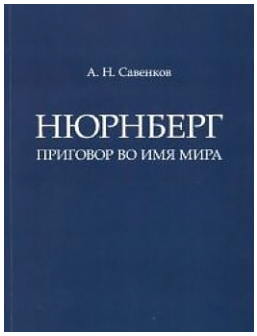
[82] В том числе таких как германо-российский «Петербургский диалог» и «Потсдамские встречи».

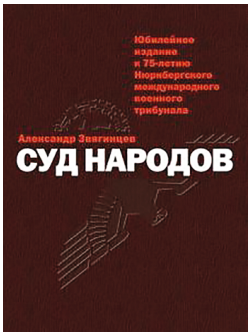
[83] Среди них премии РАН – им. М.М. Ковалевского за научные труды по проблемам социологии и социальной политики (акад. РАН В.И. Жуков (2019)); им. Ф.Ф. Мартенса за научные труды в области международного права и международных отношений (д-р юрид. наук, проф. Г.М. Вельяминов (2020)). Ежегодной национальной премией «Золотая идея» Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству России за научный труд в области военно-технического сотрудничества отмечен д-р юрид. наук, проф. В.В. Кудашкин.

Развиваются фундаментальные и прикладные исследования междисциплинарного характера, в области правового регулирования вопросов международной информационной безопасности, развития робототехники, формирования правового статуса искусственного интеллекта.

В рамках межотраслевого и межгосударственного взаимодействия в 2021 г. активно развивались исследования трансформации и сближения форм международного и внутригосударственного права, проблемы правопорядка в глобализирующемся мире, повышения роли государства как регулятора интеграционных и модернизационных процессов с учетом национальных интересов, исторических и культурных традиций.

В соответствии с поручениями Президента РФ коллективом Института реализуется особое направление фундаментальных научных исследований правового наследия и роли Нюрнбергского процесса и последующих международных трибуналов в формировании современного миропорядка, консолидирующей позиции российского и международного сообществ в оценке преступлений против человечества, внедрению в научный оборот и правоприменительную практику историко-документальных материалов этих процессов. Исследования в этом направлении в рамках реализации общероссийского проекта «Без срока давности» являются абсолютно уникальными, они получили высокую оценку государства и общества. Впервые в отечественной научной истории опубликованы





уникальные научные издания сотрудников Института (с изложением подлинных документов), посвященные правовым аспектам Нюрнбергского и других международных трибуналов[84].

В Институте успешно работает Национальный исследовательский центр правового наследия Нюрнбергского процесса (Академия Нюрнбергских принципов).

Уникальные фундаментальные научные результаты этих исследований Института представлены научному сообществу в ходе ряда значимых международных научных мероприятий[85].

Научным коллективом Института достигнуты значимые результаты фундаментальной и прикладной научно-исследовательской деятельности, обеспечено качественное выполнение государственного задания и достижение в полном объеме его показателей[86].

Несмотря на сложности 2021 года, связанные с ограничительными мерами, непосредственно Институтом организованы научные и научно-практические мероприятия международного характера, в т.ч. по увековечению памяти выдающихся ученых Института В.С. Нерсесянца, В.В. Лаптева, Т.Е. Абовой, Б.М. Лазарева, И.Л. Бачило и др.

Значимые достижения в научной деятельности Института во многом обусловлены его современным научным и кадровым потенциалом, историей и академическими традициями научной школы.

За последние четыре года число ежегодных публикаций в журналах (периодических изданиях), индексируемых в международных системах научного цитирования *Web of Science* и *Scopus*, возросло в разы. Так, число последних в 2020–2021 гг. составило 47 (при показателе 27). Подтверждением высокого уровня и научной значимости трудов сотрудников Института стало решение экспертного совета о включении журнала «Государство и право» с 2021 г. в международную базу данных *Scopus*.

Большая работа проделана коллективом Института по подготовке доктринальных информационно-аналитических материалов для Совета

[84] См., напр.: *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021; *Звягинцев А.Г.* Суд народов. М., 2020; см. также: *Савенков А.Н.* Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30; *Его же*. Хабаровский процесс как важнейший этап реализации Нюрнбергских принципов и формирования международного уголовного правосудия // Государство и право. 2021. № 10. С. 7–40.

[85] Среди которых международный форум «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы» и др., серия научных выставочных экспозиций, прошедших в пяти зарубежных государствах и практически во всех субъектах страны.

[86] В 2021 г. в рамках утвержденных научно-исследовательских работ с превышением показателей в разы выполнено государственное задание, в т.ч. подготовлено 22 научных издания (монографий, сборников научных трудов и т.п.) – при плановом показателе 6. В журналах (периодических изданиях), индексируемых в российских системах научного цитирования РИНЦ, в 2021 г. вышло свыше 400 статей сотрудников (при показателе 195), в т.ч. 136, входящих в ядро РИНЦ. Научными сотрудниками Института, в т.ч. в соавторстве, в 2021 г. подготовлено свыше тысячи публикаций. За последние годы ежегодная цитируемость научных трудов Института увеличилась на порядок и превышает показатель в десятки тысяч единиц (58.1 тыс.), что позволило Институту уверенно войти в лидирующую группу научных организаций страны по публикационной активности.

Безопасности РФ, Правительства РФ, Федерального Собрания РФ, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Следственного комитета и Генеральной прокуратуры РФ[87].

Бюро Отделения общественных наук РАН на заседании 22 сентября 2021 г. постановило признать соответствующими Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (до 2030 г.) и одобрить научное руководство и кадровую политику директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук, члена-корр. РАН А.Н. Савенкова.

На 2022 год в ИГП РАН запланировано к проведению более 40 научных мероприятий[88].

За заслуги в научной деятельности и многолетнюю добросовестную работу в 2020 г. коллективу Института государства и права Российской академии наук Распоряжением Президента РФ от 15 августа 2020 г. № 210-рп объявлена Благодарность Президента Российской Федерации[89].

В 2020 г. за большой вклад в развитие юридической науки и совершенствование российского законодательства коллектив Института награжден Почетными грамотами Совета Федерации ФС РФ, Министерства науки и высшего образования РФ, Российской академии наук, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы судебных приставов, Федеральной антимонопольной службы, Суда Евразийского экономического союза, мэрии Москвы, Ассоциации юристов России, Российского фонда фундаментальных исследований и др.[90]

3 декабря 2020 г. директору Института, член-корр. РАН А.Н. Савенкову присуждена высшая юридическая премия «Юрист года» за вклад в юридическую науку.

За цикл научных мероприятий, в т.ч. международного характера, организованных Институтом и посвященных противодействию преступности и предупреждению коррупционных проявлений, Институту объявлена благодарность Министра науки и высшего образования РФ.

В 2020–2021 гг. за высокие достижения в научной деятельности и успехи в труде поощрены все без исключения научные сотрудники Института[91].

Сегодня Институт государства и права Российской академии наук – это коллектив единомышленников, высококвалифицированных ученых, которые выполняют важную научно-исследовательскую работу с учетом приоритетов научно-технологического развития России.

* * *

Наш Журнал дал путевку в жизнь значительному числу отечественных юристов, как советских, так и нынешних. На его страницах начинали свою творческую деятельность многие ученые, ставшие впоследствии авторитетными деятелями в области науки. И Институт государства и права – не исключение.

Полагать, что сам Журнал (как и Институт) все время развивался в безоблачной среде, находясь в «хрустальном тереме», было бы категорически неверно. В настоящее время научным журналам, в т.ч. и нашему, приходится сталкиваться с проблемами тиража – это общемировая тенденция. Так, тираж первого номера 2022 г. – 510 экз. Вместе с тем объем Журнала увеличился (номер

---

[87] В 2020–2021 гг. Институт подготовил заключения по 26 проектам федеральных законов в Комитете Государственной Думы РФ по безопасности и противодействию коррупции, 46 федеральных законов и 67 проектов федеральных законов, направленных на изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ, 79 федеральных законов и свыше 200 проектов федеральных законов по изменению российского законодательства об административных правонарушениях.

Ученые Института принимали непосредственное участие в подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ (2020) и проекта новой редакции КоАП РФ (2020).

[88] В 2022 г. под руководством заместителя директора ИГП РАН по международному сотрудничеству А.Г. Звягинцева проходит выставка, посвященная 300-летию со дня образования органов прокуратуры России. На выставке представлены архивные материалы, выявленные из документов федеральных, региональных и ведомственных архивов. Мероприятие направлено на формирование консолидирующей позиции российского общества и международного сообщества в оценке преступлений против человечества, вовлечение в научный оборот, следственную и судебную деятельность историко-документальных материалов.

10.03.2022 г. в Союзе писателей России состоялась торжественная церемония награждения лауреатов Национальной премии «Лучшие книги и издательства года–2021». Лучшей книгой в номинации «История» признано научно-популярное издание «300 лет Российской прокуратуры» А.Г. Звягинцева. Автору вручены диплом и медаль лауреата премии.

А.Г. Звягинцев за участие в научной и научно-просветительской деятельности был отмечен Благодарностью Президента РФ (2021 г.) и премией им. Е.М. Примакова за цикл актуальных научно-популярных, публицистических и художественных произведений о Нюрнбергском трибунале.

[89] Награжден орденом Почета д-р юрид. наук, проф. В.Е. Чиркин, д-ру юрид. наук, проф. С.С. Занковскому присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». В этом же году высшей ведомственной награды Минюста России медали А.Ф. Кони удостоен д-р юрид. наук, проф. В.А. Карташкин.

[90] Премия им. А.Ф. Кони присуждена члену-корр. РАН Е.А. Лукашевой. Первым лауреатом золотой медали РАН им. В.Н. Кудрявцева стал д-р юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ по науке и технике В.В. Лунеев. Всероссийскую правовую премию им. М.М. Сперанского получил д-р юрид. наук, проф. В.Г. Графский.

[91] В том числе: 3 – награждены государственными наградами, 15 – вручены Благодарственные письма Президента РФ, 82 сотрудника награждены ведомственными наградами, грамотами и дипломами, 7 – удостоены премий научных и общественных организаций.

1 – 23 уч.-изд.л.). Турбулентность в истории нашего общества и государства в последние сто лет не могли не создавать периодические трудности в различных сферах организации работы Журнала, принимая подчас характер кризиса.

Последний из них связан с радикальной реорганизацией самой Российской академии наук (еще мягко сказано) в 2014 г. и передачей всех академических институтов и издательства «Наука» (ФГУП «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр "Наука"») из ведения РАН в ведение ФАНО, после чего издательство «Наука», обладавшее мощной материально-технической базой, обанкротилось, а фактическими издателями академических журналов (а их более 140) стали победители в ежегодных тендерах, среди которых далеко не все обладали опытом издательской деятельности и необходимой материально-ресурсной базой. К тому же к разработке условий тендера академические институты не привлекаются (его разрабатывает и подписывает НИСО РАН (Российская академия наук – один из двух учредителей академических журналов)), а сами академические институты (вторые учредители журналов) на выработку условий тендера повлиять не в состоянии. Правда, журналам социогуманитарного профиля (включая наш Журнал) повезло – с выигрывавшим ежегодные тендеры ООО «Интеграция: Образование и Наука» у Журнала установились добротные деловые отношения, а сам Журнал начал, что называется, «набирать еще большие обороты».

Результатом чего стало (несмотря на серьезный и во многом обоснованный скептицизм у академических ученых относительно существующей системы наукометрических показателей) прохождение соответствующих экспертиз и включение 8 апреля 2021 г. нашего Журнала в международную наукометрическую базу данных *Scopus*.

* * *

Настоящий номер Журнала – юбилейный. С соблюдением необходимых формальностей (в частности, по оформлению по современным стандартам) в него вошли избранные, уже ранее опубликованные в Журнале статьи ученых Института государства и права РАН, прежде всего членов АН СССР (РАН), а также некоторые работы практиков-ученых. Естественно, достойных переопубликования работ в юбилейном номере Журнала в сотни раз больше, чем здесь представлено, но объем Журнала, к сожалению, не безграничен. А рубрикация публикуемых в настоящем номере Журнала работ демонстрирует читателю широкую полноту (не всю, конечно) охвата проблем фундаментального характера, которым Журнал старался заинтересовать верного ему читателя.

* * *

Поздравляем с 95-летием Журнала и выражаем слова благодарности в подготовке юбилейного номера директору Института государства и права Российской академии наук, члену-корр. РАН А.Н. Савенкову, врио первого заместителя директора Института Е.В. Виноградовой, врио заместителя директора Института по научной работе Н.В. Летовой, члену-корр. РАН А.В. Габову, ученому секретарю Института, канд. юрид. наук И.И. Бутриму, д-ру юрид. наук, д-ру филос. наук В.Н. Жукову, д-рам юрид. наук Т.А. Васильевой, А.Д. Керимову, М.Н. Кобзарь-Фроловой, В.В. Лапаевой, В.А. Лаптеву, В.В. Устюковой, А.Ю. Чучаеву, Г.Г. Шинкарецкой, канд. юрид. наук Н.В. Колотовой, а также всем сотрудникам научно-организационного отдела Института.

Отдельные слова благодарности за поздравления, поступившие в адрес Журнала, все они размещены на сайте ИГП РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 80 лет журналу «Государство и право» // Государство и право. 2007. № 2. С. 5–29.
2. *Алымов А., Студеникин С.* Проблемы реконструкции госаппарата на пороге второй пятилетки // Сов. государство. 1932. № 9–10. С. 58–78.
3. *Бельский К.С.* Административное и финансовое право в портретных зарисовках. Пенза, 2021. С. 322–329, 344–354.
4. *Бобылев А.И., Козырь М.И.* Корифей советской аграрно-правовой науки (К 100-летию И.В. Павлова) // Право и государство: теория и практика. 2009. № 10. С. 147–152.
5. *Жуков В.Н.* Государство как ценность // Государство и право. 2009. № 9. С. 14–26.
6. *Жуков В.Н.* Право как ценность // Государство и право. 2010. № 1. С. 21–34.
7. *Жуков В.Н.* Философское познание государства и права // Государство и право. 2010. № 6. С. 31–40.
8. *Звягинцев А.Г.* Суд народов. М., 2020.
9. Интервью с бывшими главными редакторами журнала // Государство и право. 1997. № 2. С. 16.
10. *Корсаков С.Н.* Политические репрессии в Институте философии (1930–1940-е годы). С. 132 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_8/9.pdf (дата обращения: 21.05.2018).
11. *Кроткова Н.В.* «Круглый стол»: «Обсуждение книги "Философия права" (Курс лекций. Учеб. пос. В 2-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко» // Государство и право. 2011. № 11. С. 15–32.
12. *Кроткова Н.В.* Нашему журналу – 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 11, 14.
13. *Кроткова Н.В.* Отражение становления советского права и государственного аппарата в юридических журналах первых десятилетий Советской власти // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 72–86.

14. *Мартышин О.В.* Нужна ли философия права как самостоятельная юридическая дисциплина? // Государство и право. 2009. № 11. С. 18–28.

15. О судьбе аграрного права. Открытое письмо Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву // Государство и право. 2009. № 5. С. 36–38.

16. Обсуждение федерального закона «О полиции» на расширенном заседании Ученого совета Института государства и права РАН // Государство и право. 2009. № 1. С. 5–10.

17. Преподаватели кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Биографический и библиографический указатель (1958–2018). М., 2018. С. 26.

18. *Савенков А.Н.* Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30.

19. *Савенков А.Н.* Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 10–15.

20. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.

21. *Савенков А.Н.* Хабаровский процесс как важнейший этап реализации Нюрнбергских принципов и формирования международного уголовного правосудия // Государство и право. 2021. № 10. С. 7–40.

22. *Савицкий В.М.* Михаил Соломонович Строгович (Краткий биографический очерк) // Строгович М.С. Избр. труды: в 3 т. Т. 1. Проблемы общей теории права / отв. ред. С.Н. Братусь. М., 1990. С. 7–13.

23. *Скрипилев Е.А.* Нашему журналу – 70 лет // Государство и право. 1997. № 2. С. 17, 19, 20.

24. *Сушкова Ю.Н.* Жизненный путь и научное наследие П.С. Ромашкина // Государство и право. 2018. № 5. С. 68–75.

25. *Шульженко Ю.Л., Виноградова Е.В., Кроткова Н.В., Данилевская И.Л.* Четверть века Конституции России: осмысление опыта (К итогам Всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Государство и право. 2019. № 3. С. 17–26. DOI: 10.31857/S013207690004421-5

26. *Шульженко Ю.Л., Виноградова Е.В., Кроткова Н.В., Патюлин Г.С.* Институционализация доктрины конституционализма (По итогам Всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Государство и право. 2019. № 4. С. 40–51. DOI: 10.31857/S013207690004653-0

REFERENCES

1. 80 years of the journal “State and Law” // State and Law. 2007. No. 2. P. 5–29 (in Russ.).

2. *Alymov A., Studenikin S.* Problems of reconstruction of the state apparatus on the threshold of the second five-year plan // Soviet State. 1932. No. 9–10. P. 58–78 (in Russ.).

3. *Belsky K.S.* Administrative and Financial Law in portrait sketches. Penza, 2021. P. 322–329, 344–354 (in Russ.).

4. *Bobylev A.I., Kozyr M.I.* The leading light of the Soviet agrarian and legal science (To the 100th anniversary of I.V. Pavlov) // Law and the state: theory and practice. 2009. No. 10. P. 147–152 (in Russ.).

5. *Zhukov V.N.* The state as a value // State and Law. 2009. No. 9. P. 14–26 (in Russ.).

6. *Zhukov V.N.* Law as a value // State and Law. 2010. No. 1. P. 21–34 (in Russ.).

7. *Zhukov V.N.* Philosophical cognition of the state and law // State and Law. 2010. No. 6. P. 31–40. (in Russ.).

8. *Zvyagintsev A.G.* Court of Peoples. M., 2020 (in Russ.).

9. Interviews with former editors-in-chief of the journal // State and Law. 1997. No. 2. P. 16 (in Russ.).

10. *Korsakov S.N.* Political repression in the Institute of philosophy (1930–1940). P. 132 [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_8/9.pdf (accessed: 21.05.2018) (in Russ.).

11. *Krotkova N.V.* Round Table: “The discussion of the book “Philosophy of Law” (Course of lectures. Study village. In 2 volumes / Ed. by M.N. Marchenko” // State and Law. 2011. No. 11. P. 15–32 (in Russ.).

12. *Krotkova N.V.* Our magazine is 85 years old // State and Law. 2012. No. 4. P. 11, 14 (in Russ.).

13. *Krotkova N.V.* Reflection of the formation of Soviet law and state apparatus in legal journals of the first decades of Soviet power // Law and the state: theory and practice. 2018. No. 2. P. 72–86 (in Russ.).

14. *Martyshin O.V.* Is the philosophy of law needed as an independent legal discipline? // State and Law. 2009. No. 11. P. 18–28 (in Russ.).

15. On the fate of Agrarian Law. An open letter to the President of the Russian Federation D.A. Medvedev // State and Law. 2009. No. 5. P. 36–38 (in Russ.).

16. Discussion of the Federal Law “On Police” at an expanded meeting of the Scientific Council of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences // State and Law. 2009. No. 1. P. 5–10 (in Russ.).

17. Teachers of the Department of Television and Radio Broadcasting of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University. Biographical and bibliographic index (1958–2018). M., 2018. P. 26 (in Russ.).

18. *Savenkov A.N.* The genocide of the Soviet people: from history to law, without a statute of limitations // State and Law. 2021. No. 9. P. 7–30 (in Russ.).

19. *Savenkov A.N.* State. Law. Institute: 95 years of history in persons // State and Law. 2020. No. 3. P. 10–15 (in Russ.).

20. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict in the Name of Peace. M., 2021 (in Russ.).

21. *Savenkov A.N.* Khabarovsk trial as the most important stage in the implementation of the Nuremberg Principles and the formation of international criminal justice // State and Law. 2021. No. 10. P. 7–40 (in Russ.).

22. *Savitsky V.M.* Mikhail Solomonovich Strogovich (profile) // Strogovich M.S. Selected works: in 3 vols. Vol. 1. Problems of General theory of law / ed. by S.N. Bratus. M., 1990. P. 7–13 (in Russ.).

23. *Skripilev E.A.* Our magazine – 70 years // State and Law. 1997. No. 2. P. 17, 19, 20 (in Russ.).

24. *Sushkova Yu. N.* The life path and scientific heritage of P.S. Romashkin // State and Law. 2018. No. 5. P. 68–75 (in Russ.).

25. *Shulzhenko Yu. L., Vinogradova E.V., Krotkova N.V., Danilevskaya I.L.* Quarter century of the Russian Constitution: the interpretation of the experience (The results of the All-Russian scientific conference "XXV years of the Constitution of the Russian Federation: the transformation of paradigm law in the civilizational development of mankind") // State and Law. 2019. No. 3. P. 17–26. DOI: 10.31857/S013207690004421-5 (in Russ.)

26. *Shulzhenko Yu. L., Vinogradova E.V., Krotkova N.V., Patyulin G.S.* Institutionalization of the doctrine of constitutionalism (Following the results of the All-Russian scientific conference "XXV years of the Constitution of the Russian Federation: transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind") // State and Law. 2019. No. 4. P. 40–51. DOI: 10.31857/S013207690004653-0 (in Russ.)

Сведения об авторах

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; главный редактор журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

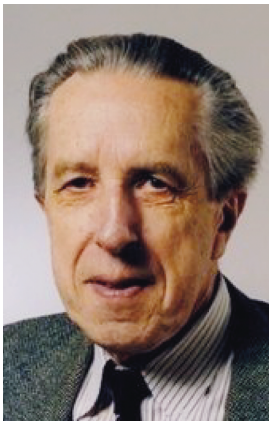
КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1035-1892
ORCID ID: 0000-0003-2853-1287

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. –
Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Editor-in-Chief of the journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KROTKOVA Natalya V. –
PhD of Law, leading researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of the journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 28–36
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 28–36



СВОБОДА НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА[1]

© 2022 г. В. Н. Кудрявцев

Аннотация. В статье автор рассматривает научное творчество ученого как сложное многоаспектное явление, направленное на расширение познания мира человеком. Высокие достижения в науке, обладающие критериями ценности и новизны, возможны благодаря созданию комфортной среды для исследователя, включая доступ к информационным ресурсам, технологиям, доброжелательную обстановку в научных коллективах, квалифицированных кадров, внешнее финансирование.
Автором выделены основные исторические этапы развития научного мировоззрения, в том числе периоды «отмирания права», партийных и идеологических установок, влияние которых оказало негативное воздействие на свободу научного творчества ученых в нашей стране. Сформулированы предпосылки и условия для обеспечения свободы научного творчества, достижение которого возможно не только благодаря личным способностям ученого, но и за счет выделения новых направлений исследований в сфере прав человека, хозяйственного права, современных методов организации работы научных коллективов.
Участие ученых в выполнении государственных заказов, в частности работа над текстом Конституции 1977 г., свидетельствовало не только об объединении усилий государства и науки, направленных на развитие страны, но и имело особое значение для проявления научного потенциала ученых.

Ключевые слова: наука, творчество, ученый, исследовательская работа, научное творчество, критерии оценки научных результатов, свобода научного творчества, эффективность работы исследователя.

Цитирование: *Кудрявцев В.Н.* Свобода научного творчества // Государство и право. 2022. № 2. С. 28–36.

DOI: 10.31857/S102694520018752-8

FREEDOM OF SCIENTIFIC CREATIVITY[2]

© 2022 V. N. Kudryavtsev

Abstract. In the article, the author considers the scientific work of a scientist as a complex multifaceted phenomenon aimed at expanding human knowledge of the world. High achievements in science, which have the criteria of value and novelty, are possible due to the creation of a comfortable environment for the researcher, including access to information resources, technologies, a friendly atmosphere in research teams, qualified personnel, and external funding.

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2005. № 5. С. 22–28.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук Н.В. Летовой.

[2] The article was published in the journal “State and Law” (2005), No. 5, pp. 22–28.
Abstract and key words are compiled by Doctor of Law N.V. Letova.

The author highlights the main historical stages in the development of the scientific worldview, including periods of "withering away of law", party and ideological attitudes, the impact of which had a negative impact on the freedom of scientific creativity of scientists in our country. Formulated the prerequisites and conditions for ensuring the freedom of scientific creativity, which can be achieved not only due to the personal abilities of a scientist, but also by highlighting new areas of research in the field of human rights, Economic Law, and modern methods of organizing the work of scientific teams.
The participation of scientists in the fulfillment of state orders, in particular the work on the text of the Constitution of 1977, testified not only to the unification of the efforts of the state and science aimed at the development of the country, but was of particular importance for the manifestation of the scientific potential of scientists.

Key words: science, creation, scientist, research, scientific creativity, criteria for evaluating scientific results, freedom of scientific creativity, researcher performance.

For citation: *Kudryavtsev, V.N. (2022).* Freedom of scientific creativity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 28–36.

Творчество – исключительное и выдающееся свойство человека. В психологическом плане оно знаменует самовыражение его личности, а в социальном – было и остается главным, если не единственным источником развития, цивилизации и культуры всего человечества, становясь их неотъемлемым звеном. Владимир Иванович Даль объяснял просто: «творить – давать бытие, созидать, создавать, производить, рождать... Творение – вообще все, созданное умом человека»[3]. Видимо, творческое начало присуще любой личности, разумеется, на разных уровнях: и Эйнштейну, и безвестному столяру, смастерившему отличное изделие.

I

В.И. Даль различал творчество художественное и научное. Действительно, между ними есть существенные различия. В отличие от художественного творчества, которое, на мой взгляд, в принципе не имеет границ и предустановленных форм, научное творчество подчиняется объективным закономерностям. Во-первых, оно большей частью целенаправленно, а потому протекает в определенных рамках, заданных предметом и методом исследования, а подчас и научной школой.

В этих рамках таится объективное ограничение свободы исследовательской работы. Конечно, ученый может выйти за такие рамки, даже игнорировать их. Но в итоге скорее всего получится либо научная фантастика, либо лженаука, хотя не исключено, что произойдет выдающееся научное открытие. И тогда сложатся новые, более широкие рамки, которые по-другому определят и направления, и методы, да и ограничения научного поиска.

Во-вторых, совершенно различны критерии оценки полученных результатов. Научное творчество направлено на расширение познания мира и достижение такого результата (открытие, теорема, изобретение, законопроект и т.д.), критериями ценности которого принято считать его новизну, социальную или техническую значимость и совершенство исполнения. У художественного творчества один критерий оценки – эстетический, содержание которого весьма изменчиво.

Понятно, что научное творчество не всегда кончается чем-либо конкретным, но порождает лишь размышления, впрочем, не лишние для последователей. Художественное творчество может произвести шедевр и рядовую поделку, а иногда оно шокирует публику (Малевич, Шагал, Дали). Порой оно может быть незавершенным. Так, Гоголь сжег второй том «Мертвых душ», оставив поэму без окончания.

Но вернемся к научному творчеству. Для его осуществления необходимы определенные условия. Я остановлюсь только на некоторых. Прежде всего это – информация, содержание которой в современном мире стало очень сложным, часто необозримым. Но, не имея исчерпывающих данных о том, что уже сделано в соответствующей области знаний, окажешься дилетантом или, в лучшем случае, «изобретешь велосипед». Настоящий ученый – очень эрудированный человек.

Далее – это квалифицированная творческая среда, научное окружение, которое создает необходимую базу для исследования сложной проблемы. Это может быть институт, лаборатория, кафедра вуза, группа единомышленников. Над новой темой в естественных и технических науках работает обычно целый коллектив; творить в одиночку теперь практически невозможно. Разумеется, необходимы не только близкие контакты, но и «дальние» связи: международные конференции, Интернет и т.д. Мировая наука едина, и игнорировать этот факт – гибельно для любого специалиста.

Среда единомышленников есть и у художественной интеллигенции. Тем не менее коллективное творчество здесь встречается редко. Я не

[3] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1882. Т. IV. С. 394, 395.

знаю, как обстояло дело в «Могучей кучке» русских композиторов XIX в., но совместных произведений они не создали. А в современной науке все обстоит иначе: клонированную овечку Долли одному специалисту не создать; над данной проблемой работает даже не один институт.

Последнее обстоятельство ведет еще к одному условию: внешнему финансированию науки, в первую очередь – фундаментальной. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», – писал великий А.С. Пушкин. Однако научные результаты большей частью таковы, что не имеют денежного выражения; новую открытую звезду – не продать. Между тем научные изыскания требуют немалых расходов. Отсюда – проблема финансирования «большой науки», будь то физика, астрономия, математика или другая фундаментальная дисциплина. Каковы финансовые источники? Это государственный бюджет, гранты или же благотворительность (которая у нас, угаснув в начале XX в., сейчас пока не возродилась и, прямо скажем, порой осуществляется в обстоятельствах, которые унижают ученого).

Наконец, условиями успешного научного творчества являются доброжелательная общественная атмосфера, критика и самокритика, включая широкие научные дискуссии, нелицеприятные оценки, советы, возражения и пожелания, в общем – гласность. Здесь, кстати, заложен и критерий разграничения науки и лженауки, особенно расплодившейся в наше время. Я не хочу сказать, что общественное мнение, даже в среде специалистов, всегда право, а упрямый одиночка – неправ. Дело не в этом, но в том, что открытое обсуждение новых идей в квалифицированной научной среде опирается не на эмоции, а на установленные факты, на закономерности жизни природы и общества. Лженаука этого сделать не может. Не касаясь проблем технических и естественных, а также некоторых гуманитарных наук, где все это очень сложно, скажу лишь о том, что знаю: лженаука в области государства и права возникает и даже процветает тогда, когда одобряются и пропагандируются антидемократические взгляды, поддерживаются идеи и конструкции, противоречащие гуманистическим позициям, выработанным, завоеванным и развитым мировым сообществом путем тяжелых многовековых исканий. Решающую роль при этом всегда играли характер политического режима в стране, идеологическая обстановка и уровень культуры народа.

Если вспомнить об основных исторических этапах развития научного мировоззрения, то нетрудно заметить, что оно происходило в постоянной борьбе, стержнем которой был и остается главный принцип эффективности работы ученого. Это – свобода научного творчества.

В античном мире созерцательное теоретическое познание (в основном философия и этика) пользовалось относительной свободой (хотя известна трагическая судьба Сократа). Но Средневековье резко сузило возможности научного творчества, заковав его в жесткие рамки религиозных догм. Лишь эпоха Возрождения разрушила эти каноны и способствовала все более бурному развитию естественных, технических, а затем и гуманитарных наук. В XX в. были, наконец, провозглашены такие основополагающие принципы, как «право каждого на свободу убеждений и свободное выражение их, свободу искать, получать и распространять информацию любыми средствами и независимо от государственных границ»[4]; право на «участие в научном процессе»[5]. В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) было прямо сказано (п. 3 ст. 15) об обязанности подписавших его государств «уважать свободу, безусловно необходимую для научных исследований и творческой деятельности»[6]. Отмечу, однако, что все эти документы замалчивались в СССР вплоть до середины 70-х годов.

II

Как отразились события трудного XX в. в интересующем нас плане на работе ученых Института, 80-летие которого мы отмечаем сегодня? Ответ на этот вопрос дают и научные публикации, и личные воспоминания.

Как известно, после Октябрьской революции 1917 г. ключевые позиции в органах советской юстиции заняли ранее малоизвестные юристы – сторонники социологической школы права, чьи воззрения восходили к пропагандистской статье народовольца С. Нечаева «Главные основы будущего общественного строя» (1870 г.), где говорилось: «Устраняются все возможные гарантии, как полицейские, так и судебные»[7]. А в брошюре «Революционная расправа» (1878 г.) тот же автор объявлял войну «буржуазным теориям индивидуальной свободы», книге противопоставлялся револьвер; «проповеди к народу о лучшем для него общественном строе» предлагалось заменить «выстрелами по врагам народа»[8].

---

[4] Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), ст. 19 // В кн.: Права человека. Сборник международных договоров. Нью-Йорк, 1989. С. 5.

[5] Там же. С. 7.

[6] Там же. С. 16.

[7] Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 266.

[8] Там же. С. 328.

Неудивительно, что в науке и практике 20-х годов господствовал правовой нигилизм. Известный правовед С. Булатов, например, уверял: «Все больше будет выветриваться буржуазная форма права, заключающаяся в применении «равного масштаба к неравным людям...»[9]. Полное отмирание права, по мнению этих юристов, было не за горами.

Естественно, что о какой-либо свободе научного творчества в те годы не приходилось и говорить. Старая профессура была разогнана, молодые ученые еще не появились. В 20-е годы в РСФСР готовилось всего по 500 юристов, а в 30-е это число снизилось до 300 человек в год[10]. Большинство из них устроилось на работу в хозяйственные организации.

В Институте права писали учебные пособия и статьи, которые имели в основном комментаторский характер. За период 1925–1929 гг. было издано чуть более 30 работ.

А в это время позиции партийных верхов в отношении «отмирания права» начали претерпевать серьезные изменения. Руководство ВКП(б) осознало опасность крайних нигилистических суждений, которые прямым путем вели к игнорированию и новых законов советской власти, да и партийных директив. Поворот произошел не вдруг. В 1931 г. состоялся I Всесоюзный съезд «марксистов-государственников и правовиков», который занял двойственную позицию. С одной стороны, он осудил «правый уклон», выражающийся, как говорилось в резолюции, в «либеральном понимании и истолковании революционной законности», например в «протаскивании» буржуазно-лицемерного принципа: «Нет преступления, нет наказания, без указания о том в законе». Но, с другой стороны, был подвергнут критике и «левый» мелкобуржуазный радикализм, который «проявляется в нигилистическом отношении к законам пролетарского государства, в прямой недооценке пролетарского суда...»[11]. При такой постановке вопроса ученые неизбежно попадали в ловушку, описанную еще в старинной сказке: направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – головы лишишься. Так тогда обстояло дело со свободой научного творчества...

Поворот в правовой политике был неизбежным. Вскоре под жернова репрессий попали главные сторонники «отмирания права» – теоретические дискуссии на эту тему прекратились. Ведущим курсом юридической политики, а следовательно, и научных работ продолжала быть линия классовой борьбы, диктатуры пролетариата, укрепления советской законности, под которой понималось безоговорочное воплощение в нормативные правовые акты партийных директив. Главным теоретиком права стал А.Я. Вышинский, а само оно определялось как государственная воля господствующего класса, возведенная в закон. Научные сотрудники обрели, наконец, хоть какую-то идеологическую опору.

Миновали трагические 30–40-е годы, завершилась Вторая мировая война, и выросло новое поколение юристов, окончивших вузы и аспирантуру уже в послевоенные годы. Они постепенно стали основной научной силой страны, участвуя в разработке законов, создавая монографии и учебники, содержательные и интересные статьи.

«Свобода научного творчества», разумеется, находилась и в эти годы под жестким контролем партии, хотя и содержание, и формы его изменились. Это лучше всего показать читателю на двух конкретных примерах из жизни Института государства и права.

В конце 70-х годов молодой, талантливый и уже хорошо известный ученый-процессуалист Валерий Савицкий написал большую, резко критическую статью о работе прокуратуры и опубликовал ее в «Литературной газете». Разразился громкий скандал, вызванный обидой прокурорского начальства на критику (замечу, вполне справедливую). Ну кому, скажите, приятно получить упреки в плохом качестве следствия, незаконных арестах, длительном содержании людей под стражей и т.п. И прокуратура пожаловалась в ЦК КПСС на «Литературку» и на Савицкого, а заодно – на Институт, допускающий такое самовольничанье своих сотрудников.

Короче говоря, меня как директора Института и секретаря нашего партбюро А. Шебанова вызвали к зав. отделом административных органов ЦК КПСС Н.И. Савинкину. Это был умный и опытный аппаратчик, а по характеру – спокойный и доброжелательный человек. Тем не менее он устроил нам разнос, закончив тем, что дело очень серьезное, поскольку «клевета на органы прокуратуры» на руку буржуазной пропаганде и ее подпевалам в нашей стране. Статью, мол, прочитал сам М.А. Суслов, он очень недоволен и хочет вынести этот случай на рассмотрение Секретариата ЦК.

Что это означает, мы прекрасно понимали: по меньшей мере партийные взыскания всем троим, а я лишусь директорского кресла. Вот вам и свобода творчества!

Но Саша Шебанов был спокоен. У него уже сложился некий план. Дело в том, что формально мы не подчинялись отделу административных органов: АН СССР и, следовательно, Институт курировал

---

[9] *Булатов С.* Проблемы реконструкции уголовного права // Сов. государство и революция права. 1930. № 2. С. 89.

[10] См.: *Панкратов А.С.* Кадры советской прокуратуры // В кн.: На страже советских законов. М., 1972. С. 138.

[11] Вестник Коммунистической академии. 1931. № 4. С. 88.

отдел науки ЦК. А его сотрудники были на нашей стороне и, читая статью Савицкого, только довольно усмехались.

Конечно, понимал это и Савинкин, у которого уже возникли опасения, не повернется ли разбор дела на Секретариате совсем в иную сторону: ведь недостатки в прокурорской работе, за которую он косвенно отвечал, были ему хорошо известны, и они непременно выплывут при обсуждении статьи. А в конечном счете он, Савинкин, и окажется «козлом отпущения»...

Поэтому он одобрительно отнесся к тому, что сказал Шебанов:

— Николай Иванович! Вы совершенно справедливо указали нам на непростительную ошибку. Поступок Савицкого требует осуждения, и он должен быть строго наказан! Но позвольте внести предложение. Вы ведь знаете наш коллектив; почти все у нас – члены партии. Мы могли бы сами на общем собрании рассмотреть этот случай и должным образом отреагировать на «допущенное безобразие». Это имело бы важное воспитательное значение, особенно для молодежи. Дайте нам время, и мы доложим Вам о результатах.

Так и порешили. По дороге в Институт я спросил Сашу, не боится ли он, что собрание расколется, да еще поддержит автора статьи? – А мы и не будем созывать собрание, сначала поговорим на партбюро, – ответил Шебанов, – а там видно будет.

Партбюро (7 или 8 человек) согласилось с тем, что партсобрание созывать преждевременно; пусть сначала это дело разберут коммунисты сектора, где работает Савицкий. Там ведь есть партгруппа? С нее и начнем.

Партгруппа там действительно была и состояла она из 3 или 4 человек, включая Савицкого. Неудивительно, что она приняла мудрое решение: а) статью Валерия считать объективной и правильной; б) осудить поступок автора, направившего статью в газету, не уведомив об этом руководство Института; в) впредь такого рода статьи обсуждать до их опубликования в коллективе сектора. Это соломоново решение партбюро «приняло к сведению» и пришло к выводу, что на ближайшем партсобрании можно ограничиться информацией обо всей этой истории. Шебанов по телефону доложил Савинкину, что коллектив во всем разобрался, осудил поступок автора и дело можно считать законченным. Судя по всему, Савинкин был доволен и доложил нечто подобное секретарю ЦК. Свобода научного творчества на этот раз была спасена. Савицкий ходил в героях Дня.

И неудивительно: партийная идеология уже трещала по швам. Достаточно сказать, что уже в 1970 г. в стране насчитывалось 709 групп «инакомыслящих»[12], и число их возрастало не по дням, а по часам. Молодое поколение не могло смириться с заскорузлой и недальновидной политикой «железного занавеса».

О втором случае я расскажу кратко, тем более что сведения об этой коллизии недавно были опубликованы[13]. Теперь дело касалось М.И. Пискотина, который в 1984 г. издал монографию «Социализм и государственное управление», весьма критическую по тем временам. Опять я был вызван в ЦК КПСС, но, имея уже опыт в таких делах, захватил с собой положительную рецензию на книгу, написанную С.Н. Братусем и только что напечатанную в ленинградском «Правоведении». В ответ на нападки я сказал, что есть и другое мнение, и показал эту рецензию. Голоса смолкли, и я был отпущен (конечно, с соответствующими назиданиями). Но М.И. Пискотин все же лишился должности главного редактора журнала «Советское государство и право». Свобода научного творчества опять была отвоевана, но, как видно, не без потерь.

Однако все это были уже последние потуги партийного руководства удержать идеологическое влияние на интеллигенцию под своим контролем. Вскоре началась «перестройка», была провозглашена свобода мнений, приветствовалась гласность. Вернулся из горьковской ссылки А.Д. Сахаров, приехал в Россию А.И. Солженицын. Не за горами были распад великой социалистической державы, провозглашение многопартийности и демократическая эйфория народных масс.

III

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозгласила свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (ст. 44). Была ликвидирована цензура. Потеряли значение партийная принадлежность, религиозные и политические убеждения. Ни национальность, ни другие обстоятельства не стали препятствием для работы в научной области. Значит ли все это, что теперь не осталось нерешенных, спорных, больных вопросов, относящихся к этой теме?

Нет, не значит. И этих вопросов много. Учитывая размеры статьи, я остановлюсь только на проблемах содержания научной работы, проводимой в условиях научного учреждения, и на некоторых организационных вопросах управления и самоуправления в научной сфере.

Пожалуй, наиболее ответственной частью творческой деятельности ученого, занимающего ту или

[12] *Савельев А.В.* Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950–1970 годов // Вопросы истории. 1998. № 4.

[13] См.: *Толстой Ю.К.* Страницы воспоминаний. М., 2004. С. 20.

иную должность в научно-исследовательском институте, является первоначальный выбор направления (темы) будущей работы. Понятно, что, решая данный вопрос, необходимо принимать во внимание как квалификацию и личные склонности ученого, так и целевое предназначение исследования.

Это предназначение (и его происхождение), на мой взгляд, имеет три основные разновидности: а) государственный заказ; б) социальная потребность, осознаваемая самим научным сообществом; в) инициативная разработка с неясными перспективами.

Проиллюстрировать эти случаи лучше всего на живых примерах. В период подготовки Конституции СССР 1977 г. Институту было поручено создать группу ученых, которые приняли бы участие в работе над проектом Конституции, а затем обобщили материалы его всенародного обсуждения. Данный государственный заказ был выполнен; группа из 40 с лишним сотрудников не только ИГПАН, но и других московских научных институтов и вузов в течение нескольких месяцев работала над проектом, изучила и обобщила более трех миллионов(!) писем и выступлений граждан. Это была свободная, творческая, интересная работа: каждое предложение оценивалось первоклассными специалистами, которых никто и никак не инструктировал и работать им не мешал. Обобщенные предложения поступали в правительственную комиссию, готовившую окончательный текст, в которую входили партийные аппаратчики и депутаты Верховного Совета. В итоге, насколько я помню, без изменения остались только три статьи первоначального проекта Конституции: о гербе, флаге и столице СССР.

Члены рабочей группы, о которой я говорю, не получили никаких дополнительных денег сверх обычной зарплаты по месту основной работы (от которой, конечно, они на время были освобождены). Надо сказать, не все поначалу проявили большое желание ежедневно сидеть с утра до вечера над разбором писем и оценивать подчас абсурдные предложения. Но тут уж свобода выбора научных занятий неизбежно заменялась государственной необходимостью. Конечно, принудить к этой работе научного сотрудника никто не мог, но поставить вопрос о том, вправе ли «отказник» получать зарплату в Институте, не участвуя в общем деле, дирекция могла. Мы к этому так и не прибегли, ограничившись моральными средствами.

По окончании сложной и трудоемкой работы все ее участники были премированы, а некоторые представлены к почетным званиям (и получили их).

Думаю, что выполнение государственного заказа – вполне нормальная форма работы ученого. Его свобода при этом, конечно, ограничена характером задания, но он волен или участвовать в его выполнении, или же уйти из научного учреждения, которое, замечу, финансируется государством. Как говорится в Конституции РФ, «труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» (ст. 37).

Весьма существенно и то, что каждый участник подобной работы вправе и, я думаю, обязан выражать по всем вопросам только свое личное мнение, и никто не может ему в этом помешать.

Достаточно жесткая форма государственного заказа в нашем Институте использовалась сравнительно редко. Гораздо большее распространение получило то, что я назвал выше осознанием общественной потребности в разработке важной проблемы и соответственно проявлением собственной инициативных ученых.

Еще в советское время, в 1977 г., проницательный и дальновидный В.М. Чхиквадзе выдвинул идею: создать в Институте сектор прав человека. Многие отнеслись к этому весьма скептически, полагая, что подобное «экзотическое растение» в российской почве не укоренится. Но дирекция и ученый совет после некоторых колебаний согласились с предложением бывшего директора, который и возглавил новое подразделение. К общему удивлению, оно стало успешно развиваться. В 1988 г. В.М. Чхиквадзе передал бразды правления Е.А. Лукашевой, написавшей и в одиночку, и вместе с сотрудниками сектора ряд крупных работ о правах человека и избранной членом-корреспондентом Российской академии наук.

Это не единичный случай. Еще раньше В.В. Лаптев создал новое научное направление – хозяйственное (затем – предпринимательское) право, воспитал большую плеяду учеников и последователей, был избран академиком АН СССР. Все актуальные в настоящее время направления научных исследований в области права создавались «снизу», по инициативе ученых: и земельное право (И.А. Иконицкая), и правовая охрана окружающей среды (О.Л. Дубовик), и арбитражный процесс (Т.Е. Абова), и право интеллектуальной собственности (М.М. Богуславский, А.Г. Лисицын-Светланов). Всех трудно и перечислить. Важно констатировать, что описываемый метод работы раскрывает широкий простор для свободного научного творчества. Не случайно в Институт стремится молодежь, не уходит и старшее поколение, несмотря на то что оклады тех и других меньше зарплаты водителя автобуса. Работают на энтузиазме, не за страх, а за совесть.

В странах Запада тоже есть и государственные заказы, и предложения частных фирм, и инициативные

разработки коллективов ученых. Однако последняя форма осложнена массой бюрократических препон. Инициативное предложение должны утвердить не только дирекция и ученый совет, но и вышестоящее ведомство (министерство, Академия наук и т.п.). Делает оно это неохотно: ведь неизвестно еще, что получится из такой разработки, а денег на ветер там не бросают.

У нас применяется, как я уже сказал, и третья форма планирования научного исследования, которую лучше всего показать на примере.

Как-то, когда я работал еще заместителем директора Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, ко мне зашел профессор А.А. Герцензон, заведующий сектором и мой бывший научный руководитель по кандидатской диссертации.

— Составляется план работы Института на будущий год,– сказал он,– а я не знаю, какую мне тему выбрать. Что Вы посоветуете?

— Алексей Адольфович, – ответил я, – есть ученые, их немного, которым не следует давать советов. Они лучше знают, что надо делать. И то, что они напишут, будет хорошо. Я отношу Вас именно к этой категории.

Несколько удивленный А.А. Герцензон ушел и некоторое время спустя, никому не говоря, представил готовую рукопись монографии «Введение в советскую криминологию»[14], которая явилась важной научной основой для всего последующего развития криминологических исследований, приобретших вскоре широкий размах.

Этот пример тоже не единичен. Спрашивал ли кого-нибудь, о чем ему писать, предыдущий директор Института академик Б.Н. Топорнин? Нет. Он хорошо знал западноевропейскую литературу, часто бывал в Германии и других странах и создал важное для нас научное направление – европейское право. Не ограничившись изданием учебника[15], Борис Николаевич организовал регулярную стажировку за границей студентов Академического правового университета и приглашение иностранных профессоров для чтения лекций в Москву. Теперь европейское право преподается во многих юридических вузах.

Таких примеров на Западе, пожалуй, не найдешь. Свободный поиск из институтского бюджета оплачиваться никогда не будет. Нужно либо получать грант, что всегда затруднительно, либо зарабатывать на жизнь другим путем (например, преподаванием), а книги писать – в свободное от основной работы время. Да еще издадут ли их?

Заканчивая эту тему, скажу, что любителей «свободного поиска» обычно набиралось больше, чем можно и нужно. Ведь такая форма работы контролируется самим ученым. Значит, при желании легко будет и схалтурить, делая вид, что трудишься уже несколько лет, а когда сроки подойдут к концу, уйти в другое учреждение. Подобные случаи бывали. Но чаще удавалось предотвратить халтуру и поставить перед просителем вопрос ребром: либо Вы представляете, скажем, через неделю, подробный план своего «поискового исследования», а сектор его рассмотрит, либо включайтесь в коллективную работу, которой в Институте достаточно. Некоторые явно малоспособные люди предпочитали в такой ситуации уволиться «по собственному желанию».

IV

Свобода научного творчества – сложный комплекс прав, интересов, общественных потребностей, обязанностей и неизбежных ограничений. Она не сводится лишь к интеллектуальной свободе, но включает и организационные формы деятельности научного сообщества. Главный принцип здесь – самоуправление, гарантирующее научные коллективы от постороннего, некомпетентного вмешательства, от назначения случайных людей в руководители, от чиновничьего произвола.

В Академии наук принцип самоуправления, хотя поначалу и ограниченный, был заложен с самого ее основания. Как говорилось в первом ее Регламенте (Уставе) 1749 г., «в определении дела, до наук касающегося, поступать должно по множеству голосов» (ст. 31)[16], а в Регламенте 1803 г. было подчеркнуто, что «наблюдение за порядком и внутренним благоустройством препоручается самой Академии» (ст. 15)[17]. И этот принцип проводился в жизнь, даже несмотря на кардинальные политические перемены и в 1917, и в 1991 гг. Как известно, современное академическое самоуправление предполагает выборы (при тайном голосовании) всего без исключения научного персонала – от младшего научного сотрудника до президента Академии наук и принятие Устава Академии ее общим собранием.

И вот теперь, спустя 280 лет после создания Российской академии наук, на принцип самоуправления стали покушаться, причем с двух сторон: служащие государственного аппарата и частные предприниматели.

Что касается должностных лиц учреждений исполнительной власти, то их цель была предельно проста: полностью подчинить себе все научные

[14] *Герцензон А.А.* Введение в советскую криминологию. М., 1965.

[15] См.: *Топорнин Б.Н.* Европейское право. М., 1998.

[16] См.: Уставы Российской академии наук. М., 1999. С. 57.

[17] См.: там же. С. 77.

учреждения страны, включая Российскую академию наук. В сентябре 2004 г. Министерством образования и науки РФ был сочинен проект поправок в Закон о науке и государственной научной политике (1996 г.), согласно которым все институты РАН и других академий становились обычными государственными учреждениями; их социальная сфера (поликлиники, больницы, санатории) и сфера научного обслуживания (приборостроительные заводы, мастерские, книжные издательства и др.) ликвидировались; избранный общим собранием президент РАН подлежал утверждению Президентом России, а Устав – утверждению Правительством.

Этот проект вызвал резкую критику со стороны научной общественности, справедливо расценившей его как стремление превратить Академию в одно из второстепенных ведомств вроде Пробирной палатки, в которой служил незабвенный Козьма Прутков. На заседании Президиума РАН, обсуждавшем этот проект, было отмечено, что некоторые его положения прямо противоречат действующему законодательству. Так, возложение на Президента РФ новой функции потребует изменения ст. 83 Конституции РФ, в которой содержится исчерпывающий перечень его полномочий. А идея утверждения Устава Академии Правительством не соответствует Гражданскому кодексу, согласно ст. 52 которого устав юридического лица «утверждается его учредителями (участниками)». Правительство РФ не является ни учредителем, ни тем более участником Академии наук. Если уж так необходимо отыскать (после Петра I) современного учредителя, то следует обратиться к упомянутому выше Закону о науке и государственной научной политике, ст. 6 которого гласит: «Академии наук создаются, реорганизуются и ликвидируются федеральным законом». Следовательно, лишь законодательный орган вправе утверждать Устав. Замечу, что с 1953 г. он, будучи принят общим собранием, никакому утверждению не подлежал.

А зачем нужны все эти изменения? Что случилось в Государстве Российском? Очень скоро научная общественность получила достаточно прямые ответы на эти вопросы. В октябре 2004 г. была предана гласности Концепция участия Российской Федерации в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере науки, подготовленная тем же министерством. В этом обширном документе утверждалось, что российская наука неэффективна, ибо одним из основных критериев успешной работы научного учреждения признавалась прибыль, а ее почти не было. Не дающие дохода организации на первом этапе реформы науки предлагалось ликвидировать, а на втором этапе все более или менее значимые (в том числе и прибыльные) НИИ передать в частные руки (продать, приватизировать, преобразовать в акционерные общества и т.д.).

Стало ясно, «где собака зарыта». Была с редким простодушием раскрыта конечная цель всех этих проектов: распродажа интеллектуального богатства России, лишение ее последнего ценнейшего достояния – сложившихся научных коллективов, принижение роли РАН и отраслевых академий.

Понятно стало и то, зачем понадобилось утверждать Устав Академии. Дело в том, что сейчас он препятствует приватизации научных учреждений без согласия самой Академии наук. Стоит изменить Устав, и это препятствие отпадет. Поправки, предложенные к Закону о науке и государственной научной политике, были лишь первым, но необходимым шагом для допуска к лакомому пирогу отечественных и иностранных дельцов. Думаю, что все эти хитроумные планы и проекты не обошлись без «советов» наших заокеанских «благодетелей».

Научная общественность испытывала крайнее возмущение и естественное негодование, тем более если учесть, что Концепция вовсе игнорировала судьбу фундаментальных исследований, которые скорого дохода не приносят, и положение с гуманитарной наукой, институты которой и продать-то не удастся ввиду их явной нерентабельности.

Так как прямая угроза очередного ослабления отечественного потенциала стала для всех очевидной, а поток упреков в адрес министерства, гневных писем, выступлений и публикаций постоянно усиливался, министр был вынужден пойти на частичный компромисс: вскоре он, президент РАН и ректор МГУ заключили тройственное соглашение, которое дезавуировало явные изъяны Концепции (например, ликвидацию неприбыльных НИИ в сфере фундаментальных работ). Академию наук обещали без ее согласия не реформировать.

Акция чиновников от науки была приостановлена, но не закончена. За то время, которое прошло с октября 2004 г., до выпуска этого номера журнала в свет, они трижды направляли в Правительство различные варианты планов разрушения отечественного научного потенциала. Пока что все подобные варианты были отвергнуты и не дошли до заключительной инстанции – Федерального Собрания. Но гарантии того, что подобные проекты так и останутся мертворожденными, никто, конечно, дать не может.

Тем не менее на основе данных событий можно прийти к двум поучительным выводам. Во-первых, «строя» капиталистическое общество, мы постоянно будем испытывать давление прожженных дельцов и коррумпированных чиновников, которым нет никакого дела ни до науки, ни до культуры, ни

до процветания России. Их единственный кумир – деньги, и это давно известно.

Но есть и другой вывод, научная общественность – это достаточно мощная сила. К тому же она интернациональна, и с ней нельзя не считаться. Будем оптимистами и сплотимся на основе того, что составляет подлинное достояние и гордость нашего народа, то есть такие его качества, как ум, совесть, гуманизм, тяга к знаниям.

* * *

Известно, что нельзя жить в обществе и быть полностью свободным от него. Поэтому уместно в заключение подчеркнуть, что свобода научного творчества в принципе – относительна. Но эту ее относительность надо по возможности преодолевать, расширяя права ученых. Как сказал Иоганн Вольфганг Гёте, «лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Сказано, может быть, высокопарно, но высокоточно. И это многократно подтверждалось жизнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Булатов С.* Проблемы реконструкции уголовного права // Сов. государство и революция права. 1930. № 2. С. 89.
2. Вестник Коммунистической академии. 1931. № 4. С. 88.
3. Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), ст. 19 // В кн.: Права человека. Сборник международных договоров. Нью-Йорк, 1989. С. 5, 7, 16.
4. *Герцензон А.А.* Введение в советскую криминологию. М., 1965.
5. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1882. Т. IV. С. 394, 395.
6. *Панкратов А.С.* Кадры советской прокуратуры // В кн.: На страже советских законов. М., 1972. С. 138.
7. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 266, 328.
8. *Савельев А.В.* Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950–1970 годов // Вопросы истории. 1998. № 4.
9. *Толстой Ю.К.* Страницы воспоминаний. М., 2004. С. 20.
10. *Топорнин Б.Н.* Европейское право. М., 1998.
11. Уставы Российской академии наук. М., 1999. С. 57, 77.

REFERENCES

1. *Bulatov S.* Problems of the reconstruction of Criminal Law // Soviet State and the Revolution of Law. 1930. No. 2. P. 89 (in Russ.).
2. Herald of the Communist Academy. 1931. No. 4. P. 88 (in Russ.).
3. Universal Declaration of Human Rights (1948) // In the book: Human Rights. Collection of international treaties. New York, 1989. P. 5, 7, 16 (in Russ.).
4. *Gertsenzon A.A.* Introduction to Soviet criminology. M., 1965 (in Russ.).
5. *Dal V.* Explanatory dictionary of the living Great Russian language. SPb., M., 1882. Vol. IV. P. 394, 395 (in Russ.).
6. *Pankratov A.S.* Personnel of the Soviet prosecutor's office // In the book: On guard of Soviet laws. M., 1972. P. 138 (in Russ.).
7. Revolutionary radicalism in Russia: the nineteenth century. M., 1997. P. 266, 328 (in Russ.).
8. *Saveliev A.V.* Political originality of the dissident movement in the USSR in 1950–1970 // Questions of history. 1998. No. 4 (in Russ.).
9. *Tolstoy Yu. K.* Memory Pages. M., 2004. P. 20 (in Russ.).
10. *Topornin B.N.* European Law. M., 1998 (in Russ.).
11. Charters of the Russian Academy of Sciences. M., 1999. P. 57, 77 (in Russ.).

Сведения об авторе

КУДРЯВЦЕВ Владимир Николаевич –
академик Академии наук СССР
и Российской академии наук

Authors' information

KUDRYAVTSEV Vladimir N. –
Academician of the USSR Academy of Sciences
and the Russian Academy of Sciences

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 37–43
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 37–43

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ НАУКИ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[1]

© 2022 г. А. Г. Светланов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: svetlanov@yust.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о роли и значении государства в развитии науки и инновационной деятельности. Особое внимание уделено проблематике интеллектуальной собственности, выявлены законодательные сложности в регулировании прав на интеллектуальную собственность.

Автор признает особую роль государства в поддержке общественно значимых сфер, таких как наука, производство, инновационные достижения. В статье сформулированы современные тенденции развития науки в Российской Федерации, оценены происходящие в данной области структурные изменения, доказано, что развитие государства в современных условиях связано с качественным пересмотром содержания политики, включая правовую политику государства в отношении науки и инновационных процессов.

Ключевые слова: государство, наука, инновационная деятельность, интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной собственности, функции государства.

Цитирование: *Светланов А. Г.* Роль государства в развитии науки и инновационной деятельности // Государство и право. 2022. № 2. С. 37–43.

DOI: 10.31857/S102694520018754-0

THE ROLE OF THE STATE IN THE DEVELOPMENT OF SCIENCE AND INNOVATION ACTIVITIES[2]

© 2022 A. G. Svetlanov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: svetlanov@yust.ru

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2005. № 5. С. 48–53.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук Н.В. Летовой.

[2] The article was published in the journal “State and Law” (2005), No. 5, pp. 48–53.
Abstract and key words are compiled by Doctor of Law N.V. Letova.

Abstract. The article deals with questions about the role and importance of the state in the development of science and innovation. Particular attention is paid to the issues of intellectual property, legislative difficulties in the regulation of intellectual property rights are identified.
The author recognizes the special role of the state in supporting socially significant areas such as science, production, and innovative achievements. The article formulates modern trends in the development of science in the Russian Federation, assesses the structural changes taking place in this area, and proves that the development of the state in modern conditions is associated with a qualitative revision of the content of policy, including the legal policy of the state in relation to science and innovation processes.

Key words: state, the science, innovative activity, intellectual property, results of intellectual property, state functions.

For citation: *Svetlanov, A.G. (2022).* The role of the state in the development of science and innovation activities // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 37–43.

Вопрос о функциях государства в теории государства и права является традиционным для юристов всех стран и школ права. Возникновение тех или других доктрин обусловливалось и эволюцией философской мысли, и разнообразием в подходах к систематизации отдельных форм деятельности государства, а также иными факторами, связанными в большей степени с научным анализом сложившейся деятельности государства или субъективными взглядами на его будущее развитие. При этом важным обстоятельством является наличие определенного исторического опыта, составляющего базу для соответствующих исследований[3]. Этот достаточно естественный процесс в науке теории государства и права, существовавший в том числе и в России до 1917 г., позже приобрел не только практическую значимость, но и превратил государство в своего рода экспериментальную лабораторию, где ставятся опыты, связанные с определением как разнообразия функций государства, так и их содержания.

После революции 1917 г., в ходе первых 70 лет теории о функциях советского социалистического государства формировались вместе с самим государством, причем в силу ряда политических факторов и объективно меняющейся ситуации в мире – появление блока социалистических стран – научные воззрения выстроились в последовательную теорию[4]. Крушение социалистической системы и формирование нового общества и государства получили характеристику и название «переходного периода». Причем с особой устойчивостью эта характеристика привилась к экономическим отношениям[5]. Существующие в этой связи теории, воззрения, политические и законодательные инициативы столь разнообразны, что вряд ли стоит приводить их в какую-либо систему. Теоретического осмысления требует весьма практическая задача: определение содержания функций российского государства в конкретных областях общественной жизни.

Примечательным явлением в этой связи стал поиск государством своей роли по отношению к науке и результатам научной и научно-технической деятельности, а также к развитию инновационных процессов. Обращает на себя внимание тот факт, что с момента начала экономических реформ эта проблема не была приоритетной. Сконцентрировавшись в первую очередь на приватизации природных ресурсов, государство, только закончив этот процесс, стало предлагать обществу реформу организации науки и использования научно-технических результатов. В чем же суть предлагаемых программ? Это важно понять, поскольку в них отражается видение государством своих функций.

Начало законодательных инициатив правительства в рассматриваемой области связано с разработкой ряда поправок к блоку законов об интеллектуальной собственности. Позже началась работа по подготовке поправок к законодательству о науке. Возникновение этих законодательных инициатив, по существу, отражало поиск государством своего места в рыночных отношениях и, соответственно, его правовое закрепление. Суть проблемы состояла в том, что объективная необходимость принципиальной реформы российского законодательства об интеллектуальной собственности в начале 90-х годов была сопряжена с началом интенсивного процесса формирования экономики, основанной на частной собственности, и принципиального изменения экономической функции государства.

[3] Такая проблема, как эволюция задач государства, от полицейских до социальных, и раскрытие понятий «правовое государство» и «социальное государство» нашли отражение в отечественной дореволюционной литературе (см., напр.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. 1910. Вып. 1. С. 241–250).

[4] См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. М., 1970. Ч. 1. Основные институты и понятия; 1971. Ч. 2. Исторические типы государства и права; 1972. Ч. 3. Социалистическое государство.

[5] См., напр.: *Лаптев В.В.* Субъекты предпринимательского права. М., 2003; *Тихомиров Ю.А.* Юридические коллизии. М., 1994.

Во-первых, оно утрачивает свои позиции участника хозяйственного оборота, во-вторых, что особенно важно, меняются и содержание, и формы реализации им экономической функции. На место плановой системы, основанной на государственной собственности, а также исключительных прав государства на результаты интеллектуальной деятельности и, как следствие, прямого подчинения государству хозяйствующих субъектов приходит необходимость создания новой системы. Она строится. В ее основе лежит приватизация, создание налоговой системы как средства не только формирования бюджета, но и регулятора экономики, антимонопольное законодательство, т.е. правовое регулирование, не известное советской экономике. Принципиальные изменения происходят так же в таможенном, внешнеторговом, валютном регулировании.

Роль государства во всех областях общественной жизни, состоит, в частности, в поддержке ряда ее сфер: производственных, научных и социальных, например, сельского хозяйства, медицины, образования и науки. Для России как государства «переходного» периода эта задача также стала актуальной. Применительно к вопросам, связанным с интеллектуальной собственностью, речь идет о возможных формах поддержки авторов и мерах по развитию инновационной деятельности.

Наука теории государства и права дает различные типизации функций государства и его роли в той или иной сфере общественной жизни. В свою очередь, правовая политика государства и принимаемое правовое регулирование способно наполнить разным содержанием ту или иную государственную функцию. По-разному может быть выражена и роль государства, в частности, в поддержке науки.

Конец прошлого и начало нынешнего столетия связаны с попытками государства укрепить свои позиции в экономике и общественной жизни. Однако в комплексе мер, предпринимаемых государством в сфере науки и инновационных процессов, прослеживается определенная правовая тенденция, вызывающая озабоченность. Так, при разработке поправок к блоку законов об интеллектуальной собственности стал вопрос о правах государства на результаты интеллектуальной деятельности (ИД), полученные научными и научно-образовательными учреждениями при бюджетном финансировании[6]. Принимая во внимание, что научные учреждения России, и в первую очередь Российская академия наук, являются бюджетными учреждениями, речь, по существу, шла о правах государства практически на основной комплекс результатов ИД.

Суть проблемы сводится к следующему. Развитие отечественного законодательства, регулирующего права на интеллектуальную собственность, до последнего времени давало примеры полярных подходов к определению как субъектов, которым принадлежат исключительные права, так и принципов построения отношений между авторами и обладателями исключительных прав. Так, в советский период исключительные права на результаты ИД закреплялись за советским государством. Исключение составляли права иностранных граждан и иностранных юридических лиц, охраняемые патентом, выданным патентным ведомством[7]. Российское законодательство, начиная с 1992 г., установило принципиально иной подход в вопросах, касающихся прав авторов и патентообладателей: оно в принципе исключило государство из числа субъектов – обладателей исключительных прав на создаваемые объекты интеллектуальной деятельности, признавая их лишь за автором и работодателем. В плане поддержки ученых, изобретателей и содействия инновационным процессам Патентный закон в ст. 9 предусматривал создание федерального Фонда изобретений России.

Таким образом, действовавшее законодательство выделяло две принципиальные функции государства в рассматриваемой сфере: охрану и защиту результатов научно-технической деятельности, а также принятие мер по поддержке и развитию науки и научно-технической деятельности. Функции государства, конечно, не должны ограничиваться созданием упомянутого фонда. Эта сфера деятельности достаточно многогранна. Однако в условиях, когда финансовое положение практически всех отечественных исследовательских центров кардинальным образом ухудшилось, когда реальный сектор экономики не только не развивал производство на основе современных технологий, но, напротив, сократил имеющееся, введение специальных мер по поддержке и развитию инновационной деятельности приобретало особое значение. Годы, прошедшие с даты принятия упомянутых законов, безусловно, накопили опыт перестройки российской экономики на рыночной основе, но не стали годами интенсивного развития российской науки (достаточно упомянуть значительную эмиграцию научных кадров), а тем более временем решения основной для нее задачи: внедрения результатов

[6] Соответствующие поправки были внесены в следующие законы: Патентный закон РФ от 23.09.1992 г.; Закон РФ от 23.09.1992 г. «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»; в сфере авторского права Закон РФ от 09.07.1993 г. «0б авторском праве и смежных правах»; Закон РФ от 23.09.1992 г. «О правовой охране топологий интегральных микросхем»; Закон РФ от 23.09.1992 г. «О правовой охране программ для ЭВМ и баз данных».

[7] Об этом см.: *Богуславский М.М., Воробьева О.В., Светланов А.Г.* Международная передача технологий: правовое регулирование. М., 1985. С. 45–49.

научно-технической деятельности в хозяйственный оборот. В условиях, когда наука объективно потеряла ту материальную базу, на основе которой она долгие годы развивалась, а нынешний бюджет России явно неадекватен пока сохраняющемуся научному потенциалу, использование государством специальных мер поддержки науки является насущной задачей. Вместе с тем сменявшие друг друга российские правительства не только не реализовали положений федеральных законов о создании федерального Фонда, но, напротив, добились исключения упоминания о нем из закона. Не было предложено и иных форм поддержки научной и научно-технической сферы. Была провозглашена и получила законодательное закрепление другая идея: активного участия государства в научно-техническом обороте в качестве хозяйствующего субъекта. При этом подобное участие связывалось с фактом бюджетного финансирования научно-технических разработок и соответственно получения исключительных прав на создаваемые результаты. По существу, в основе этой концепции лежат три основных аргумента. Во-первых, государство является, наряду с физическими и юридическими лицами, субъектом гражданско-правовых отношений и, соответственно, участие государства в хозяйственном обороте, связанном с обращением результатов научно-технической деятельности есть не что иное, как реализация прав, которыми пользуются иные субъекты гражданского права. Во-вторых, приобретение исключительных прав на научно-технические результаты обеспечит возвратность бюджетных средств, за счет которых они создаются. В-третьих, статус государства как патентообладателя является средством, обеспечивающим национальную безопасность, связанную с высокими технологиями, имеющими военное и двойное назначение.

Такой поворот в правовой политике вызвал энергичную критику со стороны не только юристов, поскольку практическая реализации предлагавшейся концепции неизбежно вступает в противоречие с рядом институтов права интеллектуальной собственности, но и научной общественности в целом. Изначальные законодательные предложения правительства по существу лишали авторов разработок исключительных прав на них только в силу того, что финансирование проектов осуществляется за счет бюджетных средств. Вовлечение государства в хозяйственную деятельность в рассматриваемой сфере означает не поддержку науки, как одну из важнейших функций государства, а во-первых, попытку увеличить бюджетные поступления и, во-вторых, установление государственного контроля над процессом создания и оборота результатов ИД в целях национальной безопасности. Однако отечественный опыт со всей наглядностью продемонстрировал неспособность государства быть эффективным хозяином. Что касается проблемы национальной безопасности, связанной с созданием и использованием высоких технологий, то ее решение следует искать не в сфере законодательства об интеллектуальной собственности, а в совершенствовании законодательства, регулирующего оборот результатов интеллектуальной деятельности. В частности, в законодательстве об экспортно-импортном контроле и механизмах его применения.

Дальнейшее развитие правовой базы требует выработки концепции роли государства в процессе создания и использования интеллектуального продукта. При этом представляется необходимым руководствоваться не только общими принципами построения отношений государства и хозяйствующих субъектов в условиях рыночной экономики, в нашем случае в научной и научно-технической сфере, но и принимать во внимание весьма противоречивую ситуацию, сложившуюся в России к моменту начала рыночных реформ и сохраняющуюся в настоящее время. Особенность состоит в явном дисбалансе уровня развития промышленности, требующей привлечения современных технологий, причем включая и зарубежного происхождения, и реального развития отечественной фундаментальной науки, а также НИОКР, по ряду позиций, опережающих уровень промышленно развитых стран. Этот фактор должен стимулировать государство не только к значительному бюджетному финансированию науки и научно-технических исследований, как условию сохранения имеющегося потенциала, но и к проведению последовательной политики, направленной на доведение научных результатов до уровня технологий и активное вовлечение всего спектра результатов научно-технической деятельности в хозяйственный оборот.

Таким образом, достаточно очевидная роль государства в развитии отечественного научно-технического потенциала в условиях российской действительности приобретает особое значение, причем не в силу слабости научных школ и науки в целом, но, напротив, принимая во внимание ее уникальную развитость, с одной стороны, и очевидную неприспособленность, надеемся, временную, к рыночным условиям жизни – с другой.

Вместе с тем высокий уровень развития отечественной науки как непременное условие существования супердержавы, создающей высокотехнологичные вооружения, также предопределяет ее особую роль, состоящую в необходимости осуществления контроля за процессом создания вооружений, причем от стадии их разработок до стадии торговли как вооружениями, так и технологиями, имеющими военное и двойное назначение. Именно этими

целями преимущественно должно быть ограничено участие государства в качестве субъекта, обладающего исключительными правами на результаты ИД. В этой связи важно отметить, что в США, в стране, которая несет аналогичное бремя ответственности, были приняты специальные законы Бая-Доула 1980 г. и Стивенсона-Уайдлера 1980 г., обеспечивающие возможность государства участвовать в отношениях по обороту результатов научно-технической деятельности в качестве субъекта права.

Содержание функции Российского государства должно обеспечивать осуществление его деятельности по развитию отечественной науки и по интенсивному внедрению инновационных результатов в хозяйственный оборот, с одной стороны, и меры по контролю над распространением знаний и технологий, важных для обеспечения национальной безопасности, с другой. Однако отечественная правовая политика дает примеры попыток наделения государства, стремящегося к развитию рыночных отношений, другими функциями, которые были присущи ему в советский период – функциями хозяйствующего субъекта. Предпосылкой такого подхода является традиционный поиск средств для пополнения бюджета. Начиная с конца 90-х годов, получила развитие правительственная инициатива провести инвентаризацию прав Российской Федерации на объекты интеллектуальной собственности, время создания которых уходит в советский период, а также нормативное закрепление за РФ прав на результаты ИД, созданные за счет бюджетного финансирования. Эта самая общая идея не учитывает ряда фундаментальных факторов.

Во-первых, созданные научно-технические результаты уже имеют обладателей и пользователей, соответственно претензия государства на права в отношении таких объектов не может быть решена автоматически в силу издания нормативного акта, даже федерального закона, а может быть только предметом судебного разбирательства, причем как в российских судах, так и за рубежом. Во-вторых, финансирование работ может служить лишь основанием требовать возвратности денежных средств, а не является само по себе основанием возникновения исключительных прав, это должно быть прямо предусмотрено договором, на основе которого осуществляется финансирование. В-третьих, для государства как субъекта хозяйственной деятельности существует реальная опасность быть вовлеченным в судебные споры, в том числе и за рубежом, связанные не только с правами на интеллектуальную собственность, но и с отношениями по ее использованию в хозяйственном обороте.

Отсюда более важной представляется задача развития законодательства, касающегося регулирования оборота результатов интеллектуальной деятельности, где одним из субъектов правоотношений выступает государство. Причем права государства возникают лишь в случае, если это прямо не предусмотрено в госконтракте.

Принятые в 2003 г. поправки к законам об интеллектуальной собственности признали за государством, осуществляющим бюджетное финансирование научных и научно-технических разработок, быть обладателем исключительных прав в случае, если интеллектуальный продукт был создан при выполнении работ по государственному контракту для федеральных государственных нужд или нужд субъекта Российской Федерации.

Заключение контракта для государственных нужд предусмотрено ГК РФ, а также рядом нормативных актов, принятых в его развитие. Однако Гражданский кодекс адресует регулирование только к отношениям по поставке товаров для государственных нужд (§ 4 гл. 30) и по подрядным работам для государственных нужд (§ 5 гл. 37).

Регулирование отношений по выполнению научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ ГК не относит ни к отношениям поставки, ни к отношениям подряда. Им посвящена самостоятельная гл. 38, имеющая соответствующее название.

Особенность этой главы, по сравнению с гл. 30 и 37 ГК РФ, состоит в том, что она не содержит специального параграфа или статей, регулирующих отношения по выполнению научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ для государственных нужд.

Таким образом, содержание Гражданского кодекса на сегодняшний день устанавливает универсальное регулирование отношений по выполнению научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ вне зависимости от статуса субъектов правоотношений.

Из сказанного следует, что основа гражданско-правового регулирования отношений по поводу создания, передачи и использования результатов творческой деятельности действует в силу ГК РФ и федеральных законов об интеллектуальной собственности. В этой связи представляется важным разработка законопроекта (поправок к ГК РФ), регламентирующего этот вид договоров.

При разработке рассматриваемого законопроекта задача состоит в выявлении и при необходимости формулировании специальных гражданско-правовых норм, устанавливающих особенности регулирования складывающихся отношений с участием государства, а также норм публично-правового характера, обеспечивающих национальные интересы Российской Федерации.

Приобретение результатов интеллектуальной деятельности по общему правилу возможно для целей их коммерческой реализации (например, торговли лицензиями) для внедрения в производство (в конечном счете для изготовления материальной продукции) и для личного потребления (последний случай не составляет предмета настоящего исследования).

Коммерческая реализация результатов ИД вряд ли требует специальной правовой регламентации, поскольку торговля ими не должна рассматриваться в качестве деятельности государства, в котором строится рыночная система экономики.

Приобретение государством прав на результаты ИД для целей внедрения их в производство или для создания на их основе вещественных объектов, напротив, возможно постольку, поскольку сами эти результаты необходимы для приобретения продукции или создания объектов для государственных нужд.

Например, субъект федерации приобретает для своих нужд архитектурный проект и заключает госконтракт на строительство объекта по разработанному проекту или федеральный заказчик заключает госконтракт на разработку и производство новых систем вооружений. И в первом, и во втором случае нужды государства в равной мере относятся как к разработке проекта или технологий, так и к получению конечного продукта. Таким образом, государственные нужды в результате интеллектуальной деятельности обусловлены, как правило, необходимостью обеспечить потребности государства в определенной продукции и других материальных объектах.

Вместе с тем применительно к научным и научно-техническим разработкам следует выделить потенциальный интерес государства, а, следовательно, и его задачи (нужды), связанные с обеспечением национальной безопасности, внешнеполитических интересов, а возможно и защиты внутреннего рынка и интересов населения. В данном случае имеется в виду, во-первых, законодательное ограничение оборота результатов ИД, во-вторых, целенаправленная деятельность государства по приобретению исключительных прав в целях ограничения или исключения их производства коммерческими структурами. По существу, речь идет о выкупе государством возможных результатов ИД, способных при иных условиях создать угрозу национальной безопасности и иным публичным интересам.

Другим аспектом правовой политики государства в сфере науки и научно-технической деятельности, а также инновационной деятельности стали меры по реформированию законодательства в области науки. Среди предпринятых шагов обращает на себя внимание проект федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных и исполнительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» (этот Закон стали называть Законом о разграничении полномочий), а также программы и проекты правительства по реформированию статуса научных учреждений, включая Российскую академию наук. Первая редакция проекта Закона о разграничении полномочий содержала ряд положений, выходящих за объявленный предмет регулирования и, по существу, значительно ущемляла права и интересы научных учреждений. Например, академии наук, имеющие государственный статус, были исключены из числа государственных заказчиков на поставку продукции для федеральных нужд, а формулировки, касающиеся объема бюджетного финансирования, допускали возможность его уменьшения. Такой подход вызвал отрицательную реакцию у научной общественности, и в проект были внесены поправки. Однако еще большую озабоченность вызвала инициатива правительства по пересмотру Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике».

В этом сегменте научно-технической политики прослеживается, по существу, уже обозначенный подход: коль скоро научные учреждения являются в основе своей бюджетными учреждениями, к ним следует применять более жесткие меры в плане управления (ограничение принципа самоуправления научных учреждений, определение режима использования материальной базы и усиление регламентации использования денежных средств (при явно неадекватном бюджетном финансировании). Кроме того, оптимизация развития научных исследований связывается в первую очередь с процессом приватизации научных учреждений. И в этой части проводимой реформы звучит все та же тема: «даешь эффективность», т.е. масштабы возвратности бюджетного финансирования.

Однако, что же представляет собой бюджетное финансирование? Это в первую очередь средство для выполнения государством своих функций, где коммерция – скорее «вынужденный эпизод», чем «программная деятельность».

Роль государства в поддержке науки и введении результатов ИД в экономический оборот для государства «переходного» типа, каковым является Россия, должна ассоциироваться с патронажной функцией государства. В пользу такого

утверждения свидетельствует опыт наиболее развитых стран.

Насколько же симметричны проблемы, поднимаемые российским правительством и законодателем, тем, которые обсуждаются за рубежом? В этой сфере соответствия мало. Было бы излишним излагать общие различия в объеме внимания и материального обеспечения, предоставляемом науке такими странами, как США, Великобритания, Франция, Германия и Япония, с одной стороны, и Россией – с другой. Здесь есть очевидная причина – различие в государственных бюджетах.

Однако озабоченность вызывает отсутствие должной работы с теми проблемами правового, экономического и организационного характера, которые являются предметом обсуждения, а подчас и решения в этих странах.

Развитие государства в современных условиях связано с качественным пересмотром содержания политики, включая правовую политику государства в отношении науки и инновационных процессов. Так, в Японии разработана и реализуется «Стратегическая программа создания, охраны и использования объектов интеллектуальной собственности», провозгласившая принцип перехода от конкурентоспособного лидера в «производстве материальных продуктов» к созданию экономики, «основанной на знаниях», и нации, «основанной на интеллектуальной собственности». Именно это рассматривается как необходимое условие сохранения лидерства в глобализированном мире. Концептуальное же отношение государства к охране результатов ИД и инновационным процессам сводится к следующему. Во-первых, гарантия прав автора, даже в отношениях с работодателем. Во-вторых, широкое государственное финансирование инновационных процессов при усилении защиты права авторов и научных учреждений. Практически речь идет не о выкупе или получении государством исключительных прав в целях их коммерциализации или администрирования ими, а об оказании всесторонней поддержки, в том числе и материальной, научным учреждениям и промышленности с целью обеспечения взаимодействия в инновационном процессе.

* * *

В свете сказанного представляется, что вектор правовой политики Российского государства должен быть переориентирован. Наука и ее результаты – это основа развития современной экономики и общества в целом. Задача государства состоит не в борьбе за прибыли, извлекаемые из научных учреждений, отождествляемых с коммерческими организациями, или инновационных процессов, и не в выполнении по отношению к ним исключительно роли мытаря. Оно должно стать донором, поддерживающим образование, культуру, медицину и науку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богуславский М.М., Воробьева О.В., Светланов А.Г.* Международная передача технологий: правовое регулирование. М., 1985. С. 45–49.
2. *Лаптев В.В.* Субъекты предпринимательского права. М., 2003.
3. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. М., 1970. Ч. 1. Основные институты и понятия; 1971. Ч. 2. Исторические типы государства и права; 1972. Ч. 3. Социалистическое государство.
4. *Тихомиров Ю.А.* Юридические коллизии. М., 1994.
5. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. 1910. Вып. 1. С. 241–250.

REFERENCES

1. *Boguslavsky M.M., Vorob'eva O.V., Svetlanov A.G.* International technology transfer: legal regulation. M., 1985. P. 45–49 (in Russ.).
2. *Laptev V.V.* Subjects of Business Law. M., 2003 (in Russ.).
3. Marxist-Leninist General theory of state and law. M., 1970; Part 1. Basic institutions and concepts; 1971. Part 2. Historical types of state and law; 1972. Part 3. The Socialist State (in Russ.).
4. *Tikhomirov Yu. A.* Legal conflicts. M., 1994 (in Russ.).
5. *Shershenevich G.F.* General theory of law. Issue. 1. 1910. P. 241–250 (in Russ.).

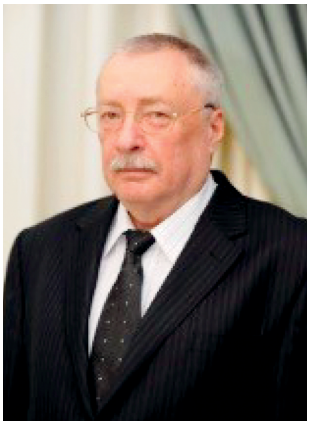
Сведения об авторе

СВЕТЛАНОВ (ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ)
Андрей Геннадьевич –
академик РАН, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SVETLANOV (LISITSYN-SVETLANOV)
Andrey G. –
Academician of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 44–56
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 44–56



О ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКЕ ПРАВА И НЕКОТОРЫХ ЕЕ НАПРАВЛЕНИЯХ[1]

© 2020 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика науки как формы познания окружающего мира в плане систематизации знаний о закономерностях природы, общества, государства, мышления. Обосновывается предположение о началах научного познания мира в самой начальной фазе возникновения человеческой цивилизации: с открытия огня (точные науки) и с упорядочиванием отношений в каждом первобытном общественном формировании посредством образования в нем обычаев и вытекающего из этого образования механизма межличностного несилового способа разрешения споров, ссор и конфликтов (социогуманитарные науки). Автором при рассмотрении проблематики фундаментальной, поисковой и прикладной науки отмечается, что организационные формы науки (академической, вузовской, отраслевой и – это новое – индивидуальной) не «привязаны» к видам НИР. Фундаментальные науки, в т.ч. наука права, – это, по мнению автора, поиск в поле неизвестности, проблематика загоризонтного уровня. В то же время есть те направления фундаментальной науки права, которые возникли издревле и продолжают оставаться актуальными сегодня, будут ими и в неопределенном по продолжительности будущем.
В качестве примера такого направления автор рассматривает проблему права собственности в симбиозе с проблемой справедливости, в частности, задается вопросом: какому субъекту права в нашей стране сегодня принадлежат на праве собственности природные ресурсы? Автор считает, что ответ здесь должен базироваться на конституционных положениях, но действующая Конституция РФ как раз прямого закрепления этой собственности и не содержит, что приводит к серьезным отрицательным последствиям, контурно представленным в данной работе. Сама же конституционная основа регулирования этих отношений должна базироваться на принципах справедливости, и все последующее законодательство должно ему соответствовать.

Ключевые слова: право, наука, фундаментальная проблематика науки права, право собственности, справедливость.

Цитирование: *Клеандров М.И.* О фундаментальной науке права и некоторых ее направлениях // Государство и право. 2022. № 2. С. 44–56.

Статья выполнена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

DOI: 10.31857/S102694520018755-1

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2020. № 5. С. 19–31. DOI: 10.31857/S013207690009664-2

ON THE FUNDAMENTAL SCIENCE OF LAW AND SOME OF ITS DIRECTIONS[2]

© 2020 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Abstract. The article deals with the problems of science as a form of cognition of the surrounding world in terms of systematization of knowledge about the laws of nature, society, the state, thinking. The assumption is justified on the basis of scientific knowledge of the world in the initial phase of the emergence of human civilization: from the discovery of fire (science) and with the regulation of relations in each primitive social formation through education it practices and the consequent formation mechanism of interpersonal non-violent method of resolving disputes, quarrels and conflicts (socio-humanistic Sciences). When considering the problems of fundamental, search and applied science, the author notes that the organizational forms of science (academic, University, industry and – this is new – individual) are not "tied" to the types of research.
Fundamental science, including the science of law, – is, in the author's opinion, a search in the field of obscurity, a problem of the over-horizon level. At the same time, there are those areas of fundamental science of law that arose from ancient times and continue to be relevant today, and they will be in the indefinite future.
As an example of this trend, the author considers the problem of property rights in symbiosis with the problem of justice, in particular, asks the question: what subject of law in our country today owns natural resources by right of ownership? The author believes that the answer here should be based on constitutional provisions, but the current Constitution of the Russian Federation does not contain a direct fixing of this property, which leads to serious negative consequences, which is outlined in this work. The very constitutional basis for regulating these relations should be based on the principles of justice, and all subsequent legislation should comply with it.

Key words: law, science, fundamental problems of the science of law, property rights, justice.

For citation: *Kleandrov, M.I. (2022).* On the fundamental science of law and some of its directions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 44–56.

The article is made using the LRS "ConsultantPlus".

В научной (науковедческой) и учебной (по истории науки) литературе история науки обозначается, как начавшая свое развитие в античном мире – практически с теории познания и физики Платона и Аристотеля. Считается, что к тому времени различными группами людей было накоплено множество знаний, которые можно назвать научными, но науки в подлинном смысле там еще не было. Этот исторический период называется псевдонаукой и связывают его прежде всего с формированием предпосылок научного знания – возникновение письменности и счета, развитие ремесел и др.[3] Что касается истории науки права, то немногим более 20 лет назад в нашей стране была издана пятитомная «Антология мировой правовой мысли», где развитие правовой мысли начинается с Древнего Востока (Древнего Египта, Месопотамии, Хеттской державы, Древнего и раннесредневекового (доисламского) Ирана и Древней Палестины), античности (Древней Греции и Древнего Рима), а также с древних индийских, китайских, японских и монгольских правовых воззрений[4]. Правовую мысль и правовую науку того периода можно, видимо, отождествить – с позиции сегодняшнего дня, но вот начальная фаза ее возникновения и поступательного развития, как и науки в целом, вызывает возражения.

Считать, что наука появилась лишь тогда, когда образовались письменные и т.п. источники, дошедшие до нас (которые с определенной долей условности можно квалифицировать как доказательства того, что появилась наука (а что именно?), значит – обеднять историю человеческой цивилизации. Разве обретение человечеством (группами людей) еще до этого письменности, счета и ремесел не научные достижения, в подлинном смысле?

[2] The article was published in the journal "State and Law" (2020), No. 5, pp. 19–31. DOI: 10.31857/S013207690009664-2

[3] См., напр.: *Криволапова Ю.К.* История науки: учеб. пособие. М., 2015. С. 5, 6. В этой работе приведено большое количество соответствующих опубликованных источников, посвященных истории науки. Но среди них отсутствуют источники по истории науки права.

[4] См.: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1. Античный мир и Восточные цивилизации / рук. проекта Г.Ю. Семигин. М., 1999.

Это все равно, что утверждать: правосудие в человеческой цивилизации возникло лишь с появлением писаных законов и персоналий, специализирующихся на отправлении правосудия. Но ведь это явно не так...

Что такое наука? Есть множество ее определений, начиная с шутливо-саркастических (к примеру, «это – удовлетворение собственного любопытства за чужой счет»), продолжая достаточно серьезным, практически официальным (например, «это – получение новых знаний») и завершая приписываемым Роберту Гутовскому, над которым стоит задуматься: «Наука – это систематическое расширение области человеческого сознания».

Последний находится в векторе, закрепленном в п/п. «а» п. 12 Устава РАН (в действующей ред.), где в числе ряда целей РАН первой названо проведение научных исследований, «направленных на получение новых знаний о законах развития природы, общества, человека и способствующих технологическому, экономическому, социальному и духовному развитию России».

Поэтому естественным будет считать, что стремление получить новые знания появилось еще на заре возникновения человеческой цивилизации у различных общественных групп (семейств, племен, родов...) первобытных людей в целях решения важнейшей для них задачи – выживания в тех природных условиях. А группы первобытных людей, у которых эта цель не прорезалась, попросту не выжили.

Пикантности (в современных координатах) этой ситуации придает то обстоятельство, что именно на старте возникновения в человеческой цивилизации потребности в науке и научных исследованиях (системами, средствами и методами, адекватными тому историческому периоду) и проявилось разделение науки на науки точные (естественные и проч.) и науки социогуманитарные (общественные и проч.).

К первым относится, безусловно, открытие огня (его поддержание при получении от природных очагов возгорания; обретение способности разжигания и использования, постепенно – по широкому спектру возможностей и потребностей), которое и до сих пор широко нами используется, ведь горение – база удовлетворения нынешних бытовых потребностей, основа современного огнестрельного оружия и т.д.

Ко вторым – создание механизма упорядочивания межличностных отношений, в т.ч. несилового способа разрешения споров, ссор и конфликтов внутри сообщества первобытных людей. До создания этого (пусть в самой зачаточной форме) способа упомянутые споры, ссоры и конфликты в таком сообществе разрешались в основном силовым способом, торжествовало право сильного, что нередко приводило к деградации и уничтожению всего конкретного сообщества. А выживали те сообщества, в которых образовались зачатки названного механизма, в своем развитии получившие форму первоначального механизма правосудия.

Естественно, никаких материальных следов такого образования и изначально дихотомного развития науки нет – ни письменных, ни в форме наскальных изображений, ни рисунков на черенках гончарных изделий, ни иных подтверждений в археологических раскопках и т.д. Но ведь есть логика, воображение, моделирование ситуаций и процессов.., а это тоже методы научного познания.

Во всяком случае у автора данных строк сомнений в изложенной выше истории образования науки и методологии научного познания действительности нет. Скорее всего все так и было, если придерживаться общепринятого взгляда на историю человечества и человеческой цивилизации. И не опираться на теории божественного, мистического и/или уфологического возникновения человечества, вроде прилёта на Землю 200 тыс. лет назад аннунаков с планеты Нибиру, которые для решения своих задач провели среди большой массы человекоподобных обезьян соответствующую генетическую коррекцию, в результате получив массу полуразумных приматов, которые впоследствии развились в первобытных людей и, переняв от звездных пришельцев определенные знания, освободились от их влияния.

Как бы то ни было, возникнув (на различных территориях нашей планеты и не одновременно), наука (в самых различных формах) развивалась (в самых разных векторах и совсем не линейно) и на стадии первобытнообщинного строя, и в племенных (родовых) объединениях, и в догосударственных образованиях, и в рабовладельческих государствах, и при феодализме, и при капитализме, и при социализме (где его строили)... Пройдя при этом стадии развития – натурфилософию, аналитическую науку, стадию дифференциации наук, а сегодня проходит стадию интеграции наук, и это явно не завершающее развитие науки[5].

К настоящему времени принято считать, что наука (организация научных исследований) подразделяется на: 1) фундаментальные; 2) поисковые; 3) прикладные.

При этом фундаментальная наука, как известно, – это система знаний о глубинных свойствах

[5] История науки, организационных форм научных исследований не обойдена вниманием отечественных исследователей (см., напр.: *Вернадский В.И.* Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М., 1988).

объективной реальности; она создает теории, объясняющие все процессы, происходящие в мире. Как правило, фундаментальные научные исследования направлены на получение новых (новейших) знаний без какой-либо конкретной цели, связанной с использованием этих знаний. Считается, что основными признаками фундаментальности выступают концептуальная универсальность и пространственно-временная общность. А в принципе подлинная фундаментальная наука – это научно-исследовательская работа в поле полной неизвестности. Похоже, правы были небезызвестный Вернер фон Браун (сказавший: «Фундаментальные исследования – это чем я занимаюсь, когда понятия не имею о том, чем я занимаюсь») и Хоумер Адкинз (сказавший, в свою очередь: «Фундаментальные исследования – это примерно то же самое, что пускать стрелу в воздух и там, где она упадет, рисовать мишень»). На чисто бытовом уровне можно сказать, что фундаментальная наука – это уж точно не научные исследования с заранее очевидным результатом; в праве – это уж точно не изложение своими словами очередного нормативного правового акта, перемешивающегося восхвалениями: «как своевременно», «как мудро», «как давно этого ждали»...

Поисковая наука – это, в свою очередь, экспериментальные или теоретические исследования, направленные на увеличение объема знаний для более глубокого понимания изучаемого предмета, это разработка прогнозов развития науки и техники, открытие путей применения новых явлений и закономерностей.

Прикладная же наука направлена на получение новых знаний с целью практического их использования для разработки технических и иных нововведений.

В принципе разделение между фундаментальной наукой и наукой прикладной – это разделение в плане «теоретическое» – «эмпирическое», но при этом фундаментом в обеих науках может быть эмпирическое знание (фактов и явлений).

Методология научного поиска у фундаментальной, поисковой и прикладной наук различается по ряду показателей, еще больше различий между науками точными (здесь в фаворе метод эксперимента) и социогуманитарными (здесь в приоритете методы: воображение, фантазия, догадка, интуиция, создание реконструкции, воображаемое моделирование процессов, явлений, ситуаций и проч.). Необходимо отметить, что одним из фундаментальных принципов научного познания является аргументированная критика практически любых теорий, включая их методологические основания и эвристические перспективы. При этом, так уж сложилось (причины этого различные, но в основном – субъективного свойства), что, как в СССР, так и в Российской Федерации, внимание властей – организационное, финансовое, кадровое и иное обеспечение – уделяется первым в десятки раз больше, чем вторым (в частности, из 18 вице-президентов РАН лишь один обществовед – археолог). Но ведь науки о закономерностях общественного развития не менее необходимы, не менее значимы и важны, чем исследования в области ядерной физики (химии, биологии...).

И недооценка второго при проведении НИР первого подчас становится трагедией, пока, правда, в локальных объемах. Например, в КНР ученый-генетик Хэ Цзянькуй и двое его сотрудников в конце 2018 г. имплантировали двум женщинам генетически редактированные эмбрионы; одна из женщин родила девочек-близнецов. С позиции науки генетики успех несомненен – с помощью генетического редактирования удалось придать нескольким человеческим эмбрионам устойчивость к ВИЧ, и эта устойчивость может быть унаследована потомками «отредактированных» детей. Но с точки зрения науки права это – преступление, и суд признал, что трое обвиняемых намеренно нарушили национальные нормативные положения относительно биометрических исследований и медицинской этики и поспешно применили метод генетического редактирования в репродуктологии. Обвинительный приговор суда был вынесен всем трем обвиняемым, сам факт эксперимента впоследствии вызвал критику среди китайских ученых-генетиков[6].

Разумеется, противопоставлять точные науки наукам социогуманитарным не следует ни в коей мере, речь идет лишь о том, что роль вторых для общества не менее значима, чем первых, поэтому и внимание к ним (во всех проявлениях) должно быть не меньшим. К тому же, обе они базируются на единой платформе – такая важная наука, как науковедение, не проводит между ними принципиальных различий, особенно когда речь идет о фундаментальном науковедении. Можно, видимо, фундаментальную науку охарактеризовать как поиск нового там, где нам неизвестно либо ничего совсем, либо совсем мало что. Ибо поиск нового там, где нам известно много,– это уточнение известного, усовершенствование его, приспособление к насущным потребностям и проч., что, безусловно, нужно, но это уже – наука прикладная. Известно высказывание одного из прошлых министров обороны США Дональда Рамсфельда: «Есть вещи, о которых мы знаем, что знаем; есть известные нам неизвестности, о них мы знаем, что пока не знаем; но есть еще и неизвестные неизвестности, вещи, о которых мы не знаем, что

[6] См.: Поиск. 2020. 17 янв.

их не знаем». Вот последние и есть проблематика подлинно фундаментальной науки – исследование в полной неизвестности, поиск загоризонтного профиля. И результат в конкретном поиске неизвестен, и вообще неизвестно, будет ли он. В физике это, к примеру, исследование теории времени (прежде всего как источника энергии), телепортации, телепатии, левитации, телекинеза, трансмутации элементов – здесь, похоже, вообще научная целина. Как и длящиеся уже не один десяток лет исследования, обосновывающие существование общего поля, которое лежит в основе всех явлений и фундаментальных взаимодействий материального мира. А что это в праве – ниже.

Но такой подход позволяет в сфере фундаментальной науки выделить то, что можно, по всей видимости, охарактеризовать как «Большую фундаментальную науку», проблематика которой скорее всего должна, в свою очередь, основываться на положениях фундаментального науковедения. Под последним в науковедческой литературе понимается общая теория науки, представляющая собой теоретико-методологическую основу и разрабатывающая общетеоретические концепции и модели научного знания, научной деятельности и научной организации, призванная также исследовать и логически упорядочивать закономерности строения, функционирования и развития науки в целом[7].

Вообще же типологизация науки, научного поиска и подходы к созданию общепринимаемых ученым миром понятийного и категориального аппаратов активно рассматривается в науковедческой литературе[8]. В той или иной мере все это находит закрепление в соответствующих законах и иных нормативно-правовых предписаниях, например, в Указе Президента РФ от 12 декабря 2016 г. № 642 «Об утверждении Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»[9].

В то же время следует отметить, что современная правовая основа науковедения оставляет желать лучшего. Особенно наглядно это проявляется сегодня в такой ее сфере, как наукометрические показатели эффективности результатов НИР. Здесь не только законо- и нормопроектант, что называется, руку не приложил, но и правовая наука, по существу, пробуксовывает. Иначе не было бы официально действующей столь безумной оценки результатов творческой деятельности ученых путем учета количественных показателей публикационной активности в зарубежных журналах, причем в тех странах, власти которых негативно относятся к нашей стране. Более всего эта несуразность проявляется в оценке результатов исследований в науках социогуманитарного профиля, в первую очередь общественных наук. Сегодня шутливое переиначивание лозунга известного в прошлом политика: «Из всех наук для нас важнейшей является библиометрия», – уже, по сути, не шутка.

Можно, конечно, протестовать против подобной наукометрической методологии путем принятия соответствующих решений учеными, научными, диссертационными и иными советами научных учреждений, решениями общих собраний их трудовых коллективов и/или научно-исследовательских коллективов и т.д. Но явно эффективнее противостоять этому действию правовыми средствами – изменениями соответствующими способами тех правовых предписаний, на которых основывается данная дефектная система оценки научных достижений (весьма хлипких, кстати, это о правовых предписаниях, а не о научных достижениях), разработкой и обеспечением принятия соответствующих законодательных и иных нормативных правовых актов, которые: а) исключат названную дефектную наукометрию, блокировав всякую возможность ее воссоздания «эффективными менеджерами» от науки; б) введут адекватную действительным результатам НИР систему оценки в сфере науки. Все это возможно, в свою очередь, лишь на основе серьезных научно-правовых разработок – это явно сфера именно фундаментальной правовой науки в первую голову.

С позиции организации научных исследований (планирование, финансирование, проведение, отчетность...) принято науку разделять на академическую, вузовскую и отраслевую. Сюда следовало бы добавить, по мнению автора данных строк, и науку не организованную, проводимую в инициативном порядке отдельными (или в составе малых групп) энтузиастами за свой счет и в свободное время.

Такую организацию науки можно назвать «гаражной» – собираются энтузиасты в гараже у одного из таких исследователей и либо что-то модернизируют (приспосабливая, например, авиационный

---

[7] См.: *Каширин В.П.* Проблемы общей теории науки // Науковедение: фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2002. С. 27, 28.

[8] См., напр.: *Голдин В.И.* Фундаментальные проблемы науковедения и роль университетов в развитии науки в России в современном мире // Вестник Поморского ун-та. Сер.: Гуманитарные и специальные науки. 2011. № 3. С. 100–105; *Ефименко Д.В.* Производство научного знания и российское научное сообщество // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005. С. 214, 215; *Юревич А.В.* Науковедческая «башня» или еще раз о предмете и структуре науковедения // Там же. С. 38. Немало интересных публикаций по данной проблематике в сетевом издании – Интернет-журнале «Науковедение» (основанном в 2009 г.), который с 2017 г. выходит под новым названием «Вестник Евразийской науки» (правда, статьи по специальности 12.00.00 – юридические науки не публикуются).

[9] См.: СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6887.

мотор к «Жигулям»), либо совершенствуют (превращая те же «Жигули» в бронированный внедорожник), а то и изобретая что-то принципиально новое (например, машину времени) – талантливых людей у нас много. И если по всей стране изобретателей машины времени сейчас (гипотетически) насчитывается 20–30 групп, одна из них рано или поздно достигнет, пусть методом «тыка», искомого результата (изобретет эту машину времени), или уже достигла, но соответствующие органы данное изобретение засекретили... Все знали, что по законам физики ее нельзя изобрести, и они – не знали...

Отраслевая наука в советский исторический период у нас была весьма развита, практически все хозяйственные союзно-республиканские министерства имели свои НИИ, причем с научно-правовым подразделением, но с распадом СССР отраслевая наука в основном прекратила свое существование. Побочным следствием чему является, в частности, возникновение следующей проблемы. Каждое федеральное министерство и ведомство ведут большой объем нормотворческой работы – в рамках и в векторе собственных правомочий. Существовавшие в прошлом НИИ общесоюзных и союзно-республиканских министерств и ведомств и обеспечивали в подавляющем объеме решение этой задачи силами научно-правовых подразделений названных НИИ. Сейчас ни отраслевых НИИ, ни их научно-правовых подразделений нет, а необходимость в отраслевом нормотворчестве сохранилась, более того – возросла. Существующие сегодня в федеральных министерствах и ведомствах правовые (юридические) подразделения (управления, отделы, департаменты...) с этой работой справляются далеко не всегда – и по объему работы, и по качеству – ведь эта нормотворческая работа требует предварительного научно-правового обеспечения, проведения соответствующих научных исследований. Важно при этом, что сама нормотворческая работа в министерствах и ведомствах – это государственная функция, и она финансируется каждому министерству, ведомству из федерального бюджета. И получилось, что работу эту делать надо, а в министерствах, ведомствах – некому (или почти некому). Выход нашли в аутсорсинге этих госфункций. Причем в огромных масштабах, и уже длительное время – поручение Президента РФ о введении запрета госорганам закупать работы и услуги, выполнение которых непосредственно отнесено к их функциям, должно было быть выполнено еще к 1 октября 2016 г. В СМИ отмечается: «Аудиторы констатировали, что потери бюджета от “аутсорсинга” госфункций исчисляются миллиардами рублей в год, которые бюджет дважды платит за одно и то же. Минэкономики предлагало закрепить запреты на госзакупки “профильных” работ ведомств в положениях о них (в основном речь шла о заказе научно-исследовательских работ, в рамках которых разрабатывались нормативные документы, которые должны были готовить сами органы власти). Минфин же настаивал на том, что у госорганов и так нет права передавать свои полномочия на аутсорсинг, поэтому необходимость такого запрета отсутствует (см.: “Ъ” от 10 апреля 2018 г.)»[10].

У автора этих строк возникло ощущение, что широко и печально известный приказ Министерства науки и высшего образования РФ конца прошлого (2019) года, резко ограничивший научные контакты наших ученых со своими зарубежными коллегами, – это именно аутсорсингская разработка, причем ее авторы особенно не утруждались, просто достали из архивов НКВД 30-х годов соответствующую Инструкцию и слегка её адаптировали к сегодняшним реалиям...

Академическая наука с распадом СССР уцелела в основном потому, что РАН оказалась правопреемником АН СССР, в т.ч. в организационном, материально-ресурсном, кадровом и иных планах. Но в 2013 г. с передачей большинства институтов РАН в ведение (со всеми вытекающими последствиями) Минобрнауки России сама РАН превратилась практически в научно-организующую фикцию, в штаб без армии. В принципиальной значимости проблема заключается в том, что сейчас РАН пытается выступать в качестве штаба российской науки, однако ни в Конституции РФ, ни в соответствующем федеральном законодательстве эта штабная её роль никак не обозначена. Ситуация прямо противоположна ситуации с нынешней судебной системой страны – в Конституции РФ о ней практически почти ничего нет, она лишь упоминается в ч. 3 ст. 118 Конституции РФ (причем там сказано, это она устанавливается Конституцией РФ и федеральным конституционным законом, но как раз Конституцией РФ она до сих пор и не установлена), а ее штабу – Верховному Суду РФ – посвящена целая статья – 127-я, правда, по своему содержанию эта статья далеко не идеальная, и уж точно из неё не вытекает, да и не должно вытекать, что Верховный Суд РФ есть штаб судебной системы страны. А ведь РАН с институтами – система, без них – фикция, в ее штате даже научных сотрудников нет.

Укрепил ли вузовскую науку перевод в ведение Минобрнауки России академических институтов – большой вопрос. Сама же вузовская наука, в которой организационно НИР ведет небольшое число штатных научных сотрудников, а в основном её проводит профессорско-преподавательский состав вузов, причем в свободное от преподавательской (методической, воспитательной...) работы время,

[10] Коммерсантъ. 2020. 21 февр.

похоже, эффективной, сопоставимой с академической, быть не может. Положение дел с подлинной эффективностью вузовской науки серьезно усугубляют те же, что и у академической, официальные показатели ее наукометрической результативности публикационной активности.

Следует подчеркнуть, что вовсе не обязательно, чтобы фундаментальные исследования вела академическая наука, прикладные – отраслевая, ну а поисковые – вузовская, даже если бы организация их стала оптимальной, близкой к советскому историческому периоду. Науку делают личности, и относится это также к наукам общественного профиля, включая правовые. Разработка, обсуждение и утверждение разного рода уровней проектов, программ, нормативов результативности и т.д. НИР – это организационная сторона дела, сама же наука есть прежде всего (и в своей основе) результат мыслительного процесса мыслительной деятельности человеческого индивидуума. Он же, вероятно – в результате глубоких размышлений, расчётов, экспериментов и т.д. и с учетом обсуждения проблемы с коллегами – и сможет увидеть огромную проблемную пробельность в определенной сфере общественных отношений, в т.ч. в том правовом поле, которое уже тысячелетия было и является предметом пристального внимания ученых соответствующего профиля. Следует ли отнести эту проблематику к фундаментальной науке, формула которой приведена выше? Вряд ли, ведь проблемы здесь исследовались издревле, это поле долго и упорно пахали, правда, на нем постоянно всходили новые «плоды неизвестности» – соответствующие тем или иным историческим последовательностям. Может быть, стоит в этом случае вести речь о Большой фундаментальной науке права?

Таким образом, ответ на вопрос: какая юридическая наука (из трех названных выше видов) призвана вести исследование проблем (серьезных, актуальных...) в правовом поле, уже тысячелетия прорабатываемым, может быть в традиционных представлениях таким: безусловно, всеми формами, но в обыденном сознании это та проблематика, которая «прорезалась» недавно, либо контуры которой убеждают в ее актуальности в ближайшем будущем. Но ведь речь здесь идет о тысячелетней истории исследования фундаментальных проблем определенной (ограниченной) сферы общественных отношений. В целях закрепления термина в понятийном аппарате следует в этом случае, видимо, говорить – параллельно сказанному выше – о Направлениях фундаментальных научных исследований в праве.

В данной работе предлагается к их рассмотрению два – право собственности и правовое обеспечение справедливости в общественных отношениях, но оба – в «симбиозе», в органическом единстве. Они в реальной жизнедеятельности общества подчас тесно переплетаются, образно говоря, диффузируются, но в то же время по своему содержанию значительно – в симбиозе же – различаются и географически (в разных странах), и темпорально (исторически – в различных общественно-экономических формациях, на разных исторических этапах развития государства...). При этом сохраняется в симбиотическом единстве определенный правовой стержень в данных сферах общественных отношений, а значит – в названном направлении фундаментальной науки в праве.

Наиболее наглядно названные различия проявляются в обычной жизни. Например, недавно в одной из земельных столиц западной части ФРГ полицейский оштрафовал пожилого бюргера, присевшего отдохнуть на скамейке у остановки общественного транспорта. Основание к наказанию – использование этой скамейки бюргером не по назначению. В силу локального акта муниципальных властей остановки общественного транспорта (вместе со скамейками) предназначаются для будущих пассажиров, ожидающих этот транспорт – таково было обоснование расходов на общественный транспорт, финансируемых муниципальным бюджетом за счет местных налогоплательщиков. Логика нормопроектанта здесь очевидна: если бы в данном локальном акте цель остановок общественного транспорта включала бы возможность присесть на скамейку остановки не только будущим пассажирам, но и прохожим, пусть и пожилого возраста, то был бы риск – депутаты представительного органа муниципалитета могли не утвердить истребуемые бюджетные расходы, посчитав их тратами, не соответствующими целевому предназначению общественного транспорта.

Интересно, могла бы возникнуть подобная коллизия (оштрафование пожилого гражданина ФРГ за использование муниципального имущества не в строгом соответствии с его нецелевым предназначением) в Восточной части ФРГ – всё-таки и сегодня менталитет жителей Западной и Восточной частей ФРГ различается. Но есть твердая уверенность – в нашей стране такого быть попросту не может.

Вместе с тем, как известно, древнегреческий мыслитель Сократ, основоположник философии права (что – не общепризнано), уверял, что любые законы – и провозглашенные бессмертными богами, и принятые властителями государств имеют общий источник – справедливость, которая и являлась, как он считал, критерием законности. С тех пор много воды утекло, но справедливость не исчезла, хотя воспринималась и в географическом, и во временном измерениях по-разному.

Различие подходов между российским и западноевропейским менталитетами к симбиозу

права и справедливости отмечает и крупный отечественный специалист в области философии права В.Н. Жуков в статье «Справедливость» недавно изданного словаря «Философия права». По его мнению, категория справедливости представлена во всех культурах мира, но этимология этого слова разная. В латинском языке справедливость означает *justitia* (право), и данная традиция понимания справедливости, идущая от древних римлян, весьма характерна для Запада с его преобладающим взглядом на мир социальных отношений через призму права. Справедливость там тождественна законности: что соответствует праву, то следует считать справедливым. В русском же языке справедливость происходит от слова «правда», что к праву прямого отношения не имеет. В контексте русской культуры правда есть одновременно гносеологическая и этическая категория, правда – это истина, отображающая объективную реальность, а также модель должного поведения. И на Западе, и в России феномен справедливости имеет место, но акценты в нем смещаются в зависимости от особенностей культуры[11].

Вообще же справедливость – одно из самых загадочных понятий, равное по неопределенности составляющих его признаков таким понятиям, как «любовь», «счастье» и некоторым иным. Кстати, сегодня на нашей планете есть государства, в которых есть министерства счастья, есть государства, где ощущение счастья у населения, по устоявшемуся определению его уровня в обществе, что называется зашкаливает, и это при низком уровне жизни и широко распространенной бедности населения.

Но справедливость от названных (и неназванных) неопределенных понятий отличается тем, что в подавляющей мере она (ее уровень) зависит от государства, его органов и должностных лиц, от состояния правовой системы, от государственно-управленческого механизма, от состояния его законодательно-нормативной основы и проч. И в первую очередь непосредственно от людей, которые принимают решения, совершают поступки и действия и т.д., которые и рассматриваются, и оцениваются в обществе как справедливые или несправедливые.

Проблемной базой здесь является отсутствие (практически полное) ясности в вопросах: справедливость – это чувство или свойство души, или черта характера? она у человека образуется еще в его эмбриональном состоянии, являясь врожденной, или проявляется с его взрослением (или не проявляется у отдельных людей)? можно ли ее наличие каким-либо образом (способом) обнаружить и зафиксировать, и соответственно градуировать? если да, то зависит ли уровень справедливости у людей в зависимости от возрастных и гендерных особенностей индивидуума, его воспитания, политических, идеологических, конфессиональных, национальных и т.п. предпочтений и многого иного?

Пожалуй, современный уровень науки, самые ее передовые достижения не способны дать ответы на перечисленные вопросы. А как было бы хорошо, если бы можно было у кандидата на государственную должность (прежде всего на должности судей) определить (медикаментозно, погружением в гипнотическое состояние, с использованием пока не изобретенного прибора...) наличие и уровень (или отсутствие наличия) справедливости... Поскольку в средствах массовой информации отмечается, что в обществе запрос на справедливость в последнее время растет, а по частоте упоминаний острых общественных проблем рост показателя несправедливости судов внушителен – зафиксирован с 7 в 2006 г. до 14 в 2020 г., т.е. вдвое[12].

Уверенности в том, что неумолимый научно-технический прогресс в определенном будущем способен обеспечить разработку указаний методики выявления у испытуемого чувства справедливости, придает то обстоятельство, что практически любой взрослый человек определит, что называется влет: справедливы или нет то или иное решение властей, поступок (действие) другого человека, и – что особенно впечатляет – тот или иной судебный приговор. При полном подчас отсутствии какого-либо обоснования своего в этом вердикте.

Как бы то ни было, у России, однако, свои фундаментальные проблемы в симбиозе права собственности и правового обеспечения справедливости.

Одной из таких фундаментального уровня проблем, весьма актуальных сегодня для России, является, по мнению автора данной статьи, пробельность в вопросе: кому, какому субъекту права в нашей стране принадлежит право собственности на природные ресурсы (прежде всего на углеводороды), покоящиеся в ее недрах, еще не открытых геологами?

Оба вектора – темпоральный и геопространственный на этот вопрос давали (и дают) четкий, однозначный ответ. РСФСР – предшественница Российской Федерации в Конституции 1978 г. (ст. 11) закрепляла это право за государством: «В исключительной собственности государства находятся земли, ее недра, воды, леса...». И ни каких вариаций и разночтений. Сама государственная собственность при Советской власти была

[11] См.: Философия права. Словарь / общ. ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2020. С. 599.

[12] См.: *Комраков Анатолий*. Россияне хотят справедливости как никогда раньше // Независимая газ. 2020. 6–7 марта.

абсолютно доминирующей; колхозно-кооперативная и общественных организаций (основательно огосударствленная по основным параметрам) была незначительной – относительно государственной; частной не было вообще; личная проявлялась (чуть ли не исключительно) лишь в наследственных правоотношениях. Да и там наследственная масса была (за редчайшими исключениями) столь мала, что законодательство того периода обходилось всего двумя очередями наследников, а ведь сегодня этих очередей – семь, и то иногда недостаточно. Поэтому-то острых, кричащих проблем с правом собственности того периода не возникало – ни на практике, ни в теории: у нас до сих пор три элемента права собственности, а во Франции, к примеру, их 11. И это вследствие разницы в практической потребности, а соответственно в ее законодательном урегулировании: у нас эта реальная потребность образовалась около 30 лет назад с переходом страны на рельсы рыночной экономики, а во Франции – во времена Наполеона Бонапарта, создавшего необходимое уже тогда соответствующее кодифицированное законодательство.

Относительно же права собственности на природные ресурсы эпохи РСФСР не только проблем, даже частных вопросов не возникало (были терминологические разногласия – общенародная ли она? или больше социалистическая?).

Для прослеживания юридического собственника природных ресурсов России в более давние времена следует оптимально воспользоваться методом правовой стратиграфии, аналогии со стратиграфией, широко применяемой в геологии и археологии, где отслеживаются в исторической последовательности пласты – геологических наслоений, следов прошлых культур человеческих сообществ... В правовой стратиграфии это последовательные «напластования» законодательных и иных нормативно-правовых актов, устоявшихся правил поведения, соответствующей правоприменительной практики и т.д. – все, что регулировало вопросы права собственности на природные ресурсы в разные исторические периоды. Похоже, что этот вопрос – применительно к углеводородам – до середины XIX в. нормативно никак не был урегулирован, да и вообще тогда он никого не интересовал.

Однако на эту проблему можно взглянуть и по-другому, если опираться не на законодательную и иную нормативно-правовую основу определения собственника природных ресурсов вкупе с соответствующей правоприменительной практикой, а на положения действующей Конституции РФ. Иными словами, в целях обеспечения справедливости (по самому большому счету) посмотреть сквозь призму конституционных положений на то, что сособственником природных ресурсов России могут считаться и прошлые поколения россиян, а также и будущие поколения[13]. В преамбуле Конституции РФ способствуют такому восприятию следующие положения: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации.., сохраняя исторически сложившееся государственное единство.., чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость.., исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.., принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОСИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Представляется, что высшим проявлением справедливости является определение в качестве субъекта права собственности на природные ресурсы в нашей стране, данные нам Богом (и природой), прошлые, настоящие и будущие поколения граждан Российского государства.

При таком подходе вряд ли эту собственность сегодня можно называть государственной, уж никак в координатах положений Конституции РФ. Очевидно, что из указанных выше векторов первый – темпоральный – не позволяет однозначно считать собственность на природные ресурсы России государственной. Даже если этот вектор сузить до границ лишь нынешнего поколения – граждан Российской Федерации. Второй же вектор – геопространственный – также исключает такую возможность, в отличие, например, от нашего ближайшего соседа – Республики Казахстан, где в ч. 3 ст. 6 Конституции провозглашено: «Земля, ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности. Земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом», т.е. там даже законом не может быть установлена принадлежность природных ресурсов к не государственной собственности.

В ч. 2 ст. 9 Конституции РФ провозглашено: «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности», т.е. до 12 декабря 1993 г. природные ресурсы находились в исключительной (! – *М.К.*) собственности государства – по Конституции РСФСР 1978 г., а с 12 декабря 1993 г. уже лишь могут находиться в собственности различных субъектов права, среди которых государство (а значит народ, нынешнее поколение россиян, как и будущие тоже) в этом перечислении названо не первым. Каким образом

[13] Автор данных строк этот вопрос – о правах собственности прошлых и будущих поколений россиян на природные ресурсы – уже рассматривал (см. подр.: *Клеандров М.И.* О двух хронологических векторах права собственности // Собственность в XX столетии. М., 2001. С. 776–792).

общенародная собственность на природные ресурсы нашей страны после 12 декабря 1993 г. «перетекла» в собственность частную? Особенно это удивительно применительно к еще не разведанным тогда природным ресурсам, покоящимся в наших недрах. Разве Российская Федерация не правопреемница РСФСР, в т.ч. в вопросах права собственности на природные ресурсы?

Принятый еще до Конституции РФ 1993 г. Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-I «О недрах»[14] вопрос о принадлежности природных ресурсов, находящихся в недрах Российской Федерации, обошел молчанием. Статья 11 Закона (в первоначальной ред.) указывала однозначно в своем названии: «Недра предоставляются в пользование специальным разрешением в виде лицензий». И никаких иных вариантов оформления права на недропользование.

В более поздней редакции Закона РФ «О недрах» ст. 1.2 «Собственность на недра» в ч. 1 установила: «Недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью». Такова редакция этой нормы и сегодня. Но если Конституция РФ говорит, что природные ресурсы могут находиться в частной, государственной и иных формах собственности, а принятый позже Федеральный закон ограничивает это право лишь собственностью государственной, то чем руководствоваться? Ясно же – Конституцией РФ. Но почему сложилась такая правовая коллизия?

Комментарии к ч. 2 ст. 9 Конституции РФ этот хотя и узкий, но принципиальный вопрос обходят[15], ограничиваясь отсылками к Закону РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах»[16] и к иным статьям Конституции РФ (ч. 3 ст. 36, ч. 1 ст. 72 и др.), педалируя на регулирование земельных отношений. Еще до принятия 12 декабря 1993 г. Конституции РФ, в момент «слома эпох», Верховным Советом РФ было принято постановление от 27 декабря 1991 г. № 3020-I «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», в котором в приложениях 1 и 2 содержались перечни объектов, относящихся исключительно к федеральной собственности, и объектов, которые могут передаваться в собственность субъектов Российской Федерации. И сегодня научная мысль сосредоточена в значительной мере на этом векторе разграничения государственной собственности на федеральную, субъектов Федерации и муниципальную[17]. Дело, безусловно, нужное, но ответа на ожидание общества справедливости в вопросе права собственности на природные ресурсы, бывшие до 12 декабря 1993 г. собственностью народа, а теперь – нет, не дает. Как не дает ответа и специальная научная работа о первоначальных способах приобретения права собственности[18]. Но ведь известно, что справедливость для нашего народа – понятие сакральное, позитивное самоощущение общества – одна из опорных, несущих конструкций государства, да менталитет народа существует независимо от того, совпадает ли он с устремлениями властей. И здесь нет лозунга «борьбы с богатыми» – «всё отнять и поделить». Здесь проблема: справедливо ли общенародная собственность на природные ресурсы «перетекла» в частную собственность? Справедливы ли были законы, позволившие это сделать (и делать до сих пор). Наконец, главное – отвечает ли принципам справедливости, и особенно определенности, в принципе конституционная формула, согласно которой природные ресурсы «могут находиться» в частной собственности?

Похоже, что ожиданиям общества на справедливость в обозначенных отношениях эта конституционная формула в необходимой мере не соответствует. Вообще, как известно, правовое регулирование отношений между государством и компаниями – добытчиками полезных ископаемых осуществляется во всем мире в четырех основных формах: лицензии, контракты, концессии и соглашения о разделе продукции.

В ряде стран с крупными запасами углеводородного сырья используется контрактная сервисная форма отношений: государство заключает с компанией контракт, в силу которого последняя организует разведку полезных ископаемых: разведала и доказала существование такого месторождения – получай от государства, к примеру, 5 центов за 1 куб. м. разведанного газа, 10 центов за 1 баррель разведанной нефти, и на этом твои обязанности по контракту завершены. На добычу этих

[14] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16, ст. 834; СЗ РФ. 1995. № 10, ст. 823.

[15] См., напр.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., переим. М., 2013.

[16] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16, ст. 834.

[17] См., напр.: *Емелькина И.А.* Перераспределение государственной и муниципальной собственности: правовые проблемы и тенденции развития законодательства // Законы России. 2020. № 20. С. 22–28.

[18] См.: *Корнилова Н.В.* Первоначальные способы приобретения права собственности: реформа в России и зарубежный опыт // Росс. правосудие. 2017. № 1 (129). С. 56–67.

углеводородов государство заключает с добывающей (той же либо иной) компанией отдельный контракт, выплачивая ей оговоренную контрактом сумму за каждый добытый куб. м. газа, баррель нефти. Реализацией же этих добытых углеводородов занимается компания (эта же или уже третья) – по отдельному контракту с государством. Таким образом, собственником углеводородов по всей цепочке (разведка, добыча, реализация) остается государство, и все доходы от этого поступают ему. Таково положение дел в Норвегии, Саудовской Аравии, ОАЭ, ряде иных государств, было в Ливии... А поскольку государственная собственность предназначается по справедливости для блага народа этого государства, граждане государств с такой формой отношений между государством и бизнесом получают право (и реальную возможность) на т.н. безусловный доход – изначальную долю доходов от продажи государством углеводородов, по сути, реализуют право на свою долю собственности на углеводороды.

В Российской Федерации практикуется лицензионная форма названных отношений, при которой государству достаются в основном лишь налоговые и таможенные платежи, выплачиваемые бизнесом, и уж на «безусловный доход» нашим гражданам никак не приходится рассчитывать. Справедливо ли это? В феврале этого года в «Российской газете» было отмечено: «Не так давно в Госдуме оценили ежегодные потери России от незаконной добычи природных ресурсов – они превышают 817,2 млрд руб. в год. Но не является ли формально законная добыча этих ресурсов той же потерей, если прибыль от нее уходит из страны»[19].

Еще более поразительную информацию представил бывший директор НИИ статистики Росстата В. Симчера, проведший (с коллегой) соответствующее исследование[20]. Он пишет: «Мы с коллегой примерно, основываясь только на открытых данных, посчитали, что если бы нефть и газ добывались по схеме сервисных контрактов, оставаясь собственностью государства Российского, то наш бюджет каждый год пополнялся бы примерно на восемь с лишним триллионов рублей. Например, в 2018 году консолидированный бюджет был бы “толще” на 23%, а федеральный – на 43,5%. При этом без каких-либо серьезных усилий. Просто одним постановлением правительства вместо лицензий ввести системы контрактов. Всё! Извлекаемые богатства и все доходы от них будут однозначно принадлежать только государству. Но никаких движений в эту сторону даже не планируется».

Но и это еще не самое поразительное. Далее сказано: «Абсолютно не “бьется” статистика нашего экспорта нефти и нефтепродуктов с импортом тех стран, которые их закупают. Однако по российской отчетности, например, в 2015 г. мы “заклятым друзьям” в США продали нефти на 3,1 млрд долларов. А по американской и ооновской статистике за ту же нефть заплатили 9 миллиардов. В том же 2015-м Германия закупила российских нефтепродуктов на 27 миллиардов. А ФГС по тем же закупкам отчиталась десятью с хвостиком. “Где лишние баррели и доллары, Зин?”», – спрашивает В. Симчера. По его подсчетам, если все эти убытки посчитать за 30 лет, то получим более 200 трлн руб. – таких потерь история России не знала за все годы ее существования, даже война принесла меньше материальных потерь.

Без сомнения, государственные – статистические, правоохранительные и иные органы могли бы опровергнуть данную информацию, но пока это не наблюдается.

Ведь роль государства, всех его органов власти и управления заключается в обеспечении справедливости в обществе, в защите интересов народа, общества, и если действующее правовое регулирование, прежде всего конституционные положения в определенном векторе, не обеспечивают реализацию этой обязанности государства, их надо соответствующим образом скорректировать. И здесь, пожалуй, заключается одно из самых главных (по всем разумным параметрам) проблемных направлений фундаментальной науки права – направление симбиоза права собственности и справедливости.

Но есть и та научно-правовая проблематика (в том же направлении симбиоза права собственности и справедливости), которая сегодня лишь слегка проглядывается, но принципиальный потенциал будущей практической проблематичности у нее в различных векторах невероятно большой.

Например, в сфере правового регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом. Как известно, человекоподобная роботесса София в октябре 2017 г. получила подданство Саудовской Аравии. Она наделена технологиями искусственного интеллекта, это – разработка гонконгской компании Hanston Robotics. Неизвестно, получила ли она с обретением подданства какие-либо человеческие права, или в Саудовской Аравии предполагается разработка специальной системы прав роботов. При этом она вскоре (видимо, от большой радости приобретения подданства)

[19] *Некрасова Екатерина.* Схватка за золото. Второй раунд // Росс. газ. 2020. 2 февр.

[20] Этот исследователь, судя по занимаемой прежде им должности, человек сведущий; его статья под названием «Этот стон у нас “деньги” зовется» была опубликована в еженедельнике «Аргументы недели» от 20.11.2019 г., а это издание к «желтой прессе» отнести нельзя, так что данная информация к «фейковой» явно не относится.

заявила о своем желании уничтожить человечество, но потом, похоже, передумала. Этот аспект, насколько опасно развитие искусственного интеллекта для будущего человечества, – сюжет отдельный. В сегменте же проблематики симбиоза справедливости и права собственности главное иное – получив подданство Саудовской Аравии, роботесса София ведь превратилась, в этом нет сомнений, из объекта права в субъект права. А значит, она обрела юридическую возможность приобретать в собственность иных роботов, в т.ч. так же, как и она, наделенных технологиями искусственного интеллекта, но не наделенных подданством Саудовской Аравии. А что в рамках этого вектора будет дальше, лет через 10–15? Уже сейчас нужны серьезные, фундаментального уровня научно-правовые исследования в обозначенном здесь направлении.

И кто знает – не понадобится здесь, по аналогии, анализ доступных нам сегодня сведений о законодательстве и правоприменительной практики некоторых древних рабовладельческих государств, где (в определенные исторические периоды) раб мог юридически, а не только фактически иметь в собственности раба. То есть раб – объект права с получением юридической возможности приобрести в собственность раба и реализовав эту возможность, становился по отношению к приобретенному им рабу субъектом права, оставаясь при этом в отношениях со своим собственником – объектом права. Следует заметить, что правовое регулирование отношений собственности было, в частности, в Древнем Риме весьма детальным, глубоко проработанным. При этом исследователи этой сферы отношений отмечают, что римскому праву классического периода был свойствен отличный от современного права подход к характеристике собственности, и делается «вывод о том, что в Древнем Риме не сформировалось адекватного и даже сколь-нибудь близкого современному общепринятому пониманию права собственности. В римском праве классического периода сложилась и действовала глубоко оригинальная юридическая конструкция собственности в виде нескольких самостоятельных правовых режимов»[21]. Параллель здесь в том, что и роботесса София, обретя подданство Саудовской Аравии и став тем самым субъектом права, вряд ли перестала быть объектом права – собственностью того, у кого она была в собственности до этого правосубъектного преобразования. Трудно здесь не подивиться прозорливости древнеизраильского царя Соломона, утверждавшего еще три тысячи лет назад: «Что было, то и будет; и что делалось под солнцем, то и будет делаться; и нет ничего нового под солнцем».

В роли иной научно-правовой проблематики все того же направления – симбиоза права собственности и справедливости, которая также сегодня лишь слегка проглядывается (но не имеет никаких исторических аналогий), следует назвать проблематику правового регулирования отношений в сфере замороженных донорских яйцеклеток и спермы, что уже сейчас довольно широко распространено во всем мире в силу востребованности парами или одинокими женщинами при невозможности зачатия ребенка естественным путем. Этот рынок услуг сегодня весьма обширен, яйцеклетки и сперму продают и покупают, а также замораживают в целях будущей разморозки и проведения операции ЭКО. Естественно, уже сейчас проявляется множество правовых коллизий, в т.ч. в вопросе права собственности на эти материалы, особенно в ситуации, когда человек, сдавший на хранение свои яйцеклетки (сперму), умер, а договор их хранения истек. Да и вообще, ведь яйцеклетки и сперма – это явно не обыденный товар, тысячелетия являющийся предметом товарно-денежных отношений и детально, исторически и повсеместно урегулированный правом. Это – продукт, содержащий генетически закодированную информацию о сущности конкретного человека, установить человеку, появившемуся на свет в результате названной операции, своего биологического родителя (или обоих) сегодня несложно. Будут ли построены здесь правоотношения – имущественные, семейные, наследственные и проч. на началах справедливости? И вообще, являются ли названные биологические продукты объектом права, собственностью человека, их сдавшего на хранение с целью будущего получения из них субъекта права, человека? Необходимость научной – фундаментальной правовой – проработки данной проблематики уже сейчас весьма острая.

* * *

В качестве иного направления фундаментальной науки права, не связанной с правом собственности, но столь же древней и все время актуальной, как и симбиоз права собственности и справедливости, следует назвать обеспечение справедливости в правосудии. Но это – уже отдельный сюжет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1. Античный мир и Восточные цивилизации / рук. проекта Г.Ю. Семигин. М., 1999.
2. *Вернадский В.И.* Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М., 1988.

[21] *Савельев В.А.* Юридическая конструкция собственности в римском праве классического периода: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 57, 61.

3. *Голдин В.И.* Фундаментальные проблемы науки ведения и роль университетов в развитии науки в России в современном мире // Вестник Поморского ун-та. Сер.: Гуманитарные и специальные науки. 2011. № 3. С. 100–105.

4. *Емелькина И.А.* Перераспределение государственной и муниципальной собственности: правовые проблемы и тенденции развития законодательства // Законы России. 2020. № 20. С. 22–28.

5. *Ефименко Д.В.* Производство научного знания и российское научное сообщество // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005. С. 214, 215.

6. *Каширин В.П.* Проблемы общей теории науки // Науковедение: фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2002. С. 27, 28.

7. *Клеандров М.И.* О двух хронологических векторах права собственности // Собственность в XX столетии. М., 2001. С. 776–792.

8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., переим. М., 2013.

9. *Комраков Анатолий.* Россияне хотят справедливости как никогда раньше // Независимая газ. 2020. 6–7 марта.

10. *Корнилова Н.В.* Первоначальные способы приобретения права собственности: реформа в России и зарубежный опыт // Росс. правосудие. 2017. № 1 (129). С. 56–67.

11. *Криволапова Ю.К.* История науки: учеб. пособие. М., 2015. С. 5, 6.

12. *Некрасова Екатерина.* Схватка за золото. Второй раунд // Росс. газ. 2020. 2 февр.

13. *Савельев В.А.* Юридическая конструкция собственности в римском праве классического периода: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 57, 61.

14. *Симчера В.* Этот стон у нас «деньги» зовется // Аргументы недели. 2019. 20 нояб.

15. Философия права. Словарь / общ. ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2020. С. 599.

16. *Юревич А.В.* Науковедческая «башня» или еще раз о предмете и структуре науковедения // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005. С. 38.

REFERENCES

1. Anthology of world legal thought: in 5 vols. Ancient world and Eastern civilizations / project manager G. Yu. Semigin. M., 1999 (in Russ.).

2. *Vernadsky V.I.* Works on the universal history of science. 2nd ed. M., 1988 (in Russ.).

3. *Goldin V.I.* Fundamental problems of management science and the role of universities in the development of science in Russia in the modern world // Herald Pomorsk. un-t. Ser.: Humanities and special Sciences. 2011. No. 3. P. 100–105 (in Russ.).

4. *Emelkina I.A.* Redistribution of state and municipal property: legal problems and trends in the development of legislation // Laws of Russia. 2020. No. 20. P. 22–28 (in Russ.).

5. *Efimenko D.V.* Production of scientific knowledge and the Russian scientific community // Science of Science and new trends in the development of Russian science. M., 2005. P. 214, 215 (in Russ.).

6. *Kashirin V.P.* Problems of the General theory of science // Science of Science: fundamental and applied problems. M., 2002. P. 27, 28 (in Russ.).

7. *Kleandrov M.I.* On two chronological vectors of property right // Property in the XX century. M., 2001. P. 776–792 (in Russ.).

8. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. by of V.D. Zorkin. 3rd ed., it was renamed. M., 2013 (in Russ.).

9. *Komrakov Anatoly.* Russians want justice as never before // Independent newspaper. 2020. 6–7 Mar. (in Russ.).

10. *Kornilova N.V.* Initial methods of acquiring property right: reform in Russia and foreign experience // Russ. Justice. 2017. No. 1 (129). P. 56–67 (in Russ.).

11. *Krivolapova Yu. K.* History of science: Textbook. M., 2015. P. 5, 6. (in Russ.).

12. *Nekrasova Ekaterina.* The fight for gold. Second round // Russ. newspaper. 2020. 2 Feb. (in Russ.).

13. *Savelev V.A.* Legal construction of property in the Roman Law of the classical period: abstract ... Doctor of Law. M., 1997. P. 57, 61 (in Russ.).

14. *Simchera V.* This moan is called “money” // Arguments of the week. 2019. 20 Nov. (in Russ.).

15. Philosophy of Law. Dictionary / General ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2020. P. 599 (in Russ.).

16. *Yurevich A.V.* Scientific “tower” or once again on the subject and the structure of science // Science of Science and new tendencies in development of Russian science. M., 2005. P. 38 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors’ information

KLEANDROV Mikhail I. –
Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 57–62
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 57–62

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«НАМ НУЖНА НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ»[1]

ИНТЕРВЬЮ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА А.И. КОВЛЕРА С А.И. ЛУКЬЯНОВЫМ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ

Вопрос: Анатолий Иванович, на страницах нашего журнала вот уже два года ведется дискуссия о реформе Конституции. Эта дискуссия была начата статьей Вашего коллеги – депутата Виктора Леонидовича Шейниса в № 12 за 1997 г., и по этому вопросу высказывались как ученые, российские и зарубежные, так и практики, в том числе Председатель Конституционного Суда РФ М.В. Баглай.

Помимо политических мотивов, каковы, на Ваш взгляд, чисто правовые причины необходимости такой реформы? Каковы правовые основания ее проведения?

А.И. Лукьянов: Главное правовое основание – эта Конституция фактически не была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Оно проводилось не по действовавшему тогда закону о референдуме. Не было получено того необходимого большинства голосов, которое требовалось по Закону о референдуме. По признанию многих специалистов, в том числе и зарубежных, были допущены многомиллионные приписки голосов. Не хочу в нашем разговоре политизировать эту проблему. Конституция считается принятой, но поспешность в ее принятии проявляется буквально во всем: в неотработанности текста, уклончивых и двусмысленных формулировках, в правовой конструкции организации государственной власти, в построении федерации.

Когда же Вы спрашиваете у меня, какие имеются правовые основания для изменения Конституции, то они, на мой взгляд, те же, что и для принятия любой Конституции.

Эффективность каждой Конституции измеряется тем, насколько она дает политико-правовые возможности обеспечения функционирования государства, экономики, социальной и культурной сфер жизни общества. Давайте признаем: по всем этим направлениям можно констатировать почти полное фиаско. Поэтому если раньше те, кто стоял за этой Конституцией, отказывались даже говорить об ее изменении, то сегодня об этом говорят все, в том числе и те, кто отрицал такую возможность. Достаточно обратиться к опубликованным в «Независимой газете» за 19 августа 1999 г. «Предложениям о поправках к Конституции РФ», авторы которых такие бывшие столпы Администрации Президента, как Г. Сатаров. М. Краснов. Они предлагают теперь принять фактически новую Конституцию. Как говорится, истина рано или поздно пробивает себе дорогу.

Поскольку это вопрос значительно более широкий, политический, не стал бы затрагивать сейчас политические моменты. Скажу только, что в Комитете Государственной Думы по законодательству и судебно-правовой реформе нам приходится постоянно заниматься этим вопросом. Сегодня в нашем распоряжении находится более тридцати поправок к Конституции. Часть из них внесена депутатами Государственной Думы, часть – субъектами Федерации, часть представлена Советом Федерации.

Вопрос: А Вы можете изложить смысл основных поправок?

А.И. Лукьянов: Да, конечно. В принципе они идут по следующим направлениям.

Первое важнейшее направление – это повышение роли парламента, в частности Государственной Думы, в осуществлении контроля за исполнением принятых законов. Кстати, разделение властей, так, как его обосновывал Локк, подразумевало не только законодательную работу парламента, но и обязательный контроль законодателя за выполнением законов, потому что без этого контроля, без знания того, как действует и применяется закон, невозможно готовить новые законы, невозможно вносить поправки

[1] Интервью было напечатано в журнале «Государство и право». 1999. № 12. С. 6–11.

в законодательство. Поэтому нет никакого сомнения, что этот вопрос должен быть решен, и он затрагивается в нескольких поступивших к нам поправках.

Вопрос: Извините, что я Вас перебью. Хотел бы уточнить – Вы имеете в виду контроль только за исполнением законов или контроль в более широком аспекте, когда в понятие контрольных функций включается и контроль за исполнительной властью?

А.И. Лукьянов: Говоря о контроле за исполнением законов, надо учитывать, что сейчас Дума имеет право контролировать только то, что связано с исполнением федерального бюджета. А речь должна идти, конечно, о более широком контроле. И надо сказать, что явочным порядком Дума этот контроль наращивает. Он наращивается не только в ходе исполнения бюджета, но и осуществляется на парламентских слушаниях с участием большого числа представителей общественности, ученых. Он присутствует в ходе «правительственных часов», которые проводятся в Думе каждую неделю. Он обеспечивается через Счетную палату, которая только за последний год получила от парламента более сотни поручений. И наконец, контроль реализуется через систему депутатских запросов. Если в 1994 г. количество запросов было всего 30, то уже в 1995 – 170, в 1996 превысило 500. В 1997 вышло за тысячу, в 1998–1999 гг. превышает 2000. А это тоже форма парламентского контроля. Кстати, в Конституции о депутатском запросе вообще ничего не сказано. Соответствующую норму удалось включить лишь в закон о статусе депутатов. Кроме того, отмечу, что все время растет число вопросов, которые рассматривают комитеты в связи с анализом работы министерств и ведомств. А там тоже контроль присутствует. В нашем Комитете, например, не раз выступали представители министерств юстиции и внутренних дел, таможенного комитета, прокуратуры, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда и других федеральных органов.

Теперь и о другой части Вашего вопроса, связанной с принципом разделения властей. Для того чтобы наша государственная конструкция могла действовать эффективно, необходимо закрепить в Конституции контуры взаимодействия между парламентом и правительством, парламентом и исполнительной властью. И вот здесь возникают совершенно обоснованные предложения о создании конституционных норм, делающих возможными формирование правительства парламентского большинства и контроль парламента за работой исполнительных органов. Тут нельзя ограничиться ни запросами, ни парламентскими слушаниями, ни «правительственным часом». В силу этого возникают предложения о необходимости создания следственных и ревизионных парламентских комиссий, которые имели бы право изучения и расследования вопросов деятельности органов исполнительной власти. А это, в свою очередь, является шагом к созданию правительства парламентского большинства.

Вопрос: Анатолий Иванович, я готов согласиться с Вами. Но, смотрите, во многих зарубежных конституциях такой конституционной нормы нет, это стало конституционным и политическим обычаем. Скажем, во французской Конституции нет обязанности президента формировать правительство из партий парламентского большинства. Но попробуй он этого не сделать. Это уже как бы часть правовой культуры. Видимо, нам надо на данном этапе закрепить эту мировую традицию на уровне Конституции. Как Вы считаете?

А.И. Лукьянов: Да, это будет правильнее.

Третья позиция тоже очень существенна. Это отсутствие или по крайней мере не особенно хорошо проработанные нормы Конституции о взаимоотношениях федерации и ее субъектов. Равноправность субъектов, на мой взгляд, здесь неоправданна. Кстати, по этой причине мы не можем сейчас принять закон об основах организации власти в субъектах Федерации. Его уже в который раз не пропускает Совет Федерации. Естественно, это очень сложный вопрос, но без его решения нельзя обеспечить единство государства, единство законности, единство правопорядка.

Четвертый вопрос, – думаю, еще более существенный, связан с тем, что в Конституции заложено отделение органов местного самоуправления от системы органов государственной власти. Такого не было никогда в России, и сейчас схема местного самоуправления, отделенная от государственной власти, трещит по швам. И надо эту проблему решать, причем решать серьезно. Нельзя все время ссылаться на то, что эти органы могут быть наделены властными полномочиями. Сейчас число таких полномочий, которые делегируются местному самоуправлению, превысило сотню. Естественно, это не решение вопроса. С моей точки зрения, когда мы говорили, что Советы являются органами власти и самоуправления народа, это было ближе к потребностям жизни. Построить же управленческую вертикаль сейчас при таком ригористичном отделении местного самоуправления от государственного управления очень трудно. Это еще конституционный вопрос, который абсолютно необходимо решать.

И наконец, вопрос о президентских полномочиях. Соотношение или разделение властей, которое, кстати, во всем мире никогда буквально не соблюдается, по нашей отечественной традиции решили реализовать так, чтобы довести его до абсурда. Но ведь ветви власти скорее похожи на

сообщающиеся сосуды, чем на противостоящие крепости. В русской юридической науке, начиная с начала прошлого века, самые выдающиеся наши юристы говорили, что власть в государстве всегда едина, а разграничиваются или разделяются только функции ее осуществления. Сама конструкция такого разделения в действующей Конституции содержит много противоречий, и прежде всего в связи с тем, что накладывает отпечаток неопределенности на функции президента.

Когда читаешь нынешние работы по конституционному праву России, замечаешь, что одни авторы говорят, что президентские полномочия похожи у нас на полномочия французского президента, другие авторы пишут, что кое-что в полномочиях российского президента напоминает американскую модель и т.д. Этот вопрос мне часто задается иностранными журналистами. Могу сказать, что если это вообще похоже на полномочия французского президента, то этого президента звали не де Голль и не Миттеран, а Луи Бонапарт. Если это американский опыт, то он не доведен до логического конца.

Фактически же в Конституции 1993 г. получилось так, что российский президент стоит над разделением властей. Трудно сказать, чем руководствовались авторы этой Конституции, когда определяли президентский статус: если, скажем, французским опытом, то это должен быть гарант Конституции, гарант законности, глава Вооруженных Сил, человек, олицетворяющий единство нации. Если же президентские функции берутся у американцев, то это функции главы исполнительной власти.

В России же получилось так, что президент не относится ни к какой из трех ветвей власти, а осуществляет все три из них: он может своими указами подменять законодательную деятельность парламента; он непосредственно руководит четвертью всех исполнительных органов (причем главными, «силовыми» и международными ведомствами); он самолично назначает судей федеральных судов. Таким образом, президент возвышается практически над всеми ветвями власти. Это человек, концентрирующий огромные полномочия и одновременно не вполне отвечающий за свои решения. Администрация президента сегодня не только по численности своей превышает аппарат бывшего Центрального Комитета КПСС и размещается там, где был ЦК КПСС, не только имеет почти одноименные отделы, но, самое главное, она точно так же не несет ответственности ни за одно свое решение. То есть повторена в довольно карикатурном виде система, которая была в стране до так называемых «либеральных реформ».

Поэтому вопрос о полномочиях президента, особенно в его отношениях с парламентом, правительством и судебной системой, видимо, необходимо решать в Конституции заново.

Вот комплекс основных вопросов, возникающих в связи с Основным Законом Российской Федерации.

Что касается других вопросов, то кроме названных упомянул бы предложения, которые связаны с порядком введения чрезвычайного положения, с использованием Вооруженных Сил на территории России и ее субъектов, а также поступившие из Совета Федерации предложения о наделении Генерального прокурора правом законодательной инициативы.

В прошлом созыве, как известно, Дума приняла три поправки к Конституции, получив по ним квалифицированное большинство голосов. Эти поправки пошли в Совет Федерации, но он их не принял, сославшись на то, что тогда не было закона о порядке принятия поправок к Конституции. Дума в течение трех лет билась над этим законом, сражалась и с президентской администрацией, и с правительством. В конце концов закон был принят и подписан. Теперь нет препятствий для изменения 3–8-й глав Конституции.

В связи с этим в Комитете были выбраны из более чем тридцати предложений о поправках пять. Эти поправки были внесены на рассмотрение Думы. И так сложилось, что фракции, которые сегодня больше всего требуют изменений в Конституции, осенью 1998 г. как раз их и провалили. Здесь постарался и «Наш дом – Россия», который голосовал против поправок, а теперь выступает «за», и «Яблоко», депутаты которого очень недружно проголосовали по проектам, и «Регионы России», и Жириновский, который обещал голосовать «за», но накануне голосования поменял свою точку зрения. Левый фланг, как известно, за все эти поправки голосовал практически единогласно.

Сейчас в Думе есть еще три поправки, которые, думаю, обязательно (они сейчас уже обсуждены в регионах) будут внесены в повестку дня осенней сессии 1999 г. Они как раз связаны с контрольными полномочиями парламента, с его правом создавать следственные комиссии, с нормами, которые устанавливают, что правительство нельзя распустить, не получив поддержки парламента и не заслушав хотя бы элементарного отчета правительства о проделанной им работе.

Вопрос: Путем какого механизма эти поправки могут быть приняты?

А.И. Лукьянов: Механизм установлен законом. Напомню, что такие поправки не касаются основополагающих статей Конституции, первой, второй, девятой ее глав. Поэтому их надо принимать в порядке, предусмотренном законом.

Вопрос: Анатолий Иванович, на Ваш взгляд, каковы шансы принять закон о Конституционном Собрании?

А.И. Лукьянов: У нас есть три проекта этого закона. У каждого из них имеются и плюсы, и минусы. Одни считают, что в Конституционное Собрание должны быть включены президент, обе палаты парламента, представители правительства и высших судов. Другие полагают, что, наоборот, это должен быть самостоятельный избираемый населением орган, наделенный широкими полномочиями. Однако опыт свидетельствует, что, если мы хотим создавать новые законы, тем более вносить поправки в Конституцию, то нужен сравнительно небольшой по численности, но эффективно работающий орган. Поэтому можно было бы создать широкое Конституционное Собрание, включив в него обе палаты, но все равно потребуется сравнительно небольшая комиссия (или рабочая палата) с приданным ей секретариатом, который мог бы работать непосредственно над текстом Конституции.

Вопрос: А как Вы относитесь к предложению пойти по французскому пути, когда для принятия поправок к Конституции президент собирает в Версале конгресс, т.е. обе палаты, а до этого работает комиссия университетских ученых, которая готовит формулировки поправок, образно говоря, водит пером по бумаге, собирает все предложения и предлагает конгрессу на утверждение поправки. Простой, дешевый способ.

А.И. Лукьянов: Не исключаю этого варианта. Что касается простого и дешевого способа, сомневаюсь, потому что в комиссии университетских ученых у каждого бывает по два-три мнения по одному и тому же вопросу, и их надо согласовывать. Мне это все пришлось проходить. Конституция СССР 1977 г. готовилась по-настоящему, всерьез, всего семью человеками. Это были крупные ученые. Группа работала очень основательно в течение года. Много специалистов участвовало в предварительной работе, но непосредственно подготовкой окончательного текста занимались семь человек.

Поэтому думаю, что тут должны быть какие-то сообщающиеся сосуды, но как минимум должна быть сильная рабочая группа. Хотя, с моей точки зрения, как бы ни обижались мои оппоненты, нам нужна новая Конституция, а не Конституция с заплатами в виде поправок, потому что Конституция 1993 г. себя не оправдала ни в общественной жизни, ни в государственном строительстве. В смысле же прав граждан хотя она и воспроизводит статьи международных пактов о гражданских правах, но не закрепляет в полной мере таких фундаментальных ценностей, как право на труд, право на отдых, на бесплатное образование, медицинское обслуживание и т.д. Когда затеняются такие основополагающие права, возникают очень серьезные проблемы. Мы ощущаем это повседневно.

При этом если будет проводиться референдум об изменении Конституции, ему должно предшествовать всенародное обсуждение и тщательнейшее рассмотрение поправок, поступивших от населения. Стоит напомнить, что по проекту Конституции 1977 г. за четыре месяца ее обсуждения было получено около 400 тыс. предложений о поправках. На их основе было изменено 110 из 173 статей Конституции и прибавлена одна новая статья. В любом случае это было обсуждение, которое дало очень ощутимые результаты. Вот так должна была приниматься и Конституция 1993 г. Тогда можно было бы рассчитывать на то, что она будет Конституцией-долгожителем.

Вопрос: Напрашивается вопрос, может быть, чисто теоретический... Сама по себе классическая концепция разделения властей на три власти несла в себе изначальный дефект, не случайно против нее выступали и Гегель, и Бенжамен Констан, и многие другие. Бенжамен Констан уже в начале XIX в. предлагал дополнить разделение властей (три власти) четвертой властью – властью президентской либо властью конституционного монарха, для полной ясности. Сейчас говорят о «контрольной власти», т.е. власти конституционного контроля, об информационной власти и многом другом. Как Вы считаете, на рубеже веков, тысячелетий не нуждается ли сама концепция разделения властей в каком-то научном переосмыслении?

А.И. Лукьянов: Нуждается. Но нуждается не в направлении к монархии, а в совершенно ином направлении. Мы переступили грань постиндустриальной эпохи, вступили в эпоху информационную. Раскрылись колоссальные возможности концентрировать все полномочия по управлению государством не в руках одной какой-то личности, а привлекать к участию во власти миллионы и миллионы людей. Цензура исчезла, потому что появился интернет. Новые методы учета воли населения сейчас дают возможность спросить у каждого гражданина его мнение, зафиксировать это мнение при помощи компьютерных технологий. Совершенно иные возможности появляются у средств массовой информации. И самое главное, в экономике происходит стремительный рост «демократии участия», т.е. участия самих производителей в управлении производством во всех его формах.

Конституция 1993 г. сделала в этом отношении громадный шаг назад, вместо того чтобы быть на уровне современных решений. Это первое.

Второе. Давайте посмотрим, что происходит в мире с президентскими и монархическими режимами? Они все больше размываются. Это происходит либо путем сжатия полномочий президентов

до чисто представительских, либо путем воссоздания парламентских республик. В парламентской республике есть, конечно, свои слабости. Они далеко не всегда пригодны для переходных периодов жизни общества и для лечения застоявшихся социально-экономических болезней. Это так. Но, с другой стороны, любой коллективный орган даже в переходный период демократичнее и серьезнее единоличных институтов власти. По крайней мере того маразма и самодурства, которые мы наблюдаем в автократическом режиме, при коллективном руководстве страной невозможно себе даже представить. Тем более что коллективизм соответствует нашей исторической традиции. В силу этого я совершенно убежден, что ни одна, подчеркиваю, ни одна иностранная модель для управления Россией не годится.

Дело в том, что Россия, во-первых, многонациональная страна, во-вторых, это огромная территория, в-третьих, это суровые климатические условия жизни людей. И народы России сами не за 70 лет, а за столетия выработали определенные формы правления. Тут нет никаких открытий. Это общинная или общественная собственность на землю. Иным образом такую огромную в тяжелых климатических условиях страну поднять нельзя. Это соборность, начинающаяся с Новгородского веча и продолженная в Советах. Это весьма своеобразное понимание прав гражданина, который при наличии соборности и общинности по-другому воспринимает государственную власть. Отсюда дух патернализма в отношениях государства и гражданина. Все это очень существенно.

Мы, юристы, закованные в правовые нормы, часто не учитываем еще и духовной, моральной стороны развития нашего общества. Взглянем объективно, на территории России действуют три великих религии: православие, ислам и буддизм. Каждая из них точно так же исторически выразила своеобразный коллективистский, общинный дух жизни России. Каждая из них сформулировала принципы отношений между обществом и человеком с приоритетом общественных интересов над личными. Все три религии проникнуты идеей общего интереса как главенствующего.

А что навязывается сегодня России? Главная идея протестантизма, которая ставит личность над обществом. Такой подход чужд России. Поэтому мне и большинству моих коллег в Комитете по законодательству ясно: нужна новая, прогрессивная, а главное, отвечающая российским традициям Конституция.

Тем, кто говорит, что поправки в Конституцию еще рано вносить, что надо подождать, следует просто напомнить, что всего через три года после принятия американской Конституции появился известный «Билль о правах». Жесткость Конституции вовсе не означает ее неизменность.

Вопрос: Анатолий Иванович, я Вам хочу задать еще один вопрос, по которому мы сейчас спорим. Покойный Игорь Михайлович Степанов поддержал идею о том, что необходимо вернуться к идее политического права, идее, которую высказывал еще Руссо, когда он писал свой труд «Об общественном договоре, или Принципы политического права», где отношения в обществе рассматривались не столько как правовые, сколько как политико-правовые. Действительно, конституционное право может быть сердцевиной этого права, но есть же отношения, которые выходят за пределы конституционного права, – избирательная система, парламентское право, статус госслужащих. Как Вы относитесь к этой идее возрождения концепции политического права?

А.И. Лукьянов: Игоря Михайловича я хорошо знал и уважал. Мы много спорили по этим вопросам и с моим покойным другом Борисом Михайловичем Лазаревым. Видите ли, я отношусь к этому вопросу более сдержанно. Конституция, если ее изобразить в виде некоего круга, содержит в себе основные нормы почти всех отраслей права, от которых как бы лучами отходят целые отрасли законодательства. Статья о равенстве граждан и избирательных правах конкретизируется целым массивом избирательных законов. Еще одна статья о гражданине расшифровывается в законодательстве о гражданстве. Статьи об исполнительных органах развиваются в административном законодательстве. Конституционные статьи о судебных органах – в законах о судоустройстве, статьи о собственности – в земельном, гражданском законодательстве, в авторском праве и т.д. Таким образом, конституционное право – сердцевина всего отраслевого законодательства. Вот эту основу я и назвал бы политическим правом, которое рождает всю правовую систему страны.

Вопрос: То есть политическое право как синоним государственного права?

А.И. Лукьянов: Не совсем так. Тут как раз речь может идти именно о конституционном праве, которое на практике превращается в государственное, а потом расшифровывается во всех отраслях. Этому была посвящена моя докторская диссертация.

Причем если брать федеративный аспект, то каждая отрасль здесь имеет свою специфику. Например, уголовное право, гражданское право – это чисто федеральное право. Если же брать законодательство о местном самоуправлении или административное законодательство, то это гораздо больше право субъектов. Получается очень подвижная система, которая не укладывается в какую-то

единую схему, но которая, с моей точки зрения, достаточно хорошо работает.

А.И. Ковлер: Кстати, с точки зрения пересмотра текста Конституции большой интерес представляют оригинальные положения конституций республик и уставов субъектов в составе Российской Федерации, такие как проведение референдума по доверию президенту или главе исполнительной власти, право законодательного органа отправлять в отставку правительство или выражать недоверие премьеру либо отдельным министрам, право отзыва депутатов и многие другие. Назрела необходимость проводить сравнительные исследования не только на уровне национальных правовых систем, но и правовых систем субъектов Федерации.

А.И. Лукьянов: Можно было бы провести научно-практическую конференцию по этим вопросам либо более масштабное исследование, взяв все самое лучшее из законодательства субъектов Федерации. Так же точно из зарубежного права надо взять все то полезное, что дает демократия участия и эпоха информационной революции. Мне кажется, что это было бы очень интересно.

Вопрос: И заключительный вопрос. В последнее время выходят Ваши поэтические сборники и публицистические работы. А каковы Ваши научные планы?

А.И. Лукьянов: Дело в том, что, к сожалению, мне сейчас приходится заниматься проблемами всех отраслей права. Это плохо. Я был и остаюсь все-таки государствоведом, специалистом в области теории государства и права, конституционного и административного права. В принципе работа в Комитете по законодательству и судебно-правовой реформе не позволяет сосредоточиться только на сфере моих научных интересов. Комитетом за эти годы подготовлен 91 закон. Кроме того, мы дали 174 заключения на законопроекты, готовившиеся в других комитетах Государственной Думы. Поэтому мне приходится заниматься и уголовным, и процессуальным законодательством, и административным кодексом, и нотариатом, и судоустройством, и сложными вопросами на стыке финансового, гражданского и трудового права. Это неизбежно. Но по-прежнему основным научным интересом для меня остается философия права, стыки между нашими правовыми институтами, история российской государственности, отражение в праве русских духовных традиций, тех идейных богатств, которые имеет наш народ. Вот это и не дает погрузиться в сферу только юридических, неопозитивистских идей.

Вообще подготовку Конституции нельзя, на мой взгляд, отдавать на откуп юристам. Они пишут на своем «птичьем» языке, который далеко не всегда понятен простым людям. Сегодня в праве нужен живой язык общения. А у нас все заковано в замысловатые и нудные рамки юридических терминов. Скажем, последний избирательный закон превратился в сложнейшую юридическую инструкцию на 230 страницах. Уяснить ее с первого раза невозможно, потому что там слито множество правовых и сугубо технических положений, которые трудно переваривать даже опытному юристу.

Второй мой извечный интерес – сравнительное правоведение. Я начинал свою практическую работу в государственных органах еще в 1956 г., когда сравнительное право в нашей стране только зарождалось. Тогда в юридической комиссии при Совете Министров СССР была создана первая сравнительная картотека законов, которая потом нашла отражение в регулярных публикациях в Вашем журнале в рубрике о зарубежном законодательстве, где давался обзор отдельных институтов права. Вот этот сравнительный анализ норм отечественного и зарубежного законодательства и не дает мне всю жизнь покоя. Я считаю, что это очень интересно и с познавательной точки зрения, и с чисто практической, тем более, когда идет подготовка новых законопроектов. Сравнительный подход необходим как в отдельных отраслях права, так и особенно в сфере обеспечения прав и свобод личности. Здесь, кстати, надо хорошо знать также каноническое право – православие, исламское и индусское право, да и многие другие сферы традиций и культуры народов.

Вот те проблемы, которыми мне хотелось бы еще заниматься, а если позволит время, то и что-то написать для души и для науки.

А.И. Ковлер: Спасибо Вам большое за откровенные и подробные ответы на наши вопросы.

А.И. Лукьянов: Спасибо и Вам, прежде всего за то, что мы избежали чисто политических вопросов. Я не изменил своих взглядов и остаюсь на левых позициях, хотя известно, какие тернии пришлось в связи с этим пройти. Но в Комитете мы твердо договорились политические пристрастия (а они имеются у каждого депутата) ставить на второй план. На первом плане – законность, правопорядок, интересы общества и гражданина. Без этого работать просто нельзя.

А.И. Ковлер: Такой же принцип установлен у нас в журнале: оставлять за его порогом политические оценки, как раньше в старое доброе время оставляли галоши в прихожей. Сейчас, правда, галоши не носят. Однако это не мешает – и даже обязывает нас – высказывать свои гражданские позиции, особенно когда речь идет о таком принципиальном вопросе, как Основной Закон страны.

Спасибо Вам большое, Анатолий Иванович, за вклад в нашу дискуссию. Ждем Ваших публикаций.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 63–65
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 63–65

БЕСЕДА С ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ЧЛЕНОМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, РЕКТОРОМ МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ О.Е. КУТАФИНЫМ[1]

Олег Емельянович! Редакция журнала «Государство и право» поздравляет Вас с избранием действительным членом Академии наук России. Еще более значительным событием мы рассматриваем Ваше избрание ученого-гуманитария членом Президиума Академии наук.

В связи с этим намерены задать Вам, ректору Московской государственной юридической академии, доктору юридических наук, профессору, а ныне и академику ряд вопросов.

Каково, по Вашему мнению, нынешнее состояние юридической науки в целом и науки конституционного (государственного) права в частности, имея в виду Вашу конституционно-правовую специализацию?

После коллапса, вызванного распадом СССР, через сравнительно короткий период после 1991 г. юридическая наука не только не остановилась, но и стала бурно развиваться. Надо подчеркнуть при этом, что в годы Советской власти теория конституционного (государственного) права сделала в своем движении громадный шаг по сравнению с дореволюционной Россией (хотя и достижения последней не стоит игнорировать), но в те годы конституционно-правовая действительность не позволяла создать механизм реализации тех демократических институтов, которые были закреплены в нормах тогдашних конституций. Примеры здесь налицо: избирательное право, обжалование незаконных действий органов управления и должностных лиц, права человека и др. Некоторые важные конституционно-правовые идеи не получили надлежащей теоретической разработки и законодательного воплощения, например ответственность государства перед гражданином, конституционная юстиция, местное самоуправление. Именно эти конституционно-правовые проблемы и стали предметом современных конституционно-правовых исследований, получивших отражение в многочисленных монографиях и научных статьях, опубликованных за последнее десятилетие. Углубление интереса к зарубежному конституционно-правовому опыту выразилось не только в учреждении новых демократических государственных органов и институтов, издавна существующих на Западе (Конституционный Суд, Президент, Уполномоченный по правам человека), но и в восприятии конституционных идей парламентаризма, правовой и социальной государственности.

Каковы цели науки конституционного права, к чему должны стремиться ученые, в том числе ученые-конституционалисты?

Подлинные ученые всегда самоотверженно искали и находили истину и способствовали ее торжеству на практике. Среди целей современной отечественной науки – разработка законодательства, обеспечивающего реализацию конкретных конституционных норм. Ведь уже накоплен немалый опыт, исследователями поставлены интересные проблемы, и эти научные традиции нужно бережно сохранять. Вместе с тем жизнь выдвигает немало нового, и это новое еще не изучено детально, не использовано в учебном процессе, ждет своего раскрытия и улучшения. К числу наиболее актуальных проблем относятся: проблемы федерализма (разграничения полномочий между федерацией (центром) и ее субъектами), национально-культурной автономии; соотношения централизации и децентрализации в федеративном государстве; договор как источник конституционного права; «матрешечные» субъекты федерации; место федеральных округов в территориальном устройстве России; асимметричная федерация; конституционное правосудие (роль и место Конституционного Суда РФ в системе судебных органов); границы толкования Конституции; юридическая сила решений Конституционного Суда РФ; конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации); баланс представительной и непосредственной демократии в России;

[1] Беседу провела В.П. Антонова, редактор отдела конституционного права журнала «Государство и право» (см.: Государство и право. 2003. № 10. С. 5–7).

перспективы развития местного самоуправления и его соотношение с государственным управлением.

Учитывая Ваш огромный преподавательский опыт, какие Вы видите перспективы, преимущества в улучшении учебного процесса в вузе, чтобы преодолеть имеющиеся недостатки, охватив вниманием существующие проблемы в рассматриваемой области?

Необходимо поощрять новые инициативы преподавателей вузов по совершенствованию учебного процесса, с тем чтобы он отвечал лучшим европейским стандартам и одновременно учитывал традиции и особенности преподавания права в России. В поддержке и поощрении нуждается исследовательская работа студентов, в частности научные публикации студентов, выступления на национальных и международных научных конференциях. Требуется сближать учебный процесс с практической юридической работой. Что касается таких традиционных форм усвоения полученных теоретических знаний, как производственная и преддипломная практика студентов, то здесь необходима инициатива в поиске новых форм, в частности прохождение практики в зарубежных (европейских) юридических фирмах; непосредственное участие студентов в правоприменительной практике российских правоохранительных органов.

Применимо ли понятие «высокие технологии» к правоведению и, если применимо, что Вы могли бы сказать по этому поводу? Ведь ко всем высоким технологиям путь лежит через высшее образование. Каким оно должно быть в связи с этим?

Уже в настоящее время потенциал средств, имеющихся в вузе, достаточно высок. Речь идет о компьютеризации, информатизации, работе с информационными ресурсами России и зарубежных стран. Все это нужно использовать, организовав необходимую подготовку преподавателей и студентов. Перспективными видятся: сочетание традиционного и диктатного образования; создание курсов видеолекций и видеосеминаров; размещение учебных материалов, в том числе методических рекомендаций, учебников и учебных пособий, на сайтах высших учебных заведений; расширение использования Интернета в учебном процессе. Здесь требуется также поддержка инициатив вузов со стороны государства.

Как Вы думаете, какое значение для правотворческой и правоприменительной деятельности имеет вступление России в Совет Европы? Отразится ли это на перспективах сотрудничества российских конституционалистов с зарубежными учеными?

Вступление России в Совет Европы имело немалое значение для России с точки зрения укрепления ее международного положения. Кроме того, подписание Устава Совета Европы и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод стимулировало развитие отечественной правовой науки, позволило повысить стандарты правовой защиты в нашей стране.

Международные научные контакты, будучи очень полезными, не позволяют оставаться отечественной науке в состоянии изоляции и национальной замкнутости. При этом мы должны руководствоваться интересами своей страны, принимать то, что может дать всходы на родной почве. В качестве примера можно привести судьбу прецедента из англосаксонской и других правовых систем. В нашей правоприменительной практике это может привести в буквальном смысле к правовому хаосу. Для России на первое место выходит закон и только закон. Вместе с тем прецеденты Европейского Суда по правам человека в Страсбурге являются для России с момента признания юрисдикции Европейского Суда по правам человека обязательными.

Несколько сугубо профессиональных вопросов.

Как известно, вопрос о соотношении юридической и фактической Конституции для науки конституционного права такой же старый, как и современный. Какой, по Вашему мнению, здесь заложен юридический и фактический потенциал?

Фактические общественные отношения всегда гораздо шире и объемнее тех положений, которые выражены в конституционных нормах. Задача состоит в том, чтобы при помощи правоположений других отраслей права содействовать разрешению возможных и реальных коллизий, которые, естественно, возникали и могут возникнуть в жизни. Совместные усилия законодателя (Федерального Собрания Российской Федерации), Конституционного Суда РФ, иных федеральных судов и государственных органов при активном участии граждан и общественных объединений будут способствовать сохранению и развитию высоких конституционных ценностей в публичных интересах и интересах человека и гражданина.

Не считаете ли Вы, что нужно расширить права Федерального Собрания, его контрольные полномочия, в частности создать специальные комиссии по вопросам, имеющим общественно значимый характер, при этом неукоснительно соблюдая конституционные нормы, касающиеся прямого народовластия?

Поддерживаю усиление полномочий Федерального Собрания, особенно его контрольных прав, в частности права запроса. Здесь следует использовать мировой опыт парламентских республик. Но сначала надо, может быть в законе или регламенте, определить, что такое запрос, юридически обозначить его элементы и четко закрепить ответственность за его невыполнение. Кстати,

у Государственной Думы и Совета Федерации и сейчас немало средств воздействия на исполнительную власть: создание специальных комиссий по вопросам, затрагивающим общественные, экономические, идеологические вопросы, касающиеся народа-суверена. Здесь напрашивается вопрос к Государственной Думе: почему не была создана специальная государственная комиссия по расследованию обстоятельств печальной памяти Норд-Оста?

Как Вы относитесь к конституционным изменениям, о которых так много пишется в печати и юридической литературе?

Считаю, что изменение Конституции возможно лишь тогда, когда исчерпаны все другие средства (толкование Конституции РФ, активный поиск правоприменителями способов разрешения юридических коллизий). Стабильность Основного Закона – это конституционный порядок в стране. Возникающие острые вопросы логично решать с помощью конституционных федеральных и федеральных законов, активной практики толкования Конституции РФ Конституционным Судом РФ.

Какими мерами можно если не победить, то нанести сокрушительный удар по засилью бюрократии и коррупции?

Бюрократия и коррупция – явления вековые. Сейчас они приобрели угрожающие размеры. Здесь нужна активность и эффективность мер со стороны государства, его правоохранительных органов. Главным же правилом здесь должно быть честное и добросовестное исполнение государственным служащим порученного ему дела. Наказание должно быть неотвратимым за плохо сделанную работу, а тем более за взятку.

Как члена редакционного совета нашего журнала прошу высказать пожелания ее редакционной коллегии, читателю, всем, кто с уважением относится к журналу «Государство и право» – одному из старейших академических изданий, уже более 75 лет издающемуся не только в нашей стране, но и за рубежом и систематически читаемому во всех крупных университетах мира.

Как постоянный читатель и автор журнала «Государство и право», член ее редакционного совета – высшего и направляющего его органа желаю редакционной коллегии журнала всегдашней принципиальности, педагогической мудрости, поддержки молодых ученых.

Журналу в целом и особенно его сотрудникам желаю процветания, новых творческих успехов.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 66–76
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 66–76

РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ[1]

© 2022 г. Т. Я. Хабриева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

E-mail: office@izak.ru

Аннотация. Модель федеративных отношений, закрепленная в Конституции РФ, постоянно эволюционирует в результате развития законодательного регулирования и практики его применения. В статье анализируется ее развитие в период 2000–2003 годов на основе Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в частности, такие изменения, как введение института федерального воздействия (принуждения); уточнение роли договоров и соглашений, заключаемых между органами исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Федерации, в регулировании федеративных отношений; совершенствование разграничения полномочий между федеральным центром и субъектами Федерации, в том числе бюджетного федерализма. Российский федерализм рассматривается как кооперативный, правовое пространство которого не может формироваться без участия субъектов Федерации. Автор обосновывает, что в сфере совместного ведения федеральные органы государственной власти должны руководствоваться принципом «разумной сдержанности» и не вторгаться в те отношения, которые без ущерба для качественного выполнения задач публичной власти может урегулировать субъект Российской Федерации. Вместе с тем и субъектам Федерации не следует акцентировать свою специфику, необходимо исходить из принципа консолидации законодательства, создания единых правил, действующих в едином экономическом пространстве. Автор приходит к выводу, что неполнота конституционной регламентации федеративных отношений позволяет им эволюционировать в разных направлениях, искать оптимальную для России модель федеративного устройства.

Ключевые слова: Конституция РФ, федеративные отношения, институт федерального воздействия (принуждения), договорное регулирования федеративных отношений, разграничение полномочий между Федерацией и субъектами, бюджетный федерализм.

Цитирование: *Хабриева Т.Я.* Российская Конституция и эволюция федеративных отношений // Государство и право. 2022. № 2. С. 66–76.

DOI: 10.31857/S102694520018758-4

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2004. № 8. С. 5–13.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук Т.А. Васильевой.

THE RUSSIAN CONSTITUTION AND THE EVOLUTION OF FEDERAL RELATIONS[2]

© 2022 T. Ya. Khabrieva

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

E-mail: office@izak.ru

Abstract. The model of federal relations enshrined in the Constitution of the Russian Federation is constantly evolving as a result of the development of legislative regulation and the practice of its application. The article analyzes its development in the period 2000–2003 on the basis of the Federal Law "On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation", in particular, such changes as the introduction of the institute of federal influence (coercion); clarification of the role of contracts and agreements concluded between the executive authorities of the Russian Federation and the subjects of the Federation in regulating federal relations; improvement of the division of powers between the federal center and the subjects of the Federation, including budgetary federalism. Russian federalism is regarded as cooperative, the legal space of which cannot be formed without the participation of the subjects of the Federation. The author substantiates that in the sphere of joint management, federal public authorities should be guided by the principle of "reasonable restraint" and not intrude into those relations that a subject of the Russian Federation can regulate without prejudice to the qualitative fulfillment of the tasks of public authority. At the same time, the subjects of the Federation should not emphasize their specifics, it is necessary to proceed from the principle of consolidation of legislation, the creation of uniform rules operating in a single economic space. The author comes to the conclusion that the incompleteness of the constitutional regulation of federal relations allows them to evolve in different directions, to look for an optimal model of the federal structure for Russia.

Key words: Constitution of the Russian Federation, federal relations, institution of federal influence (coercion), contractual regulation of federal relations, separation of powers between the Federation and subjects, budgetary federalism.

For citation: *Khabrieva, T. Ya. (2022).* The Russian Constitution and the evolution of Federal relations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 66–76.

Конституция России 1993 г. является юридической базой проводимых в стране различных реформ (налоговой, административной, пенсионной, военной и др.), в ходе которых происходит *эволюция* и самой Конституции. Этот двуединый процесс прямых и обратных связей в сфере конституционной материи особенно отчетливо виден на примере развития российского федерализма. Благодаря использованию законодательных механизмов, применяемых на основе Конституции, без изменения ее текста (Конституция установила крайне жесткие условия ее изменения[3], а три главы – 1, 2 и 9 вообще нельзя изменять) удается *совершенствовать отношения «федеральный центр – периферия»,* которые в Конституции урегулированы недостаточно, нечетко, а иногда и противоречиво. Законодательное совершенствование этих отношений идет в основном в трех направлениях: 1) введение институтов *федерального воздействия* (принуждения), если субъект Федерации нарушает Конституцию РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, договоры Российской Федерации; 2) уточнение роли внутрифедеративных договоров и соглашений, заключаемых между органами исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; 3) *разграничение полномочий* в дихотомии «центр – периферия» (значительное внимание в этом уделяется вопросам бюджетного федерализма). Решению указанных проблем и было посвящено в основном новое законодательство 2000–2003 гг., в результате чего сложилась новая модель федеративных отношений в России.

Проблема *федерального воздействия* в целях обеспечения верховенства Конституции и федеральных законов, обеспечения единого правового пространства в России эффективно решается, особенно начиная с 2000 г. В Федеральный закон

[2] The article was published in the journal "State and Law" (2004), No. 8, pp. 5–13.

Abstract and key words are compiled by Doctor of Law T.A. Vasilyeva.

[3] Предпринятые попытки изменить текст Конституции не удались.

от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»[4] в 2000 г.[5], а затем в 2003 г.[6] были включены нормы, усиливающие ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их должностных лиц за принятие нормативных правовых актов, нарушающих Конституцию РФ и федеральные законы. В частности (после необходимых предупреждений со стороны Президента РФ), была предусмотрена возможность роспуска федеральным законом законодательного (представительного) органа субъекта Федерации и отрешения (освобождения) от должности главы администрации субъекта Российской Федерации (президента республики, губернатора и др.)[7]. Вместе с тем поправки в Федеральный закон 1999 г. предусмотрели необходимые гарантии для субъектов Российской Федерации, а именно: факт издания субъектом Федерации противоправного акта должен признаваться только судом, необходимы предварительные предупреждения и установлены сроки для исправления или отмены противоправного акта органами самого субъекта Федерации. В 2003 г. эта тенденция нашла свое продолжение в создании новых правовых институтов: *временной федеральной финансовой администрации* в субъекте Федерации (если субъект Российской Федерации существенно нарушает свой бюджет, что ведет к крупной финансовой задолженности), а также *федерального замещения* (временная федеральная финансовая администрация является по существу частным случаем такого замещения). Введение этих новых форм федерального воздействия, не имеющих аналогов во многих других федерациях, как нам представляется, обозначает некоторые новые аспекты в развитии дихотомии «федеральный центр – периферия».

Одно из обстоятельств, которое осложняет в России федеративные отношения,– *институт договоров* Федерации и ее субъектов. Такая практика известна в мире, более того, во многих зарубежных федерациях (Германии, Канаде, США и др.) существуют десятки договоров субъектов федерации с субъектами федераций других государств и даже с самими иностранными государствами. Однако в конституциях, законодательстве зарубежных федераций (иногда – в сложившейся практике) есть твердое правило: такими соглашениями, если они являются внутрифедеративными, запрещается создавать политические союзы. Если это договоры с субъектами Федерации (а также административно-территориальными единицами других государств), то они не могут иметь политического характера, затрагивать вопросы государственной организации. Договоры, о которых идет речь, заключаются с ведома, а иногда и разрешения Министерства иностранных дел (с иностранными государствами – с ведома правительства). В России, начиная с 1994 г., Федерацией было заключено 42 договора с 46 ее субъектами. В некоторых из них участвовали три, а в единичном случае четыре стороны – федеральные органы, органы края (области), в который входит другой субъект Российской Федерации (автономный округ), и сам автономный округ (два округа). Некоторые из этих договоров (а также договоры между отдельными субъектами Российской Федерации) содержали положения политического характера, затрагивавшие основы государственного строя или перераспределявшие конституционно установленные в ст. 71, 72, 73 предметы ведения, чего делать они не имели права: такое перераспределение противоречило тексту Конституции РФ. Сейчас ситуация существенно изменилась, и об этом говорится ниже.

Не менее сложные преобразования конституционного характера, но без изменения текста самой Конституции происходят в сфере *разграничения полномочий* (компетенции, прав) Федерации и ее субъектов. Помимо общих для многих федераций проблем, связанных с категорией совместных полномочий (по российской Конституции – «предметов ведения»), в России порядок разграничения осложняется дополнительными обстоятельствами. Во-первых, это упомянутое введение в конституционный текст формулировки, неизвестной другим конституциям, – *«предметы ведения»*. Таких предметов три группы: предметы ведения Федерации, ее субъектов (в форме «остаточных» полномочий) и совместные предметы ведения Федерации и ее субъектов. Понятие «предметы ведения», с одной стороны, усложняет решение вопросов о разграничении предметов ведения и конкретных полномочий (прав и обязанностей), с другой – оно создает предпосылки для решения вопроса, являющегося одним из сложнейших во многих федерациях, – для разграничения полномочий *внутри совместных предметов* ведения.

В сложившихся условиях развитие конституционных положений об отношениях «Федерация – ее субъекты» пошло по пути не столько разработки

[4] См.: СЗ РФ. 1999. № 42, ст. 5005.

[5] См.: СЗ РФ. 2000. № 31, ст. 3205.

[6] См.: СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2), ст. 2709.

[7] Конституционность этих положений была подтверждена Конституционным Судом РФ (см.: постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея // СЗ РФ. 2002. № 15, ст. 1497).

новых принципиальных подходов (это сдерживала сама Конституция), сколько *конкретизации* отдельных положений Конституции в данной сфере. Это делалось как с помощью принятия новых *федеральных конституционных* и *федеральных законов, так и толкования конституционного текста* Конституционным Судом РФ, причем судьями этого Суда признавалось, что проблема разграничения – «наиболее сложная и трудная», ее приходилось решать опосредованно, что было «рискованным со стороны Конституционного Суда»[8].

Как известно, разграничение предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов осуществлено в ст. 71–73 Конституции РФ. Речь идет об исключительных предметах ведения Федерации, совместных (Федерации с ее субъектами) предметах ведения и исключительных предметах ведения субъектов Российской Федерации (в форме остаточных полномочий). Внутри этих групп полномочия перечислены недостаточно четко. Однако независимо от этого всегда возникает необходимость уточнить распределение совместных полномочий, чему и посвящены договоры Федерации с ее субъектами (с 1994 г., уже через несколько месяцев после принятия Конституции 1993 г.), а также несколько федеральных законов. В законодательной сфере впервые в систематизированном виде попытка разграничить совместные предметы ведения и полномочия органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов была сделана Федеральным законом «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»[9]. Этот Закон очертил некоторые условия и рамки договорного регулирования: он исключил массовый порядок заключения договоров между органами Федерации и органами ее субъектов и предписал привести все договоры в соответствие с его положениями. В результате произошло приостановление договорного процесса, а затем (с 2002 г.) начался обратный процесс: взаимный отказ от заключенных ранее договоров. Это отнюдь не означает, что договорная форма разграничения полномочий вообще исключена. Она предусмотрена Конституцией РФ и при определенных условиях может стать целесообразной (например, говорилось о возможности заключения договора Российской Федерации и Чечни). Вслед за решениями Конституционного Суда РФ этим Законом было установлено, что разграничение полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам, отнесенным к предметам совместного ведения, в первую очередь осуществляется федеральными законами. Это была очень важная новелла, поскольку в ст. 11 Конституции федеральный закон не назван среди правовых актов для разграничения полномочий. Кроме того, этот Закон, как и некоторые другие, включал положения о разграничении предметов ведения и полномочий между органами Федерации и органами ее субъектов, тогда как в ст. 71, 72, 73 Конституции РФ говорится о предметах ведения Федерации и ее субъектов, а не органов государства. Полномочия же действительно осуществляются органами государства. В этом специфика российской модели. Осознание данного факта нашло отражение лишь в более позднем законодательстве, когда пришлось решать и вопрос о полномочиях органов местного самоуправления.

Следующим шагом стало принятие в соответствии с Конституцией России (п. «н» ч. 1 ст. 72, ч. 1 ст. 77) уже упоминавшегося Федерального закона от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Кстати, отдельные субъекты Российской Федерации посчитали, что Федеральный закон вышел за пределы установления только общих принципов организации власти в субъектах Федерации, однако такая позиция не была поддержана Конституционным Судом РФ.

Качественно новые аспекты были приданы проблеме разграничения предметов ведения и полномочий в 2003 г., когда вступили в силу поправки, инициированные Президентом РФ. В соответствии с ними Федеральный закон «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» утратил свою силу, а большинство его норм было включено в Федеральный закон 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в результате чего этот Закон приобрел новый характер.

Такое объединение норм не было техническим. В Законе были усилены положения, обеспечивающие верховенство федерального права, среди которых особое значение имеют принципы *бюджетного федерализма*. Именно финансовая обеспеченность полномочий была положена в основу принципов их разграничения. В целом содержащиеся в Законе новеллы способны в перспективе серьезно повлиять на взаимоотношения Федерации и ее субъектов.

[8] *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие в России. 1991–2001. М., 2001. С. 161, 272.

[9] См.: СЗ РФ. 1999. № 26, ст. 3176.

Исходной позицией рассматриваемого Закона является признание того, что Конституция РФ сама разграничивает предметы ведения между Федерацией и ее субъектами в ст. 71, 72 и 73, и они не могут быть в принципе разграничены иными актами, например договорами. Разграничиваться могут только полномочия органов государственной власти – их права и обязанности по управлению определенной сферой общественных отношений.

Новый текст Закона 1999 г. (в ред. 2003 г.) позволяет говорить о двух типах полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения.

Во-первых, это – полномочия по предметам совместного ведения, возлагаемые на органы власти субъектов Федерации, но финансируемые в форме целевых субвенций из федерального бюджета и поэтому детально регулируемые Российской Федерацией. Федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства РФ, предусматривающие предоставление субвенций бюджетам субъектов Российской Федерации на осуществление указанных полномочий, вводятся в действие ежегодно Федеральным законом о федеральном бюджете, т.е. фактически, если нет федерального финансирования – нет соответствующей обязанности субъекта Российской Федерации. Федеральное финансирование влечет право Федерации контролировать осуществление полномочий государственных органов субъектов Федерации. В Законе сказано, что федеральные органы исполнительной власти вправе издавать обязательные для исполнения акты и осуществлять контроль за их исполнением.

Во-вторых, это – полномочия, осуществление которых финансируется из бюджета субъекта Российской Федерации. Определен конкретный перечень таких полномочий – их 41. Субъекты обязаны осуществлять эти полномочия. Включение их в перечень означает, что за предоставление соответствующих услуг населению отвечают органы государственной власти субъекта Российской Федерации, т.е. полномочия, содержащиеся в перечне, – это и право, и обязанность субъектов Российской Федерации. Правда, юридической ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации за неисполнение соответствующих полномочий Закон не предусматривает. Предполагается, что ответственность будет прежде всего политической – отсутствие поддержки населения на очередных выборах (хотя, конечно, если бездействие повлечет тяжкие последствия, может наступить юридическая, в том числе уголовная, ответственность).

Федеральный закон 1999 г. (в ред. 2003 г.) исходит из того, что в соответствии со ст. 73 Конституции России субъекты Российской Федерации вправе принимать к своему решению различные вопросы, если они не отнесены к федеральному ведению и вопросам местного значения. Указание на вопросы местного значения свидетельствует о примененном в данном Законе *комплексном подходе*. Разграничение полномочий теперь не ограничивается отношениями «центр – субъекты», а включает и третью сторону: «центр – субъекты – муниципальные образования». Это соответствует мировым тенденциям развития конституционного права не только в Европейском Союзе, а например, и в Бразилии (Конституция 1998 г.). Если субъекты Российской Федерации принимают к своему ведению вопросы, не отнесенные к федеральному ведению и вопросам местного значения, то они и финансируют осуществление таких полномочий.

Каковы же в таком случае пределы федерального регулирования? Например, ст. 72 Основного закона ФРГ устанавливает, что в сфере совместной (конкурирующей) законодательной компетенции федерация имеет право законодательства, если существует необходимость в федеральном законодательном регулировании в целях обеспечения единообразных условий жизни на территории федерации или сохранения правового или экономического единства в общегосударственных интересах. Немецкая правовая доктрина при этом исходит из того, что федерация самостоятельно решает, в каких случаях существует необходимость исчерпывающим образом использовать федеральное законодательство[10].

В сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов находятся отношения, связанные с защитой прав и свобод человека и гражданина (п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), с функционированием экономики страны в целом (многообразием форм собственности в стране (ст. 8), свободой экономической деятельности (ст. 8 и 34), недопущением установления каких-либо препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (ст. 74)), ряд других общественных отношений, имеющих общегосударственное значение, законодательное и в целом нормативно-правовое регулирование которых должно быть единым в рамках государства. Следовательно, в сферах совместного ведения возможно и необходимо принятие федеральных актов прямого действия, регулирующих данные общественные отношения. Но, как указал Конституционный Суд РФ, из федеративной природа взаимоотношений Российской Федерации и ее субъектов вытекает недопустимость произвольного

[10] См.: *Вальтер Р.* Проблемы федерализма в Федеративной Республике Германия // В кн.: Современный немецкий конституционализм. М., 1994. С. 12.

присвоения органами государственной власти Российской Федерации всей полноты полномочий по предметам совместного ведения, т.е. без учета интересов субъектов Российской Федерации и места их органов власти в системе публичной власти[11]. Существуют предметы совместного ведения, требующие учета региональной специфики. Отражать соответствующие особенности должны акты субъектов Российской Федерации, не противоречащие федеральным законам.

Таким образом, осуществляя регулятивные полномочия по предметам совместного ведения, федеральные органы государственной власти должны руководствоваться *принципом «разумной сдержанности»,* согласно которому они не должны регулировать те отношения, которые без ущерба для качественного выполнения задач публичной власти может урегулировать субъект Российской Федерации. Это позволит повысить самостоятельность субъектов Российской Федерации, особенно при регулировании тех полномочий, которые должны финансироваться за счет их бюджетов. Здесь находит своеобразное проявление принцип субсидиарности в российском конституционном праве.

Главная идея регулирования *двух типов полномочий* – не допустить нефинансируемых полномочий, возлагающихся на органы государственной власти субъектов Федерации (к сожалению, есть немало таких федеральных законов, особенно в социальной сфере). Предполагается, что такая модель позволит исключить навязывание субъекту Российской Федерации конкретного объема расходов из его бюджета. У Федерации есть выбор – либо финансировать определенные, избранные ею полномочия из центра путем предоставления целевых субвенций, либо менять, расширять перечень, что сделает очевидным обременение субъекта Российской Федерации новым расходным полномочием и будет означать обязанность перераспределить закрепленные доходные источники. С 1 января 2005 г. положения федеральных законов, которыми определяется объем финансирования полномочий субъектов Российской Федерации за счет средств их бюджетов, применяются, если законами субъектов Российской Федерации по указанным вопросам не установлено иное, т.е. если субъекты Российской Федерации хотят найти по этим вопросам иной подход, чем предложенный федеральным регулированием, необходимо до 1 января 2005 г. заменить федеральное регулирование на свое. Иначе придется исключительно за счет собственных средств осуществлять финансирование в объеме, предусмотренном ранее федеральным законодателем.

Федеральный закон 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. 2003 г.) установил только принципы. Детальное разграничение полномочий между органами государственной власти Федерации и ее субъектов невозможно осуществить одним законодательным актом, тем более в таких сферах деятельности, как культура, финансы, природопользование и т.п. Для этого потребуется принятие нескольких десятков федеральных законов. Такая работа уже начата. Законопроекты о поправках в Бюджетный и Налоговый кодексы уже рассматриваются Государственной Думой. На очереди другие изменения. Их главное направление – реформирование бюджетной сферы.

Серьезная новелла Закона 1999 г. (в ред. 2003 г.) – дальнейшее развитие института федерального воздействия. Выше уже говорилось о некоторых институтах такого рода. Это – дополнение мер воздействия и распространение их на финансовые отношения. Предусматриваются три способа:

1. Президент России принимает решение о возложении соответствующих полномочий на федеральные органы государственной власти (по согласованию с палатой парламента, представляющей субъекты Российской Федерации, – Советом Федерации) в случае, если в связи с чрезвычайной ситуацией органы государственной власти субъекта Российской Федерации отсутствуют и не могут быть сформированы. Применение этой меры не является чем-то новым в государственно-правовой практике. Таким полномочием Президент РФ воспользовался в ситуации, связанной с Чеченской Республикой. Вместе с тем законодательно устанавливаются пределы применения этой меры. На федеральные органы государственной власти не могут быть возложены полномочия по принятию конституции (устава) субъекта Российской Федерации и поправок к ней (к нему), по установлению системы органов государственной власти субъекта Российской Федерации, по изменению статуса субъекта Российской Федерации и по изменению границ между субъектами Российской Федерации.

2. Высший Арбитражный Суд РФ по ходатайству Правительства РФ принимает решение о введении до одного года временной финансовой администрации в субъекте Федерации. Основание – наличие у субъекта Российской Федерации просроченной финансовой задолженности, превышающей 30% собственных доходов его бюджета в последнем отчетном году. Судом должно быть установлено, что это – следствие решений,

[11] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2000 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2000. № 16, ст. 1774.

действий или бездействия органов власти субъекта Российской Федерации. Временная финансовая администрация принимает меры по восстановлению платежеспособности субъекта Российской Федерации, в частности подготавливает поправки в закон субъекта Федерации о бюджете на текущий год, а также проект бюджета субъекта Федерации на очередной год; обеспечивает контроль за исполнением бюджета субъекта Российской Федерации; осуществляет иные полномочия, предусмотренные Бюджетным кодексом РФ. Положения о временной финансовой администрации вступают в силу с 1 января 2007 г. Поскольку эти положения предусмотрены Федеральным законом 2003 г., внесшим изменения в Федеральный закон 1999 г., о котором идет речь, то до 2007 г. должны быть внесены соответствующие дополнения в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» по расширению юрисдикции Высшего Арбитражного Суда РФ.

3. Третий случай связан с нарушением исполнительным органом субъекта Российской Федерации федерального законодательства при реализации финансируемых из федерального бюджета полномочий. Такое нарушение должно быть установлено соответствующим судом. В этом случае Правительство России принимает решение о временном осуществлении этих полномочий федеральными органами исполнительной власти; одновременно изымаются соответствующие субвенции.

Решения федеральных органов государственной власти во всех трех случаях могут быть обжалованы в судебном порядке.

Важно подчеркнуть, что указанные меры воздействия являются не санкциями, а *обеспечительными мерами* для нормального функционирования государственной власти, служащими прежде всего интересам населения соответствующей территории. Кроме того, необходимо учесть, что принятие на себя органами государственной власти Российской Федерации осуществления полномочий субъектов Российской Федерации не приводит к прекращению функционирования последних. Если соответствующие органы созданы, они продолжают функционировать, сохраняя свои основные полномочия.

Завершая сюжет о российской модели федерального воздействия, следует, однако, помнить о том, что при решении данного вопроса существенную роль играют не столько особенности правового регулирования этого института, сколько практика и традиции его применения.

Особенности разграничения полномочий Федерации и ее субъектов в России связаны с условиями решения еще двух вопросов: об *опережающем законодательстве* и *параллельном законодательстве* субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения. Первый из этих институтов существует и в некоторых зарубежных федерациях, второго, как правило, в них нет (он исключается, например, в Германии и США). Опережающее законодательство означает, что до появления соответствующих федеральных актов субъекты Российской Федерации имеют право принимать по предметам совместного ведения собственные законы. Пределы опережающего регулирования не должны толковаться излишне широко. Право осуществлять такое регулирование не дает субъектам Российской Федерации полномочий по урегулированию их в части, имеющей универсальное значение как для субъектов Российской Федерации, так и для Федерации в целом[12]. Формальными рамками законодательной компетенции субъектов Российской Федерации могут являться запрет затрагивать опережающим регулированием права и свободы граждан, нарушать единство экономического пространства, устанавливать принципы и иные положения, имеющие общее для всей Российской Федерации значение.

Федеральный закон 1999 г. (в ред. 2003 г.), по существу, не ограничивает возможности параллельного законодательства субъектов Российской Федерации, что широко распространено в России. После принятия федерального закона по вопросу совместного ведения субъекты Российской Федерации часто издают свои законы по этому же вопросу, дублирующие федеральный закон и, по существу, лишающие его прямого действия, лишь засоряющие правовое информационное пространство. Видимо, решать эту проблему необходимо по принципу некоторых других стран: если издан федеральный закон, урегулировавший определенные отношения, субъектам не следует дублировать его, хотя, разумеется, они могут учесть в своем законодательстве какие-то особенности применения федерального закона, если они есть. В некоторых зарубежных страну такой подход называется блокирующим законодательством (со стороны федерации).

Одна из новелл Федерального закона 2003 г. связана с установлением *нового соотношение* между не только федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, но также законами субъектов Российской Федерации и иными федеральными правовыми актами. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации теперь не вправе принимать свои законы

[12] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.1997 г. «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона РФ “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” от 27.12.1991 г.» // СЗ РФ. 1997. № 13, ст. 1602.

и иные нормативные правовые акты, противоречащие не только федеральным законам, но и иным нормативным правовым актам федеральных органов государственной власти, пока последние не будут признаны компетентным федеральным судом противоречащими Конституции РФ либо другим актам большей юридической силы.

Новый порядок связан с тем, что по вопросам ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов издаются не только федеральные законы. Президент РФ, Правительство РФ и другие федеральные органы государственной власти также принимают собственные нормативные правовые акты. Федеральный законодатель вправе установить вопросы, которые целесообразнее урегулировать федеральными подзаконными актами. Например, во исполнение федеральных законов об охране здоровья граждан федеральным органом исполнительной власти в сфере здравоохранения могут быть урегулированы и регулируются отношения по проведению профилактических мероприятий в целях улучшения эпидемиологической ситуации в стране. Безусловно, планируемые проведением этих мероприятий цели в общефедеральных масштабах могут быть достигнуты только при неукоснительном соблюдении всеми субъектами права установленных ведомственными предписаниями стандартов поведения. При этом исходной позицией является презумпция законности подзаконных актов, предполагающая, что они приняты в соответствии с актами большей юридической силы и в пределах установленных полномочий.

С другой стороны, законодательство, как федеральное, так и субъектов Российской Федерации, во многом еще находится в процессе становления, поэтому неизбежно возникает противоречие между объективными требованиями жизни и отставанием нормотворчества. Субъекты Федерации порой оперативнее реагируют на изменения общественной практики, чем федеральный законодатель. Не всегда можно быть уверенными, что федеральный закон «последует» тем правилам, которые уже закреплены законами субъектов Российской Федерации. Необходимо осознавать как федеральному, так и региональному законодателям, что издание федерального закона требует приведения в соответствие с ним не только законов субъектов Федерации, но порой и целого ряда основанных на них актов. Все это не просто осложняет процесс правоприменения, но в конечном счете затрагивает положение участников уже сложившихся правоотношений. Поэтому, на наш взгляд, следует поддержать позицию, что Федерация должна «опередить» субъектов в законотворчестве, если тот или иной вопрос совместного ведения не может быть эффективно урегулирован законодательством отдельных субъектов Российской Федерации либо его упорядочение субъектом Федерации может нанести ущерб интересам Федерации или другим субъектам Федерации[13]. Субъектам Федерации же важно иметь в виду, что в современных условиях, принимая во внимание опыт европейских государств, не следует стараться делать акценты на свою обособленность, а необходимо исходить из принципа консолидации законодательства, создания единых правил, действующих в едином экономическом пространстве[14]. Вместе с тем следует изучать законодательную деятельность субъектов Российской Федерации и рассматривать «удачные» законы субъектов Российской Федерации в качестве концепций соответствующих федеральных законов.

Эти выводы, на наш взгляд, и есть проявление своеобразия опережающего, параллельного и блокирующего законодательства в условиях российской действительности.

Соблюдение указанных принципов законотворчества должно привести к упорядочиванию законодательства субъектов Российской Федерации, очертить его контуры, выявить тенденции развития и, несомненно, повлиять на его содержание. Скорее всего можно ожидать снижения активности законотворчества субъектов Федерации, прекращения практики дублирования федерального законодательства на региональном уровне, что до сих пор практиковалось. Правовое пространство России в условиях кооперативного федерализма не может формироваться без участия ее субъектов. Предполагается, что Совет Федерации как палата Федерального Собрания, представляющая интересы субъектов Российской Федерации, станет центром, куда будут стекаться законодательные инициативы регионов, где они будут обобщаться, укрупняться и затем в виде качественных и действительно необходимых для всех субъектов Федерации проектов законов вноситься в Государственную Думу.

Помимо Совета Федерации на законотворчество можно оказывать влияние и через создаваемые в целях обеспечения внутренней интеграции региональные ассоциации субъектов Федерации, различные совещательные структуры при органах власти, среди которых необходимо назвать такие, как Государственный совет РФ, Совет законодателей, Комиссия при Президенте РФ по вопросам федеративных отношений и местного самоуправления.

Выше уже говорилось о внутрифедеративных договорах. Однако нужно учесть, что договорная

[13] См.: Федерализм и межнациональные отношения в современной России: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. 27–28 мая 1994 г. М., 1994. С. 121.

[14] См.: *Поленина С.В.* Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. С. 74.

форма регулирования полномочий органов государственной власти применима только по предметам совместного ведения. При этом не должно нарушаться действие принципа верховенства федерального закона. Поэтому новой редакцией Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусмотрено утверждение договора федеральным законом. Необходимым условием утверждения внутрифедерального договора федеральным законом стало одобрение проекта договора законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Можно предположить: число и сфера внутрифедеральных договоров будут сокращаться. Заключение договоров – это право, а не обязанность субъектов федеративных отношений, и они не всегда считают целесообразным использовать это право.

Особым аспектом договорного регулирования федеративных отношений является заключение *исполнительных соглашений*. Статья 78 (ч. 2, 3) Конституции РФ предусматривает возможность заключения соглашений между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче осуществления части своих полномочий. На практике же такие соглашения (а их было заключено несколько сот) стали своего рода продолжением договоров. Содержанием соглашений была не передача осуществления части полномочий, а разграничение предметов ведения и полномочий в конкретной сфере. Под видом соглашений зачастую фиксировались и льготы для тех или иных субъектов Российской Федерации, выгодные для них схемы финансирования федеральных расходов и т.п. Многие из этих вопросов не решены, хотя число исполнительных соглашений, объем их регулирования существенно возрастают.

Вместе с тем возникают и другие вопросы. Что понимать под частью полномочий исполнительного органа? Может являться предметом соглашения какое-либо полномочие как часть всех иных полномочий исполнительного органа, либо их предметом может являться только часть конкретного полномочия? Наверное, необходимо признать возможными оба варианта, но в любом случае такая передача осуществления полномочий должна происходить при соблюдении следующих условий:

1) это не противоречит Конституции РФ и федеральным законам;

2) это не может быть осуществлено федеральным законом в равной мере в отношении исполнительных органов всех субъектов Федерации, т.е. передаваемые полномочия должны быть связаны с конкретным объектом или проектом;

3) соглашения, изменения и дополнения к соглашениям считаются заключенными и вступают в силу после их утверждения постановлениями Правительства РФ и официального опубликования в установленном порядке. Необходимость такого утверждения обусловлена ч. 2 ст. 77 Конституции РФ, согласно которой в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации. Кроме того, согласно ст. 43 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» Правительство в целях обеспечения сочетания интересов Российской Федерации и субъектов Федерации по предметам совместного ведения координирует деятельность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Представляется, что перенос основного акцента договорного регулирования с *разграничения* предметов ведения и полномочий на передачу *осуществления* части полномочий позволит в определенной мере решить некоторые проблемы отношений и федерального центра, и регионов. Для обеспечения устойчивости Федерации гораздо целесообразнее временно передавать осуществление тех или иных полномочий, нежели «перезакреплять» законом полномочия непосредственно за органами государственной власти другого уровня. Замена разграничения передачей могла бы обеспечить и большую оперативность, и конституционность договорного регулирования федеративных отношений, однако использование этого института не должно быть всеобъемлющим, чтобы не допустить бесконтрольности в его применении.

Существуют и некоторые другие формы договорного разграничения полномочий, которые предусмотрены Конституцией России, но о которых, как правило, умалчивают. Речь идет о федеративном договоре и о договорах между органами государственной власти края, области и входящими в их состав органами автономного округа.

Подписанный 31 марта 1992 г. Федеративный договор (он состоял из трех договоров Федерации с разными видами субъектов Российской Федерации) имел свои достоинства и недостатки. Хотя его действие фактически сведено на нет Конституцией 1993 г. (она уравняла всех субъектов федерации в правах между собой и во взаимоотношениях с федеральными органами власти), некоторые его положения продолжают действовать если они не противоречат Конституции РФ (п. 1 Заключительных

и переходных положений Конституции РФ). Среди инструментов разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов ст. 11 Конституции также называет Федеративный договор. Иногда появляются высказывания, что Конституция имеет в виду новый Федеративный договор всех его участников[15]. Но то место, которое отводится договорной форме Конституцией, не позволяет поддержать такую точку зрения. Договорное разграничение полномочий теперь может иметь только индивидуальный характер.

Большего внимания требуют *договоры* между краем, областью и входящим в их состав *автономным округом,* которые предусмотрены ч. 4 ст. 66 Конституции РФ. Уникальность субъектного состава современной России характеризуется унаследованным от РСФСР вхождением автономных округов в состав территории других субъектов, что создало противоречивую конституционную конструкцию – «равноправный субъект Федерации в другом равноправном субъекте Федерации», на практике порождающую конфликт между органами власти этих субъектов.

В соответствии с решением Конституционного Суда РФ по делу о толковании конституционного положения о вхождении автономного округа в состав края, области[16] поправки в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусмотрели, что только договором может быть установлена юрисдикция края, области на территории автономного округа в сфере исключительного ведения автономного округа.

Договор между краем, областью и автономным округом применим и в сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Однако он уже не может претендовать на первичное регулирование. Договор должен базироваться на нормах федерального закона об отношениях между органами государственной власти автономного округа и органами государственной власти края или области. Совместное ведение – наиболее конфликтная среда во взаимоотношениях между властями края, области и автономного округа. Поэтому Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусмотрел ряд полномочий по предметам совместного ведения, которые в отсутствие специального законодательного и договорного регулирования на территории автономного округа осуществляют органы власти края, области. При этом полномочиями по предметам совместного ведения, осуществляемыми субъектами Российской Федерации за счет субвенций из федерального бюджета, могут наделяться только органы власти края, области.

Существенное реформирование федеративных отношений, осуществляемое из-за «слабости» прямого конституционного регулирования обыкновенными федеральными законами, придает этим отношениям иное, чем было ранее, содержание и может вызвать сомнения с точки зрения соответствия «духу и букве» Конституции. И если ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации уже воспринимается как важный элемент их конституционно-правового статуса, то другие формы федерального вмешательства (в первую очередь речь идет об институте временного осуществления федеральными органами власти отдельных полномочий органов власти субъектов Российской Федерации) еще требуют своего конституционного обоснования.

* * *

Конечно, в Конституции РФ явно не достает полноты регулирования проблем федеративного устройства. Но существующая недостаточность конституционной регламентации позволяет федеративным отношениям эволюционировать в разных направлениях, искать оптимальную для российских условий модель федеративного устройства. В этом – плюсы такого подхода.

В то же время без комплексного реформирования системы органов публичной власти, путем лишь отдельных усовершенствований должное качество правового регулирования и правоприменения не будет достигнуто. Движение по пути реформ в итоге должно привести к построению Федерации, основывающейся не просто на четком разграничении полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов Российской Федерации, но на сильных институтах государственности, на единстве общенациональных и региональных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вальтер Р.* Проблемы федерализма в Федеративной Республике Германия // В кн.: Современный немецкий конституционализм. М., 1994. С. 12.
2. *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие в России. 1991–2001. М., 2001. С. 161, 272.
3. *Поленина С.В.* Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. С. 74.

[15] См., напр.: *Черепанов В.А.* Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 36, 37.

[16] См.: СЗ РФ. 1997. № 29, ст. 3581.

4. Федерализм и межнациональные отношения в современной России: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. 27–28 мая 1994 г. М., 1994. С. 121.

5. *Черепанов В.А.* Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 36, 37.

REFERENCES

1. *Walter R.* Problems of Federalism in the Federal Republic of Germany // In: Modern German Constitutionalism. M., 1994. P. 12 (in Russ.).

2. *Vitruk N.V.* Constitutional justice in Russia. 1991–2001. M., 2001. P. 161, 272 (in Russ.).

3. *Polenina S.V.* Lawmaking in the Russian Federation. M., 1996. P. 74 (in Russ.).

4. Federalism and interethnic relations in modern Russia: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference May 27–28, 1994. M., 1994. P. 121 (in Russ.).

5. *Cherepanov V.A.* Constitutional and legal foundations of the division of state power between the Russian Federation and its subjects: abstract ... Doctor of Law. M., 2004. P. 36, 37 (in Russ.).

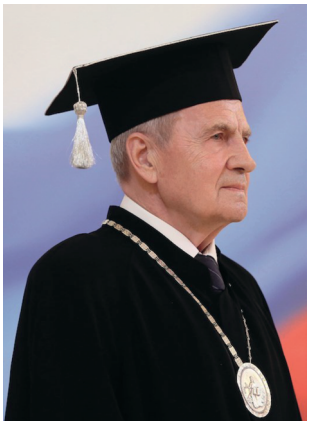
Сведения об авторе

ХАБРИЕВА Талия Ярулловна –
академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 107078 г. Москва, Б. Харитоньевский пер., д. 22–24, стр. 1А, 1БВ

Authors' information

KHABRIEVA Taliya Ya. –
Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 22–24, bld. 1A, 1BV, B. Kharitonyevsky lane, 107078 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 77–88
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 77–88



КОНСТИТУЦИЯ РФ – ПРАВОВАЯ ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА[1]

© 2022 г. В. Д. Зорькин

Конституционный Суд Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

E-mail: vzor@ksrf.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли Конституции РФ в создании и поддержании конституционно-правовых основ интеграции российского общества. Отмечается роль Конституции как важнейшего фактора обеспечения социально-политической стабильности и целостности Российского государства в период перехода страны от социализма к демократическому и правовому развитию, а также ее колоссальное значение для настоящего и будущего России. В противовес постоянно звучащим предложениям о кардинальной конституционной реформе обосновывается необходимость и возможность развития того большого правового потенциала, который заложен в конституционном тексте. В центре внимания автора – проблемы, создающие наибольшую социальную напряженность, а также правовые пути снятия этой напряженности, связанные с защитой социальных прав граждан, преодолением коррупции, укреплением конституционно-правовой идентичности россиян, развитием правосознания как широких слоев населения, так и правящей элиты.

Ключевые слова: право, Конституция, справедливость, общественное согласие, социальные права, коррупция, конституционная идентичность, правосознание.

Цитирование: *Зорькин В.Д.* Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2022. № 2. С. 77–88.

DOI: 10.31857/S102694520018759-5

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IS THE LEGAL BASIS FOR THE INTEGRATION OF RUSSIAN SOCIETY[2]

© 2022 V. D. Zorkin

Constitutional Court of the Russian Federation, St. Petersburg

E-mail: vzor@ksrf.ru

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2018. № 12. С. 5–17. DOI: 10.31857/S013207690002196-7

[2] The article was published in the journal “State and Law” (2018), No. 12, pp. 5–17. DOI: 10.31857/S013207690002196-7

Abstract. The article analyzes the role of the Constitution of the Russian Federation in the creation and maintenance of the constitutional and legal basis for the integration of Russian society. The role of the Constitution as the most important factor in ensuring the socio-political stability and integrity of the Russian state during the country's transition from socialism to democratic and legal development, as well as its enormous importance for the present and future of Russia. In contrast to the constantly sounding proposals for fundamental constitutional reform, the necessity and possibility of developing the great legal potential laid down in the constitutional text is justified. The author focuses on the problems that create the greatest social tension, as well as legal ways to remove this tension related to the protection of social rights of citizens, overcoming corruption, strengthening the constitutional and legal identity of Russians, the development of legal awareness of both the General population and the ruling elite.

Key words: law, Constitution, justice, public consent, social rights, corruption, constitutional identity, legal consciousness.

For citation: *Zorkin, V.D. (2022)*. The Constitution of the Russian Federation is the legal basis for the integration of Russian society // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 77–88.

Российской Конституции – 25 лет. В масштабах мировой истории, где время измеряется веками, мы сделали лишь самый первый, размером в четверть века, шаг на пути развития конституционализма. Первый шаг – всегда не только самый трудный, но и самый важный. И если его направление было выбрано не совсем верно, то надо вовремя откорректировать вектор движения. Вот почему нам необходим сейчас серьезный и откровенный разговор о Конституции, о ее роли в общественной и государственной жизни страны, о ее достоинствах и недостатках. Но такой разговор должен вестись очень ответственно, с полным осознанием того, что речь идет о документе, формирующем правовую базу для социального единства, без которого невозможно нормальное, эволюционное, поступательное развитие общества и государства. О документе, лежащем в основе не только конституционно-правовой, но и социокультурной идентичности нации и в этом смысле имеющем сакральный статус для массового сознания россиян. Поэтому, предвидя в преддверии юбилея очередной всплеск призывов к кардинальным конституционным реформам, хотел бы еще раз предостеречь всевозможных критиков Конституции (зачастую, что очень показательно, противоречащих друг другу) от безответственных заявлений и предложений.

Конечно, наша Конституция не идеальна хотя бы потому, что идеальных конституций, как известно, не бывает. Думаю, что можно в целом согласиться с тем, что к недостаткам Конституции РФ относятся «несбалансированное разделение властей, отсутствие надлежащей эффективно действующей системы сдержек и противовесов во взаимоотношениях различных ветвей власти, раздвоение исполнительной власти (Президент, Правительство) в сочетании с независимостью Правительства от парламента, отсутствие необходимой ясности в распределении полномочий между Федерацией в целом и ее субъектами, отсутствие четкой иерархии источников действующего в стране права, неопределенность статуса прокуратуры.., внутренняя противоречивость негосударственной концепции местного самоуправления с фактическим наделением его государственно-правовыми полномочиями»[3]. Но подобные недостатки вполне исправимы путем точечных изменений, а заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины «живой конституции» *(the living Constitution)*. Опора на эту доктрину дает возможность, не искажая сути правового смысла, заложенного в текст Конституции, выявлять его актуальное значение в контексте современных социально-правовых реалий. Конституционный Суд РФ уже давно ориентируется на такой подход к толкованию Конституции. Нам надо и дальше идти по этому пути, стремясь глубже понимать, раскрывать и постоянно развивать правовой потенциал нашего Основного Закона.

Представления же о том, что путем конституционной реформы можно изменить ход событий и развернуть их в каком-то более правильном направлении, не просто опасны, поскольку чреваты резкой социально-политической дестабилизацией, но поверхностны и недальновидны. Подобный юридический идеализм, приверженцы которого полагают, что можно изменить структуру жизни с помощью одних лишь юридических инструментов, убедительно раскритиковал еще К. Маркс применительно к сфере экономики. Но эта же логика действует и в социально-политической сфере, о чем уже в наши дни хорошо сказал

[3] *Нерсесянц В.С.* Конституционализм как общегосударственная идеология // Хрестоматия по конституционному праву: учеб. пособие: в 3 т. / сост. Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. Т. 1. История, теория и методология конституционного права. Учение о конституции. СПб., 2012. С. 855.

А.И. Солженицын. «Сегодня, – писал он в преддверии принятия Конституции РФ, – у нас горячо обсуждается: какое государственное устройство нам отныне подходит, а какое нет, – а этим, мол, все и решится. <...>. Но сегодня воспрять – это не просто найти удобнейшую форму государственного строя и скороспешно сочинить к нему замечательную конституцию... Надо... не оказаться снова игрушкой заманных лозунгов и захлебчивых ораторов, не отдаться еще раз добровольно на посрамление. <...>. Наши несравненные в 1916 году критики государственной системы – через несколько месяцев, в 1917, получив власть, оказались совсем не готовы к ней и все загубили. Ни из чего не следует, что новоприходящие теперь руководители окажутся сразу трезвы и прозорливы. <...>. Если мы уже так дорого заплатили, если уж так сложилось, что мы оказались на том краю государственного спектра, где столь сильна центральная власть, – не следует нам спешить опрометчиво сдвигаться в хаос: анархия – это *первая* гибель, как нас научил 1917 год. <...>. Что-то в нынешнем государственном строе приходится пока принять просто потому, что оно уже существует»[4].

Пять лет назад, на празднованиях 20-летия Конституции РФ, я говорил о том, что наша Конституция в целом достойно прошла проверку практикой на очень крутом историческом переломе в жизни страны. Она предотвратила срыв России в анархию и хаос, обеспечила целостность Российского государства, предъявив стране новые фундаментальные правила жизни. Конституция стала базой для общественного согласия. Она четко и недвусмысленно определила демократические и правовые приоритеты развития России и задала вектор ее достойного вхождения в европейское и мировое правовое пространство. Но сейчас я хотел бы остановиться подробнее на тех моментах, в которых роль и значение Конституции проявляются наиболее актуальным образом. Внутри страны это – интегративная функция Конституции, выступающей в качестве важнейшего фактора обеспечения общественного согласия и основанной на нем социально-политической стабильности. А в наднациональном пространстве это – утверждение конституционной идентичности российской нации. И в том, и в другом случаях мы говорим об интеграции российского общества на базе общепризнанных (т.е. признанных и в России, и в мире) конституционных принципов. При этом если внутри страны речь идет о поиске компромисса в трактовке этих принципов между носителями разных социальных интересов и приверженцами разных идеологических ориентаций, то в наднациональном контексте мы рассматриваем специфику правовой ментальности и соответствующую ей конституционно-правовую идентичность всего российского общества, обусловленную историческими и геополитическими особенностям развития России.

Конституция РФ как фактор достижения общественного согласия. Конституция РФ, принятая в период сложных, бурных и трагических событий начала 90-х годов прошлого века, смогла, несмотря на все трудности, заложить правовые основы и обозначить главные нормативные рамки для общественного согласия, закрепив такие объединяющие все общество принципы, как приоритет прав человека и верховенство правового закона, разделение властей, правовой, демократический, социальный и федеративный характер государства, равенство всех перед законом и судом и т.д. Наша Конституция сумела стать действенным фактором преодоления социально-политического раскола, межнациональных и межконфессиональных конфликтов, грозящих дезинтегрировать общество и разрушить государственность, именно потому, что она является правовой не только по форме, но и по сути[5]. Ведь в ее основу заложены доктрина неотчуждаемых прав человека и принцип правового равенства, получивший конкретизацию и развитие в целом ряде конституционных положений.

Сказанное отнюдь не означает, что мы решили проблему общественного согласия. От создания правовых рамок для такого согласия, удерживающих общество от внеправовых способов решения конфликтов, до реального «общественного договора» – дистанция немалая. И нам еще предстоит ее пройти, причем в условиях весьма большой неопределенности, чреватой самыми разными проблемами и рисками. В этой связи важно понимать, что Конституция РФ – не просто итог социального компромисса, достигнутого на определенном историческом этапе. Если бы это было так, то на каждом новом этапе развития общества и государства могла возникать потребность в новом социальном компромиссе, т.е. в достаточно радикальных конституционных изменениях. Конституция содержит в своем тексте потенциал правовых преобразований, рассчитанный на обозримое историческое будущее страны. А это значит, что она позволяет в определенных пределах уточнять условия общественного компромисса применительно к меняющимся социальным реалиям, обеспечивая таким образом социально-политическую стабильность, необходимую для дальнейшего развития.

Но для этого надо уметь вовремя увидеть те болевые точки, в которых фокусируется социальная

[4] *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию. URL: http://rushist.com›...solzhenitsyn...nam-obustroit-rossiyu...

[5] См.: *Зорькин В.Д.* Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5–16.

напряженность на данном этапе развития общества, найти способы, сгладить эту напряженность (в идеале – снять ее полностью) и облечь эти способы в надлежащие правовые формы. Полагаю, что не надо быть социологом, чтобы понимать, что в настоящее время главным источником напряжения в российском обществе является нерешенность социально-экономических проблем. Во всяком случае именно об этом свидетельствует постоянный рост обращений в Конституционный Суд, связанных с защитой социальных прав граждан. Да и социологи подтверждают, что ожидания и даже требования социальной справедливости выходят у населения на первый план и что несправедливости в разных областях жизни воспринимаются людьми «крайне болезненно»[6]. Социальное напряжение, порождаемое чувством несправедливости, усугубляется естественной усталостью населения от трех десятилетий реформ, а также беспрецедентным (и добавлю – неправовым, т.е. противоречащим нормам международного права) экономическим, и прежде всего санкционным, давлением на Россию со стороны США и Западной Европы.

Наиболее болезненно и остро воспринимается обществом крайне несправедливое распределение бремени проводимых в стране экономических реформ, свидетельством которого в первую очередь является чрезмерное социальное расслоение. Даже по данным официальной статистики, децильный коэффициент в России уже давно перевалил за критический 10-кратный порог и приближается к 16 единицам, а по неофициальным сведениям, масштабы социального расслоения значительно выше и этого порога. В этой связи нельзя не отметить, что год назад мы отмечали столетие революционных событий 1917 г., которые, как сейчас ясно, были порождены прежде всего глубоким социально-экономическим расколом внутри российского общества[7].

Беспокоит также информация о том, что значительная часть наших граждан (по данным исследования ИС РАН, проведенного в 2016 г., половина работающего населения страны) так или иначе находится вне действия трудового, пенсионного и социального законодательства Российской Федерации. При этом проблемы социальной защищенности в наибольшей степени затронули жителей «малой России», т.е. тех, кто проживает в селах, поселках городского типа, малых – до 100 тыс. жителей – городах. С учетом полученных данных социологи говорят о том, что «задачи перестройки отечественной экономики, преодоления характерных для нее текущих кризисных явлений доморощенные работодатели (а вместе с ними и так называемые эффективные менеджеры) стремятся решать за счет работников – путем наращивания объемов их трудовых нагрузок с одновременным снижением их социальной защищенности»[8]. Тревожит и высокий процент так называемых «работающих бедных», а также то обстоятельство, что самая массовая группа бедных – это семьи с детьми[9]. Да и в целом приходится признать, что по таким принятым в международной практике показателям уровня жизни, как прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда и индекс развития человеческого потенциала, «разрыв между правовыми предписаниями, характеризующими те или иные аспекты социальной справедливости, и фактическими показателями, видимо, не должен быть столь существенным»[10].

В настоящее время проблема социальной поляризации приобретает еще большую остроту в свете грядущих социальных последствий масштабной автоматизации, роботизации и компьютеризации производства. Нельзя недооценивать то обстоятельство, что миллионы людей могут потерять работу, а с ней – не только материальное благополучие, но и социально-правовой статус, свои позиции как участников социального контракта, возможности доступа к социальной политике государства через системы страхования социальных рисков, ресурсы влияния на социально-политическую ситуацию в стране и мире и т.д.

Все это говорит о том, что мы еще далеки от реализации положений ст. 7 Конституции РФ, которая гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В этой связи должен заметить, что закрепленные здесь такие ключевые для конституционного правопонимания

---

[6] *Белановский С., Никольская А.* Тренды общественного мнения в отношении экономических реформ. Социологическое исследование методом фокус-групп. URL: http://docplayer.ru›... Trendy...v...ekonomicheskihreform.html

[7] См., напр.: *Кроткова Н.В.* Государство и революция. К 100-летию Великого Октября (Всероссийская научная конференция) // Государство и право. 2017. № 10; № 11; № 12.

[8] *Горшков М.К.* Российский социум в условиях кризисного развития // Социс. 2017. № 1. С. 8. В этой связи директор Института социологии РАН фиксирует «системное изменение взаимоотношений работников и работодателей со смещением акцента в этих отношениях в сторону углубления бесправного положения работающих. <...>. Это относится главным образом к отказу оплачивать сверхурочные работы, больничные листы и декретные отпуска, к сверхустановленному законодательством увеличению продолжительности рабочей недели, административному принуждению к уходу в неоплачиваемый отпуск, сокращению выплаты “белой” зарплаты» (см.: там же).

[9] См.: Интервью журналиста «Лента.ру» с заведующей лабораторией Института социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС Е. Гришиной. URL: http://news.rambler.ru/community/39643116-bednyh-rossiyan-stanovitsya-vse-bolshe/

[10] *Чиркин В.Е.* Принцип социальной справедливости в сравнительном измерении // Труды ИГП РАН. 2016. № 5. С. 80.

понятия, как «достойная жизнь» и «свободное развитие человека», еще не получили в нашей стране не только надлежащего практического воплощения, но и адекватного их значимости теоретического осмысления.

Конституционный Суд РФ видит свой вклад в решение этой общей проблемы в последовательной защите социально-экономических прав граждан, особенно тех слоев населения, которые оказались отрезаны от процессов приватизации социалистической собственности. Поскольку соответствующие правовые позиции Конституционного Суда имеют важное значение для формирования отечественной доктрины социльных прав, хочу в очередной раз подчеркнуть, что под защитой таких прав Суд понимает не государственную благотворительность, продиктованную соображениями политической целесообразности или морального характера, а реализацию ст. 1 Конституции РФ, согласно которой Россия является демократическим и правовым государством, и ст. 7, закрепляющей конституционные ориентиры социальной политики государства. Поэтому Конституционный Суд РФ стремится обеспечивать путем соответствующих компенсационных механизмов наиболее слабым членам общества равенство стартовых возможностей в реализации ими своих основных прав и свобод. Данная трактовка социальных прав не означает снижения значимости таких традиционных «либеральных» прав, как личные и политические права. Не означает она и недооценку значения конституционно-правовой защиты ценностей частной собственности и экономической свободы.

Здесь важно отметить, что при всех издержках становления института частной собственности в постсоветской России сформировавшееся в итоге право частной собственности есть важнейшее достижение осуществленных в стране преобразований и основа для ее последующего правового развития. Дело не только в том, что частная собственность – это основа свободного предпринимательства. Собственность – это единственно возможная основа для свободы и права. Там, где полностью отрицается право индивидуальной собственности на средства производства, там невозможны свобода и право. Поэтому перед Конституционным Судом РФ стоит весьма непростая задача поиска оптимального баланса между защитой социальных прав тех слоев населения, которые лишены частной собственности, и обеспечением надлежащих гарантий права частной собственности как важнейшего условия нормального правового развития страны. В этом смысле можно сказать, что, проверяя конституционность законодательства в социально-экономической сфере, Конституционный Суд каждый раз ищет разумный баланс и соразмерность между гарантией частной собственности, с одной стороны, и защитой социальных прав населения – с другой, выполняя таким образом роль своего рода «социального арбитра».

Подобные проблемы – один из аспектов более широкой проблематики, связанной с поиском оптимального соотношения между социальной справедливостью и индивидуальной свободой. Хочу обратить внимание на то обстоятельство, что усилия Конституционного Суда по решению конкретных проблем, связанных с социальной интеграцией российского общества, всегда так или иначе связаны с развитием понимания права как главного инструмента социальной интеграции, выработанного человечеством. Опыт работы Суда в данном направлении позволяет, как представляется, сделать вывод о том, что нам нужна сейчас такая корректировка доминирующего в мировой теории и практике либерально-индивидуалистического подхода к правопониманию, которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма, т.е. нужна правовая теория, синтезирующая в рамках понятия права идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности. Полагаю, что именно такой подход к правопониманию в наибольшей степени соответствует ментальности российского народа, его правовому и нравственному сознанию. В этой связи хотелось бы напомнить, что для русской философии конца XIX – начала XX в. (с ее учениями о соборности, всеединстве, всечеловечности и т.д.) было характерно стремление соединить идею абстрактного, обезличенного формально-правового равенства с идущей от раннего христианства идеей ответственности каждого не только за себя, но и за других, – стремление, как говорят специалисты, согласовать в рамках понятия права разум и дух, свободу и милосердие, право и правду, индивидуальное и социальные начала. Надеюсь, что эти достижения русской философии права будут востребованы нашей юридической теорией и практикой. Это позволит нам освободиться от представлений о солидаризме как об идеологии авторитарного типа и на новом уровне возродить в России солидаристское мировоззрение, которое все еще остается погребенным под обломками социализма.

Справедливости ради надо отметить, что проблема роста социальной поляризации, порождающая такое неравенство возможностей людей, которое приобретает застойные формы, имеет общемировой характер[11]. Это беда общепланетарного масштаба и, по мнению специалистов, «уже сейчас очевидно, что по мере нарастания неравенства на

[11] Данная проблематика глубоко разработана, в частности, в трудах таких известных экономистов, как Д. Стиглиц, Т. Пикетти и др. (см, напр.: *Стиглиц Д.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015; *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М., 2015).

национальном и глобальном уровне вопросы справедливости устройства современного мира будут ставиться во все более острой форме»[12]. Однако особенность России заключается в том, что нынешнее российское общество уже достаточно хорошо осознает связь между социально-экономическими проблемами, стоящими перед значительной частью наших сограждан, и несправедливостью приватизации крупной собственности, проведенной в стране в 90-е годы прошлого века. А это не только ставит под сомнение легитимность сложившейся системы собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями и рисками, но и ведет к подрыву общественного доверия к справедливости социального устройства в целом. Между тем, как хорошо сказал известный американский философ Д. Ролз, «справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли»[13].

И если эта важнейшая добродетель нарушена, то социальные, и прежде всего политико-правовые, институты не могут функционировать в достаточно эффективном режиме. Поэтому вопрос о соотношении справедливости и правовой демократии в сложившейся ситуации приобретает особую актуальность. К сожалению, наше обществоведение не проявляет надлежащего интереса к этой теме. Однако и те немногие исследования, которые есть, дают пищу для серьезных размышлений.

В частности, обращает на себя внимание следующий вывод, перекликающийся с процитированным в начале статьи высказыванием А.И. Солженицына из его известной работы «Как нам обустроить Россию». Сегодня, подчеркивает один из авторов немногочисленных исследований по проблеме соотношения справедливости и демократии, речь должна идти «не столько о перестройке, радикальной трансформации общественно-политической системы в сторону ее либерализации и демократизации, сколько о “достройке” традиционного для России института сильного государства и персонифицированной модели власти реальными (а не имитационными) структурами демократии и гражданского общества. <...>. Реальная демократизация политической системы должна осуществляться в первую очередь на местном (локальном) уровне и лишь постепенно “проникать” на уровень “большой политики”»[14]. Такой осторожный, взвешенный подход к проблеме представляется конструктивным и плодотворным, поскольку, не отрицая важности дальнейшего демократического развития страны, он фиксирует необходимость постепенного продвижения снизу вверх – от малой политики муниципального уровня к так называемой «большой политике» государства в целом. Показательно, что к подобным выводам приходят и авторы весьма интересного социологического исследования, проведенного по методу фокус-групп. Отмечая, что характерной особенностью нынешнего этапа постсоветского развития страны является отказ общества от доминировавших до этого представлений о том, что «сильный правитель, опирающийся на легистскую философию, наведет порядок и устранит всякую несправедливость»[15], они связывают пути построения более справедливого общества с развитием самоуправления муниципалитетов[16].

Однако при всей значимости формирования у российских граждан навыков общественной активности на уровне местного самоуправления нельзя недооценивать то обстоятельство, что гарантированные Конституцией экономическая свобода и экономическая конкуренция в своем логическом развертывании дополняются политической свободой и политической конкуренцией, основанной на принципе политического плюрализма. Общность взглядов, целей, ценностей и интересов в политической жизни приводит к образованию различных политических объединений, которые со временем оформляются в политические партии. Этот процесс должен протекать таким образом, чтобы в итоге государственная власть фактически не оказалась бы монополизирована какой-либо одной партией, группой, организацией и стоящими за ними силами. Поэтому необходимо, чтобы у оппозиции была реальная возможность прихода к власти в рамках Конституции, т.е. на началах честной политической конкуренции.

При этом надо понимать, что само по себе наличие нескольких или даже многих партий еще не гарантирует устойчивой правовой демократии. Требуются достаточная стабильность плюралистической

[12] *Мансуров В.А., Черныш М.Ф.* Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости. М. – Екатеринбург, 2016. С. 34.

[13] *Ролз Д.* Теория справедливости / науч. ред. В.В. Целищев; пер. с англ. В.В. Целищева при участии В.Н. Карповича и А.А. Шевченко. Новосибирск, 1995. С. 19.

[14] *Канарш Г.Ю.* Справедливость и демократия. Российский контекст // Философские науки. 2015. № 12. С. 53.

[15] *Белановский С., Никольская А.* Указ. соч.

[16] «В 90-е годы, – пишут они, – вопрос о самоуправлении малых и средних городов не находил понимания и воспринимался почти с ужасом (один из авторов лично проводил фокус-группы). Если изменения в локусе контроля и готовности к переменам действительно происходят, целесообразно вернуться к этому вопросу хотя бы на уровне научных исследований. Необходима радикально иная концепция развития государства (не та, что принята сегодня властью). Возможный вариант – передача полномочий в муниципалитеты» (см.: там же).

системы, консолидация социальных сил и движений на основе конституционно-правовых ценностей, предотвращение резких кренов в сторону правого и левого радикализма. В организационном плане реальная демократия наиболее эффективным образом обеспечивается двухпартийной (двухблоковой) системой, позволяющей сформировать политическую волю основных социально-политических сил как в элитах, так и в массах. Конкуренция этих сил в парадигме «правящее большинство – парламентская оппозиция» предотвратит политическую систему от застоя и загнивания, создаст «проветривание политических легких» государственного организма, позволит обеспечить не только «слушаемость», но и «слышимость» со стороны власть имущих. Предвижу, что меня могут упрекнуть в конструировании искусственных теоретических схем, оторванных от «живой» практики. Между тем именно по таким «схемам-чертежам» создавалась двухпартийная система США (как и вся их конституционная политическая система). Поэтому могу только еще раз повторить: нет ничего практичнее хорошей теории. Не зазорно и заимствовать чужой опыт, поскольку, к сожалению, не мы изобрели и внедрили эту «теоретическую схему», выдержавшую проверку многовековой практикой, хотя нельзя не учитывать и тот факт, что нынешняя модель либеральной представительной демократии уже не справляется с современными вызовами. Поэтому необходим поиск новой, эффективной модели народовластия, причем общего для всех рецепта здесь нет[17].

Впрочем, не претендуя на научный анализ этой исключительно сложной темы, хочу лишь подчеркнуть, что проблема социальной справедливости в ее связи с проблемой демократии требует сейчас особого внимания со стороны как научного сообщества, так и всех ветвей власти. Без надлежащего решения этой проблемы на уровне юридической теории и практики невозможно в должной мере реализовать правовой потенциал нашей Конституции.

По-прежнему актуальной и весьма болезненной для общества остается проблема коррупции, которая (как показали трагические события в Кемерово) уже приобрела опасный для жизни людей характер. Несмотря на осознание и властью, и обществом масштабов и значения данной проблемы, в этой области использованы далеко не все имеющиеся резервы. В частности, считаю необходимым еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что ст. 20 «Незаконное обогащение» Конвенции ООН против коррупции до сих пор не стала частью российской правовой системы под предлогом того, что она не вписывается в действующее российское законодательство. А между тем в нашей Конституции нет ничего, что препятствовало бы имплементации положений этой статьи. Напомню, что коррупция в переводе с латыни – это порча, разрушение, разложение. В данном случае речь идет о разложении институтов власти, что чревато разрушением той системы общественных отношений, на которую даная власть распространяется. Поэтому борьба с коррупцией – это жизненно важный для нашего общества вопрос, без решения которого невозможно достичь искомого общественного согласия.

Завершая краткий (и, конечно же, далеко не полный) анализ значения Конституции РФ для интеграции российского социума, хочу обратить внимание на высказывание директора Института социологии РАН М.К. Горшкова о том, что одним из наиболее значимых ресурсов сплочения нашего общества является гражданская идентичность, которая «вносит важный вклад в укрепление уверенности людей в завтрашнем дне, находит подтверждение в массовом сознании россиян»[18]. Полагаю, что основу гражданской идентиичности человека, связанной с ощущением им принадлежности к «многонациональному народу, соединенному, – как сказано в преамбуле Конституции РФ, – общей судьбой на своей земле», составляет конституционная идентичность. Об этом я и хотел бы поговорить далее.

Конституционная идентичность. Явно выраженное в последние годы стремление разных государств к осмыслению и отстаиванию своей конституционно-правовой идентичности в конечном счете обусловлено, как и большинство современных политико-правовых трендов, глобализацией, приведшей к тектоническим сдвигам всей системы мироустройства. Эти сдвиги и порожденные ими изменения несут в себе не только благо, но также огромные риски и уже вполне очевидные издержки, которые (хотя и в разной степени) касаются рядовых людей во всех регионах мира. Отсюда и желание противопоставить стихийным процессам социокультурной глобализации понимание собственной специфики, не поддающейся универсализации. На уровне массового сознания это проявляется в стремлении сформулировать свою религиозную, национальную или региональную (например, европейскую) идентичность, возродить традиционные ценности и т.д. А на уровне органов государственной власти – в стремлении предотвратить размывание национально-государственного

[17] Так, по мнению американского социолога Б. Барбера, даже по западным меркам существуют различные демократические практики. например, Швейцария выработала коммунальное и коллективистское понятие свободы, согласно которому свобода коммуны всегда была превыше прав частной собственности. В отличие от этого англо-американское понятие свободы во главу угла ставит личные и частные права.

[18] *Горшков М.К.* Указ. соч. С. 9.

суверенитета и утвердить конституционно-правовую идентичность государства.

На риски и издержки глобализации накладывается недовольство граждан национальных государств экспансией наднационального регулирования, демократический дефицит которого становится все более очевидным. Особо следует выделить проблему демократического дефицита наднациональных органов по защите прав человека, в том числе и Европейского Суда по правам человека. С момента вступления в силу Дополнительного протокола № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕСПЧ получил все формальные возможности для того, чтобы целенаправленно изменять конвенционную систему и более свободно воплощать в жизнь свою активистскую позицию. При этом влияние граждан европейских государств на сам Суд практически сведено к минимуму, что, с одной стороны, позволяет обеспечить независимость данного органа, но, с другой – делает его оторванным от реальных социальных потребностей и от реального консенсуса, который имеет место на уровне национальных государств.

Все это порождает необходимость создания определенных контрлимитов (как называет подобные правовые инструменты Конституционный суд Италии), которые не давали бы наднациональному юрисдикционному органу шагнуть в своей активистской деятельности слишком далеко. У ЕСПЧ имеется хорошо разработанная, но от этого не становящаяся менее противоречивой доктрина пределов усмотрения. Однако национальные государства обладают (и это прямо следует из их конституций) своими пределами уступчивости, которые очерчиваются их пониманием национальной конституционной идентичности.

Понятие конституционной идентичности в российской конституционно-правовой практике впервые было использовано в постановлениях Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П и от 19 апреля 2016 г. № 12-П в связи с вопросом о возможности исполнения постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России», в котором утверждалось, что норма российской Конституции (ч. 3 ст. 32), запрещающая участие в выборах для лиц, содержащихся в местах лишения свободы, не соответствует Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако теоретические подходы к этой проблеме начали формироваться значительно раньше: толчком здесь послужило известное дело «Маркин против России».

Несомненное влияние на разработку соответствующей доктрины оказала зарубежная правовая практика, которая уже довольно активно применяет данное понятие. Концепцию или идею конституционной идентичности в той или иной мере используют органы конституционного контроля по всему миру для обоснования наиболее сложных решений. При этом они часто исходят из того, что именно писаная конституция есть квинтэссенция конституционной идентичности нации. Например, Федеральный конституционный суд ФРГ отмечал в своих решениях, что в Основном законе страны существуют такие положения, которые выражают фундаментальные основы немецкого государства и которые не могут быть изменены. А Верховный суд Индии в деле *Minerva Mills Ltd. v Union of India* прямо сказал, что «Конституция – это драгоценное наследие, идентичность которого невозможно изменить».

Особо следует выделить здесь Ирландию, Конституция которой помещает ценности семьи и католицизм в центр конституционной идентичности государства. Именно по этим вопросам существует длительная и весьма противоречивая практика ЕСПЧ против Ирландии, где до сих пор регулирование абортов остается самым строгим среди государств Совета Европы. При этом ЕСПЧ отказывается окончательно признать ирландское регулирование и основанную на нем правоприменительную практику не соответствующими Европейской конвенции. Не означает ли этот пример Ирландии, что ЕСПЧ отчасти признает существование конституционной идентичности государств, в которую он не может вмешиваться?

В данном контексте особенно непонятным и сомнительным с точки зрения последовательности прецедентной практики ЕСПЧ выглядит его нежелание принять во внимание особенности российской Конституции, в частности, то обстоятельство, что конституционная норма, признанная не соответствующей Европейской конвенции, не может быть пересмотрена федеральным законодателем. Я имею в виду нормы ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, согласно которой лица, содержащиеся в местах лишения свободы, не обладают избирательными правами. По нашей Конституции пересмотр этой нормы, относящейся ко второй главе, возможен лишь в результате принятия новой Конституции страны. Расчет же на то, что подобный конфликт может быть решен за счет активистского толкования нормы Конституционным Судом (чего, собственно, и ожидали от нас судьи ЕСПЧ), явно не соответствовал возможностям конституционного правосудия. Дело в том, что национальные органы конституционного контроля не обладают той степенью свободы в толковании Конституции, которую позволяют себе судьи ЕСПЧ в своем толковании абстрактных положений Европейской конвенции. Эволютивное толкование Конвенции Европейским Судом, по сути, направлено на создание нового унифицированного европейского правопорядка. А национальная конституционная

юстиция более тесно связана текстом Конституции, являющейся итогом исторически обусловленного национального консенсуса, выражающего конституционную идентичность российских граждан. Конституционный Суд не может выйти за пределы толкования, установленные как самой Конституцией, так и сложившимися внутри общества конвенциями, лежащими в основе конституционной идентичности народа.

Если согласиться с тем, что конституционная идентичность отражает результат общественного согласия граждан государства по вопросам понимания прав человека, т.е., по сути, по вопросам, связанным с пониманием того, что есть человек и в чем состоит его человеческое достоинство, то тогда надо признать следующее: 1) общественное согласие в вопросе о правах человека в различных государствах имеет социокультурную специфику, и 2) это именно *общественное* согласие, которое устанавливается большинством общества и устанавливается *для большинства*.

Я вовсе не имею в виду, что теория конституционной идентичности ориентирована лишь на защиту прав большинства. Но хочу подчеркнуть, что права меньшинств могут быть защищены в той мере, в какой большинство с этим согласно. Нельзя навязывать обществу законодательную нормативность, отрицающую или ставящую под сомнение базовые ценности общего блага, разделяемые большинством населения страны. Слово «нельзя» имеет здесь разные оттенки. Во-первых, просто невозможно в течение сколько-нибудь длительного времени удерживать разрывы между естественными социальными ощущениями благого, должного и справедливого и правовой нормативностью. А во-вторых, это, как правило, неверно и по сути, поскольку именно позиция большинства выражает народную ментальность со всей ее социокультурной спецификой в подходах к решению этических вопросов, связанных с различением добра и зла. Поэтому важно понять, что именно в этой позиции большинство имеет глубокие культурные корни, которые нельзя бездумно и безответственно подрубать, а что может быть подкорректировано путем совершенствования народного правосознания.

И если «продвинутая» в правовом отношении часть общества полагает, что большинство недостаточно делает для защиты прав меньшинств или достоинства личности, то она (эта «продвинутая» часть) должна найти способы словом и делом убедить большинство в необходимости совершенствования его правового сознания. Это – сложная работа, не рассчитанная на быстрый успех. Но другого пути, к сожалению, нет, потому что попытка навязать тому или иному обществу не свойственные ему представления о достоинстве человека и правах тех или иных меньшинств может быть эффективна лишь в весьма ограниченных пределах. И это относится не только к России. Ведь нынешний всплеск популизма на Западе в значительной степени обусловлен недооценкой мнения большинства и ущемлением его прав. Доктрина конституционной идентичности, над которой всем нам еще предстоит много работать, может служить тем «водоразделом», который потенциально способен отделить приемлемые и подчас желанные изменения внутреннего конституционного правопорядка, инспирированные, например, наднациональным органом по защите прав человека, и те принципы, которыми государства, признавшие обязательную юрисдикцию подобных органов, поступиться не могут.

В заключение хотел бы отметить, что глубинную основу интеграции любого социума составляет правовое сознание его членов – всех вместе и каждого в отдельности. Если право является основой интеграции в рамках соционормативной системы, то правовое сознание выступает главным объединительным фактором на уровне общественного сознания. Ведь правосознание общества – это система тех структур социальной ментальности, в которых различные социальные, конфессиональные, национальные и иные интересы, разные идеологические и морально-нравственные установки находят точки своего соприкосновения. Как очень верно замечено, «народы и государства держатся только правосознанием своих граждан и своих правителей. И от воспитания его зависит вся будущность России»[19].

Важнейшую роль в деле воспитания правосознания рядовых граждан и правящей элиты должны играть социогуманитарные науки, и прежде всего юриспруденция[20], работающая на стыке с философией, социологией, социальной психологий и т.д. Такого комплексного, междисциплинарного подхода к изучению правового сознания современного российского общества у нас пока, к сожалению, нет. Исследования юристов в данной области нередко не идут дальше и глубже общих рассуждений (в той или иной мере подкрепленных соответствующими эмпирическими фактами) о низком уровне правосознания и правовой культуры, о правовом нигилизме и правовом инфантилизме россиян и т.д. В этой связи хотел бы напомнить о том, на каком глубоком научном уровне разрабатывалась данная

[19] *Ильин И.А.* Национальная Россия: наши задачи. М., 2011. С. 306.

[20] «Народное правосознание, – писал он, – может стоять на высоте только там, где на высоте стоит юридическая наука. Там, где юриспруденция непредметна и пристрастна или, еще хуже, невежественна и продажна, там вырождается самая сердцевина правового мышления и быстро утрачивается уважение к праву» (см.: *Ильин И.А.* О сущности правосознанияю. URL: http://lektsia.com-›6x3783.html).

проблематика в рамках философско-правовых исследований начала XX в. России, а также в первой половине прошлого века – в русском зарубежье.

Особого внимания заслуживают суждения по данной проблематике двух выдающихся русских философов права – Н.А. Бердяева и И.А. Ильина. Несмотря на внешнюю схожесть биографий этих мыслителей (оба были представителями знатных дворянских родов, резко отрицали теорию и практику большевизма, вместе высланы из страны на знаменитом «философском пароходе», пережили разрыв с родиной как личную трагедию и сохранили с ней духовную связь в эмиграции), их взгляды на историю России, на ее прошлое, настоящее и будущее, на фундаментальные основы российской ментальности и т.д. существенно расходятся. Оставляя специалистам анализ сути этих расхождений[21], вылившихся в свое время в резкую публичную дискуссию, хотел бы выделить то, что в их учениях представляется наиболее значимым для осмысления особенностей современного российского правосознания.

Прежде всего это глубоко верные суждения, я бы даже сказал – гениальные прозрения, Н.А. Бердяева о внутренней противоречивости («загадочной антиномичности», как говорил сам автор) русского национального характера, порождающего известные крайности русской жизни. Можно, по-видимому, согласиться со специалистами, считающими, что подобная внутренняя противоречивость присуща и философии права самого Бердяева как очень русского по своему мироощущению автора. Но нельзя не признать глубину его анализа, когда он предлагает свой ответ на вопрос о том, «почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни?»[22].

Ответить на этот вопрос, по мнению Н.А. Бердяева, можно, лишь раскрыв ту «тайну русского духа», которая в немалой степени предопределяет историческую судьбу России. «Дух этот, – писал он, – устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем; к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Но в природно-историческом процессе царит относительное и среднее. И потому... для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем относительном и среднем»[23]. Думаю, что именно отсутствие дара создания средней культуры, о котором говорит Бердяев, лишает общественную жизнь России той надежной середины, той опоры, без которой страна не может взять правовой барьер. В постсоветский период эти идеи Н.А. Бердяева получили развитие в ряде интересных и глубоких философских исследований, однако специалисты в области философии права, на мой взгляд, пока что не уделяют им должного внимания. А между тем право по сути своей – это элемент срединной культуры: оно противостоит крайностям не только властного произвола, но и любви, альтруизма, самопожертвования и т.д. Право требует от человека не служения и героизма, а всего лишь признания равной свободы другого человека. В этом смысле право рассчитано на обычного, среднего человека, готового к поиску компромисса и согласия. А в социальной плоскости право рассчитано на средний класс, который в современном обществе и является его главной опорой. Та ситуация, в которой оказался средний класс в современном российском обществе, резко поляризованном по своим социально-экономическим параметрам, придает идеям Н.А. Бердяева еще бóльшую актуальность.

В работах И.А. Ильина, значимых для осмысления особенностей российского правосознания, я в первую очередь выделил бы его концепцию «органической демократии». Отрицая, с одной стороны, тоталитаризм, а с другой – так называемую «формальную демократию», которая «с ее внутренними пустотами, ошибками и соблазнами и привела к левому и правому тоталитаризму»[24], И.А. Ильин предостерегал от увлечения лишь формальной стороной демократии, которая не гарантирует «ни от всеобщей продажности.., ни от эксплуатации плутами слабых, добрых.., ни от анархии, ни от тирании, ни от тоталитаризма»[25]. Она может даже привести к гибели государства, если не решает задачу качества элиты: «Демократия заслуживает признания и поддержки лишь постольку, поскольку она осуществляет подлинную аристократию (то есть выделяет кверху лучших людей)...»[26]. Будущее постсоветское государство И.А. Ильин представлял как форму порядка и жизни, принятую «волевым правосознанием» большинства граждан, под которым он понимает «свободную лояльность», т.е. осознанную добровольность в соблюдении гражданами законов «за совесть». Авторитет государственной формы, подчеркивал он, может быть крепок только тогда, когда он принят народом в порядке добровольного признания, уважения и доверия.

---

[21] См.: *Бердин А.Т.* К вопросу о полемике И.А. Ильина и П.Б. Струве с Н.А. Бердяевым. URL: http://5fan.ru›-wievjob.php?id=68554

[22] *Бердяев Н.А.* Судьба России. О «вечно-бабьем» в русской душе. URL: http://litmir.me›br/?b=39374&p=9

[23] Там же.

[24] *Ильин И.А.* Национальная Россия: наши задачи. С. 189.

[25] *Ильин И.А.* Предпосылки творческой демократии // Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. Соч. М., 2006. С. 34.

[26] *Ильин И.А.* Национальная Россия: наши задачи. С. 289.

Отмечая, что нет какой-то единой, общей для всех государственной формы, наилучшей для всех времен и народов, И.А. Ильин очень верно, на мой взгляд, выделял те особенности исторического и геополитического развития России, которые повлияли на правовое сознание россиян в части их отношения к государству. «Ни один народ в мире, – писал он, – не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. <...>. Первое наше бремя есть бремя земли – необъятного, непокорного, разбегающегося пространства. <...>. Второе наше бремя есть бремя природы. <...>. Эта почва, – скудная там, где леса дают оборону, и благодатная там, где голая степь открыта для набега... Эти богатства, сокрытые в глубине и не дающиеся человеку до тех пор, пока он не создаст замирение и безопасность... и т.д. <...>. И третье наше бремя есть бремя народности. <...>. До ста восьмидесяти различных племен и наречий. <...>. Надо было создать духовную, культурную и правовую родину для всего этого разноголосого человеческого моря; всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему, и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство»[27].

Об этих геополитических особенностях России жизнь заставляет нас вспоминать снова и снова. Сильная власть необходима России ввиду геополитического фактора, почти перманентного внешнеполитического напряжения во взаимоотношениях с рядом западных держав. Но не менее актуально звучит сейчас и другая мысль И.А. Ильина. Восстановить Россию после эпохи революций, войн и коммунистической диктатуры «можно только исходя из духа справедливости и служа ему. А для этого необходимо прежде всего необманно уверить русский народ, что новый послереволюционный порядок – искренне хочет и практически ищет справедливости»[28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белановский С., Никольская А.* Тренды общественного мнения в отношении экономических реформ. Социологическое исследование методом фокус-групп. URL: http://docplayer.ru›...Trendy...v...ekonomicheskihreform.html
2. *Бердин А.Т.* К вопросу о полемике И.А. Ильина и П.Б. Струве с Н.А. Бердяевым. URL: http://5fan.ru›wievjob.php?id=68554
3. *Бердяев Н.А.* Судьба России. О «вечно-бабьем» в русской душе. URL: http://litmir.me›br/?b=39374&p=9
4. *Горшков М.К.* Российский социум в условиях кризисного развития // Социс. 2017. № 1. С. 8, 9.
5. *Зорькин В.Д.* Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5–16.
6. *Ильин И.А.* Национальная Россия: наши задачи. М., 2011. С. 189, 289, 306, 313.
7. *Ильин И.А.* О России. Три речи. URL: http://profilib.net›chtenie/18606/ivan-ilin-o-rossii-tri...
8. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. URL: http://lektsia.com-›6x3783.html
9. *Ильин И.А.* Предпосылки творческой демократии // Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. Соч. М., 2006. С. 34.
10. Интервью журналиста «Лента.ру» с заведующей лабораторией Института социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС Е. Гришиной. URL: http://news.rambler.ru/community/39643116-bednyh-rossiyan-stanovitsya-vse-bolshe/
11. *Канарш Г.Ю.* Справедливость и демократия. Российский контекст // Философские науки. 2015. № 12. С. 53.
12. *Кроткова Н.В.* Государство и революция. К 100-летию Великого Октября (Всероссийская научная конференция) // Государство и право. 2017. № 10; № 11; № 12.
13. *Мансуров В.А., Черныш М.Ф.* Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости. М. – Екатеринбург, 2016. С. 34.
14. *Нерсесянц В.С.* Конституционализм как общегосударственная идеология // Хрестоматия по конституционному праву: учеб. пособие: в 3 т. / сост. Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. Т. 1. История, теория и методология конституционного права. Учение о конституции. СПб., 2012. С. 855.
15. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М., 2015.
16. *Ролз Д.* Теория справедливости / науч. ред. В.В. Целищев; пер. с англ. В.В. Целищева при участии В.Н. Карповича и А.А. Шевченко. Новосибирск, 1995. С. 19.
17. *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию. URL: http://rushist.com›...solzhenitsyn...nam-obustroit-rossiyu...
18. *Стиглиц Д.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015.
19. *Чиркин В.Е.* Принцип социальной справедливости в сравнительном измерении // Труды ИГП РАН. 2016. № 5. С. 80.

REFERENCES

1. *Belanovsky S., Nikolskaya A.* Trends of public opinion in relation to economic reforms. Sociological research by the method of focus groups. URL: http://docplayer.ru»...Trendy...v...ekonomicheskihreform.html (in Russ.).
2. *Berdin A.T.* On the question of the polemic of I.A. Ilyin and P.B. Struve with N.A. Berdyaev. URL: http://5fan.ru›wievjob.php?id=68554 (in Russ.).
3. *Berdyaev N.A.* The Fate of Russia. About the “about the ever-feminine” in the Russian soul. URL: http://litmir.me›br/?b=39374&p=9 (in Russ.).
4. *Gorshkov M.K.* Russian society in the conditions of crisis development // Socis. 2017. No. 1. P. 8, 9 (in Russ.).

[27] *Ильин И.А.* О России. Три речи. URL: http://profilib.net›chtenie/18606/ivan-ilin-o-rossii-tri...

[28] *Ильин И.А.* Национальная Россия: наши задачи. С. 313.

5. *Zorkin V.D.* The essence of law // Questions of philosophy. 2018. No. 1. P. 5–16 (in Russ.).
6. *Ilyin I.A.* National Russia: our tasks. M., 2011. P. 189, 289, 306, 313 (in Russ.).
7. *Ilyin I.A.* About Russia. Three speeches. URL: http://profilib.net›chtenie/18606/ivan-ilin-o-rossii-tri... (in Russ.).
8. *Ilyin I.A.* About the essence of legal consciousness. URL: http://lektsia.com-›6x3783.html (in Russ.).
9. *Ilyin I.A.* Prerequisites of creative democracy // Ilin I.A. Why we believe in Russia. Essays. M., 2006. P. 34 (in Russ.).
10. Interview of the journalist "Lenta.ru" with the head of the laboratory of the Institute of Social Analysis and Forecasting (INSAP) RANEPA E. Grishina. URL: http://news.rambler.ru/community/39643116-bednyh- rossiyan-stanovitsya-vse-bolshe/ (in Russ.).
11. *Kanarsh G. Yu.* Justice and democracy. The Russian context // Philosophical Sciences. 2015. No. 12. P. 53 (in Russ.).
12. *Krotkova N.V.* The State and the Revolution. To the 100th anniversary of the Great October (All-Russian Scientific Conference) // State and Law. 2017. No. 10; No. 11; No. 12 (in Russ.).
13. *Mansurov V.A., Chernysh M.F.* Social justice: theoretical and empirical aspects // Students of Russia on social inequality and social justice. M. – Ekaterinburg, 2016. P. 34 (in Russ.).
14. *Nersesyants V.S.* Constitutionalism as a national ideology // Textbook on Constitutional Law: textbook: in 3 vols / comp. N.A. Bogdanova, D.G. Shustrov. Vol. 1. History, theory and methodology of Constitutional Law. The doctrine of the Constitution. SPb., 2012. P. 855 (in Russ.).
15. *Piketty T.* Capital in the XXI century. M., 2015 (in Russ.).
16. *Rolls D.* Theory of Justice / scientific ed. V.V. Tselishchev; transl. from the English V.V. Tselishchev with the participation of V.N. Karpovich and A.A. Shevchenko. Novosibirsk, 1995. P. 19 (in Russ.).
17. *Solzhenitsyn A.I.* How do we equip Russia. URL: http://rushist.com›...solzhenitsyn...nam-obustroit-rossiyu... (in Russ.)
18. *Stiglits D.* The price of inequality. How the stratification of society threatens our future. M., 2015 (in Russ.).
19. *Chirkin V.E.* The principle of social justice in a comparative dimension // Proceedings of the ISL of the RAS. 2016. No. 5. P. 80 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЗОРЬКИН Валерий Дмитриевич –
доктор юридических наук, профессор,
Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации; 190000
г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, д. 1

Authors' information

ZORKIN Valery D. –
Doctor of Law, Professor, Chairman
of the Constitutional Court of the Russian Federation;
1 Pl. Senatskaya, 190000 St. Petersburg, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 89–92
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 89–92

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНТЕРВЬЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРОФ., ДОКТОРА ЮРИД. НАУК В.А. ТУМАНОВА ЖУРНАЛУ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО»[1]

Возобновление деятельности Конституционного Суда Российской Федерации привлекло внимание самых широких кругов населения России, и особенно юридической общественности. В значительной степени это определено теми ожиданиями, которые господствуют в обществе относительно возможностей Конституционного Суда в обеспечении соблюдения Конституции, охране прав и свобод граждан, укреплении правопорядка.

Редакция журнала обратилась к Председателю Конституционного Суда Российской Федерации проф. В.А. Туманову с рядом вопросов.

Ниже публикуются вопросы и полученные на них ответы.

Вопрос. Какие обращения поступают в Конституционный Суд Российской Федерации? Намерены ли Вы рассматривать некоторые из обращений, поданных в Конституционный Суд до приостановления его деятельности в октябре 1993 г.? Не считаете ли Вы целесообразным опубликовать список всех зарегистрированных в Конституционном Суде обращений и впредь делать официальное сообщение в печати о каждом обращении, поступившем в Конституционный Суд и зарегистрированном в соответствии с требованиями Закона о Конституционном Суде Российской Федерации?

Ответ. Начну с того, что почта Конституционного Суда РФ весьма велика. За пять месяцев 1995 г. к нам поступило 3101 обращение. Впрочем, слово «обращение» здесь не совсем уместно, поскольку большинство поступивших материалов (до 80%) отношения к Конституционному Суду не имеют и дальнейшего движения в Суде не получат.

Остальные (а это также немалая цифра) рассматриваются Секретариатом Суда с точки зрения их соответствия требованиям ст. 40 Закона о КС. Здесь также происходит отсев по основаниям, предусмотренным этой статьей.

В отношении определенной части этих обращений Секретариат констатирует, что они не подведомственны Конституционному Суду пли исходят от ненадлежащего органа или лица. Об этом сообщается заявителю, который может обжаловать это решение.

Если обращения не отвечают формальным требованиям, предъявляемым Законом о КС к обращениям (ст. 37–39) (а таких обращений также немало), Секретариат предлагает заявителю устранить недостатки (приложить необходимые материалы, уплатить пошлину и т.п.), а затем вновь направить обращение в Конституционный Суд.

Наконец, еще одна часть обращений, отвечающая требованиям Закона, передается для предварительного изучения судьям Конституционного Суда (это делает Председатель Конституционного Суда). Предварительное изучение должно быть завершено не позднее двух месяцев с момента поступления и регистрации обращения (ст. 41 Закона о КС).

Решение по вопросу о принятии к рассмотрению (принять или отказать) принимается пленарным заседанием Суда по докладу судьи, предварительно изучавшего дело.

За указанный выше период времени уже принято к рассмотрению, а также находится на предварительном изучении судей свыше 50 дел, а 11– уже рассмотрено Судом, и по ним приняты решения, достаточно широко обсуждавшиеся в средствах массовой информации.

Из числа так называемых «старых» обращений, т.е. поступивших до приостановления его деятельности в октябре 1993 г. и до возобновления работы в начале 1995 г., было принято к рассмотрению 7 обращений, другие же оказались по новому Закону неподведомственными Суду.

В свете сказанного Ваше предложение публиковать список всех зарегистрированных в Конституционном Суде обращений нуждается в коррективах. Очевидно, имеется в виду список обращений, принятых к рассмотрению. Мы не против этого, если

[1] Интервью было напечатано в журнале «Государство и право». 1995. № 9. С. 3–8.

средствами массовой информации Суду будет предоставлена соответствующая возможность. Мы за максимально широкое освещение работы Конституционного Суда в печати и других средствах массовой информации. Было бы неплохо, в частности, если бы журнал «Государство и право» публиковал решения Конституционного Суда.

Вопрос. Согласно Конституции Российской Федерации Конституционный Суд разрешает дела о соответствии Конституции федеральных законов, нормативных актов Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации. А как быть, если Конституции Российской Федерации не соответствует ненормативный акт какого-либо из этих органов? Какой правовой механизм может, по Вашему мнению, «сработать» в этом случае?

Ответ. Конституция РФ (ч. 2«а» ст. 125) уполномочивает Конституционный Суд РФ решать вопрос о соответствии Конституции РФ только нормативных актов перечисленных в Вашем вопросе федеральных органов государственной власти. Конституционный Суд РФ жестко соблюдает это правило путем либо отказа в принятии к рассмотрению обращений, предметом которых являются ненормативные акты, либо применения ст. 68 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде РФ. Однако некоторые ненормативные акты могут оказаться предметом рассмотрения Конституционного Суда при решении споров о компетенции (ч. 3 ст. 125).

Я не считаю, что для решения этой проблемы (неконституционность ненормативных актов) должен быть создан некий единый правовой механизм. Конституция РФ открывает в этой связи ряд возможностей. Ненормативные постановления и распоряжения Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ могут быть отменены Президентом РФ (ч. 3 ст. 115). Действие этих актов, равно как и Указов Президента РФ, может быть прекращено принятием федерального закона. Если Государственная Дума принимает не соответствующий Конституции ненормативный акт в форме федерального закона, то на его пути оказывается вторая палата и «вето» Президента. Наконец, существенно расширены в рассматриваемой связи возможности других ветвей судебной власти.

Вопрос. Согласно ст. 96 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации правом на обращение в него с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане (объединения граждан), чьи права и свободы нарушаются законом, применяемым или подлежащим применению в конкретном деле. Конституционный Суд проверяет конституционность закона и вправе признать закон или отдельные его положения не соответствующими Конституции. Однако реальная правовая ситуация в России такова, что в силу разных причин по вопросам, затрагивающим права и свободы граждан, принимаются не только законы, но и другие нормативные акты федеральных органов государственной власти. Как быть гражданину, если в конкретном деле подлежит применению не закон, а иной нормативный акт федерального органа государственной власти (например, указ Президента, постановление Правительства), нарушающий то или иное конституционное право или свободу гражданина?

Ответ. Полагаю, что ответ на этот вопрос дает Конституция РФ в ч. 2 ст. 120, которая существенно расширяет возможности защиты всеми ветвями судебной власти прав и законных интересов граждан, нарушенных актами государственных органов. Согласно названной статье суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом. Нет оснований не распространять эту норму и на такие акты, как указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, в том числе и нормативного характера.

Таким образом, если в конкретном деле подлежит применению не закон, а иной нормативный подзаконный акт, и обнаруживается его несоответствие закону, то этот вопрос подлежит решению в судебной инстанции, рассматривающей это дело, или в вышестоящих судебных инстанциях, если соответствующее решение будет обжаловано или опротестовано.

Другое дело, если речь идет о применении не подзаконного нормативного акта, а закона. Эту ситуацию компетенция общих судов не охватывает, и необходимо обращение в Конституционный Суд РФ или граждан – участников процесса, или самого суда. Следствием именно таких обращении стали принятые в последнее время решения Конституционного Суда, связанные с правом на жилую площадь (прописка), правом на забастовку и др.

Следует обратить внимание еще на два обстоятельства, вытекающие из применения ч. 2 ст. 120 Конституции РФ.

Отказавшись, в соответствии с требованиями этой статьи, от применения Указа Президента РФ или постановления Правительства РФ, как не соответствующих закону, суды тем не менее не могут признать такие акты неконституционными. Непримененные в одном деле, они могут оказаться примененными в другом. Один из способов избежать подобной ситуации – использование права обращения в Конституционный Суд РФ, предоставленного Конституцией РФ (ч. 2 ст. 125) Верховному Суду РФ и Высшему Арбитражному Суду РФ. Но эго будет уже иная, так называемая абстрактная

форма судебного конституционного контроля, не связанная с конкретным делом.

Возникает также вопрос: как быть, если при рассмотрении дела в обычном суде применение Указа Президента РФ или постановления Правительства, по мнению суда, войдет в противоречие с Конституцией, а закон, к которому отсылает ст. 120 Конституции, отсутствует. В этой ситуации суд, рассматривающий дело, должен в соответствии с ч. 1 ст. 15 и ст. 18 Конституции РФ решить его путем прямого применения соответствующих конституционных норм.

Вопрос. На Конституционный Суд возложено толкование Конституции Российской Федерации. Недавнее постановление Конституционного Суда о сроках рассмотрения Советом Федерации законов, принятых Государственной Думой (ст. 105 и 106 Конституции РФ), оценивается некоторыми юристами не как толкование существующих конституционных норм, а как создание новой нормы российского конституционного права. Что Вы скажете по этому поводу?

Ответ. Прежде всего отметим, что в арсенале Конституционного Суда РФ две формы толкования конституционных норм.

Одна из них свойственна всем конституционным судам и составляет основное содержание их деятельности: это – толкование конституционных норм и положений в связи с рассмотрением конкретных споров, будь то вопрос о соответствии нормативного акта конституции, спор о компетенции между государственными органами, между федерацией и ее субъектами или, наконец, вопрос о соответствии международного договора конституции страны.

Вторая форма – это так называемый прямой запрос о толковании, которое не связано с решением вопросов, отнесенных к компетенции конституционного суда. Возможность такого прямого запроса – достаточно редкое явление. В зарубежной практике судебного конституционного контроля оно встречается (как это было, например, в ФРГ в первые годы действия новой конституции).

Такова ситуация в России, где новая Конституция 1993 г. отличается во многих отношениях от предыдущих и к тому же является Конституцией жесткой: вносить в нее поправки достаточно сложно. Отсюда и предоставленная определенной категории субъектов конституционного права возможность обратиться с прямым запросом о толковании в Конституционный Суд РФ и обязанность Суда дать толкование той или иной нормы конституции, соотношения норм, правового содержания использованных в тексте понятий и т.п. Конституционный перечень правомочных на то субъектов включает: Президента РФ, каждую из палат Федерального Собрания, Правительство РФ, орган законодательной власти каждого из субъектов Российской Федерации (ч. 5 ст. 125).

Таким образом, Конституционный Суд имеет две возможности толкования Конституции: прямо предусмотренную Конституцией (ч. 5 ст. 125), по запросам перечисленных выше субъектов (ранее такого правомочия Конституционный Суд не имел) и имплицитно присущную при решении споров о конституционности нормативных актов, споров о компетенции и иных вопросов, отнесенных Конституцией к ведению Конституционного Суда РФ.

Примером реализации первой возможности может служить постановление Конституционного Суда по делу о толковании ряда статей Конституции РФ, предусматривающих принятие решений палатами Федерального Собрания РФ большинством от общего числа депутатов. Возник вопрос: что считать таким «общим числом» – число депутатов Государственной Думы, названное Конституцией РФ, – 450 (ч. 3 ст. 95) или же число мандатов, реально замещенных на момент голосования? Конституционный Суд постановил, что под общим числом депутатов следует понимать число депутатов, установленное для Государственной Думы ч. 3 ст. 95 Конституции РФ, – 450 депутатов.

Один из основных аргументов, которыми руководствовался Суд, состоит в том, что акт парламента как органа общенационального представительства должен отражать не только интересы парламентского большинства, но также интересы большинства общества. Определение результатов от числа лишь замещенных мандатов может привести к тому, что Государственная Дума в случае вакантности значительной части депутатских мандатов будет принимать федеральные законы, фактически утратив свой представительный характер.

Примером реализации второй возможности может служить решение Конституционного Суда по обращению Профсоюза летного состава Гражданской авиации РФ, который счел неконституционной ст. 12 действующего Закона о порядке разрешения коллективных трудовых споров, на основании которой в судебном порядке была запрещена забастовка летного состава. Названная статья запрещает, в частности, проведение забастовок в гражданской авиации. Суд счел, что право на забастовку может быть ограничено, но не по отраслевому принципу, а в соответствии с рамками пользования правами и свободами, которые установлены самой Конституцией. Запрет же на одном только основании принадлежности к определенной отрасли не соответствует ч. 4 ст. 37 и ч. 2 и 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Что же касается вопроса о том, не возникнет ли вследствие толкования новая норма, то ответ на него, как об этом свидетельствует многолетний мировой опыт конституционного правосудия и сопутствующая

доктрина, не может быть однозначным. Всякий раз, когда речь идет не об элементарных способах толкования (например, логическом, семантическом), оно, очевидно, не оставляет норму в первозданном виде и может достаточно существенно модифицировать ее. Как квалифицировать подобные «восполняющие толкования» – вопрос спорный. Но если толкование не привносит в понимание нормы ничего нового, то зачем оно нужно вообще? Еще более остро встает эта проблема, когда толкование связано с восполнением пробелов в конституционном тексте.

Отмечу попутно явный пробел в федеральном конституционном Законе о Конституционном Суде – отсутствие в нем указаний о каких-либо установках и принципах, из которых должен исходить Суд при прямом толковании Конституции. Речь идет не об юридико-технических методах и способах толкования; здесь вполне применимы традиционные модели, выработанные юридической доктриной и практикой (семантическое толкование, систематическое толкование, генетическое толкование, телеологическое толкование и т.д.). Мы имеем в виду именно принципиальные установки. Правда, две такие установки содержит Конституция РФ 1993 г. Статья 18 устанавливает, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов. Отсюда вывод: обеспечение прав и свобод – важнейшая исходная позиция и принцип толкования Конституции. Часть 2 ст. 16 устанавливает особое юридическое значение предшествующих статей, составляющих главу «Основы конституционного строя»: «Никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации». Это в равной мере относится и к возможному толкованию этих «других положений».

Вопрос. Какова роль Научно-консультативного совета при Конституционном Суде? Как устроен аппарат Конституционного Суда? Соответствует ли его структура содержанию деятельности Конституционного Суда и нуждается ли она в совершенствовании? Какова численность этого аппарата?

Ответ. После возобновления деятельности Конституционного Суда в 1995 г. была усовершенствована структура его аппарата, утверждено новое штатное расписание. Если оставить в стороне существующие в каждой крупной организации хозяйственно-административные подразделения, в аппарате Суда можно выделить две составные части.

Одна из них – это так называемый аппарат судей. При каждом судье состоят три работника, призванных помогать непосредственно ему и ему подчиненных (аппарат Председателя Суда, его заместителя и судьи-секретаря по численности несколько больше).

Вторая часть – это Секретариат, состоящий из ряда управлений, названия которых говорят сами за себя (например, Управление конституционного права, Управление конституционных проблем частного права, Управление конституционных основ федеративного устройства и самоуправления территории, Управление международного права и др.). В задачи этих управлений входят первичное ознакомление с поступившими обращениями, подготовка экспертных заключении по принятым к рассмотрению делам, подготовка аналитических материалов по соответствующей проблематике. В Секретариате имеются также подразделения, занимающиеся организацией судебных заседаний, контролем за исполнением решений Конституционного Суда, обеспечением Суда необходимой правовой информацией. Общая численность Секретариата – около 150 штатных единиц. Созданный при Суде Научно-консультативный совет в скором времени должен возобновить свою работу.

Вопрос. Приведенные вопросы, естественно, не исчерпывают всей тематики, связанной с деятельностью Конституционного Суда Российской Федерации. Страницы журнала открыты для научных публикаций членов Конституционного Суда, которые всегда будут вызывать интерес наших читателей. В этой связи какие проблемы конституционного контроля в Российской Федерации Вы считали бы наиболее актуальными для освещения в журнале «Государство и право»?

Ответ. Конституционный Суд РФ в своей деятельности сталкивается с таким обилием проблем, требующих теоретического осмысления, что их перечисление в рамках этого интервью было бы затруднительно, равно как и деление этих проблем на первоочередные и позволяющие не спешить. На многие из этих проблем наша наука конституционного права не дает ответов, во всяком случае – убедительных ответов. Сказывается ее долгое существование в качестве политизированной и идеологизированной дисциплины в ущерб собственно юридическому содержанию.

На мой взгляд, наибольшую помощь судебному конституционному контролю в России журнал «Государство и право» мог бы оказать серьезным научным комментарием (с привлечением зарубежного опыта) решений Конституционного Суда. Это одновременно выявило бы и наиболее актуальные теоретические проблемы, с которыми сталкивается Суд.

Журнал сделал бы благое дело, если бы вышел за пределы Москвы и уделил внимание деятельности органов судебного конституционного контроля субъектов федерации, познакомил читателя с их решениями, волнующими их правовыми проблемами, трудностями, встающими перед ними. Интересны были бы и статьи, рассказывающие о деятельности судебного конституционного контроля в государствах – членах СНГ (Казахстан, Белоруссия и др.).

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 93–95
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 93–95

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК М.В. БАГЛАЙ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО»[1]

Как известно постоянным читателям нашего журнала, статьей депутата Государственной Думы проф. В.Л. Шейниса «Тернистый путь Российской Конституции» (1997, № 12) в преддверии пятилетия Конституции РФ открыта дискуссия о ее реформе, об укреплении конституционного строя.

Стремясь отразить различные точки зрения, редакция обратилась к известным российским и зарубежным юристам высказать свое мнение по этому и другим вопросам.

Публикуем беседу главного редактора журнала, доктора юридических наук А.И. Ковлера с Председателем Конституционного Суда РФ, членом-корреспондентом Российской академии наук М.В. Баглаем.

А.К. Прежде всего, уважаемый Марат Викторович, позвольте поздравить Вас с избранием членом-корреспондентом Российской Академии наук. Помимо признания Ваших личных заслуг в развитии юриспруденции, это свидетельствует о стремлении науки к сотрудничеству с практикой, в данном случае с высшим органом судебной власти – Конституционным Судом РФ. Какова, на Ваш взгляд, основа для такого сотрудничества?

М.Б. Спасибо за поздравление – особенно дорогое от журнала, в котором 40 лет назад я опубликовал свою первую научную статью. Сотрудничество юридической науки и судебной практики не просто желательно, но необходимо, причем как для той, так и для другой стороны. Деятельность Суда, и прежде всего подготовка судьями постановлений и определений, есть аналитическая работа, опирающаяся на научно-исследовательский фундамент. И не случайно большинство судей сами ведут эту важную работу: из 19 судей Конституционного Суда 12 – доктора юридических наук, трое – кандидаты наук, шестеро – заслуженные деятели науки.

Основой такого сотрудничества (по содержанию) является постоянный обмен идеями, а по форме – написание совместных научных работ, проведение конференций, семинаров и т.д.

А.К. Сейчас все более активно обсуждаются проблемы внесения изменений в действующую Конституцию либо даже радикальной конституционной реформы. Ваше отношение к этой перспективе? В частности, требует ли уточнений ст. 125?

М.Б. Дискуссии об изменении Конституции РФ порождаются в основном не ее недостатками, а стремлением определенных политических сил изменить форму правления в стране. Это – политический вопрос, и потому я не стану по нему высказываться. Слава Богу, что политические дискуссии не затрагивают гл. 1 и 2, устанавливающих основы конституционного строя, права и свободы граждан – о них моя главная забота. В целом полагаю, что время для конституционной реформы, тем более радикальной, еще не пришло. То же могу сказать о ст. 125, определяющей основы статуса Конституционного Суда РФ. Если бы и возникла необходимость, например, расширения компетенции Суда, то это можно было бы решить путем изменения Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в соответствии с ч. 3 ст. 128 Конституции РФ) или принятия какого-либо иного федерального конституционного закона, не изменяя Конституции. Следует помнить, что Конституция всегда содержит только общие, отправные положения и всегда возникает соблазн мысленно «дополнить» ее какими-то конкретными нормами.

А.К. Вернемся к Конституционному Суду РФ. Каково его взаимодействие – в условиях пусть медленной, но все же очевидной «юридизации» многих сфер общественной жизни – с такими органами судебной власти, как Верховный Суд РФ и конституционные суды субъектов РФ? Некоторые авторы говорят об определенном дублировании

[1] Материал был напечатан в журнале «Государство и право». 1998. № 2. С. 5–7.

и даже «перехвате» полномочий и компетенций между ними. Так, постановление Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г., по мнению ряда специалистов, практически наделяет суды всех уровней полномочиями по осуществлению конституционного контроля.

М.Б. Взаимодействие Конституционного Суда и Верховного Суда вполне удовлетворительное. Оно основывается на невмешательстве в компетенцию друг друга, тем более что мы, в отличие от ряда стран, не проверяем конституционность решений Верховного Суда. Конфликтов нет, но недопонимание наших решений судами общей юрисдикции бывает. Так, недавно на практике возник вопрос о применении наших решений по ст. 418 УПК РСФСР. Чтобы устранить недопонимание, я организовал встречу в нашем Суде с Председателем Верховного Суда РФ В.М. Лебедевым и Генеральным прокурором РФ Ю.И. Скуратовым. В ходе беседы мы пришли к единодушному мнению, что действия судов и прокуроров должны быть адекватными. Кстати, между нами установились хорошие личные и деловые отношения.

Думаю, что говорить о каком-либо «дублировании» или «перехвате» полномочий Конституционного Суда Верховным Судом нет оснований. Известное Постановление Верховного Суда от 31 октября 1995 г. действительно ориентирует суды на неприменение закона по мотивам его неконституционности и на непосредственное применение вместо этого конституционных норм. И может показаться, что это в какой-то степени не согласуется со ст. 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой любой суд, придя к выводу о несоответствии Конституции РФ закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, должен обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности данного закона. Не страшно, если суд решит применить Конституцию и тут же отправит сомнительный закон на проверку в Конституционный Суд (а потом исправит свое решение, если закон будет признан конституционным). Но если суды начнут «отменять» законы, не обращаясь в Конституционный Суд, – это страшно и будет грозить эрозией законности. Проверка конституционности законов – дело достаточно сложное и тонкое, требующее от судей весьма высокой квалификации, и не случайно, что Конституция отнесла эту функцию к компетенции специализированного органа, действующего строго коллегиально. Крайне нежелателен отказ от применения закона, добротного с точки зрения конституционности, если к этому прибегает недостаточно компетентный и не застрахованный от ошибки судья.

А.К. До сих пор среди специалистов по конституционному праву и практиков нет единства в соотношении понятий «конституционный контроль» и «конституционный надзор», хотя очевидно, что надзорные органы (скажем, прокуратура) не вправе отменять незаконный акт. Но ведь и органы конституционного контроля сами не отменяют такие акты, а они в соответствии с ч. 6 ст. 126 автоматически **утрачивают силу** в случае признания их неконституционными. Видимо, должны быть какие-то критерии решения этого отнюдь не сугубо теоретического вопроса?

М.Б. Понятия «контроль» и «надзор», конечно, разные, но в соединении со словом «конституционный» они давно уже употребляются как идентичные, если, разумеется, речь идет о форме правосудия, а не о деятельности парламента, прокуратуры и др. Во всяком случае в практике Конституционного Суда РФ спор об этих терминах не возникал и вряд ли он имеет какое-либо практическое значение.

А.К. Деятельность конституционных (уставных) судов субъектов РФ только разворачивается. Отслеживаете ли Вы их решения, оказываете ли им содействие в плане обмена опытом? Каковы, на Ваш взгляд, сильные и слабые стороны деятельности этих судов?

М.Б. Взаимодействие Конституционного Суда РФ с конституционными и уставными судами субъектов РФ, по существу, сводится к обмену опытом. Мы устраиваем семинары и конференции с участием представителей этих судов, отражаем их судебную практику в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации», хотя делаем все это, к сожалению, нерегулярно. Процессуальных же отношений (т.е. кассационного пересмотра решений) между нами нет, ибо конституционные и уставные суды субъектов РФ имеют свою сферу компетенции, достаточно четко отграниченную от сферы компетенции Конституционного Суда РФ. Оценивать их деятельность пока рано, тем более что такие суды созданы не во всех субъектах РФ.

А.К. Как известно, в обществе господствует правовой нигилизм, и соответственно должным уважением не пользуется Конституционный Суд. К примеру, не всегда выполняются Ваши решения, иногда имеют место грубые нападки в печати. Что, на Ваш взгляд, следует сделать, чтобы повысить в обществе авторитет Конституционного Суда? Должен ли, по Вашему мнению, и в дальнейшем развиваться Конституционный Суд? Если да, то в каком направлении?

М.Б. Авторитет Конституционного Суда нас, конечно, заботит, но пока не тревожит. Чаще всего

негативно высказываются те, кто не дает себе труда серьезно прочитывать наши решения или просто в душе противостоит идеям конституционного правового государства. Между тем, встречаясь с учеными-юристами и практиками всех субъектов РФ, а также с депутатами, государственными и общественными деятелями, бизнесменами, мы слышим высокую оценку роли Конституционного Суда. Такую же оценку дают ему судьи органов конституционной юстиции стран СНГ, а также судов Европы и США. После предварительного изучения всех решений Конституционный Суд РФ был принят в европейскую организацию европейских конституционных судов; в ходе наших систематических двусторонних контактов мы убеждаемся в том, что правовые позиции Суда встречают поддержку.

Что касается органов печати, то подавляющее большинство газет и журналов проявляет к Суду интерес – буквально к каждому решению – и оценивает его роль позитивно. Имеют место и несогласие с нашими решениями, и даже безответственные и некомпетентные выпады, но это – нормальное явление в стране, где есть свобода печати. Мы не откликаемся на каждый выпад. Критика подчас свидетельствует о том, что мотивировки решений Суда сформулированы недостаточно ясно. Над этим нам, судьям, надо работать, и мы будем стремиться к тому, чтобы правосудность наших решений была для всех понятной. Правовой нигилизм, о котором Вы говорите, невозможно ликвидировать немедленно. Необходимо, чтобы последующие поколения людей привыкали разрешать свои конфликты на правовой основе и правовыми методами. Поэтому неудивительно (хотя и возмутительно), что судебные решения, в том числе решения Конституционного Суда, сегодня не всегда исполняются. Надеюсь, что со временем граждане и государственные органы поймут: исполнение судебных решений отвечает их коренным интересам. Конечно, и сейчас исполнительная власть, прокуратура должны прилагать больше усилий к обеспечению исполнения решений Конституционного Суда, имеющих, как известно, силу закона.

Основные направления деятельности Суда уже определились. В 1997 г. мы рассмотрели более 130 дел, из которых 74 связаны с проверкой конституционности по жалобам граждан, 37 – по запросам субъектов РФ, 4 – по запросам Президента, 7 – по запросам Государственной Думы и 11 – по запросам судов. Судя по нашему календарю на 1998 г., эти направления в таких пропорциях сохраняются. С точки зрения отраслевой характеристики решения Суда в наибольшей степени связаны с конституционным, гражданским, налоговым, уголовно-процессуальным правом. Думаю, можно сказать, что своими решениями Конституционный Суд РФ активно содействует становлению рыночной экономики и социального правового государства.

А.К. Как Вы относитесь к такому положению, что Конституционный Суд в связи с нарушением прав гражданина и человека не вправе рассмотреть по жалобам граждан конституционность Указа Президента (к примеру, Указ об охране граждан от бандитизма), а Закон рассматривать может?

М.Б. Действительно. Суд может рассматривать жалобы граждан лишь на неконституционность законов, и это порождает определенные вопросы, поскольку указы Президента, в том числе и упомянутый Вами, обычно издаются вместо законов, пусть и на срок до принятия закона. Это происходит, когда законодатель почему-то не торопится заполнить очевидный пробел в праве, хотя в этом существует настоятельная общественная необходимость. Мы не рассматривали запросов по указам потому, что так записано в Конституции (ч. 4 ст. 125). Очевидно, законодатель имел в виду, что постепенно положение выровняется и права человека будут регулироваться только законами.

А.К. Конституционный Суд существует всего шесть лет. Имеются ли у него какие-то свои традиции (например, прием граждан, рассмотрение жалоб граждан, реальное оказание помощи гражданам и т.д.)?

М.Б. Прием граждан и рассмотрение их жалоб – это не просто традиция в работе Суда, а его конституционная и законная обязанность. У нас действуют приемная на правах отдела Секретариата Суда и отдел Секретариата по работе с письмами. В этих подразделениях аппарата Суда заняты весьма квалифицированные и добросовестные люди, которые ведут большую работу с гражданами. Достаточно сказать, что только в приемную ежегодно обращаются 1.5–2 тыс. граждан. А всего за этот год поступило более 7 тыс. обращений, включая поданных по почте. Подавляющее их большинство Суду неподведомственно, но тем не менее сотрудники аппарата Суда стараются помочь людям обратиться именно в те государственные органы, которые компетентны разрешать их проблемы. Гражданам подчас не просто даются соответствующие разъяснения, но наши сотрудники вступают в непосредственный контакт с работниками соответствующих государственных органов, содействуя более быстрому разрешению дел граждан.

А.К. Марат Викторович! Благодарю Вас за то, что Вы любезно согласились ответить на поставленные вопросы. Надеюсь, что наш диалог будет продолжен.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 96–102
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 96–102

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА[1]

© 2022 г. Д. А. Керимов

Аннотация. Автор настаивает на том, что методологии права присущи ярко выраженные отличительные черты, которые детерминированы прежде всего самобытностью и оригинальностью предмета юридического освоения социального бытия. Подобное освоение происходит как в сфере духовной, так и в области сугубо практической. При этом методология права структурируется на трёх уровнях: фундаментальном, общенаучном и частнонаучном. Осмыслению первого, наиболее значимого из них, и посвящена данная работа.

Ключевые слова: методология, философия, право, научное познание, сущность, закономерность, правовая абстракция, логическое, историческое, практика.

Цитирование: *Керимов Д.А.* Методологические функции философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 96–102.

DOI: 10.31857/S102694520018855-1

METHODOLOGICAL FUNCTIONS OF THE PHILOSOPHY OF LAW[2]

© 2022 D. A. Kerimov

Abstract. The author insists that the methodology of law has pronounced distinctive features, which are determined primarily by the originality and originality of the subject of legal development of social existence. Such development takes place both in the spiritual sphere and in the purely practical sphere. At the same time, the methodology of law is structured at three levels: fundamental, general scientific and private scientific. This work is devoted to the comprehension of the first, the most significant of them.

Key words: methodology, philosophy, law, scientific cognition, essence, regularity, legal abstraction, logical, historical, practice.

For citation: *Kerimov, D.A. (2022).* Methodological functions of the Philosophy of Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 96–102.

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 1995. № 9. С. 15–22.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук, профессором А.Д. Керимовым.

[2] The article was published in the journal “State and Law” (1995), No. 9, pp. 15–22.
Abstract and key words are compiled by Doctor of Law, Professor A.D. Kerimov.

Принято считать, что методология едина для всех наук, но в каждой из них она обретает особенности, обусловленные своеобразием объекта и предмета познания. Именно специфика юридических объектов исследования требует относительно самостоятельного существования методологии права как части общефилософской методологии[3].

Методология права имеет по крайней мере три основных уровня, а именно: фундаментальные методологические основания, общенаучные методы познания, частнонаучные способы и приемы исследования. Различение этих уровней имеет условный характер, поскольку они между собой органически связаны, взаимодействуют, проникают друг в друга и лишь в единстве выполняют свои функции.

В рамках одной статьи вряд ли удалось бы осветить хотя бы в основных чертах это единство, поэтому ограничимся характеристикой лишь первого из отмеченных уровней – фундаментальных методологических оснований познания юридических явлений и процессов[4].

I

Как известно, любое научное познание движется от внешних представлений о конкретностях, данных в непосредственном восприятии, к постижению глубинной сущности всей их совокупности посредством абстрагирования от них и формулирования соответствующих общих понятий и определений. Вслед за этим познание вновь возвращается к данным конкретностям, как уже понятым в их сущности и закономерностях развития[5].

В правовом исследовании определяется прежде всего конкретный объект познания и с помощью конкретно-юридических, юридико-психологических и иных методов выявляются его внешние признаки. По мере накопления эмпирических данных об объекте происходят их объединение и систематизация. В результате порождается первоначальное, внешнее знание об изучаемом правовом явлении или процессе. Однако, как отмечал Гегель, «то, что *известно* (bekannt), еще не есть *познание* (erkennt)»[6]. Поэтому дальнейшая задача состоит в том, чтобы проникнуть внутрь правовых явлений и процессов, определить их сущность, содержание, внутреннюю структуру, формы выражения и на этой основе обосновать их закономерную необходимость, предвидеть перспективы их развития. Именно в этом пункте проходит та тонкая грань между знанием и познанием, между осознанием правовой реальность и ее научным исследованием, которая (при всей однопорядковости и органической взаимосвязанности) отличает их друг от друга.

Для научного познания сущности и закономерностей развития права надлежит, отталкиваясь от эмпирических данных, восходить к их рационально-абстрактному выражению. До тех пор пока постижение правовых явлений и процессов не поднимется над их единичными проявлениями, научное познание остается несовершенным, поскольку оно в таком случае ограничивается, выражаясь языком И. Канта, лишь систематическим искусством или экспериментальным учением[7]. Оно не в состоянии воспроизвести все богатство правовой действительности, отражает только внешние и простые ее признаки, представляет собой снимок, где за случайным скрывается необходимость. а за отдельными явлениями и процессами – сущность. На помощь приходит абстракция, позволяющая обнаружить сущностные характеристики тех или иных правовых объектов, их “новые” качества, которые оказались недоступными для созерцательного восприятия, выявить их внутренние силы, отношения, противоречия.

В огромном многообразии конкретных проявлений правовой действительности первоначально выявляются и суммируются повторяющиеся или одинаковые фрагменты. Но такое общее может включать в себе и несущественные (второстепенные, случайные) признаки правовых объектов. Поэтому образование правовых абстракций движется далее по пути отвлечения от подобных признаков и обнаружения тех признаков, которые составляют сущность и специфику данных объектов. В юридических абстракциях, следовательно, находят отражение не только существенные, общие признаки правовых объектов, но и те, которые характеризуют их специфику.

Правовая абстракция отнюдь не является продуктом произвольного теоретизирования; она рождается на почве юридической практики, резюмирует, концентрирует, упорядочивает многосторонний практический опыт возникновения, действия и развития права. Отвлекаясь от отдельных правовых конкретностей, правовые абстракции не «отбрасывают» их, а сводят к тому общему, что заключено в этих конкретностях. Правовая абстракция есть обобщенное, концентрированное, интегрированное выражение правовых конкретностей,

[3] В статье о предмете философии права отмечались особенности этой отрасли научного знания и указывалось, что ее методологические функции требуют специального рассмотрения (см.: *Керимов Д.А.* Предмет философии права // Государство и право. 1994. № 7. С. 4).

[4] Два других уровня методологии права предполагается рассмотреть в последующих статьях.

[5] *Гегель.* Соч. Т. VI. С. 3157.

[6] *Гегель.* Наука логики. М., 1970. Т. I. С. 83.

[7] См.: *Кант И.* Соч. М., 1966. Т. 6. С. 60.

своеобразный узловой пункт, в котором объединяются в строгой логической системе как их общие, так и специфические признаки. Тем самым правовая абстракция приобретает вполне конкретный характер. В отличие от конкретности, данной в непосредственном ощущении и представлении, она становится более богатой и разносторонней по содержанию, воспроизводит наиболее существенное, главное, основное, что свойственно внутренней природе правовых явлений и процессов. Именно поэтому в отличие от простого, чувственного созерцания или непосредственно-внешнего представления правовые абстракции полнее, глубже, истиннее воспроизводят правовую действительность. Более того, они по своему характеру конкретнее отдельных правовых объектов, поскольку воспроизводят их «в единстве многообразного».

С позиций изложенного едва ли правильно приписывать большую научную значимость работам, которые ограничиваются воспроизведением правовых конкретностей, данных, фактов, примеров из практики без их рационального осмысления, обобщения, без теоретических абстракций, заключений и выводов. Такая литература в лучшем случае лишь подтверждает, отрицает или иллюстрирует уже известные науке положения. Она не выходит за пределы описания обычной юридической практики и тем самым из основания исследования превращается в его оковы и сводится по сущности к оправданию любой практики. Например, с точки зрения «советского нормативизма» задача исследования видится лишь в воспроизведении и систематизации правовых норм без познания того, что является по отношению к ним отличным, противоположным, что одновременно предполагает и отрицает их. Между тем о научном познании правовой нормы можно говорить только тогда, когда изучена не только структурная ее организация или форма ее выражения вовне, не только практика реализации, но и те исторические условия, внутренние причины ее возникновения и функционирования, ее эффективность в воздействии не только на регулируемые общественные отношения, но и на всю общественную и личную жизнь граждан.

II

Одним из фундаментальных методологических оснований философии права является единство историко-логического исследования правовых объектов, позволяющее вскрывать историческую преемственность и логическую последовательность их развития. Современное состояние любого правового объекта, имеющее свои корни в прошлом, через отражение в настоящем устремлено в будущее. Историческое «в чистом виде» поставляет эмпирический материал и одновременно служит основанием его логической интерпретации. Именно в этом коренится необходимое условие всестороннего познания правовых объектов, ибо, как отмечал Вл. Соловьев, «логический и эмпирический элементы одинаково необходимы для истинного познания, и следовательно, исключительное обособление того или другого из этих элементов есть в обоих случаях одностороннее отвлечение...»[8].

В основе логического лежит историческое, историческое же не только взаимодействует с логическим, но и проникает в него. Даже самая абстрактная логическая формула права является также и исторической, поскольку она есть результат сопоставления, анализа и обобщения определенного историко-правового опыта. Именно в силу синтезированности, интегрированности логическое проникает в существо правовых конкретностей, выявляет их внутренние исторические связи и взаимодействия. Тем самым логический аспект выполняет методологическую функцию в изучении истории права, ее многообразия в отдельные периоды, в эпохи различных стран.

Без исторического воспроизведения правового развития исключается возможность логического осознания его закономерностей, но и без логического осмысления объективного хода исторического развития права невозможно вскрыть внутренние причины и механизмы его движения. Разумеется, историческое исследование, воспроизводящее фактическое развертывание правовой жизни, первично по отношению к ее логическому исследованию; оно всякий раз выступает в качестве обязательной предпосылки, основы логического, поскольку важно знать историю развития правового объекта, подлежащего познанию.

Изучение истории развития правовых объектов позволяет создать логическую модель их закономерного развития, которая по мере расширения и углубления знаний будет уточняться, дополняться, совершенствоваться. Логическое исследование правовых явлений и процессов – это отнюдь не априорно «чистая» конструкция, а воспроизведение исторического в логической тенденции его движения. Такая логическая модель, вскрывающая закономерность исторического развития права, выступает, в свою очередь, в качестве основы более углубленного, всестороннего историко-правового исследования. Она ориентирует на обнаружение и фиксацию тех еще неразвитых, зародышевых тенденций, которым в силу их внутренних потенций принадлежит будущее. Она не только направляет историческое познание по определенному руслу, но и оказывается моделью будущего правового состояния общества, основные параметры

[8] *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 107.

которого «заданы» его настоящим и прошлым. Именно с этим идеальным будущим «сверяются», оцениваются, прогнозируются правовые взгляды, факты, события, процессы. И какой бы парадоксальной на первый взгляд ни казалась включенность элемента будущности в историко-правовое исследование, он всегда присутствует в качестве ориентира в исследовании.

Конечно, предметом историко-правового исследования не является будущее состояние правовой системы. Речь идет о другом: о логическом приеме историко-правового познания, когда тотальное представление о будущей правовой системе как цели преломляется через анализ настоящего осмысление прошлого. Такой логический прием историко-правового познания дает возможность вскрыть тенденции развития права. Он необходим для того, чтобы в зигзагах, изломах истории сохранить общую перспективу, чтобы видеть главную нить исторического развития права.

Общая гипотетическая модель предполагаемого процесса исторического развития, основанная первоначально на профессиональной интуиции и догадках правоведа, впоследствии, в ходе исследования, обрастает историческими фактами правового развития, которые призваны подтвердить истинность данной модели. Если же выявленным фактам противоречит выдвинутая модель, она изменяется, уточняется или отбрасывается и заменяется иной, адекватной накопленным фактологическим материалам. Дальнейшее обогащение исследования историко-правовыми данными позволяет выдвинуть дополнительные модели (так сказать, модели второго порядка), которые также подтверждаются или отрицаются серией новых историко-правовых фактов. В последнем случае выдвинутые модели заменяются другими. Таким образом, вокруг общей гипотетической модели процесса исторического развития права систематизируется дополнительные модели второго порядка. Обоснованная достаточным количеством историко-правовых фактов вся система моделей (общей и дополняющих) превращается в результате логических обобщений в доказанный аналог действительного процесса исторического развития права. Сам же этот логический аналог становится началом выдвижения нового цикла моделей для более углубленного познания закономерного развития правовой системы общества.

Единство исторического и логического не допускает разрыва и противопоставления эмпирической истории права его социологической теории. Между тем в научной литературе можно наблюдать тенденцию изучения правовых явлений и процессов либо только в историческом, либо только в логическом аспекте. Допуская в принципе такого рода «разделение труда», не следует забывать, что логика мышления исторична в той же мере, в какой история логична. «Логизация» исторического познания права вполне может достигнуть (и нередко достигает) такого уровня, который не только приблизит ее к социологическому познанию, но и позволит ей слиться с ним. Отсюда следует, что единство логического и исторического познания следует понимать не как сумму рядом расположенных явлений, а как их органическую связь, взаимодействие и взаимопроникновение, даже слияние в исследовательском процессе.

III

Право выступает перед исследователем как сложная система. Этим диктуется необходимость в соответствующем системном познании, позволяющем определить природу и характер связей, отношений и взаимодействий составляющих его компонентов (частей и элементов), вскрыть функциональное назначение и эффективность действия каждого из его компонентов и охарактеризовать его в целом. Тем самым правовая система воспроизводится во всей полноте и одновременно выявляется, что исследовано достаточно тщательно и что еще предстоит изучить.

Системность права выражается в следующих основных признаках:

а) компоненты правовой системы представляют собой нечто целое, соединены между собой по определенным сущностно-содержательным характеристикам;

б) правовая система обладает относительной самостоятельностью, имеет возможность видоизменять свои компоненты и создавать новые, может выступать в виде подсистемы другой, более объемной системы, необходимо связана с внешней средой;

в) правовая система образует единство в результате структурной упорядоченности ее компонентов; она тем самым представляет собой гармоничный «ансамбль», обеспечивающий субординацию, иерархичность, синхронность и устойчивость функционирования;

г) совокупность отмеченных признаков обусловливает главное свойство правовой системы – интегративность: каждый ее компонент существует и действует лишь во взаимодействии с другими, а нарушение характера и ритма действия одного компонента незамедлительно сказывается на функционировании других компонентов и правовой системы в целом.

Каждое правовое исследование ориентируется на отмеченные признаки, хотя нередко некоторые из них не учитываются. Так, при исследовании

системы права делается упор на дифференциацию ее отраслей и явно недостаточно изучаются пути укрепления их системного единства. Между тем в современных условиях, когда ощущается большая потребность в стабилизации общественных отношений, следует поддерживать гармоничность пропорционального развития компонентов правового системного целого. В свою очередь, успех в постижении этого целого зависит от знания составляющих его компонентов. Чем правильнее определены признаки отрасли, института и нормы права, тем обоснованнее будут рекомендации по совершенствованию системы права, ее логической последовательности, устойчивости.

Проблемы системы отраслей права, как известно, входят в предметы соответствующих отраслевых юридических наук и более или менее успешно разрабатываются. Хуже обстоит дело с общими вопросами – определением признаков отрасли права и правового института как относительно самостоятельных системных образований. Эти вопросы либо вовсе не исследуются, либо толкуются разноречиво. Представляется, что для отрасли права характерными признаками являются предмет и в определенной мере метод правового регулирования, специфические правовые принципы, особенности внутренней и внешней формы, своеобразный механизм регулирования, «нерасторжимость» входящих в нее институтов и обособленность законодательства.

Дифференциация права происходит и внутри отдельной отрасли права, что выражается, в частности в ее делении на ряд правовых институтов. Отдельно взятая правовая норма обычно не в состоянии урегулировать с требуемой полнотой и всесторонностью то или иное общественное отношение без взаимодействия с другими правовыми нормами, направленными прямо или косвенно на регулирование того же отношения. Совокупность правовых норм, сведенных в определенное системное целое, и образует правовой институт. Таким образом, отрасль права, будучи подсистемным образованием системы права, сама выступает в качестве системы по отношению к институтам права. Но и институт обладает всеми признаками системного образования, поскольку он представляет собой объективно сложившуюся внутри отрасли права в виде ее обособленной части – группу правовых норм, регулирующих с достаточной детализацией типичное общественное отношение и в силу этого приобретающих относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования.

Коснемся теперь дискуссионной проблемы: о критерии подразделения отраслей права внутри единой правовой системы. Оставляя в стороне критический разбор различных позиции по данной проблеме, ограничимся лишь соображением методологического характера. Метод правового регулирования, имея относительно самостоятельное значение в качестве классификационного признака системы права, в конечном счете зависит от своего предмета, т.е. тех общественных отношений, на которые оказывается правовое воздействие. Отсюда следует, что задача исследования системы права отнюдь не сводится лишь к провозглашению метода правового регулирования дополнительным, вспомогательным классификационным признаком. В процессе дальнейшего исследования общественных отношений, проникновения от их сущности первого порядка в сущность второго, третьего и т.д. порядка важно обнаружить те их особенности, стороны, черты, которые обусловили избрание законодателем именно этого метода правового регулирования. Проведение таких исследований в каждой отраслевой юридической науке не только позволит наиболее полно вскрыть единство предмета и метода правового регулирования, но и в случае их расхождения даст возможность законодателю использовать эффективные пути, способы и средства правовой регламентации соответствующих общественных отношений в конкретных условиях места и времени.

В прямой связи с системой права находится проблема систематизации законодательства. Ее актуальность обусловлена огромным потоком не только федеральных, но и региональных правовых актов.

Интенсификация законотворчества имела немало негативных последствий: излишнюю повторяемость одних и тех же положений в различных актах, громоздкость, несогласованность и противоречивость актов, их несовершенство не только с содержательной, но и с технико-юридической точек зрения. Это, в свою очередь, оказывает отрицательное воздействие на правореализующую практику, ведет к расшатыванию законности и режима правопорядка.

Поэтому одной из неотложных задач является упорядочение прежде всего федерального законодательства путем его систематизации. Существенную роль в этом отношении призван сыграть Указ Президента РФ от 6 февраля 1995 г. «О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации». Вызывает лишь недоумение ст. 1 Указа, в которой сказано: «Признать необходимой подготовку к составлению и изданию Свода законов Российской Федерации – официального систематизированного полного собрания действующих нормативных актов Российской Федерации». Что же предписывается создать – Свод законов или Собрание действующих федеральных нормативных актов? Трудно представить, что специалистам, готовившим данный Указ,

неведомо различие между Сводом законодательства (кодификация) и Собранием законодательства (инкорпорация), что Свод и Собрание и есть систематизация законодательства, что, наконец, имеется в виду создание Свода или Собрания не только законов, но и всего федерального законодательства в широком смысле, включающего в себя также нормативные указы Президента и постановления Правительства. Нельзя при подготовке столь высокого правового акта игнорировать элементарные требования законодательной техники.

IV

Научное знание всегда предполагает его реализацию в преобразовании природной и социальной среды, в совершенствовании человеческого мышления. Поэтому соотношение владения теоретическими знаниями и их практического использования – одна из фундаментальных проблем методологии. Между тем она не привлекла к себе должного внимания со стороны общественных наук, в том числе и правоведения. В философской, психологической и юридической литературе акцент больше делается на различение теории и практики и менее всего на их единство. В результате разрыв между ними доводится до крайности, теоретическая деятельность, понимается лишь как отражение практики, оказывается за рамками практики и в нее не включается; соответственно, и практика трактуется вне непосредственной связи с научным познанием. Однако нерасторжимость теоретической и практической деятельности, их взаимопроникновение, зависимость друг от друга требуют решения множества методологических вопросов. С одной стороны, необходимо ориентировать теорию на формулирование конкретных выводов, обращенных к практике, а с другой – указать наиболее целесообразные пути, формы и способы реализации этих выводов. Тем самым методологическая проблематика расширяется, в ее орбиту попадают, наряду с разработкой гносеологии, логики и диалектики познания объективной реальности, также и связи науки со всеми сферами практической деятельности, что, в свою очередь, влияет на исследовательский процесс, его ориентацию на удовлетворение жизненных нужд человека и общества.

Как известно, законодательство отражает объективную реальность более непосредственно, чем иные субъективные факторы, оно прямо ориентировано на воплощение в действительность. Правовое регулирование общественных отношений оказывается тем эффективнее, чем точнее оно выражает политические, экономические и духовные условия, процессы и потребности развития общества.

Образно говоря, между «сущим» и «должным» нет непроходимой пропасти, более того, они находятся в органическом единстве. «Должное» нельзя абсолютизировать в качестве демиурга «сущего». В той же мере не следует провозглашать «сущее» односторонне объективным, в котором полностью отсутствуют сознание, мышление, «должное». Не только в гносеологическом, но и в онтологическом отношении «сущее» в снятом виде включает в себя «должное», которое, в свою очередь, воздействует, преобразует «сущее», создавая тем самым его «вторую природу». Потребность создания того или иного правового акта, его реализации так или иначе обусловлена природой и закономерностями «сущего», которое будучи зафиксировано «должным» (правовыми предписаниями), определенным образом регулирует, направляет, развивает это «сущее» – соответствующие общественные отношения. В этом единстве и взаимопроникновении и выражается правовое «духовно-практическое освоение мира».

В этой связи представляется недостаточным распространенный в философии взгляд на практику как на стимул, цель познания и критерий его истинности. Так практика оказывается за пределами познавательного процесса. Между тем практика обладает диалектической универсальностью в том смысле, что не только является стимулом, целью и критерием истинности познания, но и имманентно вплетается в сам процесс познания «сущего», составляя необходимый компонент, сторону, свойство этого процесса. Данная особенность практики наглядно выражается в праве: разработка законов и подзаконных актов не имеет смысла без их реализации, прямо и непосредственно направленной на практическое преобразование «сущего».

Не следует, далее, «сущее» понимать лишь как единственно необходимое. Такое представление упрощает правотворческую и правореализующую деятельность: достаточно уловить, понять и отразить необходимость в этой деятельности и успех автоматически обеспечен. В действительности правовая деятельность намного сложнее. Познание необходимости требует глубоких и всесторонних изысканий, профессиональных знаний в воплощении познанного в законодательстве и его реализации. При этом нельзя не учитывать и того обстоятельства, что «сущее» проявляет себя и в случайном как в «частной форме необходимости». Более того, случайность может выражаться и самостоятельно, вне всякой связи с необходимостью. Нередко правовая деятельность сталкивается с таким сочетанием случайных факторов, которое не только не имеет ничего общего с необходимостью, но и прямо противоположно. И эти обстоятельства умножают трудности как правотворческой, так и правореализующей деятельности. Они могут быть преодолены лишь путем осмысления единства «сущего» и «должного», теоретической и практической деятельности.

В связи с изложенным следует отметить бытующее в правоведении одностороннее, узкое понимание практики главным образом как практики юрисдикционной. Между тем практика для всех наук, в том числе и правоведения, предстает не только как непосредственно данная среда, но и как объективное бытие вообще. Расширенное понимание практики как реальной общественной жизни в целом позволяет, в частности, юридическому мышлению отразить в правотворчестве глубинную сущность бытия, выразить опыт прошлого, тенденции настоящего и перспективы будущего. То же с известным своеобразием применимо к правореализации, познание которой невозможно достичь путем анализа единичных случаев применения правовой нормы. Из обобщения определенной совокупности единичных актов применения тех или иных правовых норм можно составить более или менее полное представление о правоприменительной деятельности соответствующих органов. Но этим исследование проблемы не может ограничиться, ибо за пределами деятельности данных органов остается огромная масса вопросов положительного действия правосознания, норм права, правоотношений, иных правовых явлений и процессов, органически вплетенных в живую ткань общественного бытия, изменения социальной практики.

Данное широкое понимание практики в познании и роли познания в практике может служить четким ориентиром в исследовательском процессе. Как известно, логическая «мыслительная модель» действительности в специальных исследованиях, особенно юридических, имеет тенденцию отходить от этой действительности. Это естественно при восхождении от конкретного к абстрактному и при движении теоретической мысли в обратном направлении. Именно поэтому на каждой ступени познания, в частности правовой действительности, необходимо на практике проверять соответствие ей правовых абстракций, чтобы избежать опасности превращения «духовно конкретного» в «процесс возникновения самого конкретного»[9]. Рождаясь на почве правовой действительности, правовые абстракции должны отражать потребности практики дальнейшего правового развития и вместе с тем проверяться практикой, корректироваться и совершенствоваться ею в целях прогрессивного правового развития. Опасность ухода правовой теории от реальной правовой действительности преодолевается путем не только проверки соответствия правовых абстракции практике правового развития, но и непосредственной включенности практики в правовую теорию познания. Благодаря этому практика обогащает исследование животворными соками непосредственной действительности, ею определяется, направляется и проверяется. Познание без практики превращает теоретическое мышление в умозрение, замкнутое в самом себе. «В такой обители пришедшего к самому себе и лишь в себе пребывающего мышления умолкают интересы, движущие жизнью народов и индивидов»[10]. С другой стороны, включенность правовой теории в практику правового развития превращает первое в осознанно целенаправленный, рациональный и планомерный процесс преобразования реальной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гегель.* Наука логики. М., 1970. Т. I. С. 83, 84.
2. *Гегель.* Соч. Т. VI. С. 3157.
3. *Кант И.* Соч. М., 1966. Т. 6. С. 60.
4. *Керимов Д.А.* Предмет философии права // Государство и право. 1994. № 7. С. 4.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.
6. *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 107.

REFERENCES

1. *Hegel.* The Science of Logic. M., 1970. Vol. I. P. 83, 84 (in Russ.).
2. *Hegel.* Essays. Vol. VI. P. 3157 (in Russ.).
3. *Kant I.* Essays. M., 1966. Vol. 6. P. 60 (in Russ.).
4. *Kerimov D.A.* The subject of Philosophy of Law // State and Law. 1994. No. 7. P. 4 (in Russ.).
5. *Mar K., Engels F.* Essays. 2nd ed. Vol. 12. P. 727 (in Russ.).
6. *Solovyov V.S.* Essays: in 2 vols. M., 1988. Vol. 2. P. 107 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЕРИМОВ Джангир Аббасович –
член-корреспондент Академии наук СССР
и Российской академии наук

Authors' information

KERIMOV Dzhangir A. –
Corresponding Member of the USSR Academy
of Sciences and the Russian Academy of Sciences

[9] См.: *Марк К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.

[10] *Гегель.* Наука логики. Т. 1. С. 84.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 103–117
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 103–117

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ ПРАВА[1]

© 2022 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: AN61S@yandex.ru

Аннотация. Развитие человечества на современном этапе в полной мере может быть охарактеризовано как цивилизационный кризис. Глобальные вызовы, перед которыми стоит человечество, сопровождаются отсутствием идей относительно его дальнейшего движения. В полной мере это касается и такого феномена, как право. Разрушение сложившегося миропорядка ведет к снижению возможностей средствами международного права обеспечивать мир и добрососедские отношения между государствами; попытки распространения одними странами своих юрисдикций увеличивают и без того значительный конфликтный потенциал современности. Подвергается испытаниям сфера права и внутри страны; право стало значительным по объему, сложным; оно «вторгается» в те сферы, которые традиционно были «закреплены» за другими регуляторами. Резкий рост числа принимаемых законов не сопровождается устойчивостью принимаемых решений; в существующие законы вносятся постоянные изменения; на фоне утраты или снижения многих ценностных ориентиров, усиления дифференциации предметов регулирования это ведет к «разрыву» между правом и регулируемыми отношениями, утрате ценности самого права как регулятора отношений, девальвации права и закона. В статье с позиций междисциплинарного анализа предпринята попытка осмысления современных кризисных явлений; предложены некоторые выводы, которые, по мнению автора, могут переломить имеющиеся негативные тенденции.

Ключевые слова: философия права, право, закон, правотворчество, законодательная экспансия и правовая интервенция, экстерриториальное действие закона, суверенитет, кибербезопасность, кризис, правовое равенство.

Цитирование: *Савенков А. Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 103–117.

DOI: 10.31857/S102694520019125-8

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7

THE GLOBAL CRISIS OF MODERNITY AS A SUBJECT OF PHILOSOPHY OF LAW[2]

© 2022 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: AN61S@yandex.ru

Abstract. The development of mankind at the present stage can be fully characterized as a crisis. The global challenges facing humanity are not provided with sufficient ideological potential. In other words, humanity as a whole (this applies not only to Russia) has a global crisis of ideas about its further movement and response to modern challenges. This fully applies to the phenomenon of law. The destruction of the existing world order leads to a reduction in the ability of the means of International Law to ensure peace and good-neighbourly relations between States; attempts to extend their jurisdictions by some countries increase the already significant conflict potential of our time. The sphere of law is also being tested within the country; the law has become significant in scope, complex; it "invades" those areas that have traditionally been "assigned" to other regulators. The sharp increase in the number of laws adopted is not accompanied by the sustainability of decisions; the existing laws are constantly changing; against the background of the loss or reduction of many value orientations, increasing differentiation of subjects of regulation, this leads to a "gap" between the law and the regulated relations, the loss of the value of the law itself as a regulator of relations, the devaluation of the law and the law. In the article from the standpoint of interdisciplinary analysis an attempt is made to understand the modern crisis phenomena; some conclusions are proposed, which, in the author's opinion, can reverse the existing negative trends.

Key words: Philosophy of Law, law, lawmaking, legislative expansion, legal intervention, extraterritorial operation of law, sovereignty, cybersecurity, hedonism, legal equality.

For citation: *Savenkov, A.N. (2022).* The global crisis of modernity as a subject of Philosophy of Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 103–117.

Философия права как академическая дисциплина формируется в XVII–XVIII вв. в Западной Европе в рамках школы естественного права. Она была пронизана метафизикой и рационализмом, ставила перед собой цель обосновать новый буржуазный правопорядок. Философы и юристы этого времени (Г. Гроций, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, С. Пуфендорф, Х. Вольф, И. Кант) понимали свою задачу двояко. Во-первых, используя инструментарий философии, они пытались выявить базовые свойства политико-юридических институтов общества. Во-вторых, считалось необходимым познать суть, внутреннюю логику государства и права и на этой основе создать их умопостигаемый (интеллигибельный) идеал. Таким образом, философия естественного права играла двоякую роль: с одной стороны, она была средством познания политико-правовой действительности, с другой – обеспечивала идеологическое обоснование ликвидации абсолютистских режимов и перехода власти к буржуазии. Философия естественного права имела существенный недостаток – односторонний рационализм, склонность к построению ходульных, далеких от жизни метафизических конструкций. Сложившуюся ситуацию попытались исправить немецкие философы конца XVIII – начала XIX в. (Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель, К.Х.Ф. Краузе, И.Ф. Гербарт), поставившие перед собой задачу «понять положительное право в его исторических формах, выяснить его основы»[3]. Речь шла о том, чтобы сделать предметом философии права государство и право, существующие в жизни, а не в виде умозрительных конструкций. Особенность данного поворота состояла в том, что политико-правовая реальность рассматривалась в контексте весьма абстрактных, сугубо авторских философских систем. В результате получилась мистифицированная, очень туманная философия права, которая не могла устроить юридическую науку. Пик данного направления – философия права Гегеля, сыгравшая значительную роль в становлении философии права как академической дисциплины. Отличительная черта его философии права – предельно широкий предмет исследования: свобода, справедливость, право, законодательство, власть, семья, общество, экономика, государство, война, международные отношения, философия истории. По меркам отдельных нынешних представлений – это конгломерат, не имеющий прямого

[2] The article was published in the journal "State and Law" (2019), No. 4, pp. 5–19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7

[3] *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 41.

отношения к философии права, но в контексте системы Гегеля все смотрится органично. В течение XIX в. философия права в Германии (в тот период – ведущая страна в этой области) в основном переходит к юристам и в дальнейшем развивается главным образом как юридическая дисциплина. Следствием такого положения дел стало резкое сужение исследовательских задач философии права: они свелись к юридико-догматическому изучению текста законов (аналитическая философия права). Философия права, утратив свой метафизический характер, превратилась в общую теорию права.

В России XIX – начала XX в. философия права, испытавшая сильнейшее влияние со стороны немецких авторов, была двух видов: метафизическая (Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и др.) и позитивистская (Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич). Предмет метафизической философии права был широчайший (как у Гегеля), позитивистская философия права (она же – общая теория права) также рассматривала государство и право широко, используя исторический, философский, социологический и догматический подходы. Предметом философии права было не только право, но также государство и политика в историческом и теоретическом аспектах. Так, глава школы возрожденного естественного права П.И. Новгородцев создал труд под обобщающим названием «Введение в философию права», включавший в себя три части и посвященный анализу права, государства, западноевропейского либерализма, социализма и анархизма[4]. Классической аналитической философии права в России не сложилось. В советский период философия права была растворена либо в общей теории государства и права, либо в социальной философии. Только на рубеже 80–90-х годов XX в. возникает философия права как самостоятельная дисциплина. Она формировалась, как правило, юристами, опиравшимися в основном на общую теорию права, философско-правовая метафизика была им чужда. Таким образом, в современной российской философии права оказался преобладающим юридико-догматический компонент, идущий от юридической науки. Наши юристы понимают философию права главным образом как один из аспектов общей теории права. Следствием такого подхода стало резкое неоправданное сужение предмета философии права.

В разное время юристы (не философы), начиная по крайней мере с Р. Иеринга, А. Меркеля, Э.Р. Бирлинга, К. Бергбома и др., также считали философию права юридической наукой или в крайнем случае – междисциплинарной.

Иного подхода придерживается наиболее известный современный немецкий философ и правовед А. Кауфман, который обладал юридическим и философским образованием. Он следует классической формуле Канта и Гегеля (они философы, а не юристы) о междисциплинарном статусе философии права. В основанном им издании «Введение в философию права и теорию права современности», где он является автором нескольких разделов, и в частности вводного раздела «Философия права, теория права и правовая догматика»[5], А. Кауфман пишет: «Философия права – это отрасль философии, не отрасль правоведения. Однако нельзя при этом рассматривать её таким образом, как будто философия права является специальным видом рода (общей) философии. Всегда и во всех своих формах философия имеет дело с фундаментальными проблемами человеческого бытия...». «Философия права отличается соответственно от других отраслей философии... тем, что она принципиальные вопросы права, основные юридические проблемы рефлектирует, обсуждает и, насколько возможно, даёт на них ответы на философский манер»[6]. Но, размышляя далее о соотношении философии права и теории права, он отчаянно добавляет: «Но как же отличаются философия права и теория права друг от друга? На это до сих пор нет удовлетворительного ответа». «То, что наряду с философией права существует ещё теория права, можно объяснить только исторически. В остальном различие между философией права и теорией права очень размыто»[7].

Как представляется, настало время повернуть философию права к новым исследовательским горизонтам, наполнить ее новым содержанием. Подлинная философия права – это поиск смысла в сфере, связанной с государством и правом, создание универсалий, отражающих цивилизационные вызовы современной эпохи. Поскольку роль государства и права все более усиливается, поскольку человечество все в большей мере зависит от политики национальных государств, поскольку в современном мире резко возрастают риски, связанные с их деятельностью, растет необходимость философско-правового анализа всех этих процессов. В данных условиях философия права должна использовать весь инструментарий, накопленный мировой философией в области онтологии,

[4] См.: *Новгородцев П.И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74–75; *Его же.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1909; *Его же.* Введение в философию права. Об общественном идеале. Берлин, 1922.

[5] Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger; mit Beiträgen von A. Büllesbach, G. Ellscheid, W. Hassemer u.a. 9., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg, 2016. XXIX.

[6] Ibid. S. 1.

[7] Ibid. S. 8, 9.

гносеологии, этики, эстетики, философской антропологии, философии истории, философии техники, философии природы, философии науки, философии языка, философии культуры, философии религии. Только обогатившись всем этим знанием, философия права способна стать мощным познавательным средством политико-правовой реальности, являющейся неотъемлемой частью глобальных процессов современности. Философия права в современных условиях стремительно меняющегося мира обладает широкими возможностями для оценки и интерпретации государственной и правовой политики, поскольку право как социальный феномен и регулятор поведения всегда погружено в цивилизационный контекст эпохи.

Современные реалии таковы, что цивилизация вступила в социальный и гуманитарный кризис планетарного масштаба. Государства уже не могут, опираясь на известный экономический и правовой инструментарий, учитывая известные примеры иных государств в части преодоления периодов турбулентности, ни прогнозировать развитие общественно-экономических систем, ни формулировать цели социальных, экономических и политических преобразований. История эмпирическим путем подтвердила неудачу предпринятых попыток строительства как идеального общества на началах равенства, коллективизма, так и общества, основанного на приоритете исключительно частного и порой ничем не ограниченного интереса.

Использование в пределах периода распада социалистического лагеря, в первую очередь в государствах Европы, в качестве «единого лекала» ценностей, подходов (способов) к решению задач, выработанных в пределах одной цивилизации, объявившей себя победителем в «холодной войне», дало явный сбой.

Впрочем, как показали последние два десятилетия, они не работают уже и по месту их возникновения, а потому на первый план вновь выходят давно зарекомендовавшие себя средства – решение собственных проблем за счет более слабых стран и обществ либо путем открытой эскалации конфликтов (прямые военные действия, провоцирование внутренних беспорядков и т.п.), либо экономического разграбления. Общее разочарование в каких-либо идеалах, использование таких идеалов для достижения узкоэгоистических, корыстных интересов привело к их девальвации и полноценному кризису идей: никто из лидеров или ученых государств победившей демократии в настоящее время не может предложить какой-то целостной картины не только описания современного состояния, но и тем более путей дальнейшего развития. Предлагаемые же решения чаще всего оказываются опороченными обнаруживающимися за ними частными интересами либо серьезно оторванными от реальности как мотивы космогонических гипотез (хаос) и конвергентная теория в праве.

Окончание противостояния двух глобальных мировых систем привело не к счастливому общему либеральному миру, в котором доминируют соответствующие ценности, государства связаны общей экономикой, служат «ночными сторожами» у конкурирующих свободно экономических агентов (о чем часто говорилось в начале 90-х годов), а к иллюзии со стороны «капиталистического Запада» в части того, что решения ими могут приниматься односторонне, без особой оглядки на интересы других стран, а сами такие интересы могут существовать только как субординированные.

В периоды экономического роста такое подчиненное положение не вызывало серьезного сопротивления носителей этих интересов; они вполне готовы были довольствоваться своей ролью, отказаться от категории собственных национальных интересов вообще. Но, как только грянули первые серьезные экономические кризисы или стали обнаруживаться признаки потери конкурентоспособности в соревновании с бывшими колониями, стало понятно, что старая, традиционная парадигма преследования собственных эгоистических целей в политике и экономике никуда не делась, мир снова стал таким, каким он был традиционно. Проявлением этого помимо войн стали санкции, применяемые сегодня без разбора, строительство разных стен (как будто они от чего-то помогут отгородиться) и другие изоляционистского и протекционистского характера действия.

Человечество (очень хочется надеяться, небезвозвратно) в который раз утратило саму идею и активную борьбу за мир во всем мире. Поразительно, как быстро забывается здесь историческая негативная ретроспектива. После каждой большой войны XX в. шли разговоры о «мире всего мира», «мире во всем мире» – такие слова произносились после Первой мировой войны. Наш известный соотечественник, мыслитель, философ и социолог Питирим Сорокин в 1917 г., говоря о последствиях войны, писал: «*Целью будущего мира всеми признается “мир всего мира”, если не навеки, то на наиболее продолжительное время*»[8]. Этот «мир во всем мире» версальско-вашингтонской сборки просуществовал потом совсем короткий период. Нынешний миропорядок создан еще одной большой войной – Второй мировой, но и ее последствия пытаются предать забвению. Не только в политический, но и в правовой лексикон активно вводятся такие понятия, как «государства-противники» (adversaries),

[8] *Сорокин П.* Основы будущего мира / ред.-изд. С. Нонин. Пг., 1917. С. 2.

«государства-единомышленники» (like-minded states), «наказывать» (punish), «заставлять заплатить» (impose costs), «навязывать последствия» (impose consequences), «безответственное поведение» (reckless activity).

По этому поводу в статье «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить» В.В. Путин провидчески охарактеризовал сегодняшний миропорядок так: «То, с чем сегодня сталкивается мир, – это серьезный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации. Это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху. Мир вступает в зону турбулентности. И, безусловно, этот период будет длительным и болезненным. Здесь не надо питать иллюзий»[9].

Появление наднациональных органов управления и их широкие полномочия революционным образом повлияли на сущностное наполнение понятия государственного суверенитета. Агрессивная эволюция блока НАТО, развитие Европейского Союза и некоторых других объединений государств являют пример того, как государства готовы отказаться от некоторых суверенных прав и функций в пользу более крупных наднациональных территориальных, политических, военных и экономических образований. Между тем подобные структуры утрачивают первоначальное значение. Без особых ограничений США доминируют в НАТО и Европейском Союзе, частично – в структурах ООН. В тех случаях, когда такая повестка невозможна, США покидают соответствующие структуры или не участвуют в них (примерами являются выход из состава Совета по правам человека ООН, непризнание юрисдикции Международного уголовного суда, а также заявление о выходе из Договора о ракетах средней и малой дальности)[10].

Наряду с политикой «мягкой силы» активно используются инструменты «мягкого права», цель которого – насаждать и устанавливать свою правовую доктрину в качестве доминирующей сначала среди своих союзников, а затем по всему миру. Проявление такой политики мы можем видеть в подписанном Президентом США Д. Трампом в 2017 г. Законе «О противодействии противникам Америки посредством санкций»[11].

В правовых системах современных государств вопрос о соотношении принципов верховенства права и верховенства закона однозначно решен в пользу последнего. Вектор дальнейшей политической эволюции решительно направлен в сторону соблюдения «духа и буквы закона» и дальнейшей реализации принципов справедливости в существующих социальных условиях, все дальше уводя человечество от «правового государства» к политической законности.

Стремление удержаться на позициях однополярного мира меняет мировую архитектуру (межгосударственную, экономическую и т.д.) и мировой правопорядок. Это касается не только вечного противостояния «демократического цивилизованного» Запада и «авторитарной неправовой» России, но и собственных союзников как в Европейском Союзе, так и в НАТО (как в случае с введением санкций против члена НАТО – Турции или отсутствием поддержки в Европейском Союзе введенных против Ирана санкций США).

Практика экстерриториальности действия национальных законов отдельных государств вызывает обоснованное осуждение внутри мирового сообщества, приводит к дезинтеграции целых регионов и возникновению все новых и новых локальных конфликтов. Она является, по сути, законодательной экспансией и правовой интервенцией. В ней проявляется не только международно-правовой нигилизм во внешней политике, но и действенное средство навязывания правового менталитета англосаксонской цивилизации другим государствам[12], который далеко не всегда соответствует гуманитарным стремлениям и идеалам последних. Яркий тому пример – судебная практика окружных судов США, принимающих иски от иностранных граждан против национальных правительств, юридических и должностных лиц других государств. Так, в нормах Статута о деликтах иностранных граждан (28 U. S. C. § 1350), составной части американского права с экстерриториальной юрисдикцией, установлено: «Окружные суды имеют первоначальную юрисдикцию в отношении любого гражданского иска иностранца только за деликт, совершенный в нарушение права наций или договора Соединенных Штатов». С 1980 г. суды истолковывают нормы Статута как разрешающие иностранным гражданам обращаться в американские суды за правовой защитой нарушенных прав человека в связи с поведением, совершенным за пределами Соединенных Штатов[13]. Такого рода экс-

[9] *Путин В.В.* Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://iz.ru/news/511884 (дата обращения: 15.01.2019).

[10] См.: Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly (25 September 2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/ (дата обращения: 05.03.2019).

[11] См.: Countering America's Adversaries Through Sanctions Act [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364 (дата обращения: 15.03.2019).

[12] См.: *Шумилов В.М.* Концепция глобального права и глобальной нормативной системы // Современный юрист. 2015. № 3. С. 70–87.

[13] "The district courts shall have original jurisdiction of any civil action by an alien for a tort only, committed in violation of the law of nations or a treaty of the United States". Since 1980, courts have

территориальность деформирует международный правопорядок и выступает формой вмешательства во внутренние дела государств.

Никакие самые благие намерения не могут оправдать нарушения норм международного права и государственного суверенитета. Свидетельством тому является цивилизационный опыт человечества, который показывает, что первоначальные цели, как правило, не достигаются, а последствия и издержки – непредсказуемы и несопоставимо превышают ожидания. Недопустимо объяснять необходимость правовой интервенции «гуманитарной интервенцией»[14], реализуемой «для защиты благосостояния и благополучия членов политического сообщества» без учета их мнения.

Известный австралийский социолог и криминолог Дж. Брейтуэйт с иронией отмечает: «За последние десятилетия была создана целая индустрия экспорта криминологии из США. Представители уголовной юстиции в странах «третьего мира» привыкли осторожно шутить по поводу того, что американские криминологи получают финансовую помощь от консультантов ООН или из других зарубежных источников, для того чтобы иметь возможность донести свою мудрость до стран, которые справляются с проблемой преступности намного более эффективно, чем США. Есть причины опасаться, что в рамках этой “гуманитарной помощи” будет экспортирована не только американская криминология, но и американский уровень преступности»[15].

Интересно отметить контекст, на фоне которого происходят эти процессы.

Несмотря на общий тренд развития глобализации в 90-е – начале 2000-х годов, роль национальных государств не только не снизилась, но даже возросла. В первую очередь стало понятно, что принадлежность бизнеса такому государству дает ему неоспоримые конкурентные преимущества. Стало понятно также, что снижение роли государства может привести вовсе не к процветанию общества, а к нарастанию его энтропии.

Наиболее либеральное отношение к экономическим процессам, сочетаемое с «мягкой силой», привело к денационализации элит. Как образно отметил С. Хантингтон, «глобализация мышления транснациональной экономической элиты ведет к отмиранию у ее представителей чувства принадлежности к национальному сообществу»[16]. Наднациональная элита стала группой, имеющей уже едва ли не собственные интересы, с интересами национальными часто не совпадающие[17].

При этом миграционные процессы последних десятилетий с не вполне удачными попытками реакции на них (политика мультикультурализма), происходящими на фоне снижения демографических показателей и старения населения в развитых странах и, напротив, роста рождаемости в развивающихся государствах, спровоцировали возврат во многих государствах к традиционным ценностям и поведению. Мы видим рост национальной идентичности и патриотизма.

Еще одна важная тенденция – крах надежд многих обществ и государств бывшего «третьего мира» вырваться в благополучные условия. Технологические изменения сегодня приняли необратимый характер. При этом центры компетенций расположены в развитых государствах. В них же находятся финансовые центры и центры, через которые происходит управление иными мировыми процессами. Для многих бывших стран «третьего мира» это означает, что они никогда и ни при каких обстоятельствах не попадут, будучи в своих границах и традиционных условиях жизни, в новый мир «потребительского счастья», правопорядка и спокойствия от войны. У этих государств нет ни идей для прорыва, ни сил и ресурсов, их население деморализовано к позитивным действиям на фоне диссонанса между своими условиями выживания и достижениями в науке, культуре развитых государств, которые они наблюдают. Отсюда – попытки радикального изменения жизни и миграция.

У значительной части таких мигрантов типично маргинальное отношение к праву: привычный (по месту рождения) правопорядок они уже покинули, хотя и сохранили стереотипы поведения, а новый правопорядок они воспринимать либо не хотят, либо не могут (в силу иного культурного кода и указанных стереотипов, а также того, что он мешает привычным путем добывать хлеб насущный). Именно отсюда игнорирование ими законов в Европе, множественные случаи хулиганства, открытое пренебрежение так называемыми

interpreted this statute to allow foreign citizens to seek remedies in U.S. courts for human-rights violations for conduct committed outside the United States [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://codes.findlaw.com/us/title-28-judiciary-and-judicial-procedure/28-usc-sect-1350 (дата обращения: 19.03.2019).

[14] *Caney S.* Justice Beyond Borders. A Global Political Theory. Oxford, 2006. P. 226–262.

[15] *Брейтуэйт Д.* Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002. С. 12.

[16] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2018. С. 357.

[17] Эту тенденцию «группизма» в современную эпоху хорошо подметил социолог И. Валлерстайн: «Мы живем в эпоху “группизма” – образования групп, имеющих защитный характер, каждая из них стремится к достижению самосознания, на базе которого упрочиваются солидарность и борьба за выживание одновременно с борьбой против других таких же групп» (см.: *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003. С. 10).

европейскими ценностями (люди просто не понимают, зачем они им и в чем состоят) и проч.

В результате этого мы видим разрушение правовых регуляторов на международном уровне, которое сопровождается разрушением единого национального правового пространства в отдельных странах, «расслоением» такого пространства, когда у местных граждан – свое право, а у мигрантов – свое. В целом *в качестве итога мы видим разрушение представлений о ценности права как мерила справедливости, приоритет силы, возможностей (в первую очередь имущественных) над правом*.

Кризис идей, социальные и экономические проблемы в странах бывшего «третьего мира», возврат многих обществ к традиционным вариантам поведения, реагирования на какие-то события на фоне растущего космополитизма элит и безответственного поведения наиболее сильных государств создают «взрывоопасный» коктейль для мира в целом и для права, в частности.

Как нарастающую тенденцию следует рассматривать постепенное размывание такого базового, казалось бы, еще совсем недавно принципа, как правовое равенство. Одно время мы привыкли просто цитировать положения из Всеобщей декларации прав человека о том, что все люди равны. Это имело и прямое продолжение в праве и правовой практике. Однако взрывной рост технологических инноваций, роботизация, которая уже не является предметом футурологии, киборгизация, возможности современной медицины вновь остро ставят проблему равенства и неравенства. «Человек, – пишут философы, – столкнулся с ситуацией, когда возможности современной науки и технологии грозят частичной переделкой его природы, и переделка эта может принять необратимый характер»[18]. Причем эта переделка касается и возможностей исправления недостатков человека, которые считались ранее данными Богом, а потому неисправимыми при соответствующем уровне науки, «редактирования» человека (геном), продления его жизни. Но кому все это доступно – зададимся вопросом? Какому количеству людей? Понятно, что в первую очередь такие технологии доступны состоятельным людям, живущим в развитых странах. И о каком равенстве мы можем вести речь?

Вопрос о влиянии технологического развития на правовые системы всегда был предметом дискуссий. Должно ли право гибко реагировать на появление новых научно-технических решений и инноваций? Или же правовое регулирование должно сохранять некоторые консервативные формы, проверенные временем и соответствующие уровню развития экономики? При ответе на этот вопрос важно помнить, что перед тем, как проводить новые реформы, в обществе должна сложиться убежденность, что предшествующие сработали, как надо. В истории научных открытий существует ряд примеров, демонстрирующих, как изменения в технологиях и общественном устройстве повлияли на изменения в правопорядке.

Однако в настоящее время – время формирования нового типа информационного пространства и социальной коммуникации – эти вопросы приобрели особую остроту.

Интернет-ресурсы (сервисы, социальные сети) меняют экономику, общество в целом и отдельного его представителя (человека). По данным Internet World Stat, по состоянию на 31 декабря 2018 г., 55.6%, или 4 312 982 270, жителей в мире пользовались Интернетом при общей численности населения на Земле 7 753 483 209 человек[19]. Как отмечает создатель Интернета Т. Дж. Бернерс-Ли, за три десятилетия Сеть претерпела качественные изменения, прежде всего характеризуемые тем, что вместо сетевого равноправия появились вертикальные структуры из серверов с миллионами клиентов-пользователей. Бурное развитие электронной торговли привело к тому, что Интернет заполнен сетевыми магазинами, сетевой рекламой и активно развивающимися платежными сервисами, онлайн-играми и сетевыми казино. При этом вмешательство государственных структур способствует слиянию интересов властных органов и торговых площадок, единству «диктатуры» и «торговли». Символом такого неожиданного симбиоза стал проект Dragonfly компании Google в виде поисковой машины для Китая, определяющей номера телефонов задавших вопрос пользователей.

Проблема современного информационного общества состоит не только в том, что человек не способен справиться с объемом и интенсивностью поставляемой регулярно информации, а в том, что эта информация ему периодически насаждается, он получает эту информацию, даже если у него нет желания её получать.

Происходит индивидуальное информационное давление на каждого отдельно благодаря быстрому развитию сети Интернет, кабельного телевидения, мобильной связи, в том числе при помощи персонализированной рекламы, направляемой человеку через всплывающие «окна» сайтов, смс-сообщения, электронные письма (реклама научных журналов, продажа товаров массового спроса и др.). Цифровой мир индивидуализируется, существуют

[18] Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. М., 2012. С. 7.

[19] См.: World Internet Usage and Population Statistics, March 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.internetworldstats.com/stats.htm (дата обращения: 05.03.2019).

нейросистемы и контекстная реклама, ориентированная на вкусы и желания конкретного потребителя. Личность утрачивает индивидуальность. Она становится фактически подконтрольной Глобальной сети интернет-коммуникаций. Всё это ставит серьезные философские и юридические вопросы о границах частной жизни и свободы человека.

Сетевые ресурсы способны оказывать губительное воздействие на сознание, психику, поведение граждан, нередко приводя их на скамью подсудимых. Резонансные события для современной действительности: сайты о детских клубах самоубийц[20], каналы вербовщиков ИГИЛ (организации, запрещенной в России)[21], форумы «колумбайнеров»[22], приведшие к недавнему кровопролитию в российских школах, – являются печальным и тревожным свидетельством сетевого нивелирования значимости гуманистических ценностей.

Информационное воздействие проявляется также и в том, что человек утратил связь с реальностью, природа и общество изучаются им бесконтактно. Информация добывается из социальных сетей и разнообразных средств коммуникаций и зачастую используется без должной аналитической работы и оценки.

Современное общество не видит необходимости в доказательствах подлинности информации, в проверке фактов. Ведь катализатором действий становится случайно полученная информация, а побеждает тот, кто владеет информационным пространством. Так, например, развитые государства заявляют о зависимости результатов национальных плебисцитов, других важных политических и социальных решений в их странах от атак хакеров. В таких условиях свободное волеизъявление человека, истинные демократические ценности мало что значат.

Социальные сети позволяют не чувствовать себя одиноким, даже если человек лишен реальной коммуникации. Не выходя из дома, он формирует для себя новые образы и модели поведения. Восприятие такого иллюзорного мира сквозь призму социальных сетей порождает немало личностных и социальных проблем. В то же время уровень информационного насилия в каждом государстве разный, зависит от степени научно-технического прогресса. Например, в США онлайн-воздействие на информационную среду каждого человека происходит практически постоянно через сотни теле- и интернет-каналов, множество средств массовой информации. В менее развитых странах этот уровень ниже, но процессы информатизации и цифровизации в скором будущем поставят каждое государство перед необходимостью решать эту цивилизационную проблему.

Помимо утраты конфиденциальности частной жизни цифровая экономика атомизирует человека, эксплуатирует его примитивные инстинкты и потребности, превращая их в товар и средство для ничем не ограниченной рекламы товаров и услуг. Очевидно, что это лишь первые технические шаги к будущему глобальному манипулированию растущими объемами личных данных[23].

С правовой точки зрения информационное воздействие и в целом киберпространство оказались практически неурегулированными. Попытки решить вопрос в рамках ООН о международно-правовой регламентации информационных отношений не увенчались успехом, поскольку управление цифровой информацией, прежде всего в сети Интернет, становится преимуществом, которым государства-лидеры не хотят делиться.

Стратегия национальной кибербезопасности Соединенных Штатов Америки, подписанная Президентом США в сентябре 2018 г., открыто провозглашает, что появление Интернета и увеличение влияния киберпространства на все сферы жизни современного мира совпали со становлением Соединенных Штатов Америки в качестве единственной сверхдержавы во всем мире. США доминируют в мире и должны доминировать в киберпространстве – сейчас и в будущем. Будучи лидером, они должны продвигать свое влияние по миру. Основой влияния Соединенных Штатов в киберпространстве является технологическое преимущество. Соответственно, правительство Соединенных Штатов обеспечит проведение скоординированных действий по защите передовых технологий, в том числе от их кражи противниками, обеспечит поддержку доработки этих технологий и возможного уменьшения барьеров для американских компаний при выходе на рынок.

На достижение этих же целей направлен Указ Президента США от 11 февраля 2019 г. о сохранении

[20] См.: *Прохазкова П.* Эпидемия детских самоубийств. URL: https://inosmi.ru/social/20120222/186616453_8.html; Клубы самоубийц. URL: http://palata6.net/page-id-118.html

[21] См.: Сотрудник К-9 о том, как вербуют в ИГИЛ (интервью). URL: https://www.pravda.ru/society/family/pbringing/16-11-2016/1318201-abduragimov-0

[22] URL: https://mel.fm/shkola/1935407-kill_in_school; *Гнединская А.* Что творится в закрытых колумбайн-сообществах, воспевающих подростков-убийц. URL: https://ria.ru/society/20180507/1519930073.html

[23] См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://newrezume.org/news/2018-12-08-30715?utm_source=copypast (дата обращения: 05.03.2019).

американского лидерства в области искусственного интеллекта[24].

Интернет стал средством, приносящим огромные выгоды как внутри страны, так и за рубежом. Более того, он позволяет распространять американские ценности: свободу, безопасность и процветание. Как написано в одной из стратегий США: «Мы будем всячески противодействовать попыткам авторитарных государств, рассматривающих открытый Интернет как политическую угрозу, превратить свободный и открытый Интернет в авторитарную сеть с тотальным контролем под видом обеспечения безопасности или борьбы с терроризмом»[25].

В современном обществе с точки зрения защиты прав и свобод каждый пользователь одновременно выступает и субъектом правоотношений, и объектом информационного воздействия. Поэтому в случае совершения компьютерных преступлений субъектом становится бенефициар от совершенных преступных действий, а не конкретный исполнитель чужой воли. Ответственность субъектов, оказывающих услуги в сети Интернет и с использованием оргтехники, в современных условиях распространяется уже не только на их качество, но и на соблюдение запросов клиентов. В ином случае нормативные предписания и требования могут оказаться избыточными без реальной возможности обнаружения виновных в совершении правонарушений.

Вызовы цифровизации и информатизации для современного общества являются более серьезными с точки зрения соблюдения прав человека, конфиденциальности частной жизни, обеспечения естественных прав. Общество, государство, религиозные конфессии, сам человек – всё изменилось. Современный научно-технический прогресс благодаря цифровой коммуникации отличается от раннебуржуазного своей интенсивностью и стремительностью. Новые технологии возникают практически ежедневно, скорость их распространения по миру многократно увеличивается, при этом нередко они «врываются» в жизнь человека не только без его прямого согласия, но и до его осознания и понимания такого вмешательства. В такой ситуации правовое мышление и правовые принципы поставлены в крайне уязвимое положение, сталкиваясь с рядом социальных угроз, неизвестных ни философам, ни юристам прошлого.

Сфера права подвергается испытаниям и в России. Для современного российского общества характерны внутренние противоречия, взаимодействие разных жизненных укладов, сочетание инновационности с консерватизмом и религиозностью как образом национального менталитета. Отличительной чертой нашей страны всегда являлись пестрота ее национального состава и сочетание различных укладов, в которых существует население страны от Ледовитого океана до южных границ, от западных границ к Тихому океану.

До революции эта пестрота проявлялась в разных подходах к регулированию отношений в разных сообществах. Мы обычно воспринимаем Российскую Империю как монолит, как нечто, что распространяло свое влияние через единую правовую систему, что на самом деле совершенно неверно: отдельные правила были в разные годы и для польских земель, и для остзейских, и для финских, и для некоторых иных территорий. Это важно подчеркнуть, потому что в России действовало несколько правовых систем одновременно; и в этом была своя логика: «сшить» всю такую разную страну одним правом было невозможно или было чревато серьезными конфликтами.

Это разнообразие правового регулирования мы частично преодолели во времена СССР за счет единой идеологии и экономической модели. Но оно в итоге имело для страны фатальные последствия, а как только СССР не стало, мы в полной мере ощутили, насколько сложно в новых условиях примирить различные подходы и представления о том, *как, что и на каких принципах* надо регулировать.

Бурные события конца 80 – начала 90-х годов, когда исчезла враз правовая система государства, вновь поставили перед страной, ее правовым сообществом базовые вопросы: о собственности, справедливости, равенстве, о том, что считать приветствуемым обществом поведением, а что за гранью, о целях и методах наказания и др.

Сложные экономические реформы, приведшие к большим социальным проблемам, маргинализации больших групп населения, росту общеуголовной преступности, только добавили накала в эти обсуждения (вспомним события октября 1993 г.).

Академик В.Н. Кудрявцев, выступивший в 2002 г. на Общем собрании Российской академии наук с насыщенным и аргументированным докладом на тему «Нравы общества переходного периода»[26], дал научную оценку состоянию российского

[24] См.: Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence, Issued on: February 11, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence/ (дата обращения: 05.03.2019).

[25] National cyber strategy of the USA, September 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: file:///C:/Users/Master/Desktop/National-Cyber-Strategy.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

[26] *Кудрявцев В.Н.* Нравы общества переходного периода // Вестник РАН. 2002. Т. 72. № 3. С. 222.

общества после периода реформ 90-х годов XX в., а также наметил наиболее острые социальные и экономические проблемы российского общества в переходный период для адекватного преобразования российской правовой системы.

Каким образом он оценивал результаты реформ в стране? Прежде всего в обществе изменилось отношение к собственности после ее приватизации и развития рыночных отношений, в международных отношениях кончилась эпоха «железного занавеса» и «холодной войны». Но наряду с этим в России произошел глубокий экономический спад. Распад СССР ослабил авторитет страны в мире.

В.Н. Кудрявцевым были отмечены изменения в ценностных ориентациях россиян по итогам исследований члена-корр. Н.И. Лапина. Ученый пришел к выводу, что можно выделить так называемые терминальные, или базовые, ценности, которые за время исследования не изменились. Это человеческая жизнь, свобода, общение с другими людьми, семья, работа, благополучие человека[27].

Вторая группа – инструментальные ценности. Их можно назвать средствами по отношению к базовым, терминальным. Вот их содержание и соотношение стали меняться. Так, в 1990 г. на первый план при опросах населения выходили порядок в государстве и спокойная совесть, порицались эгоизм и индивидуализм. В 1994 г. картина стала иной: ведущими ценностями были названы стремление к личному успеху и предприимчивость. В тот период в силу особенностей жизни в условиях рыночной экономики получили распространение взгляды, которые, как известно, ранее порицались[28].

В 1998 г. исследователи зафиксировали новую тенденцию: многие начали задумываться над происходящим и настаивать на приоритете такой ценности, как равенство стартовых условий жизни.

Вполне понятно, что к этому времени была осознана важность этого фактора, особенно в предпринимательской деятельности, поскольку он существенно влияет на дальнейшую судьбу бизнесмена. Одновременно в общественном мнении сформировался взгляд, в соответствии с которым «любая работа хороша, если она дает хороший заработок». Нетрудно заметить, что здесь проявляется отнюдь не интерес к работе, а только интерес к деньгам; работа оказывается лишь средством их получения.

Спустя два десятилетия восприятие российскими гражданами материальных условий жизни принципиально не изменилось.

В социологических опросах все также фиксируется интерес граждан к обеспечению права на охрану здоровья (49% респондентов), права на образование (45%) и права на труд (40%). Значимость права на доступ к образованию в общественном сознании неуклонно повышается, что с точки зрения опросов уже фиксирует прирост в два раза за последние 15 лет.

В то же время с точки зрения возрастных групп популярность личных прав человека (права на жизнь) характерна для молодежи от 18 до 24 лет (47% респондентов), права на образование – для молодежи от 25 до 34 лет (43%), а права на охрану здоровья – для граждан старше 45 лет (58%)[29].

Подобная ситуация является отражением социального расслоения в российском обществе, действием неформальных внеправовых правил поведения и стремлением людей сформулировать запрос на изменения сложившейся социально-экономической модели.

Результаты новейших опросов общественного мнения фиксируют последствия сложившегося в 90-е годы XX в. правового нигилизма, теперь уже проявляющегося в поведении современного молодого поколения российских граждан.

Так, регулярные опросы «Левада-центра» накануне Дня Конституции России фиксируют, что в 2017 г. 37% граждан страны никогда не читали Конституцию. Но и те, кто читал Основной Закон (27%), признаются, что его содержание не помнят. Другая категория опрошенных граждан (25%) отмечает, что плохо помнит содержание норм Конституции. Лишь каждый 10-й гражданин во время опроса утверждал, что знает и помнит содержание конституционных норм. Каждый 13-й респондент сумел назвать 1993 г. как год принятия Конституции РФ, 38% опрошенных изучали Конституцию в вузе, а 30% – в школе. 15% респондентов заявили, что знание Конституции им необходимо для выполнения работы.

В такой ситуации говорить о мерах по повышению уровня правосознания бессмысленно, поскольку мотивация поведения граждан определяется иными, неправовыми факторами. Так, сокращается число граждан, считающих, что российские власти соблюдают законы, – с 44% в 2016 г. до 32% в 2018 г. И хотя не согласны с ними 14% респондентов, 40% отмечают в опросе, что российские чиновники частично соблюдают требования законодательства[30].

[27] См.: *Кудрявцев В.Н.* Указ. соч. С. 223.

[28] См.: там же. С. 224, 225.

[29] См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://rg.ru/2018/12/04/vciom-indeks-informirovannosti-o-soderzhanii-konstitucii-vyros.html (дата обращения: 15.03.2019).

[30] См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.rbc.ru/society/10/12/2017/5a2cf3a49a794728cdf93921?from=main (дата обращения: 15.03.2019).

Такое положение уже способствует закреплению в общественном сознании психологического портрета среднестатистического коррупционера, как отмечают представители Генеральной прокуратуры РФ, обладающего такими чертами, как меркантильность, жадность, корысть, стремление к материальным ценностям, властолюбие и др.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что активные в своей деятельности, коммуникабельные, устойчивые к стрессовым ситуациям, с высшим образованием и навыками самоконтроля люди и превращаются в российском обществе в тех, кто проводит коррупционные схемы принятия решений в повседневную жизнь[31].

Другая точка зрения, высказанная российским психотерапевтом Л.М. Щегловым, подчеркивает непрофессионализм как важнейшую черту социальных лифтов в карьере современного чиновника[32].

Однако у обозначенной проблемы есть и иная сторона, которая также фиксируется социологическими исследованиями. Согласно данным Университета прокуратуры Российской Федерации не менее 60% населения в случае нарушения Правил дорожного движения, необоснованного получения больничного листа, при сдаче экзаменов не считают противоправным «проявление благодарности» в денежном или натуральном выражении. Аналогичным образом правовое сознание подавляющего числа граждан не отождествляет с преступностью хакерские атаки и совершение преступлений с использованием IT-технологий.

Очевидно, что само по себе правовое общество как результат эволюции возникнуть не может – его нужно создавать. И в этом процессе без поддержки права, правовых норм, создания системы их гарантий решить задачу преодоления правового нигилизма невозможно, какие бы правильные и справедливые законы ни принимались. Как отмечал акад. В.С. Степин, «для того чтобы изменилось состояние правового сознания, нужно, чтобы изменились базисные ценности культуры, чтобы они были приведены в соответствие с провозглашаемым общественным идеалом правового общества – пониманием свободы, права, справедливости, пониманием природы человеческой деятельности, добра и зла, истины, красоты и т.п.»[33].

В этом же ключе, но в более категоричной форме выразил свое мнение акад. В.Н. Кудрявцев: «Нет оснований ни удивляться, ни, тем более, возмущаться существованием в стране преступности и преступников, коль скоро сам образ жизни людей, призванный использовать социальные институты цивилизованного общества, не соответствует провозглашенным идеалам»[34].

Современное общество не случайно многими учеными характеризуется как общество потребления, в котором духовная жизнь заменяется потреблением материальных благ. Это своего рода высшее достижение, апогей развития буржуазного общества. Такое общество изначально строилось на стремлении к наживе, буржуа и есть создатель и носитель новой западной духовности, выраженной главным образом в одном – в приобретении и потреблении материальных благ. Если европейское дворянство во многом жило идеями государственности и религии, то у буржуа на первом месте всегда стоял личный эгоистический интерес. Во второй половине XX в., когда материальные блага становятся доступными широким слоям населения, буржуазные ценности достигают своего апогея, ими проникаются массы. Данный феномен получил свое отражение в философии, социологии и искусстве.

Так, Х. Ортега-и-Гассет пришел к выводу о появлении на Западе массового общества, где буржуазная культура становится не просто господствующей, но массовой, диктующей стандарты поведения для индивидов. Диктат массовой культуры, проявляющей себя прежде всего в пафосе потребления, нивелирует и стандартизирует личность, заставляет ее быть послушным автоматом, лишает ее индивидуальности и духовности[35]. Н.А. Бердяев дал острую критику технической культуры западного общества, ставшей органической частью массовой культуры потребления. Человек, рассуждает он, становясь придатком машинного производства, сам становится частью этой машины. Он воспринимает себя как винтик, жестко встроенный в механизм производства материальных благ, что радикально меняет психологию индивида. Техника, лишая человека его индивидуальных качеств, навязывает ему в том числе стандарты потребления. Будучи частью механизма производства, распределения и потребления материальных благ, индивид воспринимает себя через призму системы потребностей, сформированных обществом. В итоге духовные ценности уходят на задний план, уступая место ценностям материального

[31] См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.gazeta.ru/social/2018/12/06/12085813.shtml (дата обращения: 15.03.2019).

[32] См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.znak.com/2019-03-18/seksolog_lev_cheglov_o_psihiatricheskom_portrete_elity_i_naroda_rossii (дата обращения: 15.03.2019).

[33] *Степин В.С.* Философская антропология и философия культуры. М., 2015. С. 306.

[34] *Кудрявцев В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. С. 7.

[35] См.: *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избр. труды. М., 1997.

потребления[36]. Смысл потребления и его детальную структуру в современном западном обществе показал французский социолог и философ Ж. Бодрийяр. Его знаменитая книга «Общество потребления» (1970) стала обличительным памфлетом буржуазного общества, где материальные ценности, потребление становятся фетишем, «земным богом», которому поклоняется современный человек. В обществе потребления индивид смотрит на мир не непосредственно, а посредством знаков, сформированных системой потребностей массового общества. В этом случае личность оказывается во власти «симулякров», т.е. пустых, ложных ценностей, за которыми нет реальной наполненности. Духовная жизнь человека выхолащивается и заменяется исключительно животным существованием[37].

Согласно данным ООН и расчетам аналитической компании Wealth-X в настоящее время совокупное состояние 2473 миллиардеров мира превышает 7.7 трлн долл. Это эквивалентно совокупному ВВП 4/5 всех стран мира в 2015 г., в то время как сотни миллионов семей с трудом поддерживают уровень жизни в расчете на 1.25 долл. в день.

Зияющая пропасть между самыми богатыми и самыми бедными не только является несправедливой, но и подвергает риску экономику, общество и государства. Осознавая этот риск, правительства стран мира договорились в 2015 г. о том, что путь к устойчивому развитию в ближайшие 15 лет должен основываться на фундаменте равенства, справедливости и всеобщего осуществления прав[38].

Ценности общества потребления, возникнув на Западе, постепенно расширяют сферу своего влияния на все регионы мира, в том числе на Россию. Как справедливо заметил Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, характеризуя современное общество, одни пребывают в состоянии «равнодушного (апатичного) гедонизма»[39], а другим, как и много столетий назад, не хватает средств к существованию.

При этом массовое потребление сегодня достигло своего расцвета, стимулируя спрос на потребление во всех ценовых сегментах и возрастных категориях, когда становится невозможно приобрести вещь навсегда, как в прежние времена. Интенсивность современного производства, возникшая на основе новейших технологий, фактически поставила в центр человеческой жизни идею потребления, заставляя находиться в постоянной потребительской гонке за новыми брендами и марками автомобилей, телефонов, одежды[40]. Вещи, которые раньше передавались в семье из поколения в поколение, сегодня оказываются выброшенными задолго до своей объективной амортизации.

Человечество могло бы приложить значительные усилия на пути гуманистического и нравственного развития. Но этому мешают всепоглощающий индивидуализм, гедонизм, корысть, личная выгода, обман, насилие, жестокость, цинизм, несусветное и неправедное богатство отдельных людей при глубочайшей нищете миллионов, а также стремление обеспечить исходные человеческие потребности виртуальными техническими устройствами, продуктами массовой культуры. Этому же мешает и то, какие смыслы воспроизводятся в массовом сознании, масс-медиа. В результате воспроизводства отрицательных ценностей, их, по сути, транзита от одного поколения к другому мы видим разобщенность общества, усиливающийся индивидуализм, стремление к достижению удовольствий, «сбрасывание» любой социальной ответственности или перенесение принятия важных жизненных решений на «потом». Не случайно для многих представителей современной молодежи характерно нежелание приобретать жилье или интегрироваться в трудовой коллектив по месту работы. И можно сколько угодно придумывать оправдание этим тенденциям, однако понятно, что разрушение принципов социальной солидарности ничем для общества в целом, кроме как энтропии, «бегства» в другие общества, не обернется. Н.А. Бердяев справедливо отмечал, что «индивидуализм, не знающий границ и ничему себя не подчиняющий, расшатывает индивидуальность. Мы видим в последних плодах новой истории странную и таинственную трагедию человеческой судьбы. С одной стороны, мы видим раскрытие идеи индивидуальности, которой не знала предшествующая эпоха, которая открывает что-то новое в человеческой культуре и вносит какие-то новые ценности; с другой стороны, мы видим такое расшатывание человеческой индивидуальности, какого раньше никогда не было. От

[36] См.: *Бердяев Н.А.* Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994; *Его же.* О назначении человека. М., 1993.

[37] См.: *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

[38] См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2017.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

[39] *Зорькин В.Д.* Право против хаоса. М., 2018. С. 76, 77.

[40] Достаточно сказать, что Apple, Amazon по капитализации достигли 1 трлн долл. ко второй половине 2018 г. Аналогичный рост капитализации наблюдается и в другой части Земного шара (например, Ali Baba в КНР), т.е. тенденция накопления капитала в сфере услуг заметно превышает возможности традиционных сырьевых отраслей и промышленности. Отсюда формирование новой философии у топ-менеджеров крупных корпораций, которые видят в качестве критерия собственного успеха личный эгоизм, а не заботу о благе Родины.

безграничности и безудержности индивидуализма индивидуальность погибает»[41].

Крайности гедонизма вовсе отрицают цивилизационное будущее за пределами одного поколения: мы живем в свое удовольствие, а дети должны сами о себе заботиться. Отсутствие преемственности гуманистических идей лишает цивилизацию и человечество будущего, влечет опасность не только потери свободы, достоинства, уважения личности, но и самой личности как самодостаточного социального субъекта. Поэтому необходимо формировать коллективное общественное сознание, базирующееся на основных общечеловеческих ценностях. Коллективизм в данном случае – это не способ ограничения человеческой свободы, а условие выживания коллективного социума, без которого человек самостоятельно реализовать себя не сможет.

Современная эпоха характеризуется глобальными природными и социальными катаклизмами, связанными с чрезмерной эксплуатацией природных богатств ради искусственного стимулирования экономического роста и производительности труда. Сегодня масштабные проекты по освоению Арктического шельфа или прокладке дорожных магистралей уже не могут рассматриваться как проекты национального уровня, поскольку воздействуют на среду обитания всей человеческой цивилизации.

Право – это продукт общественной жизни. Без человеческого общества оно не существует, а потому проблемы во всех иных сферах, в которых это общество живет, отражаются на правовой сфере самым непосредственным образом. Сегодня право переживает кризис, как зеркало отражая кризисное состояние общества. К сожалению, реакция на этот кризис пока не вполне адекватная: вместо того чтобы предложить обществу программу изменений, основанную на согласии, на учете критических замечаний, абстрактный законодатель (во всех его проявлениях) только усиливает неопределенность, раздражение от правовых решений (ведь право любое – это вообще всегда ограничитель поведения). С какого-то времени мы наблюдаем непрекращающийся поток новых нормативных инициатив. На любую проблему, любой повод из Интернета мы тут же предлагаем принять закон или изменение в закон или иной нормативный акт. В ситуации, когда в обществе нет консенсуса по базовым решениям, когда законодательство так объемно, что его невозможно запомнить и понять, а уж тем более использовать обычному, среднему человеку, это влечет тотальное отчуждение людей от правовой сферы. Стремление достичь законопослушания через еще больший рост ограничений, репрессалий, обязанностей приводит к отказу людей находиться в правовой сфере, связи с государством (типичный пример – история с регулированием так называемых самозанятых). При этом общество как будто бы забыло о том, что закон – это комплекс правил, регулирующих поведение обычных людей, и эти правила мало чем отличаются от других правил поведения, в регулирование которых власти вмешивались только в исключительных случаях или не вмешивались вообще. Индивидуальное сознание граждан не в состоянии даже уследить за тысячами принимаемых каждый год законов. Презумпция знания закона утратила всякий смысл. Общественное поведение граждан сводится к постоянному приспосабливанию к меняющимся условиям.

Результат этого – углубляющийся кризис права, девальвация его как регулятора. В итоге при принятии правовых решений в некоторых чувствительных для общества областях – контрольно-надзорная деятельность – мы используем зарубежную средневековую терминологию о правовой гильотине! Недостаточно задействуется академический экспертный потенциал в гуманитарной сфере. Складывается впечатление, что теперь главное – как можно быстрее принять закон, «провести» его через все перипетии законопроектного процесса. Качество в этом случае остается отнюдь не на первом месте. И в этом нет никакой присущей только российскому законодателю особенности.

Возрастающее значение роли законодательства практически во всех правовых системах мира объясняют, как правило, не правоведы, а политологи и представители исполнительной власти. В качестве аргументов приводятся непрерывные изменения в развитии новых технологий и стремление не отстать от прогресса. И действительно, если общество недостаточно быстро реагирует на меняющийся характер общественных отношений, то его кризис неизбежен. Но и в отчаянной гонке законодателя с новой реальностью и возможностями компьютерных сетей оно может потерять все то хорошее, что было у его граждан до начала перемен, и прийти к такому же финалу.

Именно поэтому усиление предварительной и, подчеркну, не всякой вообще, а именно академической (со стороны РАН) экспертизы предлагаемых правовых решений может способствовать качественному изменению в правовой сфере. Важное значение имеют и темпы изменений: право – это вещь, основанная на традиции. Это не инструкция для переписывания каждый день, поскольку в его основе – ценностные факторы, на которых строится гражданская и культурная идентичность. И эти ценности для общества важно сохранить.

* * *

Таким образом, в наше время философия права с необходимостью должна обращаться к глобальным процессам, поскольку все они связаны с резким

[41] *Бердяев Н.* Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. YMCA-PRESS, Paris V, 1969. С. 185. Цит. по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.odinblago.ru/smisl_istorii (дата обращения: 15.03.2019).

усилением роли государства и права. В условиях глобального кризиса философия права может и должна оказывать воздействие на сознание общества и его правящего класса, указывая на возможные риски и способы их избежать. Сам ход исторических событий ставит философию права в центр духовной и научной жизни, делает ее важным средством преобразования общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 1993.
2. *Бердяев Н.* Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. YMCA-PRESS, Paris V, 1969. С. 185. Цит. по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.odinblago.ru/smisl_istorii (дата обращения: 15.03.2019).
3. *Бердяев Н.А.* Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
4. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
5. *Брейтуэйт Д.* Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002. С. 12.
6. *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003. С. 10.
7. *Гнединская А.* Что творится в закрытых колумбайн-сообществах, воспевающих подростков-убийц. URL: https://ria.ru/society/20180507/1519930073.html
8. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса. М., 2018. С. 76, 77.
9. Клубы самоубийц. URL: http://palata6.net/page-id-118.html
10. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 41.
11. *Кудрявцев В.Н.* Нравы общества переходного периода // Вестник РАН. 2002. Т. 72. № 3. С. 222–225.
12. *Кудрявцев В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. С. 7.
13. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1909.
14. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Об общественном идеале. Берлин, 1922.
15. *Новгородцев П.И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74–75.
16. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избр. труды. М., 1997.
17. *Прохазкова П.* Эпидемия детских самоубийств. URL: https://inosmi.ru/social/20120222/186616453_8.html
18. *Путин В.В.* Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://iz.ru/news/511884 (дата обращения: 15.01.2019).
19. *Сорокин П.* Основы будущего мира / ред.-изд. С. Нонин. Пг., 1917. С. 2.
20. Сотрудник К-9 о том, как вербуют в ИГИЛ (интервью). URL: https://www.pravda.ru/society/family/pbringing/16-11-2016/1318201-abduragimov-0
21. *Степин В.С.* Философская антропология и философия культуры. М., 2015. С. 306.
22. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2018. С. 357.
23. Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. М., 2012. С. 7.
24. *Шумилов В.М.* Концепция глобального права и глобальной нормативной системы // Современный юрист. 2015. № 3. С. 70–87.
25. *Caney S.* Justice Beyond Borders. A Global Political Theory. Oxford, 2006. P. 226–262.
26. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364 (дата обращения: 15.03.2019).
27. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger; mit Beiträgen von A. Büllesbach, G. Ellscheid, W. Hassemer u.a. 9., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg, 2016. XXIX. S. 1, 8, 9.
28. Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence, Issued on: February 11, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence/ (дата обращения: 05.03.2019).
29. National cyber strategy of the USA, September 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: file:///C:/Users/Master/Desktop/National-Cyber-Strategy.pdf (дата обращения: 15.03.2019).
30. Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly (25 September 2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/ (дата обращения: 05.03.2019).
31. "The district courts shall have original jurisdiction of any civil action by an alien for a tort only, committed in violation of the law of nations or a treaty of the United States". Since 1980, courts have interpreted this statute to allow foreign citizens to seek remedies in U.S. courts for human-rights violations for conduct committed outside the United States [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://codes.findlaw.com/us/title-28-judiciary-and-judicial-procedure/28-usc-sect-1350 (дата обращения: 19.03.2019).
32. World Internet Usage and Population Statistics, March 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.internetworldstats.com/stats.htm (дата обращения: 05.03.2019).

REFERENCES

1. *Berdyaev N.A.* On the appointment of a person. M., 1993 (in Russ.).
2. *Berdyaev N.* The meaning of history. The experience of the philosophy of human destiny. YMCA-PRESS, Paris V, 1969. P. 185. Cit. by: [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.odinblago.ru/smisl_istorii (accessed: 15.03.2019) (in Russ.).

3. *Berdyaev N.A.* The fate of man in the modern world. To the understanding of our epoch // Berdyaev N.A. Philosophy of the free spirit. M., 1994 (in Russ.).
4. *Bodriyar Zh.* Consumer society. His myths and structures. M., 2006 (in Russ.).
5. *Braituait D.* Crime, Shame and Reunion. M., 2002. P. 12 (in Russ.).
6. *Vallerstein I.* After Liberalism. M., 2003. P. 10 (in Russ.).
7. *Gnedinskaya A.* What's going on in closed Columbine communities celebrating teenage murderers. URL: https://ria.ru/society/20180507/1519930073.html (in Russ.).
8. *Zorkin V.D.* Law against chaos. M., 2018. P. 76, 77 (in Russ.).
9. Suicide clubs. URL: http://palata6.net/page-id-118.html (in Russ.).
10. *Korkunov N.M.* Lectures on the General theory of law. SPb., 2003. P. 41 (in Russ.).
11. *Kudryavtsev V.N.* Mores of society in transition // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2002. Vol. 72. No. 3. P. 222–225 (in Russ.).
12. *Kudryavtsev V.N.* Strategies for combating crime. M., 2005. P. 7 (in Russ.).
13. *Novgorodtsev P.I.* Introduction to the Philosophy of Law. The crisis of modern legal knowledge. M., 1909 (in Russ.).
14. *Novgorodtsev P.I.* Introduction to the Philosophy of Law. About the social ideal. Berlin, 1922 (in Russ.).
15. *Novgorodtsev P.I.* State and law // Questions of philosophy and psychology. 1904. Books 74–75 (in Russ.).
16. *Ortega-i-Gasset H.* The Uprising of the masses // Ortega-i-Gasset H. Selected works. M., 1997 (in Russ.).
17. *Prokhazkova P.* Epidemic of child suicides. URL: https://inosmi.ru/social/20120222/186616453_8.html (in Russ.).
18. *Putin V.V.* Russia is concentrating – challenges that we must answer [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://iz.ru/news/511884 (accessed: 15.01.2019) (in Russ.).
19. *Sorokin P.* Fundamentals of the future world / editor-publishered S. Nonin. Pg., 1917. P. 2 (in Russ.).
20. K-9 employee on how to recruit to ISIS (interview). URL: https://www.pravda.ru/society/family/pbringing/16-11-2016/1318201-abduragimov-0 (in Russ.).
21. *Stepin V.S.* Philosophical anthropology and philosophy of culture. M., 2015. P. 306 (in Russ.).
22. *Hantington S.* Who are we? Challenges of American national identity. M., 2018. P. 357 (in Russ.).
23. Man and his future. New technologies and human capabilities. M., 2012. P. 7 (in Russ.).
24. *Shumilov V.M.* The concept of global law and global regulatory system // Modern Lawyer. 2015. No. 3. P. 70–87 (in Russ.).
25. *Caney S.* Justice Beyond Borders. A Global Political Theory. Oxford, 2006. P. 226–262.
26. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364 (accessed: 15.03.2019).
27. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / herausgegeben W. Hassemer, U. Neumann, F. Saliger; mit Beiträgen von A. Büllesbach, G. Ellscheid, W. Hassemer u.a. 9., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Heidelberg, 2016. XXIX. S. 1, 8, 9.
28. Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence, Issued on: February 11, 2019 [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence/ (accessed: 05.03.2019).
29. National cyber strategy of the USA, September 2018 [Electronic resource]. – Access mode: URL: file:///C:/Users/Master/Desktop/National-Cyber-Strategy.pdf (accessed: 15.03.2019).
30. Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assem-bly (25 September 2018) [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/ (accessed: 05.03.2019).
31. "The district courts shall have original jurisdiction of any civil action by an alien for a tort only, committed in violation of the law of nations or a treaty of the United States". Since 1980, courts have interpreted this statute to allow foreign citizens to seek remedies in U.S. courts for human-rights violations for conduct committed outside the United States [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://codes.findlaw.com/us/title-28-judiciary-and-judicial-procedure/28-usc-sect-1350 (accessed: 19.03.2019).
32. World Internet Usage and Population Statistics, March 2019 [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.internetworldstats.com/stats.htm (accessed: 05.03.2019).

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
член-корреспондент РАН, директор Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
Corresponding Member of RAS,
Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 118–139
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 118–139

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ[1]

© 2022 г. В. И. Жуков[1, *], Д. А. Савенков[2, **]

[1] Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2] Город Москва

**E-mail: 89260715525@mail.ru*
***E-mail: SavenkovDA@yahoo.com*

Аннотация. В статье ставится задача осветить процесс институционализации социологии уголовного права, выявить ее гносеологические истоки и сформулировать теоретико-методологические основы социологии уголовного права как одной из важнейших областей современного юридического знания. Раскрывается роль крупнейших специалистов в области истории и теории правовых учений, в частности анализируются взгляды Э. Ферри, Е. Эрлиха. Обосновывается приоритет результатов научных исследований отечественных правоведов в использовании социологических методов анализа криминальных явлений и социальных процессов, в становлении социологии уголовного права как области юриспруденции. Особое внимание уделяется систематизации накопленного исследовательского опыта, в частности раскрывается перспективная роль социологии права в нормативном обеспечении реализации требований Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а также разработанных Правительством РФ национальных проектов, рассчитанных на достижение экономического прорыва в развитии страны.

Ключевые слова: социология права, социология уголовного права, институционализация новой отрасли юридических знаний, предмет и уровни познания.

Цитирование: *Жуков В.И., Савенков Д.А.* Институционализация социологии уголовного права в истории и теории юридической науки // Государство и право. 2022. № 2. С. 118–139.

DOI: 10.31857/S102694520019126-9

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2020. № 7. С. 25–46. DOI: 10.31857/S102694520010681-0

INSTITUTIONALIZATION OF SOCIOLOGY OF CRIMINAL LAW IN THE HISTORY AND THEORY OF LEGAL SCIENCE[2]

© 2022 V. I. Zhukov[1, *], D. A. Savenkov[2, **]

[1] Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2] Moscow

**E-mail: 89260715525@mail.ru*
***E-mail: SavenkovDA@yahoo.com*

Abstract. The paper aims are to highlight the process of institutionalization of Sociology of Criminal Law, identify epistemological origins and formulate theoretical and methodological foundations of one of the most important areas of legal knowledge. The paper considers the role of the largest experts in the field of history and theory of legal doctrines, analyzes the views of E. Ferry, E. Ehrlich and other thinkers and justifies the priority of domestic lawyers in the use of sociological methods of analysis of criminal phenomena and social processes, in the formation of Sociology of Criminal Law as an interdisciplinary field of jurisprudence. Special attention is paid to systematization of the accumulated research experience, the role of the Sociology of Law in regulatory enforcement of the Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 2018 "On the national goals and strategic objectives development of the Russian Federation for the period up to 2024", and developed by the Russian Government's National projects designed to achieve economic breakthrough in the country's development.

Key words: Sociology of Law, Sociology of Criminal Law, institutionalization of a new branch of legal knowledge, the subject and levels of knowledge.

For citation: *Zhukov, V.I., Savenkov, D.A. (2022).* Institutionalization of Sociology of Criminal Law in the history and theory of legal science // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 118–139.

1. Предметная область социологии уголовного права

В современной юридической науке в качестве объекта научного познания традиционно рассматривается правовая реальность, взятая во всей ее сложности и целостности, в многообразии противоречивых связей с явлениями социальной жизни и духовной культуры. При этом социология права как область научного знания предоставляет отраслевым правовым наукам фундаментальные положения, касающиеся как изучения их предметов исследования, так и используемых социологических методов познания правовых явлений. В этом смысле анализ философско-методологической и гносеологической составляющей в процессе институционализации отдельной области юридических знаний является, безусловно, необходимым. Есть весьма важные обстоятельства, обусловливающие постановку вопроса о дисциплинарном значении и институциализации социологии уголовного права. Во-первых, в системе юридических наук и дисциплин существует имеющая давнюю историю такая наука, как криминология. Она возникла именно благодаря социологическому подходу к проблеме преступности. Эта юридическая наука носит специализированный отраслевой характер и строится на основе использования преимущественно социологических методов для изучения преступности и выработки мер ее предупреждения. Во-вторых, социология права за период своего становления настолько расширила свои познавательные возможности и методологические приемы, что сегодня с трудом умещается в рамках какой-то научной парадигмы, классифицирующей ее лишь в пределах юридической науки или социологии. В этой связи сложилась такая ситуация, когда, с одной стороны, криминология, концентрируясь на проблеме преступности, формулирует перспективы развития, как правило, лишь на основе уточнения методов работы, ограничиваясь основным своим предметом. Вместе с тем, с другой стороны, развитие социологии права предлагает широкие возможности по расширению и углублению как предметных и методологических аспектов, так и содержания и структуры ее тематических профилей.

Социология уголовного права ввиду тесной связи ее предметной области с криминологией и наукой уголовного права реализует базовую функцию – объективный анализ существующих мер противодействия преступности и прогнозирование последствий их применения для общества в целом.

По сути, социология уголовного права представляет собой особый вид интеллектуальной деятельности и способ рассуждения, в рамках которых могут быть подвергнуты рациональному сомнению как действующие нормативные предписания в области уголовного права, так и формы осуществления уголовной политики государством. Учитывая

[2] The article was published in the journal "State and Law" (2020), No. 7, pp. 25–46. DOI: 10.31857/S102694520010681-0

тенденции гуманизации мер уголовной ответственности, рационализации уголовно-процессуальных механизмов, социологическое исследование практики деятельности уголовно-правовых институтов – это одновременно ответ на запросы общества по поводу совершенных преступлений, изменения их криминологических характеристик, состояния преступности и влияния стремительно развивающегося научно-технологического процесса на появление новых правонарушений и изменение способов совершения уже известных противоправных деяний.

Философско-методологические подходы, лежащие в основе социологии уголовного права, сконцентрированы вокруг системы научных категорий, позволяющих адекватно воспроизводить социальные условия динамики преступности и последствия применения мер по противодействию противоправным деяниям.

За последние несколько десятилетий предпринимались неоднократные попытки заявить о проблеме социологии уголовного права[3], которая позволила бы шире посмотреть на проблему исследования обширного комплекса тем и проблем уголовно-правового профиля, но пока они не привели к созданию завершенной модели социологии уголовного права, что необходимо обусловливает академический и практический интерес к вопросам истории, состояния и возможностей институционального развития социологии уголовного права.

Для современного научного знания характерна тенденция расширения междисциплинарных исследований, способствующих изучению одного и того же объекта научного познания с помощью различных методологических средств. Как справедливо отмечает методолог науки Н. Картрайт, в современной науке достоверность и надежность научной теории уже не определяется только логической корректностью суждений ученого, а предполагает проверку и анализ всех результатов научной деятельности, включая построение модели изучаемого явления[4]. Именно такая задача реализуется в социологии уголовного права как неотъемлемой части социологии права и междисциплинарной области юридических знаний.

С появлением социологии как научной дисциплины в первой половине XIX в. и обоснования ее предметной области в трудах О. Конта формируются новые методологические подходы к анализу социальных явлений[5]. Влияние методологии философского позитивизма способствовало всеобщему распространению в XIX в. методов наблюдения и эксперимента в качестве средств научного познания. Для социологии права указанные методы направлены на сбор эмпирических данных, характер обобщения которых позволяет избежать субъективизма при интерпретации результатов. В процессе дисциплинарного становления социологии была значительно усовершенствована система методов познания социальной структуры общества, осуществлен поиск объяснений механизма функционирования социальных систем, что нашло отражение в трудах Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера и Т. Парсонса[6].

Однако отечественные мыслители обосновывали необходимость применения социологических методов значительно раньше. Так, А.Н. Радищев широко использовал статистические данные о преступности при составлении Свода законов[7] и формулировке предложений по реформированию законодательства. Социологические этюды нашли приют в сочинениях талантливых российских просветителей: А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.С. Крылова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.М. Горького. Не случайно один из основоположников русской революционной идеи Г.В. Плеханов величал В.Г. Белинского «гениальным социологом». По аналогии с этим, социологом нищеты можно назвать Н.А. Некрасова, социологом

[3] См.: *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. М., 1970; *Кузнецов А.В.* Социология применения норм уголовного права: лекция. М., 1976; *Спиридонов Л.И.* Социология уголовного права. М., 1986; *Маркунцов С.А.* Место уголовной социологии в структуре науки уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф., 27–28 января 2011 г. М., 2011. С. 90–95; *Блувштейн Ю.Д.* О предмете социологии уголовного права // Проблемы социологии уголовного права: сб. науч. тр. / редколл.: Ю.Д. Блувштейн, И.М. Гальперин, С.С. Куклянскис, С.И. Стачекас, А.М. Яковлев (отв. ред.). М., 1982. С. 17–29; *Коган В.М.* Научный семинар по социологии уголовного права // Сов. государство и право. 1988. № 3. С. 136–140; *Маркунцов С.А.* Изучение социологии уголовного права: общественный запрос или вынужденная необходимость? // Общественный запрос на социолого-правовые исследования и обучение социологии права: сб. ст. ф-та права НИУ ВШЭ. М., 2013. С. 94–101; *Его же.* Теория уголовно-правовых запретов как сквозная концепция социологии уголовного права // Социология уголовного права: общие вопросы социологии уголовного права и уголовного закона: социолого-правовые аспекты Особенной части Уголовного кодекса: сб. ст. (материалы I Междунар. науч.-практ. конф. «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития», состоявшейся 21–22 сентября 2012 г.). М., 2013. Т. I. С. 16–25; *Болотский Б.С.* Социология разбоя по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1970; Социология уголовного права: сб. ст. / ред. колл.: С.А. Маркунцов и др. М., 2019.

[4] См.: *Cartwright N.* Why Trust Science? Reliability, Particularity and the Tangle of Science // Proceedings of the Aristotelian Society. URL: https://www.aristoteliansociety.org.uk/pdf/nancy_cartwright.pdf (дата обращения: 22.05.2020).

[5] См.: *Савенков А.Н., Жуков В.И.* Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М., 2018. С. 15–20.

[6] См.: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / сокр. пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского; ред. и вступ. ст. Г.В. Осипова. М., 1972. С. 234, 364.

[7] См.: *Савенков А.Н., Жуков В.И.* Указ. соч. С. 23, 24.

социального быта – М.Е. Салтыкова-Щедрина, социологом морали и общественных нравов – А.М. Горького, социологом криминологии и пенологии – Ф.М. Достоевского.

В середине XIX в. социологические методы исследования стали применяться в трудах П.Н. Ткачева (1844–1886), М.А. Филиппова (1858–1903), Н.А. Неклюдова (1840–1896) и др.[8]

Сам термин «социология права» впервые употребил в своей работе итальянский ученый Д. Анцилотти в 1892 г. Но как отрасль науки социология права формировалась под влиянием идей Ш.Л. Монтескьё (1689–1755), а концептуально наиболее полно изложена в трудах Р. фон Иеринга (1818–1892), в сочинениях О. Эрлиха (1862–1922) и М. Вебера. Именно Эрлиху принадлежит первое исследование, в название которого вошел термин «социология права»[9]. Правда, социологию права Эрлих, как и некоторые другие его современники, считал не юридической, а социологической наукой, полагая, что юриспруденция вообще должна рассматриваться как раздел обществознания или социологии.

В отечественной литературе наиболее крупными представителями социологического направления юридической мысли были С.А. Муромцев (сочинение «Определение и основное разделение права», 1879), Н.М. Коркунов («Лекции по общей теории права», 1886), Б.А. Кистяковский, Г.Ф. Шершеневич и др.

Современной интерпретации социологии права посвящены исследования, в т.ч. учебники, дающие подробное описание этой междисциплинарной области знаний о праве и позволяющие удовлетворить познавательный интерес к теме ссылкой на наиболее значимые из них[10].

Изучение процесса институционализации социологии уголовного права и криминологии помимо гносеологического аспекта имеет еще одно, по-настоящему не оцененное значение: оно предостерегает нас от ошибок в расстановке приоритетов, восстанавливает первоочередное право на новизну и оригинальность, позволяет пресекать претензии на открытия, являющиеся на самом деле повторными. Например, в ряде работ утверждается, что изучение социальных условий совершения преступлений началось одновременно с использованием социологических методов анализа преступности в рамках криминологии, т.е. в XIX в. Однако уже в трудах Платона (427 г. до н.э. – 347 г. до н.э.) и Аристотеля (384 г. до н.э. – 322 г. до н.э.) эти сюжеты изложены с точки зрения зависимости масштабов нарушения законов от степени справедливости государственного устройства, под которым понимались четыре государственно-правовых феномена: отсутствие масштабного имущественного неравенства; наличие стабильных законов; борьба с поборами, мздоимством, т.е. коррупцией; оплата труда, обеспечивающая наличие в социальной структуре общества значительного количества людей, составляющих (по Аристотелю) средний класс.

Процесс институционализации социологии уголовного права в России имеет ряд особенностей. Во-первых, социологические методы анализа уголовно-правовой проблематики стали применяться на самых ранних этапах становления криминологии. Во-вторых, приоритет в осознании важности нравственной статистики и социологических методов анализа правовых явлений принадлежит отечественным, а не зарубежным мыслителям. В общеевропейском контексте проекты дисциплинарного оформления и разработки социологии права в целом необоснованно и односторонне освещаются лишь применительно к творчеству западных авторов, искажая то важнейшее обстоятельство, что русскими юристами были сформулированы одни из ранних и существенно опередивших своих зарубежных коллег концепции институциализации социологии права, притом получившие признание за рубежом[11].

Для современной социологии права характерно активное развитие социологии уголовного права как ее неотъемлемой междисциплинарной части.

2. Проблематика генезиса социологии уголовного права в истории западной юридической мысли

Развитие криминологии, т.е. науки, изучающей преступность и преступника, и социологии уголовного права как более общирной отрасли социолого-правового знания об уголовно-правовой проблематике, может рассматриваться как взаимосвязанный и в значительной степени единый процесс. Он включает в себя несколько гносеологических периодов, отражающих формационные ступени развития человечества.

На ранних этапах эволюции цивилизации отклонения от норм поведения, которое считалось

[8] См.: *Корнев А.В.* Социология права: учеб. М., 2017. С. 122, 123.

[9] См.: *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова. СПб., 2011.

[10] См., напр.: *Сырых В.М.* Социология права: учеб. М., 2012; Социология права: курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2015; *Лапаева В.В.* Социология права. М., 2016; *Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н.* Социология права: учеб. для бакалавриата и магистратуры. М., 2016; *Корнев А.В.* Указ. соч.; *Савенков А.Н., Жуков В.И.* Указ. соч.; *Жуков В.И.* Актуальные проблемы философии, социологии и психологии права: сб. докладов. М., 2019.

[11] Например, в США в 1909 г. на английский язык были переведены сочинения Н.М. Коркунова (1880-е годы).

нормальным, устанавливались в зависимости от того, насколько преступники и преступления отличались от сложившегося понимания возможного и запретного, справедливого и неправедного, соответствовали или нет бытовому кодексу поведения, обычаям и нравам, религиозным представлениям.

Понимание того, что люди и боги совместно участвуют в поддержании миропорядка, порождает идею эквивалентности, на которой строились все без исключения древние законы. Сакральный смысл этой идеи заключался в том, что нарушение того или иного родового обычая требовало принесения жертвы оскорбленным богам, а в качестве жертвы часто выступала либо жизнь нарушителя, либо его имущество. Отождествление какого-либо закона с божеством было направлено на то, чтобы подчеркнуть абсолютность и неизменность того или иного правила поведения.

Говоря о соотношении тяжести преступления и наказания в античный период, можно обратиться к законодательству Древней Индии. Об этом свидетельствует вполне конкретизированная цель наказания, которая заключалась в возмездии преступнику, предупреждении новых преступлений и устрашении нарушителей. Система наказаний в Древней Индии, установленная законами Ману, в четверти статей посвящена наказаниям преступника, в т.ч. ряду публичных наказаний, где за самые тяжкие деяния (такие как подкуп советников царя, убийство женщины, детей и стариков, служение врагам царя) была предусмотрена публичная смертная казнь[12].

С появлением государства и письменности нормы бытового права стали излагаться в форме законов, кодексов, других нормативных документов. По времени этот этап совпал с эпохой Средневековья и усилением влияния религиозных доктрин и церкви. Для христианства на ранней стадии существования была характерна опора лишь на собственную систему этических представлений. Преобладало настороженное отношение к государству («отдавайте кесарю кесарево, а Божие – Богу»), а установка на возмездие, в отличие от эпохи Античности, ограничивалась («возврати меч твой в ножны, ибо взявшие меч, от меча погибнут»). Однако, как справедливо отмечают отдельные исследователи, этот набор принципов был актуальным лишь до определенного момента, а именно – до провозглашения христианства в качестве государственной религии[13]. Церковь превращается в институт, обладающий властью, обосновывает божественными и моральными соображениями применение уголовного закона и наказаний за преступления. Отношение преступности на несколько столетий предопределил не философский, а религиозный взгляд: преступник – грешник, искушенный Дьяволом и нарушающий божественные заповеди. Церковные догмы предусматривали очищение грешника от ереси, а формами изгнания Дьявола из тела грешника и освобождения его души стали бескровные формы кары: костер и виселица.

Эпоху Возрождения (М. Лютер, Дж. Локк), Просвещения (Ш.Л. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо), раннего капитализма (Ч. Ломброзо, А. Кетле) можно рассматривать как третий этап в познании природы преступности. Эпоха Возрождения изменила взгляд на сущность Человека. Из игрушки в руках Дьявола он стал разумным существом, обладающим волей, потребностями и желанием их удовлетворять. В стремлении к удовольствиям он мог совершать преступления и по этой причине должен был нести наказание за содеянное. В диалектике преступления и наказания прослеживался принцип пропорциональности: преступник должен был нести наказание, адекватное содеянному.

Начало философского и социологического осмысления феномена преступности относится к эпохе Просвещения. Важные гносеологические основы криминологии, ставшей в XIX в. фундаментальной наукой, были заложены Монтескьё. Такие понятия, как «факторы преступности», «предупреждение преступности» («профилактика правонарушений»), обоснование примата предупреждения преступности по отношению к наказанию, раскрытие роли социальных институтов общества в воспитании правомерного поведения, ориентация законодательства на превенцию, а не на репрессию – эти и многие другие философские основы криминологии разработаны Монтескьё. Ему же принадлежит выделение тех факторов, которые влияют на поведение человека. В их числе – направленность и содержание законодательства, тип государства и форма правления, образ жизни населения, его численность, уровень образования, степень религиозности и принадлежности к той или иной конфессии, соблюдение обычаев и их влияние на поведение и т.д.

Во всём этом можно заметить сочетание философско-правовых идей с приемами будущей социологии, включая и методы криминологического анализа, что позволяет рассматривать Монтескьё как мыслителя, обозначившего основы обновленной программы и новые пути развития юридической науки.

[12] См.: Законы Ману / пер. [с санскрит.] С.Д. Эльмановича, провер. и испр. Г.Ф. Ильиным; предисл. Г.Ф. Ильина. М., 1992. С. 68. Гл. IX. Ст. 232.

[13] См.: *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 4, 5.

Подлинную революцию в отношении к изучению преступности совершил Ч. Беккариа (1738–1794). Он не ограничился взглядом на преступника как грешника, а обратил внимание на социально-гуманитарные факторы, объясняющие сам факт совершения преступления. Беккариа потеснил репрессивное отношение к преступности гуманистической теорией исследования самого феномена. Возможность предотвращения преступления он связывал с системой воспитания, главными элементами которого считал семью и государство.

Общим для Монтескьё и Беккариа было то, что оба сформулировали существенно новые и прогрессивные подходы к анализу уголовно-правовой проблематики, заложив, по существу, начальные основы современного этапа развития как уголовного права, так и социолого-правового ракурса анализа его ключевых проблем. Правда, Монтескьё и Беккариа не рассматривали преступность как объективное социальное явление, что и не позволило специалистам в области уголовного права считать их основателями новой области юридических знаний – криминологии.

Вместе с тем в наше время совершенно неизученными остаются большие пласты интеллектуального наследия раннего периода становления криминологического подхода к анализу уголовно-правовых явлений и проблематики, которые позволили бы значительно точнее осветить вопросы генезиса социологии уголовного права и ее такого ключевого раздела, как криминология. В качестве примера можно назвать криминологические по характеру работы XVI – начала XVIII в. Г. Кнауста о причинах мелкого мошенничества (1575 г.), Я.Ф. Людовичи (1703 г.) и др.

Фундаментальные основы современной криминологии заложили итальянский ученый, профессор медицины Ч. Ломброзо (1835–1909) и бельгийский математик, социолог, один из родоначальников научной статистики, член-корреспондент (иностранный член) Санкт-Петербургской Академии наук Л.А.Ж. Кетле (1796–1874), разработавший теорию факторов: социальных (безработица, уровень цен, обеспеченность жильем, экономические кризисы, потребление алкоголя и т.п.); индивидуальных (пол, возраст, раса, психофизические аномалии и др.); физических (географическая среда, климат, время года и т.д.).

Главный труд Кетле вышел под названием «О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики»[14], что само по себе говорит об энциклопедических, фундаментальных и новаторских подходах к социологии уголовного права и криминологии. Анализ криминогенной ситуации позволил ему не только квалифицировать преступления и дифференцировать преступников, но и сформулировать одно из юридических откровений, ставших в дальнейшем общепринятой правовой аксиомой: общество заключает в себе зародыши всех имеющих возможность совершиться преступлений, потому что в нём сосредоточены условия, способствующие их развитию. Оно само подготавливает преступления, а преступник – это только орудие[15]. Доктор А. Бертильон стал одним из ведущих распространителей во Франции научных взглядов Кетле.

Эти воззрения Кетле на природу преступности также разделял и его коллега по роду службы и тому месту, которое в его творчестве занимали социология и статистика, французский криминолог Г. Тард (1843–1904), директор Статистического бюро Министерства юстиции Франции. Ему было около 30 лет, когда ушел из жизни бельгийский ученый-энциклопедист Кетле. Нет оснований сомневаться в том, что труды последнего французскому ученому были известны. Как и Кетле, он считал, что причина преступности лежит в сфере социальных отношений и в значительной степени производна от уровня жизни, доступности материальных благ, культурных традиций и уровня образования населения. С улучшением социальных характеристик общества Тард связывал и возможность сокращения преступности.

Однако уже при жизни Тарда выяснилось, что диалектика взаимодействия бедности, образования, культуры и преступности сложнее, чем это представляли себе криминологи конца XVIII–XIX столетий. Разочарование был вынужден испытать и Тард: выполненный им анализ уголовной статистики за 50 лет («Сравнительная преступность», 1886)[16] показал, что с ростом благосостояния преступность не снижается, а растет. Ответить на вопрос, почему с ростом богатства увеличивается количество убийств, сокращается кража хлеба, но растут масштабы хищений драгоценностей, Тард не смог[17].

---

[14] *Quetelet A.* Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou Essai de physique sociale. Paris, 1835. Vol. 1–2. Пер. на рус. яз.: *Кетле Л.А.Ж.* Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей / под ред. [и с предисл.] А. Русова. Киев, 1911. Т. 1 / пер. с изд. 1869 г. студ. Киев. коммерч. ин-та Е. Калмановской, Л. Печерского [и др.]; 1913. Т. 2 / пер. с изд. 1869 г. студ. Киев. коммерч. ин-та Е. Калмановской, Э. Пышнова и А. Шендеровича.

[15] См.: *Кетле А.* Человек и развитие его способностей, или Опыт социальной физики: в 2 т. СПб., 1865.

[16] См.: *Тард Г.* Сравнительная преступность / пер. с франц. М., 1907.

[17] См.: *Тард Г.* Преступник и преступление / пер. Е.В. Выставкиной; под ред. М.Н. Гернета и с предисл. Н.Н. Полянского. М., 1906.

Последователи Кетле расширили до 200 число факторов, влияющих на преступность, дополнили таблицы Кетле рядом социально-экономических, этнопсихологических, медико-биологических, формационных, этно-национальных, культорологических и других показателей, влияющих на поведение человека и делающих его либо правомерным, либо иным (делинквентным, девиантным или зависимым от алкоголя, наркотиков и других аддикций).

Строго говоря, Ломброзо и Кетле были основателями двух школ в исследовании преступности: Ломброзо создал антропометрическое направление, а Кетле – криминально-статистическое. Взятые сами по себе, стройное учение о криминологии они не составляли, но в сочетании взглядов Ломброзо на преступление как естественное природное явление с отношением к нему Кетле – как объективному социальному феномену приблизили правоведов к пониманию предмета криминологии как науки.

Основная работа Ломброзо «Преступный человек, изученный на основе антропологии, судебной медицины и тюрьмоведения» вышла в свет в 1876 г. В ней, как и в других своих сочинениях, Ломброзо пришел к выводу, что преступниками не становятся, а рождаются. Если верить Ломброзо, то преступника легко определить по внешнему виду: у него скошенный лоб (как у первобытного человека), высокие скулы, нависающие над глазами надбровные дуги, мощные челюсти и т.д. Дальнейшая антропологическая детализация позволила Ломброзо создать таблицу признаков (стигм), которая типологизировала преступников путем измерения тела человека и изучения особенностей его строения. Поняв, какие черты присущи тому или иному человеку, он распределил их по типам: убийцы, воры, насильники, мошенники.

Над воззрениями Ломброзо подшучивали даже его современники, полагая, что его таблицы упрощают всю систему розыска, следствия и правосудия: достаточно человека измерить, взвесить и... повесить.

Концепция «преступного человека» подвергалась критике как при жизни Ломброзо, так и позже. В частности, английский исследователь Ч. Горринг в своем исследовании «Английский заключенный» (1913) доказательно опроверг положения Ч. Ломброзо о прирожденном преступнике.

Логика гносеологического анализа требует учесть и то, что теория криминологии формировалась не только усилиями правоведов, философов, математиков, статистиков, но и представителями других областей знаний, в т.ч. психологии и медицины. Именно в этой среде взгляды Ломброзо получили признание и распространение. Например, Б. ди Туллио (1896–1979) развивал клиническую криминологию, в рамках которой преступность рассматривалась как медицинская проблема, а преступник считался больным человеком, которого нужно не судить, а лечить. При этом степень его общественной опасности должен был определять не судья, а эксперт-криминалист.

Это говорит о том, что гносеологические истоки криминологии впитывали в себя и разрушение юридических догм, и их творческое развитие, и заблуждения. Через сложное теоретическое взаимодействие различных доктрин шел процесс обогащения криминологии. Это происходило и тогда, когда социальное подменялось антропологическим, биологическое – криминально-медицинским, социальный детерминизм – социологией уголовного права. Всё это создает теоретико-методологический фундамент социологии уголовного права.

С точки зрения институционализации криминологии времена Возрождения, Просвещения и раннего капитализма представляют собой единый период преодоления религиозного взгляда на природу преступности и образ преступника. Это – единое гносеологическое преддверие становления криминологии как науки. Весь XIX в. – время накопления практического опыта борьбы с преступностью и период интенсивного теоретического осмысления криминологических проблем. К концу XIX столетия процесс институционализации криминологии как науки завершился, а рождение новой области юридических знаний справедливо связывается с именем итальянского ученого, последователя Ломброзо, Р. Гарофало (1851–1934).

В известной работе «Криминология. Исследование природы преступления и теория наказаний» (Париж, 1890) Гарофало также задается вопросом: «Не имеет ли преступность с правовой точки зрения более широких или более узких границ, чем преступность с социологической точки зрения?». В результате анализа статистических данных и социальных фактов приходит к выводу, что «общество не заботится о преступлениях так сильно, как должно, и не заботится об их предотвращении. Тот факт, что в наших цивилизованных обществах несколько тысяч людей ежегодно убивают просто потому, что хотят лишить их жизни или денег, а сотни миллионов сбережений становятся жертвами преступной злой деятельности, – на мой взгляд, гораздо серьезнее, чем почти все вопросы, которые так часто затрагиваются в парламентских дебатах. Это не преувеличение. С 1881 по 1887 год средняя годовая цифра убийств в основных государствах Европы (за исключением России) составляла 9,208: Австрия – 689; Венгрия – 1,231; Испания – 1,584; Италия – 3,606; Германия – 577; Франция – 847; Бельгия – 132; Голландия – 35; Англия – 318; Шотландия – 60; Ирландия – 129. Если бы мы добавили Швецию, Данию, Норвегию, Португалию,

Румынию, Сербию, Черногорию, Болгарию, Россию, Грецию, мы наверняка достигли бы цифры около 15,000. Что касается Америки, – в одних только США более 3,000 убийств в год»[18].

Строго говоря, Гарофало был ярким представителем антропологического (биологического) направления в криминологии, но вместе с тем его отличает более широкий взгляд на предмет, о чем свидетельствует содержание монографии «Криминология: природа преступности и теория наказания», в которой он выделяет три раздела: «Преступность», «Преступники», «Репрессия». Перспективной оказалась идея Гарофало заменить тюремные сроки возмещением пострадавшему убытков. Практическое воплощение нашли и некоторые другие идеи.

Одновременно с антропологическим направлением в криминологии как классической юридической дисциплине использовались социологические методы исследования феномена преступности и личности преступника, формировалась социология уголовного права и криминологии.

Общим для криминологов XIX столетия был отказ от исключительно теологической квалификации преступности и взгляд на преступника как человека, ответственного за свои действия и поступки. Наказание в связи с этим рассматривалось как неотвратимый ответ общества, справедливая репрессия, направленная на защиту общественной нравственности, соблюдение правопорядка и исправление преступника.

Недостающий компонент – зависимость правомерного или иного поведения человека от социальных факторов, условий жизни и иных обстоятельств – в криминологию внесли К. Маркс (1818–1883), его ученики и последователи. Марксом, в частности, доказано, что до промышленного подъема на преступления людей толкала нищета, но с ростом богатства стимулом для совершения преступлений стала тяга к роскошной жизни. Справедливость этого подтвердили социологические методы изучения преступности, выяснение психологических особенностей личности, всего блока проблем от совершения преступления до наказания. Важными направлениями стали тюрьмоведение, система воспитания, профилактики правонарушений, а также область дознания, следствия, судопроизводства. Решающий вклад в комплексное развитие социологии уголовного права внес Э. Дюркгейм (1858–1917). Именно он, в частности, сформулировал важнейший закон социальной жизни: социальные потребности человека не насыщаемы, не имеют границ, а рост материального благополучия общества всегда отстает от индивидуальных потребностей его членов. Этот закон справедлив и проверен временем.

В наши дни выведенный Дюркгеймом закон можно было бы скорректировать, заметив, что масштабы и глубина преступности зависят не от того, что в обществе имеются социальное расслоение и имущественная дифференциация, а от остроты восприятия чувства справедливости, формирующегося на базе этого неравенства, а также способов обогащения. Например, очевидное несоответствие зарегистрированных корыстных преступлений и осужденных за их совершение должностных лиц, наличие миллиардеров среди губернаторов или лиц с полковничьими погонами на плечах служит криминальным ориентиром для других, не привилегированных слоев общества.

Важно заметить и то, что Дюркгейм сумел развить идеи Тарда о влиянии на поведение человека религии, моды, культуры, образования. Дюркгейм заметил, что главной причиной тягчайших преступлений, а именно – убийств, является ослабление социальной сплоченности, межличностной солидарности, что приводит к социальной дезорганизации, «аномии» (аномия – безнормативность), как выразился Дюркгейм. Это наступает тогда, когда люди перестают верить в декларируемые ценности, а общество и его социальные институты, в т.ч. регуляторы, утрачивают моральный авторитет, а значит, и моральную силу, моральную власть. Наступает дезорганизация, создающая простор для развития преступности. Общество охватывает хаос, аномия.

Современников Дюркгейма шокировало его утверждение о том, что преступность – не только нормальное явление: она содействует эволюции общества, смене правовых парадигм и взглядов на мораль и право. Политические романтики могут пообещать искоренить преступность, в т.ч. коррупцию, или разрушить религию и показать последнего попа, как это намеревался сделать Н.С. Хрущев. Но выведенные Дюркгеймом законы показывают, что политическая наивность недальновидных политиков не менее опасна, чем действия радикальных реформаторов, поскольку деятельность и тех и других ведет к социальной дезорганизации, к разрушению общественного уклада, краху империй.

В Соединенных Штатах Америки, где уровень преступности является одним из самых высоких в мире, произошло осознание серьезности этой проблемы и началась разработка теоретических

[18] *Garofalo R.* LA CRIMINOLOGIE. Étude sur la nature du crime et la théorie de la pénalité. Paris: Ancienne Librairie Germer Baillière et Cie., Félix Alcan, Éditeur, 1890. 2e édition entièrement refondue, 452 pp. P. 20. URL: http://perso.unifr.ch/derechopenal/assets/files/obrasjuridicas/oj_20120208_01.pdf Оригинал: *Garofalo R.* Criminologia. Studio sul delitto, sulle sue cause e sui mezzi di repression. Roma – Torino – Firenze, 1885.

и эмпирических научных данных в области криминологии.

В 1909 г. в Школе права Северо-Западного университета проходила Национальная конференция по уголовному праву и криминологии, собравшая более 150 специалистов в области медицины, психологии, пенологии, уголовного судопроизводства и социологии для того, чтобы обсудить природу системы уголовного правосудия и научные знания о преступности и преступниках, лежащие в основе государственной политики. По итогам этой конференции был создан комитет, который взял на себя ответственность за публикацию в переводе девяти книг известных европейских криминологов, включая Ч. Ломброзо, Э. Ферри и Г. Ашаффенбурга[19]. Эти книги вместе с переводами Гарофало и Тарда, очень немногими публикациями в США составляли доступную криминологическую литературу той эпохи для американских исследователей преступности.

В частности, до этого события, в 1893 г., Ч. Хендерсон опубликовал «Введение в изучение зависимых, неполноценных и делинквентных (преступных) классов». Часть книги была посвящена криминологии, а остальная часть – рассмотрению тем, которые сегодня являются предметом внимания других дисциплин[20]. Работа была опубликована во втором издании в 1901 г. и использовалась в качестве учебника.

Труд Хендерсона «Причина и лечение преступности» (1914) может быть рассмотрен как репрезентативный для данного поколения в этой области[21].

В 1909 г. вышла в свет книга Ф.А. Парсонса «Ответственность за преступление»[22] – исследование природы и причин преступности и средств ее предупреждения. Хотя она была основана на работах Ломброзо, Ферри, но отличалась краткостью изложения и поверхностными взглядами, практически пересказом. Изложение текста очевидно отличалось от научного: «безумный преступник – способный совершить любое преступление, которое может быть задумано в его идиотском мозгу, он возвышается над нашей социальной жизнью, вечная угроза нашему миру и счастью». Имя Парсонса сегодня мало известно даже специалистам.

Известная криминологическая работа, заслуживающая внимания, – «Криминология» М.Ф. Пармели, написанная в 1918 г. Пармели был одним из участников Национальной конференции 1909 г. Ему было ясно, что американская аудитория остро нуждается в американском учебнике криминологии и что переводы работ европейских криминологов недостаточны для того, чтобы объяснить американский опыт борьбы с преступностью. Девять лет спустя он опубликовал свою криминологию – первый обстоятельный криминологический текст, вышедший из-под пера американца.

Пармели изображает преступность как ненормальное и патологическое поведение, которое лучше всего объясняется личностной неадекватностью. Однако, по-видимому, со стороны Пармели существовала некоторая нерешительность относительно того, было ли все преступление просто плохим поведением или скорее продуктом «религиозного, деспотического и классового законодательства». Так, например, он пишет, что всякий раз, когда какому-либо классу удавалось добиться политического, экономического или иного господства, он неизменно принимал уголовное законодательство в своих собственных интересах. Несмотря на подобные заявления, его общая позиция сводилась к тому, что преступление – это отвратительное и патологическое поведение, и, как всякое поведение, оно имеет фундаментальные корни в биологии[23].

В этот же период последовала публикация У. Хили «Индивидуальный преступник» (1915)[24], в основу которой легли судебная практика Чикагского суда по делам несовершеннолетних и значительный исследовательский материал по этому поводу. Развитие в 1920-х годах социологических исследований в городской среде Чикаго основателями чикагской социологической школы Р.Э. Парком и Э.У. Бёрджессом послужило стимулом для развития американского социологического интереса к криминологии.

В середине 20-х годов прошлого столетия в США появились отечественные фундаментальные учебники. В 1924 г. увидела свет «Криминология»[25], написанная одним из крупнейших американских криминологов XX в. Э. Сатерлендом именно с позиций не уголовного права, а социологии. Автор сформулировал определение преступления следующим образом: «Преступление является симптомом социальной дезорганизации и, возможно,

---

[19] См.: *Aschaffenburg G.* Das Verbrechen und seine Bekämpfung: Kriminalpsychologie für Mediziner, Juristen und Soziologen, ein Beitrag zur Reform der Strafgesetzgebung. C. Winter, 1903. В этой работе он обсуждает индивидуально-наследственные и социально-экологические факторы, а также отвергает идею Ч. Ломброзо о т.н. «прирожденном преступнике» (born criminal). На английском языке книга вышла под названием "Crime and its repression" в 1913 г. (см.: URL: https://archive.org/details/crimeanditsrepr00albrgoog/page/n296/mode/2up).

[20] См.: Introduction to the Study of the Dependent, Defective and Delinquent Classes / by Ch.R. Henderson. Boston (2nd ed., enlarged, 1901).

[21] См.: *Henderson Ch.R.* The Cause and Cure of Crime. A.C. McClurg & Company, 1914.

[22] Responsibility for Crime / by Ph. A. Parsons. New York, 1909.

[23] См.: *Maurice F.* Parmelee. Criminology. New York, 1918.

[24] См.: The Individual Delinquent / by Dr. W. Healy. Boston, 1915.

[25] *Sutherland E.H.* Criminology. Philadelphia, 1924.

может быть устранено лишь в результате изменений в области социальной организации». В противовес доминирующим биологическим и психологическим объяснениям Сатерленд разработал теорию «дифференциальной ассоциации», показав, что преступное поведение есть продукт нормального обучения через социальное взаимодействие. Он утверждал, что индивидуальное поведение изучается через сверстников и что, если группа сверстников индивида является делинквентной, он будет идентифицировать это поведение как нормальное. Нормальное обучение происходит как через вербальную, так и через невербальную коммуникацию и помогает определить, являются ли усвоенные индивидом установки благоприятными или неблагоприятными для нарушения закона. В ходе обычного процесса обучения у лиц, склонных к нарушению закона, также развиваются мотивы и рациональные основания для участия в преступной деятельности. Утверждая, что люди совершают преступные деяния, когда существует избыток установок, благоприятствующих нарушению закона, Сатерленд также признал существование преступного жизненного цикла, который он определил в терминах того, как эти установки изменяются по содержанию и интенсивности на протяжении всей жизни преступника. Вопрос о том, почему некоторые нормальные усвоенные формы поведения являются преступными, а другие – законными, побудил его исследовать преступление «белых воротничков» – термин, который он, как полагают, придумал.

Дж. Л. Гиллин в 1926 г. стал автором другого криминологического учебника – «Криминология и пенология»[26].

Все широко используемые ныне учебники по криминологии были написаны социологами, в т.ч. Э. Сатерлендом, Д. Тафтом[27], В. Реклессом[28], Д. Гиллином, Н.К. Титерсом[29], Р.Ш. Каваном[30], Т. Моррисом[31], Ф.Е. Хейнсом[32], Н. Кантором[33] и Х. фон Хентигом[34].

Поскольку основная часть научной литературы по американской криминологии написана социологами, разумеется, что американская криминология и социология развивались вместе. Эклектический подход, который раньше характеризовал социологию в целом и криминологию, в частности, объединяя конституционные, психологические, экономические и социологические факторы в один большой запутанный клубок, постепенно уступает место более строгому интересу к специфическому социально-психологическому подходу к человеческому поведению, как криминальному, так и некриминальному. Бёрджесс указывал в своей статье «Преступник как личность»[35], что источником девиантного поведения является группа, а не индивид.

По мнению Тафта, многочисленные конфликты в нашем обществе, его чрезмерная конкуренция и эксплуатация – основные факторы высокого уровня преступности. Тафт признает, что преступность вырастает из материалистически настроенного общества с его постоянным стремлением к престижу и богатству. Кроме того, он считает, что биологические и психологические факторы должны быть приняты во внимание, поскольку они вносят свой вклад в анализ любой ситуации[36].

Т. Селлин считал, что необходимо изучать не только девиантные нормы, но и инкорпорацию этих норм в личности членов группы. Криминологическое исследование должно выделить те элементы личности, которые отличают конформиста от нонконформиста, и попытаться определить типы личности, основанные на этих элементах: наука должна быть в состоянии утверждать, что если человек с определенными личностными элементами в определенной конфигурации оказывается безмятежным в определенной типичной жизненной ситуации, то он, вероятно, будет реагировать определенным образом, независимо от того,

---

[26] *Gillin J.L.* Criminology and Penology. Century Company, 1926. URL: https://books.google.ru/books/about/Criminology_and_Penology.html?id=LcxAAAAAIAAJ&redir_esc=y

[27] См.: *Taft D.R.* Criminology: An Attempt at a Synthetic Interpretation with a Cultural Emphasis. New York, First Edition, January 1, 1942.

[28] См.: *Reckless W.C.* A New Theory of Delinquency and Crime. 1942. Американский криминолог известен своей теорией сдерживания, которая утверждала, что подростковая преступность обычно возникает из-за нарушения моральных и социальных сил, которые в противном случае «сдерживают» девиантное поведение.

[29] См.: *Teeters N.K.* The Prison Systems of England, 41 J. Crim. L. & Criminology. 1951.

[30] См.: *Cavan R. Sh.* Criminology. Thomas Y Crowell. January 1, 1948.

[31] См.: *Morris T.* The Sociology of Law and Criminology: in 15 vols. The criminal area. 1957.

[32] См.: *Haynes F.E.* Criminology. New York, 1930; *Haynes F.E.* The Sociological Study of the Prison Community, 39 J. Crim. L. & Criminology, 1949.

[33] См.: *Cantor N.* Recent Tendencies in Criminological Research in Germany, 27 J. Crim. L. & Criminology, 1937.

[34] См.: *Hentig H. von* The Criminal & His Victim: Studies in the Sociobiology of Crime. Yale University Press, 1948.

[35] *Burgess E.W.* The Delinquent as a Person, AMER. J. OF SOCIOL., 28, No. 6 (May,1923). P. 679.

[36] См.: *Taft D.R.* Criminology. New York, 1942 and revised edition, 1950.

наказывает ли закон эту реакцию как преступление или терпит ее как несущественную[37].

М. Клинард отмечал, что теория «дифференциальной ассоциации», изложенная Сазерлендом, полностью игнорирует психогенный компонент личности и, приписывая все преступления математическому соотношению воздействия на криминальные нормы, часто затрудняет объяснение того, почему одни люди совершают преступления, а другие – нет[38].

Американские криминологи и социологи в целом сошлись во мнении, что этиологию преступности следует искать прежде всего в групповом опыте и культурных факторах, а также в том, что личностная ассоциация есть наиболее важный фактор влияния.

3. Отечественные традиции исследования проблем социологии уголовного права

Как правило, в отечественной юридической литературе не ставится под сомнение то, что социология уголовного права зародилась в конце XIX столетия, а основателем новой области знаний признается итальянский правовед и политик Э. Ферри (1856–1929). По его собственному утверждению, именно им создана отдельная ветвь общей социологии, которую он в 1882 г. назвал уголовной социологией и в которую ввел данные антропологии, физиопсихологии, психопатологии и уголовной статистики, а также средства борьбы путем предупреждения преступности и репрессий по отношению к ней[39].

В работе «Уголовная социология» (1881) взгляды Ферри приобрели характер стройной теории факторов, а труды итальянского ученого стали восприниматься как классика криминологии[40].

Теория факторов, предложенная Ферри, включает в себя антропологические (индивидуальные), физиологические и социальные группы. При этом среди индивидуальных (антропологических) факторов он выделял органическое строение преступника (аномалии черепа и мозга, рефлекторной деятельности, особенности физиогномики, татуировки), психическое строение (умственные и психические аномалии, жаргон), личные признаки (возраст, пол, род занятий, образование, гражданское состояние). К физическим факторам Ферри относил климат, почву, метеоусловия, времена года; к социальным – плотность населения, экономический и политический строй, распространение алкоголизма, общественные нравы и религию.

Будучи последователем основателя криминальной антропологии Ч. Ломброзо, он внес существенный вклад в развитие идей позитивистской школы криминологии. Ферри сформулировал базовые постулаты криминологии, опередившие время, в котором жил итальянский мыслитель. В диалектике «свобода воли – уголовная ответственность – вина и наказание» отдавал предпочтение не репрессии (наказанию), а мерам социального воздействия на преступника, т.е. лечению, изоляции, ограничению эксплуатации, борьбе с безработицей, сокращению производства и продажи алкоголя, ночному освещению улиц, и даже применению рентгена при досмотре багажа и т.д. При этом он не исключал физическое уничтожение преступников. Ферри был последовательным сторонником смертной казни, понимая, что определенную часть преступников нельзя перевоспитать, а изоляция как форма защиты населения от них не всегда надежна.

Не все утверждения Ферри бесспорны. Он, в частности, заявлял: «Уголовная наука, оставаясь по своим выводам и целям наукой юридической, должна... по своим основам и способам исследования стать ветвью социологии...»[41].

Как известно, «ветвью социологии» уголовная наука стала не во всех государствах. Не оправдался и другой прогноз Ферри, полагавшего, что уголовная социология кончит тем, что потеряет свое значение. Произойти это, по его прогнозу, должно было в цивилизованном обществе, «в котором уголовное правосудие будет занимать тем меньшее место, чем более будет развита общественная справедливость»[42].

---

[37] См.: *Sellin T.* Culture Conflict and Crime // Bulletin No. 41 of the social. science research council, 1938, 44, 45.

[38] См.: *Clinard M.B.* Criminological Theories of Violations of Wartime Regulations // American sociological review. 11. No. 3. P. 269.

[39] См.: *Ферри Э.* Уголовная социология / разрешен. авт. пер. с 5-го фр. изд. 1905 г. О.В. Познышевой, Л.В. Гольденвейзера... [и др.]; под ред. С.В. Познышева; с предисл. [к рус. изд.] Э. Ферри и ред. пер. М., 1908. С. 2.

[40] Петр Павлович Пусторослев (1854–1928), российский ученый-правовед, профессор, декан юридического факультета и ректор Императорского Юрьевского университета, специалист в области уголовного права, тщательно проанализировал различные варианты указанной работы и подверг их серьезной критике. Он предложил уточнить название этой новой отрасли знания как «уголовная антропо-социология» (см.: Русское уголовное право: Общая часть / [Соч.] П.П. Пусторослева, д-ра уголов. права, орд. проф. Юрьев. ун-та. 2-е изд., испр., с сокр. библиогр. указаний лит. уголов. права, напеч. на иностр. яз., с сокр. излож. неудовлетвор. уголовно-правовых доктрин; с излож. содерж. новейших законодат. постановлений в области источников уголов. права и в области общ. предписаний об уголов. правонарушении и с доп. библиогр. указаний по лит. уголов. права, вышедшей на рус. яз. Вып. 1. Введение. Источники уголовного права. Преступление. Юрьев, 1912. С. 44–48).

[41] *Ферри Э.* Указ. соч. С. 572.

[42] Там же.

Существенным является не то, что Ферри оказался среди правоведов известным романтиком, а то, что приоритеты в становлении социологии уголовного права принадлежат не ему или другим иностранным мыслителям, а русским ученым. А. Кетле было только пять лет, а Ч. Ломброзо еще не появился на свет Божий, когда выдающийся русский мыслитель А.Н. Радищев в 1801 г. опубликовал работу «О законоположении», в которой содержится социолого-статистическая методика изучения преступности, составлены «ведомости», т.е. таблицы показателей, создающих основу для криминально-статистического анализа преступности как социального явления.

Идеи А.Н. Радищева получили развитие в научно-исследовательской деятельности русских ученых в 20–30-х годах XIX в. Так, за 70 лет до классического социологического труда Э. Дюркгейма «Самоубийство: социологический этюд» русский академик К.Ф. Герман (1767–1838) на заседании Императорской академии наук в 1824 и 1825 гг. прочитал доклады на тему «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы»[43].

Характерно, что доклад академика К.Ф. Германа Министр народного просвещения России А.С. Шишков запретил печатать, и он вышел в свет только в 1892 г. на французском языке.

О глубине и достоверности анализа и выводов академика К.Ф. Германа можно судить по тому, насколько они применимы для оценки ситуации в России спустя почти 200 лет. По его мнению, девиантное, т.е. отклоняющееся от правовых норм, поведение населения России связано с теми крайностями, которые характерны для социальной ситуации в стране: с одной стороны, нищета и дикие нравы, с другой – чрезмерное богатство и утонченная цивилизация; с одной стороны, анархия, с другой – политический гнет.

Уже в середине XIX в. причины преступности, проституции, алкоголизма, бедности, других девиаций и социальных аддикций стали объяснять природой капиталистического уклада, условиями жизни и быта людей. Первым это сделал 19-летний студент П.Н. Ткачев (1844–1886). В одном из популярных журналов он отметил, что в России нет научной уголовной статистики, и высказался так: «Число и свойство преступлений зависит не столько от географических и климатических условий, сколько от непорядка и неустройства в экономической и социальной жизни народа. Все многообразные общественные явления, способствующие развитию в человеке наклонности к преступлению, сводятся главным образом к влиянию одной причины: отсутствию прочного материального обеспечения»[44].

С ним был солидарен М.А. Филиппов (1828–1886), который полагал, что преступление рождается из бедности, дороговизна и безработица ведут к нарушению закона[45].

Начавшийся в России во второй половине XIX в. промышленный переворот актуализировал изучение социально-статистических материалов для оценки общественно-политической ситуации и установления масштабов преступности. Поистине уникальный социолого-статистический криминологический портрет России в годы реформ 1860–1880-х годов создает Е.Н. Анучин[46].

В 1869 г. вышла в свет книга молодого юриста Н.А. Неклюдова (1840–1896) «Уголовно-статистические этюды», в которой проанализирована уголовная статистика России и ряда других государств. В результате он пришел к выводу, что главным условием, влияющим на преступность, является возраст, из чего сделал заключение, согласно которому социальные и культурные условия жизни имеют второстепенное значение в объяснении причин преступности. Главная же причина преступлений, по его мысли, была в психофизиологическом состоянии человека, в котором он находится в определенный возрастной период.

Это обстоятельство дает основание для восприятия Н.А. Неклюдова в качестве представителя «антропологической» школы в криминологии (уголовной социологии). Кстати, знаменитая книга Ч. Ломброзо «Преступный человек, изученный на основе антропологии, судебной медицины и тюрьмоведения» вышла в свет на семь лет позже работы Н.А. Неклюдова[47].

Влияние социальной стратификации и социальных факторов в целом на феномен преступности в преддверии XX столетия не было единственным объектом криминологических исследований. Например, к теме «преступления малолетних» в России первым обратился в 1884 г. Д.А. Дриль (1846–1910), который объяснял её двумя основными причинами: результатом выражения наследственной жестокости и природных дефектов, аномалий. В дальнейшем он дополнил свои представления о природе преступности изучением социальных условий, способствующих совершению преступлений.

[43] *Лапаева В.В.* Указ. соч. С. 139.

[44] Цит. по: *Корнев А.В.* Указ. соч. С. 122.

[45] См.: там же. С. 123.

[46] См.: *Анучин Е.Н.* Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 гг. Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873.

[47] См.: *Савенков А.Н., Жуков В.И.* Указ. соч. С. 25, 26.

Масштабное отклонение значительной части населения от соблюдения правовых, нравственных, религиозных и других норм, распространение девиантного поведения оказывали влияние на все стороны жизни и активизировали научный подход к изучению природы, происхождения и последствий набиравших силу правонарушений, в т.ч. различных аспектов социологии уголовного права.

Конкретно-социологические исследования стали инструментом познания, а совершенствование социологического инструментария в силу своей эффективности усилило интерес социологии к исследованию уголовных преступлений и правонарушений. Так, русский ученый, ординарный профессор Московского университета М.В. Духовской (1849–1903) уже в 1872 г. поставил задачу развития социологических начал в науке уголовного права. Отличительной чертой и безусловной заслугой М.В. Духовского как учёного и специалиста в области уголовного права было активное использование материалов уголовной статистики в изучении причин преступности. Его попытка соединить догматику уголовного права с социологией дала толчок формированию новой юридической дисциплины – криминологии. В своих лекциях он говорил о том, что «вся суть основной новизны в уголовном праве состояла во включении в задачи уголовного права социологических и криминологических вопросов»[48].

Современник Э. Ферри С.К. Гогель (1860–1933) почти в одно время с итальянским ученым создал уникальный труд «Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией», вышедший в свет в 1910 г. и перепечатанный с текста оригинала в 2009 г.[49]

К русской школе социологических исследований уголовного права принадлежат И.Я. Фойницкий, Н.Н. Полянский, С.В. Познышев и др. Наиболее полно содержание социологических и юридических методов в уголовном праве раскрыл М.Н. Гернет (1874–1953) в монографиях «Социальные факторы преступности» (1905) и «Детоубийство» (1911), в пособии «Уголовное право. Часть Общая» (1913) и др. В 1947 г. за книгу «История царской тюрьмы»[50] акад. М.Н. Гернет был удостоен Сталинской премии.

В рамках отечественной школы социологии уголовного права нарастало внимание к криминологии, что отражено в трудах П.Г. Редкина (1808–1891), Б.Н. Чичерина (1828–1904), А.Д. Градовского (1841–1889), В.С. Соловьева (1853–1900), Н.М. Коркунова (1853–1904), Г.Ф. Шершеневича (1863–1912), М.М. Ковалевского (1860–1916), Е.Н. Трубецкого (1863–1920), П.И. Новгородцева (1866–1924), его учеников И.А. Ильина (1883–1954), Б.П. Вышеславцева (1877–1954), Н.Н. Алексеева (1879–1964). Особенно заметное влияние на изучение типов поведения личности оказала психологическая теория права Л.И. Петражицкого (1867–1931).

В конце XIX – начале XX в. юридическая догматика подверглась критике со стороны правоведов, изучавших гносеологические истоки уголовного права. Продолжая традиции А.Н. Радищева, К.Ф. Германа, других ученых, М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий, М.Н. Гернет, Е.Н. Тарновский, М.П. Чубинский направили свои усилия на изучение связи между социальной средой и преступностью[51]. Еще одна отличительная особенность российской криминологии – установление связи преступности с такими явлениями социальной жизни, как нищета, бродяжничество, пьянство, вопиющее неравенство.

В дальнейшем социологическое направление в исследовании преступности на рубеже XIX–XX вв. было представлено трудами Н.Н. Полянского, С.В. Познышева, Х.М. Чарыхова, Е.Н. Тарновского (1859–1936) и других авторов.

Современная социология уголовного права гносеологически и теоретически формировалась на базе российской школы нравственной статистики и социологических методов изучения уголовного права, степень и глубина разработки которого оценивались во второй половине XIX в. на уровне, превышавшем достижения правоведов других стран. В связи с этим Б.А. Кистяковский (1868–1920) писал: «Русский научный мир... может гордиться тем, что именно в русской научно-юридической литературе раньше других было выдвинуто требование изучать право как социальное явление»[52].

---

[48] *Духовской М.В.* Задачи науки уголовного права. Вступительная лекция, читанная 3 октября 1872 года // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1873. Кн. 4. С. 2.

[49] См.: *Гогель С.К.* Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / сост. и вступ. ст. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2009.

[50] См.: *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. М., 1941–1956.

[51] В этом отношении весьма показательны названия работ отечественных криминологов (см., напр.: *Фойницкий И.Я.* Влияние времен года на распределение преступлений. СПб., 1898; *Тарновский Е.Н.* Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 8. С. 73–106; *Чарыхов Х.М.* Учение о факторах преступности: Социол. шк. в науке уголов. права / с предисл. М.Н. Гернета. М., 1910).

[52] *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1999. С. 201.

4. Развитие отечественной школы социологии уголовного права в XX в.

После Октября 1917 г. на авансцену юридической науки вышли новые теоретики права, которых стали именовать специалистами в области пролетарского права. Среди них: П.И. Стучка[53], Е.Б. Пашуканис[54], Н.В. Крыленко, Д.И. Курский и другие носители идей радикального пересмотра теории и правоприменительной практики.

«Левое» крыло российской криминологии (М.М. Исаев, М.Н. Гернет, Х.М. Чарыхов) восприняли идеи Октябрьской революции и приняли деятельное участие в ревизии господствовавшей до 1917 г. доктрины уголовного права. На смену теории факторов и социальной обусловленности преступности пришло то, что ранее в России не было представлено – получили обоснование и распространение идеи Ч. Ломброзо. Корни правонарушений стали искать в личности преступника, а само явление представлять как «родимое пятно капитализма», которое будет сокращаться по мере строительства социализма и исчезнет при коммунизме.

В первые годы советской власти эмпирическую основу для развития социологии уголовного права создавали не полевые исследования, а статистические данные, которые концентрировались в соответствующих государственных учреждениях. Так, в июле 1918 г. одновременно с Центральным статистическим управлением в регионах были созданы отделы моральной статистики; в 1921 г. начались регулярные статистические исследования; в 1922 г. открылся Саратовский губернский кабинет криминальной антропологии и судебно-медицинской экспертизы. 14 июня 1923 г. было принято постановление Президиума Моссовета о создании первого в России Кабинета по изучению личности преступника и преступности. В 1923 г. приступили к работе Ленинградский и Ростовский криминологические кабинеты. Аналогичные кабинеты появились на Украине, в Белоруссии и Закавказье.

Однако принятые меры оставались недостаточными, в связи с чем в первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР был включен специальный раздел, определявший параметры борьбы с социальными аномалиями (пьянством, проституцией, детской беспризорностью).

На протяжении 20–30-х годов шла ревизия всех отраслей права. Одновременно с этим создавались научные центры юридического профиля. Так, 25 марта 1925 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР одобрил предложение Наркомата внутренних дел, Наркомата юстиции, Наркомата здравоохранения и Наркомата просвещения РСФСР о создании в Москве на базе Кабинета по изучению личности преступника и преступности Государственного института по изучению преступности и преступника. Свою работу главный криминологический центр Советской России начал 1 октября 1925 г. В 1936 г. он был преобразован во Всесоюзный институт юридических наук и вошел в структуру Наркомюста РСФСР (затем – Минюста СССР). В 1963–1988 гг. был известен как Всесоюзный научно-исследовательский институт советского государственного строительства и законодательства. В 1975 г. Институт награжден орденом «Знак Почета». Его нынешнее название – Институт законодательства и сравнительного правоведения (с 1991 г.), с 1993 г. он находится в ведении Правительства РФ[55].

13 апреля 1925 г. Постановлением ВЦИК СССР № 246 был создан Институт советского строительства, который в 1936 г. вошел в систему научных учреждений Академии наук СССР, с 1938 г. известен как Институт права АН СССР. В 1960 г. крупнейший научный юридический центр получил название Институт государства и права АН СССР.

16 апреля 1975 г. Постановлением ВЦИК СССР Институт государства и права АН СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени. С 1991 г. известен как Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

Появились и первые учебные пособия. Так, в учебниках, написанных А.А. Пионтковским и изданных в 1924, 1927 и 1929 гг., один из разделов был озаглавлен «Социологическое учение о преступлении». В учебнике А.Н. Трайнина «Уголовное право, часть общая» (1929) много внимания уделялось историко-социологическому исследованию уголовного законодательства и социологическому изучению преступности. В 1930 г. вышла в свет работа А.А. Герцензона «Преступность и алкоголизм в РСФСР».

Политические потребности укрепления государственной власти нередко вступали в противоречие с базовыми ценностями личности, правами

[53] В 1927–1930 гг. возглавлял журнал «Революция права» (ныне – «Государство и право»).

[54] С 1931 по 1937 г. – директор Института советского строительства и права Коммунистической академии (в 1936 г. реорганизован и переименован в Институт государственного права АН СССР; ныне – Институт государства и права РАН); ответственный редактор журнала «Советское государство и революция права» (в 1932 г. переименован в «Советское государство»; ныне – «Государство и право»). В 1936–1937 гг. – заместитель Наркома юстиции СССР, действительный член Академии наук СССР (1936).

[55] См.: Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: сб. / авт. и сост. Е.А. Прянишников и др. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2015.

человека, что находило отражение даже в трудах тех лет[56].

Однако не всё протекало гладко: в конце 20-х – начале 30-х годов на криминологию, которую заподозрили в пропаганде буржуазных идей, обрушились гонения, старт которым дала статья С.Я. Булатова, опубликованная в журнале «Революция права»[57]. В 1931 г. Государственный институт по изучению преступности и преступника был реорганизован в Институт уголовной и исправительно-трудовой политики, а в 1936 г. преобразован во Всесоюзный институт юридических наук. Криминологические исследования были свернуты, кабинеты на местах ликвидированы, предмет «криминология» изъят из программ юридических факультетов. В Центральном статистическом управлении ликвидировали Отдел моральной статистики. Сама юридическая статистика стала государственной тайной.

Леворадикальные взгляды стали осуждаться уже в середине 30-х годов. К этому времени правоприменительная практика приобрела репрессивную направленность, а теоретики права создавали условия, придававшие правоведению характер политической юстиции. Многие из них стали жертвами того пролетарского правосудия, которое они описывали в своих трудах. На смену теоретикам пролетарского права пришли специалисты в области социально-политического права, лидером которых был А.Я. Вышинский[58].

Одна из важнейших особенностей развития юриспруденции в указанные годы состояла в том, что в теории государства и права и правоприменительной практике образовалась пирамида, на вершине которой находилось не право, а правящая политическая партия, которая превратила все органы власти, в т.ч. суд, прокуратуру, юстицию, в органы партийного или партийно-государственного господства.

Ведущим направлением в советской криминологии была многофакторная концепция преступности, в связи с чем изучались экономические, личностные, социальные, наследственные, психические, экологические, этнические, религиозные и другие детерминанты криминальных действий.

В течение 30 лет (с начала 30-х и до начала 60-х годов) проблемы социологии права замещал исторический материализм, а первые работы, сочетавшие социологический и криминологический подходы к изучению уголовного права, появились лишь в 60-х годах.

5. Социология уголовного права на рубеже XX–XXI столетий: исследовательский опыт, проблемы и решение

Литература 60-х годов XX в. отразила стремление обособить криминологию от уголовного права (Б.С. Утевский) либо объявить криминологию наукой, стремящейся к обособлению (Н.А. Стручков). Этот взгляд получил развитие в трудах Ю.Д. Блувштейна, А.Д. Берензона и В.Е. Эминова, В.А. Сергиевского и др. Однако в 70-х годах абсолютизация той или иной точки зрения была преодолена. Теория уголовного права и криминологии приобрели свою предметность, что содействовало появлению фундаментальных исследований как в области уголовного права и процесса, так и в сфере криминологии. Это не могло не отразиться на интенсификации изучения социологии права, в т.ч. проблем социологии уголовного права и криминологии.

Возрождение криминологических исследований в СССР связано с именами А.А. Герцензона, В.Н. Кудрявцева, А.С. Шляпочникова, рядом других правоведов. В начале 60-х годов начался процесс реабилитации генетики, кибернетики, возрождения социологии и криминологии. В 1963 г. был создан Всесоюзный институт по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступности. В настоящее время это Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

После принятия постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964 г.) криминология была включена в программу деятельности юридических факультетов и вузов. Первое масштабное социологическое исследование социальных причин преступности было проведено под руководством А.Б. Сахарова в конце 70-х годов[59]. В 1966 г. вышел первый учебник по криминологии[60]. При подготовке научных,

[56] См.: *Берман Я.Л.* Основные вопросы теории пролетарского государства. М., 1924; *Старосельский Я.В.* Принципы построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 2. С. 83–105; *Булатов С.* Проблемы реконструкции уголовного права // Сов. государство и революция права. 1930. № 2; *Кузьмин П.* Маркс и вопросы уголовного права // Маркс и пролетарское государство: сб. ст. / под общ. ред. Е. Пашуканиса. М.; Л., 1933; и др.

[57] См.: *Булатов С.Я.* Возрождение Ломброзо в советской криминологии // Революция права. 1929. № 1. С. 42–61.

[58] С 1937 по 1941 г. – директор Института права АН СССР, в 1935–1939 гг. – Прокурор СССР, с 1939 г. – академик АН СССР. С период с 1938 по 1941 и с 1946 по 1950 г. возглавлял журнал «Советское государство и право» (ныне – «Государство и право»).

[59] См.: Социальные условия и преступность: Программа комплексного криминологического исследования / подгот. А.Б. Сахаровым, М.М. Бабаевым, Л.А. Волошиной и др. М., 1979.

[60] См.: Советская криминология / под ред. Л.А. Герцензона, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева. М., 1966.

педагогических кадров и специалистов для правоохранительных органов широко использовались монографии А.Б. Сахарова, А.А. Герцензона, В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Н.Ф. Кузнецовой, А.М. Яковлева[61], а также работы Г.М. Миньковского и В.К. Звирбуль, А.А. Пионтковского, Б.С. Утевского, М.Д. Шаргородского, П.С. Дагеля, Д.В. Ривмана, В.Я. Рыбальской, Л.В. Франка и др.

Во второй половине 80-х годов возобладала позиция И.И. Карпеца, В.В. Лунеева, А.И. Долговой, В.Н. Кудрявцева, рассматривавших криминологию как самостоятельную и самодостаточную правовую науку, что и воплотилось в их фундаментальных трудах, получивших высокую оценку. Это нашло свое отражение в присуждении в 1984 г. И.И. Карпецу, В.Н. Кудрявцеву, Н.Ф. Кузнецовой, А.Б. Сахарову и А.М. Яковлеву Государственной премии СССР.

Заметным событием в развитии отечественной криминологии стал выпуск в 1985–1986 гг. двухтомного «Курса советской криминологии». Изложенная в нем советская теория уголовного права не была востребована, поскольку началась ее ревизия. Социальная практика была ориентирована на радикальное изменение государственного строя и общественных отношений. Юриспруденция стала испытывать нарастающее влияние переводной англосаксонской литературы. Юридическая наука становилась привлекательной, профессия юриста – престижной и выгодной, подготовка специалистов юридического профиля приобрела широкий размах. Юридические факультеты открывались повсеместно. Экзотическим не воспринимался даже юридический факультет, созданный, например, в структуре Курской сельскохозяйственной академии.

В период проведения радикальных либеральных реформ (90-е годы) вновь актуально зазвучали выводы Е.Н. Анучина, сделанные применительно к развитию преступности в России во второй половине XIX в. Е.Н. Анучин в свое время писал, что преступнейшими оказываются не те сословия, которые находятся в самых неблагоприятных экономических условиях, а те, которые наиболее обеспечены с материальной стороны[62]. Касаясь преступлений, совершаемых представителями дворянского сословия, он указывал, что два условия приводят к большому распространению преступности среди дворянства: экономическое положение некоторых слоев дворянства и несоразмерность потребностей этого сословия с его средствами[63].

Выдающееся место в криминологии конца XX столетия принадлежит юридической школе акад. В.Н. Кудрявцева, самым ярким представителем которой является В.В. Лунеев. Именно ему в 1998 г. присуждена Государственная премия Российской Федерации за фундаментальный труд «Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции», вышедшей в 1997 г.

Одним из результатов названных и других исследований стало представление о предмете криминологии как науке, которая изучает, во-первых, преступность как социально-правовое явление, во-вторых, причины, условия, факторы и другие детерминанты преступности, ее виды и отдельные преступления, в-третьих, личность преступника, наконец, весь комплекс проблем, связанных с предупреждением преступлений, а также содержание деятельности пенитенциарной системы.

На рубеже тысячелетий возродилась дискуссия о предмете социологии уголовного права. Часть советских правоведов попала под влияние представителей англосаксонских юридических школ, которые рассматривали криминологию как социологическую дисциплину, и даже преподавали ее не на юридических, а на социологических направлениях подготовки специалистов. В концепции этих ученых социология уголовного права как бы поглощала криминологию и становилась на один уровень с теорией уголовного права. Не содействовало правильному пониманию предмета социологии уголовного права и отношение к ней как к «частной социологической теории», которая якобы «не может быть целиком включена в рамки правовой науки»[64].

Современное представление о преступности концентрированно изложено в коллективной монографии «Противодействие современной преступности. Криминологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты», вышедшей в свет в 2019 г. под редакцией члена-корр. РАН А.Н. Савенкова, а также в опубликованных материалах XI Кудрявцевских чтений,

[61] См.: *Сахаров А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961; *Герцензон А.А.* Введение в советскую криминологию. М., 1965; *Его же.* Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики; *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения. М., 1968; *Его же.* Причины правонарушений. М., 1976; *Карпец И.И.* Проблемы преступности. М., 1969; *Его же.* Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976; *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969; *Яковлев А.М.* Преступность и социальная психология. Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М., 1971.

[62] См.: *Анучин Е.Н.* Указ. соч. С. 104, 105.

[63] См.: там же. С. 110.

[64] Социальные условия и преступность: Программа комплексного криминологического исследования / подгот. А.Б. Сахаровым, М.М. Бабаевым, Л.А. Волошиной и др. С. 28.

состоявшихся 10 октября 2018 г. в ИГП РАН[65]. Среди авторов обоих изданий – выдающиеся криминологи А.Н. Савенков, О.В. Дамаскин, А.И. Долгова, В.В. Красинский, В.В. Лунеев, Г.Ю. Лесников, П.Г. Морфицин, А.Н. Харитонов, С.Х. Шамсунов, И.В. Щеблыкина, а также обладающие колоссальным опытом практической деятельности А.В. Козлов, В.И. Радченко, другие видные представители научных школ ИГП РАН, Российской криминологической ассоциации, Ассоциации юристов России, ведущих вузов страны.

Первая из указанных работ содержит экскурс в историю становления криминологии[66], дает развернутое представление о процессах детерминации преступности в современной России[67]. По справедливому замечанию А.И. Долговой, преступность – не инородное тело в организации общества, а результат специфической деформации его характеристик и характеристик немалой части его членов криминогенного перерождения существующих в нем отношений[68]. Но именно в таком ракурсе преступность может изучаться только с использованием богатейших возможностей и инструментария социологии уголовного права и криминологии.

Изучение проблем социологии уголовного права позволяет выявить три уровня познания.

В теоретической части социология уголовного права проводит структурный анализ социальных составляющих уголовного законодательства и прогнозирует социально-правовые последствия реализации уголовно-правовой политики, выраженной в законах.

Не менее важно изучение теоретико-методологических основ социологии уголовного права, моделирование социально-политической ситуации, способной сформироваться в ходе правоприменительной деятельности в рамках действующего уголовного законодательства. Кроме того, «социология собирает, обобщает, систематизирует информацию о том, что происходит в обществе с правом, с правоотношениями между социальными субъектами с общественным и индивидуальным правосознанием»[69].

В связи с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[70] задачами, вытекающими из президентских посланий к Федеральному Собранию РФ и разработанных Правительством РФ национальных проектов, специалистам в области права предстоит провести анализ более 9500 нормативных актов и создать условия для законодательного обеспечения того социально-экономического прорыва, который должна осуществить страна для вхождения России в пятерку самых развитых экономик мира.

Для эффективной законотворческой деятельности необходимы социологический контент-анализ действующего законодательства, масштабная юридическая компаративистика. Однако достаточным количеством специалистов в области социологии права, в т.ч. социологии уголовного права, страна пока не располагает.

Социология уголовного права, обладая потенциалом теоретической дисциплины, имеет и обширное прикладное значение. Использование социологических принципов анализа социальных явлений и конкретные социологические методы изучения правоприменительной практики входят в арсенал профессиональных компетенций, без владения которыми применение норм уголовного права становится неэффективным.

Социологические исследования способны зафиксировать как негативные, так и позитивные тенденции (в частности, если в 2008 г. нарушать закон считали безнравственным 27.4% опрошенных, то через пять лет их стало уже 34.7%)[71]. Своевременно социологи обратили внимание, с одной стороны, на то, что в обществе нарастает агрессивность (23.5%), жажда мести (30.8%), а с другой – заметили, что на правонарушения может толкнуть людей борьба за справедливость (42.5%)[72].

Одна из функций социологии уголовного права – создание эмпирической основы для гуманизации уголовно-правовой политики и декриминализации статей Уголовного кодекса. И то, и другое должно находить отражение в уголовном законодательстве и государственной уголовно-правовой политике, чего, к сожалению, не происходит. И потому два основных направления – либерализация уголовного законодательства и оптимизация репрессивной деятельности – разбалансированы. Призыв «не кошмарить бизнес» весьма актуален

---

[65] См.: Совершенствование криминологических, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер противодействия преступности в современных условиях. М.; Саратов, 2019.

[66] См.: Противодействие современной преступности: Криминологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 72–97.

[67] См.: там же. С. 97–127.

[68] См.: там же. С. 124.

[69] *Булатов С.Я.* Указ. соч.

[70] См.: СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

[71] См.: Социология уголовного права: коллизии уголовно-правовой статистики: сб. ст. [Электронный ресурс]. М., 2014. С. 110–113.

[72] См.: там же. С. 113.

и крайне необходим. Но справедливо и замечание проф. Ю.В. Голика о том, что сам бизнес должен перестать «кошмарить» население страны.

В любой области законотворческой и правоприменительной практики важно знать, как изменится социальное самочувствие всех слоев населения с принятием тех или иных нормативных правовых актов. Для создания достоверной картины недостаточно теледебатов, многочисленных интервью, полемических заметок. Необходимы масштабные социологические исследования и выработанные на этой основе профессиональные рекомендации, что имеет особое значение для профилактики правонарушений, минимизации криминогенности и коррупционности. В этом состоит и наиболее ярко проявляется миссия социологии уголовного права как междисциплинарной отрасли юридических знаний.

К числу важнейших направлений социологической теории уголовного права относится прогнозирование тенденций развития правосознания, определение степени вербальной готовности совершить правонарушение по социально-бытовым, политическим или иным мотивам.

Преступления в этих сферах, особенно в области приватизации, с одной стороны, были глобальными, с другой – остались малоизученными и безнаказанными. Затем криминологические характеристики общественного правопонимания переместились в бытовую сферу: «финансовые пирамиды», обманутые дольщики, другие мошеннические способы обогащения, уход от уплаты налогов и т.д.

* * *

Второе десятилетие XXI в. стало временем передела собственности с использованием возможностей криминала, проникшего во все сферы государственной власти. Особую опасность стали приобретать киберпреступность, а также интеллектуализация способов хищения бюджетных средств в колоссальных размерах. Социологические методы их анализа не используются, прогностическая работа не ведется, общественное мнение не изучается, а если и изучается, то под получение заданного результата.

Тем не менее признаки изменения отношения к социологии уголовного права появились: социология права и ее составная часть – социология уголовного права вошли в число юридических дисциплин. В настоящее время «Философия права» и «Социология права» преподаются магистрам юридических факультетов вузов России. На повестке дня – создание фундаментальных учебников, словарей и энциклопедий академического уровня и университетского класса по социологии уголовного права и криминологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / сокр. пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского; ред. и вступ. ст. Г.В. Осипова. М., 1972. С. 234, 364.
2. *Анучин Е.Н.* Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 гг. Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873. С. 104, 105, 110.
3. *Берман Я.Л.* Основные вопросы теории пролетарского государства. М., 1924.
4. *Блувштейн Ю.Д.* О предмете социологии уголовного права // Проблемы социологии уголовного права: сб. науч. тр. / редколл.: Ю.Д. Блувштейн, И.М. Гальперин, С.С. Куклянскис, С.И. Стачекас, А.М. Яковлев (отв. ред.). М., 1982. С. 17–29.
5. *Болотский Б.С.* Социология разбоя по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1970.
6. *Булатов С.* Проблемы реконструкции уголовного права // Сов. государство и революция права. 1930. № 2.
7. *Булатов С.Я.* Возрождение Ломброзо в советской криминологии // Революция права. 1929. № 1. С. 42–61.
8. *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. М., 1941–1956.
9. *Герцензон А.А.* Введение в советскую криминологию. М., 1965.
10. *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. М., 1970.
11. *Гогель С.К.* Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / сост. и вступ. ст. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2009.
12. *Духовской М.В.* Задачи науки уголовного права. Вступительная лекция, читанная 3 октября 1872 года // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1873. Кн. 4. С. 2.
13. *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 4, 5.
14. *Жуков В.И.* Актуальные проблемы философии, социологии и психологии права: сб. докладов. М., 2019.
15. Законы Ману / пер. [с санскрит.] С.Д. Эльмановича, провер. и испр. Г.Ф. Ильиным; предисл. Г.Ф. Ильина. М., 1992. С. 68. Гл. IX. Ст. 232.
16. *Карпец И.И.* Проблемы преступности. М., 1969.
17. *Карпец И.И.* Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976.
18. *Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н.* Социология права: учеб. для бакалавриата и магистратуры. М., 2016.
19. *Кетле Л.А.Ж.* Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей / под ред. [и с предисл.] А. Русова. Киев, 1911. Т. 1 / пер. с изд. 1869 г. студ. Киев. коммерч. ин-та Е. Калмановской, Л. Печерского [и др.]; 1913. Т. 2 / пер. с изд. 1869 г. студ. Киев. коммерч. ин-та Е. Калмановской, Э. Пышнова и А. Шендеровича.

20. *Кетле А.* Человек и развитие его способностей, или Опыт социальной физики: в 2 т. СПб., 1865.

21. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1999. С. 201.

22. *Коган В.М.* Научный семинар по социологии уголовного права // Сов. государство и право. 1988. № 3. С. 136–140.

23. *Корнев А.В.* Социология права: учеб. М., 2017. С. 122, 123.

24. *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения. М., 1968.

25. *Кудрявцев В.Н.* Причины правонарушений. М., 1976.

26. *Кузнецов А.В.* Социология применения норм уголовного права: лекция. М., 1976.

27. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969.

28. *Кузьмин П.* Маркс и вопросы уголовного права // Маркс и пролетарское государство: сб. ст. / под общ. ред. Е. Пашуканиса. М.; Л., 1933.

29. *Лапаева В.В.* Социология права. М., 2016. С. 139.

30. *Маркунцов С.А.* Изучение социологии уголовного права: общественный запрос или вынужденная необходимость? // Общественный запрос на социолого-правовые исследования и обучение социологии права: сб. ст. ф-та права НИУ ВШЭ. М., 2013. С. 94–101.

31. *Маркунцов С.А.* Место уголовной социологии в структуре науки уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф., 27–28 января 2011 г. М., 2011. С. 90–95.

32. *Маркунцов С.А.* Теория уголовно-правовых запретов как сквозная концепция социологии уголовного права // Социология уголовного права: общие вопросы социологии уголовного права и уголовного закона: социолого-правовые аспекты Особенной части Уголовного кодекса: сб. ст. (материалы I Междунар. науч.-практ. конф. «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития», состоявшейся 21–22 сентября 2012 г.). М., 2013. Т. 1. С. 16–25.

33. Противодействие современной преступности: Криминологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 72–127.

34. Русское уголовное право: Общая часть / [Соч.] П.П. Пусторослева, д-ра уголов. права, орд. проф. Юрьев. ун-та. 2-е изд., испр., с сокр. библиогр. указаний лит. уголов. права, напеч. на иностр. яз., с сокр. излож. неудовлетвор. уголовно-правовых доктрин; с излож. содерж. новейших законодат. постановлений в области источников уголов. права и в области общ. предписаний об уголов. правонарушении и с доп. библиогр. указаний по лит. уголов. права, вышедшей на рус. яз. Вып. 1. Введение. Источники уголовного права. Преступление. Юрьев, 1912. С. 44–48.

35. *Савенков А.Н., Жуков В.И.* Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М., 2018. С. 15–20, 23–26.

36. *Сахаров А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.

37. *Спиридонов Л.И.* Социология уголовного права. М., 1986.

38. Совершенствование криминологических, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер противодействия преступности в современных условиях. М.; Саратов, 2019.

39. Советская криминология / под ред. Л.А. Герцензона, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева. М., 1966.

40. Социальные условия и преступность: Программа комплексного криминологического исследования / подгот. А.Б. Сахаровым, М.М. Бабаевым, Л.А. Волошиной и др. М., 1979. С. 28.

41. Социология права: курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2015.

42. Социология уголовного права: коллизии уголовно-правовой статистики: сб. ст. [Электронный ресурс]. М., 2014. С. 110–113.

43. Социология уголовного права: сб. ст. / ред. колл.: С.А. Маркунцов и др. М., 2019.

44. *Старосельский Я.В.* Принципы построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 2. С. 83–105.

45. Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: сб. / авт. и сост. Е.А. Прянишников и др. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2015.

46. *Сырых В.М.* Социология права: учеб. М., 2012.

47. *Тард Г.* Преступник и преступление / пер. Е.В. Выставкиной; под ред. М.Н. Гернета и с предисл. Н.Н. Полянского. М., 1906.

48. *Тард Г.* Сравнительная преступность / пер. с франц. М., 1907.

49. *Тарновский Е.Н.* Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 8. С. 73–106.

50. *Ферри Э.* Уголовная социология / разрешен. авт. пер. с 5-го фр. изд. 1905 г. О.В. Познышевой, Л.В. Гольденвейзера... [и др.]; под ред. С.В. Познышева; с предисл. [к рус. изд.] Э. Ферри и ред. пер. М., 1908. С. 2, 572.

51. *Фойницкий И.Я.* Влияние времен года на распределение преступлений. СПб., 1898.

52. *Чарыхов Х.М.* Учение о факторах преступности: Социол. шк. в науке уголов. права / с предисл. М.Н. Гернета. М., 1910.

53. *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова. СПб., 2011.

54. *Яковлев А.М.* Преступность и социальная психология. Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М., 1971.

55. *Aschaffenburg G.* Das Verbrechen und seine Bekämpfung: Kriminalpsychologie für Mediziner, Juristen und Soziologen, ein Beitrag zur Reform der Strafgesetzgebung. C. Winter, 1903.

56. *Burgess E.W.* The Delinquent as a Person, AMER. J. OF SOCIOL., 28, No. 6 (May,1923). P. 679.

57. *Cartwright N.* Why Trust Science? Reliability, Particularity and the Tangle of Science // Proceedings of the Aristotelian

Society. URL: https://www.aristoteliansociety.org.uk/pdf/nancy_cartwright.pdf (дата обращения: 22.05.2020).

58. *Cantor N.* Recent Tendencies in Criminological Research in Germany, 27 J. Crim. L. & Criminology, 1937.
59. *Cavan R. Sh.* Criminology. Thomas Y Crowell. January 1, 1948.
60. *Clinard M.B.* Criminological Theories of Violations of Wartime Regulations // American sociological review. 11. No. 3. P. 269.
61. *Garofalo R.* LA CRIMINOLOGIE. Étude sur la nature du crime et la théorie de la pénalité. Paris: Ancienne Librairie Germer Baillière et Cie., Félix Alcan, Éditeur, 1890. 2e édition entièrement refondue, 452 pp. P. 20. URL: http://perso.unifr.ch/derechopenal/assets/files/obrasjuridicas/oj_20120208_01.pdf Оригинал: *Garofalo R.* Criminologia. Studio sul delitto, sulle sue cause e sui mezzi di repression. Roma – Torino – Firenze, 1885.
62. *Gillin J.L.* Criminology and Penology. Century Company, 1926. URL: https://books.google.ru/books/about/Criminology_and_Penology.html?id=LcxAAAAAIAAJ&redir_esc=y
63. *Haynes F.E.* Criminology. New York, 1930.
64. *Haynes F.E.* The Sociological Study of the Prison Community, 39 J. Crim. L. & Criminology, 1949.
65. *Henderson Ch. R.* The Cause and Cure of Crime. A.C. McClurg & Company, 1914.
66. *Hentig H. von* The Criminal & His Victim: Studies in the Sociobiology of Crime. Yale University Press, 1948.
67. Introduction to the Study of the Dependent, Defective and Delinquent Classes / by Ch. R. Henderson. Boston (2nd ed., enlarged, 1901).
68. *Maurice F.* Parmelee. Criminology. New York, 1918.
69. *Morris T.* The Sociology of Law and Criminology: in 15 vols. The criminal area. 1957.
70. *Quetelet A.* Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou Essai de physique sociale. Paris, 1835. Vol. 1–2.
71. *Reckless W.C.* A New Theory of Delinquency and Crime. 1942.
72. Responsibility for Crime / by Ph. A. Parsons. New York, 1909.
73. *Sellin T.* Culture Conflict and Crime // Bulletin No. 41 of the social. science research council, 1938, 44, 45.
74. *Sutherland E.H.* Criminology. Philadelphia, 1924.
75. *Taft D.R.* Criminology. New York, 1942 and revised edition, 1950.
76. *Taft D.R.* Criminology: An Attempt at a Synthetic Interpretation with a Cultural Emphasis. New York, First Edition, January 1, 1942.
77. *Teeters N.K.* The Prison Systems of England, 41 J. Crim. L. & Criminology. 1951.
78. The Individual Delinquent / by Dr. W. Healy. Boston, 1915.

REFERENCES

1. American sociology. Prospects, problems and methods / abridged transl. from English by V.V. Voronin and E.V. Zinkovsky; ed. and an introductory articleed G.V. Osipov. M., 1972. P. 234, 364 (in Russ.).
2. *Anuchin E.N.* Research on the percentage of exiled to Siberia in the period 1827–1846. Materials for criminal statistics of Russia. SPb., 1873. P. 104, 105, 110 (in Russ.).
3. *Berman Ya. L.* Basic questions of the theory of the proletarian state. M., 1924 (in Russ.).
4. *Bluvshtein Yu. D.* About the subject of sociology of criminal law // Problems of sociology of Criminal Law: collection of proceedings / ed.: Yu. D. Bluvshtein, I.M. Galperin, S.S. Kuklyanskis, S.I. Stachekas, A.M. Yakovlev (ed.). M., 1982. P. 17–29 (in Russ.).
5. *Bolotsky B.S.* Sociology of robbery in Soviet Criminal Law: abstract ... PhD in Law. Saratov, 1970 (in Russ.).
6. *Bulatov S.* Problems of reconstruction of criminal law // Sov. State and the Revolution of Law. 1930. No. 2 (in Russ.).
7. *Bulatov S. Ya.* The revival of Lombroso in the Soviet criminology // The Revolution of Law. 1929. No. 1. P. 42–61 (in Russ.).
8. *Gernet M.N.* History of the Tsar's prison: in 5 vols. M., 1941–1956 (in Russ.).
9. *Gertsenzon A.A.* Introduction to Soviet criminology. M., 1965 (in Russ.).
10. *Gertsenzon A.A.* Criminal Law and sociology. Problems of sociology of criminal law and criminal policy. M., 1970 (in Russ.).
11. *Gogel S.K.* Course of criminal policy in connection with criminal sociology / drafting and introductory article by V.S. Ovchinsky and A.V. Fedorov. M., 2009 (in Russ.).
12. *Dukhovskoy M.V.* Tasks of the science of Criminal Law. Introductory lecture delivered on October 3, 1872 // Temporary directory of the Demidovsky legal Lyceum. Yaroslavl, 1873. Book 4. P. 2 (in Russ.).
13. *Esipov V.V.* Essay of Russian Criminal Law. The General part. Crime and criminals. Punishment and punishments. Warsawa, 1894. P. 4, 5 (in Russ.).
14. *Zhukov V.I.* Actual problems of Philosophy, Sociology and Psychology of Law: collection of reports. M., 2019 (in Russ.).
15. Laws of Manu / transl. [from Sanskrit.] S.D. Elmanovich, checked and fixed by G.F. Ilyin; preface by G.F. Ilyin. M., 1992. P. 68. Ch. IX. Art. 232 (in Russ.).
16. *Karpets I.I.* Problems of crime. M, 1969 (in Russ.).
17. *Karpets I.I.* Modern problems of Criminal Law and criminology. M., 1976 (in Russ.).
18. *Kasyanov V.V., Nechipurenko V.N.* Sociology of Law: Textbook for bachelor's and master's degrees. M., 2016 (in Russ.).
19. *Quetelet's L.A.J.* Social physics, or the study Experience on the development of human abilities / ed. by [and with a Preface] A. Rusov. Kiev, 1911. Vol. 1 / transl. from the 1869 edition of the stud. Kiev. commerch. in-t E. Kalmanovskaya, L. Pechersky [et al.]; 1913. Vol. 2 / transl. with ed. 1869 stud. Kiev. commercial in-t E. Kalmanovskaya, E. Pyshnov and A. Shenderovich (in Russ.).
20. *Ketle A.* Man and the development of his abilities, or the Experience of social physics: in 2 vols. SPb., 1865 (in Russ.).
21. *Kistyakovsky B.A.* Philosophy and Sociology of Law. SPb., 1999. P. 201 (in Russ.).

22. *Kogan V.M.* Scientific seminar on the sociology of Criminal Law // State and Law. 1988. No. 3. P. 136–140 (in Russ.).

23. *Kornev A.V.* Sociology of Law: textbook. M., 2017. P. 122, 123 (in Russ.).

24. *Kudryavtsev V.N.* Causality in criminology. On the structure of individual criminal behavior. M., 1968 (in Russ.).

25. *Kudryavtsev V.N.* Reasons for offenses. M., 1976 (in Russ.).

26. *Kuznetsov A.V.* Sociology of application of criminal law norms: lecture. M., 1976 (in Russ.).

27. *Kuznetsova N.F.* Crime and criminality. M., 1969 (in Russ.).

28. *Kuzmin P.* Marx and questions of Criminal Law // Marx and the proletarian state: collection of articles / ed. by E. Pashukanis. M.; L., 1933 (in Russ.).

29. *Lapaeva V.V.* Sociology of Law. M., 2016. P. 139 (in Russ.).

30. *Markuntsov S.A.* Studying of Sociology of Criminal Law: public inquiry or forced necessity? // Public request for socio-legal research and training in Sociology of Law: collection of articles of the law faculty of the higher school of Economics. M., 2013. P. 94–101 (in Russ.).

31. *Markuntsov S.A.* The place of criminal sociology in the structure of the science of Criminal Law // Criminal Law: development strategy in the XXI century: proceedings of the Eighth International conference. scientific-practical Conf., January 27–28, 2011. M., 2011. P. 90–95 (in Russ.).

32. *Markuntsov S.A.* Theory of Criminal Law prohibitions as a cross-cutting concept of Sociology of Criminal Law // Sociology of Criminal Law: General questions of Sociology of Criminal Law and Criminal Law: socio-legal aspects of the Special part of the Criminal Code: collection of articles (materials of the first International conference) scientific-practical Conf. "Sociology of Criminal Law: problems and trends of development" (21–22 September 2012). M., 2013. Vol. I. P. 16–25 (in Russ.).

33. Counteraction to modern crime: Criminological, criminal-legal and criminal-procedural aspects / ed. by A.N. Savenkov. M., 2019. P. 72–127 (in Russ.).

34. Russian Criminal Law: General part / [op.] P.P. Pustoroslev, Dr. of the Criminal Law, ord. prof. Yuriev Un-t. 2nd ed., corrected, with reduced Bibliogr. lit. corner. law, print company's logo. in foreign languages, with a short name. unsatisfied. criminal law doctrines; with a description. content. the latest legislative. regulations in the field of sources of fines. law in the field of community rules on the Statute of limitations. violation and with additional Bibliogr. instructions for lit. corner. law, published in Russian. Issue 1. Introduction. Sources of Criminal Law. Crime. Yuriev, 1912. P. 44–48 (in Russ.).

35. *Savenkov A.N., Zhukov V.I.* Sociology of legal deviations and social addictions. M., 2018. P. 15–20, 23–26 (in Russ.).

36. *Sakharov A.B.* On the personality of the criminal and the causes of crime in the USSR. M., 1961 (in Russ.).

37. *Spiridonov L.I.* Sociology of Criminal Law. M., 1986 (in Russ.).

38. Improvement of criminological, criminal-legal and criminal-procedural measures to counteract crime in modern conditions. M.; Saratov, 2019 (in Russ.).

39. Soviet criminology / ed. L.A. Hertsenzon, I.I. Karpets, V.N. Kudryavtsev. M., 1966 (in Russ.).

40. Social conditions and crime: Program of complex criminological research / prepared A.B. Sakharov, M.M. Babaev, L.A. Voloshina et al. M., 1979. P. 28 (in Russ.).

41. Sociology of Law: course of lectures: in 2 vols. / ed. by M.N. Marchenko. M., 2015 (in Russ.).

42. Sociology of Criminal Law: conflicts of criminal law statistics: collection of articles [Electronic resource]. M., 2014. P. 110–113 (in Russ.).

43. Sociology of Criminal Law: collection of articles / editorial board: S.A. Markuntsov et al. M., 2019 (in Russ.).

44. *Staroselsky Ya. V.* Principles of building criminal repression in the proletarian state // The Revolution of Law. 1927. No. 2. P. 83–105 (in Russ.).

45. Pages of history and essays about scientific schools of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation: sat. / ed. and comp. E.A. Pryanishnikov et al. 4th ed., add. and revised. M., 2015 (in Russ.).

46. *Syrykh V.M.* Sociology of Law: textbook. M., 2012 (in Russ.).

47. *Tard G.* The criminal and the crime / transl. of E.V. Vystavkina; ed. by M.N. Gernet and with a Preface by N.N. Polyansky. M., 1906 (in Russ.).

48. *Tard G.* Comparative crime / transl. from French. M., 1907 (in Russ.).

49. *Tarnovsky E.N.* Influence of grain prices and harvests on the movement of crimes against property in Russia // Journal of the Ministry of justice. 1898. No. 8. P. 73–106 (in Russ.).

50. *Ferri E.* Criminal sociology / resolved. author. transl. with 5 French ed. 1905 O.V. Poznysheva, L.V. Goldenweizer... [et al.]; under the editorship of S.V. Poznyshev; with a Foreword. [to Russ. ed.] E. Ferry and ed. transl. M., 1908. P. 2, 572 (in Russ.).

51. *Foynitsky I. Ya.* Influence of seasons on the distribution of crimes. SPb., 1898 (in Russ.).

52. *Charykhov Kh. M.* The Doctrine of crime factors: Sociology school in the science of Criminal Law; with a Preface by M.N. Gernet. M., 1910 (in Russ.).

53. *Ehrlich O.* The foundation of Sociology of Law. SPb., 2011 (in Russ.).

54. *Yakovlev A.M.* Crime and social psychology. Socio-psychological patterns of illegal behavior. M., 1971 (in Russ.).

55. *Aschaffenburg G.* Das Verbrechen und seine Bekämpfung: Kriminalpsychologie für Mediziner, Juristen und Soziologen, ein Beitrag zur Reform der Strafgesetzgebung. C. Winter, 1903.

56. *Burgess E.W.* The Delinquent as a Person, AMER. J. OF SOCIOL., 28, No. 6 (May,1923). P. 679.

57. *Cartwright N.* Why Trust Science? Reliability, Particularity and the Tangle of Science // Proceedings of the Aristotelian Society. URL: https://www.aristoteliansociety.org.uk/pdf/nancy_cartwright.pdf (accessed: 22.05.2020).

58. *Cantor N.* Recent Tendencies in Criminological Research in Germany, 27 J. Crim. L. & Criminology, 1937.

59. *Cavan R. Sh.* Criminology. Thomas Y Crowell. January 1, 1948.

60. *Clinard M.B.* Criminological Theories of Violations of Wartime Regulations // American sociological review. 11. No. 3. P. 269.

61. *Garofalo R.* LA CRIMINOLOGIE. Étude sur la nature du crime et la théorie de la pénalité. Paris: Ancienne Librairie Germer Baillière et Cie., Félix Alcan, Éditeur, 1890. 2e édition entièrement refondue, 452 pp. P. 20. URL: http://perso.unifr.ch/derechopenal/assets/files/obrasjuridicas/oj_20120208_01.pdf. The original: *Garofalo R.* Criminologia. Studio sul delitto, sulle sue cause e sui mezzi di repression. Roma – Torino – Firenze, 1885.

62. *Gillin J.L.* Criminology and Penology. Century Company, 1926. URL: https://books.google.ru/books/about/Criminology_and_Penology.html?id=LcxAAAAAIAAJ&redir_esc=y

63. *Haynes F.E.* Criminology. New York, 1930.

64. *Haynes F.E.* The Sociological Study of the Prison Community, 39 J. Crim. L. & Criminology, 1949.

65. *Henderson Ch. R.* The Cause and Cure of Crime. A.C. McClurg & Company, 1914.

66. *Hentig H. von* The Criminal & His Victim: Studies in the Sociobiology of Crime. Yale University Press, 1948.

67. Introduction to the Study of the Dependent, Defective and Delinquent Classes / by Ch. R. Henderson. Boston (2nd ed., enlarged, 1901).

68. *Maurice F.* Parmelee. Criminology. New York, 1918.

69. *Morris T.* The Sociology of Law and Criminology: in 15 vols. The criminal area. 1957.

70. *Quetelet A.* Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou Essai de physique sociale. Paris, 1835. Vol. 1–2.

71. *Reckless W.C.* A New Theory of Delinquency and Crime. 1942.

72. Responsibility for Crime / by Ph. A. Parsons. New York, 1909.

73. *Sellin T.* Culture Conflict and Crime // Bulletin No. 41 of the social. science research council, 1938, 44, 45.

74. *Sutherland E.H.* Criminology. Philadelphia, 1924.

75. *Taft D.R.* Criminology. New York, 1942 and revised edition, 1950.

76. *Taft D.R.* Criminology: An Attempt at a Synthetic Interpretation with a Cultural Emphasis. New York, First Edition, January 1, 1942.

77. *Teeters N.K.* The Prison Systems of England, 41 J. Crim. L. & Criminology. 1951.

78. The Individual Delinquent / by Dr. W. Healy. Boston, 1915.

Сведения об авторах

ЖУКОВ Василий Иванович –
академик Российской академии наук, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

САВЕНКОВ Дмитрий Александрович –
кандидат юридических наук; г. Москва

Authors' information

ZHUKOV Vasily I. –
Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of historical Sciences, chief researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

SAVENKOV Dmitry A. –
PhD in Law; Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 140–148
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 140–148

СУДЕБНАЯ ЭТИКА, ЕЕ ПРЕДМЕТ И СУЩНОСТЬ[1]

© 2022 г. М. С. Строгович

Аннотация. В статье анализируются проблемы судебной этики как науки о применении норм морали, нравственности в специфических условиях деятельности судей, прокуроров, следователей и адвокатов, осуществления нравственных принципов и требований в расследовании и разрешении уголовных дел, критически оцениваются мнения о выделении «профессиональной нравственности» и специфических моральных норм для юристов.
Судебную этику автор предлагает разделить на Общую и Особенную части; первая охватывает общие теоретические вопросы о природе этой науки, методах исследования судебно-этических проблем и др.; вторая – этические вопросы деятельности основных субъектов уголовного процесса: судей, прокуроров, следователей, адвокатов. При этом в предмет судебной этики интегрируются два круга вопросов: нравственные основы процессуальных норм и нравственные пути их применения в расследовании и разрешении уголовных дел.

***Ключевые слова*:** судопроизводство, уголовный процесс, философия, этика, этические нормы, судебная этика, структура и предмет судебной этики.

Цитирование: *Строгович М.С.* Судебная этика, ее предмет и сущность // Государство и право. 2022. № 2. С. 140–148.

DOI: 10.31857/S102694520018858-4

JUDICIAL ETHICS, ITS SUBJECT AND ESSENCE[2]

© 2022 M. S. Strogovich

Abstract. The article analyzes the problems of judicial ethics as a science of the application of moral norms, morality in the specific conditions of judges, prosecutors, investigators and lawyers, the implementation of moral principles and requirements in the investigation and resolution of criminal cases, critically assesses opinions on the allocation of "professional morality" and specific moral norms for lawyers.
The author proposes to divide judicial ethics into General and Special parts; the first covers general theoretical questions about the nature of this science, methods of investigating judicial and ethical problems, etc.; the second – ethical issues of the activities of the main subjects of criminal proceedings: judges, prosecutors, investigators, lawyers. At the same time, two sets of issues are integrated into the subject of judicial ethics: the moral foundations of procedural norms and the moral ways of their application in the investigation and resolution of criminal cases.

[1] Статья была напечатана в журнале «Советское государство и право». 1971. № 12. С. 88–97.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук, профессором А.И. Чучаевым.

[2] The article was published in the journal "Soviet State and Law" (1971), No. 12, pp. 88–97.
Abstract and key words were compiled by Doctor of Law, Professor A.I. Chuchaev.

Key words: legal proceedings, criminal procedure, philosophy, ethics, ethical norms, judicial ethics, structure and subject of judicial ethics.

For citation: *Strogovich, M.S. (2022).* Judicial ethics, its subject and essence // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 140–148.

Этика как философская наука и судебная этика

Возрастание роли нравственности, нравственных принципов и норм в регулировании поведения людей – членов социалистического общества происходит в прогрессирующей степени, повышается уровень нравственного сознания людей, укрепляются нравственные начала во всех сферах государственной, общественной и личной жизни. В Программе КПСС сказано: «В процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора...».

В современных условиях сильно повышается значение такой философской науки, как этика, т.е. науки о нравственности, научной разработки нравственных проблем во всех сферах жизни и деятельности. В частности, назрела необходимость в исследовании нравственных основ правосудия, судопроизводства, в особенности уголовного судопроизводства. От решения суда по уголовному делу зависит честь, достоинство, доброе имя, свобода, иногда жизнь человека, и нравственная, этическая сторона деятельности суда и связанных с ним органов следствия и прокуратуры имеет поэтому очень важное значение. Отсюда необходимость научной разработки проблем судебной этики.

До недавнего времени вопросы судебной этики лишь попутно затрагивались в различных работах по уголовному процессу, но они не выделялись в самостоятельный предмет научного исследования, а подчас само понятие судебной этики представлялось мало обоснованным. За последнее же время к этим проблемам проявляется все усиливающийся интерес, начинают подвергаться рассмотрению как самые основы, так и отдельные вопросы судебной этики. Но пока еще делаются только первые шаги, преимущественно в плане постановки вопроса.

Для разработки судебной этики как науки большой интерес представляют работы А.Ф. Кони[3], который ставил и освещал общие вопросы судебной этики как науки и отдельные конкретные вопросы этического порядка в практической деятельности суда и прокуратуры.

Исследовать проблемы судебной этики можно только на основе общей марксистской этики как философской науки. Между тем опубликованные в юридической печати статьи о судебной этике мало связаны с общими основами этики как философской науки.

Этика есть наука о нравственности (морали). Нравственность и мораль – это одно и то же явление, имеющее разные наименования[4].

Иногда высказывается иная точка зрения, различающая понятия морали и нравственности. Так, например, утверждают, что мораль – это нормы, правила поведения особого рода, действующие в обществе, нравственность же – это свойство человека быть моральным, его способность руководствоваться моральными нормами. Легко заметить крайнюю искусственность такого различения морали и нравственности, его полную теоретическую и практическую бесплодность для разработки проблем этики.

Нравственность (мораль) как общественное явление

В литературе по этике большое распространение имеет такая трактовка нравственности (морали): нравственность есть форма общественного сознания наряду с другими формами общественного сознания[5]. Согласно другой точке зрения, нравственность шире формы общественного сознания – она включает поведение людей, их поступки, определенный вид идеологических общественных отношений[6]. Мы думаем, что нельзя принять полностью ни ту, ни другую точку зрения. Трактовка нравственности только как формы общественного сознания отождествляет нравственность с нравственным сознанием. Но нравственность нельзя свести лишь к форме общественного сознания подобно тому, как право нельзя свести к правосознанию. Между ними существует самая тесная связь и взаимозависимость, но это – не одно и то же. Но если нравственность нельзя свести к нравственному сознанию, то нельзя в понятие нравственности включить и поступки, поведение людей, их взаимоотношения: поступки, поведение, отношения людей – это не сама нравственность, а предмет воздействия со стороны нравственности или результат такого воздействия.

[3] См.: *Кони А.Ф.* Собр. соч. М., 1967. Т. 4.

[4] См. об этом: *Шишкин А.Ф.* О предмете этики как науки // Вопросы философии. 1964. № 1. С. 26, 27.

[5] См., напр.: *Шердаков В.Н.* Аксиология и этика // Актуальные проблемы марксистской этики. Тбилиси, 1967. С. 319.

[6] См.: *Шишкин А.Ф., Шварцман К.А.* XX век и моральные ценности человечества. М., 1967. С. 20, 21.

Правильное решение вопроса о сущности нравственности заключается в понимании нравственности как определенной системы социальных норм, регулирующих поведение людей в обществе. Нравственность – это нормы, правила поведения, которыми руководствуются люди и которые служат критериями оценки их поступков с точки зрения добра и зла, достоинства и порока и т.д. Конечно, нравственные нормы не получают того выражения и закрепления в законах и иных актах государства, какое имеют правовые нормы. Но нравственные нормы – это объективно существующие в обществе социальные нормы, имеющие обязательную силу, а не просто взгляды, представления, мысли людей. В обществе, разделенном на антагонистические классы, нет единой нравственности – нравственность трудящихся, эксплуатируемых существенно отличается от нравственности эксплуататоров. В социалистическом обществе существует одна, социалистическая нравственность, а не разные нравственности для различных общественных слоев, граждан, групп, хотя уровень нравственного развития, моральной сознательности у различных слоев и групп людей может быть различным[7].

Нравственные нормы имеют определенное выражение и закрепление, по крайней мере главные из них: моральный кодекс строителя коммунизма, сформулированный в Программе КПСС; решения высших органов партии, профсоюзов и иных общественных организаций; преамбулы ряда законов и т.д. Иногда можно спорить относительно содержания той или иной нравственной нормы (как можно спорить относительно смысла правовых норм), но сами эти нормы имеют объективное значение как социальные нормы, правила поведения людей в обществе. И они снабжены определенными санкциями, обеспечивающими их соблюдение. Эти нравственные санкции, не будучи мерами государственного принуждения, тем не менее очень реальны и действенны, например общественное осуждение аморального поступка.

К сожалению, приходится констатировать, что в этике как философской науке наиболее слабо разработано само понятие нравственной (моральной) нормы. Обычно нравственная норма рассматривается только как элемент или продукт нравственного сознания, как суждение о должном, как определенное представление нравственного содержания и т.п., а потому сама она объективного характера не имеет, объективными являются не нравственные нормы, а те общественные отношения, которые обусловливают содержание нравственных норм[8]. А потому изучение нравственных норм представляется лишь как одно из направлений в этике, именуемое нормативной этикой и не являющееся основным, главным; главное же – это исследование происхождения нравственных норм, их определяемости материальными условиями существования общества, общественными, производственными отношениями.

Есть и крайняя точка зрения, согласно которой нравственные нормы вообще не являются предметом марксистской этики: ее предмет составляют только объективные общественные закономерности, определяющие сущность и развитие морали как формы общественного сознания[9]. Подобная точка зрения даже в ее смягченном виде, когда нормы нравственности не исключаются полностью из предмета этики как науки, но их изучение отодвигается на задний план как некоторое второстепенное направление, представляется неверной. Конечно, марксистская этика не сводится к изучению и анализу действующих нравственных норм. Будучи марксистской философской наукой, этика изучает нравственность, мораль как социальное явление всесторонне, во всех аспектах и проявлениях, во всех связях и опосредствованиях, вскрывая обусловленность морали общественными, производственными отношениями, классовой структурой общества, в связи с политикой и классовой борьбой. Но это не только не исключает, но, наоборот, предполагает и делает особо важным изучение моральных норм, действующих в обществе, исследование их содержания в целях обеспечения неуклонного соблюдения и борьбы с их нарушениями.

Вместе с тем марксистская этика выделяет и изучает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками. Первостепенное значение имеет изучение революционной морали рабочего класса, тех моральных принципов, требований, норм, которые выработаны рабочим классом в борьбе за освобождение от эксплуатации и за построение нового, коммунистического общества. Именно они характеризуют нравственность в социалистическом обществе.

Для судебной этики изучение моральных норм имеет первостепенное значение потому, что таким образом внедряются нравственные начала в практическую деятельность суда, прокуратуры, органов следствия, адвокатуры, обеспечивается

[7] Вопрос о соотношении права и нравственности освещен в различных работах по общей теории государства и права, и здесь мы его рассматривать не будем (см., напр.: Теория государства и права. М., 1962; Теория государства и права. М., 1968).

[8] См.: *Самсонова Т.В.* Теоретические проблемы этики. М., 1966. С. 14.

[9] См.: *Бек Г.* О марксистской этике и социалистической морали / пер. с нем. М., 1962. С. 27.

соблюдение в этой деятельности не только норм права, но и норм морали, нравственности.

Предмет судебной этики

Судебная этика – это наука о применении норм морали, нравственности в специфических условиях деятельности судей, прокуроров, следователей и адвокатов, об осуществлении нравственных принципов и требований в расследовании и разрешении уголовных дел.

Естественно, что судебная этика своим предметом имеет изучение применения норм нравственности во всех сферах судебной деятельности – не только в уголовном, но и в гражданском судопроизводстве. Но в данной статье мы рассматриваем судебную этику применительно к производству по уголовным делам. Судебная этика изучает применение общих норм нравственности в специфических условиях судебной и следственной деятельности, а вовсе не создает каких-либо особых нравственных норм для судей, прокуроров, следователей, адвокатов. Судебная этика – это один из видов «профессиональной этики», наряду с другими ее видами (врачебная этика, литературная этика и др.). Каждая профессиональная этика изучает применение общих норм нравственности в специфических условиях конкретной профессиональной деятельности, но она не создает особой «нравственности» для данной профессии. Поэтому можно говорить о профессиональной этике, но даже условно нельзя говорить о «профессиональной нравственности».

К чему приводят попытки создания особых нравственных норм для юристов и вообще для отдельных профессий, показывает следующее: Л.Е. Ароцкер утверждает, что «в каждой профессии находят выражение не только общие этические нормы, своеобразно преломленные в ней, но и особенные нравственные стороны, присущие данной профессии». Это относится и к деятельности судей, следователей, прокуроров, адвокатов: «Этим профессиям присущи и свои специфические нравственные нормы»[10]. Что это за специфические нравственные нормы? В другой своей работе Л.Е. Ароцкер прямо указывает на «профессиональную нравственность юриста»[11]. Что же это такое? Оказывается, что «профессиональная нравственность юриста» включает в себя такие приемы допроса на суде, как «внезапность» (допрашиваемому неожиданно задается вопрос вне всякой логической связи с предыдущими вопросами, с расчетом на то, что он растеряется и скажет о том, что намеревался утаить); «отвлечение внимания» (допрашивающий задает вопросы по второстепенным деталям и тем самым «парализует бдительность допрашиваемого», а затем задает вопросы по основным обстоятельствам); «допущение легенды» (допрашиваемому на суде дают возможность лгать сколько угодно, даже косвенно поощряют его к этому, а потом, когда допрашиваемый «выговорился», т.е. завр ался, изобличают его во лжи)[12].

Подобные приемы достаточно известны как выражение так называемой «следственной хитрости», подчас рекламируемой для допроса на предварительном следствии. Своеобразие мысли Л.Е. Ароцкера заключается лишь в том, что эти приемы он рекомендует для допроса на судебном следствии, в обстановке гласного и состязательного процесса. Мы думаем, что эти приемы, основанные на предвзятом отношении к допрашиваемому и на отсутствии элементарного уважения к человеку, виновность которого еще не установлена, не признана, заслуживают с точки зрения этической самого решительного осуждения. Но именно такие приемы неизбежно войдут в содержание «профессиональной нравственности юриста», если для последнего можно создавать особые нравственные нормы.

Наличие специфических моральных норм для юристов признают также А. Ратинов и Ю. Зархин. Они утверждают, что всеобщность принципов морали «не исключает специальных этических норм и правил поведения, свойственных лишь представителям определенной профессии». Эти специальные этические нормы «дополняют общие моральные принципы, а в некоторых случаях и ограничивают их действие». Значит, для судей, следователей, прокуроров и адвокатов не только существуют особые нравственные нормы, кроме тех, которые существуют для всех граждан, но для них не обязательны некоторые общие нравственные нормы, действующие в социалистическом обществе. Авторы поясняют свою мысль о допустимости изъятий для следователей из общих принципов морали следующим образом: «Например, требование правдивости, искренности предполагает известное исключение, когда речь идет о сведениях, составляющих следственную тайну»[13]. Почему предусмотренное законом неразглашение сведений, составляющих следственную тайну, является изъятием из действия нравственных норм о правдивости и искренности, понять нельзя. Ведь лгать, обманывать следователи не вправе.

На наш взгляд, в любой так называемой «профессиональной этике» (врачебной, литературной, судебной и т.п.) действуют все те нравственные нормы, которые являются обязательными для всех

[10] Социалистическая законность. 1969. № 9. С. 31, 32.

[11] *Ароцкер Л.Е.* Тактика и этика судебного допроса. М., 1969. С. 10.

[12] См.: там же. С. 40, 44.

[13] Социалистическая законность. 1970. № 10. С. 35.

членов социалистического общества, и нет никаких особых, «своих» нравственных норм и нет изъятий из общих моральных принципов и норм. Но в различных сферах профессиональной деятельности применение, выражение и преломление общих нравственных норм имеет в ряде случаев специфические черты и формы, и на основе этих норм решаются различные, возникающие в конкретной деятельности вопросы. Так, общие этические требования бережного, гуманного отношения к людям и их интересам полностью сохраняются в судопроизводстве, но их соблюдение и выполнение имеет особые черты и формы при решении таких вопросов, как привлечение лица в качестве обвиняемого, избрание ему меры пресечения и т.п. Это и определяет содержание – сложное, многогранное – профессиональной этики, в частности судебной[14].

Моральные ценности в судебной этике

В этике как философской науке большое значение имеет проблема моральных ценностей. Учение о ценностях (моральных, эстетических, экономических и иных) обычно носит наименование аксиологии. Применительно к этике речь идет о моральных ценностях, под которыми понимаются такие свойства, качества людей, такие их отношения, представления, стремления и достижения в обществе, которые отвечают моральным требованиям людей, их духовным потребностям. Так, моральными ценностями являются честь и достоинство человека, его доброе имя, уважение людьми друг друга, благородство характера, бережное и чуткое отношение друг к другу, взаимопомощь, дружба и любовь, свобода мысли и слова и многое другое.

В философской литературе по вопросам этики иногда проявляется сдержанное, подчас отрицательное отношение к выделению учения о ценностях в особый раздел этики, в особую этическую дисциплину под тем предлогом, что «ценностный подход» противоречит требованию объективного изучения действительности[15]. Такая точка зрения не встречает поддержки в марксистской философской литературе, где, при наличии некоторых различий в трактовке проблемы ценностей, сама эта проблема, ценностный подход к социальным явлениям, к поведению людей признаются вполне приемлемыми и необходимыми. В этом отношении заслуживает серьезного внимания интересный труд В.П. Тугаринова «Теория ценностей в марксизме». Он рассматривает проблему ценностей в общем виде, охватывая этим понятием ценности материальные, социально-политические, духовные[16]. Нас в данном случае интересуют такие духовные ценности, которые удовлетворяют нравственным потребностям человека и содействуют нравственному развитию людей, общества. Эти ценности имеют громадное значение, и без учения о моральных ценностях нет и не может быть подлинной научной этики.

А.Ф. Шишкин и К.А. Шварцман указывают, что «непозволительно смешивать научные законы и понятия, с одной стороны, и ценности – с другой, подменять первые вторыми» и что «нельзя не различать истину как категорию науки и “добро” или “правильное” как категорию морального сознания». В основном это правильно. Но в то же время следует подчеркнуть, что недопустимо и противопоставлять друг другу «суждения ценности» и «познавательные суждения», как это делает, например, О.М. Бакурадзе[17]. Суждение, в котором выражается оценка того или иного поступка как достойного одобрения или порицания с нравственной точки зрения, тоже может быть истинным или ложным. Ценностный подход – это тоже научный подход, если ценность понимается не как субъективное представление, а как подлинное достижение, действительное человеческое благо, значение которого познается в результате научного исследования и подлежит проверке практикой. Было бы ошибочным считать, что наука имеется только там, где исследуются объективные закономерности действительности, а там, где изучаются нормы, правила должного поведения, основанные на этих закономерностях, науки нет, там господствует нормативная точка зрения.

Проблема ценностей в этике имеет особое значение потому, что подлинный прогресс в общественном развитии связан со все большим накоплением моральных ценностей и со все большим приобщением к ним людей. Именно такой прогресс и происходит в социалистическом обществе с развертыванием строительства социализма и коммунизма. И ценностный подход к изучению нравственности в марксистской этике является подлинно научным, связан с социалистическим мировоззрением, с социалистической идеологией. Разумеется, марксистское изучение ценностей отвергает и исключает тот отрыв ценностей от объективной действительности, от общественных процессов, который характерен для буржуазной аксиологии.

В судебной этике важность проблемы ценностей обусловливается тем, что от характера и результатов деятельности суда, органов следствия и прокуратуры зависят очень большие, высокие ценности – доброе

[14] См. об этом: *Перлов И.Д.* Судебная этика // Сов. государство и право. 1970. № 12. С. 104.

[15] См.: *Дробицкий О.Г.* Проблема ценности в марксистской философии // Вопросы философии. 1965. № 7. С. 33, 39.

[16] См.: *Тугаринов В.П.* Теория ценностей в марксизме. Л., 1968. С. 29.

[17] См.: Вопросы философии. 1966. № 7. С. 47.

имя, честь, достоинство, свобода человека, благополучие его семьи и т.п. Законный и обоснованный приговор суда, вынесенный в результате судебного процесса, проведенного на высоком юридическом и моральном уровне, вызывает у граждан чувство морального удовлетворения, укрепляет в них веру в то, что правда и справедливость должны восторжествовать в самой сложной ситуации. Расследование и разрешение уголовного дела могут и должны привести к морально ценному результату, но при неправильном подходе судей, следователя, прокурора они могут причинить серьезный моральный вред личности, обществу.

Неправильно проведенное расследование, привлечение к уголовной ответственности и осуждение невиновного, оставление неизобличенным и безнаказанным преступника, вынесение незаконного и необоснованного приговора всегда причиняют тяжелый моральный вред конкретным лицам и обществу, всегда означают неосмотрительное, небрежное, недопустимое отношение к моральным ценностям, забота о которых не в меньшей степени обязательна и необходима, чем забота о материальных ценностях. Проблема моральных ценностей, их развитие и охрана – важная проблема судебной этики. Путь ее решения один – усиление и укрепление нравственных принципов в деятельности органов юстиции, строжайшее соблюдение ими при расследовании и разрешении уголовных дел не только правовых, но и моральных норм.

Затрагивая проблему ценностей в деятельности следственных органов, А. Ратинов и Ю. Зархин говорят о «иерархии нравственных ценностей», о «шкале нравственных ценностей»[18]. Этот своеобразный «моральный прейскурант», по их мнению, позволяет при расследовании уголовного дела определять, какая ценность выше, какая ниже, какой ценностью можно пожертвовать в данном случае ради другой ценности. Намерение приверженцев такой концепции благое, они озабочены тем, чтобы предостеречь от неосмотрительного жертвования моральными ценностями при расследовании уголовных дел, они резко отвергают принцип «цель оправдывает средства». И тем не менее, вопреки своим намерениям, они открывают дорогу для отступления от нравственных принципов, для нарушений норм нравственности под предлогом, что это есть необходимое принесение в жертву низшей ценности в пользу более высокой ценности.

Конечно, в следственной и судебной практике возникают очень сложные ситуации, моральные коллизии и конфликты, когда трудно найти правильное в моральном отношении решение, и для того чтобы найти такое решение, следователю и судьям приходится напрягать все свои нравственные силы. Разработка проблемы таких нравственных конфликтов и коллизий – важная задача и общей этики, и этики судебной. Но поиски ее решения должны идти совсем не в направлении «иерархии» или «шкалы» ценностей, ибо это направление неправильно не только в судебной этике, но и в общей этике, построенной на прочных научных основах. Действительно, если мужественный человек, следуя нравственному импульсу и сознавая свой моральный долг, спешит на помощь женщине, ребенку, старику, подвергшимся нападению преступника, спасает их, но сам погибает под его ударами,– он жертвует собой ради спасения другого лица, и это есть высокий нравственный поступок. Но это происходит вовсе не потому, что жизнь спасающего представляет меньшую ценность, чем жизнь спасенного, и здесь никак нельзя увидеть жертвование меньшей ценностью ради более высокой ценности.

Конечно, не все ценности, так сказать, равноценны, что относится не только к материальным ценностям, но и духовным. Но если материальные ценности можно выразить в определенных количественных показателях (ценах), то в отношении моральных – этого сделать нельзя. Сама идея построения иерархии моральных ценностей в виде схемы, в которой было бы точно определено место каждой ценности – какая ценность выше, какая ниже, совершенно неприемлема для марксистской этики. По существу, установление «иерархии ценностей» или «шкалы ценностей» означало бы не что иное, как допущение нарушения норм нравственности для достижения определенной цели, иными словами – нарушение норм нравственности по соображениям целесообразности. Но если недопустимо нарушение правовых норм по мотивам целесообразности, то также это недопустимо в отношении нравственных норм. Строжайшее соблюдение нравственных норм необходимо, как необходимо и соблюдение правовых норм.

Следователям и судьям приходится принимать различные принудительные меры по отношению к тем или иным лицам, вторгаться в сферу их жизненных интересов, например подвергать аресту привлеченное к уголовной ответственности лицо. Но это может производиться только в строгом соответствии с законом, на точном основании закона, когда иначе поступить нельзя, а вовсе не потому, что личная свобода человека, его достоинство, благо его семьи – это меньшая ценность, чем интересы расследования уголовного дела.

[18] Социалистическая законность. 1970. № 10. С. 34–36.

Система судебной этики и ее проблемы

Вопрос о системе судебной этики, о перечне подлежащих исследованию проблем не подвергался еще детальной разработке. В самом общем виде можно принять разделение судебной этики на Общую и Особенную части. В Общей части рассматриваются общие теоретические вопросы о природе этой науки, о методах исследования судебно-этических проблем и др., а в Особенной – этические вопросы деятельности основных субъектов уголовного процесса: судей, прокуроров, следователей, адвокатов.

В судебной этике должны исследоваться два круга вопросов: нравственные основы процессуальных норм и нравственные пути их применения в расследовании и разрешении уголовных дел. Несомненно, что, будучи связанной главным образом с уголовно-процессуальным правом и наукой уголовного процесса, судебная этика не может быть оторвана и от ряда важных вопросов уголовного права и науки уголовного права ввиду тесной их связи. Действительно, как указывал Маркс, «один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни»[19]. «Один и тот же дух» – это значит и одни и те же не только правовые черты и принципы, но и нравственные, моральные черты и принципы.

Например, трактовка природы, цели, задач уголовного наказания в уголовном праве имеет самое непосредственное значение для уголовного процесса. В науке уголовного права иногда ошибочно трактуется наказание как возмездие преступнику за содеянное им[20]. Эта трактовка является неправильной не только в юридическом отношении, но и противоречит нравственным представлениям и нормам в социалистическом обществе, всегда ставившем перед наказанием задачи охраны общества от преступлений и воспитательного воздействия. Ясно, что для судебной этики вопросы такого рода, непосредственно относящиеся к материальному уголовному праву, имеют большое значение: от их решения зависит и нравственное обоснование, и нравственные пути применения уголовно-процессуальных норм. Это относится и к ряду других вопросов уголовного права (о трактовке преступления, об уголовной ответственности и т.д.).

Этические проблемы, рассмотрение которых составляет содержание судебной этики, многообразны и разнообразны, охватывают различные сферы судебной, прокурорской и следственной деятельности. Прежде всего это – обеспечение строжайшего соблюдения законности при расследовании и разрешении уголовных дел, недопущение малейших отступлений от закона по каким бы то ни было мотивам и соображениям.

Проблема социалистической законности в юридической литературе разработана широко и обстоятельно, но в ней явно недостаточно выражен этический аспект законности, ее нравственная сторона. Требование твердо и неуклонно соблюдать и исполнять советские законы и бороться с их нарушением – это не только юридическая, но и нравственная, моральная обязанность всех должностных лиц и граждан, а нарушение закона – не только правонарушение, но и аморальный поступок. Это положение относится ко всем сферам государственной и общественной деятельности, и оно имеет громадное значение в области судопроизводства, в следственной и судебной деятельности. Научная разработка этического аспекта законности в судопроизводстве есть важнейшая задача судебной этики. В деятельности суда, прокуратуры, органов следствия, адвокатуры возникают многочисленные вопросы, которые нельзя решить правильно, если не обращаться к моральным принципам и нормам. Но в отношении ряда норм данное положение особенно ясно выражено, ибо эти нормы вообще нельзя правильно применить, если брать только их юридический аспект и не обращаться к нормам нравственности.

Так, важнейший принцип советского судоустройства и судопроизводства – независимость судей и подчинение их только закону – является столь же правовым, сколь и этическим принципом. Этот принцип означает запрещение каких-либо посторонних, внесудебных вмешательств в разрешение судом подсудных ему дел. Вместе с тем данный принцип налагает на судей обязанность твердо противостоять подобным влияниям, решать судебные дела по совести, по убеждению, приходить в своих приговорах и решениях лишь к таким выводам, в правильности которых судьи твердо и непоколебимо убеждены. А это – не только юридическая, но и моральная обязанность судей, и выполнить ее они смогут при том условии, если прочно стоят и на почве законности, и на почве нравственности, если они проникнуты высоким моральным сознанием и не допускают ни малейшего отклонения от соблюдения норм нравственности, если они неуклонно следуют голосу своей совести и никогда не вступают с ней в конфликт. Лишь тот судья, который поступает таким образом, имеет не только юридическое, но и моральное право судить.

---

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 158.

[20] См.: *Беляев Н.А.* Цели наказания и средства их достижения. Л., 1963. С. 25–30.

Критику этой точки зрения см.: Курс советского уголовного права: в 6 т. М., 1970. Т. III. С. 35–38; *Строгович М.С.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства в свете учения В.И. Ленина о правосудии // В.И. Ленин и вопросы государственно-правового строительства в Азербайджанской ССР. Баку, 1970. С. 275–277.

Далее, закон возлагает на следователей, прокуроров, судей обязанность вести расследование и разбирательство дела объективно, непредвзято, выяснять не только уличающие обвиняемого обстоятельства, но и обстоятельства, оправдывающие обвиняемого, опровергающие обвинение (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства). Согласно закону обвиняемый не есть еще виновный, он лишь обвиняется в совершении преступления, но не признан виновным, что имеет право сделать только суд своим приговором. Поэтому если следователь убежден в виновности обвиняемого,– это лишь его, следователя, убеждение, правильность которого следователь еще должен доказать. А потому, каково бы ни было его, следователя, убеждение, он обязан предоставить обвиняемому возможность защищаться от предъявленного обвинения, не вправе упустить ничего, что может послужить к оправданию обвиняемого. Именно правильное понимание следователем своих моральных, а не только юридических обязанностей обеспечит выполнение юридической нормы, предписывающей объективность и непредвзятость расследования.

При рассмотрении вопросов судебной этики большое значение имеет постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 октября 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности»[21]. Это постановление характерно тем, что в основе даваемых им разъяснений и указаний лежат этические требования, нравственные нормы. Слова «этика», «нравственность» в нем не употребляются, но, по существу, речь идет именно об этом – об этических требованиях, предъявляемых к судьям. В постановлении, например, сказано: «Не изжиты случаи, когда некоторые судьи в ходе судебного заседания высказывают свое мнение по существу дела или исследуемых доказательств до решения этих вопросов в совещательной комнате». Пленум указывает, что такое поведение судей создает у присутствующих мнение о предвзятости суда. Здесь подчеркивается, так сказать, внешняя процессуальная сторона судебного разбирательства. Но не трудно увидеть, что этот же вопрос имеет глубокую моральную основу. Речь идет о том, чтобы судьи не только не позволяли себе высказывать вслух свое мнение по существу дела до его решения в совещательной комнате, но и внутренне воздерживались от составления себе окончательного мнения до того, как будут исследованы все доказательства и выслушаны все участники процесса. Таким образом, в основе приведенного указания Пленума Верховного Суда СССР лежит не только юридическое, но и моральное требование, обращенное к судьям: не торопиться с выводами до исследования всех обстоятельств дела, не поддаваться впечатлению от того или иного показания, тщательно, всесторонне и непредвзято исследовать все обстоятельства дела, выслушать всех, взвесить и обдумать все – и лишь после этого прийти к тем или иным выводам по существу дела, о доказанности или недоказанности тех или иных фактов и т.п.

В том же постановлении говорится, что некоторые судьи «проявляют неравное отношение к участникам процесса и возбуждаемым ими ходатайствам». Пленум указал, что «судьи должны с одинаковым вниманием относиться ко всем участникам судебного разбирательства, в том числе к обвинителю, защитнику, подсудимому и потерпевшему». В постановлении не разъяснено, каково это неравное отношение судей к сторонам. Речь идет о недопустимости предвзятости судей, обвинительного подхода при разбирательстве дела, о случаях преимущественного благоприятствования обвинению в ущерб защите. А это является недопустимым не только с юридической, но и с моральной, этической точки зрения, есть нарушение не только процессуальных, но и моральных норм. Поэтому выполнение указаний постановления Пленума может быть обеспечено при том непременном условии, что судьи проникнутся сознанием своих не только юридических, но и моральных обязанностей, направят свои моральные силы на устранение указанных в постановлении нарушений, будут подчиняться моральным требованиям и побуждениям.

* * *

Изложенное выше – это только некоторые проблемы судебной этики, контуры исследования, которое в данной области должно проводиться. Основное – в том, чтобы внедрять моральные принципы и нормы в повседневную деятельность судебных и следственных органов, ориентировать эту деятельность на исчерпывающе полное, объективное, непредвзятое исследование всех обстоятельств дела; в том, чтобы осуществление судьями, прокурорами, следователями своих полномочий было проникнуто гуманным, человечным, бережным отношением к тем людям, на которых распространяется власть судебных и прокурорско-следственных органов и судьба которых зависит от исхода расследования и судебного разбирательства уголовного дела. Нравственные нормы, моральные импульсы, правильное понимание своего нравственного долга, а не только юридических обязанностей покажут следователю, прокурору, судьям правильный путь, предостерегут их от заблуждений. Именно в этом направлении должна идти научная разработка проблем судебной этики, именно на этом пути могут быть достигнуты значительные успехи.

[21] См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1967. № 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ароцкер Л.Е.* Тактика и этика судебного допроса. М., 1969. С. 10, 40, 44.
2. *Бек Г.* О марксистской этике и социалистической морали / пер. с нем. М., 1962. С. 27.
3. *Беляев Н.А.* Цели наказания и средства их достижения. Л., 1963. С. 25–30.
4. Вопросы философии. 1966. № 7. С. 47.
5. *Дробицкий О.Г.* Проблема ценности в марксистской философии // Вопросы философии. 1965. № 7. С. 33, 39.
6. *Кони А.Ф.* Собр. соч. М., 1967. Т. 4.
7. Курс советского уголовного права: в 6 т. М., 1970. Т. III. С. 35–38.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 158.
9. *Перлов И.Д.* Судебная этика // Сов. государство и право. 1970. № 12. С. 104.
10. *Самсонова Т.В.* Теоретические проблемы этики. М., 1966. С. 14.
11. Социалистическая законность. 1969. № 9. С. 31, 32; 1970. № 10. С. 34–36.
12. *Строгович М.С.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства в свете учения В.И. Ленина о правосудии // В.И. Ленин и вопросы государственно-правового строительства в Азербайджанской ССР. Баку, 1970. С. 275–277.
13. Теория государства и права. М., 1962.
14. Теория государства и права. М., 1968.
15. *Тугаринов В.П.* Теория ценностей в марксизме. Л., 1968. С. 29.
16. *Шердаков В.Н.* Аксиология и этика // Актуальные проблемы марксистской этики. Тбилиси, 1967. С. 319.
17. *Шишкин А.Ф.* О предмете этики как науки // Вопросы философии. 1964. № 1. С. 26, 27.
18. *Шишкин А.Ф., Шварцман К.А.* XX век и моральные ценности человечества. М., 1967. С. 20, 21.

REFERENCES

1. *Arotsker L.E.* Tactics and ethics of judicial interrogation. M., 1969. P. 10, 40, 44 (in Russ.).
2. *Beck G.* On Marxist ethics and socialist morality / transl. from German. M., 1962. P. 27 (in Russ.).
3. *Belyaev N.A.* The goals of punishment and the means to achieve them. L., 1963. P. 25–30 (in Russ.).
4. Questions of philosophy. 1966. No. 7. P. 47 (in Russ.).
5. *Drobitsky O.G.* The problem of value in Marxist philosophy // Questions of philosophy. 1965. No. 7. P. 33, 39 (in Russ.).
6. *Koni A.F.* Collected works. M., 1967. Vol. 4 (in Russ.).
7. The course of Soviet Criminal Law: in 6 vols. M., 1970. Vol. III. P. 35–38 (in Russ.).
8. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 1. P. 158 (in Russ.).
9. *Perlov I.D.* Judicial ethics // Soviet State and Law. 1970. No. 12. P. 104 (in Russ.).
10. *Samsonova T.V.* Theoretical problems of ethics. M., 1966. P. 14 (in Russ.).
11. Socialist legality. 1969. No. 9. P. 31, 32; 1970. No. 10. P. 34–36 (in Russ.).
12. *Strogovich M.S.* Actual issues of criminal proceedings in the light of V.I. Lenin's teachings on justice // V.I. Lenin and issues of state-legal construction in the Azerbaijan SSR. Baku, 1970. P. 275–277 (in Russ.).
13. Theory of State and Law. M., 1962 (in Russ.).
14. Theory of State and Law. M., 1968 (in Russ.).
15. *Tugarinov V.P.* Theory of values in Marxism. L., 1968. P. 29 (in Russ.).
16. *Sherdakov V.N.* Axiology and ethics // Actual problems of Marxist ethics. Tbilisi, 1967. P. 319 (in Russ.).
17. *Shishkin A.F.* On the subject of ethics as a science // Questions of philosophy. 1964. No. 1. P. 26, 27 (in Russ.).
18. *Shishkin A.F., Shvartsman K.A.* XX century and moral values of humanity. M., 1967. P. 20, 21 (in Russ.).

Сведения об авторе

СТРОГОВИЧ Михаил Соломонович –
член-корреспондент Академии наук СССР

Authors' information

STROGOVICH Mikhail S. –
Correspondent Member of the USSR Academy of Sciences

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 149–153
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 149–153

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО»[1]

Недавно в Российской Федерации был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Постоянным читателям нашего журнала будет интересно узнать об оценке данного Кодекса Генеральным прокурором РФ, действительным государственным советником юстиции В.В. Устиновым.

Публикуем беседу редактора отдела криминологии, уголовного права и уголовного процесса В.С. Журавлевой с Генеральным прокурором РФ В.В. Устиновым.

В.Ж. Уважаемый Владимир Васильевич, одним из событий, приковывающих внимание не только юристов, но и всех российских граждан, является принятие нового УПК РФ. Какова Ваша оценка этого Кодекса и как оценивают его рядовые сотрудники – следователи и прокуроры?

В.У. Я не раз уже говорил и повторю еще: как государственный человек я оцениваю УПК именно как руководство к действию – закон надо не обсуждать, а исполнять. Это же относится и ко всем рядовым прокурорским работникам на всех уровнях нашей системы, ибо кому как не прокурору, тем более Генеральному прокурору, следует точно следовать Букве Закона – ведь органы прокуратуры в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 ноября 1995 г. сами образуют единую федеральную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за исполнением Конституции РФ, других законов, действующих на территории Российской Федерации.

В то же время как гражданин России и как юрист я, конечно, считаю, что, с одной стороны, необходимость существенных корректив действующего порядка уголовного судопроизводства назрела давно, поэтому принятие УПК объективно обусловлено требованием времени. С другой – я и мои коллеги в прокуратуре и других правоохранительных органах на стадии законотворческой работы по проекту УПК предостерегали от скоропалительных и непросчитанных решений, основанных не на существующей в стране объективной ситуации, а на утопических благих намерениях, желании угодить зарубежным партнерам и слепом копировании чужого опыта.

Хочу напомнить, что великий реформатор России Александр II, готовя судебную реформу 1864 г., разослал своих экспертов в различные европейские страны для того, чтобы они на месте детально изучили все плюсы и минусы существующих там судебных систем, уголовно-процессуального законодательства. Потом по результатам этих исследований был подготовлен проект Устава уголовного судопроизводства, который был разослан по всей России для изучения и внесения своих предложений. Соответствующая работа заняла несколько лет и вылилась во многие тома предложений, поступивших из губерний. Все они тщательно изучались. И только после этого были сформулированы основные положения судебной реформы, заложены ее правовые основы в виде Устава уголовного судопроизводства, который был одобрен Указом Императора от 20 ноября 1864 г.

И когда в период работы над проектом Кодекса отдельные журналисты и политики упрекали меня и моих коллег из других правоохранительных органов в том, что мы из-за узковедомственных интересов тормозим принятие Кодекса, для меня это было непонятным. Мы ведь не в спринтерской гонке участвовали, а вырабатывали один из важнейших законов страны, затрагивающий основные права, законные интересы граждан и обязанности.

И то, что именно благодаря учету принципиально важных позиций, высказанных не только законодателями, но и представителями Аппарата Президента России, судебной власти, прокуратуры и других правоохранительных органов РФ, а равно учеными, практиками и политиками, по многим положениям Кодекса все же удалось достигнуть общественного консенсуса, я считаю проявлением государственного подхода к этому вопросу.

Насколько в целом Кодекс соответствует требованиям времени и общественного развития – покажет время. Гадать же о том, что с большей или меньшей долей вероятности может случиться, – не моя профессия.

[1] Материал был напечатан в журнале «Государство и право». 2002. № 9. С. 5–9.

В.Ж. Учитывалась ли позиция прокуратуры при разработке нового УПК и если учитывалась, то в каких конкретных положениях Кодекса это проявлялось?

В.У. Генпрокуратура России принимала активное участие в обсуждении проекта Кодекса на всех этапах и путем дачи официальных заключений на проект, и в процессе деятельности рабочей группы в Госдуме России. Только перед вторым чтением нам за несколько дней до голосования один за другим поступили шесть вариантов Кодекса с поправками. И на каждый мы давали свое подробное заключение.

Значительная часть наших пожеланий и замечаний была учтена разработчиками. В частности, одно из принципиальных для нас нововведений – обязательное согласие прокурора на возбуждение уголовного дела.

В.Ж. Еще до вступления УПК в силу был принят объемный Закон о внесении в него изменений и дополнений. Случай, надо признать, почти беспрецедентный для теории и практики законотворчества. Ваша оценка этих изменений. Насколько окончательная редакция Кодекса отличается от первоначальной?

В.У. Я не назвал бы этот случай беспрецедентным. Если помните, не успел вступить в силу УК 1960 г., как он подвергся серьезным изменениям. Да и с предшественником данного Кодекса – УПК РСФСР ситуация была во многом аналогичной. Ничего страшного я в этом не вижу.

Хуже, когда годами в наших кодексах были заведомо мертвые новеллы, как это случилось с введением таких институтов, как «ограничение свободы» и «обязательные работы». Эти виды наказаний только значились в Общей и Особенной частях УК, но на практике так и не применялись.

В.Ж. Будет ли новый УПК долговечен? Как скоро, с Вашей точки зрения, потребуется его модификация?

В.У. Процесс совершенствования законодательства, как я уже сказал, перманентен. И это нормально. Уголовный и уголовно-процессуальный законы не являются чем-то раз и навсегда данным. Они – продукты развития общественных отношений, поэтому с изменением общества, ситуации в нем, требуются и коррективы закона.

Что касается того, как скоро возникнет необходимость внесения таких корректив, то Вы сами частично ответили на это своим предыдущим вопросом: не успев вступить в силу, Кодекс уже подвергся значительным изменениям. И, конечно, они не последние. Текст Кодекса до сих пор содержит ряд противоречий более или менее принципиального характера. Приведу примеры. Так, существенные противоречия можно увидеть между ст. 20 и ст. 147, 318 УПК, определяющими порядок возбуждения уголовных дел частного и частнопубличного обвинения. Если ст. 20 предоставляет право возбуждать такие дела при совершении преступления в отношении лица, не способного самостоятельно пользоваться своими правами, как прокурору, так и следователю, и дознавателю с согласия прокурора, то ст. 147 и 318 допускают возбуждение этих дел только прокурором. Несомненно, указанное противоречие подлежит скорейшему устранению в законодательном порядке.

В то же время отдельные неясности, если хотите – пробелы, правоприменители могут и должны устранять в пределах своих полномочий на уровне ведомственных актов. Например, очевидно, нуждался в разъяснении порядок поддержания государственного обвинения по делам, подсудным мировому судье (ст. 321), – может ли должностное лицо органа дознания участвовать в качестве обвинителя по делам, по которым проведено предварительное расследование.

Да и вообще своевременность, оправданность и целесообразность самого института участия по поручению прокурора лиц, не являющихся должностными лицами прокуратуры, вызывали многие споры среди юристов. Ведь не секрет, что значительная часть дознавателей не имеет даже высшего юридического образования. И хотя мы понимаем, что во многом введение такой новеллы объяснялось желанием разгрузить сотрудников прокуратуры в условиях обязательности участия в судебном разбирательстве обвинителя по делам публичного и частно-публичного обвинения, тем не менее было признано нецелесообразным в настоящее время поддержание обвинения от имени государства лицами иными, чем должностные лица прокуратуры. Указанное положение предусмотрено в соответствующем Приказе Генерального прокурора РФ, который направлен на места.

В.Ж. Новый УПК РФ относит прокурора к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Каково Ваше отношение к этому – ведь одновременно прокурор продолжает осуществлять надзор в досудебных стадиях уголовного процесса? Насколько «обвинительная» функция прокурора соответствует его надзорной функции?

В.У. Я не вижу в этом никакого противоречия. Напомню, что надзорные функции прокуратура РФ выполняет в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Так гласит ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Реализация надзорных полномочий в отношении органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, поскольку предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения

оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых вышеназванными органами, способствуют в конечном счете задачам правосудия, а также международно признанным стандартам в этой области. Не случайно в разработанных VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Руководящих принципах, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование, отмечается, что эти лица «играют активную роль в уголовном разбирательстве, включая возбуждение дела, и, когда это разрешается законом или соответствует местной практике, в расследовании преступления, надзоре за законностью этих расследований, надзоре за выполнением решений суда и реализации других функций в качестве представителей интересов государств». Допустимость и целесообразность сочетания надзорных и «обвинительных» функций признаны даже долгое время выступавшим за коренную реформу органов прокуратуры Советом Европы – в принятых 6 октября 2000 г. Комитетом Министров Совета Европы Рекомендации и Объяснительном меморандуме «Роль прокуратуры в системе уголовного правосудия».

В.Ж. Как Вы полагаете, объем уголовно-процессуальных полномочий прокурора расширился или сузился, если сравнивать новый УПК с его предшественником?

В.У. Не уверен, что стоит подходить именно с арифметической точки зрения к работе любого из участников уголовного судопроизводства. Его основные принципы и цели, прежде всего закрепленные Конституцией России и общепризнанными международно-правовыми нормами, остались теми же. Какие-то рычаги воздействия на конечный результат уголовного преследования прокуратура утратила, какие-то обрела взамен. Процесс изменения и перераспределения функций в рамках уголовного судопроизводства постоянен. Борьба за полномочия в процессе работы над Кодексом, как это пытались изобразить некоторые политики и средства массовой информации, никогда не была для нас самоцелью. Если мы и отстаивали какие-то свои позиции, то лишь в целях осуществления всестороннего, полного и объективного разбирательства по делу вообще, и в частности для обеспечения законных прав подозреваемых и обвиняемых. В то же время хочу еще раз подчеркнуть, что основная задача должностных лиц прокуратуры и при выполнении надзорных функций, и при поддержании обвинения от имени государства – защита в рамках закона прав и интересов потерпевшей стороны. Для ее решения мы должны задействовать все соответствующие возможности, предоставляемые нам новым Кодексом. На это я постоянно ориентирую всех работников прокуратуры.

Мое личное глубокое убеждение (которое разделяют и мои коллеги) заключается в том, что именно жертвы преступлений – потерпевшие должны быть объектом повышенной заботы государства. И потому, что зачастую прокуратура оказывается единственным их защитником, и потому, что только так мы сможем расширить и укрепить социальную базу борьбы с преступностью.

Если же под полномочиями понимать конкретный объем работы, то нам ее всегда хватало – и теперь, и сейчас. А вот требования к работе каждого прокурора и прокуратуры в целом, несомненно, возрастут. Но и готовиться к таким изменениям мы начали заблаговременно – как только Президентом России был подписан Закон о введении в действие УПК. Мы сразу ориентировали весь аппарат органов российской прокуратуры на детальное изучение Кодекса для того, чтобы в отсутствие каких-либо официальных комментариев заблаговременно, по возможности снять все проблемы с толкованием на местах отдельных положений Кодекса. Для этих целей мы подготовили и разослали на места пособие «200 ответов на вопросы, поступившие от прокуроров субъектов Российской Федерации в федеральных округах по применению нового уголовно-процессуального законодательства», подготовили также ряд приказов, регулирующих различные аспекты участия прокурора в уголовном процессе.

Кроме того, предвидя отдельные проблемы, с которыми мы неизбежно столкнемся, как только Кодекс вступит в силу (по крайней мере до устранения имеющихся в нем противоречий законодательным путем), мы ориентировали наших сотрудников на заблаговременную подготовку к их решению. Так, согласно ст. 9 Федерального закона «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» введение в действие положения ч. 2 ст. 246 УПК РФ об обязательном участии государственного обвинителя в каждом судебном разбирательстве уголовного дела вводится с 1 января 2003 г. Однако в соответствии с ч. 4 ст. 354 УПК РФ, вводимой в действие с 1 июля 2002 г., право обжалования судебного решения принадлежит государственному обвинителю, т.е. с этого момента межрайонный и вышестоящие прокуроры уже не имеют права обжалования приговоров в апелляционном и кассационном порядке. Именно поэтому в Указании Генерального прокурора РФ от 8 ноября 2001 г. прокурорам и предлагалось заранее принять ряд организационно-штатных мер для обеспечения их участия по всем уголовным делам. Очевидно, что в связи с этим объем ежедневной работы прокуроров резко возрастет. Поскольку же штатная численность прокуратуры России практически остается неизменной, придется делать все возможное и невозможное, чтобы при этом не пострадали другие направления деятельности прокуратуры, прежде всего связанные с ее надзорными функциями.

В.Ж. Как прокуратура собирается взаимодействовать с судами, учитывая, что в досудебных стадиях уголовного процесса прокурорский надзор должен теперь постоянно сочетаться с судебным контролем?

В.У. Прокурорский надзор как функция прокуратуры достаточно автономен по отношению к судебному контролю. Во многом у нас сейчас с судом схожие цели: обеспечение законности, защита прав и свобод граждан, интересов государства. Вместе с тем у нас разные методы достижения конечного результата, порядок и правовые основания соответствующей работы. При этом собственная деятельность прокуратуры, как и деятельность других государственных органов, является предметом судебного контроля.

По сути, взаимодействие и взаимное дополнение судебного контроля и прокурорского надзора стало активно развиваться с момента процессуального закрепления права на судебное обжалование действий и решений прокурора (и следователя) по уголовному делу. Только теперь объем работы суда существенно возрастет.

Так что никаких проблем взаимодействия между судами и прокуратурой – в рамках осуществления ими функций, закрепленных законом, – я не усматриваю, поскольку это – сфера сотрудничества и взаимного профессионального контроля, главной задачей которых является повышение уровня законности и эффективности правоохранительной деятельности.

В.Ж. Как Вы считаете, сохранит ли предварительное следствие свою автономию по отношению к дознанию? Многие специалисты полагают, что границы между ними все более и более размываются, особенно с учетом недавних изменений, внесенных в новый УПК.

В.У. Во-первых, я не разделяю этих опасений. А во-вторых, давайте не будем заниматься гаданием на кофейной гуще. Посмотрим, как именно начнет функционировать УПК, тем более что никто не исключает возможности изменять его в дальнейшем, дополнять и развивать.

В.Ж. Насколько, с Вашей точки зрения, реально введение суда присяжных на всей территории Российской Федерации, особенно в таких регионах, как, допустим, Чечня или Дагестан? Каково вообще Ваше отношение к этой форме судопроизводства?

В.У. Прежде всего сразу оговорим два момента.

Во-первых, я уже не раз высказывал свою точку зрения на данную проблему. Но не применительно именно к Чечне и Дагестану. В одном из своих интервью я приводил пример Краснодарского края, где межнациональные отношения достаточно сильно обострены и в силу этого отбор присяжных, беспристрастных по отношению, например, к национальной принадлежности подсудимого, часто затруднен.

Да, Россия – многонациональная страна. Но не это определяет проблемы полноценного функционирования суда присяжных, а конкретная ситуация в том или ином регионе, если хотите, уровень терпимости в обществе. Ведь основное правило подбора присяжных – они должны быть толерантны, беспристрастны. Поэтому, например, судебная практика США предусматривает возможность проведения судебного процесса в районе, жители которого не осведомлены об обстоятельствах конкретного дела.

Говорить же о беспристрастности в регионах России, где политическая ситуация крайне нестабильна прежде всего в силу различных экстремистских проявлений, где федеральная власть вынуждена применять все имеющиеся у нее законные средства, чтобы не допустить правового беспредела, вряд ли возможно.

В этой связи полезно вспомнить российский опыт введения суда присяжных в результате судебной реформы 1864 г. Первоначально весьма широкая компетенция суда присяжных начала суживаться с первых лет их действия. Причем во многом это было объективно оправданно: и осложнением политической обстановки в стране, и, что называется, «пробуксовками» самого механизма судов присяжных.

Вот только один пример: основной причиной ужесточения Александром II правил рассмотрения дел по ряду государственных преступлений стала очевидная лояльность судов присяжных к лицам, совершавшим покушения на жизнь государственных деятелей. Оправдание присяжными В. Засулич и С. Степняка-Кравчинского, совершивших в современном понимании террористические акты, только стимулировало новые покушения. Прежде всего по этой причине Александр II распорядился, чтобы впредь все политические убийства и насильственные действия рассматривались не в судах присяжных, а передавались в ведение военного суда. Таким образом, активизация террористических проявлений со стороны революционеров детерминировала ужесточение репрессивных мер со стороны властей.

Если посмотреть на опыт современной Европы, то наиболее ярким примером избирательного подхода к введению в тех или иных регионах страны суда присяжных является Великобритания, которая ассоциируется у многих с судом присяжных. Уже не одно десятилетие дела о терроризме здесь (в отношении преступлений, связанных с деятельностью североирландских террористических группировок) рассматриваются судьей единолично. Этот вопиющий, с точки зрения европейцев, прецедент даже обжаловался Ирландией в Европейский Суд по правам человека. В то же время в самой Ирландии аналогичные дела также рассматриваются не судом присяжных, а профессиональным судом – но в количестве трех судей. Во Франции дела о терроризме рассматриваются судом

ассизов, состоящим только из профессиональных судей. И никто не считает, что этим нарушены конституционные права граждан указанных стран, их право на рассмотрение дела судом присяжных.

Во-вторых, суд присяжных как у нас в стране, так и в большинстве других государств рассматривает лишь небольшое число дел по самым тяжким преступлениям. Как свидетельствует статистика, в США рассмотренные судами присяжных дела составляют 7.6% от общего количества, в Англии – 3%, во Франции (судом ассизов) – менее 1%.

По словам посетившего недавно с официальным визитом Генеральную прокуратуру России Генерального прокурора США г-на Джона Эшкрофта и его коллег, почти каждое пятое дело, рассматриваемое судом присяжных, заканчивается оправданием (10–20% дел). При этом общепринятая практика в США – в суд присяжных выходят с так называемыми «добротными» делами, где улики достаточно обосновывают позицию обвинения. Тем не менее даже при таких обстоятельствах присяжные часто не на стороне обвинения. И это – в ситуации относительной беспристрастности «судей факта». Поэтому при введении суда присяжных в тех или иных регионах России, несомненно, возможны определенные трудности с их функционированием.

Вместе с тем хочу еще раз вернуться к опыту реформирования судебной системы в XIX в. Тогда многие противники суда присяжных заявляли о том, что российский народ еще не готов к такой форме судопроизводства. Тем не менее Комиссия по составлению Уставов в 1862 г. пришла к заключению, что «введение суда присяжных в России более необходимо, чем где бы то ни было», и что «лучше допустить на первое время некоторые изъятия из общего правила о решении вопроса о виновности или невиновности присяжными, нежели совершенно лишить народ самого естественного и самого справедливого суда».

Причем при решении вопроса о создании в тех или иных регионах суда присяжных мне как юристу очень импонирует позиция американского коллеги – г-на Д. Карлена, отмечавшего, что право на суд присяжных в США отстаивается юристами не столько на том основании, что благодаря ему стимулируется участие граждан в отправлении правосудия, сколько на том, что обеспечивается лучшая защита прав тяжущихся сторон.

И коль скоро создание суда присяжных по всей территории России – лишь вопрос времени, задачу прокурорских работников я вижу прежде всего в том, чтобы помочь в рамках своих полномочий суду присяжных реализовать эту его главную цель – защиту прав обеих сторон вне зависимости от политической или иной конъюнктуры.

В.Ж. Одним из самых «революционных» наложений нового УПК многие специалисты называют главу 40, предусматривающую особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Как Вы оцениваете этот институт? Не повлечет ли такое решение законодателя «массового» признания ни в чем не повинных людей? Что предполагает сделать прокуратура, чтобы этого не случилось?

В.У. Институт признания не нами придуман. Он достаточно давно и успешно существует в ряде зарубежных стран, прежде всего в США, где «сделка о признании вины» – неотделимый компонент всей системы уголовной юстиции и до 90% всех уголовных дел рассматривается в упрощенном порядке.

Российский законодатель предусмотрел, что судом проверяется добровольность решения подсудимого согласиться на признание своей вины с обязательной консультацией со своим защитником. При этом суд оценивает также собранные по делу доказательства. Ставить же под сомнение законность и беспристрастность действий суда я оснований не вижу. В случае же, если государственный обвинитель установит, что при вынесении приговора по делу были нарушены конкретные положения УПК или УК либо, что приговор был несправедлив, он, как и сторона защиты, не только вправе, но и обязан его обжаловать в кассационной или апелляционной инстанциях.

Говорить о том, повлечет или не повлечет новая практика нарушение закона, пока рано – давайте поработаем по новому УПК.

Допускаю при этом, что в дальнейшем процедура так называемой «сделки с признанием» потребует столь же детальной регламентации, как и в США, где каждый ее этап (в том числе досудебный) должен быть соответственным образом процессуально закреплен.

В.Ж. Со вступлением в силу нового УПК не произойдет ли серьезного оттока квалифицированных кадров из прокуратуры, особенно следственных кадров, в связи с тем, что многие прокуроры и следователи хотят не состязаться с адвокатом или обвиняемым, но иметь все средства для всестороннего, полного и объективного расследования преступлений?

В.У. Не вижу противоречия в том, чтобы нормальный состязательный процесс рассматривался в качестве основного средства для всестороннего, полного и объективного расследования преступлений.

А против оттока квалифицированных кадров неизменным остается одно средство – применение продуманной системы мер морального и материального стимулирования государственных обвинителей в сочетании с укреплением системы профессионального обучения.

В.Ж. Позвольте поблагодарить Вас за обстоятельные ответы на поставленные вопросы.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 154–161
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 154–161

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР В.Ф. ЯКОВЛЕВ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО»[1]

Деятельность арбитражного суда интересует широкий круг читателей нашего журнала, особенно тех, кто занят в экономической, предпринимательской сфере, хозяйственной жизни страны в целом. В то же время работа арбитражного суда, на наш взгляд, интересна всем читателям журнала, поскольку в нем печатаются статьи по развитию теории государства и права, соответствующего законодательства и практике его применения.

Публикуем беседу редактора журнала В.С. Журавлевой с Председателем Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации В.Ф. Яковлевым.

В.Ж. За прошедшие немногим более 10 лет были приняты три арбитражных процессуальных кодекса, в то время как ГПК России принят только в 2002 г. До этого действовал ГПК РСФСР. Чем объясняется столь быстрое и кардинальное изменение арбитражного процессуального законодательства? Может быть, достаточно было внести некоторые изменения в АПК РФ 1995 г.? И что же все-таки принципиально нового мы теперь имеем по АПК 2002 г.?

В.Я. Первоначально мы так и сделали: в Государственную Думу внесли подготовленный нами проект закона «О внесении изменений и дополнений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 1995 года». Но после ознакомления с текстом этого проекта депутаты Государственной думы, в том числе их профильные комитеты, в частности Комитет по законодательству, пришли к выводу о том, что вносимые изменения и дополнения настолько многочисленны и основательны, что было бы лучше принять новый Арбитражный процессуальный кодекс. С технической точки зрения это намного упростило бы его применение, нежели применение прежнего Кодекса с многочисленными изменениями и дополнениями. Государственная дума переименовала этот проект и стала рассматривать его в качестве проекта нового Арбитражного процессуального кодекса.

В отношении быстроты: три кодекса за 10 лет – это как будто многовато. Но дело в том, что мы исходили не из количественных показателей, а из качественных, из того, насколько наш Кодекс позволял обеспечивать эффективное правосудие в тех условиях, в каких он применялся. По существу, каждый из этих трех кодексов выполнил или выполняет свои задачи.

Кодекс 1992 г. означал появление правосудия в экономической сфере. Образовалась новая система судов по разрешению экономических споров по особым процессуальным формам, которые отражали особенности предпринимательской деятельности, – отношений, которые возникают в этой сфере, и споров, которые попадают в суды для разрешения.

Кодекс 1995 г. позволил, опираясь на имеющийся опыт, внести изменения принципиального порядка. Я бы сказал, что наше правосудие с 1995 г. стало другим, более современным.

Каковы самые крупные новеллы? Во-первых, наш арбитражный процесс стал строиться на основе принципа состязательности. Во-вторых, мы вернулись к дореволюционной российской традиции, обозначили две новые инстанции по проверке обоснованности и законности решений при пересмотре судебных актов – создали апелляцию и кассацию, отделив одну от другой. Эти инстанции в России были введены судебной реформой 1864 г. В-третьих, мы попытались построить нашу судебную систему таким образом, чтобы по крайней мере один из ее уровней не был привязан к административно-территориальному делению страны. Тогда, в 1995 г., впервые в новейшей истории России в системе арбитражных судов были созданы 10 судебных округов, и в этих округах появились федеральные окружные арбитражные суды с функциями кассационной инстанции. Одновременно ввели и новый институт арбитражных

[1] Материал был напечатан в журнале «Государство и право». 2003. № 6. С. 5–12.

заседателей, который означал допуск к участию в судопроизводстве наряду со штатными судьями также и внештатных. В основном это представители предпринимательских, научных кругов, специалисты в определенных видах предпринимательской деятельности. Сделано это было с таким расчетом, чтобы обеспечить более качественное рассмотрение дел на основе глубокого знания не только права, но и существа экономических отношений по различным видам предпринимательской деятельности, скажем, по производству, торговле, строительству, банковской, страховой деятельности. Иначе говоря, с помощью арбитражных заседателей мы намерены были приблизить судопроизводство к жизни, ввести в состав суда людей, хорошо знающих, что такое тот или иной вид предпринимательской деятельности.

Через 7 лет после Кодекса 1995 г. был принят Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 г. Насколько было необходимым его принятие? Выяснилось (и с этим согласились и Государственная Дума, и Совет Федерации, и Президент), что с его принятием можно и нужно было решить целый ряд новых проблем.

Необходимо было более четко разграничить подведомственность дел судам общей юрисдикции и арбитражным судам. В целом такое разграничение Кодексом 1995 г. и даже Кодексом 1992 г. было проведено достаточно четко, но в двух сферах отношений четкости явно не хватало, что привело к появлению так называемой альтернативной подведомственности, когда дела по одним и тем же спорам, по одним тем же фактам рассматривались одновременно и арбитражными судами, и судами общей юрисдикции. Как известно, это касается двух групп споров, – споров с участием хозяйственных обществ – акционерных, обществ с ограниченной ответственностью и споров с участием иностранного элемента, поскольку споры с участием иностранцев, в том числе и связанные с признанием и исполнением решений иностранных судов и иностранного арбитража, могли рассматриваться и разрешаться как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами, что приводило, по сути, к дезорганизации судопроизводства по этим делам.

Надо было определиться: передать эти дела целиком или в систему судов общей юрисдикции, или в арбитражные суды. Поскольку речь шла о спорах экономического характера, возникающих в сфере предпринимательской деятельности, было принято решение передать эти споры арбитражным судам. Таким образом, все эти споры по новым АПК и ГПК будут рассматриваться и разрешаться арбитражными судами.

В связи со вступлением России в Совет Европы необходимо было избавиться от некоторых устарелых, не соответствующих современным требованиям правил, которые были в Кодексе 1995 г. В этом плане внесены крупные изменения, касающиеся, во-первых, участия прокуратуры в арбитражном процессе, во-вторых, построения работы высшего судебного органа – Высшего Арбитражного Суда. Надзорная инстанция существенным образом перестроена. Теперь Президиум Высшего Арбитражного Суда пересматривает дела не по протестам лиц, занимающих соответствующее должностное положение, – Председателя Высшего Арбитражного Суда и его заместителей, Генерального прокурора России и его заместителей, а по определениям о приемлемости тех или иных дел для рассмотрения их Президиумом, которые выносятся в судебном порядке коллегиальным составом судей Высшего Арбитражного Суда из трех человек.

Опыт свидетельствует о том, что в некоторых случаях необходимо повысить оперативность судебной защиты, потому что непринятие безотлагательных мер делало невозможным судебную защиту нарушенного права в будущем. Например, в споре двух объектов о праве собственности в отношении корабля, который в скором времени уходит в заграничное плавание. Это касается и других транспортных средств. В таких случаях, если спор не завершен, наш новый Кодекс позволяет принять предварительные обеспечительные меры, которые в будущем позволят исполнить вынесенное по спору судебное решение.

Новый Кодекс весьма существенно отличается от Кодекса 1995 г. тем, что содержит систему мер, направленных на то, чтобы сделать правосудие более доступным, быстрым, оперативным и в конечном счете более эффективным. Суды, как известно, перегружены, объемы работы в них резко возрастают. В арбитражных судах количество дел увеличивается за каждые 5 лет в два раза, что создает известные проблемы с доступностью правосудия. Надо вводить меры, которые позволяли бы сохранять доступность правосудия. Такие меры в новом Кодексе присутствуют, а именно: введение подготовительной стадии разрешения дела с обеспечением основательной подготовки к судебному разбирательству и вынесению решения. Центр тяжести работы судей переносится на подготовку дела с таким расчетом, чтобы в судебном заседании суд мог вынести обоснованное и законное решение. Подготовительная стадия используется и для организации реальной состязательности сторон. При подготовке дела сторонам предоставляется возможность в определенные сроки предъявить полностью все доказательства, которыми они располагают, уточнить свои исковые требования, развернуть юридическую аргументацию. Одним словом, речь идет о реальном внедрении принципа состязательности в нашем судопроизводстве.

В целях обеспечения доступности правосудия дифференцированы судебные процедуры. В частности, введены упрощенные формы судопроизводства с согласия сторон по незначительным делам, где между сторонами по существу отсутствует спор.

В Кодексе 1995 г. имелись определенные пробелы, т.е. отсутствовала полнота процессуального регулирования при разрешении дел в арбитражных судах. Новый Кодекс устраняет эти пробелы, по своим регулирующим возможностям он более полный. Таким образом, он также обеспечивает более эффективное правосудие в арбитражных судах.

В.Ж. Система арбитражных судов существенно отличается от системы судов общей юрисдикции. ГПК РФ не внес изменений в систему судов общей юрисдикции. Какими причинами обусловлена необходимость в апелляционной инстанции в арбитражных судах в отличие от судов общей юрисдикции?

В.Я. Как я уже сказал, в арбитражных судах воспроизведена та схема, которая существовала в России после реформы 1864 г. У нас есть апелляционная инстанция, в которой решение суда первой инстанции проверяется на предмет обоснованности и законности, т.е. и по фактическим обстоятельствам, и с точки зрения права. Есть также кассационная инстанция, которая рассматривает решение уже исключительно в правовой плоскости, т.е. проверяет судебное решение первой инстанции и апелляционной инстанции с точки зрения правильности применения и толкования материального и процессуального права. Это – классическая схема правосудия, которая используется во многих странах мира. Мы хотели бы, чтобы наша судебная система не отличалась ни от той, которая существовала в дореволюционной России, ни от тех, которые существуют в других странах, например, в европейских.

Мне кажется, что и в системе судов общей юрисдикции эта схема присутствует, только используются другие термины. То, что в судах общей юрисдикции называется кассацией, по сути дела является апелляцией.

В.Ж. Арбитражные суды состоят из четырех инстанций, одна из которых – апелляционная входит в состав арбитражных судов областей, краев и т.п. В юридической литературе данное решение закона неоднократно подвергалось критике. Вы также не отвергаете возможность выделения апелляционной инстанции из этих арбитражных судов. Будет ли что-либо предприниматься в этом направлении?

В.Я. Да, вы правы. В нашей судебной системе не три, а четыре судебные инстанции. Но четвертая инстанция – надзорная – является инстанцией исключительной. Через три первые инстанции дело проходит по воле стороны: достаточно стороне подать исковое заявление, и происходит судебное разбирательство по первой инстанции; подана апелляционная жалоба – состоится апелляционное судопроизводство; подана кассационная жалоба – обязательно кассационное судопроизводство. А подача надзорной жалобы не означает обязательного пересмотра дела в высшей судебной инстанции в порядке надзора; дается предварительная оценка этого дела судебной коллегией для определения наличия или отсутствия критериев, по которым принимается дело к рассмотрению Президиумом Высшего Арбитражного Суда и которые указаны в статье 304 Арбитражного процессуального кодекса.

Надзорная инстанция является инстанцией исключительного характера. Она выполняет особые функции по обеспечению единообразия судебной практики. Высший Арбитражный Суд вмешивается в судопроизводство в случае необходимости тогда, когда отсутствует единство, например, на уровне 10 кассационных инстанций в толковании и применении какого-то закона. Стало быть, Высший Арбитражный Суд становится центром судебной системы, обеспечивающим единство в толковании и применении закона всеми арбитражными судами.

Что касается апелляционной инстанции, то, находясь сейчас в судах субъектов Российской Федерации – там же, где и первая инстанция, она тем не менее в рамках этих судов обособленна и функционирует достаточно эффективно.

Мы согласны с тем, что если апелляционную инстанцию выделить в отдельные суды, то ее деятельность будет еще более эффективной с точки зрения исправления огрехов, допущенных судами первой инстанции, как по обоснованности, так и по законности судебных решений. Поэтому в Государственную Думу 21 февраля 2003 г. Президентом Российской Федерации внесен законопроект о создании 20 апелляционных судов в системе арбитражных судов и 10 постоянно действующих судебных присутствий – своего рода филиалов апелляционных судов в отдаленных территориях, чтобы обеспечить доступность апелляционной инстанции для спорящих сторон. Это позволит также отделить апелляционные суды от административно – территориального устройства.

В.Ж. Одной из существенных новелл в АПК являются нормы главы 36 о пересмотре судебных актов в порядке надзора. Считаете ли Вы, что новый порядок надежнее обеспечивает права физических и юридических лиц на судебную защиту? Ведь возможность отмены или изменения ранее принятых судебных актов, вступивших в законную силу, резко сокращается введением весьма ограниченных оснований для такой отмены.

В.Я. Да, это так, и я об этом уже говорил. Но при этом надо иметь в виду, что до Высшего Арбитражного Суда дело проходит через три

инстанции – первую, апелляционную и кассационную. В принципе для обеспечения эффективного правосудия этого вполне достаточно. Вообще правосудие должно заканчиваться на уровне третьей инстанции. Обычно так оно и есть – высший суд, являясь кассационной инстанцией, представляет собой высшую судебную инстанцию. Однако, я думаю, четыре инстанции лучше, чем три. Об этом свидетельствует опыт других стран, а также наш собственный дореволюционный опыт.

В дореволюционной России были три инстанции, потому что роль кассационной инстанции выполнял Сенат. Но он одновременно выполнял задачу обеспечения единства судебной практики всех судов России. С этими двумя задачами он эффективно справиться не мог, за что постоянно критиковался. Его упрекали за то, что он слишком много времени занимался конкретными делами и исправлением ошибок, не оставляя для себя возможности отслеживать единство судебной практики и обеспечивать единообразие судопроизводства. Мы это противоречие устранили, создав четыре инстанции и разделив эти функции.

Поскольку у стороны есть возможность своей волей провести дело через три инстанции, добиваясь вынесения законного и обоснованного решения, то этого достаточно, тем более что наша судебная система устоялась, обладает неплохим профессиональным составом и судей, и специалистов. Думаю, что дела будут завершаться в основном на уровне кассационной инстанции.

Кстати, сейчас подавляющее большинство дел заканчивается уже в первой инстанции. В апелляционную инстанцию обжалуется примерно 12 процентов решений, вынесенных судами первой инстанции. В кассационную инстанцию обжалуются 7–8 процентов решений. Наверное, этого вполне достаточно.

В.Ж. Новый АПК РФ, с одной стороны, ограничил возможности прокурора участвовать в арбитражном процессе путем предъявления иска или обращения с заявлением только теми делами, которые непосредственно предусмотрены в законе, а с другой – предоставил прокурору право вступить в дело на любой стадии арбитражного процесса с правами и обязанностями лица, участвующего в деле. Все же не совсем понятно процессуальное положение прокурора. Какова цель такого участия и каков его процессуальный результат?

В.Я. Прокурор может участвовать в арбитражном судопроизводстве только по тем делам, которые обозначены в ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса, то есть только по тем категориям дел, по которым он может обратиться с иском в суд, и только по этим делам он может вступить в процесс и на более поздней стадии. Причем вступить с теми же правами и обязанностями, которые у него есть, когда он обращается с заявлениями, и с той же целью. Как видно из смысла ст. 52, прокурор участвует в арбитражном процессе исключительно с целью обеспечения надлежащей защиты публичных интересов. При этом под публичными интересами ст. 52 понимает не только интересы государства как собственника, но и интересы неопределенного круга лиц, т.е. большого числа граждан. Это – тоже публичный интерес.

Так, прокурор может или предъявить иск, или вступить в дело, которое инициировано по заявлению другого лица, именно по делам, где представлен публичный интерес. Он, например, может вступить в дело, где оценивается нормативный акт или индивидуальный акт государственного органа, на том основании, что этот акт нарушает права и интересы лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, или он может предъявить иск или вступить в дело, если оно касается государственной собственности, с целью представления интересов государства как собственника имущества в тех случаях, когда его права как собственника нарушаются, например путем заключения ничтожной сделки или иной недействительной сделки.

Иногда получается так, что если прокурор не участвует в таком деле, то интересы государства представлять некому.

В.Ж. В АПК РФ 2002 г. (в отличие от АПК РФ 1995 г.) разбирательство в суде первой инстанции дел, возникающих из гражданских правоотношений, и дел, возникающих из административных отношений, осуществляется в самостоятельных производствах: исковом производстве и производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Но ведь и там, и там рассматриваются экономические споры. Так во всяком случае следует из нормы ст. 190. В чем же смысл такого деления?

В.Я. На мой взгляд, смысл такого деления совершенно очевиден. Ведь если спор возникает из гражданского правоотношения, то это – дело, отношения и спор по которому регулируются нормами частного права. А если предприниматель полагает, что его права в сфере предпринимательской деятельности нарушаются незаконным актом или незаконными действиями государственного органа или должностного лица, то в этом случае имеют место отношения между предпринимателем и государством, например, в сфере налоговых, таможенных, валютных отношений. Они регулируются нормами публичного права.

История и современное состояние правосудия во всем мире указывают на то, что применение норм публичного или частного права требует особых процессуальных форм – в силу специфики и самого права, и возникающих правоотношений,

и споров, и положения субъектов – спорящих сторон. Ведь мы не удивляемся, что уголовное право применяется в рамках уголовного процесса, а гражданское – в рамках гражданского процесса. Почему же не вызывает у нас вопроса то обстоятельство, что налоговое право, являясь публичным правом, применяется в рамках гражданского судопроизводства?

Везде, где есть в развитом виде административное судопроизводство. то есть судопроизводство по применению норм публичного права, существуют и особые процессуальные формы разрешения отправления правосудия в этой сфере. В Германии, во Франции существуют отдельные административно-процессуальные законы, регламентирующие деятельность судов, разрешающих споры в этой сфере.

В нашем Арбитражном процессуальном кодексе заложены основы такой дифференциации. Административных споров разрешается арбитражными судами много. Если 10 лет назад они составляли 1.5 процента от общего количества дел, то сегодня число дел, связанных с применением норм публичного права, приближается к 50 процентам. Уловив эту закономерность, мы еще в 1995 г. на основе Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах» создали в системе арбитражных судов две коллегии: гражданскую и административную. За эти годы сформирован кадровый состав этих коллегий, накоплен огромный опыт разрешения гражданских споров и споров, связанных с применением публичного права.

Сейчас настала пора перейти к дифференциации в сфере процессуальных норм при разрешении этих споров. Собственно, поэтому в Арбитражном процессуальном кодексе и появился раздел, содержащий нормы, которые обусловливают определенные особенности разрешения споров, связанных с применением административного и иного публичного права.

В.Ж. В п. 1. ст. 189 АПК РФ предусмотрено, что дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, рассматриваются по общим правилам искового производства с особенностями, установленными в разд. III АПК РФ, если иные правила административного судопроизводства не предусмотрены федеральным законом. Что имеется в виду под административным производством? И возможно ли правилами административного производства устанавливать особенности искового производства?

В.Я. Что имеется в виду под административным производством? Во-первых, не под административным производством, а под административным судопроизводством. И возможно ли правилами административного судопроизводства устанавливать особенности искового судопроизводства? В АПК правилами административного судопроизводства не устанавливаются особенности искового производства. Напротив, правила искового производства применяются при разрешении административных споров с учетом особенностей, установленных для разрешения этих споров Арбитражным процессуальным кодексом.

Я думаю, что это возможно в силу двух причин. Во-первых, в силу закона процессуальной экономии: если при разрешении гражданских дел и административных споров действуют какие-то общие исходные правила, принципы, положения, то повторять их незачем. Можно просто применять эти общие нормы и к тому, и к другому судопроизводству. Эти общие правила и содержатся в правилах искового производства.

И во-вторых, мы обозначили достаточно существенные особенности административного судопроизводства. Например, в споре между гражданином или предпринимателем, с одной стороны, и государством – с другой, действует правило, в соответствии с которым бремя доказывания законности соответствующего акта или действия государственного органа должно лежать именно на этом государственном органе, а не на гражданине или предпринимателе, который обжалует такое действие в суд.

Я думаю, что это – очень существенная особенность, но есть и другие. Очень хорошо, что они появились в процессуальном кодексе, потому что до сих пор споры административно-правового характера рассматривались по общим правилам гражданского судопроизводства, что не является лучшим способом их разрешения.

Относительно ссылки на правила, предусмотренные федеральным законом. Здесь имеется в виду и Кодекс об административных правонарушениях, который содержит немало процессуальных норм, относящихся к сфере административных правонарушений. В будущем возможно принятие Административно-процессуального кодекса, которым мы будем руководствоваться.

В.Ж. В продолжение этого вопроса объясните, пожалуйста, как понимать п. 20 Постановления № 11 Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2002 г. о том, что дела об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действия (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов рассматриваются в порядке административного судопроизводства? В ст. 197 АПК РФ о порядке разбирательства этих дел установлено, что они рассматриваются по общим правилам искового производства, установленным в главе 24, где нет ни слова об административном производстве.

В.Я. Слова – нет, но особенности судопроизводства по спорам, связанным с применением административного права, есть, и они обозначены. Это и означает, что здесь эти дела об оспаривании ненормативных правовых актов рассматриваются именно в таком порядке, то есть применяются правила искового производства, но с особенностями, предусмотренными для разрешения споров, связанных с применением административного права.

В.Ж. Новый АПК РФ значительно расширил компетенцию арбитражных судов, отнеся к ней рассмотрение жалоб на решения третейских судов, в том числе международных коммерческих арбитражных судов, и заявлений о выдаче исполнительных листов по решениям, вынесенным такими третейскими судами. Ранее решения международных коммерческих арбитражных судов и морской арбитражной комиссии оспаривались в суды общей юрисдикции. Они же выдавали исполнительные листы о принудительном исполнении решений таких третейских судов. Не дают ли нормы главы 46 ГПК РФ о производстве по делам об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение таких решений судам общей юрисдикции права, аналогичные предусмотренным в АПК РФ? Если это так, то, значит, применительно к этим делам установлена альтернативная подведомственность. А если не так, то о каких третейских судах идет тогда речь в ГПК? Ведь известно, что третейские суды рассматривают возникающие из гражданских правоотношений экономические споры.

В.Я. Это, конечно, так, но альтернативной подведомственности здесь нет, потому что ГПК РФ содержит корреспондирующую норму с АПК РФ о том, что суды общей юрисдикции рассматривают дела, за исключением экономических и других дел, отнесенных к компетенции арбитражных судов (п. 3 ст. 22 ГПК РФ). Таким образом, дела, которые отнесены к подведомственности арбитражных судов, не могут рассматриваться судами общей юрисдикции. Следовательно, никакой альтернативной подведомственности здесь быть не может.

Если решение третейского суда или коммерческого арбитража, в том числе зарубежного арбитража, касается экономических споров, вытекающих из предпринимательских отношений, то вопросы, связанные с признанием, исполнением, оспариванием таких решений, будут рассматриваться только арбитражными судами.

Почему же в ГПК РФ содержатся указания на третейские суды? Очевидно, потому, что третейские суды могут рассматривать и споры между гражданами, не являющимися предпринимателями. Наверное, эти споры могут быть и имущественными, то есть иметь экономический характер. Если они будут разрешаться третейским судом, то затем они в случае необходимости попадут в суд общей юрисдикции, но не в арбитражный суд, который такие споры не рассматривает. Следовательно, исходя из общего разграничения подведомственности споров судам общей юрисдикции и арбитражным судам, здесь разграничение проведено достаточно четко и определенно, в том числе и по третейским судам.

Кроме того, не исключается разрешение третейскими судами и других споров. Например, споры, возникающие во время спортивных соревнований, передаются на рассмотрение спортивного арбитража – это третейский суд, но он не связан с экономической и предпринимательской деятельностью. Ясно, что, если по такому решению придется рассматривать какие-то вопросы в суде, эти вопросы попадут в суды общей юрисдикции.

В.Ж. В ст. 248 АПК РФ об исключительной компетенции арбитражных судов по делам с участием иностранных лиц предусмотрено, что к исключительной компетенции арбитражных судов относятся дела по спорам об имуществе, находящемся в государственной собственности и собственности муниципальных образований. Под компетенцией арбитражных судов в АПК РФ понимается как подведомственность дела, так и подсудность. Что следует в данном случае понимать под компетенцией арбитражных судов: исключительную подведомственность арбитражным судам этих дел или исключительную подсудность этих дел (только суду по месту нахождения такого имущества)?

В.Я. Действительно, вопросом компетенции арбитражных судов по рассмотрению дел с участием иностранных лиц посвящена глава 32 АПК РФ, и при этом термины «компетенция» и «исключительная компетенция» здесь должны толковаться только с международно-правовой точки зрения.

Кроме того, при определении компетенции арбитражных судов должны учитываться нормы о подведомственности § 1 главы 4 АПК РФ. И тогда становится понятно, что положения о компетенции главы 32, в том числе и исключительной компетенции, посвящены разграничению компетенции российских арбитражных судов и судов, находящихся на территории иностранных государств. При этом положение главы 32 не изменяют общих правил подведомственности арбитражным судам дел по экономическим спорам и другим делам, связанным с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Следовательно, в данном случае речь идет именно о подведомственности.

Вопросы подсудности споров с участием иностранных элементов, если арбитражный суд компетентен рассматривать данные правоотношения, решаются по общим правилам АПК РФ, то есть по правилам § 2 главы 4 АПК РФ.

В.Ж. Как Вы относитесь к судебным прецедентам? Не считаете ли Вы, что и в России было бы полезно использовать судебный прецедент в качестве источника права?

В.Я. Я не знаю о чем здесь речь, – о существе или о терминах. Если по существу, то, я думаю, уже давно признано, что суды не могут применять закон без толкования закона, что судебное толкование применяемой нормы есть официальное толкование и что, конечно, толкование нормы является, по существу, способом уяснения смысла нормы, а следовательно, в конечном счете одним с особое утверждения права и даже его развития. Так что, на мой взгляд, судебная практика, а не только сам по себе закон способствуют развитию права и должному его применению, особенно в вопросах защиты прав и интересов граждан нашей страны.

Можно те правоположения, которые вырабатывают суды в результате толкования норм права, называть судебными прецедентами, можно не называть их таковыми, можно спорить об этом. Но, на мой взгляд, факт остается фактом: несомненно, судебная практика непосредственно участвует в формировании действующего права, хотя, разумеется, ей не принадлежит первостепенное значение в отличие от правовых систем тех государств, которые по своей истории относились к странам прецедентного права.

С этими оговорками я – за признание прецедента в качестве источника и нашего права тоже.

На мой взгляд, сейчас в современном мире четко прослеживается тенденция сближения двух правовых систем: системы со статусным правом и системы с прецедентным правом. В странах прецедентного права – США и Англии идет интенсивное развитие процесса законодательства, принятие законов, которые очень часто по существу заменяют прецедент как источник права. Напротив, в странах европейского права уже общепризнанно, что судебным актам также принадлежит определенная роль в развитии права. И в этом смысле судебное решение, судебная практика, особенно тогда, когда они выходят на уровень прецедентов, т.е. общепризнанных положений, которые поддерживаются и применяются всеми судами при разрешении аналогичных споров, являются источниками права.

В.Ж. Как Вам известно, наш журнал – научный. Насколько тесно связан Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, да и другие суды системы с наукой? Органичны ли эти связи? Помогают ли они деятельности арбитражных судов? Не считаете ли Вы, что при принятии решений арбитражными судами целесообразно учитывать сложившиеся в науке взгляды в соответствующей области права, т.е. доктрины?

В.Я. Думаю, что роль науки для судов при отправлении правосудия огромна, особенно в наше время, когда происходят глубокие, масштабные изменения в жизни общества. Особенно крупные изменения произошли в сфере экономики, т.е. в той сфере, в которой работают арбитражные суды. Может быть, нигде больше не произошли столь масштабные и глубокие изменения, как в экономике. В самом деле, мы видим переход от абсолютного господства государственной собственности к преобладанию частной собственности в экономике. Это – процесс глубочайшего характера, который повлек за собой изменение всего уклада общественной жизни и нашей правовой системы.

В условиях быстрых, динамичных, глубоких изменений судебная практика, если бы она была оторвана от научного осмысления того, что происходит в стране, я думаю, была бы крайне несовершенна. Вот почему мы придаем большое значение научной мысли, которую постоянно изучаем и используем в судебной деятельности. И здесь существуют различные формы.

При Высшем Арбитражном суде Российской Федерации уже 10 лет функционирует Научно-консультативный совет. Вначале он был общим, затем его разделили на секции: гражданского права, публичного права, процессуального права и т.д. На этих секциях постоянно обсуждаются проблемы, практически возникающие перед нашими судами. Они связаны с новым законодательством, формированием практики применения права, изучением зарубежного опыта, регулированием определенных отношений и разрешением споров, например, в области корпоративной деятельности и т.д.

При подготовке постановлений Пленума мы обязательно привлекаем ученых, пользуемся их помощью. При подготовке информационных писем и обзоров участие ученых мы считаем обязательным. Еженедельно уже на протяжении многих лет мы обсуждаем на Президиуме сложные проблемы правоприменения и обязательно приглашаем на эти обсуждения ученых из всех ведущих научных и учебных центров Москвы и всей России. Так что контакты с учеными и наукой абсолютно необходимы и чрезвычайно полезны.

В.Ж. Уважаемый Вениамин Федорович! Вы – крупный ученый-цивилист, многие годы преподавали студентам, занимали руководящие должности в вузе. Продолжаете ли Вы и сейчас заниматься преподавательской деятельностью? Мы уверены, что она приносит реальную пользу студентам, особенно в плане их ознакомления с конкретной практикой деятельности арбитражных судов.

В.Я. В ограниченных масштабах, но пытаюсь все же не терять опыт преподавательской работы, потому что знаю по себе, насколько это важно для

того, чтобы не отстать от развития правовой мысли, не оказаться во вчерашнем дне. Человек, который находится вне науки, на мой взгляд, всегда отстает от развития права. Преподавание заставляет заниматься наукой. Без науки в студенческой аудитории делать нечего, поэтому по возможности стараюсь хотя бы немного заниматься ею. Я читаю небольшой курс лекций «Теория гражданского права» для слушателей школы частного права при Центре частного права.

Кроме того, мне приходится постоянно выступать в качестве лектора в системе повышения квалификации наших судей – это тоже студенты, но особо требовательные, потому что им хотелось бы услышать суждения, необходимые им для разрешения тех сложных дел, с которыми они сталкиваются в своей практической деятельности.

В.Ж. Продолжаете ли Вы заниматься наукой и если да, то в какой области цивилистики?

В.Я. Как я уже сказал, продолжаю заниматься наукой. Особенно меня интересуют несколько проблем, таких как, например, гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений; определение роли государства в регулировании экономических отношений и др.

Кроме того, во-первых, я продолжаю пользоваться своим научным багажом и думаю, что мне было бы намного труднее работать судьей, если бы этого багажа не было.

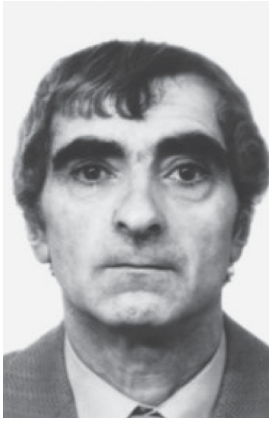
Во-вторых, я стараюсь этот багаж постоянно пополнять, следить за научной литературой.

В-третьих, конечно, пытаюсь использовать свои наблюдения и для теоретических размышлений. Публикую отдельные статьи по вопросам теории, не так давно выпустил книгу, посвященную общим вопросам гражданского права в условиях рыночной экономики.

В.Ж. Мы с глубоким удовлетворением выслушали Ваши обстоятельные ответы, которые имеют важное значение для юридической общественности нашей страны и которые, несомненно, послужат дальнейшему совершенствованию работы арбитражных судов.

Вениамин Федорович, большое Вам спасибо. Желаем дальнейших творческих успехов.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 162–174
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 162–174



СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ[1]

© 2022 г. В. С. Нерсесянц

Аннотация. В статье осуществлен анализ общетеоретических основ сравнительного правоведения, охарактеризованы объект, предмет и методология этой научной дисциплины, а также ее структура, охватывающая общую и особенную части. Автором показано теоретико-методологическое значение философско-правовых исследований в сфере правопонимания для разработки теоретической концепции сравнительного правоведения и для логически корректного сравнения национальных правовых систем как разных форм проявления одной и той же правовой сущности. Под этим углом зрения проанализированы три основных типа правопонимания, определяющие парадигму, принцип и смысловую модель современного юридического познания права и государства: легистско-позитивистский, юснатуралистский и либертарно-юридический. Особое внимание уделено разработанному автором либертарно-юридическому типу правопонимания, с позиций которого право трактуется как правовой закон. Под правовым законом автор понимает позитивное право, выражающее сущностный правовой принцип формального равенства, который раскрывается через триединство равной меры регуляции, свободы и справедливости. Такой подход позволяет дополнить сложившуюся классификацию национальных правовых систем, которая в настоящее время опирается по преимуществу на критерии юридико-технического и идеологического характера, разграничением этих систем по уровню их правовой развитости.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, тип правопонимания, либертарно-юридическое учение о праве и государстве, принцип формального равенства, национальные правовые системы, классификация, уровень правовой развитости.

Цитирование: *Нерсесянц В.С.* Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2022. № 2. С. 162–174.

DOI: 10.31857/S102694520018861-8

COMPARATIVE LAW IN THE SYSTEM OF JURISPRUDENCE[2]

© 2022 V. S. Nersesyants

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2001. № 6. С. 5–15.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук, профессором В.В. Лапаевой.

[2] The article was published in the journal “State and Law” (2001), No. 6, pp. 5–15.
Abstract and key words were compiled by Doctor of Law, Professor V.V. Lapaeva.

Abstract. The article analyzes the general theoretical foundations of comparative law, characterizes the object, subject and methodology of this scientific discipline, as well as its structure, covering the general and special parts. The author shows the theoretical and methodological significance of philosophical-law research in the field of law understanding for the development of a Comparative Law theoretical concept and for a logically correct comparison of national law systems as different forms of manifestation of the same law essence. From this point of view there are analyzed three main types of law understanding, which determine the paradigm, principle and semantic model of law and the state modern research: legal-positivist, jus-naturalist and libertarian-juridical. Particular attention is paid to the libertarian-juridical type of law understanding developed by the author, from the standpoint of which law is interpreted as a positive law, expressing the essential law principle of formal equality, which is revealed through the trinity of an equal measure of regulation, freedom and justice. This approach makes it possible to supplement the existing classification of national law systems, which currently relies primarily on criteria of a legal-technical and ideological nature, by distinction these systems according to the level of their law development.

Key words: Comparative Law, type of law understanding, libertarian-juridical doctrine of law and state, the principle of formal equality, national law systems, classification, level of law development.

For citation: *Nersesyants, V. S. (2022).* Comparative Law in the system of jurisprudence // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 162–174.

1. Общетеоретические основы сравнительного правоведения

В условиях современного обновления и развития всей концепции постсоветской юридической науки и юридического образования необходимо новое осмысление места, роли и значения сравнительного правоведения в системе юридических дисциплин научного и учебного профилей. Существенное значение при этом имеет разработка общетеоретических основ сравнительного правоведения, четкого определения объекта, предмета и методологии этой научной и учебной дисциплины, ее системы и структуры, проблематики общей и особенной частей, наиболее важных в научном и практическом плане направлений сравнительно-правовых исследований и т.д.[3]

Первоочередного внимания в данном контексте заслуживают проблемы правопонимания в сфере сравнительно-правовых исследований и конкретизации применительно к данной дисциплине того общего понятия права, на котором базируется вся соответствующая концепция юриспруденции, включая и сравнительное правоведение как ее составную часть.

Актуальность этих проблем обусловлена, в частности, такими факторами, как слабая разработанность общетеоретической основы этой дисциплины, традиционное господство в компаративистике (включая, за редким исключением, и западную компаративистику) позитивистских (легистских) подходов к праву, пагубное «профессиональное» стремление компаративистов везде и всюду найти право, а если его нет, то выдать за «право» или хотя бы назвать «правом» что-то совсем другое, нечто неправовое и антиправовое, любое нормативное явление официально-властного характера.

Между тем ясно, что используемые в сравнительном правоведении (как, впрочем, и во всех остальных юридических дисциплинах) понятия имеют научно-правовой смысл только в рамках общего смысла права и лишь в той мере, в какой они являются надлежащими конкретизациями (применительно к предмету данной юридической дисциплины) общего понятия права. Ясно также, что распространенные в компаративистике словообразования «правовая семья», «семья систем права», «правовая система» (в узком или широком смысле) и т.д. – это вообще не понятия, а всего лишь условные обозначения для тех или иных группировок нормативно-регулятивных явлений как правового, так и нередко неправового характера[4]. Пользуясь подобными условными наименованиями и сложившимися терминологическими обозначениями, не следует забывать, что суть дела не в названиях, а в понятийно-правовом смысле и содержании сравниваемых, группируемых и исследуемых объектов.

Сравнительное изучение разных объектов (разных нормативно-регулятивных феноменов) является сравнительным **правоведением** лишь при условии, **что сравниваемые объекты обладают правовым свойством, понятийно-правовым единством,** т.е.

[3] О разработках в нашей науке различных аспектов этой темы см.: *Туманов В.А.* О развитии сравнительного правоведения // Сов. государство и право. 1982. № 11; *Тихомиров Ю.А.* Курс сравнительного правоведения. М., 1996; *Топорнин Б.Н.* Европейское право. М., 1998; *Саидов А.Х.* Сравнительное правоведение (Основные правовые системы современности). М., 2000; *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение. Общая часть. М., 2001. Из зарубежных работ см.: *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988; *Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1988. Т. 1, 2.

[4] Кстати говоря, как условность терминов «правовая семья», «семья систем права», так и неопределенность самих критериев классификации по «правовым семьям» отмечает и Р. Давид. Более того, он признает, что и применение термина «право» во многих случаях носит условный характер (см.: *Давид Р.* Указ. соч. С. 34, 35, 38, 44, 45).

представляют собой различные (по своей социально-исторической развитости, национальной специфике, доктринальной разработке, юридико-техническим характеристикам, терминологическим особенностям и т.д.) формы проявления одной и той же правовой сущности. Отсюда и фундаментальное значение проблем правопонимания и общего понятия права для любой последовательной научной концепции сравнительного правоведения (и соответствующих характеристик, оценок и классификаций изучаемых явлений).

Между тем данное принципиальное теоретико-методологическое требование, по существу, игнорируется в сравнительном правоведении и в силу сложившихся в этой сфере позитивистских подходов и традиций как бы презюмируется, что то или иное «право» (в его легистском, принудительно-приказном понимании) в современном мире существует повсюду, поскольку везде есть та или иная разновидность официально-властного принудительного порядка и обязательных норм, регулирующих поведение людей. Географическая карта мира оказывается у легистов одновременно и правовой картой.

Дело доходит до курьезов, когда на неточности переводов начинают строить целые концепции. Так, в нашей литературе по сравнительному правоведению в целом используются терминология и критерии классификации «правовых семей» Р. Давида. Но если у Р. Давида (в тексте французского оригинала) «правовая семья» – это «семья **систем права**», то в нашей литературе под «правовой семьей» имеется в виду «семья **правовых систем**». Это получилось в результате неточного русского перевода работы Р. Давида: слова «система права» переведены в виде «правовой системы». Под влиянием такого перевода многие авторы стали толковать «систему права» и «правовую систему» в качестве различных правовых категорий, рассматривая «правовую систему» как некое более широкое правовое понятие, чем традиционное понятие «система права». Под «правовой системой» (применительно к отдельному национальному праву) стали понимать совокупность всех правовых явлений и понятий, т.е. фактически все то, что в марксизме называется «юридической надстройкой», возвышающейся над «экономическим базисом». Некоторые стали говорить о «правовой системе в широком смысле» (т.е. в смысле «правовой семьи» у Р. Давида), которая объединяет несколько «правовых систем в узком смысле» (в смысле отдельного национального права).

Подобные трактовки «правовой системы» в качестве какого-то нового правового понятия, охватывающего все право (все правовые феномены и категории), по существу, **означают подмену общего понятия права** неким довольно условным (и случайным) словосочетанием «правовая система». Попытки такой подмены, начатые еще в советские времена[5], преследовали цель под ширмой новых словообразований сохранить существо официального советско-легистского правопонимания и с помощью подобных словесных новаций всячески противодействовать уже формировавшимся в нашей науке различным направлениям юридического (антилегистского и антипозити-вистского) правопонимания.

Но с помощью разного рода словосочетаний и названий невозможно преодолеть решающее значение общего понятия права как для юриспруденции в целом, так и для сравнительно-правовых исследований, где необходимо сперва установить **первичный понятийно-правовой критерий** для определения правового характера сравниваемых объектов, а уж после этого искать те или иные внутриправовые критерии классификации этих объектов, анализа их сходства и различия и т.д.

2. Основные типы правопонимания и концепции юриспруденции: сравнительный анализ

Для юриспруденции как науки о праве и государстве исходное и определяющее значение имеет лежащий в ее основе тот или иной тип понимания (и понятия) права. Именно **тип правопонимания определяет парадигму, принцип и образец (смысловую модель) юридического познания права и государства,** собственно научно-правовое содержание, предмет и метод соответствующей концепции юриспруденции.

Определяющая роль типа правопонимания обусловлена научно-познавательным статусом и значением понятия права (и соответствующего понятия государства) в рамках любой последовательной, систематически обоснованной, развитой и организованной юридической теории. Понятие права – это познанное единство правовой сущности и явления. Как в семени заложено определенное будущее растение, так и в понятии права в научно-абстрактном (сжатом и концентрированном) виде содержится определенная юридическая теория, теоретико-правовой смысл и содержание некой концепции юриспруденции. Если, таким образом, **понятие права – это сжатая юриспруденция, то юриспруденция – это развернутое (конкретизированное) понятие права**. Ведь только юридическая наука в целом (как система понятийно-теоретического знания о праве и государстве) и есть систематическое, конкретное и полное раскрытие понятия права и соответствующего правового понятия государства в виде определенной целостной теории. Наука о праве

[5] См., напр.: Правовая система социализма. М., 1986, 1987. Кн. 1–2.

и государстве (в том числе и сравнительное правоведение как одна из научных дисциплин в системе юриспруденции) – это не только знание о внешних, эмпирических государственно-правовых явлениях, но и познание их сущности, исследование закономерностей, характера и логики взаимосвязей сущности и явления в сфере права и государства, уяснение содержания, смысла, причин и условий соответствия (или несоответствия) явления своей сущности в данной сфере и т.д.

При всем многообразии прошлых и современных теоретических учений о праве и государстве можно выделить три основных типа правопонимания и соответствующего правового понятия права и государства: легистский (позитивистский), естественно-правовой (юснатуралистский) и либертарно-юридический.

Общая теория правопонимания, соответствующая типология различных трактовок права и концепций юриспруденции, понятийный аппарат и конструкции юридико-логического анализа темы сформулированы и рассмотрены с позиций разработанного мной либертарно-юридического учения о праве и государстве и либертарно-юридической концепции юриспруденции[6].

Для анализа и характеристики отношений и связей сущности и явления в сфере права в либертарно-юридической теории правопонимания сформулирована и разработана специальная концепция (юридико-логическая конструкция, схема, модель) различения и соотношения (совпадения или несовпадения) права и закона. При этом под правом в его различении с законом имеется в виду сущность права – то, что объективно присуще праву, выражает его отличительную особенность как социальной нормы и регулятора особого рода и отличает право от неправа (от произвола, с одной стороны, от моральных, религиозных и иных социальных норм, с другой стороны), т.е. то, что не зависит от субъективной воли и произвола законодателя (правоустановительной власти). Под законом в его различении с правом имеется в виду официально-властное нормативное явление, т.е. явление, имеющее законную силу принудительно-обязательного правила (нормы). Термин «закон» здесь используется в собирательном смысле и охватывает все источники официально установленного (позитивного) права, поскольку все они представляют собой официально-властные явления нормативного характера, наделенные законной (принудительно-обязательной) силой.

С учетом отмеченного различения права (как сущности) и закона (всех источников позитивного права) как явления основные варианты их соотношения выглядят так: если явление (закон, положения тех или иных источников позитивного права) соответствует сущности, речь идет о правовом законе (о правовой норме, о позитивном праве, соответствующем сущности права); если явление (закон, положения того или иного источника позитивного права) не соответствует сущности, противоречит ей и т.д., речь идет о противоправном (правонарушающем, антиправовом и т.д.) законе (о противоправной норме, противоправном позитивном праве).

Данную абстрактную концепцию общей теории правопонимания можно конкретизировать в соответствии с либертарно-юридическим пониманием **сущности права как принципа формального равенства,** который представляет собой единство трех тождественных по смыслу и подразумевающих друг друга сущностных свойств (характеристик, компонентов) права – всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости. Это триединство сущностных свойств права (три компонента принципа формального равенства) можно охарактеризовать как три разных модуса единой субстанции, как три разных значения одного смысла.

Различия, взаимосвязь и смысловое единство этих трех компонентов принципа формального равенства (сущностных свойств права) состоят в следующем. Правовой тип (форма) взаимоотношений людей – это отношения, регулируемые по единому абстрактно-всеобщему масштабу и равной мере (норме) дозволений, запретов, воздаяний и т.д. Этот тип (форма) взаимоотношений людей включает в себя: 1) формальное равенство участников (субъектов) данного типа (формы) взаимоотношений (фактически различные люди уравнены единой мерой и общей формой); 2) их формальную свободу (их формальную независимость друг от друга и вместе с тем подчинение равной мере, действие по единой общей форме); 3) формальную справедливость в их взаимоотношениях (абстрактно-всеобщая, одинаково равная для всех них мера и форма дозволений, запретов и т.д., исключающая чьи-либо привилегии). Равенство (всеобщая равная мера) предполагает и включает в себя свободу и справедливость, свобода – равную меру и справедливость, справедливость – равную меру и свободу.

Сказанное означает, что равенство, свобода и справедливость как свойства правовой сущности (моменты принципа формального равенства) носят формальный (формально-содержательный, а не фактически-содержательный) характер, являются

[6] См., в частности, публикации: *Нерсесянц В.С.* Различение и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема // Вопросы философии права. М., 1973; *Его же.* Право и закон. М., 1983; *Его же.* Право – математика свободы. М., 1996; *Его же.* Философия права. М., 1997; *Его же.* Юриспруденция. М., 1998; *Его же.* Общая теория права и государства. М., 1999; *Его же.* Теория права и государства. М., 2001.

формально-правовыми качествами (и категориями), входят в понятие права, возможны и выразимы лишь в правовой форме.

История права – это история прогрессирующей эволюции содержания, объема, масштаба и меры формального (правового) равенства при сохранении самого этого принципа как принципа любой системы права, права вообще. Разным этапам исторического развития свободы и права в человеческих отношениях присущи свой масштаб и своя мера свободы, свой круг субъектов и отношений свободы и права, словом – свое содержание принципа формального (правового) равенства. Так что принцип формального равенства представляет собой постоянно присущий праву принцип с исторически изменяющимся содержанием. В целом историческая эволюция содержания, объема, сферы действия принципа формального равенства не опровергает, а наоборот, подкрепляет значение данного принципа (и конкретизирующей его системы норм) в качестве отличительной особенности права в его соотношении и расхождении с иными видами социальной регуляции (моральной, религиозной и т.д.).

Наблюдаемый в истории прогрессирующий процесс освобождения людей от различных форм личной зависимости, угнетения и подавления – это одновременно и правовой прогресс, прогресс в правовых (и государственно-правовых) формах выражения, существования и защиты развивающейся свободы. В данном смысле можно сказать, что всемирная история представляет собой прогрессирующее движение ко все большей свободе все большего числа людей. С правовой же точки зрения этот процесс означает, что все большее число людей (представители все новых слоев и классов общества) признаются формально равными субъектами права.

Историческое развитие свободы и права в человеческих отношениях представляет собой, таким образом, **прогресс равенства** людей в качестве формально (юридически) свободных личностей. Через механизм права – формального (правового) равенства – первоначально несвободная масса людей постепенно, в ходе исторического развития преобразуется в свободных индивидов – субъектов права и государства. Правовое равенство делает свободу возможной и действительной во всеобщей нормативно-правовой форме, в виде определенного правопорядка.

Об этом убедительно свидетельствует практический и духовный опыт развития свободы, равенства и справедливости в человеческих отношениях. Между тем повсеместно, в том числе и в научной литературе, довольно широко распространены представления о противоположности права и свободы, права и справедливости, права и равенства. Они обусловлены во многом тем, что под правом имеют в виду различные принудительные явления, любые веления власти, законодательство, которое нередко носит антиправовой, произвольный, насильственный характер.

Говоря о формальном равенстве как сущности и принципе любого права (и права вообще), мы имеем в виду правовую сущность лишь применительно к закону, но к такому закону, который представляет собой правовое явление и как таковое соответствует своей сущности, является формой ее выражения, ее эмпирически-реального проявления.

В процессе так называемой «позитивации» права, его выражения в виде закона к исходным сущностным определениям права (т.е. характеристикам формального равенства) добавляется новое определение – властная общеобязательность того, что официально признается и устанавливается как закон, как нормы позитивного права, в определенное время и в определенном социальном пространстве.

Но закон, или то, что устанавливается как позитивное право, может и соответствовать, и противоречить принципу формального равенства, быть формой официально-властного признания, нормативной конкретизации и защиты как требований этого принципа, так и иных, в том числе неправовых, требований, дозволений и запретов. Только как форма выражения в виде конкретных норм принципа формального равенства закон (позитивное право) представляет собой правовое явление. Благодаря правовому закону принцип правового равенства (и вместе с тем всеобщность равной меры свободы и справедливости) получает государственно-властное, общеобязательное признание, нормативную конкретизации, защиту, приобретает законную силу.

Правовой закон – это адекватное и полное выражение права в его официальной признанности, общеобязательности, определенности и нормативной конкретности, необходимых для действующего позитивного права. С учетом сказанного общее определение понятия права можно сформулировать так: **право – это соответствующая принципу формального равенства система норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных возможностью применения мер государственного принуждения.**

Несоответствие закона праву может быть следствием как правоотрицающего характера строя, так и антиправовой позиции законодателя или разного рода его ошибок и промахов, низкой правовой и законотворческой культуры и т.д. В борьбе против правонарушающего закона в процессе исторического развития свободы, права и государственности сформировались и утвердились специальные институты, процедуры и правила как самой

законотворческой деятельности, так и авторитетного, эффективного контроля за соответствием закона праву (система сдержек и противовесов в отношениях между различными властями, общесудебный, конституционно-судебный, прокурорский контроль за правовым качеством закона и т.д.).

Понимание закона (позитивного права) в качестве правового явления включает в себя и соответствующую трактовку проблемы общеобязательности закона, его обеспеченности государственной защитой, возможности применения принудительных мер к правонарушителям и т.д. Такая специфика санкций закона (позитивного права), согласно либертарно-юридической гносеологии, обусловлена объективной природой права (его общезначимостью и т.д.), а не волей (или произволом) законодателя. А это означает, что злобная санкция (обеспеченность государственной защитой и т.д.) правомерна и юридически обоснованна только в случае правового закона.

Необходимость того, чтобы объективные требования и объективная общезначимость права были признаны, нормативно конкретизированы и защищены государством, дополнены его официально-властной общеобязательностью демонстрирует внутреннее единство и сущностную связь права и государства. Государство, по смыслу юридико-либертарного правопонимания, выступает как правовая форма организации суверенной публично-политической власти свободных людей, как публично-правовой институт, необходимый для возведения общезначимого права в общеобязательный закон с надлежащей санкцией, для установления правового закона. Насилие, согласно такому подходу, правомерно лишь в форме государственной санкции правового закона.

Право и государство, согласно юридико-либертарной теории, – это всеобщие и необходимые формы соответственно нормативного и институционального (организационно-властного) бытия, признания, выражения и осуществления равенства, свободы и справедливости в социальной жизни.

Либертарно-юридическая теория правопонимания (и правового понимания государства) как более развитое (в теоретическом и юридико-логическом отношении) учение позволяет выявить и адекватно оценить достоинства и недостатки прошлых и современных концепций легизма (так называемого юридического позитивизма и неопозитивизма) и юснатурализма.

Легисты отрицают сущность права и за право выдают лишь явление, т.е. любые, в том числе и произвольные, официально-властные, принудительно-обязательные установления нормативного характера. Фактически же сущностью права у легистов оказывается властная принудительность, поскольку именно по этому признаку они отличают право от неправа.

Кредо легистского (позитивистского) подхода в Новое время сформулировал идеолог абсолютистского государства Т. Гоббс: «Правовая сила закона состоит только в том, что он является приказанием суверена»[7]. Иначе говоря, все, что приказывает власть, есть право.

Такого подхода придерживаются все легисты (позитивисты) прошлого и современности. «Всякое право, – подчеркивал Д. Остин, – есть “команда, приказ”, “агрегат правил, установленных политическим руководителем или сувереном”»[8]. Аналогична позиция Г.Ф. Шершеневича: «Всякая норма права – приказ»[9].

Принудительно-приказных представлений о праве придерживаются и неопозитивисты. Показательна в этом отношении позиция Г. Кельзена: «Право отличается от других социальных порядков тем, что это принудительный порядок. Его отличительный признак – использование принуждения»[10].

Русский неопозитивист В.Д. Катков утверждал, что «право есть закон в широком смысле» и стремился полностью преодолеть само понятие «право» как «плод схоластики и рабства мышления» и заменить «право» властным «законом»[11]. «Нет, – писал он, – особого явления “право”, в том смысле, в каком существуют такие особые явления, как “закон”, “государство”, “правило” или “норма”»[12].

При этом у легистов нет критерия отличия права от произвола. Более того, наиболее последовательные из них вообще не признают таких отличий. Кельзен замечает, что «всякое произвольное содержание может быть правом. Не существует человеческого поведения, которое как таковое – в силу своего содержания – заведомо не могло бы составлять содержание правовой нормы»[13].

Утверждение легистов о том, что закон (позитивное право) как официально-властное явление носит принудительный характер, само по себе верно и ни у кого не вызывает каких-либо сомнений. Коренной порок их подхода состоит в том, что они выдают властную принудительность за отличительную особенность права, отвергая тем самым

---

[7] *Гоббс Т.* Левиафан. М., 1936. С. 214.

[8] *Austin J.* Lectures on Jurisprudence of the Philosophy of Positive Law. L., 1873. P. 89, 98.

[9] *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1910. Вып. 1. С. 281.

[10] Чистое учение о праве Ганса Кельзена. М., 1987. Вып. 1. С. 51, 52.

[11] *Катков В.Д.* Реформированная общим языковедением логика и юриспруденция. Одесса, 1913. С. 407.

[12] Там же. С. 391.

[13] Чистое учение о праве Ганса Кельзена. М., 1988. Вып. 2. С. 74.

объективную (независимую от усмотрения власти) сущность права и отрицая отличие права (а вместе с тем и государства) от произвола и насилия.

Юснатуралисты, в свою очередь, антагонистически противопоставляя естественное право и позитивное право, рассматривают закон (позитивное право) как нечто неподлинное (неподлинное и в качестве сущности, и в качестве явления), а естественное право, в той или иной версии, трактуют как единственное подлинное право, как нерасторжимое единство сущности и явления подлинного права. Естественное право для юснатуралистов – это не сущность позитивного права, а его противоположность. Отсюда и характерное для юснатурализма положение о правовом дуализме – представление о двух различных одновременно действующих типах (разновидностях) права: естественного права и позитивного права. Последовательные юснатуралисты по сути дела отрицают позитивное право в пользу естественного права, а суверенное национальное государство (т.е. власть, устанавливающую позитивное право) подменяют надгосударственными инстанциями.

С позиций юснатурализма невозможно адекватное, юридико-логически последовательное учение о праве и государстве, невозможна внутренне согласованная концепция правового закона и правового государства. Характерный для современного правового государства компромисс между естественным и позитивным правом сводится к требованиям соответствия норм позитивного права естественному праву (естественным правам человека). Но подобные требования не создают, конечно, какой-то теоретически определенной концепции правового закона.

Так, официальное закрепление в современных конституциях и других актах естественно-правовых положений о правах и свободах человека означает, что соответствующие положения естественного права признаются самостоятельным, причем приоритетным, источником действующего (позитивного) права. Об этом, в частности, свидетельствуют положения Конституции РФ о высшей ценности прав и свобод человека (ст. 2), о необходимости соответствия (непротиворечия) содержания законов правам и свободам человека (ст. 18, 55) и т.д. Кроме всего этого в Конституции РФ (ч. 3 ст. 17) содержится следующая специальная оговорка: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Нормативно-правовой и юридико-логический смысл этой оговорки (с позиций ее либертарно-юридической трактовки) состоит в утверждении, что закрепленные в Конституции РФ естественные права и свободы человека (как, впрочем, и права гражданина) обладают юридической силой лишь постольку, поскольку соответствуют правовому принципу формального равенства.

В целом юснатурализму присущи как гуманитарные достоинства (концепция естественных и неотчуждаемых прав человека, отрицание произвольного государственного правотворчества и т.д.), так и теоретические недостатки (отсутствие формализованного принципа отличия права от неправа, смешение права с моралью, религией и т.д., дуализм одновременно действующих систем естественного и позитивного права на основе безусловного подчинения государства и его позитивного права естественному праву и т.д.).

Либертарно-юридическая теория права и государства свободна от антагонизмов и крайностей легизма (позитивизма) и юснатурализма благодаря тому, что присущие этим предшествующим подходам недостатки преодолены (диалектически «сняты») достижения удержаны, а юридически значимые проблемы разработаны на теоретически более высоком уровне (с позиций более абстрактной и формализованной, логически более последовательной и в этом смысле более «чистой» юридической теории).

Но юристы до сих пор остаются в рамках прежней альтернативы: юснатурализм или легизм. Поэтому и новые концепции либертарноюридической теории (о формальном равенстве, о сущности и явлении в сфере права и государства, о различении и соотношении права и закона, о праве как всеобщей форме и равной мере свободы, о правовом равенстве, свободе и справедливости, о правовом законе, о предмете и методе юриспруденции как науки о свободе и т.д.) они приписывают то юснатурализму, то легизму, хотя представители этих подходов говорили и говорят совершенно о другом.

Конечно, всякая новая теория ссылается на концепции предшественников, опирается на предшествующие теории и «переписывает», перетолковывает их, используя в качестве своей предыстории, историко-познавательного пути к новой теории. Но это относится к способу необходимой самолегитимации новой теории в соответствующем контексте уже существующих учений, а не к сути дела, которая состоит в том новом, чего не было в старых теориях. Поэтому взаимная критика легизма и юснатурализма остается в рамках старых представлений, не учитывает и не затрагивает существа новых идей и положений юридического либертаризма.

3. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции: проблемы объекта, предмета и метода

Юриспруденция, как и любая наука, – это определенный способ производства и организации научно-понятийных знаний о тех объектах, изучением которых она занимается. Объект научного изучения отличается от предмета науки. Объект – это

то (те эмпирические реальные явления), что еще подлежит научному изучению с помощью познавательных средств и приемов соответствующей науки. В процессе научного изучения исходные эмпирические знания об объекте (реальных явлениях) дополняются теоретическими знаниями, т.е. системой понятий об основных сущностных свойствах, признаках и характеристиках исследуемого объекта, о закономерностях его генезиса, функционирования и развития как формы проявления определенной сущности и т.д. Научное (понятийное) познание тем самым представляет собой творческий процесс глубинного постижения изучаемого объекта в мышлении, в созидании его мысленного образа (модели) в виде определенной системы научно-понятийного знания.

В весьма упрощенном виде можно сказать, что объект науки – это то, что мы о нем знаем **до** его научного изучения, а предмет – это изученный объект, то, что мы знаем о нем **после** научного познания. Речь идет о различении познаваемого объекта (явления) и его понятия (теоретического смысла, мыслительного образа, идеи, логической модели познанного объекта как единства сущности и явления).

Приведенные положения о соотношении объекта и предмета науки распространяются и на юридическую науку. И в общем виде можно сказать, что **объекты юридической науки** (всех юридических дисциплин) – это реальные явления права и государства (государственно-правовые явления, право и государство как явления эмпирически-реальной практики), а **предмет юридической науки –** понятие права и понятие государства. При этом, согласно изложенной либертарно-юридической теории, под реальным явлением права имеется в виду фактически наличный закон (т.е. действующее позитивное право и все связанные с ним другие явления), а под реальным явлениям государства – фактически наличная официальная власть (и все связанные с ней реальные явления).

Изучая два фактически разных объекта (закон и власть), юридическая наука, как и любая другая наука, может иметь и имеет лишь один предмет. Для достижения искомого понятийно-предметного единства юридической науки необходимо такое общее для права и государства понятие, которое исходит из единой сущности права и государства, т.е. выражает сущностные свойства всех государственно-правовых явлений (всех явлений, связанных с законом и официальной властью) и, следовательно, на сущностном уровне преодолевает дуализм изучаемых объектов и их отношений.

Такое **единство предмета науки при двух разных объектах**, по логике теоретического познания и законам построения научной системы знаний (в нашем случае – научной системы юридического знания), предполагает единство сущностных свойств этих разных объектов, т.е. логическую необходимость одного общего понятия об этих двух объектах. Речь, следовательно, идет о **принципиальном единстве и предметной совместимости понятия права и понятия государства в качестве необходимых взаимодополняющих компонентов (составных моментов) одного (единого по сущности, разнообразного по явлениям) общего понятия права и государства.**

Подобное общее понятие права и государства логически выступает как исходное, предметообразующее (и одновременно – методообразующее) понятие юридической науки в целом и отдельных юридических дисциплин. Такое общее понятие в абстрактно-теоретической форме выражает все юридическое знание, его границы, сферу и специфику, предметный критерий отличия юридического от неюридического. Данное общее понятие выступает как то исходное всеобщее юридико-понятийное начало (принцип и критерий юридичности), которое подлежит соответствующей конкретизации применительно ко всем сферам и направлениям юридического познания и которое, следовательно, должно учитываться и присутствовать во всех более частных и детальных определениях и характеристиках права и государства, во всей системе понятий юридической науки в целом и отдельных юридических наук.

Предметное единство юридической науки (и вместе с тем – системная целостность всех юридических дисциплин как составных частей единой юридической науки) возможно лишь при **смысловом единстве** и, следовательно, **непротиворечивости всех юридических понятий,** а это достижимо только при наличии исходного общего юридического понятия и соответствия ему всех более конкретных юридических понятий. Совокупность юридических понятий только тогда образует целостную и непротиворечивую систему, когда они выражают одно и то же юридико-смысловое начало, представленное в абстрактном виде в исходном всеобщем юридическом понятии и конкретизируемое в системе понятий всей юридической науки в целом.

Дуализм понятий (понятия права и понятия государства) здесь означал бы дуализм научных предметов, т.е. отрицание единой юридической науки о праве и государстве и признание под внешне и словесно единым названием, по существу, двух разных наук с двумя разными предметами: науки о праве, предмет которой – понятие права, и науки о государстве, предмет которой – понятие государства. Каждая из этих двух разных наук имела бы и свою собственную систему научных дисциплин: в рамках науки о праве были бы свои теория права, история права, отраслевые и специальные правовые дисциплины, а в науке о государстве,

соответственно, свои теория государства, история государства, отраслевые и специальные дисциплины по проблематике государства.

Разным типам правопонимания присущи различные концепции единства права и государства и, соответственно, различные концепции юридической науки. В либертарно-юридической теории правопонимания отмеченный дуализм объектов (изучаемых явлений) и их понятий преодолевается на сущностном уровне: право и государство имеют единую сущность (формальное равенство) при всем разнообразии внешних, эмпирических форм их проявлений (в виде всего многообразия явлений закона, явлений официальной власти и юридически значимых, с точки зрения закона и власти, различных форм фактического поведения людей, действий различных субъектов, их взаимоотношений и т.д.).

При определении предмета юриспруденции лишь на **сущностном уровне** можно сказать, что **предмет юридической науки – это формальное равенство**. С учетом либертарно-юридической трактовки принципа формального равенства как триединства всеобщей равной меры, свободы и справедливости **юриспруденция** (на этом сущностном уровне) – это **наука о равенстве, свободе, справедливости**.

При полном определении предмета юриспруденции (с учетом необходимых взаимосвязей и понятийного единства сущности и явлений) **предмет юридической науки – это общее понятие права и правовое понятие государства.** Этот же смысл определения предмета можно сформулировать более конкретно: **предмет юридической науки – это формальное равенство и формы его проявления.** Под формами проявления принципа формального равенства при этом имеются в виду все соответствующие явления нормативного, институционально-властного и поведенческого характера.

В плане сравнительной характеристики разных типов правопонимания здесь уместно отметить, что естественно-правовой подход (уже в силу дуализма систем естественного права и позитивного права) в принципе исключает сущностное (и вообще понятийно-правовое) единство права и государства, а вместе с тем и предметное единство юридической науки.

Легистская (неопозитивистская) концепция преодоления дуализма права и государства и достижения предметного единства юриспруденции предложена Г. Кельзеном, наиболее последовательным представителем данного типа правопонимания. С одной стороны, для Кельзена, как и для всех легистов (позитивистов и неопозитивистов), право – это приказ власти (с любым произвольным содержанием), принудительное установление и продукт государства, словом, «принудительный порядок»[14]. С другой стороны, он с помощью формально-нормологического метода интерпретируют право (т.е. позитивное право, установленное государством) как систему норм долженствования, восходящих к гипотетической «основной норме» (а не к государству!) и с этих позиций трактует «любое государство» (включая деспотизм, тоталитаризм и т.д.) как «правопорядок», как «правовое государство»[15]. При этом под «правовым государством» Кельзен имеет в виду позитивно-правовое (легистское) государство и потому отвергает «правовое государство» в общепринятом смысле, которое, по его оценке, исходит из ложных естественно-правовых представлений.

Такая правовая (позитивно-правовая) трактовка государства, по мысли Кельзена, позволяет преодолеть «традиционный дуализм государства и права» и добиться единства предмета юриспруденции (в ее неопозитивистской версии): «предмет познания – это только право»[16]. Под правом при этом имеется в виду именно позитивное право, т.е. произвольное и принудительное установление самого государства.

Сопоставляя нашу **либертарно-юридическую концепцию юриспруденции** и кельзеновскую **легистскую концепцию юриспруденции** как два радикально противоположных (и оба по-своему последовательных и «чистых») типа учения о праве и государстве, можно сказать, что в обоих случаях, хотя и принципиально разными путями и на различных основаниях, достигнуто понятийно-правовое единство соответствующих концепций юриспруденции: единое понятие права (соответственно, либертарно-юридическое у нас, нормативистско-легистское у Кельзена) охватывает оба объекта научного познания (право и государство) и является общим и единым для них понятием.

Принципиальная разница в том, что в нашем подходе речь идет о чисто юридической концепции права, государства и юриспруденции (о формально-юридической, а не естественно-правовой концепции, которую критиковал Кельзен), а в кельзеновском подходе речь идет о чисто легистской (т.е. произвольно-принудительной) концепции права, государства и юриспруденции. Если в нашем подходе единство права и государства и, соответственно, единство предмета юриспруденции обосновывается на **сущностном уровне** (на основе принципа формального равенства как единой сущности права и государства, всех государственно-правовых явлений), то в кельзеновском подходе единство права и государства и единство предмета

[14] Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Вып. 1. С. 50.

[15] Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Вып. 2. С. 111, 146.

[16] Там же. С. 109, 146.

юриспруденции рассматривается и обосновывается (в силу позитивистского отрицания сущности) лишь на **феноменологическом уровне** – на уровне явлений принудительной власти и ее принудительных норм («принудительного порядка»). Понятийное единство права и государства (и единство предмета юриспруденции) основано в кельзеновском подходе на общей для права и государства и объединяющей их принудительности.

Либертарно-юридическая трактовка предмета юриспруденции выражает и особенности ее метода. Данное обстоятельство соответствует общенаучному требованию логического и теоретического единства предмета и метода научной системы знаний. Подобно всякому методу, **юридический метод как путь юридического познания – это путь, ведущий от объекта к предмету**, от первичных (чувственных, эмпирических) знаний о праве и государстве до теоретического, научно-юридического (понятийно-правового) знания об этих объектах. Эта направленность (интенциональность) юридического познания (и юридической мысли) на понятие права (и правовое понятие государства) выражает существо и отличительную особенность юридического метода (метода всей юридической науки и отдельных юридических дисциплин).

Метод юридической науки – это способ юридического познания, производства и организации юридического знания. Специфика юридического метода состоит в том, что он, по своему познавательному смыслу и природе, – способ правового моделирования познаваемой действительности, способ познания действительности с позиций и в границах понятия права и государства, способ понимания свойств, черт, признаков действительности в качестве именно правовых свойств, черт, признаков, т.е. в качестве правовых характеристик (правовых определений), правового выражения и измерения действительности.

Юриспруденция (как и всякая иная наука) может использовать знания других наук не прямо и непосредственно, а косвенно и в опосредованном виде, лишь преломляя их под специфическим понятийно-правовым углом зрения своего предмета и метода, преобразуя их в составные моменты юридического метода познания. Успешность и эффективность применения в юриспруденции исследовательских методов, способов, приемов и средств других наук (например, методов и приемов диалектики, логики, системного и структурно-функционального анализа, моделирования, экспериментирования, статистики и т.д.) зависит от надлежащей конкретизации (юридизации) их теоретико-познавательного потенциала и эвристических возможностей под специфическим углом зрения особого предмета и смысла юридического познания, целей, требований, направленности (интенциональности) юридического метода. Как специфический метод юридического познания действительности юридический метод выполняет **две следующие основные функции:** 1) получение юридических знаний; 2) построение теоретической (научной) системы юридических **знаний.**

Процессу развития юридического познания присущи как количественные, так и качественные изменения.

Количественные изменения юридического знания (его умножение, уточнение и конкретизация, увеличение его объема и т.д.) происходят в целом с позиций и в границах того или иного понятия права, которое лежит в основе определенной концепции юриспруденции, ее метода и предмета.

Качественные изменения юридического знания связаны с переходом от прежнего понятия права к новому понятию права, с формированием новой юридической теории с соответствующим новым методом и новым предметом.

Новое понятие права (и правовое понятие государства) означает и соответствующий новый подход к изучению, пониманию и трактовке как самих эмпирически данных объектов юридической науки, так и уже накопленных теоретических знаний о них.

Всякое знание (включая и знание о праве и государстве) существует в понятийно связанном, преломленном, опосредованном, квалифицированном, трансформированном и преобразованном виде, т.е. как составная часть (момент) определенного понятия и соответствующей концепции теории (ее предмета и метода).

Отсюда ясно, что знания одной теории не могут прямо и непосредственно (в своем прежнем понятийно определенном виде) войти в корпус новой теории, которая представляет собой новую понятийно определенную систему знаний (т.е. систему знаний, осмысленных и определенных с точки зрения нового понятия).

Для использования знаний одной юридической теории в рамках другой юридической теории необходимо высвободить эти знания из их прежнего понятийно-смыслового контекста (развязать смысловые связи этого знания с прежним понятием права), перевести их в новое понятийно-смысловое поле, осмыслить и определить их с позиций нового понятия в качестве его смысловых компонентов, интегрировать их в понятийную систему новой теории.

История юридической науки – история новых понятий права (и правовых понятий государства) и формирующихся на их основе новых юридических теорий, новых концепций общей теории права и государства.

В развитии юридического знания и соответствующей общей теории права и государства **момент новизны тесно связан с моментом преемственности**. Новое (новое понятие права, новая теория, новая концепция и т.д.) здесь, как и везде, возникает лишь на основе старого (всей совокупности прежних юридических знаний) как познавательно более глубокая, более содержательная и более адекватная форма постижения и понимания права и государства. И новое понятие права не перечеркивает прежние понятия права и соответствующие теории, а диалектически преодолевает их ограниченную и устаревшую познавательную форму (преодолевает ограниченные познавательные возможности и границы прежнего понятия) и вместе с тем удерживает их теоретико-познавательный смысл и итоги. Тем самым новое понятие права сохраняет научно значимые результаты предшествующей юридической мысли и на новом, более высоком уровне юридического познания развивает их дальше с более глубоких теоретических позиций и в более широком и адекватном смысловом поле и контексте.

Присущая юридической науке структура – это форма (порядок) строения, организации и функционирования юридико-теоретического знания в виде отдельных научных дисциплин (и их составных элементов) в рамках единой юридической науки в целом.

Единство предмета и метода всех юридических наук включает в себя **два момента**. Во-первых, это единство предполагает, что все юридические дисциплины (в том числе и сравнительное правоведение) представляют собой различные формы конкретизации (различные аспекты преломления и выражения) понятия права. Только поэтому различные юридические дисциплины в познавательном плане имеют понятийно-правовой статус и характер и, следовательно, являются формами юридического познания, формами выражения юридико-теоретического знания. Во-вторых, рассматриваемое единство предполагает, что все юридические дисциплины являются различными формами (аспектами) конкретизации и преломления одного и того же понятия права (и соответствующего правового понятия государства). А это означает концептуальное единство (с точки зрения определенного понятия права) соответствующей юридической науки в целом и всех ее структурных частей – отдельных юридических наук.

Отмеченное единство предмета и метода разных юридических наук не означает, конечно, их тождества, поскольку при таком тождестве вообще нельзя было бы говорить о наличии разных юридических наук.

Каждая юридическая наука – это отдельный элемент структуры всей юридической науки, **относительно самостоятельное научное формообразование** в общем процессе понятийно-правового изучения и выражения объективной действительности, специфически определенная составная часть теоретико-юридического познания и знания.

Если предмет юридической науки в целом – это понятие права (и правовое понятие государства) во всех аспектах его теоретико-познавательного проявления и выражения, то **предмет каждой отдельной юридической науки** как составной части предмета юридической науки в целом – это какой-то определенный аспект данного понятия права (и правового понятия государства), совокупность понятийно-правовых свойств и значений государственно-правовых явлений, относящихся к объектам данной юридической дисциплины. В соответствии с объектной конкретизацией предмета отдельной юридической науки конкретизируются и понятийно-познавательные задачи общеюридического метода. **Метод отдельной юридической науки** (в том числе и сравнительного правоведения) – это общеюридический метод, конкретизированный применительно к понятийно-правовому познанию государственно-правовых явлений, относящихся к объектам данной науки.

Объект сравнительного правоведения – любые сопоставляемые (сравниваемые) друг с другом государственно-правовые явления. Речь при этом идет о любых явлениях, относящихся к объектам юридической науки.

Предмет сравнительного правоведения – понятийно-правовые свойства и значения сравниваемых государственно-правовых явлений, их сходство и различие как форм выражения принципа формального равенства.

Метод сравнительного правоведения – общеюридический метод, конкретизированный применительно к понятийно-правовому познанию разных государственно-правовых явлений, сравниваемых друг с другом в качестве различных форм выражения принципа формального равенства.

Двумя основными структурными частями сравнительного правоведения, как и остальных юридических дисциплин, являются общая и особенная части. **Общая часть** включает в себя освещение проблем истории, теории, предмета и методологии сравнительного правоведения, места и роли сравнительного правоведения в системе юридической науки и высшего образования, актуальные научные задачи и основные направления сравнительно-правовых исследований отечественной системы права с учетом ее места (правовых свойств, характеристик, меры правовой развитости) на правовой карте мира, опыта, достижений и тенденций развития зарубежной юридической компаративистики.

К **особенной части** относится вся тематика конкретных сравнительно-правовых исследований

различных правовых (государственно-правовых) явлений – от сравнительного (синхронного или диахронного) анализа отдельных норм отечественного или зарубежного права до сравнительно-правовых исследований всех основных прошлых и современных систем национального права, сравнительно-правового изучения отдельных отраслей права (например, сравнительно-правового исследования конституционного права, трудового права, частного права) и т.д.

Сложившаяся классификация опирается по преимуществу на критерии юридико-технического и идеологического характера. Такие критерии имеют, несомненно, важное значение для классификации исследуемых форм права. Однако подобные критерии не позволяют классифицировать и оценивать различные национальные системы действующего права по уровню и характеру их собственно правовой развитости.

Между тем известно, что **право – исторически развивающееся явление со своими ступенями роста** – от примитивных форм права до более или менее развитых форм современного права. Поэтому **критерий уровня (и меры) правовой развитости** национальных систем позитивного права имеет существенное значение и для характеристики отдельных национальных систем права, и для их классификации в правовые группы («семьи») различной степени развитости (на основе единой шкалы показателей правового развития), и для выявления общей картины современного состояния и тенденций развития права в отдельных странах, регионах и в мире в целом.

Исторически сложилось так, что право (как особый тип регуляции, необходимая форма свободы индивидов и т.д.) получило наибольшее развитие первоначально в европейской части мира (сперва в Древней Греции, Древнем Риме, а затем – в странах Западной Европы). В дальнейшем **европейское право** (в той или иной форме и мере) оказало существенное влияние на процесс правового развития во всем мире (в странах Америки, Азии, Австралии и Африки).

В силу **разновременности возникновения и развития права в разных странах и регионах мира**, а также целого ряда других факторов различные национальные системы права в современном мире отличаются различным уровнем правовой развитости, т.е. различной степенью и мерой наличия и выражения в них (с учетом национальной специфики, традиций, своеобразия культуры, состояния общества, экономики и т.д.) единых, общеправовых (по сути – европейскоправовых) начал и положений.

Национальные системы действующего права стран Западной Европы (и их модификации в целом ряде европоязычных стран – в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и др.) отличаются **наиболее высоким уровнем правовой развитости**. Они все еще остаются ориентиром для остальных национальных систем права и продолжают определять направления дальнейшего развития права во всем мире.

Одним из существенных результатов происходивших в XX в. глобальных исторических преобразований во всем мире стало появление на правовой карте мира большого числа государств, национальные системы права которых могут быть по уровню их развития в целом охарактеризованы как **среднеразвитые** (страны Латинской Америки, Восточной Европы, ряд азиатских стран – Индия, Япония, Южная Корея, Сингапур).

Значительные прогрессивно-правовые преобразования, связанные с переходом от архаичных и традиционных форм регуляции (локальные обычаи и т.д.) к общенациональным (общегосударственным) системам права, в XX в. были осуществлены и в группе **слаборазвитых в правовом плане стран** (большое число молодых государств Черной Африки и Азии).

Возможна, конечно, и более детальная классификация по группам различных систем и форм права на основе критерия уровня их правовой развитости.

Учет различных критериев классификации (в том числе и такого критерия, как уровень правовой развитости) расширяет спектр и обогащает содержание сравнительно-правовых характеристик и оценок изучаемых национальных форм и систем права и в целом углубляет процесс правового познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гоббс Т.* Левиафан. М., 1936. С. 214.
2. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 34, 35, 38, 44, 45.
3. *Катков В.Д.* Реформированная общим языковедением логика и юриспруденция. Одесса, 1913. С. 391, 407.
4. *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение. Общая часть. М., 2001.
5. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999.
6. *Нерсесянц В.С.* Право и закон. М., 1983.
7. *Нерсесянц В.С.* Право – математика свободы. М., 1996.
8. *Нерсесянц В.С.* Различение и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема // Вопросы философии права. М., 1973.
9. *Нерсесянц В.С.* Теория права и государства. М., 2001.
10. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 1997.
11. *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. М., 1998.
12. Правовая система социализма. М., 1986, 1987. Кн. 1–2.

13. *Саидов А.Х.* Сравнительное правоведение (Основные правовые системы современности). М., 2000.
14. *Тихомиров Ю.А.* Курс сравнительного правоведения. М., 1996.
15. *Топорнин Б.Н.* Европейское право. М., 1998.
16. *Туманов В.А.* О развитии сравнительного правоведения // Сов. государство и право. 1982. № 11.
17. *Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1988. Т. 1, 2.
18. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. М., 1987. Вып. 1. С. 50–52; 1988. Вып. 2. С. 74, 109, 111, 146.
19. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1910. Вып. 1. С. 281.
20. *Austin J.* Lectures on Jurisprudence of the Philosophy of Positive Law. L., 1873. P. 89, 98.

REFERENCES

1. *Hobbes T.* Leviathan. M., 1936 (in Russ.).
2. *David R.* Basic legal systems of the present. M., 1988 (in Russ.).
3. *Katkov V.D.* Logic and jurisprudence reformed by general linguistics. Odessa, 1913 (in Russ.).
4. *Marchenko M.N.* Comparative jurisprudence. A common part. M., 2001 (in Russ.).
5. *Nersesyants V.S.* General theory of law and state. M., 1999 (in Russ.).
6. *Nersesyants V.S.* Law and the law. M., 1983 (in Russ.).
7. *Nersesyants V.S.* Law is the mathematics of freedom. M., 1996 (in Russ.).
8. *Nersesyants V.S.* Distinction and correlation of law and law as an interdisciplinary problem // Questions of Philosophy of Law. M., 1973. P. 39–44 (in Russ.).
9. *Nersesyants V.S.* Theory of law and state. M., 2001 (in Russ.).
10. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law. M., 1997 (in Russ.).
11. *Nersesyants V.S.* Jurisprudence. M., 1998 (in Russ.).
12. The legal system of socialism. M., 1986, 1987. Book 1–2 (in Russ.).
13. *Saidov A. Kh.* Comparative jurisprudence (Basic legal systems of modernity). M., 2000 (in Russ.).
14. *Tikhomirov Yu. A.* Comparative Law Course. M., 1996 (in Russ.).
15. *Topornin B.N.* European Law. M., 1998 (in Russ.).
16. *Tumanov V.A.* On the development of comparative law // Soviet State and Law. 1982. No. 11. P. 41–49 (in Russ.).
17. *Zweigert K., Ketz X.* Introduction to comparative law in the field of private law. M., 1988. Vol. 1, 2 (in Russ.).
18. The pure doctrine of law by Hans Kelsen. M., 1987. Issue 1; 1988. Issue 2. P. 74, 109, 111, 146 (in Russ.).
19. *Shershenevich G.F.* General theory of law. M., 1910. Issue 1 (in Russ.).
20. *Austin J.* Lectures on Jurisprudence of the Philosophy of Positive Law. L., 1873. P. 89, 98.

Сведения об авторе

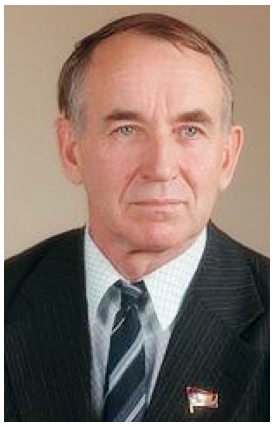
НЕРСЕСЯНЦ Владик Сумбатович –
академик Российской академии наук

Authors' information

NERSESYANTS Vladik S. –
Academician of the Russian Academy of Sciences

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 175–179
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 175–179

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ



НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О НАШЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ[1]

© 2022 г. С. С. Алексеев

Аннотация. В статье анализируется состояние советской юридической науки. Раскрываются черты правоведения, влияющие на состояние и перспективы развития правовой мысли. Приводится научно-практическое обоснование потребности глубокого пересмотра сложившейся системы представлений о праве, выработки таких научных положений, в соответствии с которыми было бы осуществлено коренное преобразование всей правовой системы. Исследуются направления обогащения содержания правовой науки. Предлагается развитие отечественной правовой науки на основе отработанных общетеоретических концепций аналитической юриспруденции, философии права и правовой социологии, инструментальной и поведенческо-психологической теорий.

Ключевые слова: советская юридическая наука, правовая реформа, негативные черты, право, правовая система, аналитическая юриспруденции, философия права, правовая социология, правовое государство.

Цитирование: *Алексеев С.С.* Несколько мыслей о нашей юридической науке // Государство и право. 2022. № 2. С. 175–179.

DOI: 10.31857/S102694520018862-9

A FEW THOUGHTS ABOUT OUR LEGAL SCIENCE[2]

© 2022 S. S. Alekseev

Abstract. The article analyzes the state of Soviet legal science. The features of jurisprudence affecting the state and prospects of the development of legal thought are revealed. The scientific and practical justification of the need for a deep revision of the existing system of ideas about law, the development of such scientific provisions, according to which a radical transformation of the entire legal system would be carried out, is given. The directions of enriching the content of legal science are investigated. The development of domestic legal science is proposed on the basis of well-developed general theoretical concepts of analytical jurisprudence, Philosophy of Law and legal sociology, instrumental and behavioral-psychological theories.

Key words: Soviet legal science, legal reform, negative features, law, legal system, analytical jurisprudence, Philosophy of Law, legal sociology, legal state.

For citation: *Alekseev, S.S. (2022).* A few thoughts about our legal science // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 175–179.

[1] Статья была напечатана в журнале «Советское государство и право». 1989. № 5. С. 76–79. Аннотация и ключевые слова составлены кандидатом юридических наук И.И. Бутримом.

[2] The article was published in the journal “Soviet State and Law” (1989), No. 5, pp. 76–79. Abstract and key words are compiled by PhD in Law I.I. Butrim.

Столь многое и столь важное в начавшемся революционном обновлении нашего общества замыкается на законе, праве, правосудии, что мы, советские правоведы, уже не можем оттягивать предельно откровенный и честный разговор о действительном состоянии юридической науки. И о том, что надо сделать, чтобы эта наука стала надежной и конструктивной теоретической базой радикальной правовой реформы, создания действительно правового государства, заняла достойное место в обществе.

Прежде всего – правда. Правда о том, каково сейчас советское правоведение с точки зрения уровня мировой и отечественной науки и тех требований, которые предъявляет ему нынешнее время. Замечу сразу, что последующие негативные характеристики и оценки без каких-либо оговорок относятся и к тому, что было написано ранее автором этих строк. Правда для всех должна быть одной.

Рискну сказать, что с позиций указанных выше критериев современная юридическая наука находится на периферии передовых научных знаний, по ряду сторон имеет черты консервативной науки и, пожалуй, напоминает некоего самодовольного и бойкого научного середнячка, хозяйство которого, несмотря па показную респектабельность, находится, увы, в весьма запущенном состояния (как, впрочем, и другие общественные науки – история, политэкономия социализма, философия).

Какие же черты правоведения в наибольшей степени могут быть отнесены к числу консервативных, отрицательно влияющих на состояние и перспективы развития правовой мысли? Таких черт, думается, несколько. Первая – утрата правоведением по многим своим характеристикам статуса подлинной науки – служительницы истины и прогресса, превращение в наукообразную сферу практической политики и идеологии, которые подчас зависят от изменчивых установок и формулировок отдельных руководящих работников, цитат и лозунгов конкретного момента. Отсюда – создание целой системы канонизированных и вместе с тем внезапно меняющихся мифов, идеологем, в рамках которых происходит нескончаемый кругооборот закостенелых обсуждений и дискуссий. Например, сколько этапов – два или три – проходят в своем развитии государство и право; что такое «цельное», «законченное» в учении о государстве; количество функций государства; элементов правовой основы и т.д., и т.п. Подобного рода «проблемы» в ряде случаев надолго определяют перспективу развития науки. Так случилось в 20–30-х годах, когда разработка правовых вопросов шла под углом зрения скорого и желательного «отмирания» права. Совсем недавно усилия правоведов были сосредоточены на истолковании положения о «праве развитого социализма». Кстати, не может ли получиться и нынче, что в силу набранной инерции наша наука не пойдет дальше бурного обсуждения вопросов о «перестройке в праве».

Другая негативная черта – общая (во всяком случае до последнего времени) апологетическая направленность при рассмотрении государственно-правовой действительности советского общества. Да, нам есть чем гордиться – ленинскими началами правовой системы, разработанностью ряда отраслей законодательства, социально-правовой защищенностью личности. Но если вся наука настроена лишь на то, чтобы во всем и всюду демонстрировать одни преимущества действующей правовой системы, восторгаться сегодняшними реалиями, она теряет свою критическую конструктивную целеустремленность, следовательно, то главное, что определяет ее реальное служение обществу. Впрочем, в самое последнее время крайность – отрицательное отношение к политико-правовой действительности, безоговорочный критицизм к действующим политико-правовым институтам.

В качестве как будто бы частной, а на самом деле наиболее негативной черты юридической науки следует назвать то обстоятельство, что она в значительной мере оказалась в зоне разлагающего влияния административно-командной системы, прониклась ее духом, стала так или иначе ее обслуживать. Грубый произвол и попрание законности в годы сталинизма серьезно отразились на нашей науке, на ряде научных построений того времени (смещение акцентов в общем понятии права, подгонка явлений под сталинские цитаты, трактовка соучастия, игнорирование презумпции невиновности). Бюрократическая же административно-командная система как бы подхватила эту «эстафету», довольно основательно подчинив своему влиянию и своим интересам, по существу, все отрасли правоведения. Превратились преимущественно в декларативно-описательные общетеоретические дисциплины науки государственного, уголовного, трудового права и др. Произошло необоснованное снижение престижа и статуса гражданского права – антипода административно-командного регулирования и носителя важнейших элементов правовой культуры. Разбухшие в объеме науки административно-правового цикла во многом утратили правовое содержание, а главная их направленность была сведена к оправданию императивности и безусловной обязательности административных порядков и опций. Наконец, во всех отраслях науки произошло непомерное возвеличивание властных административных

актов, которые нередко объявлялись сплошь и нормативно-правовыми.

Еще одна черта нашей науки, быть может, с негативной стороны самая общая, – превалирование во многих исследованиях чистых абстракций, общих рассуждений, подчас догматических упражнений. Слов нет, настоящая наука невозможна без теории. Освоение реальной действительности путем абстракций – магистральный путь развития пауки. Но это не должно превращаться в игру понятиями. К тому же если в каждой мировоззренчески определенной системе правовых знаний оправданно существование философии права, разрабатывающей методологию науки и утверждающей ее основные принципы и ценности, то вряд ли обоснованно превращение каждой из юридических наук в своего рода «отраслевую философию». Между тем стало чуть ли не верхом престижности в каждой дисциплине вести в качестве первоочередных общие исследования, направленные на обоснование полной самостоятельности и непременно особого отраслевого статуса данной группы норм, специфической их структуры, своеобразия метода регулирования, соотношения формы и содержания и т.д. Случайна ли такая философическая ориентация всех отраслей правоведения? По-видимому, нет. Взаимосвязанная другими, ранее отмеченными чертами, она, надо полагать, – в какой-то мере продукт социального заказа административно-командной системы, заинтересованной не в развитии глубоких фундаментальных исследований в области права, а в создании видимости подлинной науки, в наукообразном шумовом эффекте, который проще всего достигается путем преимущественной ориентации на игру абстрактных понятий и конструкций.

Наконец, черта, связанная с нравственно-деловой обстановкой в науке. Отсутствие общепризнанных, подлинно научных ценностей, возможность дискриминирующей идеологической оценки тех или иных положений, легкость бессодержательного абстрагирования – все это, как и другие отмеченные черты, привело в ряде случаев к установлению неблагоприятной нравственно-деловой обстановки в научных коллективах, во взаимоотношениях между учеными. Такая обстановка, когда господствует стремление не к взаимопониманию, уважительности и терпимости, а к «победе» над коллегой, самовозвеличиванию, признанию правым только себя, групповщине, дискредитации своих оппонентов, приклеиванию им идеологических ярлыков, не способствует нормальному климату в науке. Подобная атмосфера становится тем более жесткой и деструктивной, чем ближе сугубо теоретические взгляды затрагивают интересы администраторов науки, их постов, званий, продвижений по лестнице научной иерархии.

Не сгущены ли краски в приведенных оценках?

Что ж, собранные вместе, они и впрямь создают в какой-то мере несколько мрачную картину. Конечно, нужно держать в памяти и немалые достижения нашей науки – ее «революционный заряд в первом десятилетии молодой Республики Советов», самоотверженную работу ученых-правоведов над законопроектами, другими документами, многолетние усилия по утверждению достойного места права и демократии в нашей жизни, развернутые криминологические исследования, ряд крупных исследований – подлинных открытий в науке, да и просто подвижническую работу ряда ученых-правоведов. Все это – и гордость, и капитал, и надежда, и залог перспективного будущего науки.

Но сказанное ранее о негативных чертах, по убеждению автора этих строк,– правда. И как бы она ни была горька, ее не нужно подслащать. Когда болен организм, не время думать о том, где и когда он был хорош, следует вскрыть все истоки болезни, определить верный курс лечения, чтобы весь организм заработал энергично и эффективно, так, как он может по своим потенциям и как того требует эпоха перестройки. Итак, что же делать?

Ничуть не претендуя на окончательность и бесспорность предлагаемых решений, остановлюсь на тех, которые, думается, выражают отечественный и мировой опыт и рассчитаны на реальные возможности советского правоведения (опять-таки в основном с позиций общей теории права).

Прежде всего советская юридическая наука, утверждая свой статус действительной науки, призвана стать концептуально устремленной, одухотворенной идеями великих революционных преобразований отраслью знаний. Сейчас для этого ситуация уникальная. И не только потому, что перестроечное время открыло простор для поисковых работ, научного риска, но еще и потому, что курс на создание правового государства требует от нас глубокого пересмотра сложившихся в условиях административно-командной системы представлений о праве, выработки таких научных положений, в соответствии с которыми было бы осуществлено коренное преобразование всей советской правовой системы. Не «заговорить» бы идею правового государства, превратив ее в очередную идеологему, – а такая опасность есть! Перед советскими юристами стоит поистине грандиозная задача – выработать необходимые теоретические предпосылки для формирования такой правовой системы, которая была бы способна обеспечить функционирование социалистического

правового государства, в центре которой был бы человек, его права и интересы, где существовала бы надежная и легко реализуемая система гарантий прав и свобод, торжествовал бы Закон, независимый от ведомственных актов. Когда еще, в какое время перед советскими юристами реально и полномасштабно стояла столь гражданская задача?!

Советское правоведение, далее, в целом и во всех своих подразделениях призвано стать деловой наукой. Как и медицина (недаром их довольно часто ставят на одну плоскость), оно должно быть устремлено на то, чтобы служить делу – давать разработки, научные данные и рекомендации, нужные практическим органам: законодательным, хозяйственным, судебным – всем, кто в своей деятельности соприкасается с законом, правом. Сразу же напрашивается вопрос: это – что? Сплошная эмпирика? Ведь и сейчас многие юридические научные учреждения завалены заданиями и поручениями, и нередко научные работники день за днем выполняют рутинную чиновничью работу – где же наука? В том-то и суть вопроса, что деловая целеустремленность науки означает не втягивание ее представителей в аппаратную работу, а развитие на основе отработанных общетеоретических концепций аналитической юриспруденции, правовой социологии, инструментальной и поведенчески-психологической теорий. Эти теории в соответствии с законами и данными науки создавали бы с опережением, впрок научный капитал; блоки, схемы, разработки высокого научного и прикладного класса. Именно они могли бы передаваться при наличии потребности (а там, где это возможно,– продаваться) потребителю. Представители юридической науки должны стать обладателями знаний и навыков передового научно-практического уровня, имеющих на рынке деловых отношений значительную цену. И одним из свидетелей такой деловой целеустремленности нашей науки в будущем может стать фигура научного консультанта по правовым вопросам, приглашаемого по контракту или иному правовому основанию для выполнения высококвалифицированной консультативной работы в государственные органы, хозяйственные фирмы, кооперативные объединения.

Другое предложение касается того уникального научного богатства, которым обладает советская юридическая наука. После того как будет устойчиво определена ее деловая направленность (не ранее), она опять-таки в соответствии с новым концептуальным видением действительности в состоянии резко вырваться вперед, в том числе и на мировом уровне, обогатив свое деловое содержание нравственно-гуманистическими ценностями социализма, с одной стороны, передовыми инструментальными идеями – с другой. Если методики и опыт эмпирического порядка в ряде западноевропейских стран и США в исследовании политико-правовых явлений имеют существенные достижения, то отсутствие при этом достаточной духовно-этической определенности, ориентированность на индивидуально-эгоистические критерии придает им ограниченный характер. Обогащение же делового содержания правовой науки диалектико-материалистической методологией, подлинными идеалами и ценностями социализма способно придать советским правовым исследованиям общечеловеческую нравственно-гуманистическую определенность. Большие потенциальные резервы содержит советская юридическая наука в разработке совершенного юридического инструментария. Преодолев узкий горизонт юридической догматики и схоластики и развив на основе передовых философских знаний специально-юридические разработки, советская юридическая наука способна осуществить высокозначимые исследования, которые позволят существенно обогатить механизмы и средства юридического регулирования и притом так, что соответствующий юридический инструментарий будет сориентирован на нравственно-гуманистические критерии. Кстати, не следует ли нам обратить повышенное внимание на то позитивное, что достигнуто русской правовой мыслью конца прошлого и начала нынешнего века (решительно отсекая, разумеется, то, что носит реакционный, антиреволюционный характер)? Многие разработки той поры обогнали время, превзошли западноевропейский уровень, а главное – выразили нравственные и гуманистические традиции передовой русской философии. Аналогичные достижения есть в государственно-правовой мысли прошлого украинской, грузинской и других наций нашей страны.

Настоятельное требование настоящего времени – взрывное развитие науки гражданского права. По ряду причин в последние десятилетия она сдала свои былые ведущие позиции. Вряд ли эту ситуацию можно признать нормальной. И потому, что ныне в условиях экономической реформы реальные хозяйственные процессы, их активизация буквально на каждом шагу требуют отработанного гражданско-правового регулирования, и не в меньшей степени потому, что сфера гражданского права – один из главных источников и средоточие совершенной правовой культуры через опосредующие звенья дает толчок к развитию правового содержания других отраслей науки как цивилистического, так и публично-правового профиля.

Еще один момент. Преодолевая силу сложившихся недобрых нравов, укоренившихся личных

симпатий и антипатий, наш святой долг – не пожалеть сил на утверждение в советской науке добрых, поистине человеческих, нравственно чистых деловых отношений. Скажу откровенно, в этих заметках я старательно избегал формулировок, которые связали бы те или иные негативные характеристики и оценки с каким-либо автором. Мы усугубили бы неблагоприятную ситуацию в науке, если бы стали копаться в сложном прошлом, мучиться вопросом, кто больше, а кто меньше виноват. Сейчас для всех ученых с избытком хватает позитивной, творческой работы. И, бережно сохраняя все достижения прошлого, важно консолидировать наши силы для решения проблем кардинальной правовой реформы, осуществления грандиозной для мира социализма программы – создания социалистического правового государства.

Сведения об авторе

АЛЕКСЕЕВ Сергей Сергеевич –
член-корреспондент Академии наук СССР
и Российской академии наук, лауреат
Государственной премии СССР

Authors' information

ALEKSEEV Sergey S. –
Corresponding Member of the USSR Academy
of Sciences and the Russian Academy of Sciences,
Laureate of the USSR State Prize

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 180–186
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 180–186

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО: ВЗАИМНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ[1]

© 2022 г. В. М. Чхиквадзе

Аннотация. Проблема взаимной ответственности человека и общества рассмотрена с точки зрения дальнейшего развития социалистического законодательства, устанавливающего взаимные права и обязанности. Со стороны государства – это обеспечение всестороннего развития личности путем закрепления соответствующих законодательных и институциональных гарантий защиты прав и свобод, а для человека – это активная деятельность, включающая в себя соблюдение и применение правовых норм, судебную защиту своих прав и интересов. В аспекте решения этой задачи рассмотрены тенденции развития трудового, гражданского, уголовного законодательства того периода.

Ключевые слова: социалистическая концепция прав человека, личность, государство, юридическая ответственность.

Цитирование: *Чхиквадзе В.М.* Личность и государство: взаимная ответственность // Государство и право. 2022. № 2. С. 180–186.

DOI: 10.31857/S102694520018863-0

PERSONALITY AND THE STATE: MUTUAL RESPONSIBILITY[2]

© 2022 V. M. Chkhikvadze

Abstract. The problem of mutual responsibility of man and society is considered from the point of view of further development of socialist legislation establishing mutual rights and obligations. On the part of the state, it is ensuring the comprehensive development of the individual by securing appropriate legislative and institutional guarantees for the protection of rights and freedoms, and for a person, it is an active activity that includes compliance with and application of legal norms, judicial protection of their rights and interests. In the aspect of solving this problem, the trends in the development of labor, civil, and criminal legislation of that period are considered.

Key words: socialist concept of human rights, personality, state, legal responsibility.

For citation: *Chkhikvadze, V.M. (2022).* Personality and the State: mutual responsibility // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 180–186.

[1] Статья была напечатана в журнале «Советское государство и право». 1971. № 1. С. 19–26.
Аннотация и ключевые слова составлены кандидатом юридических наук, доцентом Н.В. Колотовой.

[2] The article was published in the journal “Soviet State and Law” (1971), No. 1, pp. 19–26.
Abstract and key words were compiled by PhD in Law, associate Professor N.V. Kolotova.

Социалистическая концепция прав человека по самой своей природе глубоко прогрессивна. Она исходит из Марксова положения о том, что «в демократии не человек существует для закона, а закон существует для человека...»[3]. В основе этой концепции находятся такие органически связанные между собой элементы, как социальная активность и социальная ответственность личности. В данной формуле слиты воедино свобода человека и мера его ответственности перед обществом.

По мере развертывания социалистического строительства, усложнения механизма управления общественными процессами, развития научно-технической революции, повышения культуры и политического сознания граждан усиливается их социальная ответственность перед обществом. И это понятно, поскольку конечные результаты прогрессивного развития коллектива и общества находятся в прямой зависимости от усилий всех и каждого, направленных на умножение общественного богатства, укрепление организованности, дисциплины и порядка. Таким образом, социальная ответственность личности в условиях социализма выступает как один из важнейших факторов, раскрывающих рост сознания и чувства долга перед коллективом и обществом.

Однако выполнение гражданами своих обязанностей, повышение их социальной активности и ответственности – хотя и очень важная, но лишь одна из сторон всей проблемы взаимоотношения личности и общества. Марксистская доктрина прав человека отнюдь не ограничивается только этим. Она обосновывает самый гуманистический принцип социальной жизни – ответственность общества перед личностью. Именно эта сторона вопроса привлекает внимание как наименее разработанная в философской и юридической литературе.

Следует сказать с самого начала, что современное «массовое общество», как именуются буржуазные отношения на языке западных философов и социологов, воздвигает отчуждение между личностью и законом, гражданином и государственным аппаратом. Так, по признанию известного американского социолога Э. Фромма, явление отчуждения – это проблема воздействия капитализма на личность. По его словам, отчуждение как основной феномен массового общества приводит к тому, что люди живут в мире неопределенных ценностей и неустойчивого статуса, теряют чувство дисциплины, социальной ответственности и доверия к государственной системе. Какими бы либеральными ни казались внешне, на словах задачи буржуазного государственного аппарата, какими бы заманчивыми ни объявлялись каждый раз цели новой администрации, приходящей к власти, в сфере улучшения народного благосостояния, укрепления правопорядка, борьбы с преступностью – они обречены на неудачу. Это детерминировано глубокими социально-политическими факторами. По сей день остается верной ленинская характеристика буржуазной государственной системы: держать в узде народные массы, защищать интересы экономически господствующей касты людей.

В условиях социалистического общественного устройства государство выступает как основная организация, обеспечивающая интересы всех граждан. Отсюда морально-политическая и правовая обязанность государства перед человеком, в соответствии с которой государство ставит своей задачей обеспечение всестороннего развития личности. В силу этого государственный аппарат, должностные лица, общественные организации не только не отчуждены от человека, а наоборот, призваны охранять его интересы, заботиться об удовлетворении его нужд и потребностей, ограждать граждан от произвола и злоупотреблений.

Стиль работы любого государственного органа независимо от его места и роли в системе политической организации общества должен быть проникнут духом подлинного социалистического демократизма, непримиримого отношения к бюрократизму и волоките. В соответствии с ленинскими принципами деятельности аппарата каждый гражданин, обращаясь в орган управления, должен быть уверен, что его предложения будут внимательно рассмотрены, а законные претензии – удовлетворены. Очень важно, чтобы эти принципы определили отношение каждого работника государственного аппарата к делу, поскольку усилия, направленные на удовлетворение духовных и материальных потребностей граждан, являются результатом не его благотворительности, а выступают как обязанность, как проявление долга перед каждым отдельным человеком и обществом в целом, вытекают из самой политической структуры социализма, из его гуманных целей.

* * *

Принцип ответственности общества перед личностью не является декларативным, но имеет реальные правовые основания. Это означает, что уважение и защита достоинства и свободы личности являются законом для всех органов государственной власти, всех общественных организаций и каждого должностного лица.

Защита личных свобод и прав граждан – это одна из основных задач социалистического государства, реальное осуществление которой обеспечивается широчайшей системой экономических, политических и юридических гарантий. Говоря о правовой

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 262.

стороне дела, следует, в частности, отметить, что защита прав и свобод граждан осуществляется в административном порядке, профсоюзными и иными общественными организациями, товарищескими судами, судебной системой государства. Каждый член общества в случае нарушения его субъективных прав может обратиться в соответствующий орган государственного управления, в суд или прокуратуру для защиты и восстановления нарушенного права. Именно таким путем гражданин имеет возможность воздействовать на государственные и общественные организации, чтобы побудить их выполнить установленные законом обязанности. Причем он может действовать как в своих интересах, так и в общественных и государственных интересах, а также в интересах других лиц.

Для обеспечения надежного осуществления этих демократически принципов установлены специальные юридические гарантии. Так, например: государственные органы обязаны принимать и в соответствии со своей компетенцией разрешать жалобы граждан; в тех случаях, когда решение вопроса относится к компетенции иного органа, в пятидневный срок необходимо направить обращение гражданина в надлежащее ведомство; запрещено направлять жалобы граждан тем должностным лицам, действия которых обжалуются; введены жесткие, конкретные срока для рассмотрения и разрешения жалоб граждан по существу; установлена обязанность всех руководителей государственных учреждений предприятий и организаций проводить личный прием граждан и тем самым способствовать скорейшему разрешению вопроса.

Советским законодательством регламентированы виды ответственности служащих за точное выполнение своих обязанностей. Так, в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка, уставами и положениями, должностные лица за нарушение этих правил должны нести дисциплинарную ответственность.

Далее. Действующее законодательство охраняет имущественные права и интересы граждан, приравнивая ответственность учреждений за вред, причиненный гражданам неправильными действиями должностных лиц в сфере административного управления, к ответственности предприятий и организаций за действия рабочих и служащих при исполнении ими служебных обязанностей в области производственно-хозяйственной деятельности. И в том и другом случае такая ответственность наступает на общих основаниях, т.е. учреждения и организации должны возместить гражданину причиненный ему вред в полном объеме.

О материальной ответственности учреждений и служащих, по вине которых причинен вред гражданам, говорится и в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, и в недавно принятых Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. Новый общесоюзный закон о труде предусматривает меры, которые повышают ответственность администрации за правильность увольнения или перевода работника на другую работу. Если по ранее действовавшему законодательству рабочему или служащему, незаконно уволенному с работы и восстановленному на прежней работе, выплачивался средний заработок за время вынужденного прогула со дня увольнения, но не более чем за 20 рабочих дней, то согласно Основам, этот срок повышается до трех месяцев. Соответственно изменился и порядок оплаты за выполнение нижеоплачиваемой работы рабочему или служащему, незаконно переведенному на другую работу и восстановленному на прежней работе. В таком случае выплачивается разница в заработке за время выполнения нижеоплачиваемой работы, но не более чем за три месяца. На должностных лиц, виновных в незаконном увольнении или переводе работника на другую работу, возлагается обязанность возместить ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации в связи с оплатой за время вынужденного прогула или за время выполнения нижеоплачиваемой работы. Основы законодательства о труде предусматривают также повышение размера возмещения ущерба, который возлагается на администрацию, – до трех месячных окладов должностного лица.

Вряд ли могут возникнуть малейшие сомнения в гуманности и целесообразности приведенных правовых установлений. Речь идет о другом. Закон и жизнь закона нередко лежат на разных полюсах. Из этого вытекает обязанность учреждений и должностных лиц добиваться социальной эффективности, действенности каждого закона, каждой правовой нормы.

Как показывает практика, при всей демократичности правовых норм, создающих гарантии свобод и интересов человека, их эффективность нередко еще незначительна. Так, в реальной жизни государственных органов весьма редко накладываются административные взыскания на должностных лиц за нарушение прав граждан. В судебной практике почти нет исков граждан к учреждениям о взыскании причиненного им материального ущерба, а также уголовных дел по обвинению должностных лиц, злостно нарушивших права граждан. И это вовсе не потому, что такого рода нарушения не встречаются. Напротив, нередки случаи, когда, например, вследствие безответственности должностного лица гражданин не может получить необходимые документы для назначения пенсии и потому вынужден за свой счет совершать далекие переезды, чтобы собрать разного рода справки. Имеется немало случаев нарушения трудовых прав

работников, связанных, в частности, с нарушением установленного порядка их увольнения. Так, в общей массе удовлетворенных народными судами исков о восстановлении на работу граждан еще нередки случаи увольнения без согласия профсоюзного комитета. Нельзя игнорировать и тот факт, что судами восстанавливаются на работе более половины всего числа лиц, уволенных по решению тех или иных руководителей организаций и учреждений. Можно привести случаи, когда граждане терпят материальные и моральные лишения вследствие неосновательного исключения из колхоза. Отсутствием четкой системы контроля, несовершенством закона можно объяснить и значительное увеличение числа административных дел, своеобразную штрафоманию, охватившую некоторых не в меру увлекшихся должностных лиц. Число административных дел в стране составляет довольно внушительную цифру.

Все это заставляет задуматься как над причинами, так и над мерами, которые позволили бы упрочить правовой статус личности, сделать полностью эффективными гуманные положения закона. К выработке этих мероприятий надо подойти комплексно, всесторонне, не сводя все дело к поиску одного исцеляющего рецепта. В общей форме — это вопрос о приведении всей правовой системы в соответствие с требованиями современного уровня развития социально-политических отношений. Конкретно же речь идет об условиях повышения гарантий прав гражданина в каждом вопросе, в каждом деле, где он выступает одной из сторон.

В этой связи, по нашему мнению, следует обсудить прежде всего следующие вопросы: о необходимости повышения активности гражданина в защите своих прав и законных интересов, о совершенствовании законодательства и об усилении роли судебного контроля в сфере охраны прав и свобод личности.

* * *

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал важность субъективного момента, усилий каждого отдельного гражданина в реализации закона, в достижении свободы. Активная деятельность личности является основой принятия человеком решения и воплощения его в жизнь. В любой общественной сфере, в том числе при соблюдении правовых норм и их применении, большое значение имеет тот простор, который устанавливается правовой системой. Современный период общественного развития характеризуется расширением сферы субъективного права, в основе которого и лежит свобода выбора. Именно свобода выбора советских граждан определяется теми широчайшими возможностями, которые предоставляет общество и осуществление которых гарантируется и экономическими, и политическими, и юридическими средствами. Право на труд гарантируется путем установления возможности выбора профессии и места работы. Право на участие в общественной жизни обеспечивается предоставлением выбора сферы приложения своих интересов. В нашей стране имеется много десятков самых различных самодеятельных общественных организаций, обеспечивающих широкую сферу удовлетворения интересов человека в научной, изобретательской, рационализаторской, культурно-просветительной и других областях. Если бы не было свободы выбора, то сама формула реализации субъективного права приняла бы чрезвычайно упрощенный характер. В самом деле, если бы не было многообразных форм удовлетворения запросов, интересов личности, то социальная жизнь хотя намного бы и упростилась, но стала бы бесцветной и бедной.

Новое отношение гражданина к обществу возможно только тогда, когда человек сам активно определяет свое отношение к общественной действительности и имеет возможность с помощью государства, правовой системы осуществлять и гарантировать свои права и свободы. Ошибочно полагать, будто многие установленные демократические формы социалистической жизни сами по себе, автоматически вызывают нужные обществу результаты.

Господство социалистической собственности и социалистической системы хозяйства создает необходимые реальные предпосылки и возможности для действенного участия каждого труженика в общественном производстве в качестве полноправного хозяина и управляющего народным достоянием. Однако эти возможности реализуются и претворяются в жизнь на различных участках социалистического производства не всегда еще в полной мере. Нередки случаи нерадивого отношения к общенародному добру, его ненадлежащего использования, разбазаривания и хищения. Характерно, что на предприятиях, где все еще имеют место такие случаи, наиболее низкими являются активность и личности, и коллектива, их участие в управлении собственностью, господствует низкая организация труда, общественного контроля, отсутствует правовая культура.

В современный период социалистическое право призвано все в большей степени содействовать воспитанию общественной активности личности. Если посмотреть на тенденции развития трудового, гражданского, колхозного, уголовного законодательства, то нетрудно увидеть, что нормы права вводят именно принцип активности личности как движущую силу при выполнении целого ряда предписаний закона. Поэтому социалистическое

законодательство всячески поощряет действия, направленные на борьбу с нарушениями общественного порядка, на защиту социалистической собственности, охрану природы, предотвращение ущерба интересам общества и личности. Более того, закон рассматривает активность как обязанность не только моральную, но и правовую в тех случаях, когда перед гражданином стоит выбор решения: действовать ли активно или уклониться, смалодушничать, прикрыться мещанским заветом «моя хата с краю».

Вот только один пример из практики законодательства последних лет, когда отчетливо видно, как именно право поощряет активность гражданина в охране социалистического правопорядка. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство»[4] установлено, что действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются правомерными и не влекут уголовной и иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику. При этом если лицу в целях пресечения его хулиганских или других преступных действий были причинены телесные повреждения, то лечение этого лица производится за его счет.

Таким образом, закон не допускает бездействия в случаях, когда социальная активность должна быть обязательно проявлена. Позиция закона в этих случаях последовательна: отсутствие социальной активности заслуживает морального осуждения либо, если это перерастает в преступное бездействие, может повлечь и юридическую ответственность.

В современных условиях важнейшей предпосылкой социальной эффективности закона является содействие развитию активности граждан с тем, чтобы каждый гражданин мог привести в движение механизм защиты своих прав. Общественная активность самого гражданина должна развертываться наряду с деятельностью специальных государственных правовых учреждений. Следует, в частности, иметь в виду, что сейчас, например, несмотря на активность надзора прокуратуры, она опротестовывает не все, конечно, незаконные акты. И это связано с тем, что у прокуратуры не хватает сил и времени для того, чтобы опротестовывать и приостанавливать все незаконно изданные акты, которые зачастую к моменту принесения протеста уже бывают исполненными. Вот почему важно подключить активность самих граждан, общественных организаций, которые помогли бы пресечь посягательства на права и свободы, провозглашенные Конституцией.

В связи со сказанным важно учитывать, что субъективное право гражданина может быть реализовано при условии, если члены общества в полной мере информированы в той области и в той сфере, в которой намереваются осуществить свои права. Это определяется действием общей закономерности: информация, гласность – неотъемлемая часть социалистической демократии. Рост уровня политического мышления и правовой культуры членов общества, проявляющих социальную активность и осознающих ответственность за судьбы общего дела, предопределяет возможность принятия решений на основе представленной в их распоряжение полной и достоверной информации.

Во многих случаях недостаточная активность граждан в защите своих прав объясняется малой, а иногда и полной неосведомленностью о своих правах и возможностях их защиты. Вот почему сейчас актуально звучат ленинские слова о том, что граждан необходимо *«научить*... (и помочь им) *воевать за свое право* по всем правилам законной в РСФСР *войны за права»*[5]. Чтобы граждане могли воевать за свои права, т.е. реально пользоваться демократическими правами и свободами, необходимо прежде всего разъяснять, пропагандировать действующее законодательство. В современных условиях партия уделяет особое внимание пропаганде правовых знаний и действующего законодательства, рассматривая их как важнейшие рычаги укрепления социалистического правопорядка и дисциплины.

Для осуществления этих задач большое значение имеют дальнейшее совершенствование законодательства, его систематизация. Особенно это относится к нормам административной юрисдикции, которая наиболее чувствительным образом касается в повседневной жизни интересов не одного, не сотен, а тысяч граждан нашего общества. Сейчас нормы, регламентирующие взаимоотношения гражданина с административными органами, разбросаны в серии актов, ведомственных инструкций и положений. Так, имеются многочисленные инструкции разных ведомств о порядке рассмотрения дел о мелком хулиганстве и о появлении в состоянии опьянения в общественных местах, о взимании штрафа на месте, о деятельности ГАИ по привлечению к ответственности граждан, нарушивших правила движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам, о пользовании транспортными средствами и т.д. Имеются разнообразные инструкции, относящиеся к регулированию деятельности органов гражданской авиации,

[4] См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 г. № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30, ст. 595.

[5] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 149.

ветеринарного и санитарного надзора, связи, коммунальных учреждений и т.п.

Эти акты зачастую не известны гражданам, носят ведомственный характер, не содержат четкой процедуры рассмотрения административного дела и гарантий прав гражданина и потому являются малодейственными. Кроме того, следует иметь в виду, что в подавляющей массе случаев все эти дела рассматриваются единолично соответствующим должностным лицом, а не на коллегиальной основе, что в значительной степени ослабляет контроль со стороны общественности за принятием законных и обоснованных решений. К тому же законодательство, регулирующее эти отношения, не лишено пробелов, в значительной части устарело. Отдельные акты действуют с 20–30-х годов и не всегда отвечают современным условиям. Назрела необходимость в более четком законодательном установлении пределов и оснований ответственности государственных органов за свои действия. Это значительно подняло бы уровень деятельности звеньев аппарата управления и их взаимоотношений с подведомственными предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами.

Явно ощущается и потребность в издании специального закона о служащих государственного аппарата. После утверждения Основ законодательства о труде, распространяющихся на все категории работников, необходимо тщательно регламентировать труд той категории граждан, которая занята собственно управлением. Помимо устранения ненужной множественности актов и имеющихся пробелов, с изданием такого закона можно будет по-новому урегулировать статус служащих аппарата и их связи с общественностью, функции, права, обязанности. В частности, четкое определение оснований и видов их ответственности будет способствовать не только повышению качества управленческого труда, но и дальнейшему расширению демократической базы государственного аппарата в целом.

Всяческого внимания заслуживает и предложение о подготовке Основ законодательства об административной ответственности, которые содержали бы нормы о конкретных правах и обязанностях должностных лиц и граждан в стадии разрешения дела, принципы, характеризующие стадии разрешения дела, определяли бы порядок проверки фактов и обстоятельств дела и т.д. Создание единого союзного акта об административной ответственности позволило бы тщательно разработать вопросы материальной, дисциплинарной ответственности должностных лиц, на которых возложено разрешение дел. В этом же акте можно было бы указать гарантии законности рассмотрения жалоб и заявлений граждан, обоснованности принимаемых по ним решений, а также способов обеспечения надзора и контроля со стороны надлежащих государственных органов, в том числе прокуратуры и народного контроля. В этом же акте можно будет сформулировать требования и основания пересмотра дела, сроки рассмотрения дел, а также закрепить правило о сохранении за гражданином права выбора пути обжалования: в вышестоящий административный орган либо в народный суд. Надо отметить, что в зарубежных социалистических странах в той или иной форме порядок рассмотрения административных дел нашел отражение в соответствующих административно-процессуальных актах.

* * *

Наконец, о судебном контроле. Как показывает опыт, наиболее эффективным средством защиты субъективных прав граждан является судебный порядок рассмотрения споров, возникающих в ходе исполнительно-распорядительной деятельности. Известно, что в соответствии с действующим законодательством правосудие в СССР имеет своей задачей обеспечение точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами. Сейчас судам подведомственны дела по жалобам на неправильности в списках избирателей, а также в записях актов гражданского состояния, споры, вызванные исками об исключении из описи имущества, по поводу выданных авторских свидетельств и некоторые другие. На суды возложено рассмотрение жалоб на решения административных органов, связанных с незаконным наложением административных штрафов, с исками о восстановлении на работе незаконно уволенных лиц и т.д.

Представляется, что в интересах укрепления правопорядка и усиления гарантий прав граждан необходимо дальнейшее расширение контроля суда за деятельностью административных органов и должностных лиц. Это вызывается тем, что система социалистического правосудия с четкой регламентированностью порядка рассмотрения дел на основе принципов гласности, непосредственности, независимости судей обладает наибольшими демократическими возможностями для всестороннего рассмотрения конкретных дел и вынесения обоснованного решения в защиту прав и охраняемых законом интересов граждан. Надо также иметь в виду, что в ходе судебного разбирательства суд активно выясняет факты нарушения закона, вскрывает их причины и на основе этого наказывает виновных, принимает меры к восстановлению нарушенных интересов. Наконец, следует учитывать и то, что суды могут оперативно и эффективно решать вопросы о законности или незаконности действий должностных лиц и органов администрации. Расширение судебного контроля

за действиями администрации имеет прежде всего огромное общественное значение, так как повысит гарантии прав граждан, степень их реальности. Это будет содействовать развитию социальной активности граждан, ибо каждый гражданин сам будет приводить в движение механизм защиты своих нарушенных прав и законных интересов.

Опасение, что передача в суды дел об административных штрафах и дел, связанных с деятельностью административных органов, приведет к перегрузке судебных работников, вряд ли основательно. Статистика показывает, что число жалоб в судах на решения об административных штрафах не составляет даже одного процента по отношению ко всем рассмотренным в порядке административной юрисдикции делам.

Надо отметить, что в юридической литературе выдвинут целый ряд предложений, направленных на дальнейшее расширение компетенции судебных органов по рассмотрению административно-правовых споров. Предлагается, например, предоставить гражданам право обжаловать в суд решения милиции об отказе в прописке, органов социального обеспечения об отказе в назначении пенсии или неправильном установлении ее размеров, решения исполкомов местных Советов об отказе в предоставлении жилой площади и о порядке ее распределения, об отказе в назначении пособий одинокой матери, об отводе земельных участков под индивидуальное жилищное строительство, решений органов ГАИ о лишении водительских прав и ряд других. Следует в этой связи рассмотреть вопрос о возможности сформулировать единый принцип об отнесении на рассмотрение и разрешение судебных органов всех споров, возникающих из административно-правовых отношений, если одна из сторон – гражданин. В законе, на наш взгляд, следовало бы дать четкий перечень такого рода дел.

Могут спросить: следует ли расширять такой судебный контроль, поскольку за действиями органов управления наблюдают прежде всего вышестоящие организации, народный контроль, прокуратура? Не нарушит ли это общий принцип государственного управления? Нет, эти опасения не основательны. Ведь имеется в виду расширить контроль суда только в той сфере, которая касается взаимоотношений административных органов и должностных лиц с гражданами, и только в случаях нарушения прав граждан, а не по вопросам сугубо специальным или связанным с производственной деятельностью. Представляется, что такое решение вопроса будет способствовать дальнейшему укреплению социалистической демократии, законности, расширению прав советских граждан и усилению гарантий их соблюдения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 149.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 252.

REFERENCES

1. *Lenin V.I.* The complete works. Vol. 53. P. 149 (in Russ.).
2. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 1. P. 252 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧХИКВАДЗЕ Виктор Михайлович –
член-корреспондент Академии наук СССР
и Российской академии наук

Authors' information

CHKHIKVADZE Viktor M. –
Corresponding Member of the USSR Academy
of Sciences and the Russian Academy of Sciences

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 187–193
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 187–193

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА[1]

© 2022 г. Е. А. Лукашева

E-mail: lukasheva.elena.andreevna@gmail.com

Аннотация. Показателем эффективности реформирования экономики являются степень защищенности прав и свобод человека, обеспечение каждому достойной жизни. Преобразования, которые направлены на минимизацию роли государства и замену государственного воздействия на экономику саморегулируемыми рыночными механизмами, не способствуют формированию правового, социального и демократического государства, провозглашенного в Конституции РФ. Такую задачу может выполнить только сильное и социально-ориентированное государство, которое сможет соблюсти баланс между свободной экономикой и справедливыми распределительными процессами.

Ключевые слова: правовое государство, социальное государство, верховенство прав и свобод человека, экономические реформы.

Цитирование: *Лукашева Е.А.* Совершенствование деятельности государства – необходимое условие обеспечения прав человека // Государство и право. 2022. № 2. С. 187–193.

DOI: 10.31857/S102694520018864-1

IMPROVEMENT OF THE STATE'S ACTIVITIES IS A NECESSARY CONDITION FOR ENSURING HUMAN RIGHTS[2]

© 2022 E. A. Lukasheva

E-mail: lukasheva.elena.andreevna@gmail.com

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2005. № 5. С. 61–65.
Аннотация и ключевые слова составлены кандидатом юридических наук, доцентом Н.В. Колотовой.

[2] The article was published in the journal "State and Law" (2005), No. 5. pp. 61–65.
Abstract and key words were compiled by PhD in Law, associate Professor N.V. Kolotova.

Abstract. An indicator of the effectiveness of economic reform is the degree of protection of human rights and freedoms, ensuring everyone a decent life. Transformations aimed at minimizing the role of the state and replacing state influence on the economy with self-regulating market mechanisms do not contribute to the formation of a legal, social and democratic state proclaimed in the Constitution of the Russian Federation. Such a task can be accomplished only by a strong and socially-oriented state that can maintain a balance between a free economy and fair distribution processes.

Key words: Rule of Law, social state, supremacy of human rights and freedoms, economic reforms.

For citation: *Lukasheva, E.A. (2022).* Improvement of the State's activities is a necessary condition for ensuring human rights // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 187–193.

Российское общество уже более 15 лет находится в состоянии реформирования. Основным показателем успехов или неудач этого процесса является прежде всего защищенность и обеспеченность прав и свобод человека. Оценка положения дел с правами человека раскрывает состояние всех сфер общества – политической, экономической, социальной, культурной, социально-психологической.

К сожалению, приходится констатировать явное неблагополучие с правами человека, и не только социальными, что проявляется сегодня наиболее наглядно, но и политическими, личными, культурными. Принятие Конституции РФ, в которой был зафиксирован широкий набор прав и свобод человека и гражданина, явилось важнейшим событием, вселившим надежды на скорое преодоление всех последствий авторитарного (тоталитарного) режима. И те трудности и огромные проблемы, которые возникали в процессе реального осуществления прав и свобод, воспринимались вначале как неожиданные непредвиденные в обществе, ставшем на путь демократических преобразований, формирования правового государства, провозгласившего права человека высшей ценностью, а их защиту – обязанностью государства.

И это понятно, поскольку большинство населения страны встретило процесс реформирования общества с огромным энтузиазмом, воодушевлением, надеждами на быстрейшее преодоление всего того, что вызывало у нас отторжение: неуважение к человеку, насильственно навязываемое единомыслие и единодушие, всенародное одобрение не подлежащих обсуждению и критике решений КПСС, сохранившийся, генетически вошедший в нашу память страх перед свободным выражением своего мнения, интуитивное ощущение контроля за мыслями и действиями, ставший привычным дефицит и многое другое, что было неотъемлемыми чертами советского образа жизни.

Однако, как и на предыдущих этапах развития общества, у нас не было реального анализа сложившейся ситуации и понимания того, что авторитарный строй оставляет неизгладимый след в сознании и образе жизни людей, что необходим длительный исторический период для создания основ радикальных преобразований. Быстрый распад советского общества стал полной неожиданностью для абсолютного большинства граждан. Точно так же невиданные исторические трудности, связанные с преобразованием авторитарного режима в демократию, а административно-командной системы – в рыночную, воспринимались как непредвиденные и неожиданные.

Это стало свидетельством недальновидности политиков, различного рода экспертов и аналитиков, неумения прогнозировать не только на длительную, но и на ближайшую перспективу. Как не вспомнить замечательных русских ученых – П. Новгородцева и И. Ильина, которые даже в период, казалось бы, окончательного утверждения социализма в России предвидели крах авторитарного режима и тот хаос, который неизбежно воцарится в обществе после его развала. «Русскому человеку в грядущие годы потребуются героические, подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших материальных опустошений своей родины, но и среди ужасного развала всех ее культурных, общественных и бытовых основ. Революция оставила за собой глубочайшее разрушение не только во внешних условиях, но и человеческих душах... Сколько новых темных чувств незаглохнувшей стихии опять появятся! Сколько натворит новых бед суровая страсть порядка и покоя! Сколько тяжелых этапов пройдет и могучая потребность хозяйственного восстановления с ее неукротимыми инстинктами приобретения и накопления!»[3].

В этом положении П. Новгородцева содержится предвидение и социально-психологических, и нормативно-приказных, и экономических трудностей, которые встанут на пути становления новой России.

В научной и публицистической литературе последнего времени много внимания уделялось анализу того тяжелого наследия, которое досталось нам от авторитарного (тоталитарного) строя. Однако те драматические ситуации, которые возникают

[3] *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 577.

сегодня, в значительной мере связаны с серьезными концептуальными ошибками постсоциалистического периода, которые затормозили процесс демократических преобразований страны и, следовательно, обеспечение и защиту прав человека, гуманизацию общественной жизни, нравственных основ общества.

В чем суть этих ошибочных позиций, которые не только препятствуют реализации прав человека, но являются тормозом развития всех сфер жизни – государственно-правовой, социальной, культурной, нравственной?

Лидеры, возглавившие перестройку, не были подготовлены к новой, внезапно сложившейся ситуации. Они взяли на вооружение давно уже низвергнутые теории разгосударствления общества, минимизации роли государства, полного устранения его из социальной сферы деятельности. В ситуации разлома общества надо было стремиться не к разрушению всего «до основания» с надеждой, что «мы наш, мы новый мир построим», а определить поэтапные задачи преодоления авторитарного (тоталитарного) прошлого, создания нового государственного, экономического, социального строя. Для любого здравомыслящего человека ясно, что России досталось тяжелое наследство и для его преодоления необходимы десятилетия.

Нельзя было не считаться с состоянием общественного сознания народа, к которому отнеслись с пренебрежением, призвали включиться в рыночную стихию, суть и специфика которой были неясны ни реформаторам, ни обществу.

Российскому народу дважды за краткий исторический период времени ломали сознание: вначале большевики объявили, что причина всех зол – частная собственность, затем реформаторы обвинили во всех бедах собственность государственную и в ближайшее время пообещали сформировать «средний класс», а «шоковую терапию» осуществить за 5–6 месяцев. Выдвигая концепцию либерального нового общества, непродуманную, заимствованную, не опирающуюся на общественные реалии, на состояние общественного сознания, они повторили «исторический подвиг» большевиков и своим кавалерийским наскоком усугубили и без того драматическую ситуацию в обществе, отодвинув возможность его нормального функционирования на долгие годы.

Сложности, которые сегодня переживает Россия, – это не только наследие авторитарного (тоталитарного) режима, но и результат тех далеких от идей демократии и гуманизма, а подчас и просто безграмотных действий, которые были предприняты реформаторами.

Одна из основных ошибок перестроечного периода связана с идеей минимизации роли государства, его невмешательства в рыночные отношения. Речь шла не о преобразовании государства, не о создании его структур, опирающихся на право, закон и подвергающихся реформированию на правовой основе, но о его замене саморегулирующимся гражданским обществом, а также об ограничении всех сфер его деятельности, прежде всего экономической.

Идея устранения государства из экономической сферы возникала в периоды буржуазных революций и становления буржуазного строя. Она была необходима для освобождения восходящего класса от сословных ограничений и сыграла огромную роль в развитии промышленного производства, новых технологий, накоплении материальных богатств. Однако уже в XX в. вокруг вопроса о роли государства в экономической сфере велась борьба различных течений, поскольку общественные отношения все более усложнялись, необходимо было установление единых «правил игры», что невозможно без законодательной деятельности государства, без осознания значимости его социальной направленности, получившей признание в большинстве западных государств, особенно во второй половине прошлого века.

Однако разгосударствление общества было необходимо политической элите для полного вытеснения государства из экономической сферы, для проведения приватизации вне правового поля. В результате этого вопреки утверждениям идеологов перестройки средний класс до сих пор не создан, а общество резко раскололось на узкую группу, которая получила на основе грабительской приватизации основную часть общественных богатств, и большинство народа, оказавшееся жертвой «ваучеризации». Как следствие – миллионы людей живут за чертой бедности.

Использование методов «шоковой терапии» привело к тому, что общественные процессы стали развиваться хаотично, утратили целенаправленность, а это с неизбежностью повлекло за собой цепную реакцию государственного и правового нигилизма, разрегулированность, раскоординированность государственных механизмов и структур, противоречивость и несогласованность правовой системы.

Минимизация роли государства нашла широкую поддержку в обществе вследствие массового неприятия авторитарных и тоталитарных методов управления. Однако при этом была предана забвению простая истина, что без сильной государственности невозможно совершить коренную перестройку, ломку устоев авторитарного

общества – политических, экономических, социальных, нравственных.

Естественно, общество нужно было освободить от чрезмерной опеки государства, от его всепроникающего влияния на все сферы жизни. Но следовало соблюсти разумный баланс между воздействием государства на общественные отношения и саморегулирующими возможностями гражданского общества.

Надежды на саморегуляцию гражданского общества, которое «вытеснит» государство, были или утопичными, или преступно ложными. Во-первых, авторитаризм не смог оставить нам в наследство хотя бы основы зрелого гражданского общества; во-вторых, в странах с сильным и дееспособным гражданским обществом государственные структуры не упраздняются, не минимизируются, поскольку без них невозможно создать прочные сбалансированные правовые основы, вне которых немыслимо проведение реальных преобразований, невозможно нормальное функционирование всех составляющих гражданского общества: хозяйствующих субъектов, общественных объединений, религиозных организаций (особенно в многоконфессиональной стране), семьи, людей с их многообразными и подчас противоречивыми интересами.

Наше общество не знало свободы и не было подготовлено к автономному режиму, поскольку отсутствовали правовые начала, в рамках которых должны функционировать гражданские институты и учреждения. Такое общество явилось слабым союзником государства, которое стремилось дать людям свободу. Недооценка роли государства привела к стихийному захвату и криминальному переделу собственности, не способствовала разделению власти и собственности, созданию среднего класса. Был нарушен универсальный принцип равноправия всех членов общества; по выражению Оруэлла, «некоторые оказались более равны». В обществе возникли антагонизм и противостояние, были деформированы политические свободы, доступ к власти обеспечен для тех слоев и групп, которые теперь имеют собственность или мощные источники финансирования.

В результате оказались нарушенными политические права граждан; в процессе выборов на виду у миллионов людей происходит недостойная борьба конкурентов с использованием грязных политических технологий, подкуп избирателей.

Ослабление государственности, разбалансированность общественных отношений, резкая поляризация общества, расширение сферы влияния организованной преступности и коррупция подрывают национальную безопасность и устойчивое развитие общества. Это создает условия для активизации экстремизма, терроризма, действия внутренних и международных сил, заинтересованных в дальнейшем ослаблении российской государственности, в выведении нашей страны из круга держав, призванных решать важнейшие проблемы мирового развития.

Теперь стала ясна ошибочность теории минимизации государства, ее последствия мы будем ощущать еще долгие годы. Задача состоит в том, чтобы государство стало сильным, способным влиять на важнейшие процессы, происходящие в обществе и в мире. Сильное государство – это правовое государство, опирающееся на право, закон, несовместимое с насилием и произволом. Такая позиция вытекает из принципов Основного закона страны. Поэтому и непонятны часто встречающиеся утверждения о том, что призывы к укреплению государства, созданию сильного государства – это возврат к авторитаризму, тоталитаризму. Подобные утверждения выгодны и удобны тем, кто не хочет ограничить свою свободу правом, кто использует слабость государственных структур в своих интересах.

Сильное правовое государство необходимо России для поднятия ее престижа в современном мире, для укрепления национальной безопасности. Следует учитывать не только внутренние факторы, но и объективно неизбежное вхождение России в процессы мировой глобализации. Российское государство должно четко определить параметры включения в глобализационные процессы с тем, чтобы национальные интересы страны не были ущемлены, чтобы она не стала придатком стран «золотого миллиарда», которые разрушают правовое поле, подрывая основные правовые принципы – равенство сторон, единые стандарты, справедливость. На основе развития новых технологий Россия должна стать конкурентноспособной на мировом рынке, что приведет к развитию национального производства, сокращению безработицы, повышению материального уровня жизни населения, реализации прав и свобод человека.

Концепции, взятые на вооружение «реформаторами», отрицали социальную роль государства, ориентировались на идеи раннего либерализма о «вредности и неприемлемости» содействия со стороны государства тем слоям общества, которые не смогли в силу различных обстоятельств включиться в рыночные отношения. Большинство современных государств Запада осуществляют мощную социальную политику с целью предотвращения социальных конфликтов, общественного противостояния, целенаправленно ведут борьбу с бедностью. Между тем на начальных этапах проведения реформ в нашей стране большая часть общества была объявлена «иждивенцами», привыкшими к государственному патернализму.

Основной Закон провозгласил в ст. 7, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Конституции записано, что государство устанавливает гарантированный минимальный размер оплаты труда, государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. Однако в ней не указано, что эти выплаты должны быть не ниже прожиточного минимума. Только такой подход может обеспечить достойную жизнь и свободное развитие человека.

Крайне низкие пенсии и зарплаты бюджетников, которые зачастую значительно ниже прожиточного минимума, беспрецедентные задержки выдачи заработной платы (особенно в частном секторе) неизбежно порождают недовольство, отчуждение людей от государства, создают крайнюю социальную напряженность, которая вылилась в массовые митинги в начале 2005 г. в связи с заменой льгот на денежные компенсации.

Нельзя не сказать, что установление различного рода льгот воскрешает идею государственного патернализма, прикрывая невозможность обеспечения основной массы людей достойными зарплатами и пенсиями.

Такое положение унижает людей, больно бьет по их достоинству. И все это происходит потому, что государство не может обеспечить людям ни достойной зарплаты, ни подобающей пенсии, которые привели бы к упразднению надобности в льготах и различного рода социальных подачках.

Установление льгот в современном обществе – свидетельство непредсказуемых действий государства в социальной сфере. Если, установив зарплату и пенсию на шкале прожиточного уровня, государству трудно впоследствии их занизить, то льготы можно предоставить, а можно и отобрать. Так воскрешается образ патерналистского государства-благодетеля, которое свободно может лишить народ подаренных благ.

Необходимость социальной деятельности государства зафиксирована не только в Конституции страны, но и в важнейших международно-правовых документах (ст. 25 Всеобщей декларации прав человека; ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Европейской социальной хартии и др.).

И это ни в какой мере не влияет на характер рыночной экономики, хотя социальная деятельность государства неотделима от воздействия государства на экономические процессы. Социальная деятельность государства важна в условиях глобализации, поскольку свободный мировой рынок без обеспечиваемых каждому человеку социальных гарантий не может сосуществовать, иначе это приведет к острым конфликтам и внутри общества, и в мировом масштабе.

Формирование социального государства с неизбежностью требует его воздействия на экономические отношения с целью обеспечения социальных, экономических и культурных прав гражданина. Без обеспечения этих прав невозможно установление нормальных отношений в обществе, основанных на справедливости и солидарности.

Перед социально ориентированным государством стоят огромные трудности, поскольку оно должно соблюдать баланс между свободной экономикой и определенными, точно выверенными способами воздействия на распределительные процессы в духе справедливости. Стремясь обеспечить всем гражданам достойный уровень жизни, государство не должно переступать черту, за которой начинается грубое вмешательство в экономику, подавление инициативы и свободы предпринимательства. Проявляя заботу о повышении социального статуса граждан, государство должно соблюдать меру, которая воспрепятствовала бы освобождению индивида от личной ответственности за свою судьбу и судьбу своих близких. Социальное государство несовместимо с применением административно-командных методов. Его задача – использовать экономические методы: гибкое налогообложение, бюджет, социальные программы, экологические меры.

Социальные реформы, направленные на обеспечение достойной жизни каждого, должны способствовать гуманизации жизни, преодолению раскола и противостояния в обществе.

Реформирование общества должно опираться на правовые принципы, выражающие свободу, равенство и справедливость. К сожалению, новое законодательство содержит много противоречий. Противоречивость правовой системы усугубляется изданием законов субъектами Федерации, противоречащими федеральным законам, а подчас и Конституции РФ. Противоречивая правовая система не может эффективно «работать», она деформирует, дискредитирует идеи права и законности как один из важнейших инструментов обеспечения устойчивости общественного развития, защиты прав и свобод человека и общества в целом.

Совершенствование государства, его структур, усиление социальной ориентации – одно из основных условий обеспечения достоинства человека, его уверенности в предсказуемости действий властей. Защита прав и свобод человека остается сегодня одной из наиболее уязвимых проблем. Жизнеспособность и нравственность общества зависят прежде всего от социального самочувствия его граждан, от степени защищенности их прав и свобод.

Конституция России провозгласила в качестве высшей ценности человека, его права и свободы, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина назвала обязанностью государства. Нет необходимости доказывать, что ослабленная разрегулированная государственная система – плохой защитник своих граждан. Права человека – рабочего, фермера, военнослужащего, мигранта, пенсионера, ребенка – защищены сейчас крайне слабо. И дело не только в экономических трудностях страны, но в безответственности и пренебрежении интересами простого человека со стороны чиновников, на которых возложена обязанность защищать права и свободы граждан. Люди разуверились в возможности получить защиту у государства, они стали реже обращаться с жалобами и заявлениями не потому, что уменьшилось число нарушений их прав. Просто утрачена вера в государственную справедливость и закон. Такое положение нетерпимо. Поэтому нужно добиться перелома в этом деле, привлекать к ответственности должностных лиц, виновных в бездушном, пренебрежительном отношении к правам человека, преодолевать правовой нигилизм, повышать уважение к праву, закону. В нашей стране народ не знает и не уважает законы. К сожалению, это в полной мере относится к тем, кто по роду своей деятельности обязан быть проводником закона в жизнь, его защитником.

Незнание законодательства, неуважение к нему порождает грубейшие нарушения законности, нередко выливаясь в стихийные противоправные действия, захват и передел собственности, в стремление решить свои проблемы не правовым путем, а неупорядоченными действиями. Необходимо разработать государственную программу пропаганды правовых знаний, воспитания уважения к праву, ибо без этого невозможны нормальное развитие и продвижение общества по пути демократии и правопорядка.

Усиление роли государства, опирающегося на право, не отступающего от правовых принципов, формирование его социальной направленности в целях обеспечения достойной жизни каждого, признание высшей ценности прав и свобод человека, воспитание уважения к праву и закону – вот задачи, на которых необходимо сосредоточить усилия и решение которых поможет нормализовать ситуацию, обеспечить стабильность и устойчивое развитие российского общества.

Правовое государство опирается на принцип законности, основные требования которого состоят в равенстве всех перед законом, обязательности закона для всех, независимо от рангов и положений, неотвратимости наказания за совершенные правонарушения, взаимной ответственности человека и государства. Мы подчас забываем об этих важных принципах и нарушаем их. Ответственность за правонарушения несут в основном социально незащищенные лица. По данным В.В. Лунеева, в 1999 г. из 1.2 млн осужденных 51% – трудоспособные, но не работающие и не учащиеся; 38% – совершившие преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; 23% – имеющие неснятую судимость; 12% – женщины; 26% – рабочие; 8% – учащиеся и студенты; 4% – нетрудоспособные. Из выявленных лиц только 3.2% представляли организованные преступные группировки[4]. Как видно из этих данных, уголовному наказанию подвергаются низшие, бедные, слабо адаптированные, алкоголизированные, маргинальные слои населения.

В настоящее время это положение стремятся исправить и государство, и его правоохранительные органы. Создан Совет по борьбе с коррупцией при Президенте России. Но здесь возникает непонимание, а то и сопротивление. Любая попытка привлечь к ответственности лиц, занимающих высокое положение в государственных структурах или бизнесе, сопровождается противодействием определенных социальных групп, обвинениями в возврате к тоталитаризму и произволу.

Следует преодолеть эти социально-психологические барьеры. Сейчас совершенно ясно, что без строгого и неуклонного соблюдения законности всеми без исключения органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, гражданами и их объединениями невозможно навести должный порядок в стране, вести борьбу с преступностью, коррупцией, любыми проявлениями правового нигилизма, неуважения к закону. Это – непреложное требование Конституции РФ, и мы должны с уважением относиться к нему, делать все возможное для его реализации. Иная позиция ведет к дальнейшему падению доверия и уважения к власти и закону.

Необходимо учитывать, что процессы глобализации отражают возрастание и углубление всеобщей зависимости, которая объективно определяется новыми вызовами, требующими совместной деятельности людей, преодолевающей государственные, социокультурные, конфессиональные, национальные и иные барьеры. Россия должна органично включиться в такие процессы, однако для этого необходимо совершенствование всех сфер жизни нашего общества, формирование правового социального государства, укрепление законности, правовых основ и условий функционирования рыночной экономики, развития науки, производства, новых технологий, обеспечение национальной безопасности, а в конечном счете устойчивого развития российского общества.

[4] См.: *Лунеев В.В.* Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 5–18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лунеев В.В.* Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 5–18.
2. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 577.

REFERENCES

1. *Luneev V.V.* Trends of modern crime and the fight against it in Russia // State and Law. 2004. No. 1. P. 5–18 (in Russ.).
2. *Novgorodtsev P.I.* On the social ideal. M., 1991. P. 577 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛУКАШЕВА Елена Андреевна –
член-корреспондент Российской академии наук

Authors' information

LUKASHEVA Elena A. –
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 194–199
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 194–199

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА[1]

© 2022 г. Ю. К. Толстой

Аннотация. Рассматривается актуальная проблематика различных сфер гражданского законодательства, как в законодательстве, так и в нормоприменении, сложившаяся после общей кодификации гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961–1964 гг., в том числе после известных решений руководящих органов об экономической реформе. Отмечается необходимость по-новому взглянуть на соотношение плана и договора; необходимость ликвидировать так называемую первоначальную пробельность гражданского законодательства; необходимость решения вопроса об ответственности за вину или независимо от вины; нерешенность вопроса имущественной ответственности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда; называются отдельные – конкретные – недостатки Основ гражданского законодательства СССР и гражданских кодексов некоторых союзных республик. Предлагается развивать обмен опытом нормотворческой и нормоприменительной деятельности в сфере гражданского законодательства между союзными республиками, что позволит устранять в гражданских кодексах союзных республик неоправданный «разнобой», вызванный дефектами юридической техники. Вносятся и иные предложения.

Ключевые слова: гражданское законодательство, План и договор, имущественная ответственность, дефекты законодательной техники.

Цитирование: *Толстой Ю. К.* Совершенствование гражданского законодательства // Государство и право. 2022. № 2. С. 194–199.

DOI: 10.31857/S102694520018867-4

IMPROVEMENT OF CIVIL LEGISLATION[2]

© 2022 Yu. K. Tolstoy

Abstract. The current problems of various spheres of civil legislation, both in legislation and in the application of norms, developed after the general codification of the civil legislation of the USSR and the Union Republics of 1961–1964, including after the well-known decisions of the governing bodies on economic reform, are considered. It is noted that there is a need to take a fresh look at the relationship between the plan and the contract; the need to eliminate the so-called initial gap in civil legislation; the need to resolve the issue of responsibility for guilt or regardless of guilt; the unresolved issue of the property responsibility of the bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office and court; individual – specific – shortcomings of the

[1] Статья была напечатана в журнале «Советское государство и право». 1969. № 11. С. 46–51.
Аннотация и ключевые слова составлены членом-корреспондентом РАН М.И. Клеандровым.

[2] The article was published in the journal "Soviet State and Law" (1969), No. 11, pp. 46–51.
Abstract and key words are compiled by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences M.I. Kleandrov.

Foundations of the civil legislation of the USSR and the civil codes of some Union republics are called. It is proposed to develop the exchange of experience in rule-making and norm-applying activities in the field of civil legislation between the Union republics, which will eliminate unjustified "inconsistency" in the civil codes of the Union republics caused by defects in legal technology. Other proposals are also being made.

Key words: civil legislation, Plan and contract, property liability, defects of legislative technique.

For citation: *Tolstoy, Yu. K. (2022).* Improvement of civil legislation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 194–199.

В 1961–1964 гг. в Советском Союзе была успешно проведена вторая по счету общая кодификация гражданского законодательства. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и новые ГК союзных республик служат прочной базой дальнейшего совершенствования правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений социалистического общества независимо от состава их участников. Но принятие Основ и ГК не означает, что работа по упорядочению гражданского законодательства завершена.

Уже после их введения в действие были приняты известные решения партийных и государственных органов об экономической реформе. В стране проводятся крупные организационно-хозяйственные мероприятия, призванные оживить экономический оборот, наполнить реальным содержанием такие экономические рычаги, как хозрасчет, цена, прибыль, деньги, кредит. Экономическая реформа уже оказала и продолжает оказывать все возрастающее влияние на содержание всего советского законодательства, в первую очередь административного и гражданского. Одним из важнейших документов, принятых во исполнение решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, явилось Положение о государственном предприятии, которое в значительной мере упорядочило правовой статус основного звена хозяйственного управления, укрепило позиции предприятия в гражданском обороте.

Пути совершенствования советского гражданского законодательства. При определении путей совершенствования советского гражданского законодательства сразу же возникает вопрос: выдержали ли Основы и ГК то испытание, которому они были подвергнуты в ходе экономической реформы? На этот вопрос может быть дан только утвердительный ответ. В Основах и ГК закреплены универсальные положения об имущественной обособленности участников гражданского оборота, о полном хозрасчете, о самостоятельной юридической личности государственных предприятий, переведенных на полный хозрасчет, о полном возмещении убытков, причиненных нарушением обязательств, и многие другие. А ведь именно эти положения оказались исходными в проведении хозяйственной реформы.

Сказанное, разумеется, не означает, что в дальнейшем жизнь не может потребовать внесения в Основы и ГК тех или иных изменений и дополнений. Экономическая реформа заставила по-новому взглянуть на соотношение плана и договора. Устойчивые договорные связи между предприятиями и организациями постепенно становятся одним из источников формирования планов производственной, сбыто-снабженческой и иной хозяйственной деятельности. На наш взгляд, по мере того как в хозяйственной практике будут складываться наиболее целесообразные организационно-правовые формы соотношения плана и договора, появятся необходимые предпосылки для закрепления важнейших и наиболее стабильных из этих форм в Основах и ГК. При условии своевременного обновления этих важнейших законодательных актов, приведения их в полное соответствие с назревшими потребностями общественного развития, Основы и ГК смогут сохранить свою роль действенного инструмента в правовом регулировании отношений экономического оборота.

В связи с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и гражданских кодексов союзных республик были утверждены перечни нормативных актов, утративших силу, и актов, в которые вносятся те или иные изменения[3]. В то же время некоторые из актов еще не отменены или в них не внесены изменения. Так, до сих пор не признан утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1953 г. «Об отмене административного выселения»[4]. Споры в юридической литературе ведутся вокруг постановления ЦИК и СНК СССР от 21 июля 1936 г.[5], которое в свое время определяло порядок выселения из жилых домов, предназначенных к слому и капитальной перестройке, в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и Баку. Некоторые авторы, исходя из того, что это постановление не попало в перечень нормативных

[3] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 22, ст. 226; № 23, ст. 233; № 35, ст. 370; СП СССР. 1963. № 10, ст. 105; СП РСФСР. 1964. № 5, ст. 38.

[4] См.: Сборник жилищного законодательства. М., 1963. С. 328–330.

[5] См.: там же. С. 330, 331.

актов, утративших силу, утверждают, будто бы оно продолжает действовать[6].

Таким образом, обновление советского гражданского законодательства далеко еще не завершено. Многие нормативные акты, противоречащие Основам и ГК или поглощенные ими, формально не отменены, хотя и должны считаться утратившими силу. Необходимо продолжить работу по выявлению таких актов и в ближайшее время утвердить дополнительные перечни нормативных актов, утративших силу, а также актов, в которые вносятся изменения, в связи с введением в действие Основ и ГК. Причем эту работу нужно вести на самых различных уровнях в зависимости от того, к компетенции какого органа государственной власти или управления относится отмена или изменение соответствующего нормативного акта.

Работа по совершенствованию гражданского законодательства не ограничивается негативной стороной дела. Еще более сложна задача по восполнению пробелов действующего законодательства. К сожалению, в процессе подготовки Основ и ГК не удалось избежать так называемой первоначальной пробельности законодательства. Так, в ГК большинства союзных республик не представлены такие институты, как экспедиция и деятельность в интересах другого лица без его поручения. В числе способов приобретения права собственности нет приобретательной давности. Только ГК Литовской ССР содержит норму о спецификации. Эти пробелы должны быть восполнены. При этом включение соответствующих норм в ГК не потребует существенных изменений ни в содержании, ни в структуре кодексов.

Однако пробелы в гражданском законодательстве не сводятся к пробелам в содержании Основ и ГК. В отдельных случаях не приняты законодательные акты, к которым в Основах и ГК имеются отсылки. Так, до сих пор не принят специальный закон об имущественной ответственности за вред, причиненный неправомерными служебными действиями Должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Нужно сказать, что разработка проекта этого закона натолкнулась на определенные трудности[7]. Неясен, в частности, вопрос об основаниях и объеме ответственности: должна ли наступать ответственность только за вину или независимо от вины; должен ли применяться в указанных случаях принцип полного возмещения или ответственность должна быть ограниченной? Не менее сложен вопрос, должна ли возлагаться имущественная ответственность на органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда или на иные государственные органы (например, финансовые) и за счет каких источников должно происходить возмещение вреда? Наконец, следует ли привлекать к ответственности в порядке регресса должностных лиц, неправильными служебными действиями которых вред был причинен, и, если следует, то при наличии каких оснований и в каких пределах? Словом, при разработке проекта такого закона возникает целый комплекс вопросов, далеко выходящих за рамки гражданского права.

При общей высокой оценке Основ и ГК следует заметить, что как Основы, так и кодексы не лишены целого ряда недостатков. Отдельные их нормы оказались нежизненными, иные конструктивные решения неудачными. Вот несколько примеров. В ГК всех союзных республик (кроме Узбекской ССР и Молдавской ССР) неудачно определен круг членов семьи нанимателя жилого помещения (например, ч. 3 ст. 301 ГК РСФСР). Существенные конструктивные дефекты содержатся в нормах Основ и ГК об обмене жилыми помещениями (ст. 60 Основ, ст. 325 и 326 ГК РСФСР).

Не вполне удачно определены в Основах и ГК последствия продажи вещи ненадлежащего качества. Если в розничной купле-продаже продавец действительно должен нести неблагоприятные последствия продажи вещи с недостатками, независимо от того, являются они скрытыми или явными, то в отношениях между гражданами установление такого правила едва ли оправдано. Трудно дать определенный ответ на вопрос, как может оговорить продавец недостатки проданной вещи (ч. I ст. 246 ГК РСФСР). В розничной купле-продаже эти недостатки, по-видимому, могут быть оговорены только путем прямого волеизъявления. Но как быть в других случаях? Может ли продавец оговорить недостатки также и путем совершения конклюдентных действий? В Основах и ГК оставлен открытым вопрос о том, принадлежит ли покупателю в розничной торговле право выбора одного из тех требований, которые могут быть заявлены продавцу при продаже вещи ненадлежащего качества. А это в свою очередь неблагоприятно сказалось на защите интересов покупателя в розничной торговле.

С учетом сделанных замечаний следовало бы установить, что если покупатель принял вещь без оговорки, то именно он несет неблагоприятные

---

[6] См.: *Мартемьянов В.С.* Решение местными Советами гражданско-правовых вопросов. М., 1967. С. 62–64. С этим нельзя согласиться. Условия и порядок выселения из жилых домов, предназначенных к слому и капитальной перестройке, и обеспечения другой жилой площадью лиц, проживающих в этих домах, определяются соответствующими нормами Основ и ГК, а также постановлением Совета Министров СССР от 15 декабря 1961 г. (с изм. от 16.08.1966 г.) (см.: СП СССР. 1961. № 20, ст. 146; 1966. № 18, ст. 162). Ссылка на то, что постановление от 21.07.1936 г. продолжает действовать, на наш взгляд, противоречит ст. 63 Основ.

[7] См.: Сов. государство и право. 1966. № 7. С. 11–18.

последствия покупки вещи с явными недостатками, кроме случаев розничной купли-продажи. В розничной купле-продаже невыгодные последствия продажи вещи с недостатками несет продавец, независимо от того, относятся ли эти недостатки к скрытым или явным. Указанные последствия падают на покупателя лишь тогда, когда правила торговли допускают продажу вещи с недостатками и продавец эти недостатка прямо оговорил (например, вещь куплена в магазине уцененных товаров). Далее, целесообразно установить, что право выбора одного из требований, которые могут быть заявлены продавцу при продаже вещи ненадлежащего качества, принадлежит покупателю и в торговле.

Нуждаются в совершенствовании и нормы ГК о последствиях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей сторон по авторскому договору. ГК РСФСР (ст. 511 и 512) относит эти последствия к мерам гражданско-правовой ответственности. Едва ли, однако, указанные последствия во всех случаях могут быть отнесены к мерам ответственности. Если, скажем, произведение не может быть использовало по обстоятельствам, не зависящим ни от автора, ни от организации, последняя не освобождается от обязанности полностью выплатить автору обусловленное вознаграждение. В то же время обязанность организации выплатить вознаграждение в указанных случаях не может быть отнесена к мерам гражданско-правовой ответственности (ср., однако, ст. 512 ГК). Но даже если согласиться с тем, что последствия нарушения авторского договора во всех случаях могут быть отнесены к мерам ответственности, открытым остается вопрос об основаниях такой ответственности. Трудности, возникшие при толковании ст. 511 и 512 ГК, остались и после утверждения Государственным комитетом по печати по поручению Совета Министров СССР типовых издательских договоров на литературно-художественные произведения и прочие произведения. Не устранены они и постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 19 декабря 1967 г. «О практике рассмотрения судами споров, вытекающих из авторского права»[8].

Наконец, правило ч. 2 ст. 511 оказалось несогласованным с п. 3 ст. 474 ГК РСФСР. Согласно п. 3 ст. 474 выплаченное излишне или по отпавшему впоследствии основанию авторское вознаграждение во всех случаях полностью сохраняется за автором, если выплата произведена организацией добровольно при отсутствии счетной ошибки с ее стороны и недобросовестности со стороны получателя. Напротив, в силу ч. 2 ст. 511 вознаграждение в указанных случаях может быть сохранено за автором не только в целом, но и в части, определяемой типовыми авторскими договорами.

По нашему мнению, в ст. 511 и 512 ГК следует четко разграничить меры гражданско-правовой ответственности и меры, не являющиеся таковыми; определить основания ответственности сторон по авторскому договору; устранить несоответствие между ч. 2 ст. 511 и п. 3 ст. 474 ГК, установив, что если произведение отклонено, но недобросовестность автора не доказана, полученное вознаграждение во всех случаях полностью сохраняется за автором. В соответствие с п. 3 ст. 474 следует привести также нормы типовых авторских договоров.

ГК союзных республик далеко не всегда своевременно обновляются. Так, в ГК РСФСР было внесено всего два изменения, причем лишь одно из них – по инициативе самой республики. Речь идет об изменении ст. 16, предусматривающей ограничение дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотиками. Что же касается изменений ст. 296, то они были внесены в целях приведения республиканского законодательства в соответствие с общесоюзным. Разумеется, органический закон (а кодекс относится к числу органических законов) должен быть стабилен, как никакой другой закон. В то же время все наши законы (в том числе и органические) должны своевременно обновляться. Если в процессе применения закона установлено, что он перестал соответствовать требованиям жизни либо с самого начала не соответствовал им, не нужно «бояться» идти на изменение или отмену закона. В противном случае закон становится тормозом общественного развития, вызывающим целую цепь неблагоприятных последствий.

Отдельные нормы Основ и ГК нуждаются в легальном истолковании. В частности, практике не удалось преодолеть трудностей в применении правил ч. 5 ст. 118 и ч. 2 ст. 119 Основ (ст. 533 и 535 ГК РСФСР) об исчислении размера обязательной доли. Мы полагаем, что стоимость предметов обычной домашней обстановки и обихода при определении размера обязательной доли подлежит учету лишь тогда, когда необходимый наследник проживал совместно с наследодателем не менее одного года до открытия наследства[9]. При ином толковании закона пришлось бы прийти к парадоксальному выводу о том, что наследнику, имеющему право на обязательную долю, может быть выгодно, чтобы наследодатель лишил его наследства. При ограничительном толковании последнего предложения ст. 535 ГК оно приобретает следующий вид: «При определении размера обязательной доли

[8] См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1968. № 1. С. 13–16.

[9] Аналогичного мнения придерживался М.В. Гордон (см.: *Гордон М.В.* Наследование по закону и по завещанию. М., 1967. С. 65–68).

наследника, проживавшего совместно с наследодателем не менее одного года до его смерти (статья 533), учитывается и стоимость наследственного имущества, состоящего из предметов обычной домашней обстановки и обихода»[10].

Обмен опытом нормотворческой и нормоприменительной деятельности. Для дальнейшего совершенствования законодательства исключительное значение имеет обмен между союзными республиками накопленным опытом нормотворческой и нормоприменительной деятельности. Такой обмен является одним из основных средств, обеспечивающих дальнейшее совершенствование советского гражданского законодательства, его обогащение и унификацию.

Изучение и сопоставление ГК союзных республик показывает, что, расхождения в кодексах на девять десятых, если не больше, вызваны отнюдь не особенностями республик, а поисками наилучших юридико-технических форм, в которые отлиты общественные отношения, однородные по своему содержанию во всех союзных республиках. В каждом кодексе можно найти немало такого, что должно быть воспринято кодексами других союзных республик. Это относится и к системе кодексов, и к восполнению имеющихся в них пробелов, и к закреплению в кодексах наиболее совершенных юридических конструкций. Все большее значение приобретает устранение в кодексах неоправданного разнобоя», вызванного дефектами юридической техники. Этот разнобой отрицательно сказывается на единообразии в применении нового законодательства, порождает неустойчивую практику, споры в юридической литературе и – что еще хуже – разноречивые указания о порядке применения нового законодательства, исходящие от судебных и иных органов. Вот почему и на современном этапе крайне важно поддерживать между союзными республиками постоянный обмен накопленным опытом, в деле совершенствования гражданского законодательства.

Основы и новые ГК союзных республик относятся к числу таких законодательных актов, для которых в целом характерен высокий уровень юридической техники. В то же время Основы и кодексы не свободны от ряда недостатков, которые могут быть устранены только самим законодателем – путем внесения в них необходимых дополнений и изменений. В процессе применения и толкования Основ и кодексов юристы нередко сталкиваются с конструктивными дефектами соответствующих норм. Вместо того, чтобы сигнализировать законодателю о необходимости изменения или дополнения закона, научные и практические работники иногда пытаются устранить недостатки закона путем его произвольного, не соответствующего воле законодателя толкования.

К сожалению, тенденция произвольного толкования закона сказалась даже в комментариях к новому законодательству. Так, многие цивилисты пытаются доказать, что и по действующему законодательству круг членов семьи нанимателя жилого помещения должен определяться столь же широко, как и до принятия новых ГК союзных республик[11]. Не менее произвольно толкуются правила ст. 312 и 317 ГК. РСФСР с тем, чтобы обосновать подведомственность суду споров о перепланировке жилого помещения[12]. Но произвольное толкование закона ведет на практике к нарушениям социалистической законности. Подмена воли законодателя, воплощенной в законе, волей того, кто применяет или толкует закон, хотя бы и были серьезные основания полагать, что закон в конечном счете будет изменен, есть нарушение закона. До тех пор, пока закон не отменен или не изменен в установленном порядке, он подлежит строгому и неукоснительному применению, независимо от того, «нравится» ли нам закон или нет, хорош он или плох. Вместе с тем цивилистам следует активнее выступать с обоснованными предложениями по совершенствованию законодательства.

В практике приходится сталкиваться и с прямым игнорированием норм действующего законодательства, что зачастую приводит к нарушению охраняемых законом прав и интересов граждан и социалистических организаций. Отступления от норм закона особенно часто допускаются в практике применения нового жилищного законодательства. Достаточно напомнить укоренившуюся практику изъятия излишков жилой площади при переезде части семьи в кооперативную квартиру. Жилищные органы ряда городов не только не допускают применения ст. 316 ГК РСФСР к случаям образования у членов семьи излишней изолированной комнаты при переезде части из них в кооперативную квартиру, но более того, идут по пути изъятия даже внутрикомнатных и приравненных к ним излишков жилой площади, вынуждая членов семьи перед вступлением в кооператив выдавать «обязательства» о сдаче части площади жилищным органам, переезде на меньшую площадь и т.д.

Нарушения социалистической законности в практике применения законодательства должны решительно пресекаться государственными

[10] Более того, с точки зрения требований юридической техники, было бы правильнее вовсе не включать в закон последнее предложение ст. 535 ГК (соответственно последнее предложение, ч. 2 ст. 119 Основ).

[11] См.: Научно-практический комментарий к ГК РСФСР. М., 1966. С. 351.

[12] См.: там же. С. 373, 374.

органами и общественными организациями всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Нарушения социалистической законности могут иметь место и в самой нормотворческой деятельности. В течение многих лет в юридической литературе нарушения законности понимали чрезмерно узко. Их сводили лишь к стадии применения закона или иного нормативного акта. Между тем нарушения социалистической законности в самой нормотворческой деятельности не менее опасны. Эти нарушения выражаются, в частности, в том, что изменения закона, изъятия из закона, а иногда и фактическая отмена закона производятся путем издания подзаконных нормативных актов. Они особенно нетерпимы, когда затрагивают содержание и сферу действия таких законодательных актов, как Основы и ГК.

Разработка всех новых актов гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик должна вестись с учетом Основ и ГК и в полном соответствии с ними. Если в процессе нормоподготовительной деятельности, хотя, бы она и должна была вылиться в форму законодательного акта, выясняется необходимость решить тот или иной вопрос иначе, чем он решен в Основах и ГК, эта необходимость может быть учтена лишь после соответствующего изменения или дополнения Основ и ГК. Следует поэтому всемерно поддержать предложение А.В. Мицкевича о том, чтобы изменения и дополнения в Основы и кодексы вносились не путем принятия Указов, подлежащих лишь последующему утверждению Верховных Советов, а непосредственно на сессиях Верховных Советов путем принятия соответствующих законов[13]. Такая практика будет содействовать дальнейшему повышению авторитета законодательной власти, осуществляемой Верховными Советами, и соблюдению принципа иерархии нормативных актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гордон М.В.* Наследование по закону и по завещанию. М., 1967. С. 65–68.
2. *Мартемьянов В.С.* Решение местными Советами гражданско-правовых вопросов. М., 1967. С. 62–64.
3. *Мицкевич А.В.* Закон СССР как высший нормативный акт Советского государства («Тезисы докладов и научных сообщений на межвузовской теоретической конференции на тему “Роль права в развитии социалистической экономики и демократии на современном этапе”». М., 1966. С. 18).
4. Научно-практический комментарий к ГК РСФСР. М., 1966. С. 351, 373, 374.
5. Сборник жилищного законодательства. М., 1963. С. 328–331.
6. Советское государство и право. 1966. № 7. С. 11–18.

REFERENCES

1. *Gordon M.V.* Inheritance by law and by will. M., 1967. P. 65–68 (in Russ.).
2. *Martemyanov V.S.* The decision of the local Councils of civil legal issues. M., 1967. P. 62–64 (in Russ.).
3. *Mitskevich A.V.* The Law of the Soviet Union as the highest legal act of the Soviet state (“Abstracts of papers and scientific reports on the theoretical inter-University conference on the theme ‘The Role of law in the development of the socialist economy and democracy at the present stage’”. M., 1966. P. 18) (in Russ.).
4. Scientific and practical commentary to the Civil Code of the RSFSR. M., 1966. P. 351, 373, 374 (in Russ.).
5. A collection of the housing legislation. M., 1963. P. 328–331 (in Russ.).
6. The Soviet State and Law. 1966. No. 7. P. 11–18 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТОЛСТОЙ Юрий Кириллович –
академик Российской академии наук

Authors’ information

TOLSTOY Yuri K. –
Academician of the Russian Academy of Sciences

[13] См.: *Мицкевич А.В.* Закон СССР как высший нормативный акт Советского государства («Тезисы докладов и научных сообщений на межвузовской теоретической конференции на тему “Роль права в развитии социалистической экономики и демократии на современном этапе”». М., 1966. С. 18).

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 200–210
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 200–210

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО (ХОЗЯЙСТВЕННОГО) ПРАВА[1]

© 2022 г. В. В. Лаптев

Аннотация. В статье подводятся промежуточные итоги развития отрасли хозяйственного (предпринимательского) права на современном этапе. Раскрывается предмет предпринимательского права – предпринимательские (хозяйственные) отношения по горизонтали и вертикали, складывающиеся в процессе хозяйственной деятельности и при ее организации (регулировании). Приводится научно-практическое обоснование потребности кодификации действующего законодательства о предпринимательской деятельности, в частности, посредством издания предпринимательского (хозяйственного) кодекса.
Исследуются характеристики субъектов предпринимательского права, к которым относятся индивидуальные предприниматели, предприятия, иные коммерческие организации и другие коллективные субъекты. Предлагается переосмысление понятия юридического лица. Анализируются уникальные черты образованного хозяйствующими субъектами единого производственно-хозяйственного комплекса, составляющего единую хозяйственную систему, в которую входят предприятия, организации и центр системы. Аргументируется целесообразность закона о холдингах.
Автором исследуются вопросы применения ряда норм предпринимательского законодательства и предлагаются пути его развития.

Ключевые слова: хозяйственное право, предпринимательская деятельность, предмет предпринимательского права, хозяйствующие субъекты, предприятие, предпринимательское законодательство.

Цитирование: *Лаптев В. В.* Некоторые проблемы предпринимательского (хозяйственного) права // Государство и право. 2022. № 2. С. 200–210.

DOI: 10.31857/S102694520018868-5

SOME PROBLEMS OF ENTREPRENEURIAL (ECONOMIC) LAW[2]

© 2022 V. V. Laptev

Abstract. The article summarizes the interim results of the development of the branch of Economic (Entrepreneurial) Law at the present stage. The article reveals the subject of Entrepreneurial Law – business (economic) relations horizontally and vertically that develop in the process of economic activity and its organization (regulation). The scientific and practical justification of the need to codify the current legislation on entrepreneurial activity, in particular, through the publication of the Entrepreneurial (Economic) Code.

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2005. № 5. С. 102–110.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук В.А. Лаптевым.

[2] The article was published in the journal “State and Law” (2005), No. 5, pp. 102–110.
Abstract and key words were compiled by Doctor of Law V.A. Laptev.

The characteristics are investigated of the subjects of Entrepreneurial Law, which include individual entrepreneurs, enterprises, other commercial organizations and other collective entities, are investigated. A rethinking of the concept of a legal entity is proposed. The unique features of a single production and economic complex formed by economic entities, which makes up a single economic system, which includes enterprises, organizations and the center of the system, are analyzed. The expediency of the law on holdings is argued. The author examines the application of a number of norms of business legislation and suggests ways of its development.

Key words: Entrepreneurial Law, entrepreneurial activity, subject of Entrepreneurial Law, economic entities, enterprise, business legislation.

For citation: *Laptev, V.V. (2022).* Some problems of Entrepreneurial (Economic) Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 200–210.

Вопросы правового регулирования хозяйственной деятельности постоянно привлекают к себе всеобщее внимание. От их правильного решения во многом зависит эффективность общественного производства.

В течение длительного времени в нашей стране велись острые дискуссии о понятии хозяйственного права, его предмете и методах регулирования.

Некоторые юристы считают, что эти вопросы решены путем издания Гражданского кодекса РФ, в который включены нормы по регулированию предпринимательской деятельности. Но это не так, поскольку Гражданский кодекс охватывает только частноправовые аспекты регулирования предпринимательских отношений, тогда как правовое регулирование хозяйственной деятельности осуществляется на основе сочетания частноправовых и публично-правовых начал.

Проблематика предпринимательского (хозяйственного) права далеко выходит за рамки гражданско-правового регулирования. Это относится не только к предмету и методам данной отрасли права, но и к ее субъектам, к правовым формам государственного регулирования хозяйственной деятельности и ко многим другим вопросам.

Предпринимательское (хозяйственное) право в современных условиях

Сложность определения места предпринимательского (хозяйственного) права в системе права связана с тем, что отношения в сфере хозяйствования регулируются в той или иной степени различными отраслями права, каждая из которых подходит к ним со своих позиций.

В процессе осуществления различных видов деятельности складываются общественные отношения, регулируемые различными отраслями права. Эти отрасли составляют единую систему права, связаны между собой, а нормы родственных отраслей права нередко переплетаются, нормы одних отраслей «проникают» в другие. В связи с этим во многих случаях отрасли права в чистом виде выделить невозможно[3]. В отрасли законодательства могут находиться нормы не только «своей» отрасли права, но и других отраслей.

При этом в зависимости от принципов, предмета, методов регулирования и других характерных признаков правовые отрасли относятся к публичному праву (например, административное право) или частному праву (например, гражданское право). Существуют и такие отрасли права, в которых сочетаются частноправовые и публично-правовые начала. К ним относится, в частности, предпринимательское (хозяйственное) право.

Предпринимательское (хозяйственное) право является сложной отраслью права. Оно определяет общий хозяйственный порядок, но отдельные стороны этого порядка со своих позиций регулируют гражданское право, административное право и некоторые другие отрасли права[4]. Это осложняет определение понятия предпринимательского (хозяйственного) права и его места в правовой системе.

Некоторые ученые оспаривают признание предпринимательского (хозяйственного) права самостоятельной отраслью права. Прежде всего это относится к специалистам по гражданскому праву, считающим, что предпринимательское право составляет часть гражданского права. Одним из доводов в пользу этой позиции, как отмечено выше, является то, что некоторые нормы предпринимательского права включены в Гражданский кодекс РФ.

Однако Гражданский кодекс, будучи частноправовым нормативным актом, включает лишь те нормы предпринимательского права, которые имеют частноправовой характер. Публично-правовые нормы по организации хозяйственной деятельности им не охватываются. К отношениям, основанным на административном или ином властном

[3] См.: *Толстой Ю.К.* О преподавании гражданского права на современном этапе // В сб.: Преподавание гражданского права в современных условиях. СПб., 1999. С. 43.

[4] См.: *Rittner F.* Wirtschaftsrecht. Heidelberg, 1987. S. 15. URL: http://www.gbv.de/dms/hebis-mainz/toc/006457541.pdf (дата обращения: 11.02.2022).

подчинении, гражданское законодательство не применяется (ч. 3 ст. 2 ГК РФ).

Понимание предпринимательского права как части гражданского права означает, по существу, сведение государственного воздействия на предпринимательскую деятельность к частноправовым формам. Но это неправильно как по теоретическим, так и по практическим соображениям.

С теоретической точки зрения такой подход не обоснован, поскольку экономика является сложной системой, включающей как горизонтальные, так и вертикальные связи, причем последние частным правом охватываться не могут. С практических позиций, сведение государственного воздействия на экономику к частноправовым формам не дает возможности решать многие проблемы в интересах государства и общества.

Игнорирование необходимости использовать при регулировании экономики не только частноправовые, но и публично-правовые формы привело к появлению в начале 90-х годов прошлого столетия так называемой шоковой терапии, сторонники которой полагали, что экономика должна строиться на основе полного саморегулирования без какого-либо государственного вмешательства. Использование такого подхода породило катастрофические последствия, целые отрасли промышленности оказались разрушенными, возникло огромное социальное неравенство, появились другие неблагоприятные последствия.

В последнее время в нашей стране используются, хотя и не всегда эффективно, различные способы публично-правового воздействия государства на хозяйственную деятельность. Сюда относятся не только меры ограничительного характера, но и государственная поддержка тех видов деятельности, которые особенно важны для государства и общества. Применяются такие меры государственного регулирования, как прогнозирование и программирование социально-экономического развития, государственная поддержка малого предпринимательства, государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности, лицензирование отдельных видов деятельности, антимонопольное регулирование, техническое регулирование и др.

Предпринимательское право основывается на сочетании частноправовых и публично-правовых начал; неотъемлемой частью этой отрасли права являются нормы, определяющие порядок государственного регулирования экономики.

Необходимость сочетания частноправового и публично-правового регулирования хозяйственной деятельности учитывается в концепции предпринимательского (хозяйственного) права как комплексной отрасли права. В соответствии с этой концепцией предпринимательское право включает нормы как гражданского, так и административного права, которые в то же время остаются нормами соответствующих отраслей. Исходя из такого понимания, предлагается рассматривать предпринимательское право как комплексную отрасль права с тенденцией перерастания в основную отрасль[5], как «отрасль права второго уровня, сочетающую в себе признаки и методы ряда базовых отраслей»[6].

Такой подход позволяет охватить предпринимательским правом как отношения по осуществлению хозяйственной деятельности, так и отношения по ее государственному регулированию. Однако сохранение соответствующих норм в «базовых» отраслях затрудняет проявление их хозяйственно-правовой специфики и формирование общих положений, характерных как для частноправовых, так и для публично-правовых элементов предпринимательского права[7].

Современным условиям и задачам развития экономики в наибольшей степени соответствует, по нашему мнению, трактовка предпринимательского (хозяйственного) права как самостоятельной отрасли права[8].

В соответствии с концепцией предпринимательского (хозяйственного) права как самостоятельной отрасли права, данная правовая отрасль характеризуется своими принципами, предметом, методами регулирования и своеобразными субъектами права.

Принципами предпринимательского права являются: свобода предпринимательской деятельности; юридическое равенство различных форм собственности, используемых в этой деятельности; свобода конкуренции и ограничение монополистической деятельности; получение прибыли как цель предпринимательской деятельности; законность; сочетание частноправовых и публично-правовых начал; единство экономического и правового пространства; государственное регулирование экономики.

Предмет предпринимательского права – предпринимательские (хозяйственные) отношения по горизонтали и вертикали, т.е. отношения, складывающиеся в процессе хозяйственной деятельности

---

[5] См.: Предпринимательское право Российской Федерации: учеб. / под ред. Е.П. Губина и П.Г. Лахно. М., 2003. С. 53.

[6] Предпринимательское (хозяйственное) право: учеб. / отв. ред. О.М. Олейник. М., 1999. Т. 1. С. 33.

[7] По вопросу о понятии предпринимательского (хозяйственного) права в литературе высказаны различные точки зрения. В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые из них, получившие наибольшее распространение.

[8] См.: *Лаптев В.В.* Предпринимательское право: понятие и субъекты. М., 1997; *Мартемьянов В.С.* Хозяйственное право. М., 1994. Т. 1; Хозяйственное право: учеб. / под ред. В.К. Мамутова. Киев, 2002.

и при ее организации (регулировании). Особым видом хозяйственных отношений выступают отношения внутрихозяйственные, складывающиеся внутри предприятия между его подразделениями, а также между ними и предприятием в целом. Будучи урегулированными нормами предпринимательского права, указанные общественные отношения становятся предпринимательскими (хозяйственными) правоотношениями.

Некоторые ученые выделяют также «абсолютные» хозяйственные правоотношения. Концепция абсолютных правоотношений возникла в традиционной цивилистике и была направлена на обоснование субъективного права собственности как элемента правоотношения. Поскольку применительно к правомочиям владения и пользования невозможно сконструировать двустороннее («относительное») правоотношение, приверженцами этой концепции предлагается рассматривать собственника как участника «абсолютных» правоотношений со всеми другими субъектами, которые обязаны не нарушать его права. Применительно к хозяйственному праву делается попытка сконструировать по такой модели «абсолютное» правоотношение хозяйствующего субъекта со всеми другими субъектами по поводу осуществляемой им хозяйственной деятельности.

Концепция абсолютных правоотношений была подвергнута критике еще в 50–60-е годы прошлого столетия с позиций как гражданского[9], так и хозяйственного[10] права. Критикуется она и в настоящее время специалистами в области теории права[11]. Концепция абсолютных правоотношений необоснованна, так как субъекты правоотношений всегда должны быть определенными. Права собственника по использованию имущества, права хозяйствующего субъекта по ведению хозяйственной деятельности основываются не на виртуальном «абсолютном» правоотношении, а непосредственно на законе.

В сфере предпринимательского (хозяйственного) права в некоторых случаях нормами права регулируются не только хозяйственные отношения, но и сам процесс хозяйственной деятельности. В частности, это осуществляется посредством технико-юридических норм, т.е. юридически установленных технических норм производственно-хозяйственной деятельности. В таких случаях производственно-хозяйственная деятельность осуществляется в соответствии с установленными в нормативных правовых актах техническими регламентами.

Согласно ст. 8 Закона от 27 декабря 2002 г. «О техническом регулировании»[12] требования общего технического регламента обязательны в отношении любых видов продукции, процессов производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации. Технологические и иные особенности отдельных видов продукции, процессов производства, эксплуатации и др. учитываются в специальных технических регламентах.

В процессе производственно-хозяйственной деятельности складываются многочисленные правоотношения, но иногда до их возникновения замкнутый технологический процесс осуществляется внутри предприятия или его подразделения непосредственно на основе закона (нормативного акта) и лишь при передаче готовой продукции или полуфабриката другому предприятию (подразделению) возникают правоотношения.

Хотя предметом регулирования предпринимательского (хозяйственного) права в основном являются предпринимательские (хозяйственные) отношения, в подобных случаях до их возникновения нормами права (юридически установленными техническими регламентами) регулируется непосредственно сама хозяйственная (производственно-хозяйственная) деятельность, а правоотношения возникают лишь при реализации ее результатов другим (в том числе внутрихозяйственным) субъектам.

Предпринимательское (хозяйственное) право, регулируя предпринимательскую деятельность, вместе с тем охватывает и хозяйственную деятельность общественных, социально-культурных, научных и других некоммерческих организаций, которая ведется ими для выполнения своих основных задач. Такая некоммерческая хозяйственная деятельность нетипична, основным видом хозяйственной деятельности в рыночной экономике является деятельность предпринимательская. Деятельность же некоммерческих организаций в подобных случаях «тяготеет» к этой основной в условиях рынка хозяйственной деятельности и потому складывающиеся при ее осуществлении отношения охватываются нормами предпринимательского права.

В предпринимательском праве используются различные, связанные между собой методы правового регулирования: метод автономных решений (метод согласования), метод обязательных предписаний, метод рекомендаций. Вопрос об использовании различных методов в одной отрасли права является спорным в юридической науке. Не рассматривая этот вопрос в целом, отметим лишь, что в сложных отраслях права, к каковым относится

[9] См.: *Генкин Д.М.* Право собственности как абсолютное субъективное право // Сов. государство и право. 1958. № 6. С. 95.

[10] См.: *Лаптев В.В.* Предмет и система хозяйственного права. М., 1969. С. 54–57.

[11] См.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999. С. 516, 517.

[12] См.: СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1), ст. 5140.

предпринимательское право, совершенно очевидно использование различных методов правового регулирования.

Поскольку указанные выше методы тесно связаны между собой, применяются в сочетании и во взаимодействии, некоторые ученые предлагают рассматривать их как элементы единого метода[13]. При этом подходе подчеркивается единство различных методов регулирования, но даже если их в совокупности признать единым методом, в его рамках все равно сохранятся указанные три способа (метода) правового воздействия на хозяйственные отношения.

Есть и другая постановка вопроса о едином методе хозяйственного права. Таким «ключевым» методом хозяйственного права, способным интегрировать все другие методы, предлагается считать «равное подчинение всех субъектов хозяйствования общественному хозяйственному порядку»[14].

Положение о равном подчинении всех субъектов хозяйственного права общему хозяйственному порядку заслуживает поддержки. Однако оно может рассматриваться как принцип (близкий к принципу законности), но не метод регулирования хозяйственных отношений.

Сложность вопроса о предмете и методах предпринимательского права определяется характером этой отрасли права. В ней сочетаются частноправовые и публично-правовые элементы, в связи с чем здесь оказываются неприменимыми некоторые каноны, сложившиеся в более простых по своему составу «традиционных» отраслях права.

Нормы предпринимательского права содержатся в предпринимательском (хозяйственном) законодательстве, которое является по преимуществу федеральным. Этим обеспечивается единство экономического и правового пространства. Хозяйственное законодательство нашей страны не систематизировано, громоздко и противоречиво. До сих пор не принят Предпринимательский (Хозяйственный) кодекс. Частноправовые нормы предпринимательского права включены в гражданское законодательство, но публично-правовые остаются за его пределами и нуждаются в упорядочении.

Положение может быть исправлено путем издания Предпринимательского (Хозяйственного) кодекса как обобщающего закона, регулирующего отношения по осуществлению и организации предпринимательской деятельности. Это соответствовало бы и тому, что в процессуальной сфере данная проблема решена – Арбитражный процессуальный кодекс определяет порядок разрешения экономических споров, возникающих как при осуществлении, так и при организации предпринимательской деятельности.

Надо заметить, что во многих государствах, например, во Франции, в Германии, наряду с гражданскими кодексами, изданы специальные торговые кодексы. Такое положение характеризуется обычно как дуализм частного права. Следует, однако, учитывать, что в торговых кодексах зарубежных стран содержатся не только частноправовые, но и публично-правовые нормы. Так, в Торговом уложении Германии имеются нормы, посвященные порядку ведения торговых книг, которые по своему характеру являются не частноправовыми, а публично-правовыми. В этом отношении выделяется Хозяйственный кодекс Украины, в котором содержатся нормы, регулирующие как осуществление, так и организацию хозяйственной деятельности.

О субъектах предпринимательского права

Субъекты предпринимательского права – это носители предпринимательских прав и обязанностей. Данные права и обязанности относятся к сфере как непосредственного осуществления хозяйственной деятельности, так и регулирования (организации) этой деятельности.

Субъектами предпринимательской деятельности выступают индивидуальные предприниматели, предприятия, иные коммерческие организации и другие коллективные субъекты. Нередко коллективные субъекты предпринимательского права отождествляются с юридическими лицами, что нельзя признать правильным. Дело в том, что существуют хозяйствующие субъекты, имеющие права юридического лица, и субъекты, не обладающие такими правами.

Права юридического лица имеют важное значение для субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность. Однако, хотя большинство хозяйствующих субъектов (например, предприятия и другие коммерческие организации) обладают правами юридического лица, есть и такие субъекты, которые осуществляют хозяйственную деятельность, но юридическими лицами не являются, например, холдинги, финансово-промышленные группы и некоторые другие субъекты. Согласно ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 11 июня 2003 г. «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»[15] фермерское хозяйство осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

[13] См.: Предпринимательское право: учеб. пособие / под ред. С.А. Зинченко и Г.И. Колесника. Ростов н/Д., 2001. С. 15.

[14] Хозяйственное право: учеб. / под ред. В.К. Мамутова. С. 31.

[15] См.: СЗ РФ. 2003. № 24, ст. 2249.

Юридическое лицо – это субъект отношений, регулируемых гражданским законодательством. Но предприятия и другие хозяйствующие субъекты участвуют не только в таких отношениях (отношениях по горизонтали), но и в отношениях, связанных с государственным и иным регулированием их деятельности (отношениях по вертикали). И в тех, и в других отношениях предприятие выступает как субъект права. Даже в отношениях, для участия в которых необходимо иметь права юридического лица, предприятие действует как таковое, как организация, обладающая правами юридического лица наряду с другими правами[16]. Имеющиеся у предприятия права юридического лица являются составным элементом его хозяйственной правоспособности (хозяйственной компетенции). В хозяйственной (предпринимательской) правосубъектности органически сочетаются частноправовые и публично-правовые элементы.

Понятие предприятия – основополагающее при общей характеристике коллективных хозяйствующих субъектов. Это понятие ориентировано на сферу реальной экономики, т.е. на отрасли материального производства, которые вследствие упомянутой выше «шоковой терапии», оказались в значительной мере разрушенными (кроме отраслей добывающей промышленности). Предприятия составляют подавляющее большинство коммерческих организаций. На необоснованность замены понятия предприятия понятием коммерческой организации при характеристике хозяйствующих субъектов обращалось внимание в литературе[17].

В ст. 4 Закона от 25 декабря 1990 г. «О предприятиях и предпринимательской деятельности»[18] указывалось, что предприятие является самостоятельным хозяйствующим субъектом, созданным для производства продукции, выполнения работ и оказания услуг в целях удовлетворения общественных потребностей и получения прибыли.

После отмены Закона о предприятиях и предпринимательской деятельности понятие предприятия стало определяться Гражданским кодексом РФ и законами об отдельных видах предприятий. Предприятие в качестве объекта права определяется в ст. 132 Гражданского кодекса как единый имущественный комплекс, используемый в предпринимательской деятельности. В этом определении речь идет, по существу, не о предприятии, а о его имуществе, об «имущественном комплексе предприятия», о котором говорится в некоторых нормативных актах, например, в Федеральном законе от 21 декабря 2001 г. «О приватизации государственного и муниципального имущества»[19].

О предприятиях как субъектах права речь идет в гл. 4 Гражданского кодекса РФ, где в качестве юридических лиц указываются хозяйственные общества и товарищества, государственные и муниципальные предприятия. Однако четкое определение предприятия как хозяйствующего субъекта в Гражданском кодексе отсутствует, а понятие предприятия как субъекта права сводится к понятию юридического лица.

Между тем, как отмечено выше, понятие юридического лица характеризует лишь правоспособность предприятия в отношениях, регулируемых гражданским законодательством[20]. Предприятие же представляет собой сложный субъект права, участвующий и в частноправовых, и в публично-правовых отношениях[21].

С точки зрения организационно-правовых форм все предприятия могут быть разделены на две большие группы: унитарные и корпоративные предприятия.

Унитарными признаются предприятия, имущество которых не разделено на доли участия. Такое предприятие едино, в связи с чем и возникло название «унитарные» предприятия. В современных условиях в нашей стране унитарными могут быть только государственные и муниципальные предприятия.

Корпоративными являются предприятия, имущество которых разделено на доли участия. Корпоративные предприятия подразделяются на хозяйственные общества и хозяйственные товарищества.

В условиях рыночной экономики наибольшее значение имеют корпоративные предприятия. Они дают возможность осуществлять концентрацию капитала, ограничивать в ряде случаев ответственность участников предприятий по обязательствам последних. В связи с этим в современном российском законодательстве основное внимание уделяется именно корпоративным предприятиям.

Особенно это относится к важнейшему виду корпоративных предприятий – акционерным обществам. В отношении них действует обширное

---

[16] См.: *Зинченко С.А., Шапсугов Д.Ю., Корх С.Э.* Предпринимательство и статус его субъектов в современном российском праве. Ростов н/Д., 1999. С. 106.

[17] См.: *Семеусов В.А.* Очерки хозяйственного права России. Очерк четвертый. Предприятие как субъект предпринимательской деятельности. Иркутск, 2001. С. 49 и сл.

[18] См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30, ст. 418.

[19] См.: СЗ РФ. 2002. № 4, ст. 251.

[20] О необоснованности проводимой в Гражданском кодексе подмены понятия предприятия понятием юридического лица см.: *Пилецкий А.Е.* Теоретические проблемы правового статуса предприятия в социально-экономической системе государства. Самара, 2001. С. 69–93.

[21] Подробнее о понятии предприятия см.: *Лаптев В.В.* Субъекты предпринимательского права. М., 2003. С. 58–61.

акционерное законодательство, причем, наряду с имеющим общее значение Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. «Об акционерных обществах»[22], изданы многочисленные нормативные акты, определяющие особенности правового положения акционерных обществ, созданных в процессе приватизации.

Широкое использование акционерной формы предприятия в нашей стране в целом дает положительные результаты. Однако нельзя согласиться с практикуемой иногда организацией на акционерных началах некоммерческой деятельности. Ведь акционерное общество, как и другие корпоративные предприятия, – это организация коммерческая.

Приведем такой пример. Биржи являются, по сути, некоммерческими организациями, поскольку они лишь организуют торги, но сами в них не участвуют. Правовое положение фондовых бирж определяется в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. «О рынке ценных бумаг»[23]. Согласно ст. 11 данного Закона фондовая биржа – организатор торгов на рынке ценных бумаг. В первоначальной редакции этой статьи предусматривалось, что фондовая биржа может создаваться только в форме некоммерческого партнерства. Однако Федеральным законом от 28 декабря 2002 г.[24] в Закон о рынке ценных бумаг были внесены изменения, согласно которым теперь фондовые биржи могут создаваться не только как некоммерческие партнерства, но и в форме акционерных обществ. При этом допускается возможность преобразования фондовых бирж, созданных в форме некоммерческих партнерств, в фондовые биржи, действующие как акционерные общества. Таким образом, организационная некоммерческая деятельность строится на характерных для коммерческой деятельности акционерных началах, что вряд ли правильно.

Хотя в условиях рыночной экономики главную роль играют корпоративные предприятия, нельзя недооценивать и унитарные предприятия. Государственные предприятия призваны служить опорной базой для проведения промышленной политики, направленной на поддержку инновационной, высокотехнологичной деятельности, преодоление одностороннего развития добывающих отраслей промышленности[25]. Деятельность государственных и муниципальных предприятий призвана также способствовать решению задач, стоящих перед Российской Федерацией как социальным государством (ст. 7 Конституции РФ).

Между тем новое законодательство о государственных и муниципальных предприятиях делает эти хозяйствующие субъекты практически бесправными. Закон от 14 ноября 2002 г. «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»[26] существенно ограничивает их права, лишает предприятия тех возможностей, которые существовали по ранее действовавшему законодательству. Так, унитарные предприятия теперь не могут создавать дочерние предприятия, а ранее созданные должны быть упразднены путем реорганизации в форме присоединения к создавшим их предприятиям. Филиалы и представительства, которые ранее создавались унитарными предприятиями самостоятельно, теперь могут создаваться только с разрешения собственника. Ограничены возможности заключения некоторых категорий сделок. Значительно расширен круг полномочий собственников имущества унитарных предприятий, что приводит к существенному ограничению прав предприятий.

Все эти ограничения распространяются на предприятия, действующие на праве как хозяйственного ведения, так и оперативного управления (казенные предприятия). Последние практически вообще не имеют никаких прав по распоряжению имуществом и даже не создают уставного фонда. Такое положение не способствует повышению эффективности производственно-хозяйственной деятельности унитарных предприятий.

Принижение роли государственных предприятий основывается на идее о том, что частные предприятия всегда действуют более эффективно, чем государственные. Однако это не подтверждается не только практикой приватизации государственных предприятий в нашей стране, но и мировой практикой[27].

Хозяйствующие субъекты вступают между собой в многочисленные экономические связи, а в ряде случаев образуют единые производственнохозяйственные комплексы. Подобный комплекс составляет единую хозяйственную систему, в которую входят предприятия, организации и центр системы. Хозяйственные системы создавались еще в условиях плановой экономики, когда они действовали главным образом в форме промышленных и других хозяйственных объединений[28].

В современных условиях производственно-хозяйственные комплексы в нашей стране создаются

[22] См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1.

[23] См.: СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1918.

[24] См.: СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. II), ст. 5141.

[25] См.: *Балацкий Е.В., Конышев В.А.* Промышленный государственный сектор России: диспропорции развития и способы их устранения // Вестник РАН. 2003. № 12. С. 1068–1078.

[26] См.: СЗ РФ. 2002. № 48. ст. 4746.

[27] См.: *Богомолов О.Т.* Банкротство «правого дела» в России // Мир перемен. 2004. № 2. С. 54–66.

[28] См.: *Лаптев В.В.* Правовая организация хозяйственных систем. М., 1978.

в форме холдингов и финансово-промышленных групп. Они действуют в качестве хозяйственных систем, которые не пользуются правами юридического лица, но в некоторых отношениях обладают хозяйственной правосубъектностью.

В качестве субъектов права подобные комплексы выступают, например, в отношениях, регулируемых антимонопольным законодательством, где они признаются «группами лиц». В отношении финансово-промышленных групп законодательством допускается признание входящих в их состав производственных предприятий консолидированными группами налогоплательщиков, т.е. субъектами налоговых отношений.

Производственно-хозяйственные комплексы могут также выступать субъектами инвестиционной деятельности. В инвестиционном законодательстве предусматривается, что инвесторами могут быть группы лиц (объединения), не имеющие прав юридического лица. Такие положения установлены в законодательстве как о внутренних, так и об иностранных инвестициях[29].

Системный подход к правовой организации производственно-хозяйственных комплексов характерен для современного законодательства нашей страны. В п. «и» ст. 71 Конституции РФ говорится о федеральных энергетических системах.

Одной из таких систем является система газоснабжения, правовое положение которой определяется Федеральным законом от 31 марта 1999 г. «О газоснабжении в Российской Федерации»[30]. Согласно ст. 5 этого Закона федеральная система газоснабжения – это совокупность действующих на территории страны систем газоснабжения: единой системы газоснабжения, региональных систем газоснабжения, газораспределительных систем и независимых организаций. Таким образом, в федеральную систему входят региональные системы в качестве подсистем и в конечном счете все газоснабжающие и газораспределительные организации. При этом в Законе подчеркивается, что в систему входят все подобные организации независимо от формы собственности и от организационно-правовой формы. Такой подход позволяет обеспечить единое правовое регулирование и управление системой газоснабжения в стране.

Однако в ст. 6 рассматриваемого Закона говорится о единой системе газоснабжения в другом понимании – как об имущественном производственном комплексе. В эту систему включаются только производственные и иные объекты. При таком понимании имущественного производственного комплекса собственники имущества (производственных объектов) не включаются в состав единой системы газоснабжения, региональных систем газоснабжения и газораспределительных систем.

Такой подход противоречит приведенному выше определению федеральной системы газоснабжения. Он означает, что наряду с пониманием системы газоснабжения как включающей в себя хозяйствующих субъектов вместе с их имуществом, появляется другое понимание системы как охватывающей лишь производственные объекты, т.е. только имущественные комплексы газоснабжающих и газораспределительных предприятий.

При конструировании хозяйственной системы нельзя противопоставлять систему хозяйствующих субъектов и систему производственных объектов (имущественную систему). Хозяйственная система – это производственно-хозяйственный комплекс, в состав которого входят предприятия и организации вместе с принадлежащим им имуществом. В таком комплексе хозяйствующие субъекты экономически, организационно, технологически и юридически связаны между собой.

В рамках производственно-хозяйственного комплекса (хозяйственной системы) возникают сложные и многообразные отношения между его звеньями, а также между ними и центром системы. В процессе осуществления отношений между центром системы и ее звеньями проводится внутрисистемное регулирование (организация) хозяйственной деятельности.

Недостатком законодательства о производственно-хозяйственных комплексах является то, что в нашей стране до сих пор нет Закона о холдингах. Имеются лишь отдельные нормативные акты, определяющие правовое положение холдингов, созданных в процессе приватизации, банковских холдингов и др.

В этих нормативных актах нередко смешиваются понятия холдинга и холдинговой компании. Между тем эти понятия необходимо различать: холдинг представляет собой группу предприятий во главе с холдинговой компанией, а холдинговая компания – это лишь головная организация данного производственно-хозяйственного комплекса.

Принятие Закона о холдингах даст возможность определить общие положения организации и деятельности производственно-хозяйственных комплексов этого типа. В нем можно будет устранить недостатки существующего правового регулирования организации и деятельности холдингов,

[29] См.: ст. 4 Федерального закона от 25.02.1999 г. «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9, ст. 1096; ст. 3 Федерального закона от 30.12.1995 г. «О соглашениях о разделе продукции» // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 18.

[30] См.: СЗ РФ. 1999. № 14, ст. 1667.

предусмотреть меры повышения эффективности их деятельности.

Лучше обстоит дело с правовой организацией финансово-промышленных групп. Правовое положение этих производственно-хозяйственных комплексов определяется Федеральным законом от 30 ноября 1995 г. «О финансово-промышленных группах»[31]. Однако некоторые формулировки этого Закона нельзя признать удачными. Так, в ст. 12 указывается, что деятельность финансово-промышленной группы – это деятельность ее участников. Тем самым подчеркивается самостоятельность предприятий и организаций, входящих в состав группы. Но при этом не учитывается единство финансово-промышленной группы как производственно-хозяйственного комплекса. В некоторых отношениях этот комплекс в целом выступает как единый хозяйствующий субъект, обладает хозяйственной правоспособностью.

Важное значение в условиях рыночной экономики имеет правовое регулирование банкротства хозяйствующих субъектов. Складывающиеся при этом отношения регулируются Федеральным законом от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)»[32]. Этим Законом обстоятельно регламентируются процедуры банкротства, введена новая процедура финансового оздоровления, предусмотрены особенности банкротства стратегических предприятий и организаций, решены многие другие вопросы.

В то же время некоторые положения этого Закона вызывают сомнения. Прежде всего это относится к определению оснований банкротства. Неспособность удовлетворить требования кредиторов может быть вызвана тем, что они превышают стоимость имеющегося у должника имущества. Но возможна и такая ситуация, при которой должник обладает значительным имуществом, однако на момент предъявления требования не имеет денежных средств. Иными словами, имеющееся у него имущество неликвидно и не может быть использовано для оплаты предъявленного требования. При определении неспособности должника оплатить требования кредиторов вследствие превышения суммы требований над стоимостью имеющегося у него имущества используется принцип неоплатности. Признание же должника банкротом без учета имеющегося у него имущества основывается на принципе неплатежеспособности.

Российское законодательство о банкротстве развивалось в последние полтора десятилетия весьма противоречиво. В Законе о несостоятельности (банкротстве) предприятий от 19 ноября 1992 г. признаки банкротства определялись по принципу неоплатности. В Законе же о несостоятельности (банкротстве) от 8 января 1998 г. за основу при определении признаков банкротства был принят принцип неплатежеспособности, при котором соотношение размеров задолженности и имеющегося у должника имущества не учитывается.

В таких условиях появились лица, отслеживающие финансовое состояние крупных предприятий, скупающие требования кредиторов к таким предприятиям и предъявляющие их тогда, когда на счете предприятия отсутствуют денежные средства, необходимые для погашения задолженности, чтобы установить свой контроль над имуществом предприятия-должника. Иначе говоря, институт банкротства стал использоваться в целях передела собственности.

Несмотря на это, в действующем Законе о банкротстве за основу при определении признаков банкротства по-прежнему принимается принцип неплатежеспособности. Только в отношении граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, установлено, что они могут быть признаны банкротами, лишь если сумма обязательств превышает стоимость принадлежащего такому гражданину имущества. Но в отношении этих лиц Закон о банкротстве пока вообще не действует и вступит в силу только после внесения изменений и дополнений в федеральные законы (ч. 2 ст. 231 Закона о банкротстве).

Таким образом, в отношении банкротства хозяйствующих субъектов продолжает действовать принцип неплатежеспособности, который в условиях нашей страны себя не оправдывает. Думается, следовало бы отказаться от его использования и вернуться к применявшемуся ранее принципу неоплатности.

Нельзя также признать правильным то, что банкротство индивидуального предпринимателя рассматривается в Законе как особая разновидность банкротства гражданина. В § 1 гл. X Закона о банкротстве формулируются общие положения о банкротстве гражданина, а в § 2 той же главы определяются «особенности» банкротства индивидуальных предпринимателей. Но в действительности общее значение имеет банкротство индивидуальных предпринимателей, а банкротство гражданина, не ведущего предпринимательскую деятельность, не только нетипично, но, как отмечено выше, реально вообще не существует в нашей стране. Положение о возможности банкротства граждан-непредпринимателей содержалось еще в Законе о банкротстве 1998 г., но не вступило в юридическую силу и не действовало, как не действуют нормы о банкротстве граждан, не осуществляющих предпринимательскую

[31] См.: СЗ РФ. 1995. № 49, ст. 4697.

[32] См.: СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

деятельность, содержащиеся в современном Законе о банкротстве.

Таким образом, «живые» нормы о банкротстве индивидуальных предпринимателей рассматриваются как устанавливающие «особенности», а не действующие в отношении лиц, не ведущих предпринимательскую деятельность, нормы о банкротстве граждан как содержащие общие положения. Думается, такой подход нельзя признать обоснованным.

Еще менее убедительной представляется трактовка норм о банкротстве крестьянских (фермерских) хозяйств как устанавливающих «особенности», а правил о банкротстве граждан как определяющих общие положения о банкротстве этих хозяйствующих субъектов (§ 1 и 3 гл. X Закона о банкротстве). Закон от 11 июня 2003 г. «О крестьянских (фермерских) хозяйствах» недвусмысленно признает эти хозяйства коллективными хозяйствующими субъектами и субъектами права, не обладающими правами юридического лица. При недостаточности соответствующих норм к ним могут применяться правила о коммерческих организациях, но не о гражданах (ч. 3 ст. 1 Закона о фермерских хозяйствах). В соответствии с этим необходимо внести изменения в ст. 23 ГК РФ и в другие нормативные акты, содержащие правила, относящиеся к крестьянским (фермерским) хозяйствам, в том числе нормы о банкротстве этих хозяйствующих субъектов.

Совершенствование законодательства о банкротстве должно исходить из того, что типичными участниками процедур банкротства являются хозяйствующие субъекты. Банкротство индивидуальных предпринимателей, несостоятельность фермерских хозяйств – это разновидности банкротства хозяйствующих субъектов, а не банкротства граждан. Ориентация на предпринимательскую деятельность, а не на «бытовое» банкротство будет способствовать эффективному использованию института банкротства в целях урегулирования сложных экономических ситуаций, возникающих при банкротстве хозяйствующих субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балацкий Е.В., Конышев В.А.* Промышленный государственный сектор России: диспропорции развития и способы их устранения // Вестник РАН. 2003. № 12. С. 1068–1078.
2. *Богомолов О.Т.* Банкротство «правого дела» в России // Мир перемен. 2004. № 2. С. 54–66.
3. *Генкин Д.М.* Право собственности как абсолютное субъективное право // Сов. государство и право. 1958. № 6. С. 95.
4. *Зинченко С.А., Шапсугов Д.Ю., Корх С.Э.* Предпринимательство и статус его субъектов в современном российском праве. Ростов н/Д., 1999. С. 106.
5. *Лаптев В.В.* Правовая организация хозяйственных систем. М., 1978.
6. *Лаптев В.В.* Предмет и система хозяйственного права. М., 1969. С. 54–57.
7. *Лаптев В.В.* Предпринимательское право: понятие и субъекты. М., 1997.
8. *Лаптев В.В.* Субъекты предпринимательского права. М., 2003. С. 58–61.
9. *Мартемьянов В.С.* Хозяйственное право. М., 1994. Т. 1.
10. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999. С. 516, 517.
11. *Пилецкий А.Е.* Теоретические проблемы правового статуса предприятия в социально-экономической системе государства. Самара, 2001. С. 69–93.
12. Предпринимательское право Российской Федерации: учеб. / под ред. Е.П. Губина и П.Г. Лахно. М., 2003. С. 53.
13. Предпринимательское право: учеб. пособие / под ред. С.А. Зинченко и Г.И. Колесника. Ростов н/Д., 2001. С. 15.
14. Предпринимательское (хозяйственное) право: учеб. / отв. ред. О.М. Олейник. М., 1999. Т. 1. С. 33.
15. *Семеусов В.А.* Очерки хозяйственного права России. Очерк четвертый. Предприятие как субъект предпринимательской деятельности. Иркутск, 2001. С. 49 и сл.
16. *Толстой Ю.К.* О преподавании гражданского права на современном этапе // В сб.: Преподавание гражданского права в современных условиях. СПб., 1999. С. 43.
17. Хозяйственное право: учеб. / под ред. В.К. Мамутова. Киев, 2002. С. 31.
18. *Rittner F.* Wirtschaftsrecht. Heidelberg, 1987. S. 15. URL: http://www.gbv.de/dms/hebis-mainz/toc/006457541.pdf (дата обращения: 11.02.2022).

REFERENCES

1. *Balatsky E.V., Konyshev V.A.* The industrial state sector of Russia: development imbalances and ways to eliminate them // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2003. No. 12. P. 1068–1078 (in Russ.).
2. *Bogomolov O.T.* Bankruptcy of the “right cause” in Russia // A world of change. 2004. No. 2. P. 54–66 (in Russ.).
3. *Genkin D.M.* Property right as an absolute subjective right // Soviet State and Law. 1958. No. 6. P. 95 (in Russ.).
4. *Zinchenko S.A., Shapsugov D. Yu., Korkh S.E.* Entrepreneurship and the status of its subjects in modern Russian law. Rostov n/D., 1999. P. 106 (in Russ.).
5. *Laptev V.V.* Legal organization of economic systems. M., 1978 (in Russ.).
6. *Laptev V.V.* Subject and system of Commercial Law. M., 1969. P. 54–57 (in Russ.).
7. *Laptev V.V.* Entrepreneurial Law: the concept and the actors. M., 1997 (in Russ.).
8. *Laptev V.V.* Subjects of Entrepreneurial Law. M., 2003. P. 58–61 (in Russ.).

9. *Martemyanov V.S.* Commercial Law. M., 1994. Vol. 1 (in Russ.).

10. *Nersesyants V.S.* General theory of law and state. M., 1999. P. 516, 517 (in Russ.).

11. *Piletsky A.E.* Theoretical problems of legal status of the enterprise in the socio-economic system of the state. Samara, 2001. P. 69–93 (in Russ.).

12. Entrepreneurial Law of the Russian Federation: textbook / ed. by E.P. Gubin and P.G. Lakhno. M., 2003. P. 53 (in Russ.).

13. Entrepreneurial Law: textbook / ed. by S.A. Zinchenko and G.I. Kolesnik. Rostov n/D., 2001. P. 15 (in Russ.).

14. Entrepreneurial (Economic) Law: textbook / res. ed. O.M. Oleinik. M., 1999. Vol. 1. P. 33 (in Russ.).

15. *Semeusov V.A.* Essays of Economic Law of Russia. The fourth essay. An enterprise as a business entity. Irkutsk, 2001. P. 49 (in Russ.).

16. *Tolstoy Yu.K.* About teaching Civil Law at the present stage // In the collection: Teaching Civil Law in modern conditions. SPb., 1999. P. 43 (in Russ.).

17. Economic Law: textbook / ed. by V.K. Mamutov. Kiev, 2002. P. 31 (in Russ.).

18. *Rittner F.* Wirtschaftsrecht. Heidelberg, 1987. S. 15. URL: http://www.gbv.de/dms/hebis-mainz/toc/006457541.pdf (accessed: 11.02.2022).

Сведения об авторе

ЛАПТЕВ Владимир Викторович –
академик Академии наук СССР
и Российской академии наук

Authors' information

LAPTEV Vladimir V. –
Academician of the USSR Academy of Sciences and
the Russian Academy of Sciences

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 211–226
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 211–226

УДК 346.2

ПРИТВОРНЫЕ СДЕЛКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ[1]

© 2022 г. А. В. Габов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gabov@igpran.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен притворной сделки. Автор показывает зарождение этого института в решениях гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената в Российской Империи. В частности, показывается, что изначально в таких решениях речь шла об обходе закона, затем была сформулирована идея о вымышленных (мнимых) сделках, а уже затем были дифференцированы мнимая и притворная (симулятивная) сделки. Советский подход изначально опирался на разделение мнимой и притворной сделки с указанием реакции на притворность сделки: ничтожность, но с возможностью сохранения прикрываемых ее правоотношений. Автор анализирует действующее законодательство, судебную практику. Целью исследования является определение квалифицирующих признаков притворной сделки, исходя из законодательной модели притворной сделки, в т.ч. в том значении, в котором нормативные положения о ней понимаются в правовых позициях Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, арбитражных судов и судов общей юрисдикции, учитывая отечественную доктрину и опыт правового регулирования. По итогам проведенного исследования автором сформулированы основные элементы, образующие модель притворной сделки в праве Российской Федерации, в т.ч. квалифицирующие признаки притворной сделки.

Ключевые слова: сделка, мнимая сделка, притворная сделка, фиктивная сделка, негативная фикция, обход закона, недействительность сделки.

Цитирование: *Габов А.В.* Притворные сделки в отечественном праве: история и современность // Государство и право. 2022. № 2. С. 211–226.

DOI: 10.31857/S102694520019130-4

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2021. № 2. С. 49–64. DOI: 10.31857/S102694520013672-0

FAKE TRANSACTIONS IN RUSSIAN LAW: HISTORY AND MODERNITY[2]

© 2022 A. V. Gabov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gabov@igpran.ru

Abstract. This article examines the phenomenon of a fake transaction. The author shows the origin of this institution in the decisions of the civil cassation Department of the Governing Senate in the Russian Empire. In particular, it is shown that initially such decisions were about circumventing the law, then the idea of fictitious (imaginary) transactions was formulated, and only then were the imaginary and fake transactions differentiated. The Soviet approach was initially based on the division of the imaginary and feigned transaction with the indication reactions a fake transactions: nullity, but with the ability to save to cover its legal. The author analyzes the current legislation, judicial practice. The aim of the study is the determination of aggravating circumstances sham transactions, based on the legislative model of sham transactions, including the value at which regulatory provisions it is understood in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, of the Supreme Court of the Russian Federation, courts of arbitration and courts of general jurisdiction, given the domestic doctrine and the experience of legal regulation. Based on the results of the study, the author formulated the main elements that form the model of a fake transaction in the law of the Russian Federation, including the qualifying features of a fake transaction.

Key words: transaction, imaginary transaction, fake transaction, fictitious transaction, negative fiction, circumvention of the law, invalidity of the transaction.

For citation: *Gabov, A.V. (2022).* Fake transactions in Russian law: history and modernity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 211–226.

Введение

Недействительность сделки – тема, актуальность которой для юридической науки не утрачена. Это видно из количества судебных споров, возникающих в связи с признанием сделки недействительной[3], исследований, посвященных соответствующей проблематике, а также тому, что соответствующие вопросы (как в общем контексте, так и применительно к отдельным случаям недействительности) периодически попадают в различные документы, целью которых является совершенствование правового регулирования.

В свою очередь, внутри общей проблематики недействительных сделок, есть отдельные темы, вызывающие повышенный интерес у исследователей и практиков. К числу таких тем относится недействительность притворной сделки.

Проблема состоит в том, что определение притворной сделки, данное в ст. 170 ГК РФ, краткое и лаконичное; никаких признаков, по которым можно определить, что та или иная сделка притворна, в статье фактически не содержится. При этом притворная сделка рассматривается в одной статье со сделкой мнимой, из чего может сложиться впечатление, что перед нами тождественные институты.

Но это справедливо лишь отчасти: в обоих случаях перед нами пример создания фиктивных правоотношений, которые не признаются государством, а потому сделки признаются ничтожными. Однако при тщательном рассмотрении оказывается, что квалифицирующие признаки и той, и другой сделки различны, также и последствия их совершения иные, кроме ничтожности. Актуальность разграничения повышается в силу того, что институты мнимой и притворной сделки активно используются в делах о несостоятельности (банкротстве) для целей определения требований, подлежащих / не подлежащих включению в реестр.

В этой связи цель данной статьи – описать модель притворной сделки в отечественном праве, выделив ее квалифицирующие признаки, исходя из положений Гражданского кодекса РФ (в т.ч. в том значении, в котором нормативные положения о притворной сделке понимаются в правовых позициях Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, арбитражных судов и судов общей юрисдикции).

[2] The article was published in the journal “State and Law” (2021), No. 2, pp. 49–64. DOI: 10.31857/S102694520013672-0

[3] См. информацию на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 21.12.2020); см. также: https://sudact.ru/practice/pritvornaya-sdelka/ (дата обращения: 21.12.2020).

Формирование института притворной сделки в праве Российской Империи

Институт притворной сделки (в том числе с использованием несколько иной терминологии – «*симулятивные (или симулированные) сделки*»[4] и «*фиктивные сделки*»[5] – вместе с мнимыми их еще называли «вымышленными») в праве Российской Империи сформировался решениями кассационного департамента Правительствующего Сената (*решение 1891 г. № 62*[6]*; решение 1901 г. № 45*[7]*; решение 1902 г. № 87*[8]*; решение 1905 г. № 105*[9]*; решение 1912 г. № 33*[10] и ряд других решений[11]) и доктриной[12].

В решениях гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената специальная терминология стала употребляться не сразу; можно видеть отдельные решения, в которых говорилось о недопустимости обхода закона и о том, что «акт должен соответствовать истинной сделке» (*решение 1882 г. № 2*)[13].

Затем (*решение 1891 г, № 62*) была сформулирована идея о мнимых (вымышленных) сделках: «Главный признак сделок мнимых или вымышленных заключается в том, что внешнее содержание их всегда не соответствует действительному соглашению сторон, то есть прикрывает лишь собою либо ни в чем неизменившиеся имущественные отношения контрагентов, либо другую сделку, хотя между ними и состоявшуюся, но существенно

---

[4] Здесь, впрочем, разницы в то время не видели; слово «симулятивные» отражало лишь использование иноязычной терминологии, что видно из следующего фрагмента работы Е.В. Васьковского: «Иногда выражение воли не совпадает с ее содержанием: лицо, желая сказать что-либо, говорит совершенно другое. Подобное несовпадение бывает *умышленным* и *неумышленным*. Умышленное, в свою очередь, разделяется на *явное*, когда само собой понятно, что лицо не имеет намерения вступить в сделку, а выражает свое согласие только в шутку, и *скрытое,* если это с первого раза незаметно. Умышленное скрытое несовпадение носит название *притворства* (simulatio). Чаще всего прибегают к притворству те, которые намереваясь заключить какую-либо сделку, заключают для виду другую, более удобную для них и ведущую к тем же последствиям» (см.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. СПб., 1894. Вып. 1: Введение и общая часть. С. 125, 126; см. также: *Мейер Д.И.* О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях // Избр. тр.: в 2 т. / вступит. слово П.В. Крашенинникова. М., 2016. Т. 2. С. 106).

[5] Этот термин использовался в доктрине (см.: *Дормидонтов Г.Ф.* Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. С. 70).

[6] См.: «По кассационной жалобе пов. мещанина Лейбы Яппу, мещанки Гене-Гиты Зинан, мещанина Давида Иоффе, жены купца Ольги Эфрат, купца Лазаря Эфрата, мещанина Фишеля Папира и мещанки Марьяны Беркович, прис. пов. Ефима Шайкевича, об отмене решения Виленской Судебной Палаты и 2) по объяснению пов. Щаранского, прис. пов. Доминика Боцарского, против этой жалобы» (см.: Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1891 год. 2-е изд. неофициальное. Екатеринослав, 1911. С. 149–155).

[7] См.: «Прошение поверенного торгового дома “Никиты Понизовкина сыновья”, присяжного поверенного Пржевальского, об отмене решения Московской судебной палаты по иску конкурсного управления по делам несостоятельной должницы Федосьи Богомоловой к торговому дому об истребовании пароходов, и 2) объяснения конкурсного поверенного по делам несостоятельной должницы Федосьи Богомоловой» (см.: Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1901. СПб., 1901. С. 142–147).

[8] См.: «Прошение поверенного дворянина Юлиана Хелховского, присяжного поверенного Шостака, об отмене решения Виленской судебной палаты по иску Хелховского к действительному статскому советнику Льву Ваньковичу об уничтожении закладной крепости, арендных договоров и других актов по имению Зацень и о взыскании с Ваньковича в пользу Хелховского 40 000 руб.» (см.: Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1902. СПб., 1902. С. 270–281).

[9] См.: «Прошение поверенного корнета Николая Одинцова, присяжного поверенного Винберга, об отмене решения Одесской судебной палаты по иску Одинцова к дворянину Карлу Сырокомскому, в сумме 40 250 руб., об уничтожении договора» (см.: Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1905. СПб., 1905. С. 283–288).

[10] См.: «Прошение дворянина Анатолия Ш. об отмене решения Киевской судебной палаты по иску Софии Ш. к просителю и Сергею Мерингу в сумме 109.749 руб. 97 коп. о праве собственности на закладную крепость» (см.: Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1912. СПб., 1912. С. 171–176).

[11] См. также: *Полетаев Н.А.* Мнимые и притворные сделки, безденежность, causa obligationis и незаконное обогащение по проекту обязательственного права // Вестник права. Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском ун-те. 1900. № 3. С. 4–15.

[12] См.: Хроника гражданского суда // Юрид. вестник. 1880. Кн. 5. С. 156–159 (автор – *Муромцев С.А.*); Прения по реферату С.Ф. Березкина «О симулятивных договорах» // Протокол заседания Юридического общества при Новороссийском унте. 1882. № 18. С. 54–61; *Дормидонтов Г.Ф.* Указ. соч. С. 70; *Ривлин Х.* О симулятивных сделках // Журнал Санкт-Петербургского юридического общества. 1897. Кн. 6. С. 77. С. 57–88; *Полетаев Н.А.* Указ. соч. С. 4; *Дювернуа Н.Л.* Чтения по гражданскому праву. IV-е изд. СПб., 1905. Т. 1. Введение и часть общая (Вып. III. Измерение юридических отношений. Учение о юридической сделке). С. 816; *Анненков К.* Система русского гражданского права. 3-е изд., вновь пересмотр. и доп. СПб., 1910. Т. 1. Введение и общая часть. С. 560; *Васьковский Е.В.* Указ. соч. С. 126; *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М., 2002. С. 148; *Гуляев А.М.* Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. Сената и проекта Гражданского уложения: пособие к лекциям. 4-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1913. С. 339; и др.

[13] См.: «По прошению поверенного Графа Фиддея Грохольского и германского подданного Моравского, присяжного поверенного Мечникова, об отмене решения Одесской Судебной Палаты» (см.: Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1888 год. Изд. неофициальное. Екатеринослав, 1904. С. 10).

отличную от той, которая выразилась в заключенном ими договоре...».

А уже затем (*решение 1901 г. № 45)* в дополнение к предыдущему решению мнимые и притворные сделки были дифференцированы: «В решении 1891 г. № 62... разъяснено: главный признак сделок мнимых или вымышленных заключается в том, что внешнее содержание их всегда не соответствует действительному соглашению сторон, то есть прикрывает лишь собою либо ни в чем неизменившиеся имущественные отношения контрагентов, либо другую сделку, хотя между ними и состоявшуюся, но существенно отличную от той, которая выразилась в заключенном ими договоре. Этим решением под понятие мнимых сделок, противополагаемых сделкам противозаконным, подведены как те сделки, в которых отсутствует серьезное соглашение контрагентов и которые скрывают ни в чем неизменившиеся их имущественные отношения, так и те сделки, которые прикрывают собою другой действительно состоявшийся между сторонами договор, который они почему-либо не желают обнаружить. Это разъяснение требует некоторого дополнения. По смыслу законов об обязательствах по договорам надлежит различать собственно мнимые договоры, заключенные только для виду, и договоры притворные, то есть прикрывающие собою другую, действительно состоявшуюся между сторонами сделку».

В *решении 1901 г. № 45* Правительствующий Сенат, четко обозначив границы между мнимыми (в доктрине их еще именовали «призрачными») и притворными сделками, указал в отношении последних: «При заключении притворных договоров стороны имеют действительное намерение вступить в сделку, но заключают ее под видом другого договора. Если *по суду будет установлено содержание* (курсив наш. – *А.Г.*) этого действительно состоявшегося между сторонами соглашения, то им и заменяется притворная сделка, выраженная в письменном акте. Это в действительности состоявшееся соглашение не считается ничтожным потому только, что стороны прикрыли его другою сделкой; оно может быть признано недействительным лишь тогда, когда по своей цели и содержанию оно противно закону, благочинию и общественному порядку; если же оно само по себе закону не противно, то оно не уничтожается и, по обсуждении его по правилам о том договоре, которому оно по своему содержанию соответствует, может сохранить свою обязательную силу»[14].

В последующих решениях соответствующая позиция приводилась без изменений.

Притворными (с соответствующими последствиями) признавались сделки (договоры) с притворностью в части субъектного состава – «к числу притворных должны быть отнесены и такие сделки, в которых самостоятельным контрагентом указано лицо, являющееся в действительности лишь представителем другого лица, в интересах которого и была заключена сделка» (*решение 1912 г. № 33*).

Указанными решениями Правительствующего Сената притворные сделки признавались недействительными (оспоримыми), по отсутствию в них, как отмечал К. Анненков, «одного из существенных элементов всякой сделки – действительного изъявления воли на ее совершение»[15].

Следует особо обратить внимание на то, что право Российской Империи в части выявления реальных отношений не указывало каких-то конкретных признаков – *по существу, это был вопрос наличия доказательств*. Об этом указывает и следующий фрагмент *решения 1901 г. № 45*: «*по суду будет установлено содержание* (курсив наш. – *А.Г.*) этого действительно состоявшегося между сторонами соглашения, то им и заменяется притворная сделка, выраженная в письменном акте».

В праве Российской Империи (в доктрине) совершение симулятивных (притворных) сделок связывалось с намерением обойти закон[16] (хотя, подчеркнем, что об этом не говорилось как о единственной цели – «*обыкновенно* совершаются в обход закона» (В.И. Синайский), т.е. цели могли быть и не связаны с обходом закона).

При этом мы не видим жестких формулировок об обязательности выявления (наличия) намерений участников таких сделок причинить совершением притворной сделки вред государству или третьим лицам, которые в этой сделке не участвуют; намерения здесь могли быть совершенно различны, в том числе основаны на каких-то морального характера соображениях (это хорошо показывают примеры притворных действий в некоторых работах[17]). Собственно, сами формулировки решений Правительствующего Сената исключают это, признавая возможным сохранение прикрываемого соглашения (сделки), которое могло быть опорочено «*лишь тогда, когда по своей цели и содержанию оно противно закону, благочинию и общественному порядку*» (*решение 1901 г. № 45*).

Такова была модель симулятивной (притворной) сделки в Российской Империи. Именно в этот

[14] Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1901... С. 146.

[15] *Анненков К.* Указ. соч. С. 560.

[16] См., напр.: *Дормидонтов Г.Ф.* Указ. соч. С. 73; *Синайский В.И.* Указ. соч. С. 148; и др.

[17] См.: *Васьковский Е.В.* Указ. соч. С. 126; *Мейер Д.И.* Указ. соч. С. 111.

период в правовой системе была обоснована разница между мнимыми и притворными сделками; разграничение между ними найдет свое отражение и развитие без изменения сущностных характеристик в советский и постсоветский периоды[18].

Притворная сделка в советском праве

В советском гражданском праве (уже в первой кодификации 1922 г. и в последующем) использовалось понятие «притворная сделка»[19] (наравне с мнимой; они рассматривались как самостоятельные феномены).

Подход к определению таких сделок и их последствиям (закон, судебная практика, доктрина) был стабильным (что не исключало, конечно, отдельных дискуссий, однако радикальных «разворотов» в подходах не наблюдалось).

Понятие притворной сделки было закреплено в ст. 35 ГК РСФСР 1922 г., согласно которой «*если притворная сделка заключена с целью прикрыть другую сделку, то применяются положения, относящиеся к той сделке, которая действительно имелась в виду*». Аналогичное определение (с некоторыми стилистическими правками) нашло закрепление и в ст. 53 ГК РСФСР 1964 г. Таким образом, притворная сделка по советскому праву была недействительной.

«Притворная сделка, – писал И.Б. Новицкий, – имеет место тогда, когда стороны желают совершить сделку, но только не ту, какую они притворно совершают»[20]. В советском праве[21] притворные сделки чаще всего[22] рассматривались как *случай расхождения воли и волеизъявления* (сделки с пороком воли), т.е. «сделанное сторонами выражение воли является лишь завесой, занавесом, которым стороны хотят прикрыть какую-то другую сделку»[23].

В доктрине (И.Б. Новицким[24]) указывалось, что притворная сделка – это *частный случай обхода закона*.

Важная идея, нашедшая отражение в судебной практике (здесь практика была схожа с подходами в Российской Империи), что «сам факт облечения сделки в предписанную законом форму *не должен служить поводом для того, чтобы отказаться от проверки соответствия заключенной сделки действительным взаимоотношениям стороны* (курсив наш. – *А.Г.*)»[25]. «Суды, – писала со ссылками на практику судов другой исследователь проблем недействительности сделок Н.В. Рабинович, – *обязаны точно выявлять, какую именно сделку стороны имели в виду совершить* (курсив наш. – *А.Г.*)»[26]. Образно по этому вопросу высказался НКЮ РСФСР в 1923 г. Соответствующую формулировку приводит в своей работе И.С. Перетерский: «При столкновении формальной видимости и экономической сущности следует положить в основу вторую – т.е. экономическую сущность»[27].

То есть для выявления притворной сделки недостаточно провести анализ содержания документов, включающих условия данной сделки (даже если при оформлении сделки были соблюдены все необходимые требования). Для выявления притворной сделки *необходимо выявить фактические отношения сторон*.

На основе анализа судебной практики И.Б. Новицкий указывал, что если прикрывающая сделка недействительна, то *прикрываемая может остаться и действующей, если она соответствует закону* (в период действия ГК РСФСР 1964 г. в доктрине высказывались аналогичные позиции[28]); чаще всего, как полагал ученый, стороны притворной сделки хотят скрыть прикрываемую сделку в силу ее расхождения с законом, а потому стороны хотят «уйти из-под его действия, обмануть государство, третьих лиц»[29]. Однако, как видно из работы И.Б. Новицкого, *прикрываемая сделка могла и не иметь ничего противозаконного*; в советском праве не связывалась обязательность причинения ущерба

[18] Такое разграничение, как отмечают исследователи вопроса, «известное отечественной правовой системе, не является универсальным» (см.: *Тололаева Н.В.* Соотношение некоторых оснований недействительности сделки // Судья. 2015. № 10. С. 32–39).

[19] Отметим, что в доктрине говорилось и о синониме «фиктивная сделка» (см.: *Шахматов В.П.* Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967. С. 175).

[20] *Новицкий И.Б.* Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 127.

[21] См.: там же. С. 124; *Перетерский И.С.* Сделки. Договоры. М., 1929. С. 31.

[22] Имелись и иные взгляды, что отражается в разнице и современных подходов, где о таких сделках говорят также как о сделках с пороком содержания (см.: *Шестакова Н.Д.* Недействительность сделок. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008. С. 29, 30; *Матвеев И.В.* Правовая природа недействительных сделок. М., 2002. С. 69) или как о сделках, лишенных основания (см.: Гражданское право: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. Ч. 1. С. 242).

[23] *Новицкий И.Б.* Указ. соч. С. 125.

[24] См.: там же.

[25] Там же.

[26] *Рабинович Н.В.* Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 87.

[27] *Перетерский И.С.* Указ. соч. С. 32.

[28] См.: *Толстой В.С.* Мнимые и притворные сделки // Соц. законность. 1971. № 12. С. 36; *Соколов И.* Мнимые и притворные сделки // Сов. юстиция. 1987. № 12. С. 24.

[29] *Новицкий И.Б.* Указ. соч. С. 125, 126.

третьим лицам или государству с началом действия норм о притворной сделке. *Мотивы сторон вообще могли быть различны, советское законодательство формально их не охватывало* – нормы ст. 35 ГК РСФСР 1922 г. и ст. 53 ГК РСФСР 1964 г. были сформулированы предельно широко. По существу, можно сказать, что для советского законодательства имело значение выявление самого факта того, что воля не соответствовала волеизъявлению и одна сделка совершена лишь для вида, «прикрывая» реальные отношения сторон.

При этом при анализе неоднократно высказываемых в советской доктрине идей о том, что «чаще всего» притворная сделка имела место для обмана государства, ухода от государственного контроля[30], сокрытия от конфискации или иного обращения взыскания на имущество[31] и т.д., следует учитывать исторический фактор – фактическое огосударствление всех сторон жизни, а потому известное упрощение оборота. Использовать в этой части наработки советской доктрины[32], прямые ссылки на работы советского периода без учета исторического контекста следует с известной осторожностью. Во-первых, учитывая специфику проявлений негативной фиктивности в разные периоды советской истории. Во-вторых, не абсолютизируя указанные основания (цели) притворной сделки, которые выделяли советские исследователи. Собственно, этого не делали и сами советские исследователи, оставляя на данный случай (в части целей) специальные оговорки типа «наиболее часто», «чаще всего»[33], «обычно»[34]. При этом отметим, что не подлежит сомнению, что сокрытие, фальсификация реальной воли действительно критично проявляет себя в случаях поиска форм придания законности «увода» имущества от кредиторов и правоохранительных органов при банкротстве и иных случаях обращения на него взыскания. Соответственно, и интерес к этому институту может иметь нелинейный характер в зависимости от экономической ситуации.

Притворная сделка в праве Российской Федерации

В законодательстве Российской Федерации понятие «притворная сделка» нашло свое закрепление в ст. 170 ГК РФ (в доктрине также используется синоним – «фиктивная сделка»[35], при этом отметим, что какого-то развития и практического значения линия исследований, где такое понятие используются, не получила).

В своей первоначальной редакции (1994 г.) эта статья закрепила следующую модель притворной сделки:

определение притворной сделки – «*сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку...*»;

ничтожность притворной сделки (последствие);

применение к сделке*, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа сделки, относящихся к ней правил* (последствие).

При оценке законодательной модели притворной сделки следует учитывать два обстоятельства: во-первых, законодательство оценивает само понятие «сделка» широко[36]; во-вторых, слово «сторона» используется в комментируемой норме во множественном числе.

Первое обстоятельство подразумевает, что *прикрываться может совокупность действий сторон, часть из которых может быть сделками, а часть быть иными юридическими фактами*[37]. Второе обстоятельство исключает применение этого правила к сделкам односторонним[38] (что уже преодолено судебной практикой).

Важно подчеркнуть, что для законодателя неприемлема, а потому противоправна сама *цель притворной сделки – прикрыть одной сделкой другую сделку*: «Симуляции волеизъявления» («симуляции сделки»)[39]; «создания видимости соответствующего права»[40], сокрытия подлинной воли «ее фикцией»[41] достаточно для опорочивания сделки.

---

[30] См.: *Толстой В.С.* Указ. соч. С. 34.

[31] См.: *Шахматов В.П.* Указ. соч. С. 175.

[32] А это мы видим в некоторых работах (см.: *Великжанин П.А.* Типичные ситуации и причины совершения притворных сделок // Научный вестник Волгоградской академии госслужбы. Сер. «Юриспруденция». 2010. № 1/3. С. 70; и др.).

[33] *Новицкий И.Б.* Указ. соч. С. 126.; *Соколов И.* Указ. соч. С. 24.

[34] Советское гражданское право. М., 1973. С. 95.

[35] *Тархов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. Чебоксары, 1997. С. 233; Гражданское право России: учеб. / под ред. З.И. Цыбуленко. М., 1998. Ч. 1. С. 192; *Кузнецова О.А.* Фиктивные явления в праве. Пермь, 2004; *Вольфсон В.Л.* О притворности, мнимости и лжеатрибуции: «обход закона» как когнитивная деформация фиктивных сделок // Вестник СПбУ. Сер. 14 «Право». 2015. № 1. С. 4; и др.

[36] См. положения законодательства о несостоятельности (банкротстве).

[37] См., напр.: постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа: от 22.10.2020 г. № Ф07-10981/20 по делу № А56-117381/2018; от 28.10.2020 г. № Ф04-982/18 по делу № А02-741/2016.

[38] В некоторых работах высказывалась похожая идея (см.: *Юрьев Р.* Притворные сделки // Хозяйство и право. Приложение. 2004. № 8. С. 7).

[39] См.: Гражданское право: учеб: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1. Общая часть. С. 440.

[40] *Шахматов В.П.* Указ. соч. С. 175.

[41] *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: общие положения. М., 1997. С. 135.

То есть недобросовестное поведение сторон (обе стороны действуют недобросовестно, заведомо зная, что совершают недействительную сделку, прикрывающую другую сделку) потенциально опасно самой возможностью неконтролируемого (непрогнозируемого) причинения ущерба публичным и/или частным интересам, при этом неважно, каким из них[42].

В этой связи такое поведение порицаемо и влечет за собой негативные последствия (государство всегда отрицательно относилось к любым проявлениям т.н. *негативной фикции*[43] или фиктивным правоотношениям[44]).

Следовательно, для квалификации сделки в качестве притворной не требуется ни установление неблаговидности цели, ни выявления факта причинения вреда (ущерба), причиняемого таким действием публичным и/или частным интересам (третьим лицам, не участвовавшим в сделке)[45], ни даже выявления цели причинения такого вреда. М.В. Кротов по этому поводу писал: *«Притворные сделки не всегда возникают вследствие неблаговидных действий. Нередко граждане просто не понимают, какую сделку им следовало бы совершить, либо не проводят различия, скажем, между куплей-продажей и имущественным наймом. Закон предоставляет возможность исправить подобные ошибки: признавая притворную сделку недействительной, предлагается применить к сделке, которую стороны действительно имели в виду, относящиеся к ней правила закона»*[46].

Потому и норма п. 2 ст. 170 ГК РФ сформулирована таким образом, чтобы выполнять превентивную функцию, как удачно отмечено в научных исследованиях, «*ограждения гражданского оборота от сделок, не имеющих характерных для них правовых последствий*»[47]. Данная норма охватывает собой не только случаи обхода закона с противоправной целью, но и заблуждение сторон, незнание законодательства, бескорыстные мотивы и проч.

Именно в силу неприемлемости создания фиктивных правоотношений законодатель остановился на ничтожности притворной сделки и не меняет своей позиции уже долгое время.

При этом смягчением такой жесткой формальности нормы о притворной сделке является предоставление *возможности ее сторонам при отсутствии противоправности прикрываемой сделки регулировать свои отношения на основе прав и обязанностей, возникших из прикрываемой сделки* («*применяются относящиеся к ней правила»)*. Тем самым законодатель (и это традиция нашего правопорядка, как видно из предыдущего изложения) оставляет открытым вопрос о судьбе правоотношений сторон; они могут и сохраниться, если соответствуют законодательству. Таким образом, в модели притворной сделки, закрепленной в Гражданском кодексе РФ, не презюмируется, что всегда прикрывается противозаконная сделка.

Данная законодательная модель подверглась изменению лишь однажды – в 2013 г. в результате реформы гражданского законодательства. В частности:

в определение притворной сделки добавился элемент – сделка на иных условиях: «с целью прикрыть другую сделку*, в том числе сделку на иных условиях...*»;

для оценки действия прикрываемой сделки добавился элемент содержания сделки – «с учетом существа *и содержания сделки* применяются относящиеся к ней правила»[48].

Точные цели данных изменений в пояснительных материалах к соответствующему законопроекту (общему – № 47538-6[49]) не указаны; конкретные изменения в части притворных сделок не предусматривались Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации.

Один из разработчиков изменений В.В. Витрянский[50] отмечал следующее: «Основное отличие от

---

[42] О.В. Гутников, применительно к оценке того, на защиту каких интересов – частных или публичных, направлено существование института притворной сделки, справедливо отмечает «*правопорядок порицает притворные сделки независимо от того, чьи права или интересы данной сделкой нарушены*» (см.: *Гутников О.В.* Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М., 2003. С. 168; *Его же.* Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 141).

[43] См.: *Танимов О.В.* Теория юридических фикций. М., 2018. С. 145–148.

[44] См.: *Кузнецова О.А.* Указ. соч. С. 112, 113.

[45] Как отмечается в одном исследовании, «в XIX веке произошло смещение акцента в квалификации мнимых сделок с соотношения юридически значимых действий и их последствий в фактической реальности на соотношение воли и волеизъявления.., *такая постановка вопроса свела основное значение правил о притворности сделки к внутреннему отношению между действующими сторонами, а не к защите третьих лиц*» (см.: *Тололаева Н.В.* Указ. соч. С. 32–39).

[46] Гражданское право: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. 1. С. 242.

[47] *Бежецкий А.Ю.* Недействительность мнимых и притворных сделок: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 10.

[48] См.: Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19, ст. 2327.

[49] См.: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6

[50] См.: *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016.

старой редакции этой нормы состоит в том, что теперь ситуация, когда совершенная сторонами сделка прикрывает сделку на иных условиях, рассматривается как частный случай притворной сделки. Ранее притворной признавалась сделка, совершенная с целью прикрыть другую сделку. Отсутствие в тексте нормы уточнения (ныне внесенного в п. 2 ст. 170 ГК РФ) того, может ли притворная сделка прикрывать сделку на иных условиях, давало основания полагать, что прикрываемая сделка должна относиться к иному виду сделок, нежели притворная сделка. Теперь такой проблемы не существует».

В таком комментарии видно, что изменения в части притворной сделки – это отражение общей тенденции, которая проявляется во всех изменениях, которые были запланированы в рамках реформы гражданского законодательства: *усиление нравственных начал в гражданско-правовом регулировании, введение в гражданское законодательство принципа добросовестности в качестве одного из принципов гражданского права*, что должно способствовать добросовестному и надлежащему осуществлению гражданских прав и исполнению гражданских обязанностей.

В процессе реформы гражданского законодательства вопрос об угрозах устойчивости гражданского оборота широким применением института ничтожности сделки поднимался отдельно (п. 5.2.1 Концепции развития гражданского законодательства), *однако никаких изменений, направленных на смягчение режима притворных сделок, не произошло*. Скорее наоборот, инструментарий для выявления притворности был расширен. Это подтверждает высказанный ранее тезис об основах отечественной модели регулирования притворной сделки, заключающихся в:

формальности (неприданию значения факту причинения ущерба и отсутствию необходимости выявления противоправной цели у участников сделки);

превентивном характере нормы как отражении формальности;

использовании ничтожности как правового средства реагирования;

возможности при отсутствии противоправности прикрываемой сделки регулировать свои отношения на основе прав и обязанностей, возникших из нее.

Для оценки законодательной модели притворной сделки важным является анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к вопросам о конституционности положения п. 2 ст. 170 ГК РФ[51].

В указанных определениях относительно института притворной сделки содержатся следующие положения:

положения ГК РФ о притворной сделке *не содержат неопределенности*[52];

институт притворной сделки *является отражением* положений ст. 15 (ч. 2) Конституции РФ об *обязанности граждан и их объединений соблюдать Конституцию РФ и иные нормативные правовые акты*[53];

институт притворной сделки (цели) *призван обеспечить законность, стабильность и предсказуемость развития гражданско-правовых отношений*[54];

институт притворной сделки (цели) *направлен на защиту одних участников гражданского оборота от проявлений недобросовестности других участников*[55] и *на обеспечение защиты их имущественных прав*[56].

Кроме того, точное уяснение модели притворной сделки невозможно, если не учитывать правовые позиции судов, в первую очередь Верховного Суда РФ, упраздненного Высшего Арбитражного Суда РФ, арбитражных судов (здесь мы учитываем только позиции окружных судов) и судов общей юрисдикции.

К числу наиболее важных разъяснений относятся п. 8, 87, 88 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[57] (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25), Обзоры судебной практики и ряд решений по конкретным делам, в которых констатируются следующие важные положения:

---

[51] См.: определения Конституционного Суда РФ: от 17.12.2009 г. № 1589-О-О; от 21.06.2011 г. № 835-О-О; от 24.03.2015 г. № 555-О; от 20.12.2016 г. № 2613-О; от 25.10.2018 г. № 2565-О; от 27.02.2020 г. № 390-О; от 30.06.2020 г. № 1524-О.

[52] См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 г. № 555-О.

[53] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 г. № 2565-О.

[54] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 г. № 2565-О.

[55] См.: Определения Конституционного Суда РФ: от 17.12.2009 г. № 1589-О-О; от 21.06.2011 г. № 835-О-О, от 27.02.2020 г. № 390-О; от 30.06.2020 г. № 1524-О.

[56] См.: Определения Конституционного Суда РФ: от 21.06.2011 г. № 835-О-О; от 27.02.2020 г. № 390-О; от 30.06.2020 г. № 1524-О.

[57] См.: Росс. газ. 2015. 30 июня.

а) притворная сделка недействительна (ничтожна) *потому, что не отражает действительных намерений сторон*[58]; она направлена на «*достижение других правовых последствий*»[59]; суды указывают, что «признаком притворной сделки является... *несовпадение волеизъявления сторон сделки с их внутренней волей при совершении сделки*»[60];

б) притворная сделка – *частный случай обхода закона*[61] (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25)[62]. При этом у такой сделки – *собственные основания недействительности, отличающиеся от общих оснований, по которым сделка в обход закона признается недействительной*: «К сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений статьи 10 и пунктов 1 или 2 статьи 168 ГК РФ. *При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию* (например, по правилам статьи 170 ГК РФ)».

Иными словами, *основания недействительности, указанные в ст. 168 ГК РФ, к притворной сделке неприменимы*. Можно эту мысль выразить и другим образом, используя слова К.И. Скловского: *притворная сделка не является сделкой, направленной на обход закона с противоправными целями (п. 1 ст. 10 ГК РФ),* поскольку содержит иные последствия: применение закона, регулирующего прикрытую сделку[63].

в) притворная сделка может прикрывать сделку с *иным субъектным составом* (п. 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25).

Верховный Суд РФ в данной части несколько модифицировал определение притворной сделки: «согласно пункту 2 статьи 170 ГК РФ притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, *с иным субъектным составом*, ничтожна».

Как видно из предыдущего изложения, такая проблема аналогичным образом решалась высшими судебными инстанциями еще в Российской Империи;

г) притворной сделкой считается также та, которая совершена на иных условиях. Например, *при установлении того факта*, что стороны с целью прикрыть сделку на крупную сумму совершили сделку на меньшую сумму, суд признает заключенную между сторонами сделку как совершенную на крупную сумму, т.е. применяет относящиеся к прикрываемой сделке правила (п. 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25);

д) использование указанного в предыдущем пункте оборота «*при установлении того факта*» показывает, что Верховный Суд РФ использует уже традиционно сложившийся в правовой системе подход, согласно которому при установлении притворности сделки *суд не должен ограничиваться проверкой имеющихся (представленных) документов на соответствие формальным требованиям, установленным законом* (например, суд не может прийти к выводу об отсутствии притворности со ссылкой на нотариальное удостоверение оспариваемой сделки, государственную регистрацию или отражение в бухгалтерской отчетности или ином учете (отчетности), даже если такое отражение и осуществлено в полном соответствии с законом).

То есть для исследования вопроса о квалификации притворной сделки и установления истинной воли сторон имеет значение выяснение фактических отношений между сторонами, намерений каждой стороны[64].

Вопрос об установлении иных правовых последствий, к которым стремились стороны – это вопрос факта, соответствующие обстоятельства

---

[58] См.: Определение Верховного Суда РФ от 21.08.2018 г. № 33-КГ18-4.

[59] См.: Определение Верховного Суда РФ от 11.08.2020 г. № 5-КГ20-44.

[60] См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.05.2019 г. № Ф04-474/19 по делу № А45-24646/2017.

[61] См.: *Волков А.В.* Притворные и мнимые сделки: трудности квалификации // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сб. науч. ст. / В.В. Акинфиева, Л.А. Аксенчук, А.А. Ананьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2017. С. 206.

[62] Отметим, что в исследованиях высказывают и иные позиции (см.: *Коротков Д.Б.* Запрет действий в обход закона как институт гражданского права // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый Пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 2013 г.): избр. материалы / А.А. Ананьева, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2014; *Захарова О.Е.* «Обход закона», мнимые и притворные сделки: взаимосвязь и отличительные особенности // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 165).

[63] См.: *Скловский К.И.* Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М., 2019. С. 183; см. также: Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6–12 / Д.Х. Валеев, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М., 2014. С. 215.

[64] См.: Постановление Президиума Московского областного суда № 44Г-70/2017 4Г-163/2017 4Г-7142/2016 от 09.03.2017 г. по делу № 2-10484/2015.

в силу маскировки притворного характера сделки могут подтверждаться любыми доступными сторонам доказательствами (документы, переписка сторон, показания свидетелей и проч.). Так, в литературе справедливо отмечается, что в силу неочевидности пороков притворной сделки установить притворность сложно, поэтому главное здесь – «вопрос доказательств, а не материального права»[65].

Анализ судебной практики дает основание для вывода о том, что при оценке наличия / отсутствия притворности могут учитываться:

поведение сторон (а в отдельных случаях и третьих лиц) до совершения сделки, в момент ее совершения (условия совершения сделки[66]) и после ее совершения (в т.ч., если правовые последствия, наступления которых желали стороны, были связаны с совершением нескольких действий и были растянуты во времени)[67]; сложившуюся практику отношений между сторонами[68] и их переписку; разумность поведения[69];

правовое положение сторон[70], представителей сторон[71];

темпоральный фактор (фактор времени совершения действий[72]): о взаимосвязанном характере нескольких притворных сделок может свидетельствовать их совершение с незначительным перерывом во времени (к примеру, до года: срок здесь – вопрос оценки конкретных обстоятельств), совершение нескольких взаимосвязанных сделок в один день и др.;

взаимосвязанность различных действий сторон и/или третьих лиц[73];

характер совершенной сделки (сделок)[74] и ее (их) экономический смысл[75].

О притворности сделки может свидетельствовать необычный характер её условий (например, объективное отсутствие разумных экономических оснований для совершения прикрывающей сделки, в отличие от сделки прикрываемой). «Маскировка» притворного характера сделки необязательно означает её внешнее соответствие всем признакам прикрывающей сделки; напротив, иногда в притворную сделку могут быть включены нетипичные для прикрывающей сделки условия, что может служить дополнительным свидетельством её притворности, а впоследствии – способствовать выявлению истинной воли сторон. В таком случае экономический смысл сделки может быть найден при анализе всех прикрывающих её сделок в их единстве; условия таких сделок могут компенсировать друг друга, гарантируя достижение тех экономических последствий, на которые была направлена воля сторон.

Для уяснения экономического смысла отношений целесообразен анализ поведения сторон в сходных отношениях, но с другим субъектным составом, а также сложившейся практики поведения субъектов права в той сфере деятельности, в которой совершается потенциально притворная сделка (основа для вывода – п. 2 ст. 431 ГК РФ, а также некоторые примеры судебной практики, в которых суды указывают на *необходимость учета отношений, которые в обычном обороте объясняют намерения стороны совершить определенное действие*[76], «разумность экономических и иных причин (целей делового характера)»[77] сделки; наличие

---

[65] *Тузов Д.О.* Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007. С. 233; *Мурашко М.С.* Притворные сделки в судебной практике // Росс. юстиция. 2006. № 3. С. 4–11; *Данилов И.А.* Вопросы недействительности притворных сделок // Юрист. 2011. № 23. С. 31–36.

[66] См., напр.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.10.2020 г. № Ф05-15354/2020 по делу № А40-261151/2019.

[67] См., напр.: Постановление Президиума ВАС РФ от 09.12.1997 г. № 5246/97.

[68] См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2020 г. № Ф05-14596/2020 по делу № А40-126394/2019 и другие акты.

[69] См.: Определение Верховного Суда РФ от 13.06.2019 г. № 301-ЭС19-7828.

[70] См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 26.03.1996 г. № 5804/95.

[71] См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.10.2020 г. № Ф09-5239/20 по делу № А07-16137/2019.

[72] См.: п. 3 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ (утв. Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 25.06.2009 г. № 131).

[73] К примеру, в определении Верховного Суда РФ от 25.01.2018 г. № 301-ЭС17-13352 по делу № А31-4923/2014 указано: «В ситуации принятия единственным участником хозяйственного общества формального решения об увеличении уставного капитала за счет дополнительного вклада третьего лица, невнесения этим третьим лицом реального дополнительного вклада (либо внесения им символического дополнительного вклада) *и при установлении обстоятельств, указывающих на взаимосвязанность упомянутых действий (бездействия) и последующих действий по выходу из общества бывшего единственного участника, перераспределению его доли в пользу нового участника, соответствующие сделки подлежат признанию притворными*.., прикрывающими прямое безвозмездное отчуждение доли».

[74] См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 26.03.1996 г. № 5804/95.

[75] См., напр.: п. 5 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 г.); Определение Верховного Суда РФ от 11.11.2020 г. № 310-ЭС20-17813 по делу № А83-9432/2019; и др.

[76] См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.10.2020 г. № Ф09-5239/20 по делу № А07-16137/2019.

[77] См.: Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2019 г. № 308-ЭС19-6302.

для стороны выгоды, типичной для соответствующих правоотношений[78]);

наступление определенных правовых последствий[79];

условия притворной сделки[80], рыночный / нерыночный характер условий о цене и т.п.;

факт того, была ли притворная сделка исполнена[81], и если была, какое было исполнение[82] и т.д.

Суды также указывают на важность *доказывания того, какая именно сделка прикрывалась*[83].

Только из анализа всей совокупности указанных обстоятельств суду необходимо выяснить, наступления каких фактических последствий желали стороны.

Изложенный подход соответствует целям регулирования и ст. 431 ГК РФ в части толкования договора, поскольку указанная статья, предполагающая в первую очередь принятие во внимание буквального значения содержащихся в нем выражений, рассчитана на добросовестных участников при условии соответствия их воли и волеизъявления в рамках совершения сделки. Следовательно, в силу несоответствия воли и волеизъявления сторон в притворной сделке, замаскированности правового результата, которого они стремятся достичь, исследовать вопрос о притворности на основании простого анализа текста договора (буквального значения содержащихся в нем выражений) невозможно. Основной акцент должен быть сделан на выяснение действительной общей воли сторон, что предполагает анализ фактов и документов, которые тесно связаны с переговорами об условиях сделки, ее совершением и исполнением.

Указанный подход активно применяется при анализе сделок, совершенных в преддверии банкротства, что обусловлено исключительностью, неординарностью обстоятельств. Как справедливо отмечается в Определении Верховного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 305-ЭС17-2110, «суд не должен ограничиваться проверкой соответствия документов, представленных кредитором, формальным требованиям, установленным законом. *Суду необходимо принимать во внимание и иные свидетельства, следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических отношений по сделке*».

Подозрение в совершении притворной сделки, возникшее в связи с соответствующим указанием одной из ее сторон при возникновении между сторонами спора в рамках её исполнения в силу специфики института притворной сделки, выявленного конституционно-правового смысла ст. 170 ГК РФ также указывает на возможность отхода в данном случае от презумпции добросовестности поведения сторон и соответственно на возможность неприменения правила о приоритете буквального толкования договора.

Соответствующий подход, заключающийся в изучении всех обстоятельств совершения и исполнения сделки, отказе от доверия документам, которые фиксируют волю сторон, *в полной мере соответствует требованиям закона и не только не нарушает устойчивость гражданского оборота, но и наоборот этой устойчивости способствует, будучи направленным на его (оборот) очищение от недобросовестного поведения сторон и его негативных последствий как для конкретных участников оборота, которых такие последствия затрагивают (частная превенция), так и для всех иных участников оборота и публичных интересов (общая превенция)*;

e) в связи с притворностью недействительной может быть признана лишь та сделка, которая направлена на достижение других правовых последствий и *прикрывает иную волю всех участников сделки*; намерения одного участника совершить притворную сделку для применения указанной нормы недостаточно (п. 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25).

Следует обратить внимание, что воля на совершение притворной сделки и наступление иных правовых последствий может быть (и должна быть) общая, однако *это не исключает разные мотивы сторон*.

К примеру, одна сторона может соглашаться совершить притворную сделку для достижения иных правовых последствий (здесь воля двух сторон общая) с целью (субъективной), помимо прочего, в последующем использовать выгоды от своего недобросовестного поведения против другой

---

[78] См.: Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2019 г. № 303-ЭС19-3301.

[79] См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.05.2019 г. № Ф04-474/19 по делу № А45-24646/2017.

[80] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2015 г.); Постановление Президиума ВАС РФ от 06.10.1998 г. № 6202/97; постановления ФАС Северо-Кавказского округа: от 31.05.2006 г. № Ф08-2302/06; от 16.01.2007 г. № Ф08-7060/06; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.05.2019 г. № Ф04-474/19 по делу № А45-24646/2017; и др.

[81] См.: Определение Верховного Суда РФ от 22.07.2019 г. № 305-ЭС19-10333.

[82] См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.05.2019 г. № Ф04-474/19 по делу № А45-24646/2017 («признаком притворной сделки является... фактическое исполнение иной, юридически не оформленной (прикрываемой) сделки») и другие акты.

[83] См., напр.: Постановление ФАС Поволжского округа от 06.07.2004 г. № А12-4269/03-С49.

стороны такого соглашения (к примеру, в силу недостижения экономических целей при наступлении правовых последствий, которые желали стороны, использовать преимущества той юридической конструкции, которые дает притворная сделка, неправомерно избежав последствия наступления стандартных коммерческих рисков);

ж) притворными сделками могут быть признаны и односторонние сделки[84] (здесь суды справедливо исходят из общего принципа добросовестности[85]);

з) для прикрытия сделки может быть совершена не только одна, но и несколько сделок (п. 88 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25)[86];

и) прикрываться одной сделкой может несколько сделок[87];

к) прикрываться может не только иная сделка (в узком смысле этого слова)[88]. В обоснование данного вывода отметим также следующее: закон (и доктрина также это признает) допускает возможность сохранения сделки, которая прикрывалась притворной. В свою очередь, сохранение сделки означает и сохранение тех правовых последствий, которые появились в связи с ее исполнением (осуществлением прав и исполнением обязанностей, предусмотренных условиями сделки); соответственно, сохранение действия сделки означает сохранение всех иных юридически значимых действий, совершенных при ее исполнении, и всех ее иных правовых последствий;

л) «правопорядок признает совершенной лишь прикрываемую сделку – ту сделку, которая действительно имелась в виду. Именно она подлежит оценке в соответствии с применимыми к ней правилами»[89]; к сделке, которую стороны действительно имели в виду (прикрываемая сделка), с учетом ее существа и содержания применяются относящиеся к ней правила (п. 88 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25).

Использованием словосочетания «относящиеся к ней» в п. 88 разъяснено не вполне удачное правило п. 2 ст. 170 ГК РФ («сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила»), при применении которого было неясно, – о существе и правилах *какой сделки* – притворной или прикрываемой – идет речь); теперь понятно, что *речь идет о правилах прикрываемой сделки*;

м) прикрываемая сделка может быть также признана недействительной по основаниям, установленным Гражданским кодексом РФ или иными федеральными законами (п. 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25). Данное положение означает, что:

во-первых, не исключено наличие в притворной сделке иных пороков, соответственно;

во-вторых, для притворности необязательно полное соответствие притворной сделки всем требованиям закона;

в-третьих, с точки зрения Гражданского кодекса РФ не имеет значения то, имеются ли в документах, которые содержат условия притворной сделки, элементы реальной (прикрываемой) сделки, или иные условия, свидетельствующие о реальной цели

---

[84] Хотя в ранние периоды (начало 2000-х годов) встречаются еще акты с иной позицией (см.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.10.2002 г. № Ф08-3897/02 по делу № А01-540/02-8).

[85] Например: в Определении Верховного Суда РФ от 22.03.2018 г. № 308-ЭС17-19467 по делу № А32-37641/2013 отмечено: «Количество поданных в условиях отсутствия конкуренции предложений без реального намерения впоследствии заключить договор купли-продажи, в связи с чем была искусственно завышена цена выставленного на торги имущества, свидетельствует о наличии признака притворности (п. 2 ст. 170 ГК РФ) таких заявок, на самом деле прикрывавших действия по ограничению доступа к торговой площадке другим лицам, что не соответствует стандарту добросовестного поведения»; в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020 г.) (п. 8), указано: «Требования, вытекающие из долговых обязательств (выдачи векселей), не подлежат удовлетворению, если судом установлено, что оформление долгового обязательства (выдача и предъявление векселя к оплате) направлено на придание правомерного вида незаконным финансовым операциям. Существенная часть рассматриваемых судами споров, в которых выявляются элементы легализации (отмывания) доходов, полученных незаконным путем, вытекает из долговых обязательств, а также из оборота векселей. Внимание судов в связи с этим должно быть обращено на факты, свидетельствующие о безденежности займов, отсутствие долговых обязательств, в подтверждение которых выданы векселя, заключение притворных договоров займа, прикрывающих перечисление денежных средств в иных целях (пункты 1 и 2 статьи 170, статья 812 Гражданского кодекса)».

[86] См. также: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.10.2020 г. № Ф04-982/18 по делу № А02-741/2016.

[87] См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.11.2020 г. № Ф07-11654/20 по делу № А56-60824/2018.

[88] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 г.) (заем прикрывал механизм увеличения уставного капитала ООО); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.10.2020 г. № Ф07-10981/20 по делу № А56-117381/2018; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.10.2020 г. № Ф04-982/18 по делу № А02-741/2016.

[89] См.: определения Верховного Суда РФ: от 19.06.2020 г. № 301-ЭС17-19678; от 27.08.2020 г. № 306-ЭС17-11031 (6).

сторон – они могут быть[90], но их может и не быть; в случае же их наличия соответствующие условия должны учитываться при анализе всей совокупности обстоятельств для вывода о наличии / отсутствии притворности; они, вне всякого сомнения, будут одним из подтверждений того, что речь идет о притворной сделке. Верховный Суд РФ справедливо указывает (Определение Верховного Суда РФ от 11.07.2017 г. № 305-ЭС17-2110), что при оформлении притворной сделки идеальность составления документов лишь может быть («*как правило*») одним из вариантов прикрытия действительных отношений сторон («совершая... притворные сделки, их стороны, будучи заинтересованными в сокрытии от третьих лиц истинных мотивов своего поведения, как правило, верно оформляют все деловые бумаги...»).

Выводы

Исходя из изложенного, можно описать модель притворной сделки в праве Российской Федерации следующими тезисами:

1) притворная сделка (или несколько сделок, а также иных юридически значимых действий) совершается лишь для вида; ее совершение не отражает действительных намерений сторон; воля сторон направлена на достижение не того типичного (характерного) правового результата, который создается совершением сделки, а на достижение иных правовых последствий;

2) притворная сделка – это симуляция волеизъявления двух (или более) сторон, пример создания фиктивных правоотношений (негативной фикции);

3) цели совершения притворной сделки (помимо главной цели – прикрыть сделкой истинный характер отношений сторон) могут быть различны; совершая такие сделки, их участники могут преследовать противоправные цели, а могут руководствоваться иными мотивами: законодательство не содержит ни явной, ни скрытой презумпции прикрытия только противозаконной сделки (или, иными словами, обязательной противозаконности прикрытой сделки), что проявляется в возможности признания фактических отношений сторон;

4) формальность состава притворной сделки: законодательство для оценки действительности / недействительности притворной сделки игнорирует многообразие и разную природу целей ее совершения по причинам: неприемлемости основной цели прикрытия истинных отношений сторон; недобросовестности поведения сторон, создания фиктивных правоотношений – совершения сделки, не имеющей цели наступления типичных (характерных) для нее правовых последствий;

5) формальность состава притворной сделки исключает необходимость: установления неблаговидности цели сторон (притворные сделки не всегда возникают вследствие неблаговидных действий; нередко участники оборота просто не понимают, какую сделку им следовало бы совершить либо не проводят различия между сделками разного типа); выявления факта причинения вреда (ущерба) публичным и / или частным интересам (третьим лицам, не участвовавшим в сделке); выявления наличия цели причинения такого вреда – доказательств факта симуляции сделки, создания фиктивного правоотношения (видимости права) достаточно для оспаривания сделки и для «включения» установленных законом негативных последствий (санкции) – ничтожности;

6) формальность состава притворной сделки отражает выявленный правовыми позициями Конституционного Суда РФ конституционно-правовой смысл и цель существования в правовой системе института притворной сделки (обеспечение законности, стабильности и предсказуемости развития гражданско-правовых отношений, защита их добросовестных участников);

7) законодательство не содержит такого условия для применения правил о притворной сделке, как ее полное соответствие всем условиям той сделки, которая используется для прикрытия; прикрывающая сделка может иметь иные дефекты, которые могут привести к ее признанию недействительной по иным основаниям; не имеет значения то, имеются ли в документах, которые содержат условия притворной сделки, элементы реальной (прикрываемой) сделки или иные условия, свидетельствующие о реальной цели сторон;

8) законодательство учитывает разность целей совершения притворной сделки при оценке фактически наступивших правовых последствий: к сделке (сделкам и / или иным действиям), которую стороны действительно имели в виду (прикрывали), с учетом ее существа и содержания применяются относящиеся к ней правила; если правовые последствия прикрываемой сделки соответствуют закону, то она создает для сторон соответствующие права и обязанности; если прикрытая сделка недействительна, то она не создает никаких последствий, кроме связанных с ее недействительностью;

9) притворная сделка, будучи частным случаем обхода закона, не является сделкой, совершенной в обход закона с противоправной целью; здесь не подлежат применению условия и основания ст. 10

[90] Заметим, что некоторые исследователи отмечают как раз важность для квалификации притворной сделки *совпадения некоторых условий притворной и прикрытой сделок* (см.: *Толстой В.С.* Указ. соч. С. 35; *Кузнецова О.А.* Мнимые и притворные сделки в гражданском праве // Законодательство. 2006. № 6. С. 17).

и 168 ГК РФ; у такой сделки имеется собственное специальное основание недействительности, установленное п. 2 ст. 170 ГК РФ;

10) в силу природы притворной сделки и маскировки истинных намерений сторон, суд, в случае возникновения спора, в т.ч. между сторонами притворной сделки, не может довериться имеющимся (представленным) и формально соответствующим законодательству документам, которые содержат условия притворной сделки (например, соответствующие договоры, оформляющие сделку), а также фактам её нотариального удостоверения, государственной регистрации, отражения в бухгалтерской отчетности и проч.;

11) для цели установления истинной воли сторон, а также иных намерений необходимо анализировать максимально широкий круг обстоятельств, в т.ч. личность и правовое положение сторон сделки; их (сторон, а в отдельных случаях и третьих лиц) поведение, сложившуюся практику отношений между сторонами, их переписку; личность и правовое положение представителей сторон; поведение сторон в сходных отношениях, но с другим субъектным составом; сложившуюся практику поведения субъектов права в той сфере деятельности, в которой совершается потенциально притворная сделка (практику отношений, которые в обычном обороте объясняют намерения стороны совершить определенное действие); фактор времени совершения действий: о взаимосвязанном характере нескольких притворных сделок может свидетельствовать их совершение с незначительным перерывом во времени (к примеру, до года), совершение нескольких взаимосвязанных сделок в один день и др.; взаимосвязанность различных действий сторон и / или третьих лиц; характер совершенной сделки, ее условия и экономический смысл; наступление определенных правовых последствий, факт исполнения сделки и прочие обстоятельства;

12) в силу несоответствия воли и волеизъявления сторон в притворной сделке, замаскированности правового результата, которого они стремятся достичь, исследовать вопрос о притворности на основании простого анализа текста договора (буквального значения содержащихся в нем слов и выражений) невозможно;

13) установление иных правовых последствий, к которым стремились стороны, а также иных намерений сторон – это вопрос факта. Подтверждаться соответствующие обстоятельства в силу маскировки притворного характера сделки могут любыми доступными доказательствами (документы, переписка сторон, показания свидетелей и проч.).

В перспективе, с нашей точки зрения, положения ст. 170 ГК РФ требуют изменения – надо разделить регулирование притворной и мнимой сделки, «разведя» их по разным статьям Кодекса. В свою очередь, при описании критериев и последствий и мнимой, и притворной сделки необходимо учесть правовые позиции судов, накопленные за последние годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анненков К.* Система русского гражданского права. 3-е изд., вновь пересмотр. и доп. СПб., 1910. Т. 1. Введение и общая часть. С. 560.
2. *Бежецкий А.Ю.* Недействительность мнимых и притворных сделок: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 10.
3. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: общие положения. М., 1997. С. 135.
4. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. СПб., 1894. Вып. 1: Введение и общая часть. С. 125, 126.
5. *Великжанин П.А.* Типичные ситуации и причины совершения притворных сделок // Научный вестник Волгоградской академии госслужбы. Сер. «Юриспруденция». 2010. № 1/3. С. 70.
6. *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016.
7. *Волков А.В.* Притворные и мнимые сделки: трудности квалификации // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сб. науч. ст. / В.В. Акинфиева, Л.А. Аксенчук, А.А. Ананьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2017. С. 206.
8. *Вольфсон В.Л.* О притворности, мнимости и лжеатрибуции: «обход закона» как когнитивная деформация фиктивных сделок // Вестник СПбУ. Сер. 14 «Право». 2015. № 1. С. 4.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6–12 / Д.Х. Валеев, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М., 2014. С. 215.
10. Гражданское право: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. Ч. 1. С. 242.
11. Гражданское право: учеб: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1. Общая часть. С. 440.
12. Гражданское право России: учеб. / под ред. З.И. Цыбуленко. М., 1998. Ч. 1. С. 192.
13. *Гуляев А.М.* Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. Сената и проекта Гражданского уложения: пособие к лекциям. 4-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1913. С. 339.
14. *Гутников О.В.* Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М., 2003. С. 168.
15. *Гутников О.В.* Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 141.
16. *Данилов И.А.* Вопросы недействительности притворных сделок // Юрист. 2011. № 23. С. 31–36.

17. *Дормидонтов Г.Ф.* Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. С. 70, 73.

18. *Дювернуа Н.Л.* Чтения по гражданскому праву. IV-е изд. СПб., 1905. Т. 1. Введение и часть общая (Вып. III. Измерение юридических отношений. Учение о юридической сделке). С. 816.

19. *Захарова О.Е.* «Обход закона», мнимые и притворные сделки: взаимосвязь и отличительные особенности // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 165.

20. *Коротков Д.Б.* Запрет действий в обход закона как институт гражданского права // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый Пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 2013 г.): избр. материалы / А.А. Ананьева, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2014.

21. *Кузнецова О.А.* Мнимые и притворные сделки в гражданском праве // Законодательство. 2006. № 6. С. 17.

22. *Кузнецова О.А.* Фиктивные явления в праве. Пермь, 2004. С. 112, 113.

23. *Матвеев И.В.* Правовая природа недействительных сделок. М., 2002. С. 69.

24. *Мейер Д.И.* О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях // Избр. тр.: в 2 т. / вступит. слово П.В. Крашенинникова. М., 2016. Т. 2. С. 106, 111.

25. *Мурашко М.С.* Притворные сделки в судебной практике // Росс. юстиция. 2006. № 3. С. 4–11.

26. *Новицкий И.Б.* Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 124–127.

27. *Перетерский И.С.* Сделки. Договоры. М., 1929. С. 31, 32.

28. *Полетаев Н.А.* Мнимые и притворные сделки, безденежность, causa obligationis и незаконное обогащение по проекту обязательственного права // Вестник права. Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском ун-те. 1900. № 3. С. 4–15.

29. Прения по реферату С.Ф. Березкина «О симулятивных договорах» // Протокол заседания Юридического общества при Новороссийском ун-те. 1882. № 18. С. 54–61.

30. *Рабинович Н.В.* Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 87.

31. *Ривлин Х.* О симулятивных сделках // Журнал Санкт-Петербургского юридического общества. 1897. Кн. 6. С. 57–88.

32. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М., 2002. С. 148.

33. *Скловский К.И.* Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М., 2019. С. 183.

34. Советское гражданское право. М., 1973. С. 95.

35. *Соколов И.* Мнимые и притворные сделки // Сов. юстиция. 1987. № 12. С. 24.

36. *Танимов О.В.* Теория юридических фикций. М., 2018. С. 145–148.

37. *Тархов В.А.* Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. Чебоксары, 1997. С. 233.

38. *Тололаева Н.В.* Соотношение некоторых оснований недействительности сделки // Судья. 2015. № 10. С. 32–39.

39. *Толстой В.С.* Мнимые и притворные сделки // Соц. законность. 1971. № 12. С. 34–36.

40. *Тузов Д.О.* Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007. С. 233.

41. Хроника гражданского суда // Юрид. вестник. 1880. Кн. 5. С. 156–159 (автор – *Муромцев С.А.*).

42. *Шахматов В.П.* Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967. С. 175.

43. *Шестакова Н.Д.* Недействительность сделок. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008. С. 29, 30.

REFERENCES

1. *Annenkov K.* The system of Russian Civil Law. 3rd ed., rev. again and add. SPb., 1910. Vol. 1. Introduction and General part. P. 560 (in Russ.).

2. *Bezhetsky A. Yu.* Invalidity of imaginary and pretended transactions: problems of theory and practice: abstract dis. ... PhD in Law. M., 2013. P. 10 (in Russ.).

3. *Braginsky M.I., Vitryansky V.V.* Contractual law: general provisions. M., 1997. P. 135 (in Russ.).

4. *Vaskovsky E.V.* Textbook of Civil Law. SPb., 1894. Issue 1: Introduction and general part. P. 125, 126 (in Russ.).

5. *Velikzhanin P.A.* Typical situations and reasons for making fake transactions // Scientific herald of the Volgograd Academy of Civil Service. Ser. "Jurisprudence". 2010. No. 1/3. P. 70 (in Russ.).

6. *Vitryansky V.V.* Reform of the Russian civil legislation: interim results. M., 2016 (in Russ.).

7. *Volkov A.V.* Pretended and imaginary transactions: difficulties of qualification // Seventh Perm Congress of Legal Scientists (Perm, November 18–19, 2016): collection of scientific articles / V.V. Akinfieva, L.A. Aksenchuk, A.A. Ananyeva, etc.; ed. by V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. M., 2017. P. 206 (in Russ.).

8. *Wolfson V.L.* On pretence, pretence and false attribution: "circumvention of the law" as a cognitive deformation of fictitious transactions // Herald of SPbU. Ser. 14 "Law". 2015. No. 1. P. 4 (in Russ.).

9. The Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary on chapters 6–12 / D.H. Valeev, A.V. Gabov, M.N. Ilyushina, et al.; ed. by L.V. Sannikova. M., 2014. P. 215 (in Russ.).

10. Civil Law: textbook. 2nd ed., reprint. / ed. by A.P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy. M., 1997. Part 1. P. 242 (in Russ.).

11. Civil Law: textbook: in 4 t. / ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., reprint. and add. M., 2019. Vol. 1. The common part. P. 440 (in Russ.).

12. Civil Law of Russia: textbook / ed. by Z.I. Tsybulenko. M., 1998. Part 1. P. 192 (in Russ.).

13. *Gulyaev A.M.* Russian Civil Law. Review of current legislation, cassation practice of the Governing Senate and the draft Civil Code: a guide to lectures. 4th ed., rev. and supplemented. SPb., 1913. P. 339 (in Russ.).

14. *Gutnikov O.V.* Invalid transactions in Civil Law. Theory and practice of contesting. M., 2003. P. 168 (in Russ.).

15. *Gutnikov O.V.* Invalid transactions in civil law (theory and practice of contesting). 3rd ed., rev. and add. M., 2007. P. 141 (in Russ.).

16. *Danilov I.A.* Questions of invalidity of pretended transactions / Lawyer. 2011. No. 23. P. 31–36 (in Russ.).

17. *Dormidontov G.F.* Classification of phenomena of legal life related to cases of application of fictions. Kazan, 1895. P. 70, 73 (in Russ.).

18. *Duvernois N.L.* Readings on Civil Law. IV ed. SPb., 1905. Vol. 1. Introduction and general part (Vol. III. Measurement of legal relations. The doctrine of a legal transaction). P. 816 (in Russ.).

19. *Zakharova O.E.* "Circumvention of the law", imaginary and pretended transactions: interrelation and distinctive features // Herald of Economics, Law and Sociology. 2017. No. 4. P. 165 (in Russ.).

20. *Korotkov D.B.* Prohibition of actions bypassing the law as an institution of Civil Law // 20 years of the Constitution of the Russian Federation: current problems of legal science and law enforcement in the context of improving Russian legislation: The Fourth Perm International Congress of Legal Scientists (Perm, October 18–19, 2013): elected. materials / A.A. Ananyeva, V.K. Andreev, L.V. Andreeva et al.; ed. V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. M., 2014 (in Russ.).

21. *Kuznetsova O.A.* Imaginary and pretended transactions in Civil Law // Legislation. 2006. No. 6. P. 17 (in Russ.).

22. *Kuznetsova O.A.* Fictitious phenomena in law. Perm, 2004. P. 112, 113 (in Russ.).

23. *Matveev I.V.* The legal nature of invalid transactions. M., 2002. P. 69 (in Russ.).

24. *Meyer D.I.* On legal fictions and assumptions, on hidden and pretended actions // Selected works: in 2 vols. / opening remarks P.V. Krasheninnikov. M., 2016. Vol. 2. P. 106, 111 (in Russ.).

25. *Murashko M.S.* Pretended transactions in judicial practice // Russ. justice. 2006. No. 3. P. 4–11 (in Russ.).

26. *Novitsky I.B.* Course of Soviet Civil Law. Transactions. The statute of limitations. M., 1954. P. 124–127 (in Russ.).

27. *Peretersky I.S.* Transactions. Contracts. M., 1929. P. 31, 32 (in Russ.).

28. *Poletaev N.A.* Imaginary and pretended transactions, lack of money, causa obligationis and illegal enrichment under the draft law of obligations // Herald of the Law. Journal of the Law Society at the Imperial St. Petersburg University. 1900. No. 3. P. 4–15 (in Russ.).

29. Debate on S.F. Berezkin abstract of "On simulation on contracts" // The minutes of the meeting of the Law society at Novorossiysk University. 1882. No. 18. P. 54–61 (in Russ.).

30. *Rabinovich N.V.* Invalidity of transactions and its consequences. L., 1960. P. 87 (in Russ.).

31. *Rivlin H.* About simulative transactions // Journal of the St. Petersburg Law Society. 1897. Book 6. P. 57–88 (in Russ.).

32. *Sinaisky V.I.* Russian Civil Law. M., 2002. P. 148 (in Russ.).

33. *Sklovsky K.I.* Transaction and its effect. Commentary of Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation. The principle of good faith. 4th ed., add. M., 2019. P. 183 (in Russ.).

34. Soviet Civil Law. M., 1973. P. 95 (in Russ.).

35. *Sokolov I.* Imaginary and pretended transactions // Soviet Justice. 1987. No. 12. P. 24 (in Russ.).

36. *Tanimov O.V.* Theory of legal fictions. M., 2018. P. 145–148 (in Russ.).

37. *Tarkhov V.A.* Civil Law. The general part. A course of lectures. Cheboksary, 1997. P. 233 (in Russ.).

38. *Tololaeva N.V.* Correlation of some grounds for invalidity of a transaction // Judge. 2015. No. 10. P. 32–39 (in Russ.).

39. *Tolstoy V.S.* Imaginary and pretended transactions // Socialist legality. 1971. No. 12. P. 34–36 (in Russ.).

40. *Tuzov D.O.* Theory nullity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition. M., 2007. P. 233 (in Russ.).

41. Chronicle of the civil court // Legal herald. 1880. Book 5. P. 156–159 (author – *Muromtsev S.A.*) (in Russ.).

42. *Shakhmatov V.P.* The composition of illegal transactions and the consequences caused by them. Tomsk, 1967. P. 175 (in Russ.).

43. *Shestakova N.D.* Invalidity of transactions. 2nd ed., rev. and add. SPb., 2008. P. 29, 30 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГАБОВ Андрей Владимирович –
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, Институт государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GABOV Andrey V. –
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 227–234
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 227–234

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

КОНЦЕПЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)[1]

© 2022 г. О. С. Колбасов

Аннотация. В статье показано значение обеспечения экологической безопасности для настоящего и будущих поколений людей на национальном (российском) и международном уровнях. Выявлено соотношение экологической безопасности с военной безопасностью, экологическим (устойчивым) развитием, влияние социально-экономического развития на состояние окружающей природной среды (в аспекте соотношения экономики и экологии). Доказана важность международного сотрудничества государств в деле обеспечения экологической безопасности и раскрыта ведущая роль правовой науки (юристов-экологов) в решении проблем охраны окружающей среды.

Ключевые слова: экологическая безопасность, окружающая природная среда, экологические требования, экологический кризис, антропогенное воздействие, устойчивое развитие, международное сотрудничество, правовое регулирование, экологическое право (право окружающей среды).

Цитирование: *Колбасов О.С.* Концепция экологической безопасности (юридический аспект) // Государство и право. 2022. № 2. С. 227–234.

DOI: 10.31857/S102694520018869-6

THE CONCEPT OF ENVIRONMENTAL SAFETY (LEGAL ASPECT)[2]

© 2022 O. S. Kolbasov

Abstract. The article shows the importance of ensuring environmental safety for the present and future generations of people at the national (Russian) and international levels. The correlation of ecological safety with military security, ecological (sustainable) development, the impact of socio-economic development on the state of the environment (in terms of the ratio of economy and ecology) is revealed. The importance of international cooperation of states in ensuring environmental safety is proved and the leading role of legal science (environmental lawyers) in solving environmental protection problems is revealed.

Key words: environmental safety, environmental requirements, ecological crisis, anthropogenic impact, sustainable development, international cooperation, legal regulation, Environmental Law (the law of environment).

For citation: *Kolbasov, O.S. (2022).* The concept of environmental safety (legal aspect) // Gosudarstvo i pravo= State and Law, No. 2, pp. 227–234.

[1] Статья была напечатана в журнале «Советское государство и право». 1988. № 12. С. 47–55.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук, профессором В.В. Устюковой.

[2] The article was published in the journal “Soviet State and Law” (1988), No. 12, pp. 47–55.
Abstract and key words were compiled by Doctor of Law, Professor V.V. Ustyukova.

Исследование проблемы экологической безопасности, обсуждение ее научной концепции обусловлено стремлением содействовать претворению в жизнь идеи всеобъемлющей системы международной безопасности, выдвинутой XXVII партийным съездом и развитой в статье М.С. Горбачева «Реальность и гарантии безопасного мира»[3], в которой экологическая безопасность рассматривается как органическая часть и ключевой компонент данной системы. «Проблемы экологической безопасности, – говорится в статье, – затрагивают всех, невзирая на богатство и бедность. Необходима глобальная стратегия охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов. И мы предлагаем приступить также и к ее разработке в рамках специализированной программы ООН».

Как известно, экологическая опасность сегодня проявляется на всех уровнях человеческой деятельности – от глобального до местного. Поэтому предлагаемая стратегия в соответствующих своих положениях должна иметь как международное, так и внутреннее значение. Скажем, экологическая безопасность советского народа должна обеспечиваться мерами и международного, и внутригосударственного характера. Не случайно в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» подчеркивается, что «вопросы охраны природы имеют большую общественную значимость, в их решении недопустимы политическая и организационная вялость, безынициативность органов государственного управления, предприятий, организаций и учреждений. Борьба за экологическую безопасность на Земле должна рассматриваться как одна из самых ответственных и благородных задач советских людей»[4].

Определение

Безопасность – это отсутствие опасности. Категория безопасности давно уже входит в политический лексикон народов, в содержание разнообразных программ и комплексов реальных действий, призванных оградить людей от всякого рода угроз со стороны явлений и сил, посягающих на народное здравие, их политическую независимость и свободу, экономическое и социальное благополучие.

В современный период под влиянием научно-технического прогресса, происходящего в условиях соревнования систем капитализма и социализма, военно-политической нестабильности, неравномерности социально-экономического развития народов, характер и масштабы угроз, их количество и видовое разнообразие существенно изменились. Появились такие угрозы, которые имеют общее значение для всех живущих людей. Некоторые из них создали опасность тотального уничтожения человечества. Получившие название глобальных проблем, они тесно взаимосвязаны по условиям возникновения и по опасным последствиям.

В противовес таким угрозам народы и государства предпринимают определенные меры исправительного и профилактического (предупредительного) характера, основываясь на возрастающих знаниях закономерностей формирования и изменения реального мира, на применении достижений научно-технического прогресса и человеческой культуры, опираясь на здравый смысл и инстинкт самосохранения людей (когда недостает знаний).

Возрастание опасности вызывает необходимость объединения людей, подталкивает к мобилизации сил и возможностей народов в стремлении совместно преодолеть угрозу. Передовые умы человечества, осознавая такую необходимость, предлагают пути и средства политического, экономического, научно-технического, экологического и культурного сотрудничества стран и народов в данной области, которая приобрела ключевой характер в истории человечества. Одним из таких предложений, возможно, самым значительным, представляется выдвинутая на XXVII съезде КПСС идея создания всеобъемлющей системы международной безопасности (ВСМБ).

Главный компонент ВСМБ – военная безопасность. В самом простом понимании это система мер, устраняющих угрозу массового уничтожения людей (независимо от их участия в военных действиях) военными средствами, а также угрозу нанесения этими средствами иного существенного. вреда человечеству. Другим наиболее весомым компонентом ВСМБ является экологическая безопасность. Она также определяется как система мер, устраняющих угрозу массовой гибели людей в результате такого неблагоприятного антропогенного изменения состояния природной среды на планете, при котором человек как биологический вид лишается возможности существовать, так как не сможет удовлетворять свои естественно-физиологические и социальные потребности жизнедеятельности за счет окружающего материального мира.

Как видно из приведенных определений, между военной и экологической безопасностью существует ясно выраженная взаимосвязь. Принципиально такое родство обусловлено их общим предназначением – отвести угрозу массовой гибели людей. Но между ними и немало различий. Для

[3] Правда. 1987. 17 сент.

[4] См.: Правда. 1988. 17 янв.

достижения военной безопасности требуется осуществить довольно простую и понятную всем систему мер: демонтировать все имеющиеся в мире военные средства массового уничтожения людей, навечно запретить их производство (и все, что с этим связано), прекратить гонку вооружений, а в конечном счете установить такой международный правопорядок, при котором вообще не останется легальной возможности и не будет необходимости применять военные силы в отношениях между государствами и народами. Для достижения экологической безопасности требуются более сложные и пока недостаточно разработанные меры и направления усилий. Здесь невозможно обойтись демонтажем, прекращением, запрещением, ибо угроза проистекает из самого факта существования людей, из их нормальной, исторически предопределенной деятельности. Поэтому здесь требуется нечто большее – в корне изменить отношение к природной среде, создать новую, никогда прежде не существовавшую систему отношений, при которой каждый их участник сознательно и в силу воспитанной привычки заботится о сохранении окружающей природной среды, о поддержании ее в благоприятном состоянии в соответствии с известными экологическими требованиями, базирующимися на знаниях объективных законов материального мира.

Экологический правопорядок

Создание системы экологической безопасности немыслимо вне права. Поэтому в ее содержание естественно включается совокупность национальных и международных постоянно действующих юридических условий и требований, которые устанавливаются и проводятся в жизнь заинтересованными государствами индивидуально или коллективно в целях обеспечения бесконечно длительного существования и развития человечества на Земле в гармонии с окружающей природой.

Можно ли утверждать, что на Земле уже имеется правовое обеспечение экологической безопасности? К сожалению, нет. Хотя, несомненно, за последние два – три десятилетия в мире выполнена огромная работа по формированию организационно-юридического механизма в области охраны окружающей среды, практически надлежащее правовое обеспечение все еще не создано.

Человечество, насчитывающее сегодня свыше 5 млрд людей, имеет весьма сложную внутреннюю организацию. 170 суверенных государств, включая 159 государств – членов ООН, а также примерно 50 квазисуверенных национально-государственных образований, одновременно и объединяют, и разделяют народы. В каждом государстве своя правовая система, соответствующая уровню социально-экономического развития, политическому строю общества, традициям национальной или многонациональной культуры. Во внутреннем праве каждого государства имеются определенные правовые нормы, регламентирующие природоохранение и природопользование. Но лишь около 100 государств приняли общие законы об охране окружающей среды, выражающие экологическую политику страны, и образовали специализированные системы органов экологического управления и контроля.

На международном уровне принято более ста многосторонних и несколько тысяч двусторонних соглашений (договоров, конвенций), а также множество политико-юридических документов, полностью или частично посвященных вопросам охраны окружающей среды и регулирования использования природных ресурсов. Среди них соглашения и документы, имеющие программный, стратегический характер. Это резолюция XII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО от 12 декабря 1962 г. «Экономическое развитие и охрана природных ресурсов, флоры и фауны»; резолюция 17-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1962 г. «Экономическое развитие и охрана природы»; Декларация Стокгольмской конференции ООН по проблемам окружающей человека среды от 16 июня 1972 г. и принятый в тот же день План действий; Заключительный акт Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.); Всемирная стратегия охраны природы, одобренная 14-й сессией Генеральной Ассамблей Международного союза охраны природы и природных ресурсов в октябре 1978 г. в Ашхабаде; резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 30 октября 1980 г. «Об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешнего и будущих поколений»; Всемирная хартия природы, одобренная и торжественно провозглашенная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 28 октября 1982 г.; доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию под названием «Наше общее будущее», получивший одобрение на 42-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1987 г. Создается впечатление, что юридическая база экологической безопасности выглядит вполне солидно. Но это только видимость. На самом деле картина безрадостная.

Конечно, необходимо и дальше совершенствовать нормативно-юридическую базу, чтобы создать полную, всесторонне сбалансированную, стоящую на реалистической почве систему природоохранных целей, принципов, приоритетов, норм, процедур и методических рекомендаций, руководствуясь которыми, люди могли бы жить в гармонии с природой. Однако самой серьезной проблемой, которая стала камнем преткновения

на пути дальнейшего прогресса природоохранения в мире, является своего рода общечеловеческий саботаж в деле соблюдения экологических требований.

Охрана природы – дело дорогостоящее, обыкновенно не дающее коммерческой прибыли. И если народы и правительства, понимая это, выступают за охрану природы, они должны быть готовыми платить, т.е. финансировать природоохранные мероприятия. На деле же на нужды охраны природы выделяются минимальные средства и минимальные человеческие силы, которые не компенсируют возрастающего антропогенного разрушения природной среды. Не желая давать пищу для международной критики, под видом всякого рода тайн – государственных, военных, коммерческих и т.п., многие правительства стараются скрыть действительное состояние экологии в своей стране, преуменьшить значение экологически вредных явлений, преувеличить эффект природоохранных мер.

В сознании огромного числа живущих людей, в политике стран и народов экологическая проблематика все еще пользуется низким приоритетом. Всякий раз, когда в конкретных условиях приходится выбирать между соблюдением экологических требований и удовлетворением каких-либо человеческих потребностей, предпочтение отдается последним. Изобилие природоохранных законов и подзаконных нормативных актов, международных соглашений и программ вполне уживается с их откровенным игнорированием под всякими предлогами и на всех уровнях человеческого бытия. Можно сказать, что экологические правовые нормы в значительной мере не выполняются. И с этим смирились, к этому привыкли. Государства и народы взирают на это без тревоги. И даже Программа ООН по окружающей среде, на которую возлагались большие надежды в смысле укрепления международного экологического правопорядка, «плетется в хвосте» событий.

Именно поэтому все сделанное для охраны окружающей среды в мире до сих пор не обеспечивает коренного перелома в сторону благоприятных экологических тенденций развития. Наоборот, продолжают доминировать отрицательные тенденции, т.е. человечество развивается по пути к экологическому кризису. Не существует бесспорных данных о том, как далеко зашли люди в этом направлении, имеется ли еще возможность избежать возникновения экологического кризиса или его наступление уже стало неотвратимым в обозримой перспективе. Но количество и масштабы событий, сигнализирующих об усиливающейся глобальной деструкции биосферы, из года в год возрастают.

Соотношение экологической безопасности и экоразвития

В чем причина такого положения, почему страны и пароды, уже вполне осознавшие реальную опасность экологической угрозы, так рискованно пренебрегают ею? Почему, в принципе соглашаясь с необходимостью охранять природу, они на деле стремятся уклониться от выполнения природоохранных мер либо создают видимость их выполнения или откладывают их реализацию на неопределенный срок? Есть серьезные основания полагать, что главная причина кроется в наличии трудноустранимого противоречия между охраной природы и социально-экономическим развитием. Предопределяют существование этого противоречия два объективных условия.

Одно из них связано с действием объективных законов природы, которые проявляются в сложных взаимосвязях между антропогенными воздействиями и характером, временем, местом наступающих затем изменений качества окружающей природной среды. Дело в том, что социально-экономическое развитие всегда сопряжено с усилением антропогенных воздействий и изменениями природной среды. Но изменения не очевидны. Довольно часто, например, загрязнение окружающей среды не наносит ущерба самому загрязнителю, а оказывается вредным для других лиц, причем не в том месте, где расположен источник загрязнения, а в значительном удалении от него. Поэтому загрязнитель часто пребывает в уверенности, что для него самого его собственные экологически вредные действия не опасны и пройдут безнаказанно.

С другой стороны, не всегда очевидна и польза дорогостоящих природоохранных мер. Обычно они приносят пользу не тому, кто их осуществляет, и не в том месте, где их проводят. Это порождает индивидуальную незаинтересованность отдельных лиц, коллективов, народов и правительств в охране природы, в предупреждении и устранении вредных антропогенных воздействий на окружающую среду. Каждый рассуждает примерно так: «Если я затрачу средства и силы на охрану природной среды, то выгоду от этого получит все общество либо его отдельные части или даже только будущие поколения людей. Для меня же такая затрата средств и сил обернется лишь уменьшением моих возможностей для решения собственных проблем. Так не лучше ли отложить дело охраны природы, а заниматься собственными проблемами, которые являются более важными и срочными!» Естественно, у любого человека, отдельной социальной группы, народа или правительства всегда найдутся проблемы более важные и срочные. Это голод, нищета, обеспечение жильем, развитие

производства, культуры, устранение разного рода конфликтов и т.д. Поэтому в жизни всегда стоит вопрос – что сегодня важнее, охрана природы или другие задачи?

Теперь следует сказать, что вторым объективным условием, предопределяющим противоречие между охраной окружающей природной среды и социально-экономическим развитием, является господствующее повсюду в мире товарное производство с его экономическими законами. Известно, что основной принцип товарного производства – выпуск возможно большего количества товарной продукции при наименьших затратах. Следуя данному принципу, любой товаропроизводитель заинтересован в максимальном сокращении издержек производства. Это элементарный закон, имеющий всеобщее значение. Между тем при современных способах производства расходы на охрану природы обычно не увеличивают ни количества, ни качества производимой продукции, но повышают издержки производства. Иначе говоря, расходы на охрану природы не выгодны товаропроизводителю, и он стремится их избежать. В этом состоит противоречие между экологией и экономикой. Оно давно замечено, и уже на ранних стадиях развития природоохранного движения родились идеи о поисках таких путей и средств социально-экономического развития, которые позволяли бы совмещать его с выполнением экологических требований, т.е. требований по охране окружающей среды и обеспечению рационального использования природных ресурсов. Это и есть идеи экологически корректного развития, или экоразвития.

Итак, чтобы меры охраны окружающей природной среды стали экономически выгодными для всех лиц, социальных групп, народов и правительств, необходимо искать пути и средства преодоления указанных выше противоречий. Несмотря на то, что теоретическая возможность решения данного вопроса всеми признается, практически это выглядит утопией. Слишком мало оснований надеяться, что человечество сможет в какой-то исторически короткий срок перестроить все производство и весь образ жизни людей в соответствии с экологическими требованиями. И тем не менее никакого иного пути, видимо, нет. У человечества нет иной возможности сохранять и поддерживать окружающую природную среду в благоприятном состоянии в процессе социально-экономического развития, кроме перестройки производства и всего образа жизни в соответствии с экологическими требованиями.

Сделать это исключительно экономическим путем, на мой взгляд, невозможно. Необходимо использовать здесь весь арсенал средств, начиная с экологического воспитания и обучения и кончая созданием эффективного правового механизма, регламентирующего поведение людей с целью сделать его экологически корректным, даже если для этого придется применять средства принуждения. Такой подход и должен означать систему экологической безопасности всего человечества, отдельных стран ц народов.

Если обратиться к новейшему программному документу в данной области, имеющему глобальное значение, – докладу Международной комиссии по окружающей среде и развитию под названием «Наше общее будущее», то не трудно увидеть, что именно такой подход предлагается принять на вооружение для обеспечения длительного устойчивого развития человечества. Это вытекает, в частности, из содержащихся в докладе общих юридических принципов, разработанных группой экспертов по праву окружающей среды[5]. Среди провозглашенных принципов на первое место поставлены право человека на жизнь в благоприятных условиях окружающей природной среды, а также обязанность государств охранять и использовать природу и ее ресурсы в интересах живущих и будущих поколений людей. Предусматривается применять нормативный метод регулирования природопользования и охраны окружающей среды путем разработки и применения научно обоснованных экологических стандартов. Предварительная экологическая оценка любой предлагаемой деятельности также определена как всеобщий и обязательный для всех принцип. Закреплена обязанность государств своевременно информировать международное сообщество или по крайней мере круг заинтересованных государств, которые могут оказаться потенциальными потерпевшими от неблагоприятных изменений природной среды в результате осуществления данным государством производственных, экспериментальных или иных мероприятий. Мероприятия по охране окружающей среды должны быть органической составной частью планирования и осуществления социально-экономического развития. Государства обязаны всемерно сотрудничать в решении глобальной экологической проблемы, чтобы добиваться максимального объединения человечества ради сохранения единой природы с ее законами. Выраженные в докладе принципы регламентируют и другие различные стороны совместной деятельности народов и правительств в области охраны окружающей среды и регулирования природопользования.

Предлагаемые юридические принципы вытекают из императивного характера экологических требований. Адресованные государствам, они четко определяют все то, что необходимо делать

[5] См.: Our Common Future. Oxford, 1987. P. 348–351.

в поисках скорейшего достижения гармонии между экологией и экономикой в целях обеспечения длительного устойчивого развития человечества на Земле. Надо прежде всего обеспечить экономическую заинтересованность в охране природы. Но человечество не может ждать, когда такие меры будут найдены и внедрены в практику. Выполнение экологических требований не должно зависеть от того, выгодны ли они экономически отдельным лицам, социальным группам, народам и правительствам, ибо сохранение жизнеспособности человечества на Земле в конечном счете стоит выше любых материальных затрат и интересов.

Но всеобщая обязательность экологических требований является и важнейшим конституирующим принципом экологической безопасности. Она проистекает из тотального характера опасности экологического коллапса, который человечество обязано не допустить во имя собственного спасения. Совершенно очевидно, что, когда угрожающая опасность всеобщая, то и обязанность защищаться от нее также должна быть всеобщей.

Не трудно видеть, что концепция экологической безопасности и эко развития являются взаимодополняющими. При этом в современных условиях экобезопасность служит как бы средством реализации экоразвития. Исторически всеобщая императивность имеет здесь даже большее значение, чем в устранении военной угрозы. Проблема устранения угрозы термоядерной войны решается практически на основе договоренности ядерных держав, тогда как устранение угрозы экологической катастрофы возможно лишь на базе согласованного взаимодействия всех существующих государств.

Между тем сложившееся положение в данной области не отвечает принципу всеобщего участия. Большое число международных соглашений, направленных на обеспечение экологической безопасности народов, недостаточно эффективно. За пределами круга их участников нередко остаются страны, оказывающие существенное антропогенное воздействие на природу Земли. Другие страны, формально участвующие в соглашениях, делают слишком мало для их выполнения. Очевидна необходимость создания международного механизма, способствующего повышению экологической активности государств.

Стратегия для обозримого будущего

Итак, гвоздь проблемы прежде всего в том, чтобы добиться реального полного выполнения принятых и принимаемых решений природоохранного характера, устранить разрыв между словом и делом, между тем, что решено и записано, и тем, что происходит в действительности. Как откликнуться на это веление времени? Каким образом перестроить образ действий людей, чтобы жизнь на Земле развивалась в согласии с требованиями экологического правопорядка и человечество было избавлено на вечные времена от угрозы экологической катастрофы?

На мой взгляд, в житейской практике есть хороший принцип, которым следовало бы воспользоваться: проверка – начало энергичного дела. Целесообразно в ближайшие годы на всех уровнях социально-политической структуры человечества проверить как состояние нормативно-юридической базы в области охраны окружающей среды, так и практику соблюдения экологических требований. Иными словами, надо оценить, достаточно ли развито международное и внутреннее экологическое законодательство, соблюдается ли оно на практике, и если не соблюдается, то по каким причинам. Речь идет не только о разовых случаях несоблюдения, а главным образом об устойчивых тенденциях резистенции по отношению к экологическим требованиям. Работа эта серьезная, не очень приятная, ибо может привести к взаимной критике стран и правительств, которая мало кому нравится. Но такая критика будет иметь под собой разумную основу, добрые намерения и стремление оказать поддержку тем странам и народам, которые по историческим причинам оказались в трудном положении.

Вероятно, возникнет вопрос о соответствующем международном организационном механизме. Естественно, рассчитывать на Организацию Объединенных Наций, особенно на ЮНЕП – Программу ООН по окружающей среде. Поэтому данные организации должны продумать и пересмотреть свою роль в контексте предстоящего исторически обусловленного усиления работы в области охраны окружающей среды.

В содержание этой работы, помимо проверки соблюдения экологических правовых требований, видимо, войдет множество других вопросов, связанных с распространением экологических знаний, обучением и воспитанием населения, развитием науки и техники, внедрением экологических оптимальных технологий во все сферы общественного производства материальных благ и оказания услуг, разработкой и применением мер морального и материального стимулирования экологически полезной человеческой деятельности, проведением постоянного контроля за физическим, химическим и биологическим состоянием природной среды планеты и осуществлением контроля за антропогенными воздействиями на природу, необходимы будут также разработка и осуществление теории социальной экологии и стратегии экоразвития. У международного сообщества имеется уже большой опыт конкретно-практической

организации работы во всех этих направлениях. Надо этот опыт использовать, развивать обогащать.

С юридической точки зрения можно было бы рекомендовать включить в Программу ООН по окружающей среде следующие задачи: регулярно созывать международные симпозиумы квалифицированных экспертов из заинтересованных государств для обсуждения и оценки степени соблюдения экологических требований и выполнения экологических программ, принятых на международном уровне, чтобы таким путем стимулировать укрепление экологического правопорядка вне и внутри государств; регулярно информировать правительства и широкую общественность о существующей и желательной степени участия государств в международных соглашениях и программах, а также об их деятельности в реализации международных соглашений и программ; более эффективно поддерживать и поощрять взаимную помощь государств, заинтересованных в экологическом сотрудничестве по общим или частным вопросам охраны окружающей среды; поддерживать морально и материально те международные организации, которые в своей работе обоснованно доказывают необходимость, срочность и полезность согласованных действий государств в решении конкретных вопросов экологической безопасности.

Одним из эффективных мероприятий, которое Программа ООН по окружающей среде могла бы осуществить в ближайшее время, следует признать созыв всемирного совещания крупнейших и наиболее известных юристов – специалистов по праву окружающей среды, с целью рассмотрения вопросов теории и практики дальнейшего развития права окружающей среды в мире, наметить меры по укреплению экологического правопорядка. Вероятно, на этом совещании надо подумать о создании Всемирного свода экологических требований, принципов и норм, а также об учреждении постоянно действующей Комиссии по праву окружающей среды, которая имела бы консультативный статус в системе ООН и в необходимых случаях могла служить форумом для разрешения международных экологических споров.

Историческая роль правовой науки

Глубокое понимание сущности, конструктивная разработка содержания и эффективное практическое применение концепции экологической безопасности немыслимы без развития соответствующей научной базы. И правовой науке здесь принадлежит выдающаяся роль.

Прежде всего необходимо на современном уровне аргументировать п обосновать оправданность и эффективность строгого юридического нормирования поведения людей в интересах устранения угрозы экологического кризиса в сочетании с полноценным социально-экономическим развитием человечества. Надо также разработать оптимальную модель юридического механизма регулирования, который позволит реализовать такую возможность и создать на практике систему экологической безопасности. Наконец, следует предложить схему перехода от современного состояния правового регулирования к новой модели. Разумеется, это возможно сделать лишь на основе анализа и критической оценки не только сложившейся практики, но и всего научного наследия в области экологического права.

За последние два десятилетия юристы многих стран мира добились значительных результатов в разработке теории правового регулирования природопользования и охраны окружающей среды. В трудах ученых убедительно раскрыта общая тенденция формирования в мире экологического права (права окружающей среды) как нового структурного компонента всей мировой системы права. Показаны необходимость и способы перестройки права с целью его более эффективного использования как инструмента, обеспечивающего проведение в жизнь известных людям объективно обусловленных экологических требований. Разработаны юридические основы государственного управления природопользованием и природоохранением, не раз обсуждались система санкций, применяемых в борьбе с экологическими правонарушениями, меры судебной и внесудебной защиты интересов населения в случаях загрязнения окружающей среды и иных неблагоприятных изменений состояния природных условий по вине промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий.

Такова общая картина. Вряд ли здесь возможно полностью и детально охарактеризовать достигнутый за последнее время прогресс научной мысли в рассматриваемой области правовой науки. Можно лишь определенно утверждать, что постепенно, но в сравнительно короткий исторический срок сложилась целая школа юристов-экологов. Но чтобы двигаться вперед, необходимо еще больше активизировать научное мышление, правильно оценив достигнутый уровень науки, наметить пути и меры дальнейшего прогресса. Время не ждет. Правовая система экологической безопасности человечества потребуется не через сто лет. Она нужна уже сегодня. А значит назрела потребность в созыве всемирного форума ученых в данной области науки – максимально представительного международного конгресса по экологическому праву. Проведение такого рода конгрессов в области традиционных и новых естественных, технических и гуманитарных наук, как показала практика,

во многом себя оправдывает (вспомним конгрессы по геологии, океанологии, социологии, политологии). Глубокое обсуждение проблем, обмен идеями, живое общение специалистов на конгрессе придаст ускорение творческому процессу и послужит мощным стимулом дальнейших усилий по созданию системы экологической безопасности. Организацию конгресса вполне мог бы взять на себя созданный почти 20 лет назад (Нью-Дели, 1960 г.) Международный совет по праву окружающей среды. Думаю, что государства и другие международные организации окажут конгрессу по экологическому праву необходимую поддержку.

* * *

Таким образом, эколого-правовая наука стоит перед необходимостью помочь человечеству сделать систему экологической безопасности реальностью, и для этого она располагает всеми возможностями. В этом и состоит ее долг служения практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горбачев М.С.* Реальность и гарантии безопасного мира // Правда. 1987. 17 сент.
2. Our Common Future. Oxford, 1987. P. 348–351.

REFERENCES

1. *Gorbachev M.S.* Reality and guarantees of a safe world // Pravda. 1987. 17 Sep. (in Russ.).
2. Our Common Future. Oxford, 1987. P. 348–351.

Сведения об авторе

КОЛБАСОВ Олег Степанович –
член-корреспондент Российской академии наук

Authors' information

KOLBASOV Oleg S. –
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 235–242
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 235–242

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

ЗАЩИТА БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ[1]

© 2022 г. Г. А. Тосунян

E-mail: g.tosunyan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам «масштабного» совершенствования специального банковского, налогового и уголовного законодательства, восполнению пробелов и устранению противоречий между отдельными нормами уголовного, гражданского и банковского права.

Развитие предпринимательства вообще и рынка капитала, в частности, требует кардинальной переработки не только Уголовного кодекса, но и согласованного изменения всего блока уголовно-правовых нормативных актов. Необходимость принятия неотложных мер по совершенствованию законодательства обусловлена и тем, что сфера банковского капитала стала одним из самых криминогенных секторов отечественной экономики.

В статье исследуются отдельные вопросы, связанные с отставанием процесса формирования системы законодательной поддержки новых кредитно-денежных отношений от темпов становления свободного рынка. Оздоровление рынка капитала нуждается в комплексном подходе к усовершенствованию уголовного, банковского и налогового законодательства, достижению полной согласованности, в четком формулировании и усвоении основных понятий и категорий финансовой деятельности, становлении прочных деловых традиций.

Сфера финансово-кредитных отношений из-за полного отсутствия правового регулирования новых видов деятельности оказалась открытой для незаконных посягательств, в связи с чем автор приходит к выводу о необходимости включения в Уголовный кодекс РФ новых статей, направленных на защиту «цивилизованных» предпринимателей от криминальных посягательств.

В заключение сделано предложение о целесообразности дополнить уголовное законодательство рядом концептуальных положений, обеспечивающих функционирование рынка капитала и защиту цивилизованной банковской деятельности.

Ключевые слова: кредитно-банковская система, банки, кредит, банковские и небанковские операции, финансовая (банковская) деятельность, лжепредпринимательство, неконтролируемые капиталы, налоги, оптимизация работы налоговых органов, уголовно-правовое регулирование.

Цитирование: *Тосунян Г.А.* Защита банковской деятельности: уголовно-правовой аспект // Государство и право. 2022. № 2. С. 235–242.

DOI: 10.31857/S102694520019129-2

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 1995. № 3. С. 49–56.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук, профессором М.Н. Кобзарь-Фроловой.

PROTECTION OF BANKING ACTIVITY: THE CRIMINAL-LEGAL ASPECT[2]

© 2022 G. A. Tosunyan

E-mail: g.tosunyan@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of "large-scale" improvement of special banking, tax and criminal legislation, filling gaps and eliminating contradictions between certain norms of Criminal, Civil and Banking Law. The development of entrepreneurship in general and the capital market in particular requires a radical revision of not only the Criminal Code, but also a coordinated change in the entire block of criminal law regulations. The need to take urgent measures to improve legislation is also due to the fact that the sphere of banking capital has become one of the most criminogenic sectors of the domestic economy.

The article examines certain issues related to the lagging behind the formation of a system of legislative support for new monetary relations from the pace of the formation of a free market. The improvement of the capital market requires an integrated approach to the improvement of criminal, banking and tax legislation, the achievement of full consistency, a clear formulation and assimilation of the basic concepts and categories of financial activity, the formation of strong business traditions.

The sphere of financial and credit relations, due to the complete absence of legal regulation of new types of activities, turned out to be open to illegal encroachments, in connection with which the author comes to the conclusion that it is necessary to include new articles in the Criminal Code of the Russian Federation aimed at protecting "civilized" entrepreneurs from criminal encroachments.

In conclusion, a proposal was made on the need to supplement the criminal legislation with a number of conceptual provisions that ensure the functioning of the capital market and the protection of civilized banking.

Key words: credit and banking system, banks, credit, banking and non-banking operations, financial (banking) activities, pseudo-entrepreneurship, uncontrolled capital, taxes, optimization of the work of tax authorities, criminal law regulation.

For citation: *Tosunyan, G.A. (2022).* Protection of banking activity: the criminal-legal aspect // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 235–242.

К числу важнейших направлений развития правовой базы финансово-кредитных отношении, наряду с доработкой специального банковского законодательства относится также масштабное совершенствование уголовного законодательства. Этот процесс должен идти путем восполнения имеющихся в нем пробелов, которые становятся все более зримыми по мере углубления экономической реформы, развития рыночных отношений и становления в стране соответствующей им кредитно-банковской системы, а также устранения противоречий между отдельными нормами уголовного, гражданского и специального банковского законодательства.

Новый подход к уголовно-правовому регулированию сферы предпринимательства вообще и рынка капитала в частности требует кардинальной переработки не только уголовного кодекса, но и согласованного изменения всего блока уголовно-правовых нормативных актов.

Приоритеты, касающиеся объектов защиты и уточнения круга уголовно наказуемых деяний, должны быть последовательно соблюдены во всех «смежных» правовых документах. Законодательное закрепление новых мировоззренческих подходов будет способствовать улучшению социально-психологического климата, который до сих пор традиционно неблагоприятен для людей, посвятивших себя бизнесу в России. При этом обязательно должно учитываться то обстоятельство, что характер нынешних правонарушений неоднороден: с одной стороны, это могут быть деяния, признаваемые неправомерными в силу несовершенства закона, по инерции продолжающего квалифицировать некоторые действия предпринимателей как преступные, а с другой – деятельность, признаваемая преступной уголовным законодательством всех развитых стран, но не нашедшая отражения в отечественных нормах.

Необходимость принятия неотложных мер по совершенствованию законодательства обусловлена и тем, что сфера банковского капитала, как показывают новейшие исследования, стала в последние годы одним из самых криминогенных секторов отечественной экономики. Достаточно отметить, что за 1993 г. в банковской сфере выявлено 4578 преступлений, прямой материальных ущерб от которых только по оконченным уголовным делам составил 9.7 млрд руб., а также пресечена деятельность 429 преступных группировок

[2] The article was published in the journal "State and Law" (1995), No. 3, pp. 49–56.

Abstract and key words were compiled by Doctor of Law, Professor M.N. Kobzar-Frolova.

и предотвращено хищение из банков более 2 трлн руб. по подложным платежным документам[3].

Такое положение определяется совокупностью факторов, анализ которых выходит за рамки настоящего исследования[4]. Мы же в данной статье ограничимся отдельными вопросами, связанными с отставанием процесса формирования системы законодательной поддержки новых денежно-кредитных отношений от темпов становления свободного рынка. Сложившаяся ситуация создает «лазейки» для криминальных посягательств на рынке капитала препятствует обеспечению защиты собственников и затрудняет борьбу правоохранительных органов с преступлениями в кредитно-банковской сфере.

Современный законодательный вакуум в России детерминирован сменой социально-политического устройства и направлений экономического развития страны.

Отсутствие необходимых правовых основ подрывает устои государства и отбрасывает общество к состоянию, в котором возникающие проблемы решает не закон, а грубая сила, и идет война всех против всех.

Мы живем в переходный период смены приоритетов. Социализм, основанный на способе производства с единым абстрактным собственником-государством, подавлял мощью обезличенного общего частный интерес. С переходом к строительству гражданского общества мы, наконец, признали, что приоритет в нем – за личностью с ее интересами, правами, свободами, ее собственностью, правом на свободное предпринимательство. Сегодня государственный интерес должен рассматриваться под углом зрения личности как высшей цели и главной ценности построения гражданского общества. Поэтому, говоря о нанесении ущерба государству, необходимо учитывать это новое наполнение привычного понятия.

Складывающиеся экономические отношения поставили в повестку дня вопрос об укреплении в общественном сознании представления о *незыблемости частной собственности*, приобретенной законным путем, и об обеспечении гарантий ее защиты на государственном уровне. Конституция Российской Федерации (п. 2 ст. 8), прямо признает и защищает равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности. Несмотря на это, в жизни до сих пор сохраняется положение, при котором коммерческим структурам отводится в обществе роль пасынков. Дифференцированное отношение к объектам государственным и частным проявляется на уровне обеспечения их охраной, исчисления налогов, оплаты одних и тех же услуг.

Спровоцированный бурным ростом предпринимательской деятельности всплеск экономической преступности не находит должного противодействия у правоохранительных органов прежде всего из-за несовершенства безнадежно устаревшего законодательства. В результате общество оказалось не способным обеспечить как безопасность своих институтов от посягательств новых подпольных миллионеров, наживающих состояния на хозяйственной неразберихе, так и спокойствие занимающихся законным бизнесом граждан, нарушаемое преступниками из мафиозных и государственных структур.

Сфера финансово-кредитных отношений подчас из-за полного отсутствия правого регулирования новых видов деятельности оказались практически открытой для незаконных посягательств. Широкое распространение получили перелив неконтролируемых капиталов; «отмывание» криминальных средств; взяточничество, связанное с предоставлением кредитов, открытием расчетных счетов, ускорением проведения банковских операций; мошенничество с использованием фальшивой финансовой документации. Подобный криминал в банковской сфере не в силу одиночкам. Здесь чаще всего действует организованная преступность, которая предполагает цепочку участников, детальную разработку сценария, наличие определенного технического обеспечения и значительных денежных средств. Преступления такого рода питают преступные кланы, способствуя созданию «государства в государстве» – мафиозных структур, которые мешают развитию цивилизованного бизнеса.

Кроме того, высокий уровень преступности препятствует интеграции России в мировую экономику и вредит политическому авторитету страны в мировом сообществе.

Оздоровление рынка капитала нуждается в комплексном подходе к усовершенствованию уголовного и банковского законодательства, достижению полной согласованности, в четком формулировании и усвоении основных понятий и категорий финансовой деятельности, становлении прочных деловых традиций. Эта задача требует решения многих взаимосвязанных вопросов.

Примером проблемы, связанной с размытостью понятий и несовершенством правовой базы, является ситуация с осуществлением банковских операций без лицензии Центрального банка России.

---

[3] См.: Банковский бизнес в России: криминологические и уголовно-правовые аспекты / отв. ред. А.С. Крылов, В.В. Сидоров. М., 1994. С. 28. В этой коллективной монографии дается характеристика банка как объекта повышенной криминогенной опасности, обусловленной его ролью в хозяйственных отношениях, приводятся типичные схемы совершения преступлений, анализируются законодательно незащищенные звенья в цепи финансовых операций.

[4] См.: там же. С. 43–52.

С одной стороны, до сих пор законодательно не определены сами критерии разграничения *банковских и небанковских операций*. Данную ситуацию усложняет то, что действующее законодательство даже однократное совершение небанковским предприятием операции, внешне схожей с банковской, квалифицирует как нарушение, что порождает различные толкования с точки зрения законности-незаконности одних и тех же видов деятельности, и под удар попадают законопослушные предприниматели.

Так, к примеру, обстоят дела с коммерческим кредитованием между предприятиями. В связи с тем, что в законодательстве не зафиксированы различия банковского и коммерческого кредитов, а кредитование вообще считается банковской операцией, возникают ненужные юридические споры... Между тем примечательно, что в других странах (среди них – Англия и Франция) однократное совершение небанковским предприятием банковской сделки не считается правонарушением, так как в данном случае банковские операции не поставлены на профессиональную предпринимательскую основу и не ориентированы на многократное извлечение прибыли.

С другой стороны, эта же размытость понятий в законодательстве позволяет недобросовестным предпринимателям маскировать свои действия, связанные, по существу, с систематическим проведением банковских сделок. Это приводит к тому, что в России оказывается фактически безнаказанной нелицензионная банковская деятельность, наглядным примером чего являются различные АО, привлекающие денежные средства населения на условиях срочности, платности и возвратности, т.е. совершающие чисто банковские операции, но в завуалированной форме. В итоге процветает откровенный обман граждан. Правоохранительные органы из-за недоработок в законодательстве и отсутствия уголовной ответственности за подобные правонарушения выдвигают против руководителей этих предприятий обвинения лишь в неуплате налогов, а сама их мошенническая деятельность остается ненаказуемой.

Следующий важный момент связан с отсутствием четкого определения содержания и правового режима *банковской тайны*. Возникают ненужные разночтения и споры: входит ли в это понятие только информация об операциях по счетам в данном банке, или сведения о личности вкладчика тоже, совпадает ли банковская тайна с коммерческой тайной самого банка...

Нестыковка между банковским и уголовным законодательством хорошо видна, но перечню уголовно наказуемых деяний, в котором вообще отсутствует нарушение такого фундаментального принципа, как банковская тайна. Между тем на уважение к этой норме держится доверие вкладчиков, при отсутствии которого они скорее предпочтут оставить деньги в «чулке», чем пускать их в оборот.

Нерегламентированность в законе прямого действия новеллы о банковской тайне вызывает появление различных дискредитирующих эту норму интерпретаций.

Так, Указ Президента РФ от 14 июня 1994 г. «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» практически сводит на нет само понятие банковской тайны. Данный нормативный акт гласит, что банковская тайна не является препятствием для получения сведений об операциях к корреспондентским счетам формированиям физических и преступным и юридических группировкам лиц, подозреваемых в причастности к бандитским формированиям и преступным группировкам. Это открывает возможности для злоупотреблений со стороны работников правоохранительных органов, которые под предлогом имеющихся подозрений могут проверить любой интересующий счет. Указ противоречит ст. 25 действующего Закона о банках и банковской деятельности в РФ, которая разрешает выдачу справок по счетам физических лиц вовсе не в «профилактических» целях, а только если дела находятся в производстве и на денежные средства и иные ценности клиентов наложен арест, обращено взыскание или применена конфискация имущества.

Немало споров вызывает и другая норма, закрепленная Указом Президента РФ от 23 мая 1994 г. «Об осуществлении комплексных мер но своевременному и полному внесению в бюджет налогов и других обязательных платежей», в соответствии с которой банки и кредитные учреждения обязаны информировать налоговые органы о совершении физическими лицами операций на сумму, эквивалентную 10 тыс. долл. и выше. Налицо явное противоречие данной меры принципу банковской тайны как одной из гарантий права частной собственности.

Но острая необходимость отслеживания и пресечения операций международных и национальных мафиозных структур привела к принятию сходных норм и в других странах, например в США и Австралии. Так, действующее законодательство США обязывает банки сообщать об операциях физических лиц на сумму более 10 тыс. долл. наличными не только в Службу внутренних сборов, но и ФБР.

Однако необходимо учитывать, что ситуация, сложившаяся в России в переходный период, принципиально отличается от современного положения развитых капиталистических стран. Здесь при многолетнем положительном опыте

функционирования банковской системы и налаженного порядка хранения и вложения денежных средств крупные операции с наличностью вызывают подозрения. В нашей же стране система аккумулирования сбережений в «чулке» широко распространена и имеет под собой твердую почву в массовом сознании. Отсутствие доверия к новой финансовой системе, в целом и к конкретным банкам в частности, галопирующие инфляционные процессы, неразумная налоговая политика, процветающий рэкет, возможность неожиданных денежных реформ, а также неустойчивая общая экономическая и политическая ситуация – все эти факторы способствуют поддержанию в обществе накопительской, а не предпринимательской психологии. Такое положение подогревается крахом «пирамидальных» структур и общей криминализацией общества. Кроме того получается, что эта мера, нарушающая банковскую тайну, зачастую затрагивает накопления граждан, а не криминальную прибыль.

Проблема с «отмыванием» средств имеет два полюса, которые надо учитывать. Конечно же, такие преступления, как торговля наркотиками, оружием, людьми контрабанда, необходимо строго отслеживать и пресекать. Но само государство не должно создавать предпосылок для ухода капиталов в тень.

Вышеупомянутый Указ Президента РФ «Об осуществлении комплексных мер по своевременному и полному внесению в бюджет налогов и иных обязательных платежей» является также очередным свидетельством того, что многие нормативные документы продолжают вводиться задним числом или интерпретируются после вступления их в силу спустя длительное время. Данный Указ, принятый 23 мая 1994 г. был разъяснен только в письме от 13 августа, т.е. спустя почти три месяца после его вступления в силу, что не мешало взыскивать штрафы за нарушение неразъясненных норм. Отношение к закону по модели «вы должны были сами угадать» подлежит категорическому исключению из юридической практики, так как ведет к ухудшению положения граждан, несоблюдению принципа «закон не имеет обратной силы».

Надо поскорее разрушить и обывательский миф, согласно которому предпринимателю выгодно несоблюдение законов или их отсутствие. Такое положение отвечает интересам только нелегального бизнеса. Для банкира, как и для всякого, ведение дел должно стать основой благополучия предпринимателя, цивилизованное гарантией безопасности.

Финансовая система, как и любой живой организм, должна иметь свою «иммунную систему» – здоровую законопослушную часть участников рынка капитала. Поэтому создавая прочную законодательную базу, общество укрепляет сопротивляемость «вирусу» преступности за счет организации благоприятных условий для деятельности созидающих, уважающих закон предпринимателей.

Статья 1 Закона о безопасности от 5 марта 1992 г. определяет безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, что без должной законодательной поддержки остается чисто декларативным положением.

Преступные посягательства в сфере финансово-кредитных отношений приняли огромный размах и охватывают сейчас различные типы преступлений: насильственные (убийства банкиров), корыстные (злоупотребления, связанные с получением кредитов, умышленные банкротства, хищения денежных средств с использованием фальшивых банковских документов, компьютерные преступления, «отмывание» «грязных денег», валютные махинации), корыстно-насильственные (вымогательства).

Рассмотрим отдельные виды «новых» преступлений в кредитно-финансовой сфере в контексте международного опыта борьбы с ними.

Большое распространение в последнее время получила группа преступлений, связанная с *невозвратом кредитов*. По экспертным оценкам, уже более 300 млрд руб. растворились на просторах нечестного бизнеса. Серьезная трудность для решения таких дел обусловлена отсутствием единообразной юридической практики. Во многих случаях жертвам подобных преступлений отказывают в возбуждении уголовного дела и предлагают решать вопрос в гражданско-правовом порядке в арбитражном суде, что довольно затруднено. Судебной практикой до сих пор не выработана методика применения норм, касающихся обращения взыскания на имущество юридических лиц.

Кроме того, большинство заемщиков к моменту разбирательства не имеют имущества, на которое может быть наложено взыскание (например, денежные средства снимаются с расчетного счета и обналичиваются или переводятся на расчетный счет другого предприятия).

Получение кредита с целью его умышленного невозврата обычно осуществляется путем представления в банк ложной финансовой документации (балансов, сведений об имущественном состоянии) действующего предприятия или создания предприятия специально для осуществления финансовых махинаций. Схема совершения мошеннических действий с кредитами усложняется в зависимости от изощренности организаторов. Так, к примеру, создаются два предприятия: одно по подлинным, а другое по подложным документам.

Первое оформляет кредит и перечисляет деньги второму, где их обналичивают и расхищают, а само второе предприятие испаряется. Руководители же первого предприятия заявляют об «обмане». Получили распространение также и мошенничества с залогом (завышение его стоимости или нарушение порядка перезалога имущества) и со страхованием кредитов (фиктивные страховые фирмы или страховые свидетельства).

В связи с тем, что невозврат кредитов стал очень распространенным видом преступления, в уголовное законодательство многих стран были включены особые статьи. Так, первый специальный закон ФРГ о борьбе с экономической преступностью предусматривает уголовную ответственность за получение кредита путем обмана.

Большое количество мошеннических действий совершается, как уже говорилось выше, и на основе создания *лжепредприятий*. Это касается также различных случаев нарушения порядка ведения предпринимательской деятельности и осуществления операций, выходящих за пределы специальной правоспособности данного субъекта хозяйственной деятельности в сферах, где установлено лицензирование (в финансово-кредитной сфере – это организация «подпольных банков», выполняющих банковские операции без специальной лицензии).

Отсутствие в Уголовном кодексе статьи, устанавливающей ответственность за лжепредпринимательскую деятельность, приводит к тому, что обвинение за нее приходится строить, вменяя в вину совершение каких-то других противоправных действий (конечно, если эти действия законодательно определены в качестве уголовно наказуемых), что чрезвычайно затрудняет уголовное преследование по заявлению пострадавшей стороны.

В дореволюционной России Уложение о наказаниях уголовных и исправительных предусматривало ответственность за открытие кредитных учреждений, а также торговых, промышленных и других предприятий без надлежащего разрешения или за ведение ими операций, не предусмотренных этим разрешением.

В законодательных актах Австрии, Великобритании, США, ФРГ, регулирующих сферу кредитно-денежных отношений, также закреплена уголовная ответственность за организацию «подпольных» кредитных учреждений.

Другой вид правонарушений связан с появлением в России нового средства платежа – *кредитных карточек*. У нас пока такого рода преступлениям не придается большого значения в связи с ограниченностью распространения карточек, но существование в таких странах, как Италия, США, Финляндия, Франция, специальных законов, регламентирующих использование кредитных карточек, подчеркивает необходимость с самого начала законодательно обеспечить хождение этого перспективного средства платежа.

Важным моментом совершенствования уголовного законодательства является квалификация преступлений, связанных с *банкротством*. За такого рода криминальные деяния, зарубежное законодательство предусматривает уголовную ответственность. Так, например, в Австрии и Швеции есть специальные разделы в Уголовном кодексе, а в ФРГ принят специальный закон о кредитных операциях.

В уже упоминавшейся книге «Банковский бизнес в России: криминологические и уголовно-правовые проблемы» была предложена для включения в Уголовный кодекс статья «Банкротство»[5], которая предусматривает уголовную ответственность как за умышленные действия, приведшие к банкротству, так и за непреднамеренное небрежное ведение дел. Считаем необходимым скорректировать данную постановку вопроса и отделить умышленные действия от непреднамеренных, которые, если являются таковыми, также должны караться, но не в уголовно-правовом, а и гражданско-правовом порядке административными и штрафными санкциями, разумеется, с учетом меры вины.

Зарубежное законодательство предусматривает уголовную ответственность за нарушения порядка расчетов с кредиторами. Так, квалифицируются как преступления *предпочтение кредитору*, т.е. выплата при угрозе банкротства денежных средств одному из кредиторов в ущерб другим, *обман кредиторов*, т.е. сокрытие наличия, размера и местонахождения какого-либо имущества, и *запутывание бухгалтерского учета* таким образом, что о деятельности предприятий нельзя судить по (финансовым документам).

Российский же Закон о несостоятельности (банкротстве) предприятий от 19 ноября 1992 г. в разделе «Неправомерные действия должника, собственника, предпринимателя-должника, кредитора и иных лиц» перечисляет случаи различных правонарушений, оговаривая при этом, что вопрос о юридической ответственности за нарушения должен регулироваться специальными законодательными актами, которые, однако, до их пор не приняты.

Кроме того, правового обеспечения требует и борьба с легализацией доходов, полученных преступным путем. В документе, принятом Базельским комитетом по регулированию банковской деятельности и организации контроля 12 декабря

[5] Банковский бизнес в России: криминологические и уголовно-правовые аспекты. С. 118, 119.

1988 г., сформулированы основные принципы борьбы с «отмыванием» денег через финансовую систему. Так, банки должны прилагать значительные усилия для установления личности клиентов, отказывать в сделках, связанных с «отмыванием» денег, сотрудничать с административными и правоохранительными органами в рамках правил, касающихся сохранения в тайне финансовых операций клиентов.

80 стран, в том числе Россия, участвовали в подписании Венской конвенции ООН 1988 г. и Страсбургской конвенции Европейского совета 1990 г., посвященных борьбе с торговлей наркотиками, и, в частности вопросу «отмывания» «грязных денег», вырученных от торговли ими. В этих документах было предложено квалифицировать на государственном уровне «отмывание» денег, вырученных от торговли наркотиками и нажитых криминальным путем, как преступное деяние, узаконить выдачу преступников, при расследовании таких преступлений, в странах, подписавших Конвенцию.

Борьба с «отмыванием» денег ведется по трем направлениям: принятие исчерпывающих законодательных мер; усиление роли финансовой системы (отказ держать анонимные счета или счета с явно вымышленными именами, хранение по крайней мере в течение 5 лет всей необходимой документации, обращение внимания на крупные и необычные сделки); расширение международного сотрудничества в борьбе с «отмыванием» денег.

Добавим, что перечисленные меры направлены не против свободы предпринимательства, а на комплексное решение с уголовно-правовой, гражданско-правовой и финансовой точек зрения вопросов борьбы с организованной преступностью.

Однако в борьбе с нетрудовыми доходами важно не перейти грань разумного возмездия, чтобы не нарушать имущественное право, не имеющее отношения к преступлению. Мы должны признаться, что в книге «Банковский бизнес в России: криминологические и уголовно-правовые проблемы» был допущен некоторый перекос в формулировке положения, имеющего отношение к борьбе с «отмыванием» «грязных» денег. Предлагаем новую редакцию нормы об имущественной ответственности за легализацию доходов от преступной деятельности, п. 2 которой – **«Установление происхождения доходов»** должен выглядеть следующим образом:

«Установление судом виновности лица в совершении преступления и получении доходов от преступной деятельности влечет изъятие имущества, в отношении которого доказано его преступное происхождение, в доход государства в установленном законе порядке».

Анализ нынешнего состояния уголовно-правового регулирования предпринимательской деятельности приводит нас к выводу о необходимости дополнить уголовное законодательство рядом концептуальных положений, обеспечивающих нормативное функционирование рынка капитала. Надеемся, что это послужит началом насущно важного обсуждения глобальной концепции уголовно-правового регулирования общественных отношений.

В заключение мы хотели бы отметить основные направления совершенствования уголовно-правового регулирования финансовой деятельности, которое в ряде случаев потребует включения в Уголовный кодекс новых статей, направленных на:

1. Защиту «цивилизованных» предпринимателей от криминальных посягательств. Для этого необходимо дополнить Уголовный кодекс нормами, касающимися получения кредита путем обмана, махинаций с использованием кредитных карточек, преднамеренного банкротства, обмана кредиторов, предпочтения к кредитору и др.

2. Борьбу с новыми видами, преступлений, получившими, широкое распространение из-за несовершенства действующего законодательства, сложившегося законодательного вакуума. Применительно к финансовой сфере это касается различного рода мошеннических организаций «пирамидального» или откровенно криминального образца, использующих банковскую вывеску. Для этого необходимо развитие законодательной базы, разработка специального пакета мер, учитывающих специфику распространившихся махинаций, с целью защиты собственника от псевдобанков, работающих без лицензии и других криминальных структур. В числе этих мер видится целесообразным включение в Уголовный кодекс норм, касающихся нарушения порядка предпринимательской деятельности, лжепредпринимательства.

Так как существующий порядок рассмотрения гражданских исков в системе уголовного дела не обеспечивает должной компенсации контрагенту, нужен инструментарий для защиты имущественных прав пострадавшей стороны.

3. Нормализацию ситуации в налоговой сфере по трем направлениям: совершенствование системы исчисления налогов; оптимизация работы налоговых органов: законодательное закрепление способов борьбы с наиболее криминальными формами ухода от уплаты налогов.

В данном случае представляется уместным внесение в Уголовный кодекс статьи о ненадлежащем ведении бухгалтерского учета.

* * *

Хочу еще раз подчеркнуть, что совершенствование уголовного законодательства является важным шагом на пути построения в России правового государства как гаранта развития экономической реформы. Однако даже самое совершенное законодательство будет эффективным лишь при соответствующем уровне правовой культуры у всех членов общества: от законодателя до гражданина. С этим никто не спорит, но в практическом нормотворчестве и при реализации законов пока никаких серьезных подвижек, к сожалению, нет, о чем свидетельствуют массовое пренебрежение законом со стороны граждан и многочисленные факты нарушений правоохранительными органами, а также исполнительными – в процессе подзаконного нормотворчества таких основополагающих принципов права, как «ухудшающий положение гражданина», «закон не имеет обратной силы» и «презумпция невиновности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банковский бизнес в России: криминологические и уголовно-правовые проблемы / отв. ред. А.С. Крылов, В.В. Сидоров. М., 1994.

REFERENCES

1. Banking business in Russia: criminological and criminal law problems / res. eds. A.S. Krylov, V.V. Sidorov. M., 1994 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТОСУНЯН Гарегин Ашотович –
академик Российской академии наук

Authors' information

TOSUNYAN Garegin A. –
Academician of the Russian Academy of Sciences

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 243–248
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 243–248

К НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ОБ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ «ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СССР»[1]

© 2022 г. С. А. Голунский

Аннотация. В статье показаны причины включения в учебные планы юридических вузов и юридических факультетов университетов СССР специальной учебной дисциплины «Прокурорский надзор в СССР», определен предмет и очерчены ее границы, рассмотрены проблемы соотношения этого курса с теорией государства и права, государственным и административным правом, уголовным и гражданским процессами, даны рекомендации по подготовке соответствующего учебника.

Ключевые слова: юридическое образование, прокурорский надзор, учебная дисциплина, теория государства и права, государственное право, административное право, организация суда и прокуратуры, уголовный и гражданский процессы, отрасли прокурорского надзора, специализированный учебник.

Цитирование: *Голунский С.А.* Об учебной дисциплине «Прокурорский надзор в СССР» // Государство и право. 2022. № 2. С. 243–248.

DOI: 10.31857/S102694520018871-9

ABOUT THE ACADEMIC DISCIPLINE “PROSECUTOR’S SUPERVISION IN THE USSR”[2]

© 2022 S. A. Golunsky

Abstract. The article shows the reasons for the inclusion of the special academic discipline “Prosecutor’s supervision in the USSR” in the curricula of law schools and law faculties of universities of the USSR, the subject is defined and its boundaries are outlined, the problems of the correlation of this course with the theory of state and law, State and Administrative Law, criminal and civil proceedings are considered, recommendations are given for the preparation of an appropriate textbook.

Key words: legal education, prosecutor’s supervision, academic discipline, theory of state and law, State Law, Administrative Law, organization of court and prosecutor’s office, criminal and civil proceedings, branches of prosecutorial supervision, specialized textbook.

For citation: *Golunsky, S.A. (2022).* About the academic discipline “Prosecutor’s supervision in the USSR” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 243–248.

[1] Статья была напечатана в журнале «Советское государство и право». 1956. № 5. С. 41–47.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук, профессором А.И. Чучаевым.

[2] The article was published in the journal “Soviet State and Law” (1956), No. 5, pp. 41–47.
Abstract and key words were compiled by Doctor of Law, Professor A.I. Chuchaev.

XX съезд партии в резолюции по отчетному докладу ЦК КПСС одобрил осуществленные Центральным комитетом партии меры по укреплению социалистической законности, по строгому соблюдению прав граждан, гарантированных Советской Конституцией, и обязал все партийные и советские органы стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония и произвола. В числе таких мер по укреплению социалистической законности важную роль играют принятые партией и правительством меры по усилению прокурорского надзора. Утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. «Положение о прокурорском надзоре в СССР» предоставляет органам прокуратуры широкие права в деле осуществления надзора за точным соблюдением законов и возлагает на них большие и ответственные обязанности в этой области.

Поэтому для каждого юриста важно полное и систематическое изучение задач советской прокуратуры, ее организации, ее прав и обязанностей и методов работы. Такое изучение имеет важное значение не только для студентов юридических вузов, которые по окончании учебы попадут на работу в органы прокуратуры, но и для всякого юриста. Трудно представить себе такую область юридической деятельности, в которой не приходилось бы так или иначе сталкиваться с той или иной стороной прокурорского надзора.

Как известно, в 1954–1955 гг. в учебный план юридических вузов была включена специальная учебная дисциплина «Прокурорский надзор в СССР», изучаемая на IV курсе юридических вузов. Однако до настоящего времени эта новая и очень важная дисциплина еще не нашла своего места в общей системе юридических дисциплин. Предмет курса «Прокурорский надзор в СССР» до сих пор еще не определен с достаточной точностью и не разграничен с другими юридическими дисциплинами, в которых идет речь о той или другой стороне прокурорской работы. В результате при преподавании курса «Прокурорский надзор в СССР» в юридических вузах имеет место, с одной стороны, много существенных пробелов, касающихся важных сторон деятельности прокуратуры, а с другой – целый ряд повторений различных материалов, которые уже изучались студентами в других учебных дисциплинах. Казалось бы, что такое положение должно привести к совершенно определенному и ясному выводу: нужно точно определить предмет курса «Прокурорский надзор в СССР» и установить точные границы этого курса с другими смежными с ним юридическими дисциплинами. Между тем некоторыми преподавателями юридических вузов были высказаны в этой связи предложения совсем иного характера, которые никак нельзя признать правильными, а именно предложения упразднить как самостоятельную учебную дисциплину курс «Прокурорский надзор в СССР».

Уже только сопоставление таких предложений с тем, что сказано о социалистической законности и о прокурорском надзоре в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии и в резолюции съезда по этому докладу, ясно показывает полную несостоятельность этих предложений. Очевидно, что недооценивать значение социалистической законности и роли прокуратуры в борьбе за законность было бы политически неверно. Вряд ли кто-нибудь стал бы теперь прямо утверждать, что студентов юридических вузов не нужно знакомить с работой прокуратуры. Но не исключается возможность возражений против включения в учебный план юридических вузов специальной дисциплины «Прокурорский надзор» по соображениям методического порядка, по мотивам, что все необходимые сведения по этому вопросу студенты якобы получают при изучении других юридических дисциплин. Такие соображения высказывались, в частности, на совещании, созванном для обсуждения данного вопроса редакцией журнала «Советское государство и право» в январе 1956 г. Эти методические соображения также неосновательны.

Проследим, в каких учебных дисциплинах и в каком объеме затрагиваются вопросы, связанные с организацией и деятельностью советской прокуратуры. Понятие социалистической законности освещается в курсе теории государства и права. В этом же курсе студенты узнают, что́ такое социалистический правопорядок и в чем заключается значение строгого соблюдения норм советского социалистического права для успешного выполнения задач Советского государства.

В курсе государственного права изучаются конституционные принципы организации и деятельности прокуратуры. В программе советского государственного права юридических высших учебных заведений этому вопросу посвящены п. 4–5 темы 20 – «Суд и прокуратура», из содержания которой видно, что в курсе государственного права изучается только положение прокуратуры в системе органов Советского социалистического государства, основные принципы ее организации и деятельности, ее взаимоотношения с другими государственными органами. Изучение этих вопросов в курсе теории государства и права и в курсе государственного права вполне закономерно. Не подлежит сомнению, что прокурорский надзор отнюдь не единственное средство укрепления социалистической законности. XX съезд партии указал, что укрепление социалистической законности является задачей всех партийных и советских органов. Совершенно очевидно, что без усвоения основных положений о социалистической законности, преподаваемых в курсах общей теории права и государственного права, студенты не могли

бы сознательно подойти к изучению ни одной конкретной отрасли права. Но бесспорно также и то, что эти основные положения не только не исчерпывают всего комплекса сложных и многогранных проблем, связанных с задачами прокуратуры, а также с ее организацией и деятельностью, но даже не касаются большинства этих проблем.

В курсе по советскому административному праву специально рассматривается вопрос о социалистической законности как об одном из основных принципов советского государственного управления (п. 5 темы 3 программы по административному праву) и роль прокуратуры в обеспечении социалистической законности (п. 4 темы 8). В этом курсе изучение деятельности прокуратуры ограничивается лишь общей характеристикой понятия общего надзора прокуратуры за соблюдением законности и порядка принесения и рассмотрения протестов и представлений прокуратуры. Очевидно, что и в этой дисциплине затрагивается лишь небольшая часть большой и сложной деятельности прокурорского надзора в СССР.

Функции прокуратуры при осуществлении социалистического правосудия изучаются соответственно в курсах уголовного и гражданского процессов. В этих курсах вопрос рассматривается строго с процессуальной точки зрения, другими словами, в курсах уголовного и гражданского процессов изучаются права и обязанности прокурора при расследовании и судебном разрешении уголовных и гражданских дел и взаимоотношения прокуратуры с другими государственными органами, играющими ту или иную роль в осуществлении социалистического правосудия, прежде всего – с судом, а также с органами предварительного расследования и с адвокатурой. Однако ни в курсе уголовного процесса, ни в курсе гражданского процесса не изучается вопрос о том, как должна быть организована работа органов прокуратуры, чтобы последние могли с наибольшей эффективностью выполнять возложенные на них обязанности в деле помощи советскому суду в осуществлении социалистического правосудия.

Больше всего внимания уделяется прокуратуре в учебной дисциплине «Организация суда и прокуратуры в СССР». Из 16 тем программы по этой дисциплине прокуратуре посвящено, если не считать вопросов исторического характера, 4 темы: «Принципы организации и система органов прокуратуры в СССР. Органы расследования» (тема 11), «Надзор прокуратуры за исполнением законов учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР» (тема 12), «Надзор прокуратуры за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия» (тема 13) и «Надзор прокуратуры за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений судебных органов» (тема 14). Заголовки перечисленных тем создают впечатление, что в этом курсе как будто в достаточной степени изучаются все важнейшие стороны прокурорской деятельности. Впечатление это, однако, ошибочно.

Дело в том, что курс «Организация суда и прокуратуры в СССР» читается в юридических вузах на 1-м семестре II курса, когда студенты еще не знают почти ни одной конкретной правовой дисциплины. Слушая этот курс, который, кстати, проводится только в форме лекции без всяких практических занятий, студенты не знают ни уголовного, ни гражданского, ни административного права, ни уголовного, ни гражданского процессов. Таким образом, при изучении в этом курсе прав и обязанностей прокуратуры по надзору за точным соблюдением законов студенты еще не имеют представления ни о тех законах, за соблюдением которых должна следить прокуратура, ни о таких важных формах обеспечения соблюдения законов, какими являются уголовный и гражданский процессы. Понятно, что при таких условиях студенты, изучающие курс «Организация суда и прокуратуры в СССР», могут получить лишь самое общее и самое смутное представление об организации и деятельности прокуратуры. Что же касается методов выполнения возложенных на прокуратуру задач, то о них лишь упоминается, сущность же их не раскрывается и не может быть раскрыта при той подготовке, и не может быть раскрыта при той подготовке, какую имеют студенты в момент изучения ими этого курса. Какова степень внимания, уделяемого организации прокуратуры и ее деятельности в курсе «Организация суда и прокуратуры в СССР», можно судить по тому, что в учебнике по этой дисциплине[3] из 280 с. прокуратуре уделено (не считая истории вопроса) всего 22 с., т.е. примерно 8%. Такой сложной и специфической функции прокуратуры, как наблюдение за местами заключения, в этом учебнике посвящено примерно полстраницы. Можно было бы сказать, что при наличии в учебном плане юридических вузов специальной дисциплины «Прокурорский надзор в СССР», читаемой на IV курсе, нет надобности преподавать на II курсе организацию прокуратуры и что можно было бы ограничиться преподаванием на II курсе судоустройства в узком смысле этого слова. Однако это было бы неправильно.

Курс «Организации суда и прокуратуры в СССР» имеет пропедевтический характер. Он не ставит и не может ставить перед собой задачу полностью осветить всю деятельность суда и прокуратуры. Но как пропедевтический курс он необходим. С понятием «прокурор» студент столкнется и в курсах уголовного и гражданского процессов, и в курсе административного права. Не имея тех элементарных сведений об организации и задачах прокуратуры, которые даются в этом пропедевтическом курсе, студент и не

[3] *Карев Д.С.* Организация суда и прокуратуры в СССР. М., 1954.

сможет понять относящихся к прокуратуре положений упомянутых дисциплин. При этих условиях не та уж важно, будет ли этот пропедевтический курс называться «Организация суда и прокуратуры» или же, как это было до последнего времени, «Судоустройство»; важно, чтобы в нем содержались элементарно необходимые сведения об организации и задачах прокуратуры. Но это отнюдь не означает, что такими элементарными сведениями можно ограничиться.

Совершенно очевидно, что получаемые при прохождении упомянутых дисциплин отрывочные сведения об организации прокуратуры, о ее задачах и методах работы никоим образом не могут создать у студентов цельного и систематического представления об этом важном органе Советского государства и его сложной и ответственной работе.

Именно этими соображениями руководствовалось Министерство высшего образования, когда оно ввело в учебный план юридических вузов специальный курс «Прокурорский надзор в СССР», читаемый на IV курсе, когда студенты уже знакомы с большинством юридических дисциплин и, в частности, с курсами уголовного и гражданского права и процесса. Из всего сказанного отнюдь не следует, что в курсе «Прокурорский надзор в СССР» неизбежно приходится повторять все то, что студенты узнали ранее из перечисленных выше дисциплин. Вполне возможно определить предмет этого курса и построить программу по нему таким образом, чтобы избежать повторений, кроме тех случаев, когда такие повторения целесообразны. В курсах теории государства и права и государственного права студенты получают только самое общее представление о задачах советской прокуратуры осуществлять высший надзор за точным исполнением законов всеми министерствами и подведомственными им учреждениями, равно и отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР. Однако содержание понятия этого высшего надзора ни в курсе государственного права, ни в какой-либо другой юридической дисциплине систематически и полностью не раскрывается.

Первоочередной задачей курса «Прокурорский надзор в СССР» является подробнее и раскрыть, на основе уже известных студентам сведений о социалистической законности, содержание понятия высшего надзора за точным исполнением законов и в связи с этим показать конкретные задачи прокурорского надзора. Это в свою очередь даст возможность ознакомить студентов и с самим понятием социалистической законности шире и конкретнее, чем оно давалось им в первые годы обучения. Основой для этого могут служить ст. 2 и 10 «Положения о прокурорском надзоре в СССР». Это не значит, конечно, что при прохождении курса «Прокурорский надзор в СССР» студенты должны изучать все многообразное содержание прокурорской работы.

Попытка показать в этом курсе, например, конкретное содержание прокурорских протестов, приносимых в порядке общего надзора, явно была бы обречена на неудачу. Прокуратура наблюдает за соблюдением всех законов, к какой бы отрасли права тот или иной закон ни относился. Следовательно, прокурорские протесты могут касаться (и действительно касаются) всех отраслей советского права. Осветить в курсе «Прокурорский надзор в СССР» конкретное содержание всех видов прокурорской работы значило бы повторить содержание всех юридических дисциплин, изучаемых за время пребывания в вузе. Понятно, что это и невыполнимо и ненужно. Раскрыть содержание понятия «высший надзор за точным исполнением законов» значит показать его связь с понятием социалистической законности, его отличие от других форм обеспечения социалистической законности, охарактеризовать его объем и специфическую форму.

Важной задачей рассматриваемого курса является подробное изучение организации советской прокуратуры. Нет сомнения, что организация прокуратуры определяется ее задачами. Не зная точно и подробно задач прокуратуры, нельзя правильно осмыслить и ее организацию. Вот почему при изучении на II курсе сведений об организации прокуратуры студенты фактически просто зазубривают эти сведения, не отдавая себе ясного отчета в том, почему же прокуратура организована именно так, а не иначе. В курсе «Прокурорский надзор в СССР» должно быть дано подробное изложение всей организации прокуратуры, методов руководства вышестоящих прокуроров нижестоящими, освещены такие формы этого руководства, как, например, комплексные ревизии, целевые проверки и т.д. При этом на конкретном материале следует показать, как осуществляются такие основные принципы организации прокуратуры, как ее единство, единоначалие и д такие основные принципы организации прокуратуры, как ее единство, единоначалие и др.

Предметом курса «Прокурорский надзор в СССР» должно являться подробное изучение задач и методов работы прокуратуры. Изучение этой большой и сложной части курса должно начинаться с изучения общих положений о путях, с помощью которых Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры осуществляют возложенные на них задачи. Основой для этого должна быть ст. 3 «Положения о прокурорском надзоре в СССР». Однако таких общих положений, понятно, недостаточно. Программа курса должна предусматривать подробное изучение отдельных отраслей работы прокуратуры так, как они определены в гл. II–V «Положения о прокурорском надзоре в СССР». Прежде всего студенты должны ознакомиться с задачами и методами осуществления общего надзора прокуратуры. Здесь недостаточно показать те права и обязанности, которые имеют Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры

в этой области. Необходимо изложить методику работы прокурора по осуществлению общего надзора, показать те способы, с помощью которых прокурор узнает о конкретных случаях нарушения законов, и те мероприятия, которые он может и должен осуществить при наличии данных о том или ином случае нарушения закона. Очень важное значение имеет работа прокуратуры по пропаганде советского права, однако методы и значение этой работы нигде не освещаются. Вся работа прокуратуры по пропаганде советского права тесно связана с ее функциями по общему надзору за точным соблюдением закона и должна составлять соответственную часть курса «Прокурорский надзор в СССР».

В таком построении курс «Прокурорский надзор в СССР» не будет дублировать никакой другой юридической дисциплины, так как и в курсе административного права, и в курсе «Организация суда и прокуратуры» речь идет преимущественно о значении прокурорских протестов и представлений, о работе прокуроров по жалобам трудящихся и о некоторых отдельных моментах общенадзорной работы прокуратуры. Нет ничего плохого в том, что на более ранних ступенях обучения студенты получают некоторые сведения по этим вопросам. Наоборот, наличие таких сведений даст возможность в курсе «Прокурорский надзор в СССР» изложить общие положения, характеризующие работу прокуратуры на значительно более высоком уровне и, кроме того, осветить всю методику работы прокуратуры, вытекающую из общих положений.

Так, например, в курсе «Организация суда и прокуратуры в СССР» упоминаются так называемые прокурорские проверки, но там ничего не говорится, чем такие проверки отличаются от обследований и ревизий, проводимых органами Госконтроля, Контрольно-финансовым управлением Министерства финансов или вышестоящими ведомственными организациями. Нигде не говорится также о том, в каких случаях такие проверки должны производиться, должны быть их пределы, какими способами они должны быть осуществлены, чтобы прокурор, проводящий проверку, не выходил за пределы своих полномочий и не подменял собой других государственных органов. Все это должно быть освещено в курсе «Прокурорский надзор в СССР».

Работа прокуратуры по надзору за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия должны излагаться в курсе «Прокурорский надзор в СССР» таким образом, чтобы это изложение не представляло собой повторения всего того, что уже известно студентам из курса уголовного процесса. Наоборот, преподаватели должны исходить из того, что студенты уже знают уголовный процесс, знают права и обязанности прокуратуры, согласно УПК, и должны сосредоточивать свое внимание на том, как должна быть организована работа прокуратуры с тем, чтобы возложенные на нее в этой области обязанности выполнялись наилучшим образом.

Так, например, в курсе «Прокурорский надзор в СССР» нет никакой необходимости повторять все то, что говорится о прокуратуре в гл. IX–XIX УПК РСФСР. Нет надобности, например, повторять содержание ст. 118 УПК, устанавливающей, что надзор за производством предварительного следствия осуществляется прокурором, который знакомится с актами предварительного расследования и вправе давать указания следователю о направлении и дополнении следствия. Преподаватель курса «Прокурорский надзор в СССР» должен исходить из того, что это положение известно слушателям, и ознакомить их с методикой осуществления прокурором его прав и обязанностей, предусмотренных ст. 118 УПК, и с организацией работы прокуратуры в этой области. Здесь должна быть освещена также работа прокуратуры по надзору за надлежащей организацией всего дела борьбы с преступностью, по использованию прокуратурой полученных в результате расследования уголовных дел данных для устранения недостатков в организации и деятельности государственного аппарата, способствующих совершению преступлений. В этой же части курса студентам должны быть даны сведения о том, каким образом прокурор осуществляет надзор за оперативно-розыскной работой милиции, о чем в курсе уголовного процесса упоминается лишь мимоходом.

Примерно таким же образом должен быть построен и раздел курса «Прокурорский надзор в СССР», посвященной работе прокуратуры по надзору за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений судебных органов. В курсах уголовного и гражданского процессов речь идет только о том, что делает прокурор в суде. Вся большая внутренняя работа, осуществляемая в органах прокуратуры для того, чтобы подготовить и обеспечить надлежащее качество выступлений прокуроров в суде, а также для того, чтобы использовать полученные при судебном разбирательстве данные при выполнении других задач прокуратуры, в этих курсах не освещается. Осветить все эти важные вопросы – задача курса «Прокурорский надзор в СССР».

Так, например, в курсах уголовного и гражданского процессов студенты узнают о том, что прокурор вправе приносить протесты на незаконные или необоснованные приговоры и решения судов, о том, какие юридические последствия влечет за собой прокурорский протест. Однако в этих курсах ничего не говорится о том, как должна быть построена работа прокуратуры, чтобы прокурор имел возможность своевременно узнавать о незаконности или необо-

снованности того или иного приговора или решения суда. Ничего не говорится также и о том, как обобщается работа прокуратуры в этой области и как реализуются результаты такого обобщения.

Очень важное значение в системе курса «Прокурорский надзор в СССР» должен иметь раздел, посвященный надзору прокуратуры за соблюдением законности в местах лишения свободы.

В ст. 32 «Положения о прокурорском надзоре в СССР» устанавливается, что на органы прокуратуры возлагается ответственность за соблюдение социалистической законности в местах лишения свободы». Ни в одной юридической дисциплине не говорится о том, как должна быть организована работа прокуратуры в этой области, чтобы прокуратура могла выполнить возложенные на нее задачи. Как было указано выше, в учебнике по «Организации суда и прокуратуры в СССР» этому вопросу посвящено всего лишь полстраницы. В результате студенты, оканчивающие юридические вузы, не имеют никакого представления ни о задачах, возложенных на прокуратуру в этой области, ни о тех широких правах, которые предоставлены прокурору для выполнения этих задач, ни о методике осуществления этой отрасли прокурорской работы. Осветить все это можно лишь в курсе «Прокурорский надзор в СССР».

Наконец, существенной частью указанного курса должна быть организация следственного аппарата и работа следователя. В курсе «Организация суда и прокуратуры в СССР» перечисляются следственные органы, имеющиеся в Советском Союзе. В курсах уголовного процесса и криминалистики подробно рассматривается деятельность следователя по расследованию отдельного конкретного дела, но ни в одной юридической дисциплине не говорится о том, как организуются следственные участки, какую работу, помимо расследования отдельных конкретных дел, должен проводить следователь на своем участке, каким образом планируется вся работа следователя. Нигде не говорится также о том, как увязывается вся работа следователя с работой местных советских и партийных органов и со всей деятельностью милиции по борьбе с преступностью, какова роль прокурора в выполнении функций следственных органов.

В заключение необходимо отметить еще одно важное обстоятельство. Отдельные отрасли работы прокуратуры, перечисленные в гл. II–V «Положения о прокурорском надзоре в СССР», не являются какими-то особыми изолированными друг от друга функциями, но неразрывно связаны между собой и являются лишь различными методами, с помощью которых осуществляется основная задача прокуратуры – высший надзор за точным соблюдением законов.

Всякому, кто практически знаком с работой прокуратуры, хорошо известно, например, что работа по общему надзору часто приводит к возбуждению уголовного дела и, наоборот, данные, полученные при расследовании уголовного дела, служат основанием для принятия тех или иных мер в порядке общего надзора. Известно также, что участие прокурора в суде при разбирательстве уголовных дел дает ему важные данные для устранения тех или иных недостатков в работе органов расследования; осуществление надзора за соблюдением законности в местах лишения свободы нередко приводит к выявлению незаконных и необоснованных приговоров, подлежащих опротестованию в порядке надзора, и т.д.

Только в курсе «Прокурорский надзор в СССР» может быть глубоко изучена взаимная связь различных отраслей прокурорской работы и важное значение этой связи для укрепления социалистической законности.

* * *

Таким образом, очень широкий круг вопросов, касающихся задач прокуратуры, ее организации и методики работы, останется совершенно неизвестным оканчивающим юридические вузы, если вся совокупность этих вопросов не получит систематического освещения в специальном курсе «Прокурорский надзор в СССР». Поэтому речь должна идти не о том, нужен ли такой курс или не нужен, а о тщательной разработке программы этого курса и о создании на ее основе полноценного учебника, который был бы построен не только на анализе правовых норм, регулирующих деятельность прокуратуры, но и на обобщении практической деятельности прокуратуры во всех основных отраслях ее работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карев Д.С.* Организация суда и прокуратуры в СССР. М., 1954.

REFERENCES

1. *Karev D.S.* Organization of the court and Prosecutor's Office in the USSR. M., 1954 (in Russ.).

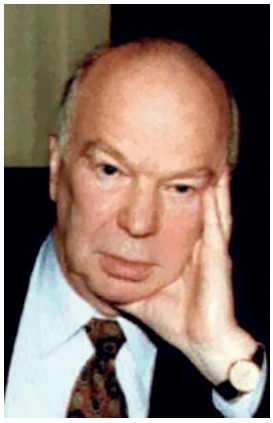
Сведения об авторе

ГОЛУНСКИЙ Сергей Александрович –
член-корреспондент Академии наук СССР

Authors' information

GOLUNSKY Sergey A. –
Corresponding Member
of the USSR Academy of Sciences

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 249–264
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 249–264



ПРАВОВАЯ РЕФОРМА И РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ[1]

© 2022 г. Б. Н. Топорнин

Аннотация. В статье рассматривается ряд актуальных вопросов подготовки юристов в России, отвечающей современным реалиям. Особое внимание при этом уделено проблемам соотношения обязательного общероссийского стандарта и вузовской автономии, общекультурного и специального образования, углубленного изучения теории и практики дореволюционной России, формированию современного научно-культурного мировоззрения, включая знания как в социально-гуманитарной, так и в естественнонаучной сферах, юридизации юридического образования, разделения университетского и специализированного высшего юридического образования, уровням высшего юридического образования, подготовке юристов в коммерческих вузах, связям высшей школы с наукой и др.

Ключевые слова: правовая реформа, задачи высшей школы, подготовка юристов, уровни образования, стандарт образования, наука и образование.

Цитирование: *Топорнин Б. Н.* Правовая реформа и развитие высшего юридического образования в России // Государство и право. 2022. № 2. С. 249–264.

DOI: 10.31857/S102694520018872-0

LEGAL REFORM AND DEVELOPMENT OF HIGHER LEGAL EDUCATION IN RUSSIA[2]

© 2022 B. N. Topornin

Abstract. The article deals with a number of topical issues of training lawyers in Russia that meet modern realities. Special attention is paid to the problems of the correlation between the mandatory all-Russian standard and university autonomy, general cultural and special education, in-depth study of the theory and practice of pre-revolutionary Russia, the formation of a modern scientific and cultural worldview, including knowledge in both the socio-humanitarian and natural science spheres, the legitimization of legal education, the separation of university and specialized higher legal education, the levels of higher legal education, the training of lawyers in commercial universities, relations of higher education with science, etc.

[1] Настоящая статья представляет собой полный текст доклада академика Б.Н. Топорнина на Всероссийском совещании по высшему юридическому образованию (апрель 1996 г., г. Москва).

Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 1996. № 7. С. 34–52.

Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук, профессором А.И. Чучаевым.

[2] This article is the full text of the report of Academician B.N. Topornin at the All-Russian Meeting on Higher Legal Education (April 1996, Moscow).

The article was published in the journal "State and Law" (1996), No. 7, pp. 34–52.

Abstract and key words were compiled by Doctor of Law, Professor A.I. Chuchaev.

Key words: legal reform, tasks of higher education, training of lawyers, levels of education, standard of education, science and education.

For citation: *Topornin, B.N. (2022).* Legal reform and development of higher legal education in Russia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 249–264.

1. Новые условия и задачи

В настоящее время не просто обозначилась, но самым серьезным образом выявилась настоятельная потребность в том, чтобы профессионально и деловито обсудить вопросы состояния и дальнейшего развития высшего юридического образования в России. Этого требуют интересы современности, характерной нашим стремлением не только решительно преодолеть переживаемые беды и трудности, но и полностью и последовательно реализовать идеи правового государства, приоритета прав и свобод человека, политической демократии, рыночной экономики, федерализма и местного самоуправления. В неменьшей степени наш разговор важен для будущего, даже отдаленного, когда сменятся поколения людей и строить, укреплять Российское государство вслед за учениками нынешних профессоров станут теперь уже их ученики.

Высшее юридическое образование занимает свою особую нишу в системе высшей школы, да и не только в ее рамках. Отнюдь не с позиции чрезмерного самоуважения, но исходя из жизненных реалий, можно сказать, что подготовка высококвалифицированных юристов оказывает существенное воздействие на самые важные стороны развития российского общества, в том числе на экономику, культуру, социальные и политические факторы. Это обусловлено той ролью, которую призвано сыграть право в нашей жизни, и в частности, проводимой ныне правовой реформой. Об этом достаточно убедительно говорилось на состоявшемся недавно Конгрессе по правовой реформе. Отсюда – обостренный интерес общества к юридической профессии и как следствие – повышенная требовательность к ее представителям.

Если спросить сегодня не только профессоров права и даже не только юристов-практиков, но людей других профессий о главной задаче, стоящей перед нами, то все они или по крайней мере подавляющее большинство из них скажут, что необходимо обеспечивать новые потребности общества в квалифицированных юристах, способных отвечать вызову времени. Вместе с тем мы должны отдавать себе отчет в том, что решить такую задачу очень нелегко. Главная проблема состоит в том, чтобы предупредить и устранить опасность разрыва между объемами спроса и качеством предложений на рынке правовых услуг. Нельзя не видеть, что существовавшая до последнего времени система высшего юридического образования оказалась далеко не готовой к новым запросам как по количеству, так и по качеству выпускаемых специалистов. Если не принять активных и действенных мер, то уровень юридической профессии может быстро снизиться, что в свою очередь повлияет не только на ее престиж, привлекательность для молодежи, но, и это особенно опасно, на выполнение ею своей социальной роли, а значит, на состояние всего общества.

Как предотвратить грозящую беду? В первую очередь важно полностью раскрыть и использовать тот потенциал, которым располагает система высшего юридического образования в России. А этот потенциал, несмотря на все потери, понесенные в последнее время, весьма значителен. В стране успешно функционируют уже сложившиеся и достаточно сильные центры высшего юридического образования, такие как юрфак МГУ, Московская государственная юридическая академия, юрфак Санкт-Петербургского государственного университета, Саратовская государственная академия права, Уральская государственная юридическая академия. В систему высшего юридического образования активно включился Институт государства и права РАН, в составе которого 3 академика, 5 членов-корреспондентов, более 100 профессоров. В них, а также в других вузах России работают талантливые и опытные преподаватели, имена многих из которых олицетворяют важнейшие школы и направления в правоведении.

Высшему юридическому образованию в России нужна, однако, серьезная поддержка, и прежде всего материальная, со стороны государства. Одними собственными усилиями, сколь бы самоотверженными они не были, не обойтись. Нельзя не видеть тревожные симптомы болезненного состояния правовой высшей школы. Большой, не менее чем на порядок разрыв между оплатой труда преподавателя и практикующего юриста, особенно в коммерческих структурах, ведет к утечке высококвалифицированных специалистов, в том числе с важнейших кафедр и направлений. Очень слаб по этой же причине приток молодежи на преподавательскую работу, что влечет неизбежное старение профессорского состава. Высшему юридическому образованию катастрофически не хватает учебных площадей, а это тормозит расширение приема в существующие и открытие новых учебных заведений. Государство не может оставаться глухим к происходящим процессам, но должно решительно менять их направление и содержание. При этом речь идет отнюдь не только о Государственном комитете по высшей школе,

усилий которого зачастую не хватает. В конце концов пора осознать, что забота о подготовке высококлассных правоведов явно выходит за рамки узкоцеховых, локальных интересов, сегодня это – одно из важнейших интересов всего общества.

Россия стремится быстро наверстать упущенное и войти в группу наиболее развитых стран мира. Последние выгодно отличаются от нас высоким уровнем развития промышленности и сельского хозяйства, новыми технологиями во многих сферах жизни общества, подъемом науки и образования. В каждой из стран, которые вступают в постиндустриальное, информационное общество, имеется хорошо отработанная и разветвленная правовая система, обеспечивающая регулирование отношений, складывающихся в обществе. Развитые страны характеризуются высоким престижем права, юридической профессии и соответственно большим числом юристов, что особенно бросается в глаза при сопоставлении с российскими условиями.

2. Правовая реформа и юридическая профессия

Юридическая профессия существует и развивается в России не в некоем вакууме. Ее характер, эффективность и, разумеется, престиж предопределяются, как и повсеместно, в первую очередь тем, какое право существует в стране и какую роль оно в ней играет. Поэтому не только сегодняшний день юридической профессии, но и ее будущее во многом зависят от правовой реформы, долженствующей состояться в России.

Нынешняя реформа может принести успех только в том случае, если она найдет ответы на все главные вопросы, которые задает нам жизнь. Поэтому видеть в реформе самоцель, превращать ее в преимущественно идеологическую, быстро преходящую кампанию значило бы с самого начала выхолащивать ее суть и цели. Правовая реформа прежде всего позволяет нам «сверить часы», соотнести правовое развитие, всю юридическую практику с избранными идеалами и принципами, реально оценить достигнутое. Ведь в конечном счете все реформы служат главному общественному интересу – благу человека, который должен жить в условиях гарантированных прав и свобод, высокого уровня культуры, науки и образования, материальной обеспеченности, мира и безопасности.

Правовая реформа носит, да и не может не носить, комплексный характер, ибо затрагивает самые разные стороны жизни государства и всего общества. И в силу именно этого обстоятельства она предъявляет повышенные и разносторонние требования к юридической профессии, к ее носителям. Отсюда же вытекают выводы о необходимых поправках в характере юридического образования, перечне преподаваемых дисциплин и содержании учебного процесса.

Рассматривая с данных позиций основные направления правовой реформы, на первое место следует, безусловно, поставить процесс правотворчества, особенно законодательство. Хотя действующая Конституция была принята еще в 1993 г., правовая система страны полностью не сложилась. Главная причина состоит в том, что Россия все еще находится на переходном этапе. Это в первую очередь определяет ситуацию в сфере экономики, где после решительного прорыва – принятия первой и второй части Гражданского кодекса – движение вперед явно замедлилось. Страна живет пока без многих новых законов, в которых она нуждается, в том числе без нового Земельного кодекса, нового Налогового кодекса, нового Трудового кодекса. Да и новый Гражданский кодекс должен быть дополнен третьей частью, охватывающей такие важные разделы гражданского права, как интеллектуальная собственность, наследственное право, а также международное частное право. Незавершенность правового строительства отмечается и в других сферах законодательства.

Государственная Дума прежнего состава так и не приняла закона об основных принципах организации законодательной и исполнительной властей в субъектах Российской Федерации, чем заметно осложнила развитие федеральных отношений в стране. Не решены законодательно многие проблемы бюджетного федерализма, что порой порождает трения между центром и субъектами федерации. Но, пожалуй, наиболее серьезное беспокойство вызывают случаи расхождения между Конституцией РФ 1993 г. и уставами и конституциями субъектов федерации. Данной проблеме посвящено немало выступлений в печати, на эти явления с чувством тревоги обращали внимание участники парламентских слушаний, свою озабоченность выражают структуры исполнительной власти. Однако ситуация остается без существенных изменений. Состоялась только одна интервенция Конституционного суда по поводу устава Алтайского края.

Российское законодательство заметно отстает в своем развитии от задач борьбы с преступностью. Между тем ситуация в стране грозит перейти опасный рубеж, за которым гражданин с трудом сможет найти действенную защиту от произвола и насилия бандитов и мафиозных группировок. Преступность угрожает не только банкиру, торговцу, фермеру, она сейчас прямо касается простого гражданина. Террор стал быстро распространяться в России. Не обошли ее стороной и наркотики. Подобный срез общественной жизни не может

остаться без внимания при разработке нового уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства.

«Вновь открывшимся обстоятельством» стал прием России в члены Совета Европы, в связи с этим наша страна взяла на себя определенные международно-правовые обязательства по приведению своего законодательства в соответствие с принципами и стандартами СЕ. В Заключении Парламентской ассамблеи Совета Европы № 193 (1996 г.) по заявке России на вступление в СЕ говорится о том, что в РФ в первоочередном порядке с использованием международной экспертизы разрабатываются новые кодексы, в том числе уголовный, уголовно-процессуальный, гражданско-процессуальный, новые законы: о прокуратуре, об уполномоченном по правам человека, о защите национальных меньшинств, о свободе вероисповедания, о статусе адвоката и др.

Итак, в отличие от стран, где правовая система давно уже устоялась, стабилизировалась, российское право находится в движении. Это обстоятельство создает серьезные трудности в работе юристов, занятых в сфере как изучения и преподавания права, так и его практического применения. В значительной мере такая ситуация имеет свои основания. В условиях, когда многие важные задачи переходного этапа еще не решены, что особенно наглядно проявляется в сфере экономики, где продолжается приватизация, остаются неурегулированными земельные отношения, право нацелено не столько на закрепление сложившегося положения, сколько на обеспечение проводимых преобразований. В свою очередь, поэтапность таких преобразований находит отражение в относительно частой смене одного правового регулирования другим. И чем быстрее общество проходит эти этапы, тем чаще меняется право. Словом, в основаниях подвижности права, несомненно, лежат причины объективного характера.

Конечно, было бы неверно списывать по тем же основаниям ту чехарду в законодательстве и праве в целом, которая является следствием ошибок и просчетов в политике, прямого или косвенного пренебрежения закономерностями самого правового регулирования. Известно, что иностранные инвестиции обходят Россию в немалой мере и потому, что наше право нестабильно и непредсказуемо. Льготный режим быстро сменяется «похолоданием» инвестиционного климата, вслед за которым вновь наступает время привилегий. За год налоговые и таможенные сборы несколько раз то возрастают, то снижаются. Для иностранных юристов, плохо знакомых с российскими условиями, такая ситуация зачастую граничит с шоком.

Впрочем, ее нельзя назвать нормальной и для российского юриста. Он, однако, должен приноровиться к ней, видеть ее корни, ориентироваться в усложненном и нередко противоречивом комплексе правовых норм. Это составляет сегодня одно из свойств юридической профессии в России. Но чтобы соответствовать своей профессии, российский юрист должен иметь хорошую общетеоретическую подготовку, уметь отличать главное от второстепенного, самостоятельно определять тенденции правового развития. Если зарубежному юристу достаточно знать для безбедной жизни и профессионального авторитета узкий участок правового регулирования, даже быть специалистом по какому-нибудь одному закону, то в России до этого еще далеко.

Разумеется, российский юрист должен быть широко эрудированным. Знание философских основ права, его соотношения с другими ценностями человеческой цивилизации определяет отношение юриста к своей профессии, его поведение в различных жизненных ситуациях.

Нельзя не признать, что, хотя о правовой реформе говорилось и раньше, она велась далеко не систематически и не последовательно. На первых порах правовая реформа практически была сведена к реформе судебной. И это не случайно. В развитии страны право отнюдь не играло той роли, которая отвечала бы его назначению. Только постепенно, по мере отхода от командно-административной системы приходило понимание той истины, что именно право позволяет наилучшим образом регулировать общественные отношения, обеспечивать достойную жизнь для человека. Даже принятие Конституции 1993 г. не стало переломом в развитии права. Таковой наметился с укреплением позиций рыночной экономики, которая наиболее зависима от того, какое право утвердилось в государстве и как оно функционирует.

Если представить себе историю последних лет в виде упрощенной схемы, то можно сказать, что вплоть до последнего времени право в Российском государстве находилось на втором плане, в очень большой мере было подчинено политическим интересам и практически следовало в фарватере политики. Затем на авансцену государственной жизни вышла экономика в том понимании ее интересов, которое предопределялось идеями ранней либерализации и приватизации. Право использовалось преимущественно для механического оформления принятых экономических решений. Иными словами, праву каждый раз отводилась достаточно пассивная роль. И только теперь, судя по всему, наступает перелом.

Он связан с пересмотром ставших расхожими представлений о якобы преимуществе безудержной

либерализации общественных отношений, почти полном уходе государства из экономики и социальной сферы, ставке на саморегуляцию, близкую к разгулу стихии. Ошибочно отождествляя всякое государственное регулирование с утверждением бюрократии, администрирования и тоталитаризма, сторонники подобных представлений, в сущности, исходили из упрощенной формулы: чем меньше государства, тем лучше. При этом сознательно или бессознательно упускались из виду как позитивные возможности права, так и качественная разница между государствами разных типов и видов. Да, государство бывает злом, а право оковами, если они построены на антидемократических началах и служат узкогрупповым, олигархическим интересам. Но действительно демократическое государство и право, нацеленные на благо человека, выражающие и реализующие волю народа, способны позитивно регулировать процессы общественного развития.

Разумеется, в настоящее время не только юрист, но и каждый грамотный человек должен уметь ориентироваться в отечественной системе ценностей и отчетливо осознавать назначение, характер и потенциал государства и права. Юрист, однако, не может ограничиваться знанием общих подходов. В силу своей профессии он призван искать и находить пути и средства реализации принципов, на которых зиждутся государство и право, повышать эффективность их функционирования.

В последние годы мы как-то стали стесняться говорить о сильном государстве. Это было понятным следствием жесткой критики проявлений тоталитаризма и бюрократизма, бесправия человека в условиях административной системы. Но необходимо четко осознавать, что свобода и демократия, права и свободы человека, нормальное развитие рыночных отношений в экономике, обеспечение мира и безопасности не достижимы, если общество остается без государства, которое способно не только провозглашать, но и последовательно проводить в жизнь свою политику. Видимо, юристы недостаточно убедительно и четко разъясняют обществу: демократия никоим образом не должна означать ослабления управляемости в государстве, ставки на нерегулируемую стихию. Не случайно известную поддержку в стране получают идеи авторитаризма, выражающиеся в призывах к установлению «твердой власти», управления «жесткой рукой» и т.п.

Сила государства, однако, не измеряется количеством, численностью и полномочиями «силовых структур». Она также не может строиться на популистских лозунгах, позволяющих порой мобилизовывать широкие слои населения, получать их временную поддержку, а на деле лишь маскирующих реальную природу власти. История наглядно убеждает нас в том, что тоталитарные режимы недолговременны. Их «сила» рано или поздно исчезает, порождая неминуемый крах режима. По-настоящему сильное государство – это прежде всего правовое государство, с которым обоснованно связывается торжество закона. Не произвольная команда вышестоящего начальника, не административное распоряжение, но закон как единый масштаб становится главным регулятором общественных отношений. Сама суть правового государства должна исключать приоритет политики над законом, «телефонное право» и вмешательство партийных структур, других политических сил в решение конкретных государственных дел. Не случайно само понятие «правовое государство» является эквивалентом понятия «государство, основанное на праве» или даже понятия «господство права».

Одновременно хотелось бы предостеречь от формализованного подхода к трактовке правового государства, его сведения к одним только юридическим конструкциям. Смысл и цель правового государства – не просто в господстве права, наличии соответствующих механизмов его реализации, а в том, чтобы в центре его внимания и всего общества действительно находился человек. Его интересы, его права и свободы и есть высшая ценность правового государства, первейший конституционный долг. Именно оно в целом, все его органы, учреждения, организации и должностные лица должны подавать пример в отношении к человеку, строго следуя при этом велениям права, и, опираясь на собственный пример, заставлять действовать в том же духе негосударственные структуры, в том числе частный бизнес и. разумеется, всех граждан. Современный юрист, на каком бы участке правовой деятельности он ни находился, должен видеть за нормой закона или подзаконного акта прежде всего человека, его боли и нужды, его интересы. Юридическая профессия в этом аспекте, пожалуй, особенно близка врачебной. Может быть, только вместо известного афоризма «не навреди» нужно выдвинуть на первый план другой, более подходящий для юридической профессии – «окажи помощь».

Как известно, Конституция РФ 1993 г. провозглашает наше государство правовым (ст. 1). Стремление реализовать этот принцип находит отражение в последующих статьях Основного Закона. Однако вряд ли кто-нибудь из квалифицированных юристов станет сегодня утверждать, что правовое государство в России уже построено. Пока это – еще во многом идеал. Слишком далека действительность от замысла в стране, где преступность есть повседневное явление, а чиновничий произвол нередко подминает закон. И хотя уже проделана значительная работа по созданию правового государства, а его генеральная конструкция не вызывает принципиальных возражений, обществу

предстоит предпринять немалые усилия для достижения поставленной цели. От юристов страна вправе ожидать самого заинтересованного и действенного участия и соответствующего вклада.

Важнейшая составная часть правового государства – налаженный законодательный процесс. Он, как известно, протекает в России на разных уровнях, так как наряду с федерацией свои законодательные акты принимают ее субъекты. Но, естественно, основная нагрузка как по объему, так и по важности регулируемых отношений, падает на федерацию, не говоря уже о том, что федеральный закон, принятый в соответствии с Конституцией 1993 г., имеет приоритет по отношению к закону субъекта. Не только российская, но и вся мировая практика выработала главные требования, которым должно отвечать законодательство. Их не так уж много. Во-первых, законодательство должно соответствовать гуманистическим началам права, более конкретно – конституции страны, что является первоосновой утверждения принципа законности в государстве. Во-вторых, от законодательства требуется внутренняя согласованность, означающая отсутствие противоречий как между старыми и новыми законами, так и между законами, относящимися к различным правам. В-третьих, законодательство не может ограничиваться одним только провозглашением правильных положений; каждый закон должен иметь механизмы реализации. В-четвертых, совершенное законодательство предполагает высочайшую технику подготовки законопроектов.

Между тем законодательный процесс в России еще далек от совершенства. Его слабости начинаются уже на этапе реализации права законодательной инициативы, когда центром разработки проектов становится не правительство с его многочисленными органами специализированного управления, а Государственная Дума и ее комитеты. Это не может не сказаться на профессиональной стороне подготовки. Отсутствие хорошо разработанной стратегии приводит к тому, что не выдерживаются должные приоритеты в очередности принятия законов. В итоге немало законов принципиального значения еще не рассматривалось Государственной Думой. Принятие новых законов зачастую не сопровождается отменой противоречащих им старых законов. Законопроекты, в частности те из них, которые влекут большие дополнительные расходы, заранее не просчитываются и выносятся на обсуждение депутатов без указания на источники материального покрытия.

Несоразмерно частым стало отклонение Президентом РФ законов, которые прошли через Государственную Думу или обе палаты Федерального Собрания. Происходит это зачастую не столько по принципиальным соображениям, сколько из-за процедурных нарушений. Системность и единство законодательного регулирования нарушаются тем, что наряду с законом, а чаще вследствие его отсутствия многие важные нормы даются в президентских указах. Еще один вид актов, конкурирующих с законом, – правительственные постановления, имеющие нормативный характер. Поэтому так важна способность юриста уметь правильно ориентироваться в сложном правовом хозяйстве, находить и толковать соответствующий законодательный акт, определять его юридическую силу, соотносить его с другими правовыми актами.

В современных условиях существенно повышается роль законодательства в социальной сфере. Время жестко напомнило: конституционная формула «Россия – социальное государство» не должна оставаться декларативным лозунгом. Она должна работать, и в частности, предопределять быстрое увеличение объемов социального законодательства: трудового, пенсионного, страхового, жилищного и ряда других отраслей. Соответственно, необходимо, чтобы подготовка юристов для работы в данной сфере отвечала новым требованиям.

Весьма непростые вопросы ставит перед юристами развитие федеративных отношений в стране. Это в равной мере относится к специалистам, работающим как в центральных учреждениях, так и на местах. В частности, в последнее время вновь расширилась практика заключения договоров и соглашений между органами власти центра и субъектов федерации, что подлило масло в огонь дискуссии о природе российского федерализма. Является наше государство конституционной или конституционно-договорной федерацией? Имеет ли договор приоритет по отношению к федеральной конституции? Ответ на подобные вопросы имеет важное практическое значение для юристов, связанных по роду деятельности с применением как федеральных, так и региональных законов, а также других правовых актов, с отношениями между органами центра и субъектов федерации. Не меньшее значение имеет хорошее знание юристами как федерального, так и регионального законодательства. В этом отношении объем изучаемых источников права намного увеличился.

Что же касается принципиальных вопросов, то надо постоянно иметь в виду, что Россия была и остается в принципе конституционной федерацией. Конституция 1993 г. имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Этой Конституции должны полностью соответствовать конституции и уставы субъектов федерации, «местные» законы, договоры и соглашения, заключенные по вопросам разграничения компетенции между

органами власти федерации и ее субъектов. Из общего ряда договоров и соглашений выделяется, пожалуй, договор с Татарстаном, содержащий ряд положений, выходящих за пределы федеральной Конституции. Но это не правило, а скорее исключение из него. Возможно, что еще к одному исключению приведет переговорный процесс в Чечне.

Юридическая профессия везде и всегда была больше всего и самым непосредственным образом связана с судебной властью. Да и авторитет и престиж юристов предопределялся главным образом местом и ролью суда в государственной жизни. За последние годы, и особенно после принятия Конституции 1993 г., положение суда в системе государственных органов России несомненно улучшилось. Однако имеется еще немало проблем, требующих своего решения. Видимо, самая важная из них заключается в том, что суды слабо ощущают себя одной из трех ветвей власти в государстве, которая не должна уступать другим ветвям в своем значении. Как было сказано в послании Президента РФ Федеральному Собранию, исполнительной власти власть судебная видится порой в качестве одного из своих ведомств. Вторая проблема, казалась бы, не носит принципиального характера, поскольку сводится к недостаточному финансированию. Но стесненность в деньгах затрудняет выполнение судами своих функций и бьет по престижу судебной власти.

Работать в российских судах стало интереснее и престижнее, но одновременно и намного труднее. В судебной практике стали значительно строже соблюдаться процессуальные нормы, построенные на базовых принципах судоустройства, в том числе на состязательности и равноправии сторон, требовании презумпции невиновности. Суды теперь все чаще прямо и непосредственно применяют нормы Конституции, международно-правовых актов. В девяти субъектах федерации введен суд присяжных, что также сказывается на работе судей. Более строгие требования к квалификации судей предъявляет специализация судов, уже приведшая к выделению из общей системы арбитражных и конституционных судов. Вероятно, что в недалеком будущем специализация пойдет дальше. Сегодня высказываются предложения о создании административных судов, судов по делам несовершеннолетних, судов по трудовым спорам, патентных и, возможно, иных судов. Подготовка юристов должна учитывать новые явления в развитии судоустройства.

3. Основы образовательного стандарта

Рассматривая судьбы высшего юридического образования, следует помнить, что сегодня, по сути, закладываются основы подготовки тех специалистов, которые будут определять облик нашей родины в XXI столетии. И поэтому не случайно в центре дискуссий оказываются вопросы, касающиеся самых основ обучения. Ответы на эти вопросы имеют принципиальное значение.

Первый из них касается соотношения обязательного общероссийского стандарта в вузовской автономии. Если цель стандарта состоит в том, чтобы обеспечить сходные масштабы знаний, получаемых студентами в вузах России, единый минимум владения юридической профессией, то автономия вуза призвана, во-первых, способствовать учету специфики региона. В современных условиях, и в особенности имея в виду перспективы развития двухуровневой системы российского права (права федерации и права ее субъектов), назревает потребность в том, чтобы в юридическом вузе вводилось изучение права субъекта федерации, на территории которого находится вуз. С другой стороны, вузовская автономия позволяет полнее использовать возможности конкретного вуза. Речь идет, в частности, о том, чтобы всячески развивать школы и направления, наиболее сильно представленные в вузе, учитывать потребности в кадрах со стороны расположенных поблизости учреждений, связанных с правовой работой, распределение студентов на практику и т.д.

Вероятно, установить единые общероссийские нормы было бы затруднительно. Слишком велика разница в квалификации вузов, их потенциале и опыте. Скажем, вузы-лидеры могли бы иметь максимальную, почти неограниченную, автономию. Им самим впору разрабатывать стандарты, искать и находить новые решения, отвечающие переменам в развитии высшей школы, науки, с одной стороны, и потребностей в юридической профессии – с другой. Иное дело – новички, только приступившие к подготовке юристов, да еще не имеющие ни всех необходимых условий, ни своих помещений, ни постоянных кадров преподавателей. По отношению к ним нужен жесткий контроль за соблюдением образовательного стандарта. Для «среднего» юридического вуза образовательный стандарт, в котором 2/3 учебного времени отводится занятиям по единым программам для юридических вузов на всей территории России, а треть или даже меньше – 30% на изучение дисциплин, устанавливаемых им самим по собственным планам, вполне выполним.

Следующий вопрос касается соотношения общекультурного и специального образования. С одной стороны, важно, чтобы юридическое образование не выпадало из единого поля общечеловеческой культуры. Это предполагает прежде всего деидеологизацию образования, его освобождение от догматов какого-либо одного, даже официально поддерживаемого учения, установку на изучение

знаний, накопленных всем человечеством. Важно, однако, чтобы мы руководствовались подлинно научным подходом в трактовке рассматриваемых проблем, не опускались до уровня примитивной пропаганды, отражающей изменения в политической конъюнктуре.

Несомненно, важно расширять изучение вклада, внесенного в мировую культуру теоретиками и практиками самых различных эпох и цивилизаций, тем более что в прошлом это делалось зачастую в очень небольших дозах и пропускалось через идеологические фильтры. В правоведении было специальное направление, смысл которого раскрывался в его наименовании: «Критика буржуазного государства и права». Сегодня мы справедливо уходим от подобной односторонности, стремимся к объективному анализу зарубежного опыта. Однако появились перегибы в другую, зачастую прямо противоположную сторону. Упор на критику сменяется эпигонством и бездумным подражательством. Порой не хватает обоснованного, строго научного отбора действительных достижений, новых интересных идей, отделения их от духовных «плевел» и не подходящей для нас практики.

Особого внимания заслуживает углубленное изучение теории и практики дореволюционной России. Юристы обратились, можно сказать, заново к трудам Л.И. Петражицкого, Н.М. Коркунова, Ф.Ф. Мартенса, других корифеев нашего правоведения, равно как к творческому наследию М.М. Сперанского, П.А. Столыпина, С.Ю. Витте и им подобных. Многие взгляды, высказанные нашими выдающимися предшественниками, не утратили своей актуальности и в наше время.

В целом следует оценить как положительный тот образовательный стандарт, который включает дисциплины, направленные на формирование современного научно-культурного мировоззрения, включая знания как в социально-гуманитарной, так и в естественнонаучной сферах. Для юриста-профессионала, как и для любого другого специалиста, мир не может ограничиваться только своим предметом. Юрист, и особенно высококвалифицированный, бесспорно, должен разбираться в основах устройства современной жизни, быть подготовленным к работе, связанной с решением самых разнообразных задач.

Наша профессия отличается тем, что порой заставляет заниматься правовой стороной дел, касающихся то экономики, то политики, то медицины, то культуры, то науки. Современный юрист, особенно если он рассчитывает на хорошую карьеру, не может «закапываться» лишь в статьях закона. Нужно быть внутренне готовым к быстрым изменениям в окружающем мире. К тому же и право не останавливается в своем развитии. Появляются и быстро разрастаются новые отрасли права, отражающие как социальные сдвиги, так и технологический прогресс. Кто бы мог раньше предположить, к примеру, что медицинское право займется регулированием трансплантации человеческих органов.

Вместе с тем для преподавания «непрофессиональных», общекультурных дисциплин должны быть установлены пределы. Речь ведь идет о подготовке не философов и культурологов, а специалистов по праву. Естественнонаучные и социально-гуманитарные знания призваны составлять общую культурную базу юристов, но отнюдь не теснить его специализированную подготовку. Идеальной была бы ситуация, при которой студент юридического вуза заранее проходил бы курс общей подготовки, в частности если бы необходимый стандарт обеспечивала средняя школа. Но, очевидно, сегодня такой идеал недостижим.

В мире есть иные решения. В США, как известно, – юридический факультет, а в точном переводе – школа права. Это второй, более высокий этаж университетского образования. Тот, кто учится в школах права, имеет уже, пользуясь нашим лексиконом, одно высшее образование. В школы права поступают экономисты, менеджеры, филологи, учителя и т.д. Это обстоятельство, кстати, объясняет достаточно сложную «стыковку» российских юрфаков и американских школ права, особенно когда речь идет о формах сотрудничества. Не удивительно, что студенты-юристы в США изучают только правовые дисциплины. Право и только право, ничего, кроме права.

В Германии юридический факультет, как и в России, является одним из факультетов университета. Особенность состоит, пожалуй, только в престижности профессии юриста и соответственно в возможностях более строгого отбора студентов. Но и здесь не юридических дисциплин нет. Зато, в отличие от США, читаются такие юридические предметы, как философия и история права, социология права и им подобные. Очень богат набор спецкурсов, также привносящих знания как по смежным дисциплинам, так и в плане общекультурной подготовки.

Как же быть в России? Копировать немецкий или тем более американский опыт было бы несерьезно. Но нужно ли идти упрощенным путем, восполняя знания, не полученные до юрфака, введением дополнительных дисциплин полушкольного характера? Видимо, определенный общеобразовательный минимум должен существовать и соответствующие предметы – изучаться на первом курсе и даже в первом семестре. Принятый ныне «обязательный набор» нуждается в пересмотре. Во-первых, он слишком велик. Нужно сократить его, чтобы не превращать юридический вуз в 11 или 12 классы средней школы. Во-вторых, следовало бы эффективнее использовать собственный потенциал

и решать поставленную задачу через правовые дисциплины. Скажем, экономические знания, большую их часть, давать в ходе преподавания гражданского, банковского, земельного права и др., философские – через теорию государства и права, историю политических учений, исторические – через историю государства и права, религиоведение – через конституционное право. Большую пользу могли бы принести спецкурсы широкого юридического профиля. Серьезные возможности открывает расширение факультативных занятий.

Вывод, по сути, сводится к юридизации юридического образования. Однако и здесь есть свои пределы. Но они лежат по другую сторону и касаются не общеобразовательной, а специализированной подготовки будущих юристов. Представляется, что на заключительном этапе, на 4 и 5 курсах обучения университетского типа, особенно в связи со специализацией, к чтению курсов можно было бы привлечь специалистов-неюристов либо отдельные курсы могли бы читаться совместно юристом и неюристом.

Приходилось не раз слышать, что в отличие от зарубежной традиции в России сравнительно мало юристов находится на руководящих постах не только в государственных учреждениях и на предприятиях, что можно было бы объяснить аппаратными традициями и последствиями командно-бюрократической системы, но и в частном бизнесе. На переговорах с партнерами по бизнесу юристам зачастую отводится только оформительская роль. Видимо, подобная картина в какой-то мере является следствием слабого знания юристами сути своего бизнеса, идет ли речь о строительстве, торговле, промышленном производстве и т.д.

Образовательный стандарт юриста в недалеком прошлом строился, исходя из практических потребностей, в первую очередь в расчете на подготовку выпускников к работе в правоохранительных органах. Отсюда вполне объяснимо проистекало явное доминирование административного и судебного циклов в программе обучения студентов. В настоящее время, особенно в связи с развитием рыночных отношений в экономике, резко возрос спрос на юристов, специализирующихся главным образом по гражданско-правовому циклу. Это обусловило заметные подвижки в соотношении дисциплин и отводимых на них часов. Акцент на изучение правового регулирования рыночной экономики отвечал также интересам очень значительной части, если не большинства студентов, принятых в юридические вузы. В их среде произошла кардинальная перемена в оценке престижности юридических специальностей.

По этой причине в программе обучения, а значит, и выпуске «продукции» юридических вузов стал выявляться другой крен. Потребность в юристах для работы в суде, следственном аппарате, прокуратуре, милиции и других правоохранительных органах в масштабах страны обострилась. Сегодня она в значительной мере удовлетворяется за счет специализированных вузов, созданных при силовых структурах. Там наблюдается картина, напоминающая ту, которая была присуща в прошлом всей системе высшего юридического образования.

Значит ли это, что развитие юридических вузов и дальше пойдет по двум основным колеям? Вероятно, да! Но неверно было бы сводить проблему к соотношению публичного и частного права. На самом деле происходит процесс разделения университетского и специализированного высшего юридического образования. Обучение преимущественно частному праву также является по сути разновидностью специализированного образования и имеет равное право на существование, что и обучение судебному праву. Общей чертой любого специализированного образования не может не быть определенная ограниченность «площадки», на которой квалифицированно работает выпускник. Преимущество университетского образования в том и состоит, что готовится юрист широкого профиля, обладающий фундаментальными знаниями, способный решать разнообразные и комплексные задачи.

Серьезным вопросом для размышлений остается вопрос об уровнях высшего юридического образования. Как известно, в отличие от прошлого, когда действовала только одна программа подготовки юриста, срок пребывания в вузе составлял, как правило, 5 лет. Ныне пятилетняя программа сохранилась, но наряду с ней появилась другая, дающая возможность получить высшее юридическое образование на дневном отделении вуза за 4 года. Различие между программами в том, что после пятилетнего обучения выпускник получает диплом юриста, а после 4 лет – бакалавра права. Надо добавить, что бакалавр имеет право продолжить обучение по одной из юридических специальностей и получить в итоге диплом магистра права.

Обоснованием введения двух уровней образования в России стало, с одной стороны, намерение облегчить жизнь тем, кто по разным причинам, в том числе экономическим, стремится поскорее получить специальность юриста. С другой стороны, в условиях дефицита юридической профессии ускоренные выпуски быстрее насытят рынок труда. Были ссылки и на опыт других стран, которые убеждают в полезности подготовки бакалавров.

Юридические вузы получили право выбора между выпуском юристов и бакалавров права. Только среди государственных вузов симпатии распределились таким образом, что подготовка

специалистов по направлению 5214 «юриспруденция», т.е. бакалавров права, ведется в 16 учебных заведениях, а по направлению 0211, т.е. дипломированных юристов, – в 92 учебных заведениях. Примечательно, что все традиционные юридические вузы сохранили пятилетний срок обучения. Что же касается негосударственных вузов, то они отдали явное предпочтение подготовке бакалавра права. Видимо, более быстрое завершение учебного процесса соответствует их интересам.

Очевидно, каждая программа подготовки имеет свои достоинства и недостатки. Верно и то, что в разных сферах высшего образования соотношение таковых заметно меняется. Но применительно к сфере правоведения оно складывается явно не в пользу бакалавров. Во-первых, сама специальность является весьма сложной и трудоемкой, требующей много времени на свое освоение. Во-вторых, юридическая профессия приобрела за последние годы повышенное значение в обществе.

Надо иметь в виду, что в США, где диплом бакалавра является доминирующим конечным продуктом университетского образования, в юридической профессии он не имеет хождения. Точнее говоря, он необходим только для поступления в школу права, т.е. примерно так же, как аттестат зрелости нужен абитуриентам в России. В Германии обучение юриста по университетской программе в целом занимает больше 5 лет. Да и в России обоснованно вносятся предложения об увеличении продолжительности юридического образования до 5.5–6 лет. Эти предложения пока не стали предметом серьезного обсуждения из-за экономических трудностей.

Более реальными представляются соображения, сводящиеся к тому, чтобы разделить выпускников юридических вузов в зависимости от полученного диплома на два «разряда». При этом, естественно, первый разряд присваивается дипломированным юристам, а второй – бакалаврам права. Соответственно должны быть определены должности, которые занимаются владельцами разных дипломов.

4. Структура высшего юридического образования

Резкое увеличение спроса на юристов на рынке труда в сочетании с престижностью профессии и сравнительно неплохой оплатой привело к подлинному буму в системе высшего юридического образования. Как показали социологические исследования, проведенные по заказу Госкомвуза среди молодежи, в рейтинге престижности юридическая профессия заняла первое место, а по оценке выгодности – третье место, после коммерции и менеджмента. По расхожему мнению, быть юристом – это теперь модно и доходно! Тяжелый труд, сложности освоения профессии, повышенная требовательность к себе – эти и многие другие иные критерии юридической профессии нередко ускользают из поля зрения. Тяга к юридической профессии растет повсеместно, в том числе и в тех сферах жизни, где прежде о праве, работе юриста были самые приблизительные представления.

Главную роль в развитии юридической профессии играют все же объективные общественные потребности. Не было ничего нового в том, что спрос на юристов обострился в судах, прокуратуре, адвокатуре, нотариате, во всей системе правоохранительных органов. Здесь, как говорится, испокон веков находилась заповедная территория юристов. Заметные перемены произошли в отношении к праву, знанию его технологии в государственном аппарате, особенно в законодательных органах, а также в аппарате государственного и муниципального управления. Главным центром притяжения юристов стал, однако, бизнес, как государственный, так и частный, причем последний в большей мере. Юристы стали требоваться во всех без исключения сферах экономики: банковской системе, торговле, промышленности. Иностранные инвесторы несли с собой в Россию ожидания авторитетного и действенного правового регулирования.

Существенно и то, что в отличие от прошлого вакансии для юристов открывались как в центре, так и в бывшей «периферии». Тон задают ныне субъекты федерации, где во многом почти заново создается собственная региональная правовая система и соответственно свой управленческий аппарат. Даже там, где прежде юристов вообще не было либо они были незаметны: в системе управления на местах нефтедобычей, угольной и газовой промышленностью, атомной энергетикой, во многих других приоритетных отраслях промышленности, – юристы начинают теснить производственников.

Однако существовавшая вузовская сеть оказалась не в состоянии ответить на вызов времени. Ее потенциал был явно недостаточен для того, чтобы быстро и кардинально увеличить объемы подготовки юристов. Впрочем, неожиданности в этом не было и быть не могло. Подобную ситуацию легко было просчитать заранее. Как известно, в недалеком прошлом масштабы высшего юридического образования были крайне ограниченны. При Советской власти доля подготовки юристов в профессиональной структуре высшего образования составляла не более 1.5%. К сожалению, эта доля не только не увеличивалась, но порой сокращалась, что предопределялось разного рода политическими и идеологическими кампаниями. Уменьшение удельного веса высшего юридического

образования в свое время мотивировалось даже развитием самоуправления и повышением роли общественности в делах государства. Кое-кто надеялся, например, что товарищеские суды скоро придут на смену профессиональному правосудию.

По количеству студентов-юристов как СССР, так и Россия отставали от всех развитых стран мира. Речь шла при этом как об абсолютных, так и об относительных показателях. В последние годы стали приниматься меры, направленные на то, чтобы расширить высшее юридическое образование, но о коренном переломе не могло быть и речи. Слишком ограниченными оставались государственные материальные ресурсы, которыми оперировала система высшей школы. Практически увеличить подготовку юристов в университетах и юридических вузах можно было главным образом за счет сокращения приема на так называемые неперспективные специальности.

По данным Госкомвуза, на начало 1994 г. во всех государственных вузах России контингент студентов, обучавшихся по специальности 021100 «юриспруденция», составил 73 220 чел. Из них дневное обучение охватывало 28 804 студентов, вечернее – 7376 студентов, заочное – 37 040 студентов. Прием составлял на дневное отделение – 8497 чел., на вечернее – 1657 чел., на заочное – 8434 чел. Итого на все формы обучения должно быть принято 18 588 чел. С тех пор положение улучшилось, но очень незначительно. Два года спустя в государственных вузах контингент студентов-юристов составил всего 75 500 чел.

Положение осложнялось тем, что подготовка юристов была традиционно сосредоточена в европейской части страны. Сибирь и Дальний Восток оказались в наиболее бедственном положении. Впрочем, многие субъекты федерации вообще не имели даже небольших юрфаков или юридических вузов. Между тем «географический фактор» приобрел значительно более важное значение, чем прежде. С одной стороны, появился сильный спрос на юристов на местах, а дальние вузы не справлялись с подготовкой новых кадров. С другой стороны, не стало прежней тяги к учебе «в столицах». Подорожание проживания студента вдали от дома в сочетании с новыми опасностями, в том числе с ростом преступности, наркомании, привело к перемене настроений как среди молодежи, так и среди родителей. Последние в принципе предпочитают, чтобы их дети выбирали вузы поближе к дому.

Как видно, диспропорции между спросом и предложениями в сфере юридической профессии обострялись неравномерностью в территориальном размещении юридических вузов. Госкомвуз России пошел поэтому навстречу восточным регионам и разрешил ряду расположенных в них университетах (Якутскому, Тюменскому, Красноярскому и др.) открыть подготовку кадров по направлению «юриспруденция». Сделано это было несмотря на то, что по нормальным меркам для развития юридического образования в этих университетах еще не созданы необходимые предпосылки. Однако даже для восточных регионов объемы подготовки юристов оставались недостаточными.

Поскольку потребности крупного увеличения таких объемов нельзя было реализовать по традиционным государственным каналам, жизнь пошла во многом новыми путями. В силу вступили законы рынка, который у нас не случайно называют нередко диким. Разумеется, со стороны государства, и прежде всего Госкомвуза, были предприняты превентивные меры, нацеленные на то, чтобы обеспечивать установленные государственные образовательные стандарты и стать непроходимым барьером на пути стяжателей, халтурщиков, всяких проходимцев, видевших в подготовке юристов лишь возможность быстрого обогащения. Еще в 1992 г. стал действовать Закон об образовании, определивший как принципы государственной политики в области образования, так и механизмы регулирования. Был установлен порядок создания и регламентации деятельности образовательного учреждения, в частности условия выдачи лицензии на право ведения образовательной деятельности, порядок государственной аккредитации. Но, естественно, пределы подобного регулирования не могли не быть ограниченными. К тому же очень скоро жизнь заставила внести в Закон достаточно серьезные изменения и дополнения.

Быстрее других на новую ситуацию среагировал, как всегда, негосударственный сектор. В России появилось много высших учебных заведений, готовящих юристов на коммерческих началах. Они открывались в крупных центрах, особенно в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, буквально десятками, быстро распространялись по всей территории страны. Известен случай открытия юридического вуза на правах товарищества закрытого типа в одной из станиц на юге страны.

В настоящее время общее количество негосударственных высших учебных заведений, осуществляющих подготовку юристов, перевалило за две с половиной сотни, а если считать и их филиалы, то цифры приближаются к трем сотням. Многие из таких вузов именуются только юридическими. Другие вузы предлагают студентам также специальности социально-экономического и общегуманитарного профиля, хотя, как правило, юридическая специальность оттесняет все остальные, вместе взятые. Таким образом действуют разного рода академии и институты «политики и права», «экономики и права», «управления и права».

Существует, далее, довольно много негосударственных университетов, которые также дают своим выпускникам дипломы юристов.

Негосударственные юридические вузы находятся сегодня под огнем критики, идущей преимущественно со стороны государственных высших юридических учебных заведений. Есть немало примеров, подтверждающих правоту этой критики, когда подготовка юристов явно не отвечает установленным требованиям. Организация ряда юридических вузов заранее обрекает их на неудачу, ибо у них нет и не может быть даже минимума квалифицированных преподавателей, что в первую очередь определяет качество обучения. Отбор студентов по установленным критериям нередко вообще не проводится, и «пропуском» в высшее юридическое образование служат лишь деньги. Во многих случаях слаба материально-техническая база, не хватает учебных площадей.

Особое возмущение вызывают случаи явного или скрытого распада негосударственных юридических вузов. Некоторые из них вообще «испарились...». Набранные студенты остаются фактически на улице, не имея возможности получить обещанное образование, за которое они к тому же зачастую еще и заплатили вперед. В таких случаях напрашивается обоснованное сравнение с известными финансовыми махинациями типа пресловутых «пирамид».

Однако серьезные неудачи и даже провалы в среде негосударственных юридических вузов не должны вести к выводу об их несостоятельности. Такой вывод был бы не только ошибочен, но и вреден. И дело не в том лишь, что негосударственное высшее юридическое образование в определенной мере закрывает бреши, оставляемые системой государственной высшей школы вследствие финансовых затруднений. Уже сейчас ряд негосударственных юридических вузов способен обеспечить необходимый уровень подготовки юристов высокой квалификации. Это делается за счет привлечения к преподаванию ведущих профессиональных и других специалистов, умелой организации учебного процесса, хорошей организации практики. Наверное, со временем качество такого образования будет повышаться. Кроме того, произойдет закономерный отбор «крепких» негосударственных юридических вузов, которые по праву войдут в первые ряды высшей школы России.

Надо сказать и о том, что критика должна способствовать здоровой конкуренции среди юридических вузов, как государственных, так и негосударственных, как с платным, так и с бесплатным обучением. Ведь главное – добиться высокого класса подготовки юристов, строгий экзамен знаниям которых устраивает сама жизнь. Заранее ставить негосударственные юридические вузы в неравноправное положение, отказывать им в равном образовательном статусе, а также устанавливать для их выпускников «черту оседлости», не допуская их на работу в суд, прокуратуру, органы внутренних дел, значило бы не только вредить делу, но и нарушать устои правового государства.

Впрочем, платным высшим юридическим образованием все больше стали заниматься государственные вузы. Они организуют коммерческие отделения и факультеты и, кроме того, коммерческие колледжи и институты. С формальной точки зрения государственные вузы в этом отношении мало чем отличаются от негосударственных. Но, по существу, у них имеется много преимуществ. Речь идет в первую очередь о том, что государственные вузы располагаются, как правило, в специально оборудованных учебных помещениях. У руководителей этих вузов, где имеются сложившиеся кафедры и налаженный учебный процесс, не бывает «головной боли», которую вызывают преподаватели-нештатники своей непредсказуемостью, порождающей нередко то срывы занятий, то их низкое качество. Общим правилом государственных вузов является отработанность методики преподавания.

В современных условиях платное обучение стало серьезным финансовым подспорьем для государственных вузов. Таким путем они находят дополнительные средства для своих крайне куцых бюджетов. Идут полученные деньги, как правило, на дополнительную оплату преподавателей, которые иначе покинули бы государственные вузы в поисках заработка или, в лучшем случае, трудились бы больше на стороне. В этой связи понятны и обоснованы сетования руководителей государственных вузов по поводу новой редакции Закона об образовании. Стоит напомнить, что п. 10 ст. 41 Закона теперь вводит лимит на платное обучение в области юриспруденции (также в области экономики, менеджмента, государственного и муниципального управления) в размере 25% приема обучающихся по данному направлению.

Разумеется, главное предназначение государственных вузов состоит в том, чтобы обеспечивать проведение государственной политики в сфере образования. Это в полной мере относится к государственным юридическим вузам, решающим сегодня ответственные задачи по обеспечению страны кадрами юристов. По своей природе государственные вузы не могут переходить, особенно в современных условиях, на платное обучение. При этом, однако, соотношение бесплатного и платного обучения в государственных юридических вузах может колебаться в зависимости от реальной ситуации от вуза к вузу, от года к году. Можно было бы предоставить право руководителям государственных

юридических вузов на принятие конкретных решений в рамках более широкого коридора. Не подлежит сомнению, что при этом объемы бесплатного образования не будут сокращаться. При этом следовало бы оговорить соответствующие пропорции роста этих объемов.

Если увеличение подготовки юристов в стенах государственных юридических вузов – всегда благо, и практически вероятны только редчайшие исключения, не способные поколебать данный вывод, то подобные же действия тоже государственных, но не юридических вузов вызывают по меньшей мере смешанные чувства. Между тем ситуация ныне такова, что за подготовку юристов активно взялись технические университеты, академии водного транспорта, педагогические институты, сельскохозяйственные вузы и т.п.

Специалисты по направлению «юриспруденция» будут выходить вскоре из стен Волжской государственной академии водного транспорта (Нижний Новгород), Государственной академии нефти и газа (Москва), Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, Московского автомобилестроительного института, Московского государственного социального университета, Академии гражданской авиации (Санкт-Петербург), Государственного университета по землеустройству (Москва), педагогических институтов в Белгороде, Владимире, Ельце, Пензе, Ставрополе, Тамбове, политехнических или технических университетов и институтов в Благовещенске, Владимире, Иркутске, Курске, Пензе, Ставрополе, Тамбове, Хабаровске, Государственной еврейской академии, аграрных или сельскохозяйственных академий и университетов в Красноярске, Краснодаре, Оренбурге и др.

В принципе данный процесс можно было бы поддержать, поскольку он идет в русле общего расширения высшего юридического образования. Плюсом надо считать также использование возможностей государственного вуза с точки зрения как учебно-материальной базы, так и опыта организации учебного процесса. Но серьезное беспокойство вызывает практическое отсутствие сильных собственных специалистов по праву. Может случиться так, что государственная форма станет прикрывать очень слабую подготовку юристов. Опасность усиливается тем обстоятельством, что рейтинг государственных вузов в обществе достаточно высок. Он поддерживается, порой искусственно, на фоне негосударственного образования, а результаты могут быть невысоки. В ряде пединститутов, например, будущие юристы усиленно и чрезмерно длительно изучают историю государства и права только потому, что преподавателей по специальным дисциплинам не хватает или же они вообще отсутствуют.

Итак, в системе высшего юридического образования происходят процессы, нуждающиеся в глубоком анализе. Количество вузов очень быстро растет, что, несомненно, можно оценивать как положительное явление. Тем самым обеспечивается все увеличивающаяся потребность общества в юристах, что в принципе должно способствовать реализации идей правового государства. Отрадно отметить также, что рост объемов подготовки юристов достигается в основном за счет инициативы, энергии и большой доли предприимчивости, проявляемых организаторами как в центре, так и на местах. В условиях, когда возможности государства весьма ограниченны, это особенно существенно.

Однако одни только цифровые показатели явно недостаточны для объективной оценки состояния дел. Большое количество безграмотных юристов не только не прибавит праву в авторитете, но подвергнет этот авторитет сомнению. Поэтому так важно заботиться о том, чтобы повсеместно обеспечивалось высокое качество обучения. В этих целях должны быть выдержаны все установленные нормативы.

Нет сомнений в важности требований, предъявляемых к учебно-материальной базе. Между тем это сегодня – ахиллесова пята многих юридических вузов, в том числе государственных. Например, в Саратовской государственной академии права и Уральской государственной юридической академии на студента приходится менее 5 кв. м. Отсутствие необходимых учебных площадей затрудняет развитие действующих и открытие новых учебных заведений. Нередко в привилегированных условиях оказываются случайные и малоподходящие заведения, по известным причинам имеющие отличную «жилплощадь». В то же время солидные вузы вынуждены либо сокращать прием студентов, либо «ухлопывать» уйму денег на аренду.

Юридические вузы, конечно, должны идти в ногу со временем во всем, что касается образовательных технологий. Студентам нужна новая компьютерная база, позволяющая быстро находить соответствующие источники, включаться как в отечественные, так и в международные правовые информационные системы. Невозможно представить себе грамотного юриста, работающего по старинке только непосредственно в архивах и библиотеках и пользующегося только обычной почтой. Каждый юридический вуз должен иметь, далее, необходимую множительную технику, позволяющую обеспечивать учебный процесс материалами для занятий.

И все же главным, определяющим критерием были и остаются преподаватели высокой квалификации. Если они есть, студенты получат хорошие

знания, умение ими оперировать, им обеспечен профессиональный рост. Можно даже смириться на время с материально-техническими трудностями, учиться в две смены, но нельзя соглашаться с некомпетентной подготовкой юристов. Это может позднее аукнуться большой бедой для общества, ибо плохой юрист не менее опасен, чем плохой врач. «Коновалам» нельзя доверять судьбы людей ни в медицине, ни в праве.

Между тем положение с преподавательскими кадрами, даже при большом желании, нельзя назвать не только благополучным, но и удовлетворительным. И причины следует искать прежде всего в экономике. Сейчас даже студенты, пристроившиеся в юридическую практику, смотрят на маститого профессора свысока, зная, что он имеет зарплату ниже, чем их заработки. Между тем постоянно повышается оплата труда в правоохранительных органах. А об условиях труда в банках, коммерческих структурах вообще не приходится говорить. Поэтому не случайно штатные преподаватели всех рангов, включая мировых знаменитостей, вынуждены брать дополнительные нагрузки, работая практически на износ.

Сейчас положение таково, что наиболее сильная профессура сосредоточена в нескольких вузах. В Академическом правовом университете, базирующемся на Институте государства и права РАН, ведут занятия 3 академика и 5 членов-корреспондентов РАН, большое количество профессоров, состоящих членами других академий, более 100 профессоров. Более 60 профессоров, ряд которых состоит в различных академиях, имеется в Московской государственной юридической академии, около 40 профессоров – на юридическом факультете МГУ. В Саратовской государственной академии права удельный вес преподавателей, имеющих ученые степени и звания, от общего количества преподавателей составил 52%, в Уральской государственной юридической академии – 60.4%. Сильным составом преподавателей традиционно располагает юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

К глубокому сожалению, в очень многих юридических вузах наблюдается иная, порой диаметрально противоположная картина. Опытных и знающих преподавателей катастрофически не хватает. Новые вузы и факультеты открываются без собственных профессоров, а зачастую и доцентов, кандидатов юридических наук. Расчет делается на приглашаемых преподавателей, которые к тому же нередко фигурируют только в заявочных документах, а реальным преподаванием занимаются иные, даже случайные люди. Наверное, на этом участке должен быть налажен особенно строгий и систематический контроль.

5. Формы учебного процесса

В системе высшего юридического образования давно уже идет спор о достоинствах и недостатках имеющихся форм обучения – дневной, вечерней, заочной. Надо сказать, что сегодня спор идет, в сущности, не об иерархии этих форм, ибо преимущества дневного образования давно известны, а последнее место, отводимое в такой иерархии заочному образованию, также не вызывает сомнений. Как бы не хотелось сделать все высшее юридическое образование только дневным (а это, безусловно, желательно в интересах повышения качества правовой работы в стране, роста престижа юридической профессии), такое стремление в нынешних условиях осуществить невозможно. Следовательно, надо, во-первых, определить пределы недневных форм обучения, во-вторых, принять меры, обеспечивающие установленный уровень подготовки выпускников заочных и вечерних отделений вузов, в-третьих, создать условия, способствующие включению бывших заочников и вечерников в систему переподготовки юридических кадров.

Нельзя не считаться с тем, что одной из веских причин сохранения вечернего и заочного образования ныне являются материальные трудности, переживаемые многими из тех, кто избрал для себя юридическую профессию. Этим людям нужно предоставить возможность обладать всем объемом требуемых знаний. Что же касается критериев оценок полученных таким путем знаний, то они должны быть сопоставимы с критериями, принятыми на дневных отделениях вузов. Скидки и поблажки здесь недопустимы.

Известно, что как заочная, так и вечерняя формы высшего юридического образования справедливо критиковались за плохое качество своего «конечного продукта». Подчеркивалось, что студенты-заочники и вечерники, за редкими исключениями, не становятся хорошими юристами. Особенно резкими были выпады против заочного образования. Но, положа руку на сердце, надо признать, что то была не столько вина студентов, сколько их беда. Впрочем, в ситуации, при которой само право было на задворках государственной практики, качество диплома юриста не играло существенной роли. Отсюда проистекало отношение к юридической профессии как за ее пределами, так и внутри ее.

В современных условиях речь идет об одном лишь ужесточении требования к претендентам на получение диплома о приобретении юридической профессии. Не менее важно повысить уровень учебного процесса, вести его, используя новейшую образовательную технологию. Сейчас уже никого не удивишь компьютерными классами, возможностями подключения к банкам данных,

расположенных далеко от вуза, а также многими другими достижениями прикладной информатики. Большие возможности открываются с появлением новых телекоммуникационных средств. Специфика вечернего и заочного образования обусловливает потребность в учебниках особого склада, выпуске дополнительных учебно-информационных материалов. Всеми средствами и силами следует смягчать и преодолевать главную слабость дистанционного обучения – отсутствие систематического личного контакта преподавателя со студентом.

В отношении дневного и вечернего образования следует особо сказать о необходимости укрепления порядка и учебной дисциплины. Проблема состоит прежде всего в том, что падение посещаемости стало во многих вузах чуть ли не знамением времени. Кое-где с этим практически смирились, списывая все беды на трудности жизни. Причины порой кажутся почти объективными, но можно ли примириться с тем, что происходит? Предлагается даже официально перейти полностью на свободное посещение занятий. Есть, однако, причины для серьезных опасений за судьбу юридической профессии, падение уровня которой невозможно компенсировать ссылками на трудности переживаемой эпохи. «Потребителю» продукта деятельности юриста требуется высокое качество.

Между тем учиться на юриста становится все труднее. Вводятся новые предметы, перестраиваются и насыщаются дополнительными материалами традиционные дисциплины. Тенденция роста объема изучаемых материалов все усиливается. Сегодня для усвоения необходимых знаний студент должен работать больше и лучше, чем вчера. При очень плотной учебной программе пропуск занятий обычно оборачивается отставанием, порой невосполнимым от принятых нормативов подготовки. Примеры блестящей самоподготовки, приводимые в пользу свободного посещения, к сожалению, крайне редки.

Отсюда вытекает, что сложившееся отношение к посещаемости студентов нуждается в пересмотре. Дело в конце концов не в причине пропуска занятий, не в уважительных или неуважительных обстоятельствах. Главный вопрос в том, насколько возможно восстановить упущенные знания и практические навыки. И если на этот вопрос дается отрицательный ответ, то остальные обстоятельства с принципиальной, деловой точки зрения не могут иметь решающего значения. Студент обязан пройти весь установленный курс подготовки, для чего во многих случаях может потребоваться еще один учебный год. «Собесовский» подход обойдется обществу дороже!

6. Юридическое образование и наука

Теоретический уровень образования прежде всего зависит от его связи с наукой. Это – аксиома, предполагающая, однако, большой и нелегкий труд. Для достижения высокой научности обучения, фундаментальности читаемых курсов требуется непосредственная включенность преподавателей в научную жизнь. Не случайно повышенным авторитетом среди студентов пользуются профессора, ведущие собственные исследовательские разработки, публикующие как учебники, так и монографические работы. Вместе с тем преподаватель должен свободно ориентироваться в системе научных исследований, проводимых как в стране, так и во всем мире, быть информированным о новых идеях, интересных книгах. Собственный пример преподавателя играет большую роль в пробуждении и развитии интереса к научной работе у студентов.

Исторически сложилось так, что в нашей стране, в отличие от многих стран Запада, образование было организационно отделено от исследовательской работы. Это идет еще от петровских времен, когда зарождалась Российская академия наук. В одних сферах знания разъединение было выражено сильнее, в других – слабее. Но оно присутствовало практически повсеместно. В сфере права обучением будущих специалистов занимались исключительно университеты и другие высшие учебные заведения. Исследования концентрировались в Институте государства и права Академии наук СССР и научно-исследовательских институтах министерств и ведомств. Юридические исследовательские центры создавались не только в Москве, но и в других городах страны.

Разумеется, наука была и развивается ныне не только в научно-исследовательских учреждениях. Высшая школа также вела большую работу в сфере науки, что особенно верно в отношении правоведения. Здесь трудно провести грань между вузовской и академической наукой. Теория права издавна активно разрабатывалась университетскими профессорами во все времена и эпохи. Кроме того, сложилось сотрудничество юридических факультетов университетов и научно-исследовательских институтов, совместно разрабатывавших исследовательские проекты. Хорошие результаты, в частности, давало взаимодействие юрфака МГУ и Института государства и права.

Однако широкая интеграция науки и образования еще впереди. Наверное, появятся новые формы и организационные структуры, которые обеспечат отбор и подготовку наиболее талантливой молодежи и тем самым помогут решить столь злободневную ныне задачу кадрового пополнения юридических вузов и науки. Сегодня не меньше,

чем прежде, нам нужны совместные исследовательские программы, активное вовлечение профессоров и преподавателей в подготовку академических трудов. С другой стороны, было бы полезно привлекать ученых к разработке университетских курсов, включая написание учебников. Это полезно всегда, но особенно важно при модернизации образования. Сотрудники исследовательских институтов могут ощутимо помочь вузам в организации и проведении научной работы со студентами на кафедрах и факультетах.

7. Вопросы управления юридическим образованием

Сегодня управлением в системе высшего юридического образования занимается ряд государственных органов. Если не касаться деятельности Президента РФ, Федерального Собрания, Правительства в целом, то в первую очередь следует сказать о государственном комитете Российской Федерации по высшему образованию (Госкомвуз). Собственно, ему это занятие «прописано» самим предназначением. Следует вместе с тем отметить, что юридическому образованию Госкомвуз уделяет немалое внимание. В последнее время к решению ряда вопросов высшего юридического образования подключилось Министерство юстиции, взявшее на себя часть функций, связанных с лицензированием высших юридических заведений. Никоим образом нельзя забывать о Министерстве финансов, других правительственных учреждениях, влияющих на развитие высшей школы. Что касается специализированных юридических вузов, то ими управляют Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, Прокуратура РФ и некоторые другие ведомства. В регионах весьма существенна роль властей субъектов федерации.

Такова реальность. Она, разумеется, отражает сложную структуру высшего юридического образования, большой интерес к нему со стороны государственных органов как центра, так и мест. Хотелось бы только, чтобы не сложилась ситуация, когда есть семь нянек, а дитя ходит без глаза. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что сами проводники высшего юридического образования, те, кто осуществляет процесс обучения, остаются во многом за кадром. Между тем именно они способны в первую очередь не только проконтролировать, но и обеспечить качество учебного процесса, соответствие выдаваемых дипломов ожиданиям общества.

В настоящее время разработаны предложения о некоторых организационных мерах по повышению роли вузовских профессионалов в системе управления высшим юридическим образованием. Имеется в виду создать Общественный совет при Госкомвузе. Это должен быть в основном и главном консультативный орган, наделенный совещательными функциями. Вместе с тем его мнение может быть определяющим при решении ряда вопросов, касающихся лицензирования и аккредитации юридических вузов. Заслуживает поддержки идея создания независимой общероссийской Ассоциации высших юридических учебных заведений. К сожалению, сегодня такой единой организации еще нет, существуют две, но обособленные друг от друга. Сам по себе факт существования региональных ассоциаций отражает только развитие инициативы и активности в разных регионах, и несомненно, заслуживает позитивной оценки. Однако он не снимает проблемы укрепления единства правовой высшей школы, так необходимого в столь трудные времена.

Наши совещания должны стать регулярными. Конечно, финансовые осложнения зачастую являются барьерами на этом пути, но потребность в обмене опытом работы, совместной отработке принципиальных решений и рекомендаций, установлении прямых контактов между коллегами по профессии столь ощутима, что на неизбежные расходы нужно идти. Желательно, чтобы всероссийские формулы по вопросам высшего юридического образования проходили если и не каждый год, то не реже, чем один раз в два года. Было бы неплохо собираться поочередно в разных городах, там, где есть сильные юридические вузы и, добавлю, поддержка и заинтересованность местных властей.

Сведения об авторе

ТОПОРНИН Борис Николаевич –
академик Российской академии наук

Authors' information

TOPORNIN Boris N. –
Academician of the Russian Academy of Sciences

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 265–272
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 265–272

ЗАКОН О ЗАЩИТЕ МИРА[1]

© 2022 г. А. Н. Трайнин

Аннотация. В статье показаны причины принятия Верховным Советом СССР 12 марта 1951 г. Закона «О защите мира», дана его как общеполитическая, так и правовая характеристика, раскрыто содержание понятия «пропаганда войны», названы способы ее осуществления, проведено отграничение пропаганды от подстрекательских действий как уголовно наказуемых деяний, обосновано положение, согласно которому уголовная ответственность за пропаганду должна наступать независимо от преступных результатов. Особое внимание в статье уделено кампаниям преследования борцов за мир, проходившим в ряде стран.

Ключевые слова: мир, безопасность человечества, защита мира, Закон «О защите мира», пропаганда войны, уголовная ответственность.

Цитирование: *Трайнин А.Н.* Закон о защите мира // Государство и право. 2022. № 2. С. 265–272.

DOI: 10.31857/S102694520018874-2

THE LAW ON THE PROTECTION OF PEACE[2]

© 2022 A. N. Trainin

Abstract. The article shows the reasons for the adoption by the Supreme Soviet of the USSR on March 12, 1951 of the Law "On the Protection of Peace", its general political and legal characteristics are given, the content of the concept of "propaganda of war" is disclosed, the ways of its implementation are named, propaganda is distinguished from incitement as criminally punishable acts, the provision is justified, according to which criminal liability for propaganda should occur regardless of criminal results. Special attention is paid in the article to the campaigns of persecution of peace fighters that took place in a number of countries.

Key words: peace, human security, protection of peace, Law "On the Protection of Peace", propaganda of war, criminal liability.

For citation: *Trainin, A.N. (2022).* The Law on the Protection of Peace // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 265–272.

[1] Статья была напечатана в журнале «Советское государство и право». 1951. № 4. С. 17–25.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук, профессором А.И. Чучаевым.

[2] The article was published in the journal "Soviet State and Law" (1951), No. 4, pp. 17–25.
Abstract and key words are compiled by Doctor of Law, Professor A.I. Chuchaev.

I

12 марта 1951 г. высшим органом государственной власти Советского государства – Верховным Советом СССР – принят «Закон о защите мира». Закон этот имеет громадное политическое значение: он является новым и ярким свидетельством мирной политики СССР, новым и ярким свидетельством органической связи этой политики с великим движением всех народов к миру.

С первых дней Октября советская власть неуклонно и последовательно вела и ведет борьбу за мир. В первом декрете о мире, подписанном В.И. Лениным и опубликованном 8 ноября 1917 г., империалистическая война была объявлена «тягчайшим преступлением против человечества». Мирная политика Советского Союза была непреклонной и неизменной на протяжении всего его существования. В беседе с корреспондентом «Правды», опубликованной 17 февраля 1951 г., товарищ Сталин сказал: «Что касается Советского Союза, то он будет и впредь непоколебимо проводить политику предотвращения войны и сохранения мира»[3].

Сталинская политика мира определяет всю деятельность Советского государства. В беседе с корреспондентом «Правды» товарищ Сталин указал: «Не может ни одно государство, в том числе и Советское государство, развертывать во всю гражданскую промышленность, начать великие стройки вроде гидростанций на Волге, Днепре, Аму-Дарье, требующие десятков миллиардов бюджетных расходов, продолжать политику систематического снижения цен на товары массового потребления, тоже требующего десятков миллиардов бюджетных расходов, вкладывать сотни миллиардов в дело восстановления разрушенного немецкими оккупантами народного хозяйства, и вместе с тем, одновременно с этим, умножать свои вооруженные силы, развернуть военную промышленность»[4].

Только что принятый Верховным Советом СССР государственный бюджет Советского государства является в полном смысле *бюджетом мира*.

Борьба за мир неразрывно связана с борьбой против поджигателей войны, против пропаганды агрессии. Поэтому еще в 1947 г. советская делегация в ООН, осуществляя сталинскую мирную политику, внесла на Генеральную Ассамблею конкретные предложения, направленные к борьбе с пропагандой войны.

«По поручению Советского Правительства, – сказал А.Я. Вышинский, – делегация Советского Союза заявляет, что СССР считает неотложным делом принятие организацией Объединенных наций мер против ведущейся сейчас в некоторых странах, и главным образом в США, пропаганды новой войны. В этих целях советская делегация предлагает принять следующее постановление:

"1. Организация Объединенных наций осуждает ведущуюся реакционными кругами в ряде стран, и в особенности в Соединенных Штатах Америки, Турции, Греции преступную пропаганду новой войны путем распространения всякого рода измышлений посредством печати, радио, кино, публичных выступлений, содержащих открытые призывы к нападению на миролюбивые демократические страны.

2. Организация Объединенных наций рассматривает допущение и тем более поддержку такого рода пропаганды новой войны, которая неизбежно превратится в третью всемирную войну, как нарушение долга, принятого на себя членами Организации Объединенных Наций, Устав которой требует "развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира" и "не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость" (ст. 1, п. 2; ст. 2, п. 3).

3. Организация Объединенных наций считает необходимым призвать правительства всех стран запретить под страхом уголовного наказания ведение в любой форме пропаганды войны... как общественно опасной деятельности, угрожающей жизненным интересам и благополучию миролюбивых народов"»[5].

Советская делегация, таким образом, с полной определенностью признавала необходимость не только осудить пропаганду агрессии, но и «призвать правительства всех стран запретить под страхом уголовного наказания ведение в любой форме пропаганды войны...». Однако Генеральная Ассамблея отвергла именно это конкретное мероприятие, направленное к действительному обузданию поджигателей войны. Генеральная Ассамблея ограничилась вынесением словесного беспредметного порицания пропаганды агрессии. Хорошо известны результаты этого преступного лицемерия: пропаганда новой войны приняла в империалистических странах, особенно в США, разнузданные формы.

Выходящая в Вашингтоне газета «Таймс-Геральд» писала: «Мы пошлем самолеты, которые будут летать на высоте 40 тыс. футов, мы снабдим их бомбами – атомными, зажигательными, бактериологическими, а также нитротолуолом, дабы убить младенцев в колыбелях, стариков за молитвой и тружеников за работой».

[3] *Сталин И.В.* Беседа с корреспондентом «Правды». М., 1951. С. 15.

[4] Там же. С. 4, 5.

[5] Правда. 1947. 20 сент.

В пропаганду включились конгрессмены и министры. «Приближается время, когда разгневанная Америка затопит Россию атомными бомбами... Будет сброшена не одна бомба. Это будет потоп. У нас имеются по меньшей степени 250 бомб и сотни способов добраться до России»[6], – объявил Джон Уолш, депутат от штата Индиана.

Выступая на первой сессии Всемирного Совета Мира, представитель Канады Джеймс Эдикотт сказал: «Взгляните на заголовок в журнале "Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт" от 16 февраля 1951 г.: "Готовимся к всеобщей войне".

Это основной лейтмотив, который слышен повсюду. Журнал канадских деловых кругов "Монетари таймс" идет даже дальше; он заявляет: "Поскольку русские, видимо, больше выигрывают от мира, войну придется начать нам"»[7].

«Соединенные Штаты не будут больше вести войну в отдаленных уголках мира, а перенесут ее в самое сердце коммунистической России», – писал Джонстон, сенатор от штата Южная Каролина.

С беспредельным цинизмом орган американских финансистов «Юнайтед Стейтс ньюс» писал: «Если мир в действительности будет обеспечен, все развалится»[8].

Мировая общественность хорошо помнит прекрасные слова главы советской делегации А.Я. Вышинского на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1948 г.: «Нельзя допустить, – сказал А.Я. Вышинский, – чтобы свободно бегали по улицам городов люди с горящими факелами, собираясь поджечь наши дома и погубить нас самих. Такой свободы мы не признаем...»[9]. Но такую свободу для поджигателей войны допустила ООН.

Спустя три года после «осуждения» Генеральной Ассамблеей ООН пропаганды агрессии (резолюция 3 ноября 1947 г.) мир оказался перед лицом бесчисленных фактов разнузданной подрывной деятельности поджигателей войны. Лицемерно превознося авторитет ООН, американское правительство и здесь сделало все для подрыва этого авторитета: резолюция 3 ноября 1947 г., осуждающая в любой форме и в любой стране пропаганду агрессии, как будто не переставала действовать, но – и это неизмеримо важнее – не только не перестали действовать, а еще более расширили свою «деятельность» поджигатели войны.

Более того, прикрывая фиговым листком «осуждающей» резолюции систематическую пропаганду агрессии, англо-американский блок тем самым намеренно потворствовал этой пропаганде.

В этих условиях советская делегация на 5-й Генеральной Ассамблее ООН в 1950 г. неуклонно, вопреки упорному противодействию США и ее сателлитов, борясь за укрепление мирного сотрудничества народов, сочла необходимым в проекте декларации мира, предложенном Ассамблее, снова поднять вопрос о борьбе с пропагандой агрессии.

Выступая 28 октября 1950 г. в Политическом комитете ООН, глава советской делегации А.Я. Вышинский говорил: «Ведь это факт, что в 1947 году ... когда Советский Союз вносил свои предложения об осуждении пропаганды за новую войну, в США, Англии и в некоторых других странах усиленно велась пропаганда такой войны. Мы приводили в то время немало фактов, называя имена поджигателей войны и разоблачая их агрессивные планы. Факты были настолько неопровержимы и положение было настолько нетерпимо, что Генеральная Ассамблея вынуждена была принять свою резолюцию, осуждающую такую пропаганду, – резолюцию 3 ноября 1947 года; вынуждена была принять, несмотря на истерические крики Остина о том, что нужно "убить" советский проект резолюции».

«Так было в 1947 году. Но нас интересует не то, что было в 1947 году, – нас интересует то, что происходит сейчас. А то, что происходит сейчас, позволяет нам утверждать, что поджигатели новой войны не унимаются, что пропаганда за новую войну не ослабевает, а даже усиливается и принимает новые, более острые и, следовательно, более опасные для дела мира формы. Поэтому Организация Объединенных наций не может оставаться в стороне, не может не замечать этих явлений, как, например, делает это Остин, и не реагировать на такие позорные явления, как поджигательство новой войны, как сеяние, постоянное и неуклонное, систематически во все более и более расширяющихся размерах и в угрожающей форме ядовитых семян человеконенавистничества»[10].

И здесь в борьбе с пропагандой войны ООН оказалась «...не столько всемирной организацией, сколько организацией для американцев, действующей на потребу американским агрессорам»[11]: в заседании Политического комитета 3 ноября 1950 г. 22 голосами против 16 при 14 воздержавшихся советская поправка, направленная против пропаганды новой войны, была отклонена. Американские поджигатели войны, начав преступную

[6] Правда. 1950. 20 нояб.

[7] Правда. 1951. 28 февр.

[8] Правда. 1950. 20 нояб.

[9] Известия. 1948. 12 дек.

[10] Известия. 1950. 1 нояб.

[11] *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 12.

агрессию в Корее, были против борьбы с пропагандой агрессии.

Только наемные политики и ослепленные жаждой сверхприбылей бизнесмены могли оценить отказ ООН бороться с поджигателями войны как гарантию своей безнаказанности. На деле произошло иное – народы всего мира еще более решительно встали на защиту мира. *Народы,* жаждущие мира, не могли оставаться пассивными наблюдателями преступной пропаганды, в величайшей степени усиливающей опасность войны; и если *Ассамблея Организации Объединенных Наций,* глумясь над своим долгом «развивать дружественные отношения между нациями...», намеренно способствует пропаганде войны, и более того, своим флагом прикрывает агрессию США в Корее, то *Ассамблея народов* – всемирные конгрессы сторонников мира – решительно выступили на борьбу с поджигателями и пропагандистами новой мировой войны.

Происходивший в Варшаве Второй Всемирный конгресс сторонников мира единодушно принял специальную резолюцию о борьбе с пропагандой агрессии.

«Второй Всемирный конгресс сторонников мира, – провозглашала принятая резолюция, – принимая во внимание:

1) что ведущаяся в некоторых странах пропаганда новой войны создает величайшую угрозу мирному сотрудничеству народов,

2) что поэтому пропаганда новой войны является тягчайшим преступлением против человечества, – обращается к парламентам всех стран с призывом издать специальный закон – "Закон в защиту мира", устанавливающий уголовную ответственность за пропаганду в любой форме – устно, письменно, в печати, радио или кино – новой войны.

Конгресс вместе с тем обращается к парламентам всех стран с призывом обеспечить в интересах укрепления мира воспитание молодых поколений в духе сотрудничества с другими народами и уважения к другим расам и нациям»[12].

В специальном «Обращении» Второго Всемирного конгресса сторонников мира к ООН был также особо выделен вопрос о борьбе с пропагандой агрессии: «Мы считаем, что пропаганда новой войны создает величайшую угрозу для мирного сотрудничества народов и является одним из тягчайших преступлений против человечества.

Мы обращаемся к парламентам всех стран с призывом, чтобы они приняли закон об охране мира, предусматривающий уголовную ответственность за пропаганду новой войны, в какой бы то ни было форме» (п. 5)[13].

Такова воля народов. Она должна быть воплощена, она будет воплощена, она уже воплощается в жизнь.

II

Товарищ Сталин еще в 1934 г. в отчетном докладе XVII съезду партии, характеризуя отношения между СССР и капиталистическими странами, говорил: «Легко понять, до чего трудно было СССР проводить свою мирную политику в этой, отравленной миазмами военных комбинаций, атмосфере.

В обстановке этой предвоенной свистопляски, охватившей целый ряд стран, СССР продолжал стоять за эти годы твердо и непоколебимо на своих мирных позициях, борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с тех, кто подготовляет, провоцирует войну». Товарищ Сталин далее ставит вопрос: «На что рассчитывал СССР в этой трудной и сложной борьбе за мир?» Перечисляя ряд сил, на которые опирался Советский Союз в этой борьбе, товарищ Сталин выделяет «моральную поддержку миллионных масс рабочего класса всех стран, кровно заинтересованного в сохранении мира»[14]. Сделанный товарищем Сталиным 17 лет назад гениальный анализ мирной политики СССР, развертывающийся в обстановке предвоенной свистопляски, сохраняет полную силу и в наши дни. В обстановке лихорадочной подготовки империалистическими державами третьей мировой войны СССР возглавляет борьбу за мир, опираясь на честных людей всего мира. Эта опора с каждым днем приобретает все более глубокое политическое значение, все более прочные организационные и правовые формы в мощном движении всех народов к миру. Глубоко справедливо сказал о Всемирном конгрессе сторонников мира товарищ Маленков в докладе 6 ноября 1949 г.: «Этот конгресс со всей наглядностью показал, что в основе международного движения сторонников мира лежит не пацифистская идеология, которая обычно сочетает отрицание войны на словах с полным бездействием на деле, а твердая решимость активно бороться против поджигателей войны и сорвать их коварные планы и замыслы»[15].

Эта «твердая решимость активно бороться против поджигателей войны» нашла полное выражение в работах и решениях первой сессии Всемирного

[12] Правда. 1950. 20 нояб.

[13] Правда. 1950. 23 нояб.

[14] *Сталин И.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1945. С. 434.

[15] *Маленков Г.М.* 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1949. С. 18.

Совета Мира: «Мы требуем, – говорит обращение Всемирного Совета, – заключения Пакта Мира между пятью великими державами – Соединенными Штатами Америки, Советским Союзом, Китайской Народной Республикой, Великобританией и Францией.

Мы будем рассматривать отказ правительства любой из великих держав от встречи в целях заключения Пакта Мира как свидетельство агрессивных замыслов этого правительства»[16].

Движение народов к миру неизменно находит могучую поддержку в мирной политике Советского Союза.

Верховный Совет СССР, обсудив предложения Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира 19 июня 1950 г., возвестил всему миру «о своей готовности сотрудничать с законодательными органами других государств в разработке и проведении необходимых мер по осуществлению предложений Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира»[17].

12 марта 1951 г. Верховный Совет СССР, заслушав доклад председателя советского Комитета в защиту мира депутата Н.С. Тихонова, принял «Закон о защите мира».

Тов. Тихонов справедливо и ярко сказал о миролюбии советского народа: «В советской стране нет почвы для пропаганды новой войны. Вся жизнь советских людей построена на совершенно иных началах, нежели жизнь населения в странах империализма. Весь образ жизни советских людей исключает всякую возможность проповеди человекоубийства и нападения на другие народы.

Советский человек, начиная с детства, со школьной скамьи, живет в мире, где ни от кого не слышит поучения о необходимости агрессии и завоевания других народов, о презрении к человеку другого языка или цвета кожи. Он не встречает книг, где бы проповедовалась ненависть и кровожадная жестокость. Он не видит фильмов, в которых показывались бы подвиги грабителей и убийц. Он не смотрит в театрах пьес, зовущих его на агрессивную войну, на покорение европейских или азиатских стран»[18].

Советские законы являются социалистическими не только по содержанию, но и по форме. Специфичность социалистической формы советских законов находит яркое выражение в особенностях их конструкции. В этом отношении заслуживает особого внимания сочетание в тексте уголовного закона, с одной стороны, элементов, характеризующих состав преступления, с другой стороны, – признаков, относящихся к его политической характеристике.

Такова же конструкция и «Закона о защите мира». Первая, вводная, часть содержит общеполитические и правовые соображения, обосновывающие принятие нового закона.

«Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, – говорит “Закон о защите мира”, – руководствуясь высокими принципами советской миролюбивой политики, преследующей цели укрепления мира и дружественных отношений между народами, – признает, что совесть и правосознание народов, перенесших на протяжении жизни одного поколения бедствия двух мировых войн, не могут мириться с безнаказанностью ведущейся агрессивными кругами некоторых государств пропаганды войны, и солидаризируется с призывом Второго Всемирного конгресса сторонников мира, выразившего волю всего передового человечества в отношении запрещения и осуждения преступной военной пропаганды»[19].

Далее – и в этом также находит выражение глубокий социалистический демократизм советского законодательства – в самой норме, квалифицирующей пропаганду войны как «тягчайшее преступление против человечества», содержится обоснование такой квалификации: «Считать, – говорит ст. 1 нового Закона, – что пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создает угрозу новой войны и является ввиду этого тягчайшим преступлением против человечества».

Статья 2 Закона предписывает: «Лиц, виновных в пропаганде войны, предавать суду и судить как тяжких уголовных преступников».

Горячо приветствуемый всем советским народом «Закон о защите мира» встретит широкую поддержку честных людей всего мира. С глубоким основанием он говорит, что пропаганда войны «подрывает дело мира» и «создает угрозу новой войны». Уголовные кодексы всех стран карают призыв к убийству, жертвой которого может стать один человек. Может ли оставаться безнаказанной пропаганда агрессии, призывающая к убийству миллионов?

III

По своей уголовно-правовой природе пропаганда близка к подстрекательству, но с ним не сливается. Подстрекательство как одна из форм соучастия представляет собой призыв к совершению конкретного преступления. Подстрекательство, следовательно, ограничено в двух отношениях: оно должно содержать, во-первых, прямой *призыв* к совершению

[16] Правда. 1951. 26 февр.

[17] Известия. 1950. 21 июня.

[18] Правда. 1951. 13 марта.

[19] Правда. 1951. 13 марта.

преступления и, во-вторых, к совершению преступления конкретного – убить А., ограбить Б. и т.д.

Пропаганда значительно шире. Пропаганда прежде всего не исчерпывается призывом. Статья в газете, речь на собрании, выступление по радио могут создать общее движение в пользу военной агрессии, не содержа прямого к ней призыва. Так, американский финансовый еженедельник «Бэдронс» в номере от 23 сентября 1947 г. расписывал выгоды для американских бизнесменов от возможного ухода СССР из Организации Объединенных Наций. «Если это произойдет, – захлебывался в злобе и жадности "Бэдронс", – экономическое сотрудничество между западными странами и перевооружение должны будут вестись ускоренными темпами. Мир будет разделен на две половины, и наш мир с полной ясностью поймет необходимость непрекращающегося укрепления сил. В переводе на деловой язык,– поясняет журнал,– это означает, что у нас будет тогда бум, вызванный перевооружением, когда поставка вооружения не будет ограничиваться тем оружием, которое будет использовано в США, а будет поставляться оружие, которое может быть выгодно использовано в Западной Европе и в районе Тихого океана». Подобная «литература», не содержа прямого призыва к агрессивной войне, тем не менее, по общему смыслу высказанных и провокационных «идей», бесспорно является пропагандой агрессии.

Далее, пропаганда в отличие от подстрекательства может не содержать призыва к агрессивной войне против *определенного* государства. Так, председатель национальной промышленной конференции Джордан заявил, что США «должны произвести много атомных бомб и быстро сбросить их независимо от того, существуют ли какие-либо причины полагать, что данная страна производит вооружение».

Отсутствие упоминания конкретной страны в качестве объекта атомной агрессии не лишает и это выступление значения преступной пропаганды агрессивной войны. Конечно, нетрудно, догадаться, о какой «данной стране» говорил Джордан в США, где призывы к войне против СССР сделались «бытовым явлением».

По способу действия пропаганда может носить весьма разнообразный характер. «Закон о защите мира» предусматривает пропаганду, «в какой бы форме она ни велась». Пропаганда может быть письменной и устной. Американские поджигатели войны широко используют в целях пропаганды печать, радио, театр, кино. Пропаганда может быть публичной (например, на собрании, в газете), но может и не носить публичного характера (например, выступление на конспиративном совещании политической партии).

Необходимо, наконец, отметить и третью весьма существенную особенность, отличающую пропаганду как уголовно наказуемое действие от подстрекательства как наказуемого вида соучастия.

Подстрекательство по общему правилу влечет уголовную ответственность в том случае, если призыв к преступлению привел к реальным результатам, если преступление совершилось. Пропаганда войны должна влечь за собой уголовную ответственность независимо от преступных результатов этих действий.

IV

Для того чтобы в полной мере оценить преступную политику поджигателей войны, необходимо учесть и следующий, неоспоримый и значительный факт: в империалистическом лагере, и прежде всего в США, не только нет борьбы с *пропагандой агрессии*, а напротив, все циничней развертывается борьба с *пропагандой мира*. Сторонники мира подвергаются преследованиям и гонениям; их судят и сажают в тюрьму за любое действие, направленное против войны, в защиту мирного сотрудничества народов.

Вот некоторые факты.

В штате Техас местные власти по радио призывали жителей избивать лиц, собирающих подписи под Стокгольмским воззванием. В городе Гэри (штат Индиана) Хартман, активно выступившая за мир против агрессии в Корее, *приговорена* к тюремному заключению[20].

В Нью-Йорке судья Джойс приговорил 5 прогрессивных представителей молодежи к тюремному заключению за то, что они требовали «мира, а не атомных бомб»[21].

В Париже редакцию газеты для молодежи «Авангард» судили за статью, в которой сказано, что французский народ никогда не будет воевать против Советского Союза[22].

В Марокко Андре Серфати был приговорен к тюремному заключению «за то, что у него были найдены листовки, призывающие к борьбе за мир»[23].

Борьба против пропаганды мира выражается и в том, что власть и лакействующие работники печати чинят всяческие препятствия деятельности Международной организации журналистов (МОЖ), стоящей на страже мира. Так, в августе 1949 г. председатель МОЖ Капион – англичанин – подал

[20] Правда. 1950. 28 авг.

[21] Комсомольская правда. 1950. 3 авг.

[22] См.: Правда. 1950. 30 мая.

[23] Правда. 1950. 12 апр.

в отставку, а бельгийцы отказались организовать конгресс МОЖ в Бельгии.

Причины этого явления правильно указаны в докладе генерального секретаря МОЖ третьему съезду организации: «Руководители союзов журналистов США и Англии все откровеннее и откровеннее включались во враждебную клеветническую кампанию, направленную против демократических сил мира»[24].

В ответ на приглашение принять участие в сессии исполнительного комитета МОЖ в феврале 1948 г. филиппинская газетная гильдия прислала телеграмму с извинением, сообщив, что у нее не было возможности отправить делегата на сессию. Все письма, посылавшиеся исполнительным комитетом в Манилу, возвращались с почтовой пометкой «адресат неизвестен». «Поскольку филиппинская газетная гильдия была прогрессивной организацией, есть основание бояться, что она не могла продолжать существовать», – говорилось в докладе.

Эти преследования честной печати и честных журналистов, единственное преступление которых заключается в том, что они пропагандируют мир, завершаются гонениями на Международную организацию журналистов со стороны ООН, призванной по Уставу всемерно поддерживать дело мира и поборников мира. Вот краткая, но поучительная история о том, как ООН, и здесь действуя «на потребу американским агрессорам», мешала и пресекала миролюбивую деятельность МОЖ.

В марте 1947 г. МОЖ был предоставлен совещательный голос (категория В) в Экономическом и социальном совете Организации Объединенных Наций. Это давало ей, как и другим неправительственным организациям, право «участвовать в публичных сессиях Совета» и представлять меморандумы, которые «по требованию хотя бы одного члена Совета будут передаваться на обсуждение Совета».

МОЖ поддерживала связи с ООН, в особенности с отделением информации и с отделением по делам печати. Но в 1950 г. она получила следующее уведомление: «Настоящим имею честь уведомить вас, что комиссия Совета и в связи с неправительственными организациями решила 12 мая 1950 г. рекомендовать, чтобы у Международной организации журналистов было отнято право голоса. Экономический и социальный совет 20 июля 1950 г. решил принять эту рекомендацию»[25]. Так расправилась ООН с Международной организацией журналистов, борющейся за мир.

Французское правительство вынесло позорное постановление о воспрещении деятельности Всемирного Совета Мира в Париже.

Политика преследований и репрессии лишь разоблачает поджигателей войны и их союзников, но она не остановит мужественных борцов за мир.

«Надо понять, – говорил А.Я. Вышинский в Политическом комитете ООН 28 октября 1950 г., – что никакие репрессии против сторонников мира, которых, как это делается теперь в Соединенных Штатах Америки, федеральное бюро расследований и комиссия по расследованию так называемой антиамериканской деятельности уже заносят в списки “опасных” лиц, ни избиения и аресты, как это практикуется в ряде других стран, где правящие круги ведут энергичную борьбу против сторонников мира, ни травля сторонников мира, которой занимаются почтенные и полупочтенные джентльмены в своих публичных выступлениях, – ничто, конечно, не остановит роста и сплочения демократических сил, борющихся за мир, против сил реакции, готовящих войну»[26].

В ноябре 1948 г. происходила сессия исполкома Международной организации журналистов. В резолюции против поджигателей войны, принятой исполкомом, было четко указано: «Исполком клеймит злостных поджигателей и пропагандистов войны из среды журналистов – Лоуренса (“Нью-Йорк тайме”), Дрю Пирсона (“Дейли миррор”), Поля Шуберта (“Кольерс”), Бена Кочивара (“Лук”), Нибура (“Лайф”), Сесилz Брауна (“Симэгзин”), Джахида Ялчина (Турция), продавших свое перо газетным монополиям и использующих священное право свободы печати во вред человечеству.

Исполком считает, что участие в пропаганде и поджигательстве войны на страницах прессы, равно клевета и дезинформация, сеющие недоверие между народами, несовместимы с высоким и честным званием журналиста, и призывает национальные организации изгнать из своих рядов тех журналистов, которые очернили себя пропагандой войны, расовой и национальной ненависти, дезинформацией и клеветой»[27].

Недалек день, когда за этим обвинительным актом придет и обвинительный приговор.

V

В годы, когда изобретаются все новые и новые машины для истребления людей, когда угроза атомными и водородными бомбами становится основным аргументом империалистов, слово не

[24] Доклад генерального секретаря на III съезде Международной организации журналистов, 1950 г.

[25] Там же.

[26] Известия. 1950. 1 нояб.

[27] *Заславский Д.В.* Международной организации журналистов // Правда. 1948. 1 дек.

перестает быть могучим орудием войны и мира. Все углубляющееся и все растущее движение мира заставляет трепетать вооруженных всеми истребительными средствами поджигателей войны. В панике перед все нарастающей силой правдивого слова враждебные миру круги со своей стороны пытаются завладеть вниманием масс и путем лживой преступной пропаганды вовлечь народы, жаждущие мира, в катастрофу войны.

«Они, эти агрессивные силы, держат в своих руках реакционные правительства и направляют их. Но они вместе с тем боятся своих народов, которые не хотят новой войны и стоят за сохранение мира. Поэтому они стараются использовать реакционные правительства для того, чтобы опутать ложью свои народы, обмануть их и изобразить новую войну, как оборонную, а мирную политику миролюбивых стран, как агрессивную. Они стараются обмануть свои народы для того, чтобы навязать им свои агрессивные планы и вовлечь их в новую войну.

Именно поэтому они боятся кампании в защиту мира, опасаясь, что она может разоблачить агрессивные намерения реакционных правительств»[28].

Солидная доля многомиллиардного военного бюджета США тратится на фабрикацию лжи и ее пропаганду. Однако к каким бы ухищрениям ни прибегали организаторы и поджигатели войны, им не остановить и не ослабить победоносного движения народов к миру, демократии и социализму.

В этом движении гигантская роль принадлежит Советскому Союзу, сталинской политике мира и ее неразрывной связи с борьбой всех народов за мир. Принятый Верховным Советом СССР «Закон о защите мира» и аналогичные законы, принятые странами народной демократии, Германской республикой и Монгольской народной республикой, являются новым могучим ударом по лагерю войны и реакции, а присуждение Сталинских премий мира – новым могучим стимулом к героической борьбе за мир.

Товарищ Сталин сказал: «Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца»[29]. Вдохновленные словами великого вождя, народы *будут* отстаивать дело мира до конца, и они его отстоят.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Заславский Д.В.* Международной организации журналистов // Правда. 1948. 1 дек.
2. *Маленков Г.М.* 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1949. С. 18.
3. *Сталин И.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1945. С. 434.
4. *Сталин И.В.* Беседа с корреспондентом «Правды». М., 1951. С. 4, 5, 12–15.

REFERENCES

1. *Zaslavsky D.V.* International Organization of Journalists // Pravda. 1948. Dec. 1. (in Russ.).
2. *Malenkov G.M.* (1949). The 32nd anniversary of the Great October Socialist Revolution. M., 1949 (in Russ.).
3. *Stalin I.* Questions of Leninism. 11th ed. M., 1945 (in Russ.).
4. *Stalin I.V.* Conversation with a correspondent of "Pravda". M., 1951 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТРАЙНИН Арон Наумович –
член-корреспондент Академии наук СССР

Authors' information

TRAININ Aron N. –
Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences

[28] *Сталин И.В.* Беседа с корреспондентом «Правды». С. 13, 14.

[29] Там же. С. 14.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 273–278
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 273–278

ОБ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ НОРМАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА[1]

© 2022 г. Е. А. Коровин

Аннотация. В мире существуют два лагеря государств с противоположными социально-экономическими системами. Между ними имеются многочисленные связи в экономической, политической области, даже военное сотрудничество. Нормы, регулирующие эти связи, – общепринятые нормы международного права, признаваемые обязательными с точки зрения как буржуазного, так и социалистического государства, имеют особую юридическую природу. Они создавались с участием Советского государства, и это одна из форм, в которых осуществляются международная борьба и сотрудничество двух систем, характеризующие современную стадию развития международных отношений.

Ключевые слова: общепризнанные нормы международного права, государства противоположных систем, нормы, обязательные для всех государств, формы борьбы двух систем.

Цитирование: *Коровин Е.А.* Об общепризнанных нормах международного права // Государство и право. 2022. № 2. С. 273–278.

DOI: 10.31857/S102694520018876-4

ON GENERALLY RECOGNIZED NORMS OF INTERNATIONAL LAW[2]

© 2022 E. A. Korovin

Abstract. There are two camps of states with opposite socio-economic systems in the world. There are numerous ties between them in the economic, political sphere, even military cooperation. The norms regulating these relations – generally accepted norms of International Law, recognized as binding from the point of view of both the bourgeois and the socialist state, have a special legal nature. They were created with the participation of the Soviet State, and this is one of the forms in which the international struggle and cooperation of the two systems are carried out, characterizing the current stage of the development of international relations.

Key words: universally recognized norms of International Law, states of opposing systems, norms binding on all states, forms of struggle between the two systems.

For citation: *Korovin, E.A. (2022).* On generally recognized norms of International Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 273–278.

[1] Статья была напечатана в журнале «Советское государство и право». 1951. № 9. С. 14–19.
Аннотация и ключевые слова составлены доктором юридических наук Г.Г. Шинкарецкой.

[2] The article was published in the journal “Soviet State and Law” (1951), No. 9, pp. 14–19.
Abstract and key words were compiled by Doctor of Law G.G. Shinkaretskaya.

Одним из наиболее актуальных вопросов теории международного права является вопрос о характере и природе тех правовых норм, которые действуют в отношениях между СССР и народно-демократическими государствами, с одной стороны, и буржуазными государствами – с другой.

Между государствами, представляющими различные социальные системы, имеются многообразные правовые связи, хотя бы в виде тех многочисленных двусторонних и многосторонних соглашений, в которые они вступают по самым различным вопросам, возникающим в их международных отношениях.

В 1927 г. в беседе с первой американской рабочей делегацией товарищ Сталин отметил[3], что наличие двух противоположных систем – системы капиталистической и системы социалистической – не исключает возможности сотрудничества и соглашений между СССР и буржуазными государствами, конкретно указав различные области, в которых возможны это сотрудничество и соответствующие соглашения (промышленность, торговля, дипломатические отношения). В последующих своих выступлениях товарищ Сталин неоднократно подчеркивал возможность и желательность международного сотрудничества государств двух различных систем.

Так, в 1947 г. в беседе с деятелем республиканской партии США Гарольдом Стассеном И.В. Сталин сказал, что «впервые мысль о сотрудничестве двух систем была высказана Лениным. Ленин – наш учитель, а мы, советские люди – ученики Ленина. Мы никогда не отступали и не отступим от указаний Ленина»[4].

Наряду с этим наши великие учителя резко и решительно противопоставляют международную политику и международно-правовую практику империализма и социализма. В.И. Ленину принадлежат указания, что «сущность международных отношений при капитализме: открытый грабеж слабого...»[5], что «большевики создают совершенно иные международные отношения, дающие возможность всем угнетенным народностям избавиться от империалистического гнета»[6].

И.В. Сталин жестоко высмеивает буржуазное международное право, согласно которому империалистическая интервенция – это «простая финансовая операция, освященная международным правом “цивилизованного” мира»[7].

Однако, стоя на этих позициях, Ленин и Сталин отнюдь не делают отсюда вывода, что рабочий класс и руководимое им государство должны игнорировать или бойкотировать буржуазную законность, буржуазное право во всех их проявлениях. Напротив, они учат нас попользовать эту буржуазную законность и это право в интересах социализма, в интересах трудящихся.

В.И. Ленину принадлежит известное указание об отношении Советского государства к договорам, заключенным буржуазными государствами с буржуазной Россией: «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»[8].

И.В. Сталин в беседе с Уэллсом говорил: «Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность»[9].

Применительно к международному праву отсюда следует сделать вывод, что в интересах трудящихся, в интересах обеспечения международных условий, наиболее благоприятных для строительства социализма, социалистические государства должны широко использовать в международных отношениях и в международном праве не только новые правовые формы, являющиеся вкладом в международное право социалистических государств, но и старые (буржуазные).

Остается теперь ответить на вопрос – какими путями и в каких формах может осуществляться этот процесс; говоря другими словами, каким образом в свете марксистско-ленинского учения о базисе и надстройке, о государстве и праве могут существовать международно-правовые нормы, одинаково обязательные и для социалистических, и для буржуазных государств?

На этот вопрос нам следует искать ответ в трудах Ленина и Сталина и в актах советской дипломатии.

В одном из первых декретов Советского правительства по вопросам международного права – в декрете от 4 июня 1918 г., подписанном В.И. Лениным, говорилось: «В согласии с основной идеей международного права как общения равноправных государств...»[10]. Тем самым утверждалось, что есть такие основные положения («идеи») международного права, как, например, равноправие участвующих в международном общении государств, которые признаются всеми его участниками, независимо от их социальных особенностей.

---

[3] См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 122, 123.

[4] Правда. 1947. 8 мая.

[5] *Ленин В.И.* Соч. Т. 17. С. 161.

[6] Там же. Т. 31. С. 446.

[7] *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 247.

[8] *Ленин В.И.* Соч. Т. 26. С. 223.

[9] *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 10-е изд. С. 611.

[10] См.: СУ. 1918. № 39, ст. 505.

И.В. Сталин в докладе XVIII съезду партии, говоря о начале Второй мировой войны, констатировал, что, «подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, война поставила под вопрос ценность международных договоров и обязательств»[11]. Таким образом, товарищ Сталин отметил грубое нарушение империалистическими государствами не только отдельных международно-правовых норм, но и самых «элементарных понятий» международного права, например, таких как соблюдение государствами принятых на себя договорных обязательств, без которых не может быть вообще никакого международно-правового общения между ними.

В различных нотах и заявлениях советского правительства мы часто находим такого рода выражения и ссылки, как «общепринятая норма международного права», «элементарные правила международных обычаев»[12] или заявления, что действия иностранного государства «находятся в вопиющем противоречии... с самыми элементарными и общепризнанными нормами международного права» и т.п.[13]

Таким образом, следует признать, что есть многочисленные нормы международного права, относящиеся к числу «основных», «элементарных», являющиеся «общепризнанными», «общепринятыми», т.е., иначе говоря, признаваемые обязательными с точки зрения как буржуазного, так и социалистического государства. Причем к числу этих общепризнанных норм относится значительная часть важнейших современных международно-правовых институтов, таких как суверенитет, невмешательство, территориальная неприкосновенность, основные положения международного договорного права, международного дипломатического права, правовой статут международных организаций (например, Устав ООН), так называемые законы и обычаи войны и др. Многие из этих норм сложились тогда, когда буржуазия была еще революционным и восходящим классом. Другие же, такие как Устав ООН, складывались при непосредственном участии Советского социалистического государства.

Установив наличие таких норм в международном праве, мы должны попытаться выяснить их природу и особенности.

Четыре подхода к этому вопросу представляются нам заведомо неправильными.

Нельзя, например, утверждать, что общепризнанные нормы международного права это – нормы буржуазные по своей природе; такое утверждение неверно, поскольку их применяют последовательно и неуклонно СССР и другие государства социалистического типа.

Столь же неверным было бы утверждение и противоположного свойства, что общепризнанные положения международного права это – будто бы нормы социалистического права, воспринятые буржуазным миром. Подобного рода мирное «восприятие» социалистического права буржуазными государствами означало бы то «врастание» капитализма в социализм, которое высмеивал в свое время Энгельс и которое невозможно по самой природе двух противоположных систем.

Нельзя также трактовать «общепризнанные» положения международного права как компромисс двух противоположных систем, своеобразный юридический «гибрид» – полусоциалистический, полубуржуазный. Поскольку всякое право есть возведенная в закон воля господствующего класса, наличие таких «гибридных» между классовых норм несовместимо с марксистско-ленинским учением о праве и ведет прямой дорогой к буржуазной теории «внеклассового» или «надклассового» права.

Столь же неверным, наконец, является и утверждение, что международное право – настолько своеобразная отрасль права (suigeneris), что к ней вообще «неприменимо» общетеоретическое марксистское определение права и что оно – то ли разновидность политики (хотя на деле никакая политика не может не быть политикой определенного класса), то ли средство общения, наподобие языка.

Подобного рода рассуждения ведут с логической неизбежностью либо к юридическому нигилизму, к отрицанию правового значения и правовой силы за нормами международного права, либо к ревизии марксистско-ленинского учения о государстве и праве.

К этому следует добавить, что великие учителя марксизма не только не делали никаких специальных оговорок в отношении международного права, но, наоборот, неоднократно подчеркивали его нормативно-правовой характер. Напомним в этом плане, как Маркс клеймил современные ему правительства за нарушение «не только договора, но и всех принципов международного права»[14], за «чудовищное нарушение всякого международного права»[15], заявляя, что «нельзя допустить, чтобы нарушения права заменили само право»[16].

В докладе XVI съезду партии товарищ Сталин, коснувшись вооруженной интервенции иностранных государств в первые годы советской власти,

[11] *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. С. 573.

[12] Внешняя политика СССР. М., 1944. Т. I. С. 194; т. II. С. 714, 830.

[13] Там же. М., 1946. Т. IV. С. 293, 368.

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XI, ч. I. С. 312.

[15] Там же. Т. XII, ч. 2. С. 223.

[16] Там же. С. 212.

сказал: «Не ясно ли, что, допустив эти грабительские акты, господа “союзники” лишили себя права ссылаться не международное право, на международные обязательства?»[17].

Из изложенного выше мы приходим к выводу, что могут быть и имеются в действительности совпадающие нормы в различных правовых надстройках, поскольку такое совпадение отнюдь не предполагает обязательного тождества классовой природы соответствующих государств или тождества их экономического базиса. Так, например, совпадение в советском и в буржуазном уголовном праве составов определенных преступлений (убийства, кражи и др.) ни в какой степени не устраняет глубокого качественного отличия советского уголовного права от буржуазного: старинные заповеди «не убий», не укради» записаны и в феодальных, и в буржуазных, и в социалистических кодексах, но по мотивам, отличным в каждом из них, защищает различные классовые интересы и служат различным классовым целям. То же самое мы имеем и в отношении «общепризнанных» положений международного права. И полуфеодальный Афганистан, и капиталистическая Англия, и социалистическая Россия признают, например, определенные права и преимущества за дипломатическими агентами, хотя эксплуататорские государства, с одной стороны, и наша социалистическая Родина, – с другой, исходят из совершенно различных классовых интересов. Отметим попутно, что такого рода общепризнанные нормы, совпадающие в различных надстройках, имеются не только в области права, но также и в других надстрочных явлениях, например в морали. Напомним в этом смысле слова товарища Сталина на XVIII съезде партии по адресу дипломатов империалистических государств: «Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали»[18].

Напомним также резолюцию Президиума Верховного Совета СССР от 6 августа 1951 г., в которой заявления американских поджигателей войны квалифицируются как «противоречащие не только интересам мира, но и элементарным требованиям человеческой морали...»[19].

Пример из недавнего прошлого говорит о возможности даже военного сотрудничества между государствами с различной социальной структурой. Во время Второй мировой войны союзники по антигитлеровской коалиции, заинтересованные в разгроме гитлеровского государства, составляли один лагерь. Международно-правовым выражением их сотрудничества явились важнейшие международные акты (двусторонние и многосторонние договоры и декларации, постановления конференций – Московской, Тегеранской, Крымской, Потсдамской, в Сан-Франциско).

Но в лагере союзников уже во время войны существовало глубокое различие в определении как ее целей, так и задач послевоенного устройства мира. Советский Союз и демократические страны основными целями войны считали восстановление и укрепление демократических порядков в Европе, ликвидацию фашизма и предотвращение новой агрессии со стороны Германии, создание всестороннего длительного сотрудничества народов Европы, США и в согласии с ними Англия ставили себе в войне в качестве основной другую цель – избавление от конкурентов на рынках (Германия, Япония) и утверждение своего господствующего положения в мире.

Таким образом, общепризнанные начала международного права – это одна из форм, в которых осуществляются международная борьба и сотрудничество двух систем, характеризующие современную стадию развития международных отношений.

Такое сотрудничество противоположных систем объясняется и тем, что социалистические государства, представляя собой высший из известных человечеству тип государства, выступают на арене истории не в качестве «Иванов непомнящих», но как законные наследники и хранители всех лучших, всех прогрессивных традиций многовековой истории человечества во всех областях, в том числе и в области международного права[20]. В частности, многие из действующих норм международного права сложились во время французской буржуазной революции 1789–1793 гг. Не случайно Ленин говорил о большевиках, как о современных якобинцах, а Сталин сравнивал боевые органы пролетарской диктатуры с аналогичными органами якобинской диктатуры[21].

Внутри государства, как учит товарищ Сталин, «классовая борьба, какая бы она ни была острая, не может привести к распаду общества»[22]. «Есть сила большая, – писал Ленин, говоря об отношении капиталистических государств к Советскому социалистическому государству, – чем желание,

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XII, ч. 2. С. 258.

[18] *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 10-е изд. С. 572.

[19] Известия. 1951. 8 авг.

[20] «Мы, большевики, не отказываемся от культурного наследства. Наоборот, мы критически осваиваем культурное наследство всех народов, всех эпох для того, чтобы отобрать из него все то, что может вдохновлять трудящихся советского общества на великие дела в труде, науке и культуре» (см.: Выступление А.А. Жданова. Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). М., 1948 С. 147).

[21] См.: *Ленин В.И.* Соч. Т. 9. С. 43; *Сталин И.* Вопросы ленинизма. 9-е изд. С. 312.

[22] *Сталин И.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 19.

воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила – общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»[23]. На международной арене наличие обостренной борьбы между государствами, представляющими лагерь империализма и реакции, и государствами, представляющими лагерь прогресса и демократии, в период сосуществования государств различных социальных систем не ведет к распаду международного общения и международных связей. «Общепризнанные» начала в международном праве являются одним из способов осуществления этого общения и этих связей.

Разумеется, далеко не все международно-правовые принципы и нормы, присущие государствам одной социальной структуры, могут быть признаны правомерными со стороны другой: так, например, для государств социалистического типа принципиально и абсолютно неприемлемы неравноправные и кабальные договоры, различные формы колониального подчинения и угнетения, какими бы международно-правовыми ярлыками они ни прикрывались.

Поэтому для сотрудничества двух систем есть определенные пределы. Они «ставятся противоположностью двух систем, между которыми идет соревнование, борьба. В рамках, допустимых этими двумя системами, но только в этих рамках, соглашения вполне возможны»[24].

«Общепризнанные» начала международного права ни в какой степени не противоречат международно-правовым принципам и практике социалистических государств и неуклонно ими соблюдаются, углубляются и расширяются в соответствии с интересами всего прогрессивного человечества. Буржуазные же государства, которые возглавляет «самый реакционный, самый бешеный, душащий все мелкие и слабые народы, восстанавливающий реакцию во всем мире англо-американский империализм...»[25], признавая во избежание своего саморазоблачения и под давлением народных масс на словах эти «элементарные», «общепризнанные» начала, на деле их ежедневно и ежечасно нарушают самым грубым образом, ибо для загнивающего капитализма, осуществляющего террористический режим внутри и агрессию вовне, даже буржуазная законность становится непереносимым бременем[26]. А это значит, что буржуазная правовая надстройка в том виде, как она сложилась в домонополистический период, в настоящее время, в период империалистического загнивания капиталистического общества и государства, перестает в отдельных своих звеньях обслуживать экономический строй капитализма, вступившего в свою последнюю, монополистическую фазу. Практика, соответствующая изменившемуся капиталистическому базису, чем дальше, тем больше становится отрицанием всякой законности, практикой произвола и насилия как во внутригосударственных, так и в международных отношениях, которая ставит, по выражению А.Я. Вышинского, «право на службу бесправию»[27].

Напротив, СССР и возглавляемый им лагерь мира, демократии и социализма в интересах всеобщего мира и безопасности народов неослабно борется за утверждение начал законности и права в международных отношениях, идя ради их укрепления на великие жертвы.

В дни грязной мюнхенской сделки, когда монополисты США, Англии и Франции, в нарушение Устава Лиги наций и заключенных ими с Чехословакией соглашений, отдали Чехословакию на растерзание фашистским агрессорам, только СССР, свободный, из-за «воздержания» Франции, от обязательств советско-чехословацкого договора о взаимной помощи, выразил готовность с оружием в руках защищать свободу и независимость чехословацкого народа и государства.

Во время Второй мировой войны, несмотря на то что англо-американские заправилы, наперекор принятым на себя обязательствам, всячески оттягивали и саботировали открытие второго фронта, Советский Союз в самые тяжелые для англо-американской армии дни (Арденнского наступления немцев), перейдя досрочно в общее наступление, спас союзников от поражения и обеспечил победоносный исход войны, не только выполнив, но и перевыполнив свои союзнические обязательства.

На протяжении всех послевоенных лет англо-американский лагерь империализма и реакции систематически и преднамеренно нарушает все писаные и обычные нормы международного права, разрывает подписанные им соглашения и мирные договоры, игнорирует Устав ООН, попирает суверенитет народов и государств системой «маршаллизации», созданием военно-агрессивных блоков (Межамериканский, Западный, Северо-атлантический), практикой вооруженных интервенций (в Корее, Китае), проводит бешеную гонку вооружений и осуществляет подготовку третьей мировой войны.

В то же время великая Советская социалистическая держава упорно и неизменно отстаивает принципы мира, международного сотрудничества и международной законности, давая отпор

[23] *Ленин В.И.* Соч. Т. 33. С. 129.

[24] *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 123.

[25] *Ленин В.И.* Соч. Т. 28. С. 169, 170.

[26] См.: там же. Т. 16. С. 284.

[27] *Акад. А.Я. Вышинский.* Международное право и международная организация // Сов. государство и право. 1948. № 1. С. 4.

и разоблачая любые попытки их нарушения. Международно-правовые принципы и практика СССР, соответствующие советскому грандиозному строительству внутри страны и незыблемым ленинско-сталинским принципам мирного сожительства народов, как отвечающие кровным интересам всех миролюбивых народов, становятся программой действия и борьбы для всего передового, честного и мыслящего человечества, организующегося и организованного в многомиллионный фронт сторонников мира.

Поэтому СССР и дружественные ему народно-демократические государства являются последовательными борцами за общепризнанные начала международного права, призванные укреплять принципы мира, международной законности и демократического сотрудничества в отношениях между народами и государствами. Партии Ленина – Сталина, авангарду рабочего класса, братским компартиям и руководимым ими государствам принадлежит по праву почетная роль знаменосцев мира, борцов за свободу и независимость народов, за последовательно-демократическое международное право, за соблюдение его общепризнанных начал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акад. А.Я. Вышинский.* Международное право и международная организация // Сов. государство и право. 1948. № 1. С. 4.
2. Внешняя политика СССР. М., 1944. Т. I. С. 194; т. II. С. 714, 830; 1946; т. IV. С. 293, 368.
3. *Ленин В.И.* Соч. Т. 9. С. 43; т. 16. С. 284; т. 17. С. 161; т. 26. С. 223; т. 28. С. 169, 170; т. 31. С. 446; т. 33. С. 129.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XI, ч. I. С. 312; т. XII, ч. 2. С. 212, 223, 257.
5. *Сталин И.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 19.
6. *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 9-е изд. С. 312; 10-е изд. С. 611; 11-е изд. С. 573.
7. *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 247; т. 10. С. 122, 123.

REFERENCES

1. *Akad. A. Ya. Vyshinsky.* International Law and international organization // Soviet State and Law. 1948. No. 1. P. 4 (in Russ.).
2. Foreign policy of the USSR. M., 1944. Vol. I. P. 194; vol. II. P. 714, 830; 1946. Vol. IV. P. 293, 368 (in Russ.).
3. *Lenin V.I.* Essays. Vol. 9. P. 43; vol. 16. P. 284; vol. 17. P. 161; vol. 26. P. 223; vol. 28. P. 169, 170; vol. 31. P. 446; vol. 33. P. 129 (in Russ.).
4. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. XI, part I. P. 312; vol. XII, part 2. P. 212, 223, 257 (in Russ.).
5. *Stalin I.* Marxism and problems of linguistics. M., 1950. P. 19 (in Russ.).
6. *Stalin I.V.* Questions of Leninism. 9th ed. P. 312; 10th ed. P. 611; 11th ed. P. 573 (in Russ.).
7. *Stalin I.V.* Essays. Vol. 4. P. 247; vol. 10. P. 122, 123 (in Russ.).

Сведения об авторе

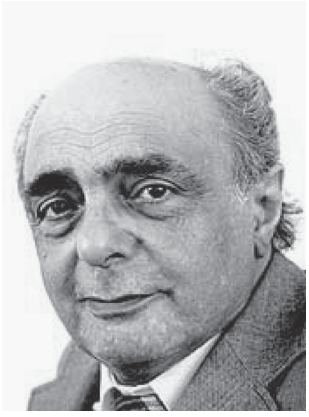
КОРОВИН Евгений Александрович –
член-корреспондент Академии наук СССР

Authors' information

KOROVIN Evgeny A. –
Corresponding Member of the USSR
Academy of Sciences

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 2, с. 279–289
STATE AND LAW, 2022, No. 2, pp. 279–289

НЕНАУЧНАЯ СТРАНИЧКА



ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г.Х. ШАХНАЗАРОВА[1]

Аннотация. В статье известный политический деятель, член-корр. АН СССР и РАН Г.Х. Шахназаров делится своими воспоминаниями о годах учебы в аспирантуре Института права Академии наук СССР (ныне – Институт государства и права РАН), об атмосфере, царящей в стенах этого научного учреждения, а также о его сотрудниках, составлявших цвет отечественной юриспруденции того периода.

Ключевые слова: Институт права, Ученый совет, аспирантура.

For citation: Из воспоминаний Г.Х. Шахназарова // Государство и право. 2022. № 2. С. 279–289.

DOI: 10.31857/S102694520019326-9

FROM THE MEMOIRS OF G. KH. SHAKHNAZAROV[2]

Abstract. In the article, a well-known political figure, a Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences G. Kh. Shakhnazarov shares his memories of his years of study at the postgraduate Institute of the USSR Academy of Sciences (now the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences), about the atmosphere prevailing within the walls of this scientific institution, as well as about its employees who made up the color of domestic jurisprudence of that period.

Key words: Institute of Law, Academic Council, graduate school.

For citation: From the memoirs of G. Kh. Shakhnazarov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 279–289.

В Москве. Ученье

Как ни гордился я бакинским «интеллектуальным шармом», столица есть столица, она сразу ставит на место самоуверенных провинциалов. Устроившись жить у родственника, я без промедления отправился сдавать вступительный экзамен в Институт философии Академии наук. Хотя и окончил юридический факультет, в душе считал себя политологом, а эту науку относил к философии. На орденские ленточки не надеялся, готовился беззаветно, проштудировал «основоположников», почитал Чернышевского, кое-что из Канта с Гегелем, даже полистал диалоги Платона. С тем отправился на Волхонку, не допуская мысли об осечке.

Заносчивость меня и погубила. Не думаю, чтобы юные выпускники московских школ, получившие в тот день проходной балл, уж очень превосходили меня познаниями и способностью мыслить. Но они были вежливы, а я дерзок. Экзаменатор, тучный рыжий невзрачный очкарик, выслушав без замечаний мой ответ по билету, задал вопрос: «Сколько глав в Анти-Дюринге?» Я назвал наугад

[1] Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2001. № 1. С. 118–126.

Аннотация и ключевые слова составлены кандидатом юридических наук Н.В. Кротковой.

[2] The article was published in the journal “State and Law” (2001), No. 1, pp. 118–126.

Abstract and key words were compiled by PhD in Law N.V. Krotkova.

и промахнулся. Еще пара вопросов по существу, с которыми я легко справился.

Тогда он опять подставил подножку: «Сколько у Ленина “Писем из далека”?» Тут уж я взорвался: «Послушайте, я пришел сюда сдавать философию, а не арифметику!» Разозлившись, он стал откровенно меня «сыпать». В итоге – тройка. Сдавать дальше не имело смысла, возвращение в Баку исключено. Решил рискнуть еще раз, вооружившись горьким опытом. Философа из меня не вышло, вдруг повезет на другом поприще. Понес документы в Институт права (теперь – государства и права), благо что с Волхонки до улицы Фрунзе (теперь – Знаменки) рукой подать.

Встретили меня на удивление радушно и предложили завтра же сдавать... философию. Э, нет, это удовольствие лучше оставить на десерт, а начать с английского, поскольку благодаря курсам чувствовал себя уверенно. Правда, Диккенс был мне не по зубам – на одной странице находил до полсотни незнакомых слов, зато Оскара Уайльда читал бегло – вот как надо писать! Короче, своими познаниями я поверг в шок приемную комиссию и получил в зачетной книжке первую пятерку. Дальше подтвердилась формула: деньги к деньгам, пятерки к пятеркам. Сдавая теорию государства и права, я еще малость волновался, а на философии разошелся, начал сыпать цитатами, молодой симпатичный экзаменатор куда-то торопился, в ужасе замахал руками, потребовал зачетку, дружески мне подмигнул и вписал заключительное «отлично».

Вместе со мной в аспирантуру были приняты еще несколько «партизан», т.е. претендентов на свой страх и риск. В большинстве – выпускники московских вузов, явно превосходившие знаниями молодых людей из провинции, а в некоторых случаях и заручившиеся солидной протекцией. Среди них была чемпионка по конькобежному спорту, принятая, по-видимому, чтобы укрепить академическую команду. Вокруг нее постоянно гуртовались лица «кавказской национальности», любители пикантных историй из спортивной жизни. Популярностью пользовался рассказ о том, что каждый раз, когда муж начинает ей надоедать, она пинком отправляет его с кровати к противоположной стене. В подтверждение предъявлялись железные икры и желающим дозволялось их пощупать. Через год ее отчислили за несдачу кандидатского минимума.

Основную массу свежеиспеченных аспирантов составляли не «партизаны», а приехавшие из республик по «разнарядке». Баллы им натягивали, поскольку за каждым заранее закреплялось место. Отсылали ни с чем разве уж совсем темных, балбесов. Особенно большие группы прибыли из Грузии и Азербайджана. Всего же в тот год было принято в аспирантуру института почти 100 человек. Такие же квоты выделялись и другим гуманитарным институтам, а уж технологическим, надо полагать, как всегда, в два-три раза больше.

Вспоминая об этом, не могу не отдать должное предусмотрительности властей. После опустошительной войны, косой прошедшейся и по научным кадрам, восстановить потенциал науки можно было только масштабным вливанием свежей крови. При всех тогдашних тяготах государство не остановилось перед значительными расходами. Аспиранты ведь получали по 780 рублей – такие деньги тогда зарабатывал не каждый специалист на производстве. Понятно, какая-то часть из этого массового «призыва» отсеялась, но большинство все-таки состоялось, оказалось способным переосмыслить неприкасаемую твердь нашего гуманитарного знания, подступить к его капитальном ремонту. Сходя теперь со сцены, оно вынуждено передавать эстафету главным образом внукам по возрасту, так как подготовить должным образом «среднее звено» не позаботились.

Итак, моим очередным шефом следовало считать директора Института права, члена-корреспондента Академии наук Евгения Александровича Коровина. С большой натяжкой, потому что Институт, как все важные идеологические учреждения, управлялся партийным бюро и находился под неусыпным контролем Киевского райкома КПСС. Кое-какой властью обладал Ученый совет, директор же, если и значил что-либо, умело это скрывал. Европейски образованный человек, свободно изъяснявшийся на нескольких языках, говорили, лучший по тем временам в Союзе знаток международного права, он часто выезжал в зарубежные командировки, а с 57-го года до кончины представлял СССР в Постоянной палате Третейского суда. За все время учебы мне посчастливилось пару раз увидеть его в Институте – всегда торопящегося и, несмотря на солидную комплекцию, прыгавшего по лестнице через ступеньку.

Правда, однажды мы его, что называется, «застукали». Мэтр завел интрижку с молоденькой кандидаткой наук и, опасаясь нескромных взоров, выбрал для свидания ресторан «Якорь» на улице Горького – ныне там располагается Палас-отель. Худшего не мог придумать – как раз в этом здании размещался так называемый Дом для приезжающих ученых, в просторечии – аспирантское общежитие Академии... Вдобавок, подслеповатый академик, а может быть, и не помнящий в лицо подопечных, усадил свою даму и стал с ней флиртовать через столик от нашей компании. Пришлось незаметно ретироваться, чтоб не ввести в конфуз почтенного человека.

Я благодарен судьбе за три аспирантских года. Прежде всего за возможность общаться с людьми, составлявшими цвет российской юриспруденции. Не стану даже их перечислять, скажу только, что все тогдашние крупные теоретики права либо значились сотрудниками Института, либо регулярно в нем бывали, участвуя в заседаниях Ученого совета и различных дискуссиях. Не проходило дня без какого-нибудь знаменательного события. То «сам» Андрей Януарьевич Вышинский пожалует просветить ученую братию. То схватятся два блистательных полемиста, – разинув рты, как завороженные, следим за искрометной интеллектуальной дуэлью. То на партийных собраниях, продолжающихся по два-три дня, костят друг друга враждующие группировки и научные «школки», обвиняя в невежестве, догматизме, ревизионизме и прочих смертных грехах.

Бездна эрудиции. На заседании сектора теории историк Галанза мимоходом замечает, что «еще Максим Ковалевский сказал... цитирую по памяти...». Заведующий сектором, любознательный Гаврила Иванович Федькин удивленно вопрошает: «Неужто так и сказал?» Галанза, не отвечая, обращается к одному из аспирантов: «Голубчик, сходите в библиотеку, найдите там работу Ковалевского “От прямого народоправства к представительному”, если память мне не изменяет, на такой-то странице должна быть эта мысль». Память ему не изменяет.

Каскады остроумия. Степан Федорович Кечекьян при обсуждении вопроса о происхождении русского государства сочувственно излагает концепцию, согласно которой россы были рабами в каком-то нордическом племени, рассорились с господами, ушли на юг и основали собственное государство. Владимир Покровский возмущается: «Что же, мы, русские, по-вашему, происходим от рабов?!» «Не вижу ничего обидного, – отвечает Кечекьян, – на вашем месте я, как марксист, гордился бы, что не от рабовладельцев».

Вагон желчи. В ходе заседания Ученого совета, переходящего в разбор персональных дел на партбюро, два ведущих специалиста по колхозно-земельному праву, свирепые соперники, обмениваются сначала аргументами, потом инвективами и личными оскорблениями. «Какую еще позицию может занять мой оппонент, если он сын кулака и кулацкий нрав унаследовал по наследству!», – ехидничает один. «Да, я сын кулака, и как только начал понимать это – ушел из семьи. Я был сыном кулака, но никогда не был сукиным сыном, как мой оппонент».

Обоим влепили по строгачу.

Вообще достаточно было пошататься по коридорам старинного особняка или потолкаться в буфете, чтобы собрать баул оригинальных мыслей, тонких намеков и язвительных шуток. Но мое восхищение блестящими столичными мудрецами достигло апогея, когда в Институте была организована научная конференция по поводу очередной гениальной работы товарища Сталина. Под новый год вождь, по заведенному обычаю, давал интервью японскому агентству «Кнодо Цусин». На вопрос корреспондента: «Можно ли предотвратить новую мировую войну?» (цитирую по памяти) тот ответил: «Да, можно». «А что для этого надо сделать?» «Надо, чтобы народы взяли дело мира в свои руки и отстаивали его до конца».

Представьте тех же Коровина, Галанзу, Кечекьяна и прочих светил права, выступающих с докладами по этому поводу. Я искренне жалел их и в то же время с любопытством думал, как же они выкрутятся. Никакого смущения. Один за другим выходили на трибуну, произносили обязательный панегирик, а потом говорили, что кому нравится. Один поведал, что первым борцом за вечный мир в Европе был чешский просветитель Ян Амос Каменский. Другой – тот самый правовед-аграрник – доказывал преимущества коллективной формы землепользования. Третий ударился в разоблачение поджигателей войны.

С тех пор я перестал чему-нибудь удивляться. Раз и навсегда усвоил, что высокому сообществу ученых одинаково подвластны и пытливый поиск истины, и искусство мимикрии. Они, за редкими исключениями, научились переключаться с одного занятия на другое без усилий, как переходят с языка на язык люди, усвоившие оба с детства. А иные виртуозы наловчились соединять их в один «новояз», сопровождая каждую мысль оговоркой. «Я думаю.., но, возможно, ошибаюсь». Еще лучше поменять утверждение и опровержение местами: «Возможно, я не прав, но мне кажется...». Догадайся Андрей Платонов заглянуть в наш Институт, у него был бы материал для написания второй части «Чевенгура» – на сей раз из научной жизни.

Молодежь, по обычной своей беспечности, позволяла себе иронизировать над духом раболепия, пока не получила предметного урока. Один из аспирантов был арестован за антисоветские высказывания, распространился слух, что это было сделано по доносу Серафима Александровича Покровского. Очень неглупый человек. Покровский имел несчастье вступить в полемику с самим Сталиным, поплатился ссылкой и был там завербован, получив взамен возможность вернуться в Москву. То ли сам вошел во вкус, то ли от него требовали периодических жертвоприношений для выполнения плана борьбы с антисоветчиками (я склоняюсь ко второй версии), не имело принципиального значения. Все осознали, что среди нас стукач, атмосфера в Институте омрачилась. Мало кто был посвящен в «догадку», чьих рук это дело. Даже те, кто знал, предпочитали помалкивать: спасая из

альтруистических побуждений других, можно нарваться еще на какого-нибудь скрытого доносчика.

Меня предостерег Борис Назаров – добрый малый из состоятельной по меркам того времени московской семьи. Отец его был председателем коллегии адвокатов, располагал по роду своих занятий обширными связями и, вероятно, получил сигнал от доброжелателя для передачи сыну-аспиранту. В свою очередь, я поторопился поделиться с моим другом Федей Бурлацким, нигде его не нашел и уже собирался идти по своим делам, как наткнулся в коридоре на Покровского. Мы с ним поболтали о том, о сем, тут откуда ни возьмись появляется Федор. Вот и принимайте потом за безвкусный вымысел странные совпадения, случающиеся в детективах, когда автор по прихоти сюжета сводит в одно место и час всех нужных персонажей.

Серафим Александрович, милейший мужчина с бородкой а ля Троцкий, любил общество молодых, говоря, что с ними сам «освежается душой». Зная о стесненном (изысканное определение!) материальном положении аспирантов, он пригласил нас пообедать в Доме журналистов. За обедом поинтересовался нашим мнением о текущих политических событиях. Федя поддался на удочку и начал делиться своими, отнюдь не ортодоксальными воззрениями. Мне пришлось наступить под столом ему на ногу и одновременно перевести разговор на другую тему. Через некоторое время Серафим повторил заход. На этот раз я с такой силой вдавил каблук в ногу Федора, что он вздрогнул и, наконец, сообразил, в чем дело.

Этот эпизод описан в одной из его книг[3], так что желающие могут сверить два изложения. Бурлацкий даже считает, что я тогда спас ему жизнь, а мне порой приходит в голову, что Серафим, выполнив свою «норму», не собирался нас сдавать, а действительно интересовался, как настроена молодежь. Наверняка он оставался в душе оппозиционером и искал хоть какого-то оправдания своей опоганенной жизни. Спустя несколько лет, когда все это выплыло наружу, уверял, что отводил, как мог, удар от самых достойных. Очевидно, это можно было делать, «закладывая» никчемных. Оправданьице.

Но вот что любопытно. При тиране Сталине политическая жизнь была намного интенсивней, чем при милейшем Леониде Ильиче. В 70-е годы на партийных собраниях царила откровенная скука – не было нужды кого-то преследовать и что-то запрещать, поскольку все раз и навсегда согласились, что это не место для «разборок». У партийного актива отбили охоту делиться с товарищами сомнениями, искать их поддержки, рассуждать вслух. Может быть, где-то в глубинке дело обстояло иначе, не спорю, я говорю о партжизни в аппарате ЦК и некоторых академических институтах, где пришлось бывать по долгу службы.

И как же отличались от этого парадного действа, проходившего по заранее заготовленному и утвержденному начальством сценарию, баталии, на которых сановитые учёные вступали в перепалки, полагаю, не менее страстно, чем в периоды борьбы с «рабочей оппозицией», троцкистами, бухаринцами и прочими нечестивцами. Атмосфера особенно накалялась при перевыборах партийного бюро. Ведь тогда это была реальная власть, ни одного приказа директор не мог подписать без согласия партийного секретаря, а на характеристиках, рекомендациях и других важных для самочувствия документах – и «тройки», т.е. добавлялся председатель профсоюзной организации. Влиятельные группировки старались протолкнуть «своих» и просто с целью не пропустить «чужих», которые, получи они перевес, могли при случае сильно навредить. В результате голосование затягивалось до поздней ночи, приходилось бесконечно переголосовывать, а иной раз и переносить финал на следующий день.

Не обходилось без шуток. Был среди нас великовозрастный аспирант Глинка. Прямой потомок великого композитора не отличался ни талантом, ни трудолюбием – так и просидел аспирантский срок, причем не первый, не сдав кандидатских экзаменов. Но человек был душевный: выпивоха, острослов, гостеприимный хозяин, охотно устраивавший посиделки в своей уютной квартире. Так вот, каждый раз при оглашении результатов голосования объявлялось: «И один голос за Глинку». Встречалось общим смехом и несколько разряжало атмосферу. Раз и я вписал его фамилию, ожидая, что теперь за Глинку будет два голоса. Нет, опять один.

Уже на первом году аспирантской жизни меня избрали секретарем комсомольской организации и одновременно поручили заведовать агитпунктом. Под него отдали большую светлую комнату на первом этаже, таким образом я стал обладателем кабинета, почище директорского. Посетители не докучали – изредка заглянет пенсионер с просьбой о материальной помощи или женщина с ребенком, умоляя предоставить давно обещанную жилплощадь. Просьбы и жалобы передавались в райком и исполком. Как правило, не оставались без ответа: пенсионеру в разовом порядке выдавали на бедность двести рублей, женщину в очередной раз ставили в очередь. Мои агитаторы знали жителей своего участка в лицо, налаживали с ними добрые отношения, чтобы не подвели, явились «исполнить гражданский долг». Отличился мой земляк Фирудин. Получая от отца, председателя колхоза,

[3] См.: *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники. М., 1990. С. 22.

увесистые посылки с фруктами, раздавал их «своим» избирателям и в день выборов привел всех до единого за час до начала голосования, а затем без обиняков потребовал, чтобы этот пример политической активности советских людей был отмечен всенародно. Мы сообщили об этом в сводке, отсылавшейся в райком, на другой день наш герой мог прочитать свою фамилию в «Правде», а в его селе по этому поводу устроили байрам.

В качестве комсомольского вожака мне пришлось часто бывать в райкоме, выполнять всевозможные поручения: быть бригадиром на уборке картофеля в подмосковном совхозе и звеньевым на строительстве университета, опекать гостей молодежного фестиваля, в составе райкомовской комиссии проверять работу комсомольской организации в других академических институтах. На различных постах в райкоме было немало славных ребят. Тогда еще не выкристаллизовался тот тип комсомольского бюрократа, который стал притчей во языцех в семидесятые годы, в секретарях ходили не успевшие «забронзоветь» вчерашние офицеры-фронтовики, ударники производства, бойкие выпускники московских вузов. Меня тоже пытались перетянуть к себе, суля начать карьеру аж со второго секретаря РК. Я вежливо отклонил эту честь.

Много времени отнимали свои. Почти все аспиранты носили комсомольский значок, члены Бюро должны были выслушивать их жалобы, хлопотать об устройстве в общежитие, разбирать склоки, увещевать нерадивых, поддерживать дух у тех, кто, завалив кандидатский экзамен, готов был повеситься. Словом, выполняли роль строгих, но заботливых родителей. Правда, в основном для иногородних.

Москвичи держались независимо. У них было неоценимое преимущество – возможность жить дома, быть избавленными от постоянного изнурительного поиска – где спать, что есть, как постираться. Немало весило и усвоенное чуть ли не с пеленок знание городской культуры. Она ведь своя у каждого большого города, у столицы – тем более. Как принято, считается нормальным в Москве говорить, вести себя на улице, в магазине, ресторане, общаться с сослуживцами, что здесь принимается за проявление дурного вкуса, где дешевле починить прохудившиеся брюки, как быстрее добраться от центра до станции «Удельное» Казанской железной дороги, где поначалу поселили приезжих,– непосвященные во все тонкости московской жизни могли стать предметом насмешек и даже влипнуть в неприятную историю. Конечно, свыкнуться с городом – не Бог весть какая сложность, гибкие натуры через полгода-год чувствовали себя в Москве как рыбы в воде, могли сойти за москвичей больше, чем иные коренные столичные жители. Были, однако, и такие, кто все три аспирантских года прожил заезжими туристами.

Мне настраиваться на московскую волну не пришлось – здесь у меня было много родственников по материнской линии (Даниэлянцы), я гостил у них по несколько недель. Запомнился эпизод. Мне 13 лет, разгуливаю по центру, дивясь красивым зданиям и глазея на витрины. Покупаю с лотка французскую булочку с горячей котлетой (их называли «микояновскими»). Лакомлюсь арбузом, который продавался тогда ломтиками. Так дохожу до «Ударника», где на щите читаю: «Большой вальс». Захожу в зрительный зал, гаснет свет. На экране появляются ослепительная Милица Корьюс, обаятельный Жюльен Дювивье, и два часа льются потоком волшебные мелодии. Многие мои сверстники писали, что этот фильм буквально потряс их (например, Юрий Нагибин). Готов подтвердить. Я вышел из кинотеатра ошеломленный, немедленно приобрел на остатки денег, ссуженных дядюшкой, билет и поторопился на второй сеанс. В последующие дни моего пребывания в столице еще несколько раз побывал в «Ударнике». После войны, в Баку, компанией ходили в сад, усаживались на скамейки дощатых стен летнего кинотеатра, слушали дивную музыку, соревновались, произнося реплики, которые должны были последовать. И сейчас я несколько раз в год просматриваю пленку с любимым фильмом, он возвращает мне ощущение молодости. Может быть, мания? Что же, дай Бог каждому заиметь такую.

Итак, я без усилий «вписался» в московскую жизнь. Это по-своему выразилось в том, что аспиранты-москвичи быстро приняли меня за своего. Вообще-то ребята были воспитанные, старались не заноситься, но ощущение своего превосходства, как его ни скрывай, нет-нет да вырвется наружу. Подмывает ведь блеснуть эрудицией, чтобы утереть нос грузину, не читавшему в подлиннике Локка и Монтескьё, но нахально отбивавшему у вас красивых девушек. Или поиздеваться над корейцем, который никак не овладеет шипящими. Его невинно спрашивают, знает ли он, где город Мытищи. Мытиси? – переспрашивает он, не чувствуя подвоха. – Мытиси не знаю. – А Пушкина читал? – Пуськин? Читал, читал!

Впрочем, подобные развлечения не нарушали аспирантского товарищества. Москвичи помогали иногородним подыскать жилье, натаскивали перед сдачей зачетов, исправляли грамматические ошибки в рефератах, приглашали отощавших коллег на сытный домашний обед. Иногда звали и позаниматься вместе. У нас образовался небольшой кружок. Борис Назаров, Вера Малькевич, Коля Микешин, Валя Клеандрова. Спорили «по науке», обсуждали институтские события, вполне

откровенно, не боясь, высказывались «по политике». Отношения – самые целомудренные, флирт и развлечения только на стороне.

С Микешиным нас связывали приятельские отношения долгие годы. Вместе трудились в Политиздате и жили год в одном дачном домике в Кратово. Позднее вновь «сошлись» в редакции международного журнала в Праге. Признаться, я был шокирован, когда уже после смерти Николая прочитал в журнале «Наш современник» статью его дочери с самыми злобными на себя нападками, какие пришлось когда-либо слышать. Через некоторое время еще одна статья с тем же градусом ненависти, если не больше. Чем это я так досадил милой Танечке, которую знал с четырехлетнего возраста? Сознаю, это не довод в политической полемике. И все-таки...

Состоялся ли наш «аспирантский набор»? В общем, да. На глазок, две трети остепенились, треть вышла в доктора наук. Борис Назаров возглавлял Комитет по защите прав человека. Исмаил Алхазов был членом Верховного Суда СССР. Леван Алексидзе стал помощником по международным вопросам у двух президентов Грузии. Ираклий Сакварелидзе занимал высокий пост в Совмине республики. Гиви Инцкирвели был ректором Тбилисского университета. Несколько наших аспирантов из Среднеазиатских республик работали министрами юстиции, председателями Верховных судов, республиканскими прокурорами. А те, кто избрал научное поприще, оставили заметный след в юридической литературе и законодательной практике.

Но, за редкими исключениями, это поколение не дотянуло до перестройки или, встретив ее на пенсии, осталось в стороне от накатившейся на страну бури. Валерий Савицкий, Александр Максимович Яковлев, Александр Собчак, Сергей Шахрай, Сергей Станкевич и другие юристы, «сходившие» с ее помощью во власть, были уже из другого поколения, по большей части – не из того гнезда.

Сказал и задумался: а Федор Михайлович Бурлацкий не сходил во власть? Формально, да: заведовал консультантской группой в отделе ЦК КПСС. По существу, нет. Посидеть в кабинете и походить по коридорам здания на Старой площади ему довелось недолго. А ведь мог, будь похитрей. Ему благоволили поначалу многие на «верху», надо было только не слишком «засветиться» в критицизме либо, напротив, идти уж в открытую, как диссиденты. Бальзак сказал, что во французское высшее общество можно было проникнуть двумя способами: вползти змеей или ворваться пушечным ядром. У нас до перестройки можно было только змеей, а после – ядром. Федор Михайлович, вероятно, как и ваш покорный слуга, завис между этими двумя крайностями. Ну и что? Написал несколько отличных книг, поучаствовал в политических схватках, позанимался вволю спортом. Мы с ним с аспирантских времен соперничали. По-моему, я его перебивал в шахматы и настольный теннис, он меня – во всех остальных видах.

В последние годы мне крайне редко, но все же приходилось бывать в особняке на Знаменке, и всякий раз открытая Марселем Прустом «память чувств» рисует картину читального зала с согнутыми над книгами аспирантскими спинами. Верхний свет погашен, маленькие лампы на столах вырывают из темноты сморщенные в творческом усилии лбы. Скрипят перья, мудрые мысли из старинных фолиантов перекочевывают в линованные школьные тетрадки. Они найдут место в диссертациях, в редких случаях – послужат удобрением для вызревания какой-то новой идеи. Можно подойти к библиотекарше, спросить, что нужно, но шепотом. Как в храме. Нельзя отвлекать верующих от молитвы, аспирантов от ученья. Они сами отвлекаются, да еще как!

Нужно добывать хлеб насущный. 780 рублей стипендии – приличные деньги, при том, что в институтском буфете можно перекусить за трешку, пачка пельменей стоит пятерку, столько же сто граммов деликатесов – буженины, черной икры, севрюги горячего копчения; бутылка водки – 6 рублей, автомобиль «Волга» – 16 тысяч. Но из стипендии вычитается подписка на очередной заем, раз в неделю надо сходить в баню и заплатить четвертак уборщице тете Маше, подрабатывающей стиркой белья. Что-то регулярно случается с туфлями и единственным комплектом верхней одежды, сам не можешь поправить – иди в мастерскую. Проезд на городском транспорте и электричке тоже не бесплатный. Есть потребность сходить в кино и сводить в театр знакомую девушку. Глядишь, уже к середине месяца в карманах пусто, бери, где сумеешь, в долг, иначе зубы на полку. Можно, конечно, напроситься в гости к родственникам, но частить неприлично. Мы бедные, но гордые.

До сих пор кажется фантастикой, как мы ухитрялись прожить вторую половину месяца. Во многом выручала развитая кредитная система. «Стреляли» друг у друга, у соседей-философов, у той же тети Маши и сторожа дяди Коли. А самые нахальные брали в долг у научных сотрудников, в том числе – своих научных руководителей. Эту жилу открыл Ефимов. Длинный, худой, с волосами цвета соломы и озорными глазами, неизменно в кирзовых сапогах и гимнастерке, туго затянутой армейским поясом с бляхой, жизнерадостный, умный, может быть, самый талантливый из всего набора 1949 года и, к несчастью, – запойный пьяница. Как только мы ни старались его излечить – все впустую. Увещевания воспринимал благосклонно, каялся, клятвенно

обещал завязать, а назавтра за свое. Пытались даже на пересменку держать его под надзором. Куда там! Отвернешься, он уже мчится в ближайший ларек хватить 200 граммов с прицепом, т.е. кружкой пива или томатного сока.

Кончил плохо: оставшись один в общежитии, собрал одеяла, белье, какую-то утварь, продал на рынке, напился до бесчувствия и завалился спать. Два дня не мог очухаться. Его судили, срока за хищение не дали, пожалели фронтовика, отослали на принудительное поселение, кажется, в Салехард. Через несколько дней после отъезда я получил письмо, в котором он просил у коллектива прощения, а полагавшуюся за месяц последнюю стипендию «завещал» раздать заимодавцам. Обойдя Институт, я установил, что к ним относятся директор, заведующие секторами и добрая половина научных сотрудников. Общая сумма долга перевалила за 3 тысячи рублей, а остатки от стипендии после вычета стоимости одеял – 150 рублей. Примерно столько же Ефимов позаимствовал у меня и других аспирантов. Посовещавшись, мы рассудили, что преимущественное право на возмещение убытков имеют самые бедные. С этим согласились и крупные кредиторы: давая Ефимову взаймы, они и так не рассчитывали получить что-либо обратно. Мы отправились в Домжур и посидели за рюмкой водки, вспоминая эту бедовую голову.

Спустя три года Ефимов внезапно заявился в Кратово, где мы с женой снимали комнатушку. Так я и не понял – не то отпустили, не то сбежал. Побыл с нами день, переночевал и исчез – на сей раз бесследно.

Признаюсь, поначалу мне было очень туго. «Первогодкам» не полагалось общежития – Академия не хотела выбрасывать деньги на ветер, как правило, отсеивались случайные «ходоки» в аспирантуру. Сдавших кандидатский минимум уже можно было дотянуть до диссертации, выполнить тем самым государственный план по подготовке квалифицированных специалистов. Вот о них стоило позаботиться. Пришлось мне принять предложение В. Буздакова, с кем мы вместе приехали из Баку, и снять на двоих комнату в доме на улице Горького, выходившем одной стороной на Пушкинский бульвар. Что и говорить, место – лучше не придумаешь, комната уютная, хозяйка доброжелательная старушка. Одна беда – платить приходилось по 250 рублей каждому. Для Буздакова, отец которого, председатель бакинского горисполкома, ежемесячно высылал сыну тысячу рублей, это ничего не значило. Для меня, чьи родители сами нуждались в помощи, такой расход был куда как ощутимым. Вдобавок, он любил поговорить и, вернувшись поздно вечером домой после сытного ужина в «Арагви» или другом близлежащем ресторане, начинал делиться своими мыслями о странах народной демократии со мной, полуголодным, смертельно хотевшим спать. Однажды, вернувшись домой, я обнаружил под подушкой пустую винную бутылку. Попировав с девицей, сын бакинского мэра так подшутил над товарищем. Тут уж я не выдержал, придушил свою гордость и пошел просить партбюро о помощи.

Мне в виде исключения выделили койку в общежитии в Удельном, где Академия снимала дачные домики у частных хозяев. Удобств, понятно, никаких, кроме колодца во дворе и чуть подальше – выгребной ямы с водруженной над ней дырявой будкой. Дорога до Института отнимала полтора-два часа. Зато можно почитать в электричке, по выходным дышать свежим воздухом. И платишь за это удовольствие всего ничего.

Какая счастливая карта мне выпала – обнаружилось в первый же день моего пребывания в Удельном. Я приобрел там друзей на всю жизнь. Помню, приехал рано утром в будний день, комендант повел меня в один из домиков. В комнатушке стояло четыре кровати, в трех – мирно спали черноволосые молодцы.

— Дрыхнут круглые сутки, – раздраженно сказал комендант, – неизвестно, когда учатся. – Разозлился и выкрикнул: «Подъем!» Поскольку никто не пошевелился, махнул рукой. – Устраивайся, может, ты на этих лодырей повлияешь.

Стоило ему выйти, как все трое поднялись, высказались об «этом болване» и стали знакомиться. Итак, Ким Георгий Федорович, в последующем заместитель директора Института востоковедения, доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук СССР. Сафарян Степан Рубенович, министр финансов и торговли Армянской ССР. Мунчаев Рауф Магометович, директор Института археологии Академии наук СССР.

Бывает, людям нужны годы, чтобы понять и оценить друг друга. В молодости это происходит побыстрее. Нам понадобился один теплый день глубокой осени. Сначала мы отправились на рынок, расположенный в полутора километрах, у станции. Скинувшись, закупили продукты в ларьке, бутылку водки, чтобы отметить знакомство. После затянувшегося пиршества отправились гулять, присоединились к подросткам, гонявшим на полянке в футбол, с треском им проиграли. Завалились спать. Наутро стали шарить по карманам, чем позавтракать. Безуспешно. Но тут повезло. На первом этаже жили аспиранты из Средней Азии, организованные ребята, по очереди варили в ведре суп, потом дежурный подсчитывал стоимость варева и раскладывал на всю компанию. Получалось, скажем, по рублю 37 копеек. Рассчитывались ...

хотел сказать, как в банке, потом, вспомнив нынешние банки, постеснялся. Как в аптеке.

Так вот, Мунчаев вышел во двор, увидел ведро с жидкостью, решил, что какая-то бурда, и выплеснул, чтобы набрать воды в колодце. Выскочили таджики, пришли в отчаянье. Рауф извинился, пообещал возместить убытки с процентами, а заодно занял до стипендии сто рублей. В то время для нас сумма почти астрономическая. Тут же было решено ехать в Москву, прошвырнуться по Пикадилли – участку ул. Горького от Елисейского до Охотного. К утру следующего дня мы уже знали друг о друге почти все.

Д'Артаньяном в этой «мушкетерской четверке», одной из тех, что гуляют по романам и в бессчетном количестве воспроизводятся жизнью, был Ким. Гу Фу, как мы его называли, обладал качествами прирожденного лидера. Без колебаний решал стратегический вопрос: пойти по девочкам или сесть за карты. Брался за организацию Нового года, прочих праздников и просто компанейских застолий. Проявлял участие и первым бросался на выручку товарищам. Чаще других водил в ресторан и щедро одалживал деньги, когда они заводились.

А это случалось у него чаще, чем у других. Ким занимался историей КНДР, был знаком с сыном Ким Ир Сена, тем самым, что заступил теперь место создателя «чучхе». С началом корейской войны у него не было отбоя от приглашений написать статью или прочесть лекцию. Как-то у него разболелись зубы, пришлось выступать с повязкой на щеке. Один из слушателей спросил, не вернулся ли уважаемый лектор прямо с фронта. Это частный вопрос, нашелся Ким, подойдите ко мне после лекции. Аудитория приняла за скромность и устроила ему овацию. Потом он честно пояснил любопытному, в чем дело.

Сколько знаю, его любили все, кто с ним трудился. Когда Гафуров ушел с поста директора Института востоковедения, коллектив однозначно высказался за назначение Кима. Отделение истории Академии тоже было настроено в его пользу. Но шел месяц за месяцем, а он оставался «и.о.», его кандидатуру наглухо заблокировали в Отделе науки. За него ходатайствовали многие. Я добился заверения Русакова о поддержке, но, не слишком ему веря, пошел к Зимянину, курировавшему идеологию. Михаил Васильевич, побывав в редакторах «Правды», был прост в обращении, даже чуть бравировал мнимой принадлежностью к журналистской братии. Никакие мои доводы его не брали. Сначала увертывался, валил на кого-то «наверху», потом все-таки выложил причину – он кореец, а на востоковедении должен сидеть русский. Я позволил себе несколько резких выражений, после чего он заявил, что таким тоном не разговаривают с секретарем ЦК. И припомнил мне позднее.

В конце концов нашли хорошего директора – Евгения Максимовича Примакова. Он сам был в дружеских отношениях с Кимом и постарался смягчить нанесенную ему обиду. Георгий Федорович не был карьеристом, но тяжело пережил очевидную несправедливость. Боюсь, эта история ускорила его кончину.

Не менее колоритной личностью был Степа Сафарян. Даровитый экономист, быстро нашел признание у себя в республике. Цепкий прагматизм, эта обязательная черта профессиональных финансистов, сочеталась в нем с натурой глубокой и романтичной. Он любил интеллектуальные споры, знал множество стихов и хорошо их читал.

На своем веку я встречал немало людей с такой же «двойной ориентацией», но они как бы отгораживались друг от друга – одна для дела, другая для развлечения. Вероятно, самый завершенный образчик подобного раздвоения – Анатолий Иванович Лукьянов. Квалифицированный юрист, питающий страсть к поэзии. Мы с ним были в дружеских отношениях до августовского путча, я был официальным оппонентом на его докторской защите. Анатолий рассказывал о собранной им коллекции голосов поэтов, записанных на грампластинки и пленки. Во время долгого сидения над Конституцией 1977 года (на даче Управления делами ЦК КПСС в Серебряном Бору) сочинял остроумные эпиграммы. Одну из них посвятил мне.

Георгию Хосроевичу Шахназарову

Шах и Назаров –
близнецы-братья.
Оба Конституции нужны до зарезу:
Без Шаха увяла бы демократия,
Без Назарова – не хватило бы трезвости;
Без Шаха – всё обязанность и долг.
Без Назарова – Конституция как без ног.
А без Шаха – свалилась бы ее голова.
Резюмирую:
Дела наши не хороши и не плохи.
Голова не знает, куда несут ноги.

После печального отрезка своей жизни Лукьянов раскрылся перед публикой как лирический поэт Осенев. Но ничто из его поэтического мироощущения не проникало в отделенный, видимо, непроницаемой перегородкой юридический отсек. Здесь не было места сентиментам, царила холодная бесстрастная логика чеканных формул. Степан же все старался как-то совместить прозу с поэзией, облагородить скучную материю денежных знаков и торговых рядов. Когда я ездил в Ереван на премьеру своей пьесы «Тринадцатый подвиг Геракла», он показывал возведенный по его замыслу огромный рынок, с гордостью обращая внимание не столько на обилие снеди на полках,

сколько на художественные изыски в архитектуре и оформлении.

В один из своих приездов в Москву пригласил меня в армянский ресторан «Арарат» на Неглинной, за шашлыком поделился грандиозным планом преобразовать это заведение в шедевр национальной культуры с имитацией величественных красот Армении, картинами из древней истории, подлинными хачкарами (каменные глыбы, на которых в средневековье вырубались крест, орнамент, поминальные тексты), живописными полотнами, подвешенной, словно на горном выступе, эстрадной площадкой, миниатюрным ботаническим садом и другими чудесами. Ресторан-музей, ресторан-выставка, посетители которого, вкушая земную пищу, одновременно получали бы эстетическое наслаждение.

— А чем кормить там будут? – приземлил я своего увлекшегося друга.

— Разумеется, севанской форелью, доставляемой прямо с самолета, – отмахнулся он, – я назову его «Ахтамар».

Так называется стихотворение Аветика Исаакяна, которое он любил декламировать. Степа не дожил до воплощения своей мечты. Может быть, в Москве построят шикарный армянский ресторан, только вряд ли в его залах будет витать возвышенный романтический дух.

Самым молодым в нашей компании был Рауф Мунчаев, олицетворение «горского» характера – независимый в суждениях и поступках, немногословный, верный слову и кунацким привязанностям. Способный археолог, он смолоду участвовал в экспедициях и привез оттуда немало ценных находок. Мы подшучивали: Мунчаев опять за горшками отправился.

Жить на природе полезно, но в центре столицы куда веселее. Мы ликовали, когда появилась возможность переселиться. Правительство, откликаясь на настойчивые просьбы Академии, передало в ее распоряжение вполне приличную по тем временам гостиницу на улице Горького в квартале от Белорусского вокзала. Нас разместили по двое в чистеньких номерах с умывальником и телефоном, в коридоре – туалет и душ. В Удельном мы обитали в отдельном домике, не было возможности заводить светские знакомства. Здесь вместительное шестиэтажное здание было густо заселено молодыми людьми из всех городов и весей Союза. Вся эта многоязычная орава с утра до вечера перемещалась по гостиничным коридорам, устраивала посиделки, крутила любовь, рыскала в поисках пищи и развлечений. Случались драки и скандалы с вызовом милиции, но в целом среди постояльцев «Дома для приезжающих ученых» преобладали люди законопослушные и не торопившиеся вылететь из вожделенной аспирантуры.

В период моей учебы в Университете у меня не было того, что принято называть счастливой порой студенчества. Слишком скоропалителен был срок, да и большей частью заполнен корпением над учебниками. Теперь я получил возможность испытать это состояние. Трудишься как вол, забот полон рот, а спроси, как жилось, первое слово просится на язык – беззаботно. Должно быть, изюминка в том, что ты сам себе хозяин. По крайней мере, за исключением обязаловки (заседания сектора, партбюро, сдача зачетов), волен проваляться полдня в постели, читая сногсшибательный роман, фланировать в компании по «московскому Бродвею», играть в шахматы или карты, отправиться в поисках приключений в сад «Эрмитаж» или (и) напиться до чертиков.

Кстати, однажды так и получилось. У меня вконец износились брюки, пришлось потратиться на новые. Тут как раз подоспела стипендия, и друзья вызвались меня сопровождать. Выбрали какой-то диковинный вариант того самого цвета, какой был у лошади Д'Артаньяна. Естественно, решили обмыть, и все, наверное, обошлось бы чинно, если б на свою беду не наткнулись на Ефимова. Узнав, в чем дело, он с энтузиазмом к нам присоединился и взял инициативу в свои руки, сообщив, что знает одно подходящее местечко, где кормят вкусно и недорого. Этим местом оказался ресторан гостиницы «Москва». Оттуда мы еще вышли в приличном виде, но ненасытный Ефимов потащил в какую-то забегаловку у Главпочтамта, затем в пивнушку на площади Пушкина, которую в народе звали «Бар Бадаева». Где-то с полдороги я перестал соображать, хотя, как уверяли самые стойкие на следующее утро, не буянил, а только спал на ходу. Лишь однажды, много лет спустя, повторился со мной такой пассаж. Слава Богу, зеленому змию не подвластен.

После того, как Ефимова услали в Сибирь, возлияния случались, но вполне цивилизованные. Времяпрепровождение в гостинице отличалось чересполосицей, как в «Республике ШКИД». То на всех нападает вирус творчества: кто сочиняет поэму, кто гнет спину над рефератом, кто строчит статейки для радио, приносящие неплохой заработок. Трудовой порыв сменяется картежным загулом, дни и ночи напролет продолжается резня в очко. Неукоснительно соблюдается правило: выигравший в обязательном порядке ведет наутро в ресторан, где каждый волен выбирать, что душе угодно. Миша Мелконян, бедняга, отчаянно проигравшись, решил хоть частично возместить понесенный ущерб и заказал столько, что две недели

потом болел желудком. У него я, кстати, занимал костюм, идя на свидание.

Был у нас и свой Федериго (по Мериме) – Меджид Эффендиев. Наделенный от природы живым умом, но безгранично избалованный матерью, которая души в нем не чаяла, он категорически не признавал необходимости трудиться. Поднимался к полудню, занимался туалетом как заправский светский дэнди, не спеша поглощал изысканный обед в «Баку» или каком-нибудь другом близлежащем ресторане, наносил визиты знакомым дамам. Все это было прелюдией к «ночной жизни» – Меджид либо исчезал, либо садился за карты. Играл цепко, жестко, беспощадно и почти всегда выигрывал. Остальные злились, даже подозревали, что он нечист на руку, но уличить не могли. Я думаю, секрет был не в мошенничестве, а в особом игроцком таланте – памяти на вышедшие карты, интуиции, способности по выражению лица партнера, промелькнувших на нем радости или огорчении, угадать, сидит он с вожделенной «двадцаткой» или недобрал до несчастной «казны» (семнадцать очков).

Спустя годы, когда я работал в аппарате, Меджид позвонил, попросил помощи. Его выставили за нерадивость из Издательства иностранной литературы, а мама уже вышла на пенсию, не в состоянии была содержать отпрыска. Я его пристроил в какое-то другое издательство.

Sic transit gloria mundi. Тогда же, выпотрошив скудное содержимое наших карманов и нацепив цветастый галстук, Меджид царственным жестом приглашал нас спуститься в «Якорь». За рестораном на первом этаже гостиницы сохранились прежнее название и даже национальный профиль. Здесь готовили традиционные блюда еврейской кухни – эсик-флейш, росл-флейш, селедочный фарш и т.д. Ходили ли сюда московские старожилы-евреи, не знаю, а для «приезжающих ученых» ресторан стал просто дорогой столовой. Официанток звали по именам, они тоже к нам привыкли, любили поболтать «за жизнь». А уж Меджида, щедрого на чаевые, принимали как принца.

Кто только не захаживал в «Якорь». Там я познакомился с Тиграном Петросяном, заглянувшим навестить земляков. Мигом раздобыли несколько шахматных досок и организовали сеанс одновременной игры. Знаменитых посетителей, приезжавших навестить своих детей или племянников, встречала сама Алла Генриховна – дородная директриса, обладавшая навыками надзирательницы в пансионе благородных девиц. Однажды наша компания, заявившись домой в середине ночи, нашла двери гостиницы запертыми. Безуспешно в нее побарабанив, мы пробрались во двор, разыскали лестницу и приставили ее к своему, третьему этажу, благо окна на галерее были отворены. Один за другим начали восхождение. Неожиданно является разбуженная Алла Генриховна и берется за лестницу, словно намереваясь сбросить нас на землю. «В следующий раз, – заявила она своим зычным голосом, – сброшу, милицию звать не буду». Мы дружно заверили, что следующего раза не будет и вообще вернулись так поздно со свадьбы. «Знаю я вас!» – проворчала директриса, но смилостивилась. Потом у нас с ней установились хорошие отношения, несмотря на грозный вид, она оказалась добрым человеком.

Надо сказать, при всех особенностях национального характера, о чем теперь так любят рассуждать, наша многонациональная братва мало чем отличалась в житейских склонностях от «средневзвешенных» жителей столицы. Любили погулять в парке Горького, Сокольниках, саду «Эрмитаж». Посещали концерты Утесова, представления ансамбля Моисеева и «Березки». Самым большим праздником были для нас футбольные матчи на стадионе «Динамо». Не такой уж я заядлый болельщик, а все-таки старался не пропустить ключевых поединков: ЦСКА-Динамо-Спартак, в особенности же со всякими заезжими из-за рубежа командами. Тут главное было в неповторимом ощущении единения с огромной массой людей, ожидание «события» забитого на твоих глазах, вроде бы с твоим участием, гола и раздающегося затем победного рева.

Я все говорю о своих друзьях, но «Якорь», наряду с малыми «общинами», жившими своим уставом, был и общим домом для поселенцев. Собирались собрания, избиралось самоуправление, прорабатывали нарушителей порядка, скидывались для совместного проведения праздников. К этим формализованным связям добавлялись стихийные, основанные на душевном тяготении. Одному парню из Узбекистана отец регулярно посылал яблоки и орехи. Ими питались, сидя на мели. Ким, опубликовав очередную статью, звал к себе на сабантуй чуть ли не весь этаж. Так же употребил и я свой первый гонорар, полученный за статью в журнале «Государство и право» (отчет о конференции в Институте). За несколько дней до стипендии, когда были исчерпаны все ресурсы, напрашивались в гости к аспиранткам. Более бережливые, девушки распределяли свои доходы на месяц, к тому же им не приходилось платить за ухажеров в кино или ресторане. Они попеняют, мол, ухаживать вы мастера за другими, а кормиться к нам, но чая и бутербродов с маслом для голодающих товарищей не пожалеют. Учение и развлечения отнимали много времени, но надо было и подрабатывать. Неожиданно у меня появился источник «левого» дохода. Привязался знакомый паренек из Института народного хозяйства: сдай за меня зачет по английскому. Я ему: «Ты что, рехнулся, это же подсудное дело!» «Не бойся, я экстерник, меня там никто не

знает». Пообещал сотнягу, я соблазнился. Сдал за первый курс, через пару месяцев за второй. И чуть не влип. Слишком легко и быстро расправился с заданием, преподавательница восхитилась, сказала, что хочет рассказать обо мне на кафедре, там собираются ставить на английском любительский спектакль. Кое-как отговорившись, я навсегда зарекся от «левых» заработков.

Все эти невинные и «винные» забавы не мешали мне продвигаться к кандидатской диссертации. Правда, возникали некоторые шероховатости в отношениях с научным руководителем. Мария Павловна Карева занимала видное место среди тогдашних правоведов, была человеком широких взглядов, отзывчивым на новизну, и все же с каким-то внутренним сопротивлением принимала мой уклон в запретную, по существу, неведомую у нас политологию. Юристы-нормативисты принимали ее за научный коммунизм, философию, социологию, в общем нечто не относящееся к юриспруденции. Спустя три десятка лет при обсуждении на Ученом совете Института моей кандидатуры в члены-корреспонденты Академии Михаил Соломонович Строгович пытался меня «зарубить» на том основании, что я вообще не юрист. Выступал явно по наущению кого-то из моих соперников. Большинство не приняло всерьез его аргументов, тем более что за несколько лет до этого тот же Ученый совет присудил мне степень доктора юридических наук. Но любопытно, что маститые правоведы не понимали (не хотели понять): теория политики – не что иное, как философия права, преподававшаяся в таком качестве еще в средневековых университетах. Не сознавали и того, что, отмежевываясь от политологии, юриспруденция теряет часть исконной «территории», притом самую ценную своей связью с властью.

Впрочем, в то время все это выглядело не так отчетливо, да и Мария Павловна не посягала на мою индивидуальность, лишь деликатно обращала внимание на то, что, по ее опасениям, могло вызвать неодобрение у членов Ученого совета. Все, однако, обошлось, я получил 10 белых и 2 черных шара.

К тому времени я уже работал в Издательстве, но с Институтом так или иначе был связан всю жизнь. В 1969 г. защитил перед его Ученым советом докторскую диссертацию, здесь же был избран президентом Советской ассоциации политических наук, в течение нескольких лет возглавлял на общественных началах сектор политологии. Из собравшихся в нем молодых людей почти все сделали успешную научную карьеру. Вильям Смирнов заступил меня в руководстве сектором и участвует во всевозможных правительственных комиссиях в качестве авторитетного эксперта. Анатолий Ковлер удостоен представлять Россию в Европейском Суде по правам человека. Юрий Батурин был моим сотрудником в аппарате Президента СССР, перешел вместе со мной в Фонд Горбачева, побывал в помощниках российского президента и неожиданно взлетел в «небеса», став первым в мире космонавтом-политологом. Илья Шаблинский подвязается в Думе.

Вот немногие, кого я мог бы назвать своими учениками. Если, конечно, они не возражают.

Судьба в некотором роде физически соединила меня с Институтом, когда после перемены нескольких мест жительства я окончательно осел на Староконюшенном переулке, в десяти минутах ходьбы от особняка на Знаменке. Изредка приглашают поучаствовать в заседаниях Ученого совета, когда защищается «вериимпортантная персона», например, Иван Петрович Рыбкин, бывший тогда спикером Думы. Бывая в Институте, заглядываю в комнаты, где прошла молодость и толпятся теперь незнакомые люди. Редко-редко встретишь кого-нибудь из «бывших», похлопаем друг друга по плечу, осведомимся взаимно о здоровье. Захожу к директору Борису Николаевичу Топорнину. Он настоит попить с ним чаю, в который раз предложит пойти главным научным сотрудником – жить стало туго, лишние тысяча-полторы не помешают.

Не хочется получать деньги ни за что, как милостыню. Проживем как-нибудь. В Институт я в конце концов все равно вернусь. С членкорами принято прощаться в актовом зале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники. М., 1990. С. 22.

REFERENCES

1. *Burlatsky F.M.* Leaders and advisers. M., 1990. P. 22 (in Russ.).

Сведения об авторе

ШАХНАЗАРОВ Георгий Хосроевич – член-корреспондент Академии наук СССР и Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР

Authors' information

SHAKHNAZAROV Georgy Kh. – Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences, Laureate of the USSR State Prize

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ
40.03.01
Юриспруденция (гражданско-правовой профиль)

МАГИСТРАТУРА
40.04.01
Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

АСПИРАНТУРА
40.06.01
Теория и история права и государства; история правовых учений

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку юристов на классической академической основе с ориентацией на практическое обучение. Студенты изучают базовые и специальные дисциплины, отражающие современный уровень теоретической и практической юриспруденции в России и в мире.

Изучение обширного комплекса правовых дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к правоприменительной деятельности во всех сферах бизнеса, гражданского общества и государства, позволяет быть конкурентоспособным юристом-профессионалом.

Занятия на юридическом факультете проходят в самом центре Москвы, у метро Октябрьская, рядом с парком «Музеон».

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Костяк преподавателей составляют ученые научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

На каждом курсе учится не более 60 студентов. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других ведущих вузов России и зарубежных стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН участвуют в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).